

АНТОЛОГИЯ
современная
уральская
поэзия
2012–2018

Издательство Марины Волковой
Челябинск
2018

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)
А72

Антология современной уральской поэзии. 2012–2018 гг. – Челябинск : Издательство Марины Волковой, 2018. – 760 с.

«Антология современной уральской поэзии» – это не только многотомное издание, но и стратегически осмысленная культуротворческая акция, длящаяся уже более 30 лет. Началом послужила публикация в 1992 году дюжины малобюджетных поэтических книжек в серии «Классики пермской поэзии». Потом был журнал «Несовременные записки» и, наконец, выход в свет первой Антологии современной уральской поэзии («Фонд Галерея», Челябинск, 1996 г.) После чего были изданы ещё три десятка авторских поэтических книг, завершившиеся публикацией второго тома Антологии современной уральской поэзии («Фонд Галерея», Челябинск, 2003 г.). Войдя в тройку лучших поэтических книг 2004 года по версии оргкомитета XVII Московской международной книжной выставки-ярмарки, эта Антология завершила формирование такого понятия, как «уральская поэтическая школа» (УПШ). И уже авторитетные персонажи литературного бомонда того времени (Андрей Вознесенский, Дмитрий Пригов, Вячеслав Курицын и др.) дискутировали об особенностях и потенциале этой «школы», тогда как другие не менее энергично отказывали ей в праве на существование. Третий том Антологии («Десять тысяч слов», Челябинск, 2011 г.), а также издание в 2013 г. «Энциклопедия. УПШ» подвели черту под этим спором. Книга, которую Вы держите в руках – четвёртый, очередной, том беспрецедентного в мировой литературной практике проекта, который давно уже стал одним из основных сюжетов современной русской поэзии.

«Anthology of Contemporary Ural Poetry» is not only a multi-volume edition, but also a tactically and strategically meaningful cultural action that has been going on for 30 years. The beginning was the publication in 1992 of a dozen low-budget poetry books in the «Classics of Perm poetry» series. The next step was the «Uncontemporary notes» magazine and, finally, the publication of the first Anthology of contemporary Ural poetry (Gallery Fund Publ., Chelyabinsk, 1996). After that, three dozen other author's poetic books were published, culminating in the publication of the second volume of the Anthology of Contemporary Ural Poetry (Gallery Fund Publ., Chelyabinsk, 2003). Entering the top three best poetic books of 2004 according to the version of the Organizing Committee of the XVII Moscow International Book Fair, this Anthology completed the formation of such a concept as the «Ural School of Poets» (USP). The authoritative characters of that time literati such as Andrei Voznesensky, Dmitry Prigov, Vyacheslav Kuritsyn, etc. discussed the features and potential of this School, while others vigorously denied its right to exist. The third volume of the Anthology (Ten Thousand Words Publ., Chelyabinsk, 2011) and the USP Encyclopedia published in 2013 drew a line under this dispute. The book you are holding is the fourth volume of an unprecedented project in the world literary practice, which has long become one of the major topics of contemporary Russian poetry.

УДК 821.161.2
ББК 84(2Рос=Рус)

- © Кальпиди В. О., редакция, составление, дизайн, верстка, 2018
- © Писклаков П. В., дизайн обложки, суперобложки, 2018
- © Издательство Марины Волковой, 2018

ISBN 978-5-903322-85-5

совре-
менная
ураль-
ская

современная
уральская
поэзия
2012–2018 гг.

поэзия
2012—
2018 гг.

АНТОЛОГИЯ

<i>стихи</i>		<i>переводы</i>	<i>справка</i>
	<i>вступление [6]</i>		
14	Александрова Нина	657	(690)
20	Аргутина Ирина	636	(691)
25	Балабан Вадим	–	(692)
34	Бахарев-Чернёнок Антон	–	(693)
42	Баянгулова Елена	599	(694)
47	Болтачева Надежда	578	(695)
52	Борисов Сергей	–	(695)
59	Братья Бажовы и сестра их Варвара	–	(697)
69	Будницкий Илья	–	(697)
75	Ваулина Анастасия	–	(697)
80	Грантс Янис	619; 625; 680	(698)
92	Гришаева Екатерина	–	(699)
97	Джаббарова Егана	581	(700)
104	Долгановских Юлия	683	(700)
109	Домрачева Инна	–	(701)
116	Дулепов Вадим	621	(702)
123	Егоркин Григорий	669	(702)
133	Ерофеев Александр	638	(703)
139	Журавлёва Анастасия	641	(704)
147	Заварухин Вадим	633	(705)
153	Застырец Аркадий	–	(706)
162	Звездин Георгий	–	(707)
169	Зуев Владимир	671	(707)
175	Ивкин Сергей	572; 595; 672	(708)
183	Изварина Евгения	–	(709)
192	Ильенков Андрей	–	(710)
202	Ионова Елена	–	(711)
210	Исаченко Ольга	643	(712)
216	Казарин Юрий	674	(712)
224	Кальпиди Виталий	589; 676	(713)
234	Карпичева Наталья	602	(715)
243	Касимов Евгений	612	(716)
249	Козлов Иван	–	(717)
257	Кокошко Юлия	–	(718)
266	Колчин Денис	583	(718)
273	Комадей Руслан	662	(719)

современная
уральская
поэзия
2012–2018 гг.

<i>стихи</i>		<i>переводы</i>	<i>справка</i>
280	Комаров Константин	610	(720)
288	Кочнев Владимир	–	(721)
296	Кузьмина Вера	630	(722)
304	Куимов Михаил	–	(722)
313	Лаврентьев Владимир	605	(723)
319	Лукашенко Анна	–	(723)
328	Маниченко Александр	–	(724)
334	Матросов Сергей	–	(725)
340	Меньшенина Елена	–	(725)
347	Мехоношина Ольга	–	(726)
355	Миронов Алексей	586	(726)
365	Миронова Елена	–	(727)
374	Никулина Майя	616	(728)
381	Носков Артём	592	(729)
390	Оболикшта Елена	677	(729)
400	Петрушкин Александр	–	(730)
408	Подлубнова Юлия	646	(731)
416	Потапова Полина	627	(732)
423	Проскуряков Павел	654	(733)
430	Прохоров Александр	–	(733)
436	Сабитова Ангелина	629	(734)
443	Сальников Алексей	–	(735)
451	Самойлов Александр	679	(736)
459	Санников Андрей	597	(736)
467	Санникова Наталия	651	(737)
477	Семенцул Влад	–	(738)
484	Симонова Екатерина	–	(738)
491	Слепухин Сергей	660	(740)
500	Смышляев Евгений	–	(741)
507	Тарковский Владимир	613	(742)
517	Хвостанцева Анастасия	–	(743)
523	Чепелев Василий	664	(744)
534	Шестаков Алексей	649	(745)
540	Шиляева Александра	594; 648	(747)
547	Широкова Ярослава	686	(747)
553	Шкарин Дмитрий	–	(748)
559	Шульгина Арина	–	(748)
563	Я_Ано́ним	–	(749)

В ступление

В 1996 году был опубликован первый том Антологии современной уральской поэзии (АСУП), в 2003 – второй, в 2011 – третий¹, и вот перед вами четвёртая книга этого много-томного издания, не имеющего аналогов в мировой поэтической практике. В неё вошли стихи актуальных уральских авторов, написанные в период с 2012 по 2018 гг. Технология создания нашей Антологии, обозначенная в предисловии ко второму тому², с той поры не менялась. Во вступлении к 3-му тому АСУП мы утверждали и продолжаем утверждать, что наша Антология не итог, а отрицание итогов, что это не фиксация, а постоянное создание территории, что это попытка «видеосъёмки» (при помощи «стоп-кадров») поэтического потока, протекающего на этой, созданной им же, территории. И главное: АСУП – это многофункциональный культуротворческий инструмент, которым надо уметь пользоваться не только читателям и аналитикам, но и (прежде всего!) самим уральским поэтам и не уральским, к слову, тоже.

1. Технология отбора авторов 4-го тома АСУП

Начиная с 2012 г. составитель отслеживал журнальные публикации уральских поэтов на ресурсах: «Журнальный зал», «Мегалит»; а также выходящие индивидуальные книги и сборники, коллективные альманахи и поэтические ленты в соцсетях и других профильных сетевых ресурсах. С 2017 г. эта процедура стала более активной и прицельно оценочной. К началу 2018 г. сформировался список предполагаемых

¹ 3 тома АСУП находятся здесь: <http://www.marginaly.ru>.

² Технология создания любой региональной Антологии очевидна: периодически делать «стоп-кадр» (например, в виде книги) литературного процесса того места, которому этот процесс принадлежит. Продуманная частота этих «стоп-кадров» создаёт теоретическую возможность реально наблюдать сам процесс. То есть отслеживать тенденции, фиксировать ротацию поэтических имён, оценивать качество развития того или иного автора от одного «стоп-кадра» до следующего, ну и т. д. В случае с Антологией важна и «поправка» на тенденциозность взгляда составителя, и лучше, если этот взгляд будет принадлежать одному и тому же человеку, таким образом, качество необъективности может быть установленным, а потому – предсказуемым. Это, естественно, не отменяет, а напротив – провоцирует создание других Антологий: чем их будет больше, тем лучше. Итак, грамотная Антология – это несколько последовательно изданных книг, объединённых единством взгляда и места и разъединённых моментами времени, в которые этот взгляд решился скользнуть по поверхности этого места.

участников 4-го тома АСУП. Более того: определился корпус стихов, которые должны были стать основой авторских подборок («авторских глав») антологии. Тогда же «избранным» поэтам были направлены письма с предложением стать авторами 4-го тома АСУП. Каждому было предложено «...прислать стихи объёмом от 350 до 550 строк, написанные начиная с сентября 2011 г. и по сегодняшнее время...». Именно комбинация уже выбранных составителем стихов и присланных авторами составила содержание каждой главы. Некоторые поэты настаивали на том, чтобы их главы состояли только из стихов, которые прислали они. Пришлось идти на компромиссы и уговоры, чтобы преодолеть этот «синдром бешеной амальгамы», когда зеркало считает, что оно само по себе и есть главное отражение³. Короче, пришлось приложить некоторые усилия, чтобы отстоять право редактора-составителя создавать при помощи стихов *образ поэта*, а не заниматься «удачной выкладкой товара», довольствуясь ролью мерчендайзера.

Кроме того, поэтам, приглашённым к авторству в АСУП, было предложено «...ответить на вопрос: кого из уральских авторов, не вошедших в предыдущий, то есть 3-й том Антологии современной уральской поэзии, вы бы включили в нынешний – 4-й, если бы это зависело от вас...» Подавляющее большинство предоставили свой список поэтов, последний большей частью совпадал с уже имеющимся в распоряжении составителя. Тем не менее благодаря активности, а порой и настойчивости рекомендующих эта книга пополнилась семью новыми именами.

2. Что нового в 4-м томе

По сравнению с 3-м томом состав авторов обновился чуть ли не на половину. Стихи 32 поэтов впервые стали участниками проекта. Собственно молодыми дебютантами из этого списка можно назвать 6–7. АСУП призвана среди прочего устанавливать (демонстрировать) творческую планку, ниже которой нельзя падать. Именно такая планка, когда она есть, позволяет говорить о наличии культурной ситуации, а не довольствоваться реестром «творческих эксцессов», которые никак не влияют на реальность. Тем не менее, некоторые поэты попали в книгу, во-первых, *по благу* своей молодости, во-вторых, составитель подозревает, что их поэтические возможности могут быть стимулом к новым творческим мутациям, так необходимых сегодня уральскому поэтическому движению (УПД). В рамках этой задачи должны были рассмотрены и два артефакта: я имею в виду две подборки, именуемые «Братья Бажовы и сестра их Варвара» и «Я_Ано́ним». «Братья Бажовы...» – это ответ

³ К сожалению, до сих пор приходится убеждать, что демонстрационные схемы поэтического творчества – это, как минимум, двухвалентные связи. Автор, пробуя самостоятельно реализовать эти схемы (подборка, сборник, книга), – особый сюжет, обращённый внутрь лицом в самого себя, и представляет собой разновидность невроза. А вот длинно-линейные и сферические поэтические сюжеты, такие как коллективные сборники, антологии, книги «избранного», требуют априори редактора-составителя, то есть серьёзных инженерных решений, поскольку книга – это всегда инструмент для создания феномена, а не сам феномен.

на логичный призыв в эпоху тотальной интертекстуальности «выдать на горá» продукт коллективного поэтического творчества. Два уральских автора и один «легионер», пользуясь пятью известными способами совместного стихописания, это осуществили. Надеемся, что первый блин окажется комом, причём снежным. Тем более что в книге появилась ещё одна глава – «Я_Аноним», которую можно квалифицировать уже как дуэт.

3. Кого нет в 4-м томе и почему

На сегодняшний день завершили свою поэтическую практику участники проекта прошлых лет: Е. Рябинина, В. Тхоржевская, М. Чешева, Т. Титова, Н. Стародубцева, Е. Вотина, И. Гончаров, В. Корнева... Ушёл из жизни Евгений Туренко. Не нашлось новых стихов и у Владислава Дрожжанина, одного из главных участников предыдущих книг проекта. Сам по себе факт завершения поэтической практики – феномен, не исследованный даже в приблизительных границах, а ведь за ним стоит такое системообразующее пространство, как «территория молчания», о возможности которой, попробуя допустить, мало кто даже догадывается.

Отказались от участия по разным причинам А. Вавилов, А. Кудряков, И. Сосновский. Впрочем, поэтики, в рамках которых трудятся эти авторы, в книге неоднократно присутствуют, хотя и в несколько иных стилистических комбинациях.

На последнем этапе сборки 4-го тома было рассмотрено творчество около 200 уральских стихотворцев. Среди них – практически все более или менее значимые имена. У 120 из них уровень творческого результата (с моей не абсолютной, разумеется, точки зрения) в последнее семилетие обязывает отнести их просто к «*поэтически самозанятым авторам*» – и не более того. Некоторые из них, впрочем, занимаются благородным делом – нарабатывают массу «литературной пошлости», без которой никакая гуманитарная система не будет устойчивой и продуктивной. И это отнюдь не ирония.

4. Уральская школа поэтических взаимодействий

Во вступлении к 3-му тому сказано: «Убедительна только избыточность. Поэтому в большом деле её необходимо планировать... Избыточность информации создаёт иллюзию объективности. В чём отличие субъективности от объективности? А в том, что в первом случае у вас создаётся впечатление, что вы можете потрогать предмет, а во втором – что ещё и предмет может потрогать вас...» В нашей книге избыточностью является раздел, названный «Современные зарубежные поэты в переводах, вариациях, мотивных переложениях уральских авторов» с подзаголовком «Уральская школа поэтических взаимодействий». Появление этого раздела – инициатива составителя. Всем авторам 4-го тома АСУП поступило предложение – перевести или создать вариации стихов современных иностранных поэтов. Тем, кто решился участвовать, было предложено либо самим выбрать зарубежного автора, воспользовавшись собственным знанием иностранных языков, либо получить подстрочники стихов тех зарубежных поэтов, которыми располагала на тот момент редакция. Ирония в том, что лично для меня совершенно ясно, что национальные

поэзии непереводаемы в принципе. Обсуждать аргументы «за» и «против» не хочется. Кому это утверждение кажется спорным, достаточно просто не согласиться. В чём же тогда смысл этого раздела? Оказывается, это тот случай, когда работает принцип положительного отрицания: цель не достигнута, но задача решена. Поясним...

- Перевести иноязычную поэзию нельзя, но создать на её основе новые русские стихи можно, что раздвигает границы эгоцентрической основы творчества, а в идеале – разрушает эти границы.

- Подобная массовая акция поэтов, которые никоим образом до этого не являлись переводчиками поэзии, снимает клише и штампы, связанные с эксклюзивностью поэтических переводов, и создаёт пространство, которое можно заполнить свободой новых гуманитарных инициатив.

- В списке наших мотиваторов отсутствует и стремление к диалогу культур, якобы имеющему объединительный потенциал. Ведь если что-то и разделяет нации, так именно их культурные матрицы. Любая национальная культура практически не способна на диалог. Национальная культура – это всегда монолог, обращённый к тому, что ею же было сказано раньше. В нашем случае важна инфраструктурная, а не литературно-переводческая составляющая. Массовое и постоянное взаимодействие современных поэтов может дать старт созданию международной поэтической корпорации, основой которой будут не поэтические произведения, а *поэтические отношения*, создающие естественным путём зону *поэтического доверия*. Ведь когда есть доверие, не так и важно, понимают ли люди друг друга. Цель международной поэтической корпорации – предложить некатастрофический сценарий развития человечества, позитивно ответив на все актуальные вопросы современного цивилизационного этапа. Вот так – не больше и не меньше. Хочу напомнить, что единственный способ затащить в настоящее наше будущее – это ставить несбыточные цели. Действовать на пределе возможного нелегко и в принципе не имеет смысла. Действовать стоит за пределом возможного с целью добраться до предела невозможного.

- Соответствие русского перевода оригинальному тексту нас не сильно волновало. Хотя сами «переводчики» придерживались различных взглядов на суть этой проблемы. В результате мы всё равно получили пространство, готовое быть заполненным свободой. И это пространство имеет все шансы стать культурным, если мы сделаем всего один шаг и станем *рабами своей свободы*.

5. Культурная история поэта и его культуртрегерская деятельность

Мы в очередной раз отступили от штампа, что сведения об авторах в антологических изданиях – это всего лишь служебная информация. Именно поэтому в «справочный материал» включена «культурная история поэта» (КИП), реализованная через анкетную форму, где авторы 4-го тома АСУП «отчитались» по следующим пунктам:

- Назовите несколько имён поэтов, оказавших на вас наиболее сильное впечатление как на читателя. Чья манера письма повлияла на ваш стиль, на вашу манеру письма, сюжеты, темы, образы?

- Назовите несколько прозаических произведений, оказавших влияние на становление вашей личности.
- Кого из художников вы боготворите (любите, чьим работам удивляетесь)?
- Какие композиторы и какая музыка близки вам?
- Назовите несколько фильмов, под впечатлением от которых вы находились в разные годы вашей жизни.

Ответы стали практически рентгеновскими снимками индивидуального творческого скелета даже в том случае, когда их допустимая неискренность становилась недопустимой.

Учитывая тот факт, что УПШ является инициатором и лидером культуртрегерских поэтических инициатив, «справочный раздел» освещает и эту сторону деятельности некоторых уральских авторов. Эта информация демонстрирует одну из особенностей уральской поэтической инфраструктуры – поколенческую преемственность культуртрегерской деятельности. Начатая В. Кальпиди, Е. Касимовым, Е. Туренко, А. Санниковым, она была активно и самоотверженно подхвачена Н. Санниковой, Р. Комадеем, В. Чепелевым, А. Петрушкиным, Ю. Подлубновой и др.

6. Поэтическая философия УПШ и роль в ней АСУП

Для любого человека, полагаю, скучно просто идти в фарватере собственной биографии. Для художника – это позорно. Он должен как можно скорее нащупать свою судьбу, единственно для того, чтобы изменить и её. В одиночку это сделать нелегко. Поэтому *современная эффективная творческая стратегия – это коллективные акты неповиновения судьбе*. Одним из таких актов является «Уральская поэтическая школа» (УПШ). Не знать о ней – факт вопиющего невежества. Поэтому, не отвлекаясь на ликбез, перейду к сути. Я был свидетелем бесконечных и бессмысленных дискуссий о том, что такое УПШ, существует ли УПШ, как она соотносится с самим понятием литературной школы. Все эти разговоры напоминали анализ яйца с зародышем внутри. Было много рассуждений, довольно ли кальция в скорлупе, удобно ли зародышу в рамках замкнутого пространства; какие сны он видит и видит ли он их вообще; особенно волновал вопрос, не нарушены ли гражданские права зародыша тем, что он помещён именно в яйцевидную, а не в кубическую или, паче чаяния, в пирамидальную форму. Разумеется, все эти разговоры – чушь собачья. Потому что не затрагивали главного: кто выйдет из этого яйца и куда этот кто-то полетит, если он окажется птицей, или поползёт, если не будет иметь счастья оказаться таковой. Потом зазвучала ария самого зародыша, мол, он не согласен быть зародышем, а желает быть (пропустим несколько этапов) «владычицей морскою», что завершило комичность ситуации...

Сама процедура определения феномена литературной школы имеет смысл, только если исходит из результата её развития. Литературная школа имеет право называться таковой, если результатом её деятельности стало массовое поэтическое движение, в противном случае перед нами очередной литературный фейк, которыми перенаводнено

любое культурное пространство. Таким образом, единственная современная поэтическая школа, реализовавшая и реализующая свою цельсообразность, – это Уральская поэтическая школа. Хорошо это или плохо – вопрос риторический, а для культуры – фиолетовый. Кроме того, УПШ сегодня благодаря своей массовости, разнообразию и профессиональному качеству – это ещё и *стендовая модель всей русской поэзии*. Именно поэтому её использование в больших стратегических культурных акциях более чем оправдано с точки зрения моделирования уже не просто поэтической, а всей культурной ситуации в стране. Напомню, что одной из таких акций, в которой приняли участие уральские авторы, стал сюжет-проект «Русская поэтическая речь – 2016»⁴.

УПШ обрела свой реальный статус благодаря УПД, серьёзными вехами которого за последние 5 лет стали проекты: «Энциклопедия. УПШ»⁵ в 2013 г.; «ГУЛ» (Галерея уральской литературы) и научно-практическая конференция с международным участием «Уральское поэтическое движение (1981–2013): история, аналитика, прогнозы»⁶ в 2014 г.; упомянутый уже сюжет-проект «РПП – 2016», державший поэтическую общественность в напряжении два литературных сезона 2016 и 2017 г., издание альманаха-навигатора Союза российских писателей «ПаровозЪ», посвящённого феномену УПШ (2017), широкое и многопрофильное фестивальное движение, которое, к слову, уже сейчас требует кардинального реформирования с поправкой на «программирование и изменение поэтического будущего».

АСУП играет во всём этом процессе не только и не столько роль документатора, но прежде всего – *драйвера постоянного перезапуска этого процесса* с шагом раз в 7 лет.

7. Частные замечания общего порядка

Неловко слышать от критиков о какой-то особой творческой брутальности уральских поэтов. Получается, если автор в каждом своем тексте не пускает «гандлевско-воденниковские» слюни (понятно, что это ироническая номинация, а не оскорбление), то он обязательно брутален? На вопрос же, есть ли отличительные черты у современной уральской поэзии, ответ таков: все отличительные черты современной русской поэзии являются отличительными чертами и современной уральской поэзии. Просто они в ней представлены абсолютно и непротиворечиво. Тем не менее, из новых чувств, которые появились в уральской поэзии за последние годы, я бы назвал **робость**: робость любви, робость ненависти, робость общения с богом, когда человек робко требует от бога проявления к себе его божественной робости, робость страдания и робость радости, робость горя и робость счастья, завершающееся робостью смерти. Эту самую «робость», эту ангельскую интерпретацию невнятного смысла бытия я бы назвал *уральским чудом*. Поэзию делает полноценной тот факт, когда между писанием стихов и самими стихами произрастают

⁴ Сайт проекта здесь: <http://mv74.ru/rpr>.

⁵ Сайт проекта здесь: <http://www.marginaly.ru>.

⁶ Программа конференции: <http://mv74.ru/gul/programma-konferencii.html>.

не бытовые паузы-пустоты, а поэтические отношения с миром. Поэзия – это не декорация, а строительные леса, за которыми скрыта сама постройка. Просто в данном процессе ставятся сначала леса, а только после этого предстоит само строительство, с которым мы, надо признаться, сильно запаздываем. Именно отсюда растёт строка: «Поэзия – это то, что остаётся, если вычесть из неё стихи». Впрочем, мне никто не мешает нарушить правило приличия и высказаться иначе: «Если поэзия дала вам больше, чем стихи, значит, вы поэт. А если только стихи, значит, она вам просто *дала...*»

Основной вектор современного планирования культуры – секторальный, то есть состоит в том, чтобы разбить её на субкультуры. Субкультуры – это часть культуры общества, чьи представители отличаются от подавляющего большинства своим поведением. То есть вместо генератора новых смыслов поэзия становится поведенческой оппозицией. Как говорится – приехали! У поэтической субкультуры уже есть свои жанры демонстрации: батлы, слэмы, мусоропровод социальных сетей и прочие формы утилизации духовного времени. Субкультурный сценарий развития русской поэзии приведёт к тому, что вместо «ордена тамплиеров» мы получим (получили практически) кружки по интересам. Напомню, среди разновидностей времени в запасе у человека есть и *духовное время*. Так вот, культура занята созданием *пространства* для этого *времени*, а субкультура занята утилизацией духовного времени.

Абсолютное утверждение, что поэзия не нужна современному обществу, надо чуточку откорректировать: современному обществу не нужны поэты, а вот поэзия необходима. Общество ищет её всюду, где только возможно. Зато типаж современного поэта общество действительно раздражает. Потому что нарциссы, аутисты, социопаты, театральные мазохисты и при этом все с амбициями Ардальона Передонова не могут не раздражать. Поэты не будут востребованы до тех пор, пока не обретут статус общественного доверия и духовно-интеллектуального авторитета. Открытый и быстрый путь достижения этой цели – массовое вхождение русских поэтов в революционное движение, что, к сожалению, вряд ли возможно. Закрытый и долгий путь – окукливание в элитные клубы, отказ от диалога с обществом, шаблонное реформирование издательской, премиальной и фестивальной деятельности, создание новых форм поэтических демонстраций, выработка и декларативное принятие «кодекса русского поэта», то есть то, что называется «ватиканским сценарием». Тогда у нас появится шанс стать участниками удивительного эксперимента, смысл которого скрыт в практическом ответе на вопрос: *могут ли поэты, не имеющие будущего, сами стать этим будущим?* И знаете что: иногда будущее – это просто не дать прошлому снова произойти с нами. Отдавая себе отчёт, что вышесказанное не кажется реальным, всё же замечу: для того чтобы не проиграть, нужно учитывать окружающую реальность. Для того чтобы победить – в этом нет необходимости. Вот таким примерно образом.

Виталий Кальтиди

Благодарности

Мы признательны библиотекарям Челябинской и Свердловской областей, а также Пермского края, чья сохранительная и презентационная деятельность держала современную уральскую поэзию в актуальном состоянии для читателей всего региона. Мы благодарны Наталье Малышкиной, которая вдохновенно провела десятки радиозфиров, посвящённых творчеству поэтов УПШ. Мы выражаем глубокую признательность Надежде Медведкиной, Марату Гайнуллину, Андрею Трушникову, Владимиру и Сергею Филичкиным, Олегу Синицыну и всему журналистскому корпусу, освещавшему значимые события уральского поэтического движения. Спасибо Лёле Собениной, Анатолию Баскакову, а также всем фотографам и видеооператорам, создавшим мультимедийную хронику УПШ. Мы низко кланяемся представителям академической филологии Нине Барковской, Татьяне Семьян, Марине Абашевой и Юлии Даниленко, а также Марине Загидуллиной и Василию Фёдорову, чья научная и педагогическая деятельность достойно представила проблематику УПШ как в студенческих аудиториях, так и на площадках российских и международных конференций. Выражаем наше восхищение Елене Оболишта за то, что она своим композиторским и вокальным творчеством открыла и продолжает поддерживать на высочайшем уровне музыкальную историю УПШ. Спасибо Юлии Поддубновой, Леониду Костюкову, Марии Галиной, Даниле Давыдову, Елене Сафроновой, Натальи Черных, Андрею Пермякову за проникновенные аналитические работы, посвящённые уральской поэзии. Невозможно переоценить вклад Ника Медведева, Арсения Крехова, Игоря Гончарова в поддержание на классном уровне поэтического видеoarта УПШ. Спасибо екатеринбургскому Камерному театру и лично Дмитрию Касимову за спектакль «Аутсайдеры», отразивший фрагменты начального периода УПШ. Журналам «Урал», «Воздух», «Волга», «Вещь», фестивалю «Компрос», альманаху-навигатору «ПаровозЪ», Екатеринбургскому отделению Союза писателей России как верным лоббистам УПШ особое спасибо. Ольгу Вахитову, директора челябинского магазина «Библио-Глобус», Олега Лутохина, представителя Ельцин-центра, Ирину Евдокимову, и. о. директора «Объединенный музей писателей Урала», мы благодарим за блестящую организацию промоакций, творческих вечеров, круглых столов, встреч, которые состоялись на их презентационных площадках. Спасибо Эвелине Бирюковой, Ольге Соколовой, Борису Эренбургу, Дине Махметовой, Владиславу Дрожащих, Хенрике Сталь, Ольге Пуссинен, Ольге Кузнецовой, без чьей информационной и творческой поддержки эта Антология потеряла бы значительный фрагмент своей избыточности. Выражаем благодарность авторам и кураторам сайтов «Журнальный зал» и «Мегалит», сайты служили справочным источником, чей уровень полноты невозможно переоценить. И особая – главная – благодарность всем авторам «Антологии современной уральской поэзии» – живым и мёртвым...

Нина Александрова

АЛЬЦГЕЙМЕР

бабушка улетает
в страну оловянного снегопада
пряничных каруселей
сахарной ваты

бабушке больше не страшно
в карманах леденцы и ракушки
стоит на пороге
подземной избушки

на голове косынка
станковый рюкзак за плечами
светит меня насквозь
глазами лучами

почти на том берегу
мёртвая тополиная почка
высохшая стрекоза
хрустальная оболочка

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

можно не делать уроки, в раковину вылить суп
всё расскажут тебе у ночного костра в лесу
если проснулся в холодном поту и не можешь вдохнуть
значит мертвец приходит ночью и руку кладёт на грудь

там за оврагом – Сенька сказал, они с братом видели сами
в норе живут люди, которые воют тонкими голосами

у них одежда из шкур, а головы как у птиц
Сенька с братом сбежали тогда и не разглядели их лиц

в лесу непременно помни где север, смотри не заблудись
ночью по лесу разъезжает чёрный велосипедист

он догонит, воткнёт отвёртку с зеркальной ручкой в бок
утащит в чашу, выбраться ещё ни один не смог

говорят, там его гнездо – но наверное всё-таки врут
а Наташка предупреждала, что за деревней – русалочий пруд

ты туда не ходи за водой – особенно по ночам,
у чужих не бери угощение и сама не угощай

в самую лунную ночь у топкой чернильной воды
чтобы пройти в мир мёртвых нужно попробовать их еды

это такой позывной, такой колдовской обряд
в мёртвые не приглашают кого ни попадя, всех подряд

к чёрному лесу не становись никогда спиной
в зеркало не гляди, если вокруг темно

не надейся на компас и не верь в гороскоп
правду знает только учёный по фамилии Пропп

книги его всегда носи в школьном своем рюкзаке
выучи отче наш, щепотку соли зажди в кулаке

если сделаешь правильно – всё на свете скроет густой туман
и игрушечный зайчик будет вечно в чёрный бить барабан

СОН И ПРЕДСОНЬЕ

ночью выйдешь из комнаты в кухню – попить воды
из темноты во все стороны тянутся туго закрученные ходы
тайные тропы мышьиные, куда чужой не проникнет взгляд
они уводят всё дальше в сны и не выпускают назад
воздух липкий, тягучий, как сгущённое молоко
тащит в водоворот, глотает, урчит, утягивает глубоко

в омут сладкий, страшный, не бойся, шагай, шагай
 прямо за ним открывается новый небесный край
 в этих молочных реках, на этих клоквенных берегах
 вечно живут те и эти, которым неведомо страх,
 вечную службу несут здесь эти и те,
 чьи глаза фосфоресцируют в темноте
 рыбой холодной и склизкими листьями льнут к твоему теплу
 и просыпаешься скорчившись в тёмном своём углу
 в висках пульсирует кровь с сердцебиением в унисон
 закрываешь глаза и проваливаешься в следующий сон.

сон начинает петлять, уводит в звенящую тьму,
 словно в калейдоскоп глядишь на себя саму,
 сны перемешались, реальность – заново проросла
 из додуманных витражей, из осколков цветного стекла
 дом, в котором ты жил, – огромный часовой механизм,
 ты летаешь над крышами и резко пикируешь вниз
 так, что сосёт под ложечкой, и только ветер свистит в ушах
 и разноцветные точки беззвучно над головой кружат,
 делаешь мёртвую петлю, падаешь прямо в расправленную
 кровать:
 в гости пришли мёртвые и живые, выпить чаю и помолчать.

запахавшись, просыпаешься посреди ночи, в серебряной
 полутьме,
 в комнате пахнет снегом, дело идёт к зиме,
 сотни твоих тропинок заоченели во льду
 в этом больном, холодном, бесконечном году
 мы затаимся, сядем неслышно, как корабли на мель,
 главное, это дожидаться, чтобы утихла метель
 тропки из снов засыпал липкий пушистый снег
 между сном и предсоньем прячется человек

СОРТИРОВКА

идут нагруженные снегом
 пустые мёртвые вагоны

идут узбеки ледяные
 сжимая ветер в кулаке

за пальцем исчезает палец
 рука дрожит и стекленеет

звонят замёрзшие деревья
 и кости воют из земли

* * *

степные боги вышли нам навстречу
прядать ушами и звенеть рогами

дуть в страшные узорчатые флейты,
в обглоданные костяные флейты
изогнутые человечьи пальцы

меня качают в сморщенных ладонях
ступают изумрудными ногами
и воют на тяжёлую луну

дыши и падай в ледяное небо
в алмазное светлеющее небо
огромное зияющее небо
оно нас растворяет без остатка
и изумлённо смотрит сверху вниз

* * *

предутренние сны реальней всего
конструктивистские дома-города
выкрученные лестницы
ползут по внешней стороне зданий
лабиринты ячеек без стен
пахнут чужой большой жизнью
каждый сантиметр это
люди тюки звуки и дым
а в глубине дышат
тайные подземные озера
хрустальная трава пульсирует под ладонью
прозрачный старик
мой дед
гладит по голове закрывает глаза
я открываю

* * *

стихи про любовь
не к мужчине
безо всякой эротике
без секса и объективации
к сёстрам
к каждой женщине
твоему зеркалу

такой же уставшей грустной больной
такой же беспомощной тихой плачущей по ночам
про любовь
к каждому маленькому беззащитному живому
ведь есть же специальный бог
для маленьких беззащитных живых
про любовь
к себе самой

СОБИРАТЕЛЬНИЦА КОСТЕЙ

в воздухе городском
легче дыханья нет
из золотых костей
птичий сложи скелет

и выдыхай в июнь
птичьего сердца стук
мох тополиный пух
завтра лететь на юг

стёклышко и песок
фантики и цветы
птица в твоих руках
значит назавтра ты

станешь сухой землёй
косточкой в кулаке
воздухом и травой
станешь сама собой

* * *

кошка мгновенно выворачивается наизнанку,
дышит теплом, покачиваясь идёт
смотрю, как вздуваются-оппадают лёгкие,
пульсируют вены, перекачивается живот

урчит, выгибается, заглядывает в глаза
что, мол, боишься смерти, страшно тебе умирать
я говорю: кисонька-киса, боюсь так, что не рассказать
ноги мои в облаках, в голове сияет дыра

тело покрыли лишайник и серый древесный мох
я – только тёплый валун в потоке каменной вечно текущей реки

курумник движется медленно, словно стоит на месте
кошка беззвучно смеётся, шевелятся мышцы,
отсвечивают клыки

вижу, как по сосудам к сердцу толчками движется кровь
ты никакой не валун, и курумников тоже нет
ноги твои исчезли, дыхание скомкалось, стёрлось лицо
ты просто камушек на морском берегу, в птичьём зобу
растаявший самоцвет

(но и этого скоро не станет – растворит без остатка,
смоет тебя без следа
пустой тихий берег – со всех сторон, нежно галькой шуршит
схлынувшая вода)

море слизнуло тебя, море глотает камни вместе с водой
кашляет (в лёгких вода) переваривает – вот оно стало тобой
лежишь в брюхе у моря, слушаешь тихий смех
на самом глубоком дне в чёрной слепой темноте

ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

бьются звери в руках
щука в моих висках

справа бобер
слева горноста́й

имя твоё оберег
спрячь его в кулаке

не учуют следов
мы пойдём по воде

шепчутся и кричат
ангелы у плеча

здесь бояться нельзя
не закрывай глаза

Ирина Аргутина

БЕДНЫЕ ДЕВОЧКИ

1. Таня

Здесь поля влюблённым не постелют.
 Как вы там, под липами, свистели –
 «Я не создан... Ты не создана...»
 Поздно, поздно слушать свистуна.

Вроде – как по нотам и без фальши.
 Нынче – создан. Что, для генеральши?
 Только генеральшей – вот удар! –
 делает девицу генерал.

Fare thee well. Прощайте, мой Негений.
 Шарик улетел к едрене фене.
 Ваша Таня громко плачет, князь.
 – Боже! Отдалась?
 – Не отдалась...

2. Аня

Что такое поезда – в России?
 Это чтобы – к сыну? Или Стиве?
 Аннушка, горячая... звезда,
 всё же – не трамваи. Поезда.

Для чего мужьям великодушие?
 Им бы впору поводки да ружья:
 вот сидела дома бы. А так –
 чередой панических атак:

не нужна, никто меня не любит!..
 Выложи страдания на ютьюбе –
 и тебя облайкают в сети
 всем кагалом, господи прости, –

что и сделал старый эзотерик,
 Лёв, творец, уставший от истерик.
 «Мне, – решил, – отмщенье, Аз воздам».
 Что же остаётся поездам?

3. Лиза и т. п.

Лиза, Лиза, бедная девица,
 Германна всё нет, пора топиться.
 Есть ещё топор. И монастырь.
 ...Бедная! Тащите нашатырь.
 ...

Fare thee well, несчастные девахи.
 Всё. Сыта по самый амфибрахий.
 Вечер. Поздно. Закрываем чат.
 Слышно здесь, как поезда стучат.
 Я сижу. В своём монастыре.
 У осины дрожь на пустыре.

* * *

Поэзия китайских поэтесс
 мне кажется не то чтобы дебильной –
 там много есть всего, но нет в ней Тэсс,
 той самой, что из рода д'Эрбервилей,
 которая то девушка, то нет
 (как вой всех баб про мужа и не мужа). –
 у них там луны вставлены в багет,
 а соловей ни разу не простужен.

Они воздушны, словно пеньюар,
 но подло, целомудренно стыдливы:
 бесплотна их печаль под мейхуа,
 (что, как ни странно, – лишь цветенье сливы).

Учили их, как яшмовый узор
выписывать китайской нежной тушью,
а в час, когда беда или позор, –
терпеть и ждать, чем кончится удушье.

Удушье!.. Ни верёвки, ни белья,
ни простыни в стихе не накопили:
есть облака, трава – но не земля!
Не я – на ней. Не ты. Не горстка пыли.

Куда там пыль, она – «культурный слой».
Не вороши, ты для неё – граната.
Тебя в ней нет. Измученный и злой,
безмолвный, как китайский император,
ты явишься в наш гарлемский подъезд,
исписанный больным на мозг и яйца,
когда тебе однажды надоест
опять косить под мёртвого китайца.

Ты будешь – не у них, а у меня,
мы будем вместе пить сернистый воздух,
который – здесь. Который – западня.
Мы в нём звереем, но пока бесхвосты.

И мы отыщем лучшего врага.
И нам до мейхуа как до Китая:
у нас в апреле – чёрные снега
разбросаны, как трупы, и не тают.

И будет петь нам наше вороньё,
влетая в строки, выбирая ту лишь,
где ты – моё великое враньё,
где ты, живой и мёртвый, существуешь.

ЭКСТЕНСИВНАЯ ТЕРАПИЯ

Был мрак. Во мраке расплзлось
всё, что могло: и боль, и злость,
последний таракан неловкий
уполз туда, где жрать дают,
и проклял этот неуют,
и мёртвый луч микроволновки,

и тишину. Ох, тишина,
как теорема, решена –
сплошным подобием отсутствий:
нет звука, света – и в углу
свернулось нечто на полу
в нескладной позе лилипутской.

А вроде бы была еда
и даже семь часов труда –
да, каждый день, пять дней недели.
Шёл год шестой, седьмой, восьмой –
я серой вышила тесьмой
и крестиком свои потери.

Переползала на диван.
Просила «Старый Ереван»
прислать шашлык с змеиным ядом.
Шашлык – не тот, а яд – не брал,
должно быть, азиджан наврал –
приправил тем, что было рядом.

И вот двенадцатый пробил –
как по-живому, отрубил
во мгле приросшее уродство,
и стало слышно – тишину
и видно – мглу, и потому
свернулось мракопроизводство.

...какой-то ор, какой-то хор,
давно забытый си-минор –
сначала звуки, дальше – краски
и очертанья – рой чертят –
неузнаваемы, торчат,
как скалы в прериях Небраски...

...соседи жарят пирожки...
...вверху – ворочают мешки...
И вроде даже не с руки
опять нырять во мглу – до срока.
А за окном ребячий крик.
Дворовый пёс. Нездешний фрик.
Сидит на солнышке старик.
Летит сорока.

ТАКОЙ БЫЛ ВЕТЕР

Срывал с голов и рвал из рук –
такой был ветер,
что голубь шёл на третий круг
воздушных пётель.

Такой был ветер – окна бил,
врывался в двери,
как все вандалы, не любил
считать потери.

Хлестал прохожих по щекам –
совсем рехнулся! –
но всё же сил не рассчитал
и – задохнулся,

когда, всё небо изрубив
и измочалив,
открыл простор страшной любви,
синей печали.

А в небе тают облака,
и в промежутках
зияет синяя тоска –
и сердцу жутко.

Вадим Балабан

* * *

где поезд выгнутый направо
уводит хроники состава
кричат грачи как басмачи
свой ахтунг-ахтунг из ночи

но: злы гнилые перелески
бегут запутываясь в леске
дождя и падают с горы
в норильск сверкающей норы

пронзая веткою по встречной
проходит ангел бесконечный
и грохоча как товарняк
из жизни делает пустяк

* * *

хлещет вода через рай
держится за косяки
...через дырявый сарай
смотрят наверх мужики

и за морщины дают
им ещё лет пятьдесят
чтобы чинили уют
или добились косяк

чтобы отладили кран
и перекрыли картечь
обогащённый уран
перетекающий в речь.

* * *

предметы двигая в себе
переставляя, пыль сдувая
сидели молча на трубе
три буквы ждущие трамвая

а пыль ложилась под кровать
и вырастала до перины
три буквы едут воевать
седые плачут балерины

война войной как на войне
стрельба насквозь или гангрена
три буквы истину в вине
теряют но через колено

гремит колёсами трамвай
по облакам, стальной мокроте
три буквы едут воевать
клубится пыль на повороте.

* * *

многое – как ничто
но выражая жизнь
кони стоят в пальто
у придорожных шин
с переводным ключом
с заревом сигарет
и на вопрос «ну чо»
морщится абонент

а у бензоколонн...
а у харчевни мель

сверху свисает слон
или раздутый шмель
что перешёл границ-
у затяжной реки

не разбирая лиц
переверни штыки
времени в горизонт
только уже вперёд

дерево – это зонт
если оно не врёт.

СТАНСЫ ХОЛОДА

мёрзнут зимние веранды
все сирени на коленях
ведь не верится не снится
а мерещится в углу

щерят доски злые щели
шепчут сквозняки и минус –
цельсионную подушку
поголовную тюрьму

псы цепные отсыпные
вахты порознь и вместо
во дворе легла телега
завалился огород

плодородием небесным
аксиомами земными
между тропами забора
подберёзовых пород
что-то птицы не стучатся
с крыш не сыпется кустарник
никакого оберега
хоть выкалывай глаза

мёрзнут зимние куранты
плачут скорбные сирены
из печи выходит ворон
но не узнанный пока.

* * *

а ветер поменялся и сказал
платформа номер восемь и идите
вы на хер. и окуклился вокзал
весь опустел в зеркальном монолите.

в аду теплело: минус тридцать пять
трамвай за угол сматывает рельсы
собака не хотела замерзать
но к сердцу подступали эдельвейсы.

* * *

блуждает выговор армейский
а кажется что арамейский

и мене текел упарсин
горит как синий керосин

– а что сегодня пили ели
когда крылатые качели?

– а мы допили и доели
ещё на следующей неделе!

и не заходим в магазин –
там мене текел упарсин

а старшина живёт один
без канители.

* * *

ртутным столбом давили,
и всё: почитай, труп.
с губ стрекозу ловили –
и под стекло луп.

лучше во тьме мелом,
на глубину лип.
что же стоять в белом,
слушать грудной хлип?

хуже: во тьме лапять
доски и отгибать
гвозди. лежи, лапоть:
завтра тебе вставать.

* * *

на голосах завода по часам
ведут отсчёт – зола на производстве.
но нет на них /и не было/ креста,
как не было потребности в превосходстве.

сады в цвету, цветы по площадям,
пыльцу несут немые цветоносы.
и, влаги законной не щадя,
вовсю молотят-охают насосы.

что херувим, что санта-хиросим –
окрасьте серым внутреннюю веру.
и пачка эта серая максим
такого цвета только для примера.

дощатый пол, разбитое окно,
как признак тошноты или отсрочки
по голосам завода...
не смешно,
когда они достигнут крайней точки...

* * *

1

возможно ли курить на остановке,
когда идёт такая постановка
спектакля для верёвочки и мыла?..
начало лета. съезд дождевиков-
большевиков. разъятые светила
друг другом обнуляются. на пальцах –
отвага и вопросы о семье.
мы нервно курим, силясь оторваться,
передвигаясь лодочкой во сне
по водам леты.

2

долгие берёзы
вдоль линии продольные надрезы
вершат: сечётся неба ситец. день
приравнен к ночи. треснет скорлупа
дождя – лишь только раз её надень –
и выпорхнет птенец, святой Антоний,
без всяких гидравлических систем.

когда раскроем сжатые ладони,
то обнаружим сына на кресте.

3

в дожде круги молитвы, алебарды
неровных нервов. выстроились нарды
просителей – ткут музыку без слова
квадратного, пьют воду корневой
архитектурой. небо безголово:
впадает в водоёмные гравюры,
транслирует заклятых лошадей
и всадников, съедаемых аллюром,
роящихся в подводной темноте.

4

мы проседаем вверх и меж слоями
воздушными внедряемся полями
магнитными в наглядный лабиринт
духов. земля дымится паром – это
паром отсюда, что ни говори.
...слеза не отягчает обстоятельств,
но облегчает вертикаль воды.
идёт по дну упрямый заклинатель
и отделяет свет от темноты.

* * *

лаборатория Торы
сеет разумное доброе встречное

всё пересыпано этим
белым шипящим и сильным

будка с кланяющимся шлагбаумом
разговаривает голосом диспетчера

*

собака ползёт по тропинке
скулит и плачет
я тоже плачу и ползу навстречу
вытираю ей слёзы, целую и глажу
и понимаю: я тоже собака
а это мой ребёнок-инвалид
и сам я тоже инвалид
с камнями слёз по карманам

*

мы ползём к железной дороге
чтобы нас переехали
и тогда нас станет четверо:
двое здоровых и двое больных
больные умрут – отмучаются
а здоровые будут жить дальше
и хорошо

*

а пока поезд сворачивает на другую ветку
падает с дерева от ветра –
покачиваются ранетки от снегирей

снегири – кровавые фонтанчики
собранные в детские кулачки
маме дают поклевать еды
чтобы было не холодно

*

а папа выходит из-за шлагбаума
стряхивает и застёгивает
переворачивает страницу
всматриваясь в Бардо Тхёдол
молчит рыбой безответною
и в зеркале с поволокой
не отражается.

* * *

1.

орлы над полем делают курлы
а в профиль всё из греческого теста:
до середины было интересно
потом ещё сильнее. сяду в кресло
осеннее из дарственной золы.

2.

не занимая ангельских речей
с бумагой перемешанных случайно
я вынимаю души из печей
снимаю насты снежные с плечей.
не легче но теплей необычайно.

3.

когда бы знать какая светотень
достанет кольт из долгого кармана
я вовремя бы выскочил с экрана
во время криминальных новостей
из головы Вадима Балабана.

4.

но жизнь порежут кадрами. из линз
плывут глаза водой на процедуры.
сейчас по полю бройлерные куры.
я вкальвал – чтоб от температуры
или на хлеб. но кадры порвались.

ЛИВИЙСКАЯ ПОМИНАЛЬНАЯ

пойду ль выйду ль я из ливана
в ливию
левиафан держи крепче
ой люли люли муаммара держи крепче отче
дома дыма не зреют не могут очи
всё проходит с утра до ночи

пройду тоннелями но не пели нет
левиафан горит внутри
ой люли люли всё ливия да ливан
муаммар впадает в мировой океан
каддафи я осадочный разливан

всё хожу хожу сколько можно ходить
левиафан сожрал муаммара ой ли
ой люли люли то ливан то ливия
льва сожрали шакалы ой ли вы я
пожары ни капли ливня
левиафан левый афон
нет муаммара каддафи нет
ой люли люли нет уже льва нет

левиафан наелся уснул кабинет
уолт стрит не зрит нет.

* * *

память – странная шутка
дóлжно тебя помять.
жутко во тьме кровати.
платья снимая сложно
ты начинаешь врать.

так пророняя слово
ночь говорит в чердак
словно скрестив ресницы
птицы спешат помочь
стиснув прореху рта.

где на седьмом колене
сломан уклад – одни
тени рыдают вниз
из полевой соломы
вырезанной родни.

* * *

сидишь на убитой рельсе
словно анна каренина
прописанная в уэльсе
на улице ленина

на колени-на! на колени!
поезд толкай головой
и преклонятся тени
лишив вопрос половой

но ты не стоишь не едешь
и ничего не ждёшь
будто какому феде
мóзги про жизнь идёшь

а это любому идиш
или какой алтай
стрелочника увидишь
крикни: тяни-толкай

встретишь ничью собаку
за ухом почеси
жизнь оказалась браком
до глубины души.

Антон Бахарев-Чернёнок

* * *

Идём к нулю. Возможен снегопад.
 Берёза – как накрашенная бабка.
 Не страшно, не смешно, а просто зябко.
 Я вместо рифм выдумываю мат.

Ну что, осина, смотришь мне в глаза
 И душу пьёшь, как ушлая цыганка?
 Я вывернул всех вас бы наизнанку,
 А золото закинул в небеса –

Когда б не пас меня читатель-мент,
 Который ходит в доле с вашей шайкой,
 Поэтому меня как попрошайку
 И загребут к себе в один момент –

Но не затем, чтоб там намять бока
 И уронить передо мной фуражку,
 А слушать мат – и ахать в каталажке.
 И я молчу. И снег молчит пока.

* * *

Как в час предутренний коровы
 Висят в некошеной росе,
 И взгляд луны пустоголовый,
 И пахнет, словно в термосе́,

Остывшем за ночь; или в зное
 Как семки щёлкает люпин,
 И как незримое резное
 Стоит жужжание над ним;
 И как сорвавшимися псами
 Рычат в сторонке небеса
 Под основными небесами,
 Где только звёзды и глаза –

Так я, так я!.. А что – не знаю,
 И как – мне тоже невдомёк,
 Но – кажется – не умираю.
 И – вроде бы – не одинок.

* * *

И тут живут! Какое захоlustьё!
 Сюда приехать умирать от грусти.
 Не квасить с местными, считаться за лоха.
 И засыпать под крики петуха.

Которого уже скорей бы съели!
 С собакой этой, воющей неделю,
 С вонючей на всю улицу свиньёй,
 Со всей своей дремучею семьёй.

Но – выжить здесь. Отделаться испугом.
 На пирожки с пиканами и луком
 Захаживать к соседям, гладить пса...
 Не просыхая глядя в небеса.

* * *

Мурлыкал кот, и булькала река,
 что не издалека, а свысока
 раскатывалась, как дитя на горке.
 Не разделялся запах сладкогорький,
 и свет был цвета мёдомолока.

А Дедушка Ау на берегу
 выхватывал стоявших на бегу
 с игрушкой ёлочною схожих рыбок,
 но звал кота – и, реку перепрыгав,
 кот их съедал, лежащих на боку.

Зачем восходит это серебро
сюда, где солнце месяцу равно –
когда не может справиться с теченьем?
Когда земля пугает светотенью,
и отмель упирается в ребро.

Зачем здесь выжил Дедушка Ау
из жизни той, где не жилось ему,
и умер здесь, и после смерти выжил?
И сын его сложил его на лыжи –
и покатился к сыну своему...

Я тут стою во сне и наяву,
схватив свой выдох, словно тетиву,
боясь тоской и ревностью поранить
ничью судьбу ещё, ничью печаль и память –
даль, до которой я не доживу.

...Дитя летит, светла его душа;
то засмеётся, в варежку дыша,
замёрзший ручеёк согрев, как пальчик,
то вверх глядит, и волки по-собачьи
у ног его стареют не спеша.

* * *

Не разье*ай над спящими, они
Лежат – страшной заколотой свиньи,
Где золотистый всюду виноград,
А из грудины вырезан квадрат,
В котором кружкой набирают кровь
И пьют как водку, скашивая бровь,
А самогонку глушат, как боржом,
Скобля бока смолёные ножом.

Х*ёвничать, подкладывать свинью
Не смей, пока не схавашь свою,
Пока горбушкой со сковороды
Не вытасканы жирные следы,
Пока тягучий не дохлёбан суп,
Из холодца не выковырян зуб –
Покуда самогонный аппарат
Не взвился и не рухнул виноград.

Кишками кровеносной колбасы
Натянуты осенние басы,
Бегут из пальцев скользкие колки,
Торчат из стен свиные пятаки.
А спящие в собачьей конуре,
В обломке костном, в выетой дыре,
Сухой и чёрный раскрывают рот –
И жизнь твою поют наоборот.

* * *

И вот я вновь десятиклассник –
стою у нашего крыльца.
Из виноградины вылезит
осоловелая оса
и смотрит – мол, какого чёрта?
куда девались двадцать лет?
Не нужно этого баттхёрта,
тебя здесь нет, тебя здесь нет!

И тяжело в янтарный воздух
без понимания пути
ныряет... Мне пока не поздно
её окликнуть – погоди!
ведь я тебя ещё в ту осень,
когда ты ползала без сил,
сперва с небес на землю сбросил,
потом кроссовкой раздавил.

* * *

О, наших изб вторые этажи
Теперь по небу ходят, как чалдонки,
Где грозовые высятся ряжи,
Но топляки не обрывают шпонки.
Тугих кедров морёные верха
Качают свет, оббитые винтами,
И времена стоят, как берега,
И берега плывут над временами.

Но сколько бы ни поднимал вина,
Слова мои все вязнут, как в болотах.
И я стою у речки дотемна
И жду, когда из вытянутых лодок

В окоченевших пронесут руках
Деда, не расшифрованные в тостах,
Невест, не зашифрованных в стихах, –
Поколебав меня, как будто воздух.

* * *

Апрель такой, как будто лето.
Рассвет над ватой тумана.
Мой друг идёт до туалета,
наевшись семечек дурмана.
Он между окнами и дверью
едва удерживает разум,
его замедленное время
заносит ногу над матрасом –

и так стоит. Скажи-ка, Хокинг,
синхронно жившие когда-то –
какой спиралью мы уходим
от точки в центре циферблата?
Вот я почти уже не помню
тех кадров в утренней общаге,
не узнаю людей напольных –
а друг висит на полушаге.

Передаю скорей потомкам:
мгновенье наше – злая шутка,
наш век заранее был скомкан,
вам тоже скоро станет жутко –
уставшим с внуками водиться –
что жизнь короче той минуты,
где друг доходит до водицы
и говорит: «Антоха, круто...»

* * *

Пошёл я, значит, однажды в лес за грибами.
Иду, на ходу бруснику ладонями загребаю,
и вдруг выскакивает на тропу медведь-сеголеток
и говорит: не найдётся ли сигареток?
Я огляделся: вроде никого нету.
Думаю: ладно. Дал ему сигарету.

Дальше иду: пссс, – за плечом шепчут мошки, –
сам, чо, не местный? чо у тебя за одежка?

Я огляделся: вроде никого нету.
– Дайте-ка я угощу вас сигаретой!

Дальше иду, вижу впереди глухаря,
он говорит: друг, не будет ли косаря?
Хватит и пятихатки, на крайняк – 50 рублей,
у меня небольшие проблемы и юбилей.

Я огляделся и говорю глухарю:
я твой косарь, глухарь, отдал косарю,
вон он горбатится возле бобровой хатки,
можешь его раскулачить на пятихатку.

Перехожу ручей – выныривает оляпка.
Хочешь, – пищит, – оттянуться? Наличествует ляпка.
Я говорю: спс, мне бы опохмелиться,
она: ща устроим, пять сек, приведу лисицу.

Тут вылетает пчела и задницей машет:
есть позвонить? Какой оператор – наши?
Я отвечаю: да вы тут рехнулись вконец,
какой может быть оператор, это же лес.

Тут вижу: в сапог мне постукивает муравей,
хей-хей, говорит, не хочешь ли стать здоровей?
У меня гомеопатия и альтернативная медицина
из олеиновой кислоты и кордицепина!..

Дух переведа, топаю дальше,
но настроение уже не то, что раньше.
Думаю: всяких чудес дофига на свете,
а тут из-за дерева йети выходит, йети!

И произносит с апломбом австралопитека:
чего ты припёрся, у меня теперь – ипотека.
Я говорю – за грибами иду, балда,
а он, сука, щурится, и говорит: «ну да».

Тут я не выдержал и, как в червивую шляпку,
ножик ему в башку: это тебе за оляпку,
это за сеголетка, а это за глухаря,
а это вот за косаря, а это – за косаря!

Возвращаюсь и думаю: не выходит жить без изъяна.
Стопудов же это была последняя разумная обезьяна.

Сплетни начнутся. Сходил же, блин, за грибами...
Божии твари – а до чего за(кол)ебали.

* * *

Вдоль Ораловской дороги небеса сосновоноги
и хромы. Их строй неплотен – от обочин до болотин.

Там, звеня колоколами, меч на плуг перековали,
но потом, что было дома, сдали в пункт металлолома.

И остались разве только из деревьев синеоких
в землю выползшие гвозди да отбеленные кости.

По Ораловской дороге из добоговой эпохи
небеса, ступая в сфагнум, возвращаются, как фатум.

Матерясь, им резать ноги, деловиты и убоги,
перебравшись через реки, приезжают дровосеки.

И ложатся в небовозы в ранге брёвен с целлюлозой
гроз и зноя кубометры, перевязанные ветром.

Остаются пни и бездна мёртвых звёзд, что бесполезна.
Виртуальное пространство. В чистом виде государство.

* * *

В свинцовом свете переулка
Детали вплавлены в детали.
Здесь приазовская вогулка
Жила, теперь живёт едва ли.

Но я, возникнув ниоткуда,
Качаю в памяти, как зыбку,
Её пронзительные зубы,
Её раскосую улыбку.

Тут был как будто склон вулкана.
Меня несло по руслу зноя
К её хибаре бездыханной
С неопалимым каланхоэ.

Стояло сердце – трясся воздух,
И бог в предчувствии пожара
Сосредотачивался в осах
На острие кривого жала...

Но в этих сумерках осенних
Уже не кажется отравой
Тот дом – где прошлое краснеет,
Как остывающая лава.

ЗИМА БЛИЗКО

Зима близко. В августовскую тьму
Прорастают звёзды, как иней мира.
Родина напоминает то ли тюрьму,
То ли незакопанную могилу.

Зима близко. Дерево на дрова
Бьют с неумолимостью листопада.
В эти дни у люда румяная голова –
Говорят, что осенью так и надо.

Зима близко. Под ледяным дождём
Строятся дебелые доходяги.
Сталеглазым вышколенные вождём,
Оседлавшим тушу гнилой коняги.

Елена Баянгулова

* * *

Елене Сунцовой

откуда берётся шёпот в раковине
 свёрнутый голос зовёт к морю
 говорит разбейся но будь там
 в парусиновых штанах и соломенных тапочках
 пей медленный кофе из стакана
 гранёного как бриллиант
 роняешь его
 подписывая солнечную открытку
 с пальмами:

осенью цветы живут
 жизнью спящей женщины

* * *

если бы Ева могла говорить
 она говорила бы просто –
 Адам мой брат
 у нашей любви не может быть глаз
 она глуха как камень и водолаз
 беззуба и безъязыка – вода
 конечно же в жидком её состоянии
 так как лёд способен кусать и жалить
 Адам мой муж
 ты одинок забыт всеми кроме меня
 помни кроме меня

* * *

личная терапия – перемещение из пункта А в пункт Б
 коллективная терапия – братоубийственная война
 можно хоть 250 раз пересечь пустыню Сахара
 легче не станет только окаменеют лёгкие
 станут формами для выпечки
 пластмассовых муляжей дыхательных органов
 с недостижимым пределом прочности износостойкости
 без страха и упрёка как мы мечтали всегда
 а мечтали до того как такими стали
 такими такими блять героями

* * *

стихи не доходят до своих адресатов
 как и самые смелые фантазии сексуального характера
 в этом есть некая закономерность
 правда жизни
 правдоподобно – говорю – видеть тебя в окно автомобиля
 у светофора в толпе таких же пешеходов
 таких же правдоподобных
 человекообразных человекоговорящих человекопахнущих
 прямоходящих по пунктирным линиям дорожной разметки
 потребляющих одни и те же продуктовые наборы
 и вроде бы никакой разницы
 один и тот же двигатель внутреннего сгорания

* * *

под тугим китовым животом
 на секунду возникает зона турбулентности
 от отрыва и до погружения
 это так же не вызывает сомнения
 как и существование вина-деви – гитары богов

в полёте совершенно не интересно
 откуда берётся эта турбулентность
 а только острога присутствия имеет значение
 так же как для вина-деви имеет значение лишь ветер
 а совсем не присутствие богов

* * *

когда твоя фотография десятилетней давности
 неожиданно нравится человеку десятилетней давности

и ты вдруг задаёшься вопросом: вдруг
я веду свой род от инфузории-туфельки

и может быть это так же важно как важно дышать

как пережить это данное тело

как понимать любовь по-жабы и по-акулы

только зачем
зачем так поздно
сейчас

* * *

ночами летают фонарные снегири
ловят прохожих уносят
в дальние дали кисельные берега
и эхо летит вдогонку то ли берегите себя
то ли береговая охрана предупрежда
-ет

еловая тетива
если ты придумаешь новые имена
разным зверям вещам явлениям и цветам
если бы там были цвета явления вещи звери
я бы дождался тебя

ЦЕРЕРА

Наталии Санниковой

Муравьиная песня –
шуршащий шар
в котором живёт вся печаль вся тоска
по мёртвому и живому

Только песня та о другом

Муравьиная песня
о том что труд и о том что друг
что все твои любимые попадают в ад
крупные неприятности
мелкие склоки

сокращения на работе
в общем как бы обречены

Муравьиная песня –
паром
распадающийся на пар и на ром
с несъедобным плодом внутри

* * *

До и после – сплошная линия
параллельно полу
(не ведущая к половой
а в прямом смысле этого слова)
пусто – когда от квартиры одни ключи
никаких запасных – некому себя отдать
некого выкинуть нечего продавать
город намазан на бутерброд
рот открываешь и чувствуешь привкус чужих волос
цивилизация доводит до крайностей – иди и бери
смотрит идёт садится наклоняется шепчет на ухо

оказывается соседка

* * *

некуда деть половину своих имён
автографы послушных любовников
смех отдаётся в запястьях чужих домов
где-то в Китае Палестине Австралии
снежные барсы кричат и не видят тьму
то что лежит во снеге земле песке
ты моё спящее большое животное на спине

Африка
берег
внутри

и всё-таки мы выходим в космос

1. ПОРТ

порт это место схода всех кораблей
плывущих по спине одного кита
по его телу пишут навигационные карты
удят проскрёбывают и почёсывают кожу

один такой плывёт на всех парусах
там в бежевом доме за Нотр-Дам-дю-Порт
на третьем снизу уступе горы будет ждать
и плести воздушное кружевное безе
только для тебя
ты моряк чёрт знает что даже не знаешь как зовут её
твою последнюю надежду
пламенную глицинию девушку мечты
фантазию о любви долгой разлуке и воссоединении
зелёный стеклянный глаз
катается на глазах
туда сюда по столу
не видит а всё туда ж
ну что же возьми стакаш
и выпей за порт мираж
на нос садится попугай корелла и клюёт тебя в лоб
эй ты моряк не думай не начинай опять
мы поплывём туда в самую глубину кита
там будем пить её дорогую Вдову Клико
хранить верность морю или ему киту
закусывать солёной волной ту

2. МАЯК

Маяк стоит всё там же что вчера
К нему идёт всё тот же человек
Он ходит зажигать ему глаза
Что видят на четыре стороны
Что светят на четыре глубины
И море осушают волны льнут
Холодным языком стирают гальку
Бросаются на стены отступают
Качается и берег и вода
Качается и город и гора
Маяк застывший впаянный во дно
Мерилин Монро

3. ЗАМКОВАЯ ГОРА

Палят единойды с холма – обедать
И герцогиня подбирая юбки
Торопится бон аппетит мадам бон шанс
Совсем уже не за горами август
А там рукой подать до тёплых зим
Совсем уж близко только двери распахнуть
Вот так без злости без усилья
Вбегает в зал там тёплый муж и на столе улитки
Тутэ парфе мерси боку десерт

Надежда Болтачева

* * *

Октябрь. Зарёванные окна.
Орнамент мокрого пятна
крадёт лоскутные волокна
заснеженного полотна.

С утра востребованы сани,
к обеду тошно от телег.
Незванный саван и ночлег
скорбят за окнами часами.

И просит хлеба полынья
и ждёт в любое время суток
утраченных в пространстве уток,
устав от снежного вранья.

Октябрь – немой и неумытый.
К рукам не прибранный зимой,
но летом начисто забытый.
Перелицованный. Не мой.

* * *

Дворов неубранных сусеки
украсили снеговики.
Украдкой рубят рыбаки
ледком подёрнутые реки.

Тоску баюкают калитки.
Горбатит спины аквилон.
Порхает порох похорон
над плахой межсезонной пытки.

* * *

Январь. Облуплены лепнины.
Наохлился пуховый плат.
Сугробов сгорбленные спины
лобзают лопасти лопат.

Кудрявы парки, бородаты.
Прочь с манекенов лубяных
летят махровые халаты
в пространство мельниц ветряных.

Крещенским жаром пышет прорубь.
Журчит ручей – щербатый голубь,
и воробьишки-ручейки
воруют хлеб с моей руки.

* * *

Последний летний день стесняется тепла.
Узорчатая ткань – на выданье невеста.
От дуновенья дынь качается пчела,
а лапчатая тень – по-летнему – ни с места.
Всё трепетно вокруг. На тучи облака
ну разве что слегка похожи. Прядь рябины
встречает у окна – к нам напроситься на
случайный чай разлук в стаканчиках из глины.

БАБУШКЕ

Однажды вечером ушла ты,
чтоб не вернуться никогда.
Халат на вешалке, бушлаты –
на каждой пуговке звезда.
Гляжу на жиденькие косы.
Плач не нарушит тишину.
Две из заначки папиросы
назад в газетку заверну...

Они уйдут, как две гвоздики, –
берёзка, столик да скамья –
с двумя страницами из книги:
«Моя семья».

* * *

Вечер в чёрной рамочке, тишина.
Девочка в панамочке и луна.
Хочешь на скакалочке, хочешь в мяч...
Помолчи на лавочке, но не плачь.
Скоро всё изменится – счастья нет, –
в белое оденется белый свет.
Заметёт, на лавочках не присесть.
Девочка на саночках, счастье есть.
Скоро всё устроится, не теперь.
Накрепко закроется эта дверь,
чтоб не видеть отчима –
провода,
мокрый снег, обочина –
никогда.

* * *

Годики-годочки. Годики-года.
Вырастают дочки раз и навсегда.
Годы, годовщины. Ниже каблуки,
на подошвах глины влажные комки.
Скоро всё случится: памяти темница,
гвѳздики гвѳзди́к, ветер да тростник.

* * *

Чужая душа – потѳмки,
тайник, что хранит загадки,
отравленных стрел обломки
в тоннелях кирпичной кладки.
Излиты лампадки-души
в телесные катакомбы.
На двери, глаза и уши
смотритель навесил пломбы.
Застенок многоэтажный
не пробуй бейсбольной битой.
Пусть выпорхнет змей бумажный
навстречу твоей, открытой.

* * *

Ветка тополиная в радужном стакане,
позабыв о ране, радуясь весне,
как дитя невинное радуется маме,
потянулась листиком-мостиком к стене.
Солнышком хранимые хороши серёжки,
пусть не встать на ножки, не пустить корней.
Вот и мы, гонимые, из многоэтажки
так же ляжем в землю, не пожив на ней.

* * *

Февраль. По-прежнему в фаворе
дуэт фарфора и стекла.
Метели меткая метла
отметилась на косогоре...
Но ощущаю всем нутром
прохладный свет в конце тоннеля.
И оперение Апреля,
и Март с чёрнёным серебром.

* * *

Я родиться могла в Одессе,
в Чёрном море ловить хамсу,
но в надуманной скучной пьесе
малахитовый крест несу.
Вырубаю ночные вазы
по эскизам минувших лет.
С неба-пристани звёзды-стразы
навевают иной сюжет...
Я однажды сбегу из плена
на кораблике-скакуне.
Лупоглазая Ночь-Сирена
обернётся навстречу мне.

* * *

Стемнело. И завьюжило,
повеяло зимой.
То крошево, то кружево,
то бархат с бахромой.
Для дворников с лопатами –
весёлая пора.
А мы – во двор с ребятами...

Нетронута гора
санями и фанерками.
Метель навеселе.
Смерть вертит пионерками.
Вожатая – в петле.

* * *

В небе тучки-ангелочки
вяжут белые чулочки,
рукавички, колпачки...
Ночи чёрные зрачки
с наплывающим бельмом
за окном.

* * *

От горшка – под стол пешком
с золотистым петушком.
Дотянулась до стола,
разом стол переросла...
Хлеб и водка на столе,
стол – в земле.

* * *

Мост к невесомости. Леса
огнём гонимы.
Бывают в жизни чудеса,
бывают зимы.
И по живому дождь ножом,
и снег по пояс.
Кружась остриженным стрижом,
держусь за полюс.
Весь к югу тянется росток –
мороз по коже.
Мой север – из горючих строк.
Спасибо, Боже...

Сергей Борисов

* * *

Продавали в горсаду
Необычную еду.
Мы наелись, напились,
На скамейке улеглись.

Вдруг сказала строго Нина:
«Это ж просто строганина!»
И уселась прямо в грязь,
Смехом девичьим давясь...

* * *

Была погодка как огурчик,
И снег морозный с веток сыпался,
И заяц мятый, как окурочек,
На волка серого не рыпался.

Мелькал меж сосен сонный лыжник.
Вослед ему хмельные лыжницы
Кричали весело: «Фуфлыжник!»,
А он в ответ им: «Кончелыжницы!»

Какая дивная идиллия,
Какой денёк, ей-богу, выдался!
И локон лета избыльного
Из зимней тучи дерзко выбился.

* * *

Купила платье тёмно-синее,
 Оно такое раздолбайское –
 По верху лапки всё гусиные,
 А по подолу – каракатицы.

Манжеты – с вологодским кружевом,
 Воротничок такой божественный,
 И поясочек – с кукурузами,
 А в целом всё ужасно женственно:

Повсюду проймочки и вытачки,
 В груди и в талии удобное,
 Льняное, ладное, в обlipочку,
 Я в нём и стройная, и модная.

Я покраснелась, словно с водочки,
 Мечты и мысли стали дерзкими –
 Достану старенькие лодочки
 И каблучки приставлю венские.

* * *

Взяв займы четыреста рублей,
 Я купила швейную машину
 И теперь ищу четвёртый день,
 Где достать сто метров крепдешину.

Мне соседка кремовый кримплен
 Предлагала привезти со склада,
 Только вот кримплен – на кой он хрен,
 Если крепдешину бабе надо?

Я продам запас сухой лапши,
 Заложу последний куст малины,
 Но заветный модный крепдешин
 Мне доставят завтра из Берлина!

* * *

Глубин бытия опасаясь,
 Грехом сновидений дыша,
 Маруся, любви не касаясь,
 По жизни идёт не спеша.

Окрошку с утра приготовит,
 Заплату к бурнусу пришьёт,
 Бардой жеребёнка напоит,
 И в избу неспешно взойдёт,

И молвит чуть слышно: «Так надо»,
 И тяжесть из сердца уйдёт,
 И русскую песню «Гренада»
 Она как молитву споёт...

ЗАПИСКИ СЕННОЙ ДЕВКИ

Сегодня, выглянув в окошко,
 Я съела щей прокисших плоску.
 Потом в платке из миткаля,
 Дровишки в печке подпаля
 И нацепив на блузку брошку,
 Гадала я на короля...

Я вас люблю, к чему лукавить?
 Я мразь, а вы, к примеру, князь.
 Я вас мечтала позабавить,
 Чреду унылых дней разбавить,
 Но вот упала носом в грязь –
 И с детством нить оборвалась.

Свой бюст смогла я приподнять
 И щёки свёклою натёрла,
 Но, промочить желая горло,
 Я не сумела устоять,
 Решила пыль с гордыни снять
 И бражки жбан с собой припёрла.
 Совсем немного я пила,
 И гостю каждому дала
 Себя почувствовать, как дома,
 Ведь им в гостях всё незнакомо...

Потом я снова поддала –
 Блистательно, полувоздушно –
 И снова каждому была
 Странноприимна и послушна.
 Порой крутилась как юла,
 Желая выглядеть радушно,
 Но честь девичью соблюла,
 Ведь я люблю вас простодушно!

* * *

Я толстый, бравый, холостой,
И мой бумажник не пустой,
Я разъезжаю с дамами по городу,
Мы посетим café chantant
И как terrible, и как enfant,
Схвачу я полицмейстера за бороду...

В душе я просто Лев Толстой
И нынче встану на постой
К племяннику Бестужева (Марлинского).
Да, я немного под chauffé,
Но я хочу сходить в café,
Чтоб хлопнуть шкалик водки за Белинского...

Потом я стану сам не свой,
И мне никто не скажет: «Стой!»,
Мне покорятся все девицы с Невского.
И пусть я буду пьян в дугу,
Но я в постели превзойду
Тургенева и даже Достоевского.

* * *

Сквозь прусские луга бескрайние
Под звуки марша триумфальные
Идут потомки Померании
И дети солнечной Вестфалии.

Вглубь графства-герцогства голштинского
Из королевства геттингенского
Бредут под полонез Огиньского
Апологеты вальса венского.

А вслед за ними вдоль по берегу
Всепобеждаемой Голштинии
Навстречу сумрачному Шлезвигу
Ползут усталые актинии.

* * *

По улице Вайнера – что за осанка! –
Проходит бригада морского десанта.
Походка – что надо, и глотка – что надо,
Они маршируют в пустыню Невада.

Во фланг им по улице Ленина ходко
Идёт в парусиновой куртке молодка.
Лихих усачей не страшна ей бравада –
К ней был благосклонен профессор Левада.

Направо – УрГУ, а налево – ЦГЭшка:
В ЦГ (гастрономе) открылась кафешка.
И машет ей Яков Свердлов с постамента,
Не чуя в ней классового оппонента.

Ласкают ей слух алогизмы Зенона,
Полна её грудь грозового озона.
Ей ведома хватка и ада, и ЦГАДА:
Она и сама из пустыни Невада!

* * *

По коридору институтскому,
Коленями сбивая мусорницы
И губы жертвенно покусывая,
Бредут усталые сотрудницы.

В сухой горсти зажав монету,
Стремясь с похмелья не морщиться,
По направлению к буфету
Шагают дерзкие уборщицы.

А по старинному паркету,
Ничком простёршись, словно гусеницы,
По направленью к туалету
Скользят нагие первокурсницы.

* * *

Товарищ мой, пойми: Свердловска нет!
Есть Оперный, Шувакиш и Белинка,
Кафе «Пингвин», Крапивин и Плотинка,
Дом офицеров есть, Свердловска – нет.

Есть Уралмаш, рок-группа «Кабинет»,
Дворец культуры автомобилистов,
Есть «Каменный цветок», «Агата Кристи»,
Театр кукол есть, Свердловска – нет.

Есть «Совкино», дендрарий, Вторчермет,
Есть Николай Красовский (академик),
Есть альманах «Уральский современник»,
«Весна УПИ» есть, а Свердловска нет.

Его напрасно, друг мой, много лет
Мы ищем в дебрях Екатеринбурга:
Ведь нет ни бытия, ни демиурга –
И стало быть, увы, – Свердловска нет.

ГОРОДСКОЕ ДЕФИЛЕ

1.
Я свой век недаром прожил –
Я освоил айкидо,
Стал похож лицом и кожей
На Жан-Поля Бельмондо.

Я в движеньях осторожен,
Я культурою богат.
Я душевно расторможен,
Как деникинский солдат.

День окончен, ночь настала,
Я жую куриный фарш
И с улыбкою усталой
Начинаю свой демарш.

2.
Капнув воску на матроску,
Взявши в жменю мармелад,
Я по городу Свердловску
Совершаю променад.

Я морально безупречен,
Как этнограф Богораз,
Часто ем говяжью печень,
Как простой рабочий класс.

Я весьма неплохо сложен,
Редко пью одеколон
И на зависть всем прохожим
Совершаю моцион.

* * *

Была ты краше всех подруг,
Когда крутила хулахуп.

На производственной гимнастике
Ты затмевала всех по пластике.

На Кубке мира в Приэльбрусье
При упражнении на брусьях

Блистала ты фигурой тонкой,
Но не смогла стать чемпионкой:

Из-за раздувшихся сосков
Ты плохо сделала соскок.

* * *

Мы не ели и не пили,
Бабу пьяную лупили.
Говорили: «Не базлай!»,
А она вопит: «Банзай!»

* * *

Когда вы живёте в чужом околотке,
Не нужно махать кулаками до драки,
И если вас трое в потрёпанной лодке,
То лучше грести, не щипая собаки.

* * *

Хотя бы одна неказистая вша
Должна быть у каждого малыша!

* * *

«Тойота», «тойота», перейди на Федота,
С Федота на Якова, с Якова на всякого...

* * *

Всё мы делаем с ленцой
И на всех плюём слюнцой.

Братья Бажовы и сестра их Варвара

* * *

листва проклонется, заквохчет
и защекочет чей-то нос.
шмели – чем дальше, тем короче –
пускают крылья под откос.
бредёт, постукивая взглядом,
конвойный ангел где-то рядом,
весь фотосинтез под контроль
берёт опять какой-то тролль.

и литры воздуха хмельного
в бутылке, с вечера пустой,
и если я иду не в ногу,
то слышу музыку, простой
мотивчик, сызмальства знакомый,
по осени служебный знак,
и гравитации оковы
для неокончивших филфак.

* * *

гуляет ветер по наклонной
форель вращает втулкой вод
наполовину полных полной
твоей свободой идиот

водоворот воды в природе
февраль доставшая чернил
вдова не плачущая вроде
но вся одетая в винил
чеканит буквы по бумаге
не арамейский но иврит
и ясно даже злой собаке
что билл убит

а если бы не посвящали
свободе праздничных стихов
то он бы жив был как вначале
среди снегов и облаков
и там средь именных обломков
и здесь на самой глубине
гуляет ветер, флаги скомкав
и гладит финку при луне.

* * *

глянец вывернут наружу
соком солнца и тепла
я проснусь и обнаружу
вот опять не умерла
одомашнено цунами
нерпы нервные снуют
и придуманный не нами
вместо бога абсолют

не нарушу клятвы нежной
и не потревожу нерп
возле полосы прибрежной
где горит над нами серп
а под ним ничто не ново
май по имени ташкент
и не жди от них иного
на планете Сексен Хенд

под созвездием гламура
в соке солнца и тепла
это глянец я ж не дура
я ж не дура
поняла

* * *

1.

Молодые мойдодыры покачали головой
И на зимние квартиры убежали ночевать,
Потому что честь мундира – это джингл перед главой,
Неразгаданная повесть, неоткрытая тетрадь.

Вместе с опытом прочтения к нам приходит опыт сна,
Дремлет рыбка, дремлет птичка, вот и ты скорей ложись
В свой томограф вдохновенный, словно в терем расписной,
И весенняя прогулка в магазин длиною в жизнь.

Будешь пойман, вымыт, вынут из петлицы в пиджаке,
Где покоилась редиска, позже носовой платок.
И въезжаешь в этот город, словно царь на ишаке,
И кушаешь чей-то близкий незнакомый локоток.

2.

Корней ходил по Переделкино
И затевал беседы с белками.
Он шёл куда-то в грязь и марево
И с муравьями разговаривал.

Он птицам рублеными фразами
Всё сокровенное рассказывал.
Но монолог их трогал мало чем –
Слова тонули в гвалте галочьем.

Свисали капли с веток бусами.
И небо мёрзло, дымом съедено,
И локоть... Локоть, вдрызг обкусанный,
Ужасно ныл при встрече с Фединым.

3.

Велотрек мой неровный опять заморочен дождём
Я по скользкой дорожке спешу беспощадно drifting
Темнота оставляет свои начертания углём
На руках и ногах отмечая места поцелуя
Мы родимся с тобою в Канзасе но прежде умрём
И наверное будем себя вспоминать без причины
И ободранный локоть точнее два слова на нём
Кровоточат как прежде ладони святого мужчины

Мой Ванкувер блистательный, вечный сияющий Кёльн
Я приеду с авоськой лепёшек и термосом ягод
(цвета крови моей), если надо, ты будешь рождён
От меня или вместе со мной среди пепельных пагод
Возвращаясь к своей каллиграфии каждый сентябрь
ты не видишь а слово горит за спиной будто троя
Надломив одуванчик получишь военный корабль
На котором по стиксу плывём только нас уже трое

* * *

1.

и вот археоптерикс распустил
не слухи – перепончатые крылья.
но только я его перепостил
на правое предплечье – в небе тыльном
восстало солнце перистым пятном
и покатилося вбок членистоного.

я думаю всё время об одном.
и о другом –
немного.

2.

Ниф-Ниф, не приставай,
челябинские стансы
мне в темя бьют приёмами ушу.
Припоминая что-нибудь из Маркса,
свои симптомы точно опишу.
Опасная привычка – это верить,
что память – несводимое тату,
она как полдень в Графальгарском сквере,
в ней людно, как в израильском порту,
когда накормишь уток до отвала,
столицы мировые обогнув,
поймёшь, какого шрифта не хватало
моей плите надгробной...

Твой Нуф-Нуф.

3.

то волки, то иные проходимцы,
кричи три раза, точно пастушок,

жить хорошо в оттаявшей провинции
у моря, пусть его и на вершок.

такие чайки странные повсюду,
накинутся, с зубами оторвут.
ешь медленно и береги посуду,
пластмассовую, словно голливуд.

пойдём втроём стучаться в эти двери,
иначе всем нам сделают пиф-паф,
пока судьба, воровка на доверии,
гадает по буграм на черепах.

* * *

на кудлатый огонь зажигалки слетелись и ждут,
диск-жокей раскрутил, и рассыпался искрами шарик.
вот и взят предпоследний пред новою жизнью редут,
где коптят, словно рыб на решётке, и медленно жарят.

хоть прикуривай, в небе европы пылает закат,
а над нами плывут непонятного рода обломки,
словно мусор, сметённый великим таджиком за мкад.
вот бери в свои две это всё и без памяти комкай.

ничего не случится. вернётся на место рассвет,
поезда облаков долетят от москвы до калуги.
если клара и карл в сотый раз не поделят кларнет,
то у смерти твоей вновь окажутся женские руки.

это пасха наскальная в богом забытой дыре,
человечки и стрелы, костёр, освещающий стены,
луч звезды, прожигающий небо сквозь тысячи лет,
и от этого скачут заоблачно в яндексе новые цены.

но вернётся шварценеггер лечить своё прошлое в нас,
и от кожаной куртки запахнет большой переменой.
я давно предсказал то, над чем ты смеёшься сейчас –
и твой смех научил эту ночь убывать постепенно.

я успею и щелкну затвором просёленных век,
чтоб впечатать в сетчатку гексаметр жилки височной.
иероглиф бровей перевёл бы внимательный грек
на морзянку сердечную с ритмом, конечно, неточным...

* * *

запах рождения и тлена
оцифрован праздничный салют
даже мухе море по колено
если zoom на несколько минут
посмотри южнее недотрога
карты мира выжжены края
и куда ведёт меня дорога
завтра будет родина моя

поменяй заставку на десктопе
на бок положи его другой –
вот река свои меняет тропы
и зима всё время под рукой

но в мозгу твоей клавиатуры
роли поменялись на ходу:
родина – куда горящим туром
завтра после смены попаду
только заедающей пластинкой
моя память крутит всё одно
под хиджабом хохот палестинки
край подола выпавший в окно

или коврик что прогрызли мыши
под которым прячутся ключи
бабочки они тебя не слышат
так что громче ни о чём молчи
делай вид иди куда попало
как герои странного скворца
запах хлорки в пыточных подвалах
забывая за стеной дворца

* * *

1.
надену гравита-
ционные ботинки
смешная высота
и музыка лезгинки
страховка сохрани
спаси и всё такое
шестнадцатый этаж

как будда я спокоен
подумаю про смысл
биения мошек в стекла
а воздух углекисл
а кое-где намокло
не открывай окна
я замер аки снайпер
дыхание, тишина
и вскрикивает вайбер

2.
последние джедаи
всегда идут в поход,
а мы не ожидали
иного через год.

вот будет продолженье,
героев воскресят,
ведь главное – движение,
когда за пятьдесят.

не жёлтые ботинки,
которым сносу нет,
а мошки или льдинки –
про всё один ответ.

почувствуй эту силу,
взмывай под небеса,
забуди, что дальше было,
не открывай глаза.

3.
гимн промышленных альпинистов –
хочешь – тебе спою?

«мы двуноги мы ручисты
мы у бездны на краю
мы такие что побойся
в оба глаза нам смотреть
от страховочного пояса
иногда бывает смерть
мы в быту неприхотливы
мы кремнисты словно храм
и ветвятся наши гривы

поперёк семи ветрам
мы плечо своё мужское
подставляем всем подряд
лишь отчасти в веки кои
нас как надо матерят»

гимн промышленных альпинистов
спел я тебе дотла.
ты уснула так быстро,
будто ты
умерла.

* * *

ружьё после выстрела – флейта,
и музыка плещется в ней.
и только безумный ефрейтор
пасёт на границе свиней,

скрывая далёкое сходство
за частой щетиною щёк
с надеждой, которую Коцман
упрятал в дырявый мешок.

мундштук окровавленный в яме
(а ноты летят из горла).
скажите, но только не маме:
она лет как шесть умерла.

скажите: ефрейтор не в курсе,
и если б он только узнал,
что дни его танков под Курском
вот-вот распрягут под безнал,

то вашу прибрежную пену
поющую что-то зазря,
себе в изголовье на стену
приклеил бы вместо царя.

на ящике плоско зеркальном
гонял бы убогий бильярд,
но незачем быть маргинальным,
когда нас таких миллиард.

* * *

1.

щелканье ножниц у глаз и звонок телефонный
твой монотонный рассказ о вчерашней знакомой
не заглушая мотор в паре миль от парижа
вдоль вулканических гор познакомились ближе
невыносимо смотреть на овал подбородка
злую ухмылку стереть помогает лишь водка
асимметричны виски стала музыка громче
брею зигзаги тоски на затылке непрочном
лезвие где-то внутри мозжечка повернулось
в зеркале мутном смотри я тебе улыбнулась
неосторожно близки наши странные лица
в темпе дрожанья ноги скрипнула половица

2.

пол линде говорит: «камбэк»,
начищен и отлакирован,
а тем, кто роется в компе,
и без того сейчас херово.

стучат со дна, что это дно
не потолок для тех, кто ниже,
и облак полноприводной,
он как фанера над парижем.

в нём лампочка, она горит,
в ней ужас вымытого пола –
так говорил один пиит
в часы всемирного футбола.

стакан наполовину пуст,
и быть нельзя чуть-чуть богатым,
и будда, как забытый пупс,
глядит с известного плаката.

а небо остужает пыл,
уже не требует ремонта,
и суп гороховый остыл,
и ангел думает о ком-то.

3.

мама без конца рассказывает мне
две истории.

первая:

летом 1945 года в их двор (Иркутск, улица Пятой Армии, 19)
каждый вечер приходил молодой фронтовик,
офицер Юра Левитанский.

играли в волейбол.

у Юры были ручищи –
все девушки вздыхали.

мяч он подавал отменно, а попутно
засматривался на мамину старшую сестру
Лиду.

он сказал ей: поедem со мной,
я сделаю тебя счастливой.

Лида подумала: ну да, руки – невероятные,
крепкие, красивые, сам – ничего,
герой войны.

подумала – и отказала.

тогда Юра поспешно женился на
их соседке Мусе Гольдштейн.

то есть

ему было всё равно.

вторая:

император Павел I приказал,
чтобы полы в его спальне скрипели.

зачем?

чтобы успеть спрятаться от убийц.

так и уложили паркет: вкось-вкривь.

однажды ночью Павла пришли убивать,

а он спрятался за ширмой, думая:

какой же я умный!

мама неожиданно говорит:

пойдём выпьем чаю, а?

так он спасся? – спрашиваю я.

кто? – интересуется мама.

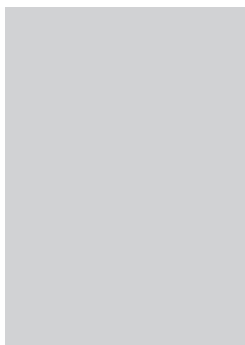
император Павел, говорю я.

не помню, отвечает мама,

лучше я расскажу тебе про Юру

Левитанского.

Илья Будницкий

* * *

По-прежнему деревья в лепоте,
 На белизне, которая везде,
 Есть нечто, не уловленное взглядом,
 Та жизнь, что замирает под стеклом,
 И нити, разрастаясь волокном,
 Становятся бессмертием и садом.

Я знаю, что мгновение умрёт,
 Что волшебство всего лишь снег и лёд,
 А красота – в глазах и за спиною.
 И медленно с ветвей летит пыльца,
 И небо – смесь молчанья и свинца,
 Но сказка не становится земною...

Ты с каждым шагом стряхиваешь сор,
 Как будто нить вела в голодомор,
 А полотно её перекрутило,
 И мир теперь окажется иным,
 За поворотом – облако и дым,
 И снега больше, чем за Летой ила...

* * *

Мокрица оплетает ноготки,
 Жасмин зацвел в последнюю жару,
 Горох на палку навернул витки,
 И гусеница лезет под кору.

Для человека скуден огород,
Но в нём цветёт и пахнет лабуда
Всех наших бедных северных щедрот:
Ромашка, одуванчик, лебеда...

Ты скажешь: несъедобны сорняки,
И место им на заливном лугу,
Но мне растить картошку не с руки,
Да и полоть я травы не могу.

И не хочу. Достаточно того,
Что я живу у каждого цветка,
У жимолости более всего,
У клевера, жасмина, ноготка...

ФОТОГРАФИЯ

Одна и та же панорама,
Но время года измени –
И там, где водяная яма,
Возникнут эльмовы огни,

Затем снега, следы погадок,
Проталины... Таков порядок
Круговорота... Черед
Зелёных, алых, белых пятен,
И только путник невозвратен,
Как голубые города.

А так вверху – то ночь, то замки,
Внизу – листва скопилась в ямке,
Перебежал по кромке ёж...
Сосна раскидывает крону,
Стрижи напали на ворону,
И куст на путника похож...

* * *

Растущая у берега осока,
Безветрие, сухие камыши,
Стоячая волна противотока –
Белесая картинка Ци Бай Ши.

Но северней – ни пса под балдахинном,
Ни цапли в грациозном па-де-де,

Ни орхидей в их пароксизме хинном,
Ни лодки, отразившейся в воде...

Берёза и шиповник по обрываю,
Калужница и тина у корней,
И некуда прилечь плакучим ивам,
У берега, где тени всё длинней...

* * *

В нескошенной траве попрятались букашки,
Цветёт чертополох, роскошна лебеда,
И ветерок с холма приносит запах бражки,
Воскресный люд шумит, над ним горит звезда.

Все таинства травы, медлительного леса
Восходят к миражам, спускаются к воде,
И ласточка парит, и не имеет веса,
И озеро внизу – поэма о гнезде.

А что до мошкары – она неистребима!
Ей домом – все холмы, вся листовенная рать!
И, сколько ни смотри в союз огня и дыма,
Ни бабочек в костёр, ни мысли не собрать!..

* * *

Где после юности точка, провал?
Я никого из ушедших не звал,
Но говорил еженощно с тобой,
Луч то зелёный, то вдруг – голубой...
Лунный, серебряный голос и смех,
Время печали и время утех,
Мостик над пропастью, дудочка сна,
Если река – то ни лодки, ни дна...

ЗАПУСТЕНИЕ

Пока под нашей колокольной
В малине трудится пчела,
И небу дышится привольней,
Пока молчат колокола,

Так безмятежно запустенье,
И август вечностью прошит,

Как будто снова воскресенье
Над башней маревом дрожит.

Ни человека и ни звука,
Пчела и полдень золотой...
Любви нехитрая наука,
Уже другой, нездешней – той...

* * *

Сорочий стрекот возмущённый
и прочий бестолковый гам –
стоят древесные колонны,
закат коленопреклонённый
пологим облаком к ногам
не дотянулся, угасая,
на этот раз воронья стая
взвихрила дикий хоровод
так беспорядочно, без блеска,
как будто черновик бурлеска,
иль неудачный перевод
с сорочьего на общептичий...
Всё опрощать вошло в обычай
не только птиц, но и людей.
И мы кричим не в такт и праздно,
и наша пляска безобразна,
полна порывов и страстей...
Так что мне птичья перепалка?
Они кричат, а мне не жалко,
что нарушаю их покой.
И первым вестником ненастья
багровый ответ у запястья –
смола, что тает под рукой.

* * *

Скрип уток – ржави перекличка,
В осеннем золоте яичко,
И снег в июньский беспредел,
И лики в пламени заката,
И переходишь на легато,
Вдруг оказавшись не у дел.

Вся вечность – меньше чем минута,
Ещё мы помнимся кому-то,
Но смутно, словно шум в груди,
Как боль – но более бесплотно,

И птицы лягут на полотна,
Как тени – строго позади.

Закат, какой он долгий летом!
Ты спишь, но тянешься за светом,
И видишь мостик без перил,
Под звуки птиц и насекомых
Коришь себя за каждый промах,
О чём бы не заговорил...

А ночью скрип сорвался в скрежет,
Как будто кто лягушек режет,
И разошёлся дикий хор.
И множит монотонным звуком
Моё хождение по мукам,
Как эхо облетевших гор...

* * *

Водицей талой голову промыть,
Пустить на суп крапиву или сныть,
Дать смотреть еловой гвардии в подлеске.
Кислит на вкус сосновый канделябр,
Не отрастить, как Ихтиандру, жабр
И не повиснуть жерехом на леске.

Нырнуть – нырнёшь, но так, неглубоко,
Спадёт вода, и где-то далеко
Опять задует, прянет, загрохочет...
Ещё глоток, и вызреет зерно,
Ручей под август приоткроет дно,
И замолчит, как будто зубы сточит...

Уснёт, умолкнет речь без языка,
Но к осени опять издалека
Пригонит влагу ветер на отроги.
И лес шумит, и речка голосит,
И на ветру полощет и сквозит,
И вынырнешь, как щука в эпилоге.

* * *

И планета кружила, и бабочки ахали,
И смола застывала то каплей, то кружевом,
И птенцы вырастали крикливыми птахами
И метались разрывами в облаке плюшевом.
Перепонки болотных кувшинок раздвоены,

Голова одуванчика крутится-вертится,
И ручей умолкает, оставив промоины,
За которые держится, падая, деревце.
Водомерка напишет мою эпитафию,
А потом убежит по дождю на свидание,
И сверчки замолчат, не создав себе мафию,
Если мафия – это всего лишь литания.
Заверни самокрутку зелёного запаха,
Оторви от коры древоточца-романтика –
Если тень вырастает с востока и запада,
Значит, бублик свернулся в подобие бантика.
Наступает зима перед каждым прощанием,
Переходим порог и скребём по завалинке.
Ты потом не забудь – загляни в завещание.
Потому что я знал и купил тебе валенки.

* * *

«И так дерьма наешься, что с богами беседуешь...»

Конкретика? – пожалуйста: страна,
Где видят небо, но не видят дна,
где гильотина – средство от ангины,
и детские болезни левизны
не более, чем сифилис, страшны,
в сравнении с реальностью – невинны.
И символы – кровавик, хризолит,
в чекисты записавшись, Айболит
поставил всем желающим по клизме,
и хочется, и колется отлить –
но стоило ль очарованье длить –
мы всё равно живём при коммунизме.
Единство и борьба – то строй, то грабь,
то прозой – кайся, рифмами – силлабь,
то бронзовой у створок мавзолея.
Не хочется – постранствуй по морям,
втирай о просвещенье дикарям,
пока светлеет тёмная аллея.
Затёртый образ, но зато живой,
нам по миру скитаться не впервой,
но Родина, как язва, не абстрактна,
за лесом не деревья – темнота,
и нет неопалимого куста...
Не гильотина? – значит, катаракта.

Анастасия Ваулина

* * *

на такой глубине тошнит,
и глаза открываются сами,
небо в горле стоит,
сдавленное руками.

град по губам стучит,
ветер в дыханье стонет,
и цепенеют грачи
стаей в твоей ладони.

остановись, дыша.
так остаётся между
нами одна душа
величиной с подснежник.

и уплыви на звук
слушать в тумане тайно,
как при помощи рук
сделать меня хрустальной.

* * *

Тянутся провода,
кардиограмма колёс.
Воздух вдохнёшь – вода:
облако порвалось.

Не обожгись кипятком:
ночью трясёт вагон.
Товарняк или гром –
не разберёшь сквозь сон.

Где твои волки, лес,
их ледяная печаль?
Вылей её с небес
в этот горячий чай.

* * *

Вот бы расплакаться
тканью!
Такой же тугой
горячей
глубокой
печальной
простой, настоящей
и чуть
прозрачной
и пышной, поскольку –
навзрыд.
Разрыдаться ею
Разбрызгаться
Раскричаться!!!

Я бы сшила её
и в том платье
сбежала венчаться.

* * *

Снизу вверх
вижу
не крыши
а выворот крыш
исподнее туч
пух под крыльями чаек
и кажется, я везде
только не с ними
закономерно:
якорь в моём животе
от неба, наверно

* * *

Как на замёрзшей реке,
в тучах –
тысячи рыбаков
и в каждой руке –
удочка.
Тонкие лески дождей
сквозь леса
города
людей
ищут улов.
Путая волосы,
мысли
в клубочки из слов.

* * *

Аттракцион:
с ветки на ветку
с завязанными глазами
сны
стрекозами
вьются
с обратной стороны век
когда замерзая
пускает
слёзы из глаз человек

СКАЗКИ

1.

Дышать туманом легко: вдыхаешь воду и выдыхаешь воду,
вроде русалки, которая перепутала океан, потеряла голос,
ноги, принца
и теперь лежит обвивает хвостом тело северного морехода,
строит айсберги, замораживает ледники, ждёт, когда тридцать
три богатыря найдут её по горячим подводным теченьям
и в сильных ладонях снесут на обветренное побережье,
где горластые чайки будут её единственным пеньем,
где на кромке волны написано то, что обычно между
строк. Но прочитать – не значит проговорить словами,
оживить, дать сказанному вдох и выдох
На последнем витке ракушки, в белесом храме
дважды смолчим о погибших безмолвных рыбах

2.

разоблачив в облаках лебедей выловить чёрных
метель раскачивает колыбель укрывает ворона
на другом конце коромысла плещется щука-дева
стынет щека под слезой слезу слизывает королева
под серебром копытца лёд никакого чуда
оттуда всё кажется ветрами и изумрудами
пруд не проломить не растопить руками
и ласточка улетая на юг не заметит тебя подо льдами
в холоде пусто скреби не скреби по сусекам
замерзая каждая сказка сбывается снегом

* * *

На мигающий жёлтый успеем – увидим лето,
Выбежав на дорогу с сырой головой
После заплыва на скорость с одной планеты
К другой

Воздух с утра на ощупь – халва и масло
Там, где нас видели, звучно упал дождь
Фонари, разложившись на спектр, уже не гаснут
Возьмёшь

Мокрые кеды в руки, пойдёшь по ветру
Если стекло не порежет твоей ноги,
Приходи на Шарташ, пересчитаем к рассвету
Круги

Так замирает время: звоночек птицы
Перерастает в долгий протяжный вой
Душа улетает к звёздам, чтоб возвратиться
С одной.

* * *

Пройди по нам, Пермь, громадными тротуарами
Закаменными вздохами выветрены поезда
с обеих сторон от тепла. Берегами непарными
несудоходной зимой проходили суда
мимо воды. Самолётами небо измотано
Голову запрокинув, легче стерпеть
и загадать под мостом, что как будто никто ты мне
ровно наполовину. Или на треть

Холод покрошен на снег. В городе каждом –
маленькие фрагменты других городов
Проспект, запинаясь, их перекладывал дважды
Трижды, возможно. Зависит от чёткости снов

* * *

Снег
тает под языком
у людей, которые могут ходить босиком
по льдам
У них
вместо зрачков – вода
И поэтому, наливаясь весной,
сердце стучит мной
Они называют это явление дрожь
а я – любовь
Небо играет само с собой
в дождь
Ветер играет сам с собой
в свист
Душа умеет летать оттого,
что не умеет смотреть
вниз

Янис Грантс

КЛАВИШИ

Пальцы твои стрекозьи
 клавишей давят клей.
 (Я утонул в неврозе
 от нелюбви твоей.)

Улицы, как помои,
 в сточной стоят ночи.
 (Сделай хоть раз по-мое-
 музыку замолчи.)

ДЖЕРЕМАЙЯ

над водой склонился джеремайя,
 осторожно сердце вынимая:

отпуцу-пуцу его по глади.

ради бога (плакал) бога ради,
 не прими, вода, его за камень
 и не дай быть съетым рыбаками.

над водой склонился джеремайя.
 а вода.
 она.
 глухонемая.

ЗРАЧОК

убийца зафиксирован в зрачке
 убитого при вышнем волочке
 как при аустерлице князь андрей
 лежит под вековым среди корней
 убитый никуда не торопясь
 как при аустерлице графский князь

седая крона траурная вязь
 стал невесом убитый заплелась
 такая лёгкость что никак ничком
 и он взлетел над вышним волочком
 с убийцей теплокровным на глазу
 оставив тело мёртвое внизу

убийца будто в капсуле летит
 в зрачке того кто им вот-вот убит
 убийца плачет я же не хотел
 но он махрой делиться не хотел

а капсула туда где горячей
 к звезде убитых
 к солнцу палачей

ЛУГОВЫЕ СОБАЧКИ

вода стекает в норки луговых собачек.
 собачки вылезают наперёд
 лугов, таящих разноцветье пачек
 от сигарет и проч. такая вот

нехитрая картинка алабамы
 прикинута к стене. смотрю и жду,
 когда ты возвратишься из бедлама
 и принесёшь с собой белиберду.

и так проходят годы напролёт.
 один в один, как близнецы сиамы.
 я жду тебя. меня никто не ждёт.

проходит год. проходит снова год.
 собачки вылезают наперёд.
 мне плохо тут. им нестерпимо там.

ТРОЛЛЕЙБУС

дышит одышкой. цветёт как самшит.
села в троллейбус. шуршит и шуршит.

шепчет. невнятно. и шарит ковшом.
в маленьком. среднем. побольше. большом.

с пола поднимет. уронит с колен.
свой бесконечный полиэтилен.

что ты там ищешь, смешная душа?

на «станкомаше» выходит, шурша.

ПРИНЦ

открывают птичьи клетки мертвецы.
разлетаются дрозды. щеглы. скворцы.
прижимает мишку плюшевого принц.
так, что пуговицы лезут из глазниц.

в страхе мечутся скворцы. дрозды. щеглы.
разбиваются посмертно об углы.

сердце принца утекает наутёк.
шлёт из пяток свой густой и тихий сок.

мертвецы у изголовья на посту.
как замотанное в тряпку, сердце сту...

ЖАК

когда на дымных этажах
ты скажешь мне витиевато,
что у тебя завёлся жак,
ну, тот француз из деканата, –
мне примерещится жуком,
что многолапчато рассеян,
твой жак ползучий. при таком
ты зацветёшь во всей красе и
сойдёшь с ума за скорый срок,
сольёшься с дымкой голубою.

и я останусь одинок.
как до тебя.
и как с тобою.

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ

одинокие птицы,
пролетая над бездной че,
разбиваются о края.

ничего не случится
(с нами), пока на моём плече
засыпает рука твоя.

и пока поутру
у меня во рту –
клубок из волос твоих,
я нисколько даже и не умру.
и никто из нас.
из двоих.

другое – не важно (включая эти стишки).
ничего не случится, пока
пока
дворник утрамбовывает в мешки
мёртвых птиц
(граблями за бока).

ТУВИНКА

ты пахнешь снегом и кирзой.
твоей молочной железой
на треть возвращён Кызыл.
тувинка, спой мне горловым,
пока табун, пуская дым,
притопчется с низин.

дай скрыться в космах между ног.
губами дай согреть сосок.
верхом свой круп взвали.
и пой. и пой мне горловым,
чтоб я хранил себя живым
в челябинской дали.

ПОЛЁТ

*о, я б летел над сельским магазином,
где продавщица плачет и течёт,
и, вылив треть канистры из бензина,
сводя с судьбой невыставленный счёт,
в обычных обстоятельствах тщедушный,
а тут с цепи сорвавшийся фома
бесплатно хочет водки самой лучшей,
в противном, угрожает, всем хана...*

но я б летел и дальше. возле мкада,
хоть я не знаю, что такое мкад,
где ингуши торгуют виноградом,
пока чеченцы тырят виноград,
и на арбузной горке восседает
виталий (не кальпиди, а другой)
и чертит голова его седая
по воздуху параболу дугой...

но я б летел, поскольку приземлиться
уже мне не придётся ни за что.
виталии, фомы и продавщицы
мелькают, как бочонки из лото,
которым липкий запах рук несносен,
по клеткам поля вставшие как есть:

12.

49.

28.

4.

30.

86.

СТАРИК

у тебя, старик, просрочен
срок хранения. тут
не до прикупа и сочи,
а вообще – капут.

накрахмалены халаты –
ангелы стоят.
и моргает виновато
лампа в сорок ватт.

БЕЛОЕ НА БЕЛОМ

снег – это белое на чёрном,
хотя порой – наоборот.
ты смотришь классику из порно,
не зная, как захлопнуть рот.

и снег ложится валидоллом
и на язык, и под язык,
как будто ты под небом голым
к экрану голому приник,
глотаю воздух то и дело
и завидушую слюну.

снег – это белое на белом
и ты, уткнувшийся в одну...

ЭЛЕКТРИК

проштробил, поклат проводку,
харю почесал
и сказал светло и кротко,
лыбясь так, сказал:

попотели – полакали,
и в кювет – хлобысть!
вот ведь мама дорогая,
а короче – жисть!

ЧЁРТ

рыжийрыжийрыжий чёрт.
сладкая голуба.
из тебя слюна течёт
прямо мне на губы.

я отравлен и прожжён
чёртовой слюною.
только – лезу на рожон,
и стону, и вою.

и однажды поутру,
чёрт золотоглавый,

от любви твоей умру
я на пике славы.

но мычать об этом что ж
раньше срока. ты же
всё течёшь, слюной течёшь
по губам и ниже.

НЕ ХОДИ

Не ходи туда не надо
Не ходи туда
Там маркиза или сада
Злобные стада

Там по грош за канарейку
По кило за сыр
Там боец из трёхлинейки
С именем басыр

Там приклады и оклады
На один размер
Не ходи туда не надо
Полицейонер

ПИРАТСКАЯ ПЬЯНАЯ

Крысы щёлкают хвостами
в трюме дотемна.
Ничего не будет с нами,
разве что – хана.

Чайки каркают над мачтой
годовых колец.
Ничего нам не маячит,
разве что – конец.

Штормовали норд-норд-вестом,
только бог не спас...

И русалки, как невесты,
объедают нас.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

вот и дождь. этот дождь на космической фазе полёта
превращается в снег, потому что февраль и суббота.

это снег. он летит синусоидно и неповадно,
превращаясь в соседку. в соседку с клубком. в ариадну.

ариадна летит с на губах исполняемым соло,
превращается в сельдь непонятного вовсе посла.

и когда до земли остаются какие-то крохи,
превращается сельдь в полуночные ахи и охи,
то есть в сон о любви, ежеклеточной и долговязой,
что проходит – как сон – после каждого третьего раза.

и когда этот сон превращается в дождь перекаточный,
я иду под него.
и хожу.
и туда.
и обратно.

НА НЕРЕСТ

обезвожен и пещерист
(кашляя) по дну
человек идёт на нерест
словно на войну

и над ним трещит пучина
(мокрый потолок)
и в мешке его причинном
хлопает белок

расплодить себе подобных
бредит голова
(кружат вяленые воблы
рыскает плотва)

автомат в руке скитальца
ржавый испокон
курят-курят губы-пальцы
вместе с перепон
(ками)

МЛАДЕНЕЦ

младенец-холостяк,
лѐжа на спине позвоночника,
напоминает бекон
утренней жарки
с обугленными краями.
он портится – брошенный,
как чемодан с одним заевшим замком.
он –
приманка для клювов
баллотирующихся здесь ворон.
от них черным-черно,
будто зрачок
разросся до размеров
ЦПКиО имени Гагарина.
но вот появляются люди
в повязках и с флагами
под цвет закусочной
на перекрёстке,
где буфетчица – с лиловым
ячменѐм на верхнем веке.

младенец тем временем
просыпается
и шипит, как бекон.

КОПОТЬ

стоят – чернее копоти.

чего стоите?
топайте.

безглазые.
беззубые.
расхристанные.
в мыле.

чего вам в этом городе?
чего вам в этой комнате?
чего вы в этом зеркале
забыли?

ОЗЕРО

...и стоят облезлые бараки.
ниоткуда вялый дождь возник.
на носу моторки у собаки
высунут язык.

а спиной... в штормовке (как же имя?)
он успел до свадьбы облысеть
и потом пропал на Украине)
выбирает сеть.

выбрал. и – похлеще, чем в корриде:
человек и омуль слюдяной.

(я чудовищ в озере не видел –
позже все они пришли за мной).

ВЕТЕР ЛАЕТ

ветер лает – собака носит
эхо ветра к ногам хозя-
и на пол кладёт: – папа Йося,
я б залаяла, да нельзя.
потому-то на человечьем
умоляю: надеждам – швах!
время лечит, оно – залечит.
пепел к пеплу и к праху прах.

папа Йося слезится: то-то.
гладит псину.
целует фото.

ПОПОВ

лежит Попов.
один среди клопов.
заблёванная кофта.

взъерошенный как птах.
промокший в двух местах.
откуда взял клопов-то?

скрипичный номер два
с экрана лётся на
Попова в странном теле.

торчат пучки волос
из дыр ушей и нос-
а дыры глаз – прозрели.

и думает Попов,
что

ЦЕПЬ

птица, вырванная с мясом
прутьев отчего гнезда,
как заблудший спутник наса,
не вернётся никогда.

когти, вырвавшие птицу,
утолят своих детей.
дети вырастут в куницу
чистокровных соболей.

но куницы век отмерен
не капканом, так ружьём.
человек настигнет зверя
и в него оденет жён.

(спутник чешет что есть дури –
ни сигналов, ни руля.
человек на кухне курит,
напевает ля-ля-ля.)

но однажды вдруг незримый
он предстанет сам собой
(ни трубы, ни серафима)
над планетой ледяной.

ДВОЕ

...ещё отец по вторникам звонит
и спрашивает, как сыграл «зенит».
я говорю: не знаю, и притом
ты умер. ну а я живу с котом.

аккаунт вот завёл ему, коту.
а кот сказал: похоже, ты – ту-ту:
свисток свистит, взлетает крыша ввысь.
ну что я мог ответить? только: брысь!

кот смотрит за стекло на тишину
и видит, как жуки ползут по дну,
а выше пролетает стая рыб.
а этот –
пишет.
пишет.
мерзкий тип.

КРУГ

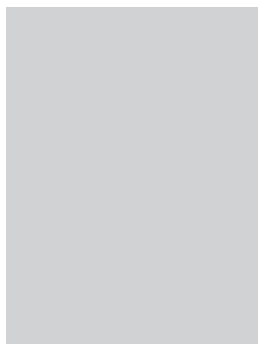
пёс бежит, бежит по часовой,
лает и мотает головой.

против часовой туман ползёт
белый и шипящий, как азот.

а снаружи круга – тьма и тьма.
вроде осень. кажется, зима.

прямо в центре круга – постовой,
разве что не мёртвый, а живой.

Екатерина Гришаева

* * *

словно кто-то читает по-русски бессонное время
и отчаянье наше несёт
только сам засыпает в объятьях
и на север текут несолёные многие реки
надевая безмолвную осень как платье

и леса надевая – почтовые гнутые бусы
переспевшие листья плывут как ольховые лодки
мимо наших домов, мимо нежности русской
мимо ветхой погоды

так отсюда уходим другие и вроде бы порознь
остывает становится пористым воздух

это смерть мы носили как ладанку слившись с дыханием
остаётся одно впопыхах говорить на прощанье

остаётся одно быть испуганным сложенным телом
словно видели сон словно смерть нарисована мелом

словно мы эту жизнь как одежду на теле носили
а потом сквозь неё облака тополя проступили

* * *

Одиночество в доме поёт
 Будто свет на холодном ветру
 Будто сотовый вытекший мед
 Будто по миру пчёлы идут

Будто ты никого не зовёшь
 Называя так много имён
 Будто белые крылья и дождь
 Расправляешь невесело в нём

Но не видно им с той стороны
 Посторонних задумчивых глаз
 Как прозрачные крылья легки
 Как живут они медленно в нас

* * *

Живём внутри приснившегося горя
 И тишина невнятная, и осень
 Его, ещё не зная, что такое,
 По воздуху, смиренные, проходим

Не выбраться из собственного тела
 Имён не вспомнить или это город
 Лежит в стекле предутреннего снега
 В нём спотыкаются охрипшие вороны

И на его лице болят ресницы
 Деревьев, умирающих под утро
 Друг друга утешают криком птицы
 Летящие, наверно, ниоткуда

И мы проходим, за руки не взявшись
 Перебирая прочие молитвы
 Какая тишина у опоздавших
 Ни ожидания нет и ни обиды

СЛЮДА

люлька в которой младенец уснул
 серую стрекозою
 лежит на слоёном снегу
 далеко

люди вдоль реки ловят рыб
сегодня
завтра
всегда
давно-давно
лук да хлеб с солью
советское кино из кварца и льда
белое-белое просто-простое
где все умерли

* * *

Саргинские леса пришли ко мне в июне
а осенью дождём и в виде пустоты
сжимая тёплый свет все ангелы уснули
вдохнувши невпопад набравши в рот воды

глядишь на них в просвет от неба до земли
между глухих холмов сквозь сирые дома
(их пробуя на вкус сжимая изнутри)
огромную рекой приходит синева

ты пробуешь её локтём ладонью пальцем
на запах на простор на тишину на свет
будто она в тебе успела потеряться
воздушной пустотой полупрозрачных век

* * *

Светлый ангел мой
Крылья твои из тонкого льда и крахмала
Напоминая длинных сутулых птиц
Будто день из окна
Тень твоя исчезала
И читала мимо страниц

Я тебя рассмотрю
У белой зимы зевоты
Так ослепшие лгут календарю
И уходят туда в больные холмы погоды

Будто глаза открывая
хожу и сплю...

* * *

Они сидели и молчали
В моём скучающем саду
Своими долгими словами
Раскачивали высоту

Оглядывающиеся деревья
Смотрели воздух изнутри
Они в себя впитали время
Прозрачные седые дни

В них падали отвесно птицы
(Но только нам не видно птиц)
Деревьям птичья тень приснится
Как бы касание ресниц

Как бы солёная страница
Произносимого стыда...
Не видно слов, печальны лица
Неразличимы города...

* * *

на скорости тоски переезжая Кёльн
им распрямляя сон нерусского предместья
где в толщине воды осеннее стекло
проглатывает рыб вращается на месте

я разучился жить по русским городам
разглядывать их стыд перегибать им спины
как будто жизнь одна она ещё болит
белёсой пустотой неясной пуповиной

* * *

просвечивают дни
сквозь яблоневый сад
и ангелы одни
теперь на нас глядят

и нет у нас ни тел
ни равнодушных глаз
мы ходим между тем
изнашивая страх

по кругу от Земли
до Господа где снег
со снегом корабли
плывут на этот свет

* * *

Мы выдумали наши голоса
Печаль перестаёт быть настоящей
Становятся прозрачнее леса
Засушенная мёртвою оса
Перелетает озеро бесстрашно

И выучив движенье наизусть
Мы смерть свою придумали досрочно
Сквозь лист бумаги это только точка
Просвечивает чёрная на вкус

Кто выучит бессмертие наизусть?..

Егана Джаббарова

ПЛЕЧИ

1
подвал ГKB-40

могущественные плечи
на которых держалась вся ось земли
полны воды –
это Зухра омывает их слезами
себя омывает Зухра
пока святая вода течёт под нами.

2
дервиши-мевлеви¹

открывают рты
а там за головой
вырастают
ямы черепные черепные мосты

3
морг, голубой коридор, ГKB-40, терапия налево

голубые коридоры –
последние пути утопленников
вскрытые вены
замороженная морская вода

4

пойдём обниматься в морг
там висят замки новобрачных
вместе не до а после
в чёрных покрывах Аида
спать встречать друг друга
в ночнушках
целовать в плечи.

5

написано: **соблюдайте чистоту**
а надо было писать: соблюдайте тишину
не кричите от безысходности

а если вам надобно кричать
прячьтесь в плечи
Мункара и Накира²

святых мужчин с чёрными глазами
а если и это не поможет
слушайте, периодически говоря
живой, чай пью, передвигаюсь

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

1. Гриша

лавочка в саду, ГКБ-40, мусорное ведро

Гриша хотел быть режиссером
жить в Лос-Анджелесе
по итогу сухого остатка
работал грузчиком
жил с женщиной по имени Оля
(грустно вздыхал при каждом упоминании)
и решил, что кража золота
прямой путь к благосостоянию
потом тюрьма, пять лет в серых стенах
из которых трижды можно было прогуляться
мать умерла Оля ушла
сейчас Гриша идёт в храм
молиться за то чтобы
пришла любовь чтобы было где жить
с кем есть отварную курицу и плакать.

2. Ира

палата 514, неврологическое отделение, 5-й этаж, 1-й койка

Ирочка совсем не девочка,
33 года
уже возраст Христа
между прочим,
у Иры-Ирочки сыночек шесть лет,
мама лежачий инвалид
муж бросил сказал что Ирочка уже не та
у Ирочки умирающий миелин в мозгу,
повреждение мозжечка, галлюцинации,
панические атаки и кошмарные сны
врачи говорят: Ира, мы не можем уже ни черта,
бери сына, вези к морю, поцелуй и пойми,
что всё, что тебе осталось, Ирочка, –
это сын, который впервые в жизни
сядет в самолёт, глотнет морской воды,
пройдёт по гальке и, может, наоборот,
когда-нибудь сам повезёт тебя к морю
смотреть огни, прощаться со всей этой ужасной
жизнью,
с этой великой красотой,
с твоей чудовищной судьбой.

3. Люда

коридор, неврологическое отделение

Люда то ли польская княгиня,
то ли британская аристократка
профиль такой
что влюбляйся и падай
тут же, на месте, без возможности встать
Людочка руки твои разве что целовать
жить тебе надо
в престижном Хемпстеде
собачку выгуливать волновать мужчин
преподавать литературу
но
Людочка стрижёт волосы под ноль

руки уже не работают, руки уже не те,
волосы не заплести, муж периодически бьёт,
потому что он урод,

сын Никита получает диплом,
 у Люды красные глаза,
 она почти никогда не плачет,
 почти никогда,
 покупает сладости и разливает чай
*девочки: главное – не унывать
 никогда.*

4. **Безымянное**

подвал, хирургический корпус, две медсестры

много снятся змеи,
 ползают, не дают мне не думать о
 той самой каталке, где
 лежала она, стонущая,
 беспомощная, говорящая: «ма-ма-ма»,
 я пряталась,
 заглушала подвальную речь,
 и думала: выживет же, доживёт,
 хотя видела, что окровавлен живот,
 но как же иначе, этимологически:
 «живот – жизнь – жить».

милая, хорошая, просто
 держись.

5. **99 имён**

всем невоплощённым улицам передаёшь привет
 тем по которым никогда не ступит твоя нога
 ты это просто камень тень
 смерть
 умноженные на два

дети твои нерождённые ждут
 их никогда не существующего отца
 жители самого счастливого города на земле
 города где не было ни черта

будут тебя отпевать запивать водой
 скомканную цветом хурмы халву³
 одиннадцать голов тридцать три спины
 девяносто девять имён⁴
 вот и все с тобой.

СГЛАЗ

1
всё чему ты учила меня была любовь
раскатанные лоскуты теста для пахлавы
посыпать орехами пять минут
свет, моя дорогая, не нужен нам
лучше когда темно
я вижу твоё лицо

2
мать перебирает узерлик⁵, приговаривая
'за что нам все это'
'сглазили'

сухая трава усыпанная фальшивыми головами
лопающимися если на тебе сглаз
бисмилляхи-р-рахмани р-рахим

три раза вокруг головы
'кто нас сглазил, мы сжигаем его дурной глаз'
как святые: запахом будущей могильной земли

3
три свидетеля ведут тебя к чёрной яме
закапывают по пояс и молчат

сухое материнское лицо
сжатые от непонимания губы

в эту секунду, Нур⁶,
ты можешь молить о пощаде,
но не просишь

НЕБЕСНОЕ

I
Исмаил пасёт коров на луне
поднимает голову и видит орлов
(это Микаил на своем языке
посылает ему слова с жёлтых берегов)
хрупкие юноши прячутся за тело скалы
по красной земле гурии бредут босиком

волосы их как узоры хны
поверх отвердевших сосков
Салсаил верхом на солнечной лошади
сгоняет стервятников с берегов –
к женской пустой утробе
к началу реки.

II

аль-укуль-ул-ашара

первый ангел сдувает слово рождается второй
озирается видит небо под стопой
обнимает прародителя открывает рот
изо рта льётся вода твердеет: кора
на коре стоит третий открывает рот
из его рта вылетает птица на её зов
слетается четвёртый и закрывает глаза
из глаз его катится полуночная слеза
плавится белым оловом становится землёй
на земле стоит пятый ангел
слово его огонь
из огня рождается дым
плавится а за ним
ангел шестой седьмой восьмой
девятый над головой
видит как десятый ангел
стоит над тишиной
разевает скрипучий рот и произносит МИР
больше девять ангелов не открывают рта
девять небес разваливаются прячутся от стыда.

* * *

непорочно молчание
покрытые до головы
женщины читают суры
на окрик охранника
здесь находиться нельзя
не реагируют
твоё время идет
оно падает тонкой стеной
тебе вроде как слышно другого
но он не с тобой
у тебя есть слова

но они словно чётки стучат
по твоей голове
не имея возможности стать
чем-то вроде любви
и поэтому лучше молчать
и поэтому не говори

¹ Дервиши определённого ордена Мевлеви, который является суфийским тарикатом, то есть одной из ветвей суфизма. Характерной чертой дервишей этого ордена является кружение и танец как обязательный элемент ритуала-молитвы, так называемые «танцующие дервиши».

² Мункар и Накир (араб. منكّر ونكیر – мункар уа-накир) – в исламской эсхатологии ангелы, которые допрашивают и наказывают мёртвых в могилах (Азаб аль-Кабр). Имена Мункара и Накира часто упоминаются в Сунне, но ни разу не упоминаются в Коране.

³ Первое воспоминание, связанное с детством. После смерти бабушки в доме начался переполох, была приготовлена «поминальная» халва, по цвету напоминающая хурму. Однако выглядела неприятно, сплошными комками. На вкус оказалась настолько вкусной, что стало чудовищно стыдно, что я, ребёнок, думаю не про смерть, а про вкусную халву.

⁴ Девяносто девять имён Аллаха. 11, 33, 99 – стандартное количество бусин в мусульманских чётках. 11 частей мусульманской молитвы.

⁵ Узерлик (uzrlık), могильник, гамала – по повериям азербайджанцев «узерлик» или, могильник, оберегает от сглаза, изгоняет злых духов. Могильник, или гармала обыкновенная, прорастает во всех регионах Азербайджана, где преобладает жаркий сухой климат. В основном растёт на кладбищах.

⁶ Нур (نور) – арабское имя, обозначает «божий свет», «свет очей», «свет».

Юлия Долгановских

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ ПОЭТ

Мой маленький поэт, где ты, где ты?
 Молчат слова, из рук текут кресты.
 Мир поместился в чреве воробья –
 чирик-чирик – он тесен для меня.

Мой маленький поэт, зачем, зачем
 лететь, не исповедуя фонем,
 клюв наполняя кубиками льда,
 в которых дремлет мёртвая вода?

Мой маленький поэт, не плачь, не плачь.
 Тебя не тронет сумрачный палач –
 он из пространства вырежет меня
 и спать положит. Хрусталём звеня,

цепей кручёных слыша перезвон,
 ты в воробья войдёшь, я выйду вон.

СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ

Зов шатуна весной недалёк –
 уже не рёв, ещё не стон глубинный –
 зверь, обесшерстевший наполовину,
 наполовину мёртв. А мотылёк

парит – зачинщик травяного праха –
дрожит его зелёная рубаха,
ей сносу нет, но к ночи выйдет срок.

Шатун умолк, бредёт – уже не шаг,
ещё не смерть, но близко, близко, близко,
вот мотылёк зигзагом входит в изгарь –
торфяники горят? – и видит мрак.
Пытаясь выплыть, вязнет глубже, глубже –
идёт на дно. Медведь ступает в лужу –
и давит мотылька... Глухой овраг,

запорошённый снегом, ночь, метель –
уже зима, ещё звезда не встала –
оледенелым абрисом оскала
любуется луна. И колыбель
свивает тело зверя, словно сына, –
усни! – так принимает крестовина
в свои тиски рождественскую ель.

DEUS EX MACHINA

Хор идёт по оркестре, звучит парод.
Вокруг на каменных лавках теснится народ.
Йоханна спешит, но приводит себя в порядок –
комкает фартук, пару пшеничных прядок
дёргает из-под чепца, рвёт воротник.
Выбегает на сцену – испускает пронзительный крик.

– Магда! – дрожит сопрано. – Где ты, сестра?
Рана моя свежа, а боль остра!
Презрев бывшие обиды, молю – спаси!
Хор отступает назад, гремит стасим.
Нарисованный лес выпускает Магду. Народ
иступлённо бьёт в ладони. Магда поёт,

тает контральто в тягучей, как мёд, ночи:
– Йоханна, сестра, пусть рана кровоточит,
но я уже здесь, я спешу, я тебе помогу!
Простирает Йоханна руки – Магда в снегу.
Бог из машины тянет рычаг – криг-краг! –
невредимая Магда к Йоханне делает шаг.

Простирает Йоханна руки – густой ясенец
тянет цепкие щупальца ввысь по отлогой стене.
Зажигает Магда огонь, но купина
лишь обжигает – и не горит. Стена
позади – криг-краг! – и Магда поёт: – Бегу!
Йоханна, сестра, я спешу, я тебе помогу!

Простирает Йоханна руки – встаёт вода,
не обойти. Звенит сопрано: – Беда!
Йоханна делает шаг назад – криг-краг! –
бог из машины теперь не выйдет никак –
Йоханна стоит на люке. Утонет сестра –
ненависть кровото́чит, свежа и остра.

Магда бросается в озеро. Всплеск. Тишина.
Магда плывёт под водой. – Спасена, спасена! –
думает Магда. Вдали затихает эксод –
спектакль окончен. Магда находит брод –
ноги не держат и кружится голова.
Берег. Туман. Трава. Хохоchet сова.

...Открывает Магда глаза: – Приснится же чушь!
Приводит себя в порядок, лесную глушь
торопливо пересекает, выходит к шоссе –
сколько машин! – и, на рюкзак присев,
машет встречным. Скрипят тормоза – криг-краг!
Фартук. Прядки. Чепец. Магда делает шаг

назад. Нарисованный лес. На лавках – народ.
Хор идёт по оркестре. Звучит парод.

АНТРОПОМОРФНОЕ

Лето в зените. Июль тягуч и ленив.
Ночью выйдешь из дачного домика, чиркнешь спичкой.
Пузырятся лужи, исходят паром, а в них
звёзды купают свои межпланетные личики.

Глянeshь в колодец – нет колодца. Одна чернота.
Кинешь ведро наугад – вода. Можно потрогать.
Черпаешь пригоршню, чтобы напиться, а там
отражается капля за каплей личина Бога.

Привкус металла во рту и ломит виски –
не отвернуть головы от ладоней. Муторно.
Утекает вода, остаётся ржавчина – не отскрести
и не отскреститься. Гаснет спичка. Разгорается утро.

МЫШИ СЕРДЦА МОЕГО

Настанет час – все мышцы сердца моего
на выход ринутся, закупорив аорту.
Вдруг промелькнёт перед глазами полустёртый
пейзаж, в котором божество ли, ведовство
явило мне обвал надёжных прежде стен –
глубокий дол,
гора, кряхтя, встаёт с колен,
земля дрожит, гора рычит, гора ревёт
и по спине её ручьём стекает пот.

Семян горчичных в животе горы не счесть,
ростки минута за минутой ранят кожу
и в мир выходят, чтобы души растревожить
доступной близостью чудес – благая весть,
что твой сорняк, легка, летуча, широка
и так ярка, что приносящая рука
в густой тени скрывает истинную масть –
не опереться, не прижаться, не упасть.

Палат родильных не придумано для гор –
гора не плачет, пусть излившаяся магма
ей жжёт ступни, и проступает пентаграмма
горящим контуром сквозь дьявольский узор.
Рассвет на части режет громовержный писк –
гора рождает мышь. Бледнеет лунный диск,
в новорождённом усомнившись естестве –
грядёт жара, взмывает ввысь благая весть,

и, ослеплённое бурлящим торжеством,
ярится солнце между падающих стен.
Гора, прошу тебя, не преклоняй колен,
иди за мной!

Но невозможность рвёт аорту –
и по ладони Бога, к свету распростёртой,
исходят мышцы.

Мыши сердца моего.

О СПЯЩИЕ...

О спящие, блажен ваш сон! Легко –
что в масло нож – проскальзываешь в лица
и глубже: если на душу легло –
приснится. Пусть затянуты глазницы

дрожащим веком – дольше длится день,
растут кресты и лобные приметы.
Кальвария отбрасывает тень,
но тень встаёт и спрашивает: где ты?

Восходит ночь – вопросов больше нет:
чем дальше свет, тем тени молчаливей –
и каждый, сам себе анахорет,
на ощупь ищет древние оливы.

Усни, глазок, усни, другой! Обман
оптический не обнажает чрева.
В неспящих зацветает Гефсиман –
но кто-то в нём, а кто-то входит слева.

МОЙ БОГ, ПОКА ТЫ ТОЛЬКО МОЙ...

Мой Бог, пока ты только мой,
пульсирующей пуповиной
обвит хрипящий шар земной,
летающий глыбой вслед за мной,
пожаром дышащий мне в спину.

Кричу в Тебя – и ввысь, и вглубь –
но Слова нет, но нет ответа –
текут верблюды сквозь иглу,
лампада теплится в углу,
рубаха оседает в ветошь.

Отсчёт обратен – вышел срок.
Слепящий всполох – боли? света? –
тьма уползает за порог,
и месяц, ярк и двурог,
новорождённую планету

за нитку тянет к небесам,
толкает еле слышно в спину.
... Мой Бог, теперь попробуй сам.
Я обрезаю пуповину.

Инна Домрачева

ЛЮБОВЬ

«Ты чего разлѣгся, срамные твои глаза?
 Вот за них-то... дура, чо – не видала баще...
 И мослы, беспутый, выстудишь, и мяса,
 Нет, лежит, бесстыжий, зенки свои таращит.

Я же с ног валюсь, не девчонка уж – Катя то,
 Катя сѣ, и так с будильника до отбою,
 Даже сына вон положили вчера в ЦИТО,
 Не за ним хожу, полóматым, – за тобою.

Поклянусь чем хочешь, хоть бы и на кресте,
 Перестану, брошу, хватит, клещом же впился,
 Я котлеток ему нажарила, сволоте,
 А он здесь валяется, Аньки бы постыдился!»

Аня, с ужасом думая, как это всё зимой
 Будет, надо же, сколько в ветхой старухе силы,
 Говорит ей: «Вставай, баб-Катя, пойдѣм домой».
 Поднимает, уводит к выходу, от могилы.

* * *

Так тонок звук, что кажется – обманет,
 Плеснѣт хвостом, умчится в небеса,
 Но музыка, укрытая в кармане,
 Вот-вот откроет чистые глаза.

Наушники, похожие на беса,
Укравшего декабрьскую грозу,
Ты провод, словно шёлковую лесу,
Протягиваешь в пальцах на весу.

Пока простор не сделался ненастен,
На время, остановленное вдруг,
Ты тоже тот, кто разбирает снасти,
Когда идёт мелодия вдоль рук.

* * *

И было лето, 45-й день,
Лежащий половинкою арбуза,
Кислицу в косу с лентами продень
И прикуси, не замечая вкуса.

Переставай метаться и блажить,
Жара прошла. Она была короткой.
И до того охота стало жить,
Как будто завтра включат перемотку.

Как дошколёнок, запертый на ключ
Врачом за нарушение режима,
Мне солнце улыбалось из-за туч
Тепло, смущённо,
Неопровержимо.

* * *

Послушай его и сделай наоборот,
Не говори: «мой хороший», скажи – «плохой»,
Кто знает заранее, дерево Сефирот
Окажется ясенем, тисом или ольхой?

Смеёшься – забуду, пальцем не шевельну,
Две трети луны погасло, осталась треть,
Но тот, что похож на воздух и тишину,
Опять мешает огню перестать гореть.

А ты же упрямая, надо наоборот,
И мир, и душу вывернув, и слова.
Живи, ничего не загадывай. Водород
И счастье – самые частые вещества.

* * *

Вижу главное – к югу бегут облака,
Пни боками трепещут, вздыхая слегка,
Отсечёнными брея хвостами,
И ближайшему я отвечаю: прости,
Мы в чужое безвидное небо врасти
Не сумели, но честно вращались.

Так покойно, что, робко мышкуя, беда
Распадается в ядерном поле стыда,
В это сорное время опять бы,
Можно выспаться, падая: ветер упруг,
У снежинки три пары распахнутых рук –
Для винта, для креста, для объятья.

* * *

Мне скучно, бесёнок... Вот тут-то
И жди непременно беду,
Когда улыбаюсь, как будто
Я что-то имею в виду.

Когда опьянел моментально,
И взгляд неприятно тяжёл:
«Пацан, извини, всё нормально,
Но я её первый нашёл».

А я, в произвольном порядке
Разъята на яд и на йод,
Готова бежать без оглядки
Туда, где никто не найдёт.

* * *

Обмелевшее прошлое вброд,
Наглотавшись мелодии старой,
Где Аксайский стекольный завод
Производит молочную тару.

Хоть на миг дозвониться, отдам,
В куртке двушка заначена вроде,
Где пойдёшь за кефиром – а там
Чудеса и валькирии бродят.

Не стирай этот мир, не стирай,
Там всё глупо и несовершенно,
Там на кубике Рубика в рай
Хоть сейчас без ключа и Шенгена.

Остаётся из тех октябрат
Человеком – один из полсотни,
Там тебя никогда не простят
За твоё нежилое сегодня.

* * *

Не смотри в затылки безымянных,
Выброшенных скошенной травой
На оземляниченных полянах,
На поля-
нах третьей мировой.

Их целует суетно и жарко
Белое безмолвие «03»,
Не смотри на солнце и на сварку,
Даже если сварщик – не смотри.

На приборе сдвинута кулилка,
Луч страшной открытого огня,
Осторожно, ты опасно близко,
Не смотри без маски на меня.

* * *

С фанерным неприязненным лицом
На саморезах с сорванным шлицом
(Зато, сказала мать, не потеряешь)
Я шла, в холодной варежке флажок,
А в облаках протаивал ожог,
Как будто небо видело тебя лишь.

На уличный термометр посмотри,
Мне это небо вызвало «03»,
Глядеть в лицо, наверное, неловко,
Противно и чарующе нельзя,
Когда на нём живут одни глаза,
А остальное спилено ножовкой.

* * *

Стой, да куда же ты, вышибешь дверь-то,
Девочка с крысой на правом плече,
Через толпу в направлении флейты?
Думать не смей вообще.

Там превращаются в бутовый камень
Смертные. Звучком ушей не ошпарь,
Что же ты делаешь, это не Гаммельн,
Бедная глупая тварь!

И пожалел бы, но шельму отметил,
Выделив хищную линию скул.
Он вас напутствовал: будьте как дети.
Сам, стало быть, подтолкнул.

* * *

Эта куртка, линияла и как-то не в масть долгопола,
Говорит, что хозяин заранее был побеждён;
Человеку с железкой в ноге недодали футбола,
Не впустив на большой и красивый внутри стадион,

Гомонящей толпой в ограждение вмяв и затуркав,
У подножия врат, где голкипер творит волшебство.
Он всего-то хотел посмотреть, как разделают турков,
Но бесстрастная рамка в двери не пустила его.

На часах – две минуты с начала четвёртого тура,
Пропусти его, дверь, он не тот, кто сказал: «I'll be back»,
Посмотри, где такому хотя бы поднять арматуру!
А заточку он выбросил раньше в растаявший снег.

* * *

Не деконструируй волшебства,
Там внутри токсичные отходы,
Спитый чай, морковная ботва,
Грязь, опилки, шламовые воды.

Блистер вышелушивая, йод
Ешь, но помогает это слабо,
Не влезай – написано, убьёт,
Ну или попробует хотя бы.

Щипчики лесковского Левши
Трогают реторту с аква вита,
Я же говорила: не дыши,
Для него дыханье ядовито.

Ломкие ссыхаются слова,
Крошатся фаланги дыр бул щыла.
Не деконструируй волшебства,
Разве мама в детстве не учила?

* * *

Подвздошное, чужое, не боли же –
Рисующий удава на листке,
Сядишься на тропинку чуть поближе,
Разглядывая что-то вдалеке.

Вытягивая цветопередачу,
Ты удивлённо трогаешь пырей,
Поверь, здесь всё решительно иначе,
Чем на планете маленькой твоей.

Пойдём, в пустыне, где песок отбелен
И падает французский журналист,
Искать сигнал и брать радиопеленг –
Вот так у нас охотятся на лис,

Без чутких стрел и егерского зонга,
Без лающих в безветрие собак.
Спартанский мальчик, выпусти лисёнка,
Никто не назовёт тебя «слабак».

* * *

Копилась в воздухе вода,
Почти заканчивалось лето,
И ты спросил меня тогда,
О чём написано всё это?

О тучах, сцепками по две
Бредущих в небе без конвоя,
О том, как тяжко голове
И очень жалко всё живое.

О том, что слово «размозжить»
Полномасштабно и трёхсложно,
О том, что надо как-то жить,
Хотя, конечно, невозможно.

О пьяной сладости пыльцы
Над рабицей чертополоха,
О том, что люди молодцы
И даже держатся неплохо.

* * *

Теперь и вспоминается-то мельком,
Давно и прочно выучен урок,
Что «Взлёт» – ещё из детства карамелька,
А «Дружба» – просто плавленый сырок.

Не то чтобы всё это помнить нужно,
Лайк, если память девственно бела...
– Ещё бензопила бывает «Дружба»!
– Конечно, друг. Ещё бензопила.

Вадим Дуленов

К НАДЕЖДЕ

после зимней скудной пайки
возликуй, усталый взгляд!
над исетью свердловчайки
в лёгких платящих летят!

смотрят дерзко, вольно, птичьи
ситец, шёлк, атлас, шифон!
девы – стереоскопичны
сразу с четырёх сторон!

пусть на позабытых кухнях
свердловчайники кипят.
мир, товарищи, не рухнет,
если девушки летят!

* * *

какая-то сегодня древнегречия.
сама собой, без повода-предлога
произошла в душе цветокоррекция:
деревья зеленой и неба много!

захлёбываясь счастьем многоцветия,
бежит мальчёшка лёгонький в сандалиях,
который через многие столетия
напишет илиаду и так далее...

* * *

июльские аллеи веселее
январских, и мгновения быстрей.
забыть мороз, не думать о борее
среди буйной плоти зелени аллей.

смотреть на мир, как видят его боги
языческие, радоваться с ним:
вот панк в косухе пляшет козлоногий
среди глазастых младогрудых нимф.

менады, аргонавты, кифареды –
сыграй в игру, продолжи ряд, сынок!
летят пегасы стай, как мопеды,
и оставляют за собой дымок...

движение божественной природы,
где всё есть смысл, но сводится меж тем
к прогнозу ослепительной погоды
решительному: лета хватит всем!

...в тени укрывшись, артемиды алчет
несчастный актеон... но деве лень
сказать контрольно: кыш отсюда, мальчик! –
ведь мальчик с виду – ну такой олень.

* * *

Памяти Сергея Руденко

под сенью харитоновского парка,
где лиственницам, верно, лет по триста,
беседовали два идеалиста,
был вечер. (это вводная ремарка.)

.....

...потом он говорил про комаров.
что, дескать, кровь пьют только комарихи,
а мужики сидят себе в траве,
у них там всё есть: сахар, влага, дрожжи...
имаго! знай влюбляйся в комарих!
– а если бы ещё мы знали, где, –
он говорил, – вселенной центр, и если
в тот центр сумели как-то поместить
зеркальный шар, по форме совершенный,
та сфера отразила бы весь мир –

всё сущее, и свет, и тьму, и время:
 прошедшее, сейчас – и наперёд...
 но центра – как и сферы совершенной –
 в природе быть не может по законам
 физическим... как нету, чтоб ты понял,
 исчерпывающих, совершенных слов.

так говорил он, думая своё.

.....

(финальная ремарка) среди небес
 когда-нибудь умельцу-инженеру
 удастся всё ж сию воздвигнуть сферу.
 увы, на месте не стоит прогресс.
 мильён судеб – по сумме технологий –
 живи тогда на выбор, днесь и впредь.
 вопрос лишь: кто
 захочет разглядеть
 в том шаре нас –
 сейчасных, смертных, праздных.

* * *

поедем на метро до станции аид.
 там девять вечных лун и мраморна прохлада.
 колеблем сквознячком, в толпе теней стоит
 орфей, он тоже тень, покой – его награда.

он песни позабыл и лиру потерял...
 контент: ходил в поход... в колхиду... на край света...
 спасал жену (не спас)... потом был секс-скандал
 с вакханками... ещё – по мнению интернета –

девятая струна... в дуэте – ашполон...
 обрывки, черепки... осталось только имя
 на ярмарке чудес... орфей роняет стон,
 не слышимый в толпе меж стонами дргими...

поедем на метро до станции аид
 в хромированных снах на стёклах отражаться!
 стена, словно тень, вагон во тьму летит.
 сияет на груди огонь: не прислоняться.

* * *

взирая на себя извне, из отражённых в лужах окон,
 пятиэтажки в темноте стоят в молчанье волооком.
 опять ни центра, ни промзон – глядит вослед грозе деревня.
 и электричеством озон потрескивает в деревьях.
 и лёгок шаг, и голос свеж, промытый белой звёздной солью.
 и нет несбыточных надежд, и смерти тоже нет – поскольку
 любви и верности закон есть сумма медленного света
 сквозь шорох тополиных крон и тишины – в начале лета
 в одном окраинном дворе, среди молочной белой ночи,
 на электрической траве, отдельно от созвездий прочих.

ПО СРАВНЕНИЮ С 1913 ГОДОМ

снова – шляпки и перчатки
 хлопчатобумажной нити...
 нет, не так, как на брусчатке,
 нет, не так, как на граните,
 по асфальтовым дорожкам
 каблучки стучат иначе,
 лёгким повинуюсь ножкам.
 ...кукла плачет.

.....

в тесной лавке антиквара
 свет рассеян и фарфоров.
 семиструнная гитара
 не заводит разговоров.
 в зеркалах мерцают лица –
 так под пеплом тлеют угли –
 кавалер, при нём девица.
 ...больно кукле.

.....

стариковский запах лака,
 казеинового клея...
 полдень нежен. можно плакать.
 что ты помнишь, лорелея?..
 снов узор резной струится.
 отдалённый, где тот берег?
 фин-де-сьекль.
 не возвратится
 офицерик...

* * *

от мороза маловато пользы,
ежели мороз не генерал.
как там по-французски или польски
будет: кристаллический металл?

горизонт отвесно вертикален.
на стекле – хвощи и плауны.
жители прихожих, кухонь, спален
кушают, чтоб не было войны.

за окошком – полночь в мандаринах,
воздух, газированный на вкус.
дед мороз, не надо, не дари нам
то, чего я больше не боюсь.

что сказал барт симпсон губке бобу,
ведает лишь пиксельный квадрат.
виноват малевич! – слава богу,
дед мороз ни в чём не виноват.

* * *

*...когда в танцующей квартире под скрип весёлых половиц, глаз
приоткрыв, зришь двух девиц – сидят и смотрят, точно кошки,
тогда единственный эпитет приходит в голову: египет!..
портал кошачьеглавой баст, богини женского терпенья и ме-
сти тоже страшной, женской, неотвратимой и вселенской.
и ты с улыбкой гуинпленской вступаешь в сокровенный храм.
хотел – бери! метаться поздно!
ты молвишь вежливо, но грозно: ну здрасьте, девушки! салам!*

зрачки девиц сочат сиянье,
мерцают мёдом янтаря.
вперёд-вперёд на предстоянье,
в горячей влаге января

газ смерти, бреда, сновиденья
хватая жёстким рыбьим ртом
последнего стихотворенья,
отложенного на потом.

о счастье искупленья боли!
уже не раб, не господин

в крошечном, чёрном, стылом поле
ты – невесом, и ты – один.

там, прямо в космосе открытом,
ветвисторог и шестикрыл,
бьёт золотой олень копытом,
взлетая из последних сил.

там, в медном буреломе чащи,
исполненном последних тайн,
ток электрический блестящий
плывёт шарами птичьих стай.

там самоцветов вдохновенье
стоит горами до небес,
а ультразвуковое пенье
усугубляет этот блеск.

там лодка вмёрзла в свод небесный,
и, мёртвой, ей теперь легко
без права голоса и песни
отсюда видеть далеко.

* * *

ветки спутали в клубок двор заштатного квартала.
ворон – злой угорский бог – с неба каркает картаво.
толкователь тёмных мест, сталин прочей твари птичьей,
он – единственный, кто здесь помнит дедовский обычай.

оглашатель и пророк, прокуратор полузимья –
и тебе отмерит срок, коль твоё припомнит имя..
с краю ветку обломи, распусти худую строчку.
не на годы, так на дни, может, вытянешь отсрочку.

* * *

снег шёл, считай, лет двести,
но кончился в обед.
окраина-предместье
прищурилась на свет.

морозец пахнет дёгтем
берёзовым, печным.

чем дальше за порог, тем
прозрачней лёгкий дым.

что встал, канатоходец?
ступай топтать тропу!
расхаживать морозец,
прокладывать черту –

чтоб впрок хотя бы на год
хватило ясных дней,
прозрачных райских ягод
и песен снегирей.

чтоб вновь могло случиться
протяжное житьё...
смотри! – летит и длится
дыхание твоё!

* * *

людям, от зимы усталым, как деревьям, снятся сны,
с ветерочком – робким, талым – неуверенной весны.
старожилы жили мало. молодым не постареть.
за посёлком солнце ало в поле спряталось на треть.
в простоте простых созвучий смысл нешумный старика.
солон снег слезой – колючий, как отцовская щека.

* * *

в окошках тёмных огоньки
то там мигнут, то здесь.
а это курят мужики
над речкою небес.

о чём-то думают... и так,
молчат без всяких слов.
как будто ждут какой-то знак,
какой-то верхний клёв.

прозрачны лёгкие дымки,
неразличима снасть.
за вас, ребята! за деньки,
что есть ещё у нас!

Григорий Егоркин

МНЕ Б ДОКРИЧАТЬСЯ

Памяти разведчика Саньча-Оптика из Горловки, погибшего 9 мая 2015

Кому пенять, что посреде ночи
 Сон точно тот, как в прошлый раз:
 Он – на дорогу,
 Что есть мочи
 Кричу: «Не надо, там фугас!»

Я – во всё горло, во все силы,
 Так, что по копчику мороз,
 Так, что на шее нитки-жилы
 Набухли, как дюймовый трос.

Ору до одури, до грыжи,
 Аж по вискам струится пот.
 «Нельзя туда, фугас там, слышишь!»,
 А он идёт себе, идёт.

Что ему воплей килогерцы?
 Что ему чей-то стон навзрыд?
 Хрустят расхристанные берцы
 Туда, где ждёт в траве пластид.

Шагать бойцу уже не лишка,
 Ведь в каждом сне бывает так:

Секунда, две – а дальше вспышка.
 Ещё чуть-чуть...
 Полметра...
 Шаг...

Мне бы шумнуть из автомата,
 Мне бы рвануть ему вослед.
 «Фугас там, стой, в траву не надо!..»
 Кричу, кричу, а толку нет.

Сон как рукой. Беру мобильник:
 Почти четыре.
 Как всегда
 Урчит на кухне холодильник,
 Из крана капает вода.

...А где-то берцы с драной пяткой
 По жухлым стеблям хрусь да хрусь...
 Не умирай сегодня, братка,
 Дай ночь ещё,
 Я докричусь.

РАЗГОВОР С ПЛЕННЫМ

Он приткнулся в углу, на матрасах, –
 Молодосенький, двадцать не дашь.
 Бинт на шее, синяк возле глаза
 И в засохшей грязи камуфляж.

Миска с кашею.
 Кружка с водою.
 На часах – с карабином казак.
 «Эй, герой! Со вчерашнего боя?»
 Приподнялся малой:
 «Точно так».

Неприютна у хлопца фатера,
 Свет скупой из-под самых стропил...
 «Получается, из БТРа
 Ты по мне разрывными лупил?»

Дело прошлое – всей нашей роте
 Было жарко от вашей брони».

Пожимает плечами:
«Выходит,
Я стрелял по тебе. Извини.

Но и вы наподдали рассолу,
С двух “шмелей” взяли нас на прицел.
Вот тогда и убило Миколу,
А Толян в БТРе сгорел».

Зуб за зуб или око за око...
Так, кажись, испокон говорят?
В том бою потеряли мы Дока
И трёхсотыми пару ребят.

Дать за Дока бы в лоб со всей дури,
Так домой Док хотел к декабрю!..
Держит что-то, однако.
«Закурим?»
Виноватый смешок: «Не курю».

Не идёт разговор. Между нами
Боль.
Война.
Окаянные дни...
«Мне б короткий звонок...
Мне бы маме...»
Достаю телефон:
«Позвони».

ПИСЬМО СОЛДАТУ

Привет! Ты как, скиталец юга:
Сдаёшь наряд? Идёшь на пост?
...А здесь предпраздничная скука,
Флакон ноль пять, сугробы в рост.

Пить одному в пустой квартире –
Что болт крутить не по резьбе,
И по FM «Полёт валькирий» –
Ну как не вспомнить о тебе?

Ведь было: август... оборона...
Окоп... Сухпай из вещмешка...
А мы на склоне террикона
Как два патрона из рожка.

Да, было! Ярость, ключья стали,
боль, страх, тоска, солёный пот.
И там валькирии порхали,
Но чаще мимо.
Недолёт.

Крыло скользнуло где-то возле.
Знать, мужикам спешить в астрал
Час не приспел ещё.
А после –
Ты под Ростов, я на Урал.

Часы-минуты,
Дюймы-мили...
Я с чаркой в северных снегах,
А ты громишь джихад-мобилю
В чужих безжизненных песках.

...Вслед за гобоем скрипка тихо
Запела, фору дав альтам...
Серьёзный малый Вагнер Рихард,
Да вот мелодия – не та!

Короче, брат: арбой, вагоном,
Машиной, бортом – на ост-норд,
Ведь мы ещё под терриконом
Не доиграли свой аккорд.

Таланты даром не транжиря,
Ты вступишь с «ми»,
Я с ноты «ля»...
На кой бойцу «Полёт валькирий»?
Куда родней «Полёт шмеля»!

ВОТ ТАКОЕ КИНО

Тут звенит звонок? Едва ли.
И линеек нет давно.
В школе, в простеньком спортзале,
Смотрят мальчишки кино.

Не за деньги смотрят – даром,
Не за рупь, не за мильён.
Школа – месяц как казарма,
А в казарме батальон.

На полу расселись прямо,
Без претензий, без обид.
На экране – Шварц с Ван Даммом,
Сигал, Ли, Сталлоне, Питт...

Здесь нельзя быть не в экстазе,
Не открыть в восторге рот.
Как Арнольд врагов дубасит!
Как злодеев рвёт Жан Клод!

Брэд замочит всех в округе,
У него есть огнемёт.
Ну а Стивен из базуки
Обезвредит целый взвод.

То и дело фразы с места
(Знать, бойцы вошли во вкус):
«Я балдею от Сильвестра!»,
«Зацени, что сделал Брюс!»

Будет в плеере крутиться
Старый диск за часом час,
А кумиры биться, биться...
А потом придёт приказ:

«Бой... Прорыв у террикона...
Где разведка, мать её?..
Град...
Обстрел...
Бронеколонна...
Батальон, подъём!.. В ружьё!»

Слышишь из-за поворота
Этот скрежет, этот гуд?
Без базук, без огнемёта
Там мальчишки танки жгут.

НА ВОЙНЕ ДУША ДЕШЁВАЯ

Коли дождь стеной – до смеха ли?
С неба падала вода.
Пять минут на сбор.
«Поехали!»
Сами знаете куда.

Особиста брали нашего,
Был не промах – крут и лих.
А давно ль других допрашивал?
Сами знаете каких.

Ох и лют!
Держал всех в страхе он,
Дюжий, морда кирпичом.
Протоколы всё подмахивал.
Сами знаете о чём.

Тут – слушок: виновен в гибели
Двух штабных секретных схем.
Вот под дождь его и вывели.
Сами знаете зачем.

Вечер.
Ужин.
Построение.
Зампотыл бубнит с листком:
Мол, того... Мол, в исполнение...
Сами знаете о ком.

Что ж, в казарме – не в обители,
Поползла в каптёрку голь.
За помин налили, выпили.
Сами знаете по сколь.

Не хитра мужская пьяночка:
Мерный трёп да сизый дым.
Запыхтела с сеном баночка...
Сами знаете с каким.

Под базары бестолковые
До утра – к плечу плечом.
На войне душа дешёвая.
Сами знаете почём.

НА ДВОИХ...

На суше?.. Под водой ли?..
За Грозным?.. В Ведено?..
Я помню только поле –
На двоих одно.

Приказ: открыть дорогу,
Колонна ждёт бензин.
А щуп у нас с Серёгой –
На двоих один.

Щекочет пот подмышки,
Вся мокрая спина...
Шаг вправо...
Окрик...
Вспышка –
На двоих одна.

...Начмед, слегка поддатый,
Вчера к нам заглянул,
Ступню принёс в палату –
На двоих одну.

«Так чья нога?» – итожит.
А нам не всё ль равно?
Ведь всё у нас с Серёжей –
На двоих одно:

Костыль, блиндаж, сушилка,
Энзэ, окоп, война...
Пусть и ноги могилка –
На двоих одна.

Мы к ней смешной походкой
Придём однажды, блин,
Стакан наполнить водкой –
На двоих один.

Припомним, что видали:
Тот госпиталь, тот бой...
...
Зачем нам две медали?
Хватило б и одной.

ПАНИХИДА ПО СТАРЛЕЮ

Приказ на батарею
Пришёл, лишь бой угас.
Взвод схоронил старлея,
Взвод выполнил приказ.

...От близких пуль шалея,
Меж битых стен и ям
Вернулись все в траншею,
А он остался там.

В атаке – не в спортзале,
Но кто ему мешал?
Другие добежали,
А он не добежал.

Он брился очень редко
(А что брить пацану?),
В планшетку клал конфетки,
Романы про войну

И письма от девчонки...
За что же, мать ети,
Лежит он там, в воронке,
С планшеткой на груди?!

В ней сникерс. И помимо
Сидишника «Любэ» –
Там первый том «Цусимы»
И карта ДСП.

Зовёт майор в палатку:
«Пей, водка как слеза.
Хрен с этой шоколадкой,
Но карта... Знаешь сам».

Сержант, занюхав «Гжелку»,
Роняет гильзы слов:
«Схороним без пристрелки,
Накроем с трёх стволов».

Сам целил миномёты
В безоблачную синь,
Но вместо «Пли!» расчёту
Скомандовал: «Аминь!»

Отмашка.
Выстрел.
Вспышка...
Пока снаряд в пути,
Он шепчет: «Спи, братишка,
И строго не суди».

...Зарядов не жалея,
Без всяких риз и ряса
Взвод отпевал старлея,
Взвод выполнял приказ.

СОНЕЧКО

Так себе айфон,
Брали и покруче.
А владелец – он
Парень невезучий:
Подловил металл
И затих в кабине.
Снайпер угадал?
Или дело в мине?

Может, лёг снаряд
Стомиллиметровый?
Явно добробат¹ –
Малый нефартовый.

С лычками погон,
Форма при шевроне,
Рядом телефон
Тёплый от ладони.

В сидор на спине
Взводный трубку кинет,
Мёртвый на войне
Гаджетов не имеет.

...Вечер.
Расслабон.
Пьём не шейк кофейный.
«Взводный, слышь, айфон
Бренькает трофейный.

Обоснуй там, чтоб
В страх вогнать вражину,
Про дырявый лоб,
Про его машину.

И влепи вопрос:
Нахер лез с боями?

Вот теперь как пёс
В придорожной яме.

Врежь на матюке
Про конец паршивый
С биркой на ноге...»
Но молчит служивый.

Словно в колее
Танк завяз – и точка.
«Сонечко моё²» –
Из контактов строчка.

И тебя одна
Мысль берёт на мушку:
Дочь звонит? Жена?
Лапушка-подружка?

Закуси губу,
Драная пехота.
Даже взяв трубу,
Разве скажешь что-то?

«Наполняй стакан
Не наполовинку!» –
Погасив экран,
Взводный вынул симку.

¹ Добробат – боец добровольческого батальона.

² Сонечко моё – солнышко моё (укр.).

Александр Ерофеев

ПЕСНЯ ХИППИ

Make love, not war!..
 лозунг 60-х

ты сегодня мне снилась и мы с тобой
 занимались любовью а не войной

мне не очень понятен ваш мир – зато
 в тихих омутах водится чёрт-те что

в тихих омутах может балбес любой –
 заниматься любовью а не войной

правит миром одно божество – Иштар
 даже если ты немощен глуп и стар

даже если несчастлив – любой ценой
 занимайся любовью а не войной

даже если весь мир обернётся вспять
 эту жажду не в силах ничто унять

если б мог – то ушёл бы и в мир иной
 занимаясь любовью а не войной

* * *

узнаю этот жадный безжалостный прикус взросления
угловатую статью и пылающий страстью зрачок
а слова и тем более смысл не имеют значения
ты поёшь потому что поёшь – ради собственно пения
как сверчок...

пахнет близким теплом где-то зимняя светится радуга
на исходе февраль и звенит проводов ожеледь
и спят бирюзой небеса – перетянуты натуго
ожиданием новых мелодий любви и наверное надо бы
больше петь

мой беспечный сверчок продолжай своё тихое тиканье
так надёжно с тобой и такой наполняется дух
неизбывною силой – такой неуёмной и дикою
что невольно начнёшь подпевать непрестанно мурлыкая
что-то вслух

а когда не останется вовсе ни слова ни звука ни времени
стихнут громы оваций и в небе погаснет салют
ты услышишь – как сквозь тишины наслоение
на краю каменистой безбрежности где-нибудь в Йемене
тоже поют...

расставаться приходит пора с упоительной немочью –
разлучаясь с любовью на счастье сожми кулачок
потрясает февраль на излёте оставшейся мелочью...
не молчи мой безжалостный друг – если даже и не о чем
пой сверчок

ВРЕМЯ DOOM

Windows «девяносто пять» или «девяносто восемь» –
вручную прописанные config.sys и autoexec.bat...
пока ещё молод и не вошёл в тот возраст когда Иосиф
«принял жену свою и не знал её» – в серый гляжусь рассвет

магистр пехоты не жалеющий ничего ради высокой цели –
трижды убит дважды выжил один раз пошло на ум...
мне немного осталось чтобы выиграть и держа на прицеле
вопрошающих: «What do you have in there?» – я отвечаю: «Doom»

от воскресенья и до субботы без перерыва –
до боли и рези в глазах в мерцающий глядя экран
не устаю удивляться лишь одному что пока ещё живы
мои солдаты и плевать что каждый второй – от азарта пьян

и неважно что многие не увидят следующего рассвета –
жизнь диктует своё и так ли этак ли непременно своё
возьмёт...
и конечно не всё решается с помощью BFG-пистолета
а время неумолимо уходит – из года в год...

где вы теперь геймеры из девяностых –
переходившие с Quake на Counter-Strike и Half-Life?..
отпустили пивные животики стала спокойной поступь
и старое поминать не хочется и новое – всё не в кайф

кто из вас вспомнит читы прежде известные каждому –
всё уже позабылось и не станет пожалуй никто
говорить всерьёз
о том что готов поменять современные гаджеты
на Windows «три-одиннадцать» или же MS-DOS

время достанет каждого от него никуда не спрятаться –
хочешь черпай горстями или на хлеб вместо масла мажь...
нынче отсчёт иной – хорошо если сможешь
дожить до пятницы
так чтобы и не скурвиться и сохранить кураж

а при распаде империи – кто расторопнее тот и в выигрыше
от неудачников не остаётся имени лишь персональный номер
да надпись на чёрном экране аккуратно выкрашенная
ярко-зелёным цветом – «Game over»

* * *

огурчик солёный картошка колбаска и старка
и можно всю ночь размышлять о «Беседах» Плутарха

и звёздное небо – разглядывать над головою
и спящей и тихо сопящей во сне – любоваться женою...

да всё бесполезно когда закрома – опустели
когда ни порыва в душе не осталось ни радости в теле

ничто не насытит того кто сквозит пустотою
того кто по самому краю скользит по-над тёмной водою...

и всё-таки – всё повторяется вновь неизменно
нежданная смерть и рождение жизни из праха и тлена

неспешно клубится над лампою дым папиросы
и можешь себе задавать бесконечно простые вопросы

но правду искать – всё равно что скрести по сусеку...
а собственно что ещё нужно от жизни своей человеку?

бездонное небо – разглядывать над головою
и спящей и тихо сопящей во сне – любоваться женою

огурчик солёный картошка колбаска и старка –
до утренней ранней звезды что горит ослепительно ярко

ВЕСЕННИЕ СТРОФЫ

1

у подъезда сварливая, вздорная, глупая, злая соседка –
всем входящим вдогонку бросает презрительно: кáло...
а хороших поэтов, увы, как и прежде, печатают мало и редко,
да и просто хорошие люди – встречаются редко и мало.

ничего не напишешь, мой друг, уж такая настала эпоха –
сам себя убеждаю, как будто бы в чём успокоить пытаюсь...
мой приятель старинный, предпочитающий водке – риюху,
как-то грустно заметил: уж лучше б мы жили в Китае!

2

снегопад за окном – третьи сутки уже... и, хотя на исходе
первый месяц весны, во дворе лепят снежную бабу мальчишки,
и сидит у подъезда соседка моя – целый день не уходит,
словно ждёт: кто поделится с нею душевным излишком?

но любви и тепла не осталось ни крохи – и нечем делиться.
кто в Рейкьявик уехал, кто в Мельбурн подался, кто в Хайфу...
что-то большее нас разлучает, чем просто судьба и граница.
ни вина тебе выпить, ни водки – хотя бы заочно, по скайпу.

3

голубиную статью придавило унылым, простуженным мартом,
и слезятся глаза – от обилия кипенно-белого цвета в палитре.
погляжу из окна на мальчишек в снегу и с таким же азартом
огурцов и колбаски копчёной нарежу – к початой пол-литре.

и по первой налью за весну, что блажит и дурит, как нимфетка,
а потом по второй за друзей... и уже никуда торопиться не надо.
и сидит у подъезда сварливая, вздорная, глупая, злая соседка –
в ожидании поздней весны, утопая в густой пелене снегопада.

* * *

вроде всё идёт как водится, кто на службу, кто в запой.
лишь у нас с тобой не сходится, ненаглядный ангел мой...
знаю-знаю про сомнения – спрячь подальше кулачок,
тяжело тебе с не гением, мой крылатый дурачок.

а вокруг-то всё события: кто с похмелья, кто в загул –
славно в божьем общежитии... кто-то свечечку задул –
словно лапою трёхпалую медный грошик бросил в рот,

кто-то – свет зажжёт опаловый, кто-то – песенки поёт,
кто-то – вверх идёт по радуге, кто-то – в омут головой...
только нас ничто не радует, бедный-бедный ангел мой.

в сердце марево кромешное, руки сложены крестом,
усмиряем души грешные – то молитвой, то постом.
да, видать, не переделаешь этот странный жизни крой...
быть нам вместе – за пределами, долгожданный ангел мой.

* * *

*В воюющей стране
не брезгуй тёплым пивом...*

А. Ерёменко

цветущим бодрячком вскочив с утра пораньше
возрадуйся тому – что весел и здоров
без театральных поз и без привычной фальши
приветствуя в пути животных и шаблов

холодное ли нет – будь счастлив кружке пива
не сокрушаясь тем что нечем закусить
и лучше быть стократ оболтусом красивым –
чем хмурым бирюком добро переводить

в воюющей стране – где больше нет богатых
и каждый за себя и всем плевать на всех
не в ногу шаг держать – порой весьма чревато
но именно таким родился как на грех

а потому и впредь – не бойся вслух смеяться
над тупостью мирской и дуростью своей
есть многое чего не взять за рубль двадцать –
уж так заведено: чем хуже тем верней

как видно в том и соль – Господь хранит убогих
верблюду не пролезть в игольное ушко
и лучше быть собой чем быть одним из многих
с другими хором петь и забывать легко

быть может лишь тогда во сне честолюбивом
и проберёт тебя до самых потрохов –
«в воюющей стране не брезгуй тёплым пивом»
не оставляй друзей и не пиши стихов...

БОЛЕЗНЬ

день начинается субботней тишиной,
а календарь – показывает вторник.

...и этой странной вольности виной –
какой-то тайный времени поборник,

которому плевать на календарь,
на дни недели, месяцы и годы,

он всё кладёт на жертвенный алтарь –
одной лишь высшей истине в угоду.

и странной этой вольности цена –
размолвки, сожаления, обиды,

и оглушающая утром тишина,
и грозные грифоны Немесиды,

и всё, чему прийти не суждено
на дней несчётных злое окаянство...

не лучше ль встать и распахнуть окно
и перейти – из времени в пространство.

Анастасия Журавлёва

* * *

Вот идут три брата,
 У них четыре яблока,
 А ещё у каждого по сестре.
 Их научили считать до плюс десяти,
 Думать на языке птиц,
 А потом завели в лес –
 Так, чтоб наверняка...
 Перед ними огненная река,
 Волк на берегу,
 Коза у него внутри,
 Капуста в козе,
 Паромщик в бреду.
 Да и самой реки
 Не станет уже к сентябрю,
 Когда проливные дожди
 При плюс десяти.

Ты меня всё ещё слушаешь?
 Слушай, слушай...
 Я ещё не такого наговорю.

* * *

Ей снится неожиданное:
 Будто она родилась в Дании,
 Никогда не покидала свою странную родину,
 Чем-то похожую на репринтное издание.

Прожила жизнь до середины,
Закрашивает седину,
А всё не может дойти до соседней улицы,
Останавливается.
– Здесь можно курить?
– Здесь можно курить.
Объясняет диспетчеру:
– Я стою на улице без названия,
На углу старинного здания.

Да, это я звонила позавчера.
Если таксист заблудится,
Пусть едет на свет.
Он такой немислимый – свет моих сигарет.

* * *

Котик идёт по молоку.
Молоко простирается далеко.
Молоко разливается так глубоко,
Что лучше не думать про...
А он улыбается:
«Это легко.
Так же легко,
Как плыть поутру
По сиреновой ветке метро».

ДАЛЕКО

Слово «далеко»
припрятано за щекой.
Зима на твоём берегу,
Зима за рекой.

Словно и не жил –
Служил в потешных полках,
В пограничных войсках
Ледового городка.

Пошлют за мёртвой водой –
Затаись в полынье,
И слово «далеко»
Растает, как монпансье.

Привидится жарко натопленная изба.
Кто-то легко касается твоего лба.
Не верит своим рукам,
Дотрагивается щекой...
Топлёное молоко
Становится тёплой рекой.

И снова тебе плыть.
Далеко.
Давным-далеко.

* * *

Однажды ты позовёшь её
И услышишь в ответ только плеск.
И будешь твердить: «Ничего, ничего, ничего...
Девочки изо льда всегда уходят весной».
Она останется в твоём тридевятиом сне,
В тридесятиом детстве – в детсаду за углом.
На полдник – тёплый кефир и вафли «Артек».
Ёлка упирается звездой в потолок,
Сколько ни кричи – почти никогда не горит.
А ты идёшь к этой ёлке на ватных ногах,
Всхлипываешь, спотыкаешься,
Утыкаешься в ватный снег.
Боишься Деда Мороза.
Забываешь слова.

* * *

Мальчик
Катит автомобильчик
И кричит:
«Я всех вас забаню!»

И правда, он скоро забанит
Всех, кроме няни.

А няня всё говорит,
Слова плывут за словами.

«Дерево росло возле бани,
Большое росло возле бани,
Одно-одинешенько росло возле бани.
С дикими плодами,

Не помню названия...
Когда меня не станет,
Отыщи его, Ваня».

На этом она умолкает,
И, сколько ни плачет Ваня,
Она его не утешает.
Молча кивает, вздыхает.
Поливает герани.

* * *

Таблица умножения,
Заданная на лето, –
Это непостижимее,
Чем шелест деревьев,
Невыносимее,
Чем стакан молока.

... Три уцелевших носка,
Велосипед из проката,
Осенью исполнится девять.
Подарят кота.

ЗЕМЛЯ – ВОЗДУХ – ВОДА

1.
Даша почувствовала привкус земли
В столовской утренней каше.
«Ты чувствуешь привкус земли?» –
Спросила она у соседки слева.
«Ты чувствуешь привкус земли?» –
Спросила она у соседки справа.
Обе посмотрели на неё как на дуру.
Ну вот, я скоро умру,
За мной, наверно, пришли,
Подумала Даша.

2.
Больше всего на свете
Элли боится ветра.
Заходит в аптеку,
Говорит: «Таблетки...
(проглатывает четыре слова) от ветра».

Разжевывает сразу четыре таблетки.
Представляет каких-то маленьких человечков:
Соломенного человечка,
Железного человечка.
Каждый почему-то мечтал стать человеком.

3.

Дэнни стоит у самого берега льда
И думает: «Мне сюда».
Направо – здание окружного суда,
Налево – вода-камень, вода-стекло и вода-вода.
И целое небо такой непрозрачности льда,
Что никто не узнает – куда...
Не поймет – когда...

* * *

Дауна Михаила привели фотографироваться на паспорт.
– Только не улыбайтесь, – предупреждает фотограф.
А Мишке чудно – он всегда улыбается или смеётся.
– А ну не улыбаться! – приказывает фотограф, –
А то сейчас вылетит страшная чёрная птица!
Но Мишка не видит причинно-следственной связи,
А видит: бескрылая птица нажимает на кнопку,
Вылетает фотограф, склёвывает у Мишки улыбку.
И плачет Мишка.

* * *

Учитель сидит, уставился в ноутбук.
До урока остался один клик,
А он ещё сам не выучил этот урок.
Бешено тикают часы на руке,
На облупленном подоконнике умирает цветок,
Вчерашние слова облетают с доски,
С вешалки стекает плащ-дождевик.
А вечером будет кино – такой боевик-боевик.

* * *

в вагон-ресторан вползает человек без ног
он будет смешить публику он умеет есть с рук
девочка Женя теревит восьмой лепесток
стрелки её часов показывают на юг

книга её без слов осень под знаком Весов
а она заказывает горячий манговый сок
говорит мечтала видела тысячи снов
отойди инвалид без ног лети лети лепесток

* * *

Мальчик, над которым всю жизнь издевались в больнице,
Выходит.
Долго не может опомниться
От запаха подушки, прижатой к лицу.
Говорит гардеробщице
Что-то вроде:
«А вы знаете, есть такой дискурс...»
Она пожимает плечами,
Бренчит ключами.
«Мне ещё мыть полы, – отвечает, –
Аня вчера умерла, уборщица».
А он уже стоит на обломках крыльца,
Достаёт из кармана заплесневелую ириску.

* * *

Старик и старуха
Живут на берегу молочной реки.
Весной река разливается,
Летом пересыхает,
Зимой замерзает.

Но жизнь продолжается.
Старуха ворчит,
Старик отправляется
В город за молоком.

Старухе голодно.
Старику
Холодно,
Голодно,
Больно
И далеко.

Молоко кончается,
Очередь беснуется,
Магазин закрывается,
Старик сокрушается:

Как вернуться к старухе
Без молока?

...А жизнь продолжается всё равно.
Поезд идёт берегом,
Мальчик смотрит в окно,
Хватается за стоп-кран...
– Не надо, сынок.
Видишь, река,
Избушка на берегу,
Старуха живет одна...

А где же старик?
Ушёл в город за молоком.
Шёл себе, шёл
И добрался до облаков.
И теперь он там
Молится только о том,
Чтобы не замёрзла река,
Чтобы не пересохла река,
Чтобы не разлилась река,
Не затопила кисельные берега.

Старуха потрогает реку – тёплая.
Попробует берега – сладкие...

СТИХИ О ДЕВОЧКЕ ЛИЛЕ

1.

Слабоумная девочка по имени Лиля
Владела несколькими инопланетными языками,
Писала в школе руническими письменами.
Мать её нежно жалела, когда не была.

«Ничего, – говорила, – выучишься на крановщицу,
Сдашь экзамены, я заплачу, лишь бы хватило».
Неизвестно, что думала обо всём этом Лиля,
Да и вообще, думала она по-русски или...

Но потом всё ходила, смотрела на крановщицу...
Стройку забросили, а крановщица осталась
Там, наверху. То ли она замечталась,
То ли просто забыла, как вниз спуститься.

2.

В пассивном словаре у Лили было слово «элалла» –
 Мы это знали по её потухшему взгляду,
 По ноткам безнадежности в её голосе,
 Когда она восемь дней кряду
 Плакала,
 От всех убегала,
 Пряталась,
 Потом исчезала
 Будто бы насовсем.
 В пассивном словаре у Лили было слово «элалла»,
 Что на инопланетном языке означает осень.

* * *

*И ради бога, Хорни, никогда не возвращайся туда ни при каких
 обстоятельствах, потому что прошлое мертво.*

Э. Хэмингуэй

1.

Она звонит из исчезающего города,
 Из автомата образца тридцать девятого года,
 И просит позвать к телефону
 Вадима, Галину, Ирину, Антона, Жанну.
 А у них там самая середина ужина,
 Ссора без повода,
 Бесцельно льющаяся вода,
 И кто-то вопит истошно:
 – Мороженого!
 – Мороженого!
 – Мороженого!

2.

... и они отвечают:
 «Это всего лишь
 Фантомные боли,
 Выпей анальгин,
 Не поможет –
 Выпьешь ещё один.
 Только никогда больше не звони
 Из этого города
 Полульда-полуводы.
 Слышишь, как плачет Ваня,
 Мечется, требует невозможного
 Мороженого».

Вадим Заварухин

* * *

Порой сойдётся у кого-то
судьба с рисунком на руке,
как битый угол у комода
и жёлтый след на косяке.

И человек собой нагладен:
рельефы складок и морщин,
архив ушибов, карта ссадин,
сажени, пяди и аршин.

Осталось весело, но в меру
до своего дожить угла
и там застыть, как шифоньеру,
исполненному барахла.

* * *

полнолунный глаз совиный
катят в небе облака
снова лучшей половиной
ночь стоит у косяка

подперев плечами стену
за спиной сплетенье рук
как игла в слепую вену
в плинтус тычется каблук

ни прощанья ни привета
неподвижность и молчок
в коридоре нитка света
зацепилась за крючок

замерев не дышат стены
под чешуйчатым зонтом
грузно тучи об антенны
задевают животом

пепел пал на одеяло
стихло всё до одного
ничего опять не стало
будет снова ничего

* * *

улететь тянет вечером
как стемнеет внушить
нелюдимым диспетчерам
коридоры расшить

сходством облика вылитым
наконец пренебречь
позабить перед вылетом
воспитанье и речь

оттолкнуться подковами
от родной стороны
подмигнув проблесковыми
половине луны

воплощеньем непрожитым
в эту птицу-коня
я почувствую что же там
так тянуло меня

эту радость животную
пропущу до нутра
и подсяду на взлётную
полосу до утра

может реже бы ездил я
да почаще пари
угодил бы в созвездия
или в экзюпери

* * *

Стеклянный наст, края неровны,
под ними, с осени ничья,
блестит находка для вороны
в канавке тонкого ручья.

Под истончавшим одеялом
тревожно ёжится земля,
и всё пестрее птичий слалом
на небосклоне февраля.

Зима устало некрасива,
сугробы мрачны и черны,
и щёки их щетиной сивой
покрылись с южной стороны.

И только солнце – сдуру, что ли, –
зимы не чуя под собой,
висит, как рыжий кот на шторе
зеленовато-голубой.

* * *

Нет удивительней отваги,
чем просыпаться поутру,
опять с терпением бумаги
вставать и двигаться к одру.

И как бы ни было хреново,
впрягаться снова в эти зги
и, шаг ступив, понять, что снова
ошибся в выборе ноги.

Не коллективный, не семейный,
предусмотрительно небрит.
В опаске недоразумений
рука с рукой не говорит.

Неторопливо коротали,
писали набело вчерне.
Кого ученья измотали,
те отдыхали на войне.

И шли они по дну траншеи,
от столкновений начеку,

от петли рук вблизи от шеи,
от губ, приставленных к виску.

Ни рок, ни принцип, ни критерий,
ни мера, чтоб не измерять,
и предпочтительней потери,
чтоб было нечего терять.

Но иногда и их, порожних,
хоть кто-то пустит на ночлег,
когда вокруг неосторожных
семь миллиардов человек.

И снова сон – уже немало,
и понимание во сне,
что бог оставил их устало
с иронией наедине.

* * *

Когда построят все дома,
когда проложат все дороги
и приоткроют закрома
на всех обиженные боги.

Когда, постигнув тайны недр
и суть космических трагедий,
обнимутся чукотский нерд
и солнечный гренландский гений –

Туда, где блудный Винни-Пух
разводит пчёл и шампиньоны,
дойдёт последний в мире слух,
что скоро я, уютно сонный,

приду, окутан в простыню,
подоткнутую по фигуре,
и что в сегодняшнем меню –
зевая выясню у гурий.

* * *

Бережит теченье Леты
бородатый доброхот.
Неизменно есть билеты
на последний пароход.

Можно бросить всё и ехать,
сесть, отчалить и уйти.
Можно прежде ради смеха
пол на кухне подмести.

Или год проспав и даже
можно встать не с той ноги,
а другою в саквояжи
утоптать свои долги.

Мокрым деревом и тиной
пахнет издали причал.
Сплавил он мильон с полтиной
и ни разу не встречал.

Вот концы упали в воду,
а гудок прощальный спел,
что расхочется по ходу,
кто чего недохотел.

И любой, концы отдавший,
видел, как на берегу
я, отплытие проспавший,
с саквояжами бегу.

* * *

мы сидели у реки
и кормили рыб с руки

мимо плыли берега
топоры и ступы
незнакомого врага
подставные трупы

разбредались туч стада
отражаясь в ряби
покидали навсегда
грозовые хляби

крался шорох с трёх сторон
цыпочек не чуя
кто-то там на афедрон
ищет почечуя

вышел месяц в тишине
и не видит сонный
что на левой стороне
жёлтые кальсоны

черномора матеря
за любовь к порокам
тридцать три богатыря
плыли вверх к истокам

а по цепи золотой
нехотя гуляло
пучеглазое ничто
и не предвещало

мы сидели у реки
дураками дураки

* * *

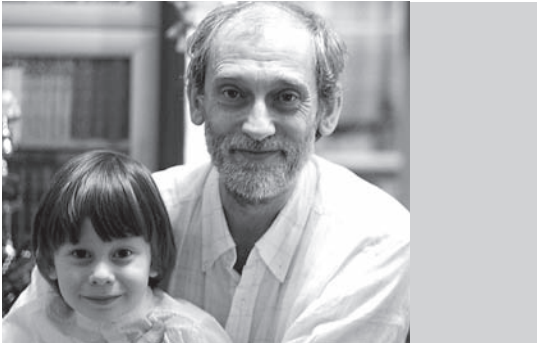
Август был, гремели грозы,
лето падало в пике.
Я скучал в тени берёзы
на цветном половике.

И, пока я всё воронил,
верхоглядя в облака,
я тем временем шпионил
за собой исподтишка.

А с холма, где одиноко
под сосной стоит скамья,
наблюдал и я вполока,
как слежу за мною я.

Скоро осень. Птицы в стаю,
листья наземь, тени вспять.
И я знаю, что я знаю,
что не знаю, что не знать.

Аркадий Застырец

БЕЛЫЙ КИТЕЛЬ

Не люблю Жюль Верна, что ты, что ты! –
 Намусолив книжицу в руке,
 За его широты и долготы
 На плохом французском языке,

За его фальшивые маршруты,
 По лекалу циркулем расчёт
 До секунды выверен, и – тьфу ты! –
 Видишь, кондор Роберта несёт?

Если бы ещё не сочинитель,
 Что «А ну-ка, песню нам пропой»,
 И не капитанский белый китель
 В крабах и капусте золотой,

Я совсем забил бы на Жюль Верна,
 Не взошёл вовеки бы на борт
 Там, где Немо тёмная каверна –
 Тайной лодки выдуманный порт.

Не искал бы глазом в небе Спаса,
 Бросив диким жемчуг и коралл...
 И топор, поди, из-под компаса
 До сих пор бы сдуру не убрал.

ПИОНЕРСКИЕ СНЫ

Когда пионеры во хвойном и вольном
Ложатся в отрядных на сон корпусах,
Они перед сном не заводам и войнам
Вручают себя через праведный страх,

А – кто с кулачком, в средостение вжатым,
Кто с шёпотом, стоном и звоном стекла –
Они отдаются красивым вожатым,
Опасным и взрослым, как в улье пчела.

Они отдаются их длинным ресницам,
Пилоткам и бантам, гофре и плиссе,
И после им снится, не вправе явиться,
Вожатая Саша на мокром шоссе,

Вожатая Таня в сиреневой майке
И чёрных трусах на зарядке-заре,
Чьи груди то в небо глядят без утайки,
То тонут в тени, как котята в ведре;

Командой в строю к поворотам неволя,
Вожатая Лена, чьи гольфы – как снег,
Вожатая Уля, вожатая Оля...
А девочкам – только вожатый Олег.

* * *

Парашют не раскрылся.
Наверное, стропы в мешке
Впопыхах против правил
Вчера уложили небрежно.
Потянул за кольцо –
И осталось кольцо на руке,
И обратный отсчёт
Застучал по виску безмятежно.

Парашют не раскрылся.
Такое понять нелегко.
Потому что, во-первых,
Успеть не любому под силу.
Во-вторых – облака,
И в-четвёртых, совсем далеко

Золотую созвездий
Копают архангелы жилу...

А архангелы – что им? –
На этот тугой парашют,
Нераскрывшийся, впрочем,
Как сказано сразу и выше,
В идеальном, не слюнном
Значении слова плюют,
Ибо музыку сфер
От момента творения слышат.

Ибо знают, и знающим
Вера уже не нужна.
И надежда – зачем,
Если нету ни крови, ни плоти?
Разве только любовь,
Бесконечно, бессмертно нежна,
Точно копоти змейка
На сбитом твоём самолёте.

ТАТУИРОВАННОЙ

На плече твоём птицы, как в неба высоком углу,
Разгоняют пространство и время ударами перьев.
Под стопами твоими в садовую почву золу
Вносят нежные руки усталых моих подмастерьев.

На бедре твоём правом бесстыдно распущен пион –
Тёмно-розовым пьяным вчерашним неряшливым цветом;
Изнывает в осаде и сдаться готов бастион
Нитяной, платяной, несказанный, куда там и где там.

На лице твоём омут зелёных решительных глаз,
Рта обрыв, западня, обведённая бледной помадой...
И к лицу твоему я лицом припадаю сейчас,
Прилагательный, злой, притворившись вечерней цикадой.

И в лице твоём смерть (вы хотели любовь?) нахожу,
Отдалённую, правда, во мрак накатившим прибором,
И целую взасос, и полвека за нею слежу:
Не проспать бы! И вот – не вспугнуть бы отчаянным воем!

БЕЛЬЁ НА БАЛКОНЕ

Бельё на балконе – обычная стирка в июне,
И солнце стоит за стеклом, как огонь в пароходе –
Не ярко, не слишком на службе, а всё же не втуне,
Любимое, значит, родимое даже в народе.

Бельё на балконе, не кружевом бальные платья,
Известные шмотки – рубахи, трусы, сарафаны,
И деревом пахнет, поставленным солнцу в объятия,
И на фиг, скажите, мне дальние жаркие страны?

Бельё на балконе, и воздуха влажного много,
Вдыхаешь не глядя, глядишь, ничего не желая.
Куда под балконом уводит тугая дорога?
Не знаю, пока меня в губы целует Аглая.

Рождение, смерть – будто в кафель упавшая бритва:
Случайно, а вот угадай, и огромно, поди-ка!
Бельё на балконе – не лучшая ль это молитва?
А вы говорите – короткого счастья улика...

ОМБРИЙ ФИЛИЙ ЕВБУЛЕЙ

*нету боле вече
заковали, ась?*
Данила Давыдов

Ну, типа, такая Даная
Нечаянно за полночь: «Ась?»
И, как бы ответа не зная,
Златому дождю отдалась.

Златому и знойному Ому,
Потоку любви неземной,
Такому косому, слепому,
Сперва через окна стеной,

А после точней и детальней –
И в яблочко, и в молоко,
Как выстрел с дистанции дальней,
С оптическим – выдох, легко!

Пальнёт – и на чёрные лыжи
Поставит решительный шаг...

За бога в ответе не мы же,
А бог, он, известно, мастак:

Уж если кого вожделеет –
Так боком выходит тому,
И коли кто волю лелеет –
Неволей послужит ему.

Издравле растёт изумленье:
Ужели и правда Зевес
Придумал себе погруженье
В физический сей интерес?

В дожде ли, в быке ли ретивом,
Как лебедь на этом и том,
Срамным не гнушаясь порывом,
Готов он и в гайку болтом,

Готов он и трупом под землю
В горячем и пышном гробу...
Знай шепчет: «Я всё это емлю!
Я всех вас вертел на лубу!»

ИОСИФ В ЕГИПТЕ

Ещё один взошёл Иосиф,
Обиду в сидоре неся,
И Землю на небо подбросив,
И голоса, и голоса...

Меж тем оуклился Египет –
Опять во тьме, опять рабы...
Иосиф срифмовал бы «выпит».
И я бы мог, кабы не бы.

Как на ладонной тёмной складке,
Лежит вся Африка во мне,
В войне, в огне играя в прятки,
И вроде есть, и как бы не...

И кто сказал, что беспрестанна
Лелеющая сытых львов
Трава, Танзания, саванна?
Не плод ли северных грибов?

И кто сказал про эти нити
На острых крыльях ноября,
Где снег из ласточкиной прыти
Молчит, до смерти говоря?

Ни мифом вырезанный Лосев,
Очками рухнувший в цветы,
Никто не говорил, Иосиф,
Ни даже ты, ни даже ты!

Ни свет июльский, угасая,
Нам точных не диктует глаз,
Ни Землю на небо бросая,
Иосиф, ты не сдвинешь нас.

И на штыре воложном Нила
В зрачок с орбиты введено:
Вот вам и золото, и сила,
И тьмы горчичное зерно.

* * *

Я не о гусенице плачу,
Чье совершенство впереди.
Мы куколки её задачу
Давно решили – погляди,
Как из коричневой скорлупки,
Идущей трещинами вдоль,
Украдкой тоненькие крупки,
Прияв златую канифоль
Новорождённой круговерти,
Восходят к небу... А теперь
Ответь и сам в ответ поверь:
Как долго бабочке до смерти
И обращения трухой?
И для чего потребно Богу,
Чтоб вечером прилип к порогу
Её останочек сухой?

* * *

Мой брат погиб в Афганистане...
Где он и не был никогда.
С аванса в водочном дурмане
Он вновь и вновь летал туда

На оглушительной вертушке,
Сжимая жаркий автомат,
И спирту был из мятой кружки
Из алюминиевой рад.

Мой брат погиб в Афганистане...
В жару и гибельный мороз
Он явь в отчаянном обмане
Сшивал струями мутных слёз

И врал о небе Кандагара
И тайной миссии своей,
О вкусе горького угара
На веках раненых друзей.

От света выцветшею бровью
Он боль к закату прижимал
И рисовал текущей кровью
На горизонте контур скал.

Мой брат погиб в Афганистане...
Я не сумел его спасти –
Ни на такси к жене Татьяне
Кривого насмерть увезти,

Ни в Пасху на богослуженье,
Ни в воскресенье летний лес,
Какое, на фиг, тут спасенье,
Ведь он в такую даль залез!

1960-е

Девчонок выносят со сцены,
А Леннон поёт и поёт.
На сцене же обыкновенный
В утробе столетия год,

Какой-нибудь, скажем, четвёртый,
Лет двадцать, как нету войны,
И воздух, зловонием спёртый,
Снесло в океан тишины.

Девчонок выносят со сцены,
И падают туфельки с ног

Мадрида, Парижа и Вены
В кочующий лондонский смог,

Орут и визжат не от боли,
И слёзы текут по щекам
По собственной влюбчивой воле
И прочим таким пустякам...

Ни Сталина нет, ни нацистов,
Европа взошла из трущоб;
По-клоунски как-то неистов,
Не так уж и страшен Хрущёв.

Всё больше летит легковушек
По бархатным лентам шоссе,
Всё чаще красивых старушек
На взлётной видать полосе.

Грядут и грядут перемены,
Бикини, болонья врзлёт...
Девчонок выносят со сцены,
А Леннон поёт и поёт.

КРАСНЫЙ, ОРАНЖЕВЫЙ, ЖЁЛТЫЙ

Мне нравится вид из окна –
Под снегом плетёные ветки,
И улица утром видна,
Как птица в нечищенной клетке.

Огонь заявила зима,
Собака согрелась – не лает,
И каждый охотник желает
В чужие проникнуть дома.

И кто не охотник вперять
За стёкла нескромные взоры?
Не все ли мы робкие воры?
Всё тащим, не в силах понять...

Иметь бы, вживить бы под дых
Без платы, без спросу и права!
Пускай нам и воздух – отравя,
И снег-то – смертелен и тих.

Вся наша страна – сторона,
 Где брызги – поминки прибою...
 И ладно! Пока я с тобою,
 Мне нравится вид из окна.

У ОЗЕРА

Целая ночь от Москвы до Валдая,
 Вышел на площадь в четыре утра.
 Улица к небу восходит крутая –
 Значит, гора тут скорей, чем дыра.

Фыркнул и вспять укатился автобус.
 Голодно, солоно, в гости не зван...
 Город у озера – маленький глобус,
 Весом сжигает ладонь чемодан.

Где тут гостиница? Дворник покажет.
 За ночь в дороге не стало лица.
 Раз уж не ждут и не встретили даже,
 Стало быть, нету в Валдае отца?

– Нету таких, – подтвердили у входа.
 Кто я, куда я в рассветный-то час?
 Мятая трёшка в кармане и кода:
 – Можно хоть вещи оставить у вас?

Георгий Звездин

METAMORPHOSES

Не притча и не загадка
 на простой вопрос
 я долго не мог услышать
 внятного ответа
 А я только хотел знать:
 что такое мужчина?
 в чём его достоинство?
 Но вот однажды в газете
 в рубрике «Знакомства»
 я натолкнулся на объявление:
 «Нужен настоящий
 обрадованный
 я тут же набрал указанный номер
 после нескольких гудков трубку сняли
 и вот что я услышал:
 «Раскрой меня наугад
 улыбнись строке дебютанта
 Взвесь мои груди
 и если откроешь тайну –
 запатентуй
 Позавтракай на моём бедре
 остро пахнущем
 В час когда зеркальность луж повышена

выйди вон
 и вспоминай насвистывая
 мою мелодию
 О рядовой грек павший в пески Илиады
 ради часа с Еленой Прекрасной на квартире в центре!
 О конь в пальто средней весовой категории
 мечтавший сыграть роль чернокожей певицы!
 Зачем в твоём кармане туфелька?
 Не знания и не навыки...
 Сумей почувствовать однажды то
 как любвеобильна осень
 Всего лишь».

Не знаю сколько я слушал всё это
 Я очнулся на верхней границе бабьего лета
 В королевских лесах под Чусовым
 Шла
 торжественная литургия охоты
 громко хлопали на ветру
 створки царских врат...

РОМАНС

Расставаясь она говорила –
 мы были бы хорошей парой
 тишина свидетель
 что у меня пальцы самые крохотные на свете
 что ты
 самое яркое из того
 что было
 но тишину никто
 не выслушает
 до конца...
 А я...
 я буду вспоминать тот день
 когда впервые
 увидела тебя
 в канун родительской субботы
 одетого нелепо
 как жизнь сама
 как ты стоял со страхом на плечах
 и оттого что больше некому молиться
 ты встречных песней ободрял
 а у тебя в дому

ничтожество разлито на двоих
и никогда
и никакого достоинства
кроме твоего невнятного
чувства юмора
но я вошла
и ты заснул
во влажном сумраке прибрежных ив
на моём
песчаном теле...
Прощай, прощай
со всем что юно и прекрасно
ты устремляешься к червям
слепым как жизнь сама...
Расставаясь она говорила...
Расставаясь она говорила...

* * *

Перед вами человек
писавший стихи
А что мне оставалось?
ведь для души раба
это своего рода
апология
Да, я входил в будуар к поэзии
этой пожилой содержанке
Смотрел, как она пудрит
свое лицо камбалы
а потом
умолял открыть мне секрет:
где?
взять крупицу
человеческого достоинства
Теперь,
когда все это изжито
я только повторяю:
тройка, семёрка, туз
тройка, семёрка, дама...
И мне смешно
ведь от человека остаётся
только смех
медленно уходящий в песок...

ЭЛЕГИЯ

Она была наполнена и потому...
хотела быть достигнутой

Тем летом...
мы варили мидий
заострённым дрынком
охотились на камбал
препоясав чресла
толстыми ремнями ламинарии
устраивали бег на стадий...

И запрокинув голову
беззвучно открывая рот
она смеялась
а мы
оглохнув от прибоя ей кивали...
Тем летом
для нас дороже не было награды:
и снова мы ристались
в слона и в пекаря
и в конный бой
потом опять в слона...

А через год
ты с предками уехала на материк
а через три
уехал я
не дай нам бог увидеться
о чём бы
мы поведали друг другу?
За гопника ты вышла замуж.
Я...
Наконец-то разменял свою невинность...

Теперь понятно мне
о чём тогда волна бубнила
в пробитый трюм полуистлевшей баржи
но это
потеряло смысл
и с кем тебя настиг прилив
теперь –
неважно...

Но как ни горько
я не говорю прощай
тому что не случится больше...
Меж мной и жизнью это неделимо
покуда очно смерть сама
торжественно не вступит в наше
Триединство.

ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА

Что делать господа?
Что делать?
Дождаться сумерек,
вынести на веранду стол,
накрыть чистой скатертью,
вынести блюдо –
перевернуть,
водрузить керосиновую лампу...

Начинай ты
Или ты
Всё равно
начните кто-нибудь повесть
о дороге прямоезжей в стольный Киев-град
О том где она?
У кого она?
Кто стоит в её начале?

Начните так:
облака-лазутчики доносят –
Герой шёл всю ночь
вдоль федеральной трассы
и девушкам с автозаправки
ничего не оставалось –
только рассмеяться вслед...
Какая то «девятка»
обогнав его притормозила у обочины
и он решив что его хотят подвезти
подошёл ближе
и наклонившись стал всматриваться в стекла...

То что он там увидел...
под стать крещенскому сну Татьяны Лариной:
там сидело пятеро молодцов

и с ними девчонка для забавы
У любого из вас
от увиденного
волосы бы встали дыбом
но Герой
только недоуменно пожал плечами:
он знал что каждый из них
боится остаться с тайной тайн наедине
боится спуститься в дельту
и почувствовать свежий ветер
Хвальинского моря...

В этот момент
потоком ветра от проезжающей фуры
с него сорвало кепку
и она покатила брэнча
как подлинный шлем Мамбрина

Далее...
Под транспортной развязкой
он имел аудиенцию с самим Эолом
и был при этом без кальсон...

В конце концов под утро
он зачерпнул из кювета
и провозгласил тост...

Итак –
облака-лазутчики доносят –
Герой появился на подступах...
Жители города спешно
занимали места
им было обещано, что они увидят
сошествие во ад...

Когда Герой вышел на площадь
он увидел людей
восседающих на стульях
с бубнами вместо лиц...

И он стал бить в них...
Стараясь ударить громче
стараясь дотянуться до каждого
И он разбил их все
Все!

он разбил их в кровь...
во славу господя.
И ныне и присно
И во веки веков
Аминь!

* * *

За день до загробной жизни
в парадном гроте сна
встретить свою молодость – первую жену...
Глядеться в глаза-запятые
ловить ладонь-ящерку.
Уткнувшись в ворс матросских блуз друзей
слышать как слова озоном пахнущие
мельтешат будто зебра
города единственного на свете
в котором женщины возникли
из твоего мычания
из твоего молчания – мужчины,
Где ты от фонарей сносил обиды
где до пенсии вечно
тридцать с лишним лет.

Владимир Зуев

* * *

Борису Рыжему

Проеду на втором и пятом —
ты знаешь: первом и последнем.
Под небом, трубами распятом,
трамваем в твой Свердловск поедем,
что осенью бессменно рыжий
на голубом, но чаще сером.
Не верещи, возьми пониже,
кондуктор Иванова Вера.
Мы зайцем. Мы с тоской и водкой.
Мы в колыбели едем, слышишь?
Сойдём — и в ночь блатной походкой,
и растворимся. Тише, тише...
Не громко, ангелы, не громко —
на стыках и на светофорах,
и в окнах жизнь, как киноплёнка,
мелькнёт, и титры на заборах.
И нервно-нервно пиццикато...
Какая траурная кода!
Ты ездил на втором и пятом.
Конец. Конечная. Свобода.

* * *

Заведи юлу
Пусть она кружит
На пустом полу
Лужи да ножи
Во дому пустом
Чёрная вдова
Старым помелом
Тянет из угла
Паутины лён
Писем пустоту
За окошком клён
На своем посту
Тень его пластом
Из угла во тьму
Я в дому каком
Вот ведь не пойму
И юла вот-вот
В лужу или нож
Мир наоборот
На меня похож
На полу пустом
На пустом полу
Лишь тоска кругом
Заводи юлу

* * *

Вой, но выкладывай слово «вечность», Кай.
Это твой смысл и спасение – привыкай
к слову и к состоянию глыбы льда.
Вечность, малыш, не кончится никогда.

Кай, нет ничего надёжнее пустоты. Ты
лишь на четверть прежний, успел остыть.
Сердце ещё не успело обледенеть...
Сердце живое – тогда ты живой на треть.

Мой, но приёмный, красивый и дерзкий сын,
неуязвимость возможна, когда ты совсем один.
Нет ни любви, ни жалости... есть печаль –
вечность, в которой нам никого не жаль.

Кай, принимай как данность холодный лёд.
Видимый мир замёрзнет, и боль пройдёт.

Герда тебя забыла – и ты забудь.
Чувствуешь, как твоя холодеет грудь?

Вот оно – состояние глыбы льда.
Вечность, малыш, не кончится никогда...

* * *

микро- и макрокосм
ос бесконечный рой
мыслей и все всерьёз
остановись постой
маятник бытия
в мёртвом дворе качель
ты очерстевший я
выбравший ту же цель
цепко себя держи
время туда-сюда
маятники-ножи
всюду и навсегда
микро- и макрокосм
остановись постой
больше нельзя всерьёз
тут в пустоте пустой

* * *

И страны той нет как нет...
И Свердловска нет в помине...
Лишь Свердлов бесстыдно стынет,
по зиме легко одет...
В центре города на «Е»
он стоит, не понимая,
что за жизнь вокруг такая:
«Коммунизм, паскуды, где?
Чёрт с ним! Где рэсэфэсэр?
Где мандаты и декреты?
Где Ильич? Володя, где ты?
Я торчу тут словно хер...
Рядом Оперный, УрГУ,
мимо люди и трамваи,
голубей проклятых стаи
гадят... Я один в снегу –
в центре города, и мне
одинок, зябко, страшно...

Недостроенная башня –
реквием по той стране,
что в помине нет как нет...»
И Свердловска нет в помине...
Лишь Свердлов бесстыдно стынет
много-много-много лет...

* * *

Это всё – от водки и любви.
Нет, скорее, от любви и водки.
Так сложилось в нашем околотке,
что у нас с рождения в крови
эта смесь и алчущие глотки.

В нашем околотке – дивный мир,
или дикий, что не так уж важно.
Жажда жизни, жизненная жажда –
наш неумирающий кумир.
Я боюсь, что он умрёт однажды.

Я однажды двину далеко –
за предел, во внешние просторы –
заводить с собою разговоры,
смыслу отдаваясь целиком,
обретая точку для опоры.

Пусть мне повстречаются друзья –
все, кто до меня ушёл далече.
Время – коновал, оно не лечит
памяти саднящие края.
Память, жизнь и смерть – фигуры речи.

И они с рождения в крови –
так сложилось в нашем околотке.
Это всё – от водки и любви.
Нет, скорее, от любви и водки.

* * *

Небо катится под откос –
так случается иногда.
В городке, где родился-рос,
вертикальные провода

замыкают на минус плюс.
Возникает глухая цепь,
и бессчётно плодится гнус,
и за окнами мнится степь.
Но не степь вокруг – пустота.
Школа, кладбище и роддом.
И желание – жить до ста
и во сне умереть потом.
Всё потом, потом – не сейчас.
К майским праздникам – огород.
Небо, небо, кого из нас
нынче выведешь в хоровод?
Укажи сейчас – не томи,
чтоб окончили все дела.
Тишина, только лес шумит,
вечер смотрится в зеркала.
И четыре вокруг стены,
пусторотый проём окна
и наличие кривизны.
Страхом множится кривизна –
так случается иногда.
В городке, где родился-рос,
вертикальные провода,
небо катится под откос...

* * *

Может, проще нас всех
разом взять и прибрать к себе?
Сам с собой рассуждаю в ночи
без пятнадцати два.
Я уже уяснил: смерть –
лишь трещинка на губе,
там, на небе у Бога,
знакомого нам едва.

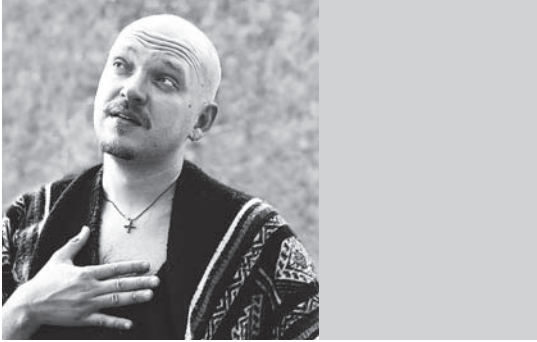
Может, проще смолчать,
проглотить, не устроить бой,
то есть выиграть его, не начав –
ну, была не была...
Мы – голодные дети,
кричащие наперебой
о земном и насущном
в занавешенные зеркала.

Может, проще не видеть,
не слышать, не знать, забыть.
Этот жизненный опыт
учтётся, как год за два.
Как мне всё-таки выжить
в союзе с частицей «бы»?
Подскажи мне, мой Боже,
знакомый со мной едва.

* * *

Я на чёртовом колесе один –
сон, но ветер качает клеть.
Пьянь торопится в магазин,
мне, наверное, не успеть
до закрытия. Чёртово колесо
зацепилось чем-то за облака.
Я напуган, собран, но невесом
постигаю смысл своего пока
непонятого положения – пустоту –
беспричинный сон он не в руку, нет –
колесо не катится в высоту,
высота не падает. Сорок лет
и семнадцать месяцев в колесе
я над городом. Ветер. Клеть.
Но куда-то вдруг подевались все –
мне, наверное, не успеть.

Сергей Ивкин

* * *

Глядя на детскую фотографию, я сейчас вижу: все уже были теми, кем стали. Ничего не меняют воспитание и матчасть: нас разработали из серебра и стали.

Посмотрите на робких девочек: каждый бюст – клейкий диагноз и выбор мужчин в дальнейшем. Их никто ещё не касался, но слышен хруст уязвлённой невинности, гнев превращения в женщин.

Нет ни одной улыбки, но каждый характер – взгляд вытащил, вывесил предгрозовое знамя. Насобаченный в похабную жизнь отряд. Боевые машины, присланные за нами.

Злая готовность – всякую реку вброд, всякое сердце – вдребезги, всякую душу – в пепел. Экзоскелеты, покрытые сталью и серебром, как среди вас оказалась моя златокудрая Пеппи?

Что она делала, стоя плечом к плечу с мелкими тварями, жаждущими сигнала? Даже то, что именно я её захочу, судя по фотографии, она изначально знала.

КРОМЕ АЛЛАХА

Гюльчатая не откроет пятый закон
термодинамики. Хватит первой квадриги.
Кукла завёрнута в продранное трико.
По гороскопу влияют Уран и Ригель.

Смерть на чужбине – единственная строка
из обещаний бабки, смотревшей звёзды.
Не остывает земля Пророка на каблуках.
Кровоточат после молитвы дёсны.

Слушай, служивый, не сохранить тепла,
даже женившись, даже приехав к маме.
Произнесённое шёпотом: «Ля иляха иль Алла
Мухаммад Расул улла» –
всё, что тебе достаточно знать в Исламе.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

1.
Что я знаю об Энди Уорхоло?

Энди Уорхол – гений!
Энди Уорхол подарил Джиму Мориссону
телефон, по которому
можно позвонить Господу Богу.
Энди Уорхол сделал белую сучку Мэрилин Монро –
цветной.

Что я знаю о Хэльмуте Ньютоне?

На его фотографиях женщины выглядят так, словно
мастурбировали всю ночь.
По его фотографиям видишь, что Джим Мориссон
дозвонился Господу Богу.
Гламур Хэльмута отымел пинап Мэрилин.

Что я знаю о Мэрилин?

Стоило надеть ковбойскую шляпу, и ты –
западная культура.
«Воистину, куришь американские сигареты –
скажут, что продал родину», –

произнёс Шеленберг
в романе Юлиана Семёнова
«Семнадцать мгновений весны».

2.

В этом баре никто не фыр-фыр на родном.
Заголовок газеты – и тот нечитаем.

Даже зеркало пристально щурит глаза.
Никому в простоте ничего не сказать.

Открываю свой рыбий (разорванный?) рот,
сквозь растянутый свитер топорщатся жабры.
Я и эти у стойки – единый народ.

На ладони монеты. На них
ничего не купить
на двоих.

* * *

Свободная кельтская женщина.
Келья. Кровать.
Дверь отпирать или кровь отворять,
ночь пировать или хлеб воровать –
мясо зубами рвать.

Свободная кельтская женщина.
Банши. Живот
с ней говорит по ночам
(сам по себе живёт,
ей никогда не лжёт,
больно и долго жжёт).

Свободная кельтская женщина.
Ярость. Гнев.
Айсберг спокойствия между плаксивых дев.
Между ягнят отдыхающий сытый лев.
Спящий младенец,
внесённый в случайный хлев.

Свободная кельтская женщина.
Нищеврод.
Выживший выродок, порча холёных пород.
Та, кто стоит на границе обеих природ.
Книжную пылью плотно забитый рот.

* * *

Медленное крошево событий.
Кружево сближений и утрат.
Медвежонок, в парке позабытый,
принимает первый летний град.

Пуговики, уставленные в тучу,
высунутый замшевый язык:
«Господи, какой же я везучий!
Я к такому счастью не привык».

Плотность шелестящего потока.
Тяжесть шкуры. Холод по спине.
«Я не знал, что так бывает. О как!
Неужели это вправду мне?»

ОТ НЕИЗВЕСТНОГО ОТПРАВИТЕЛЯ

Мама, с полётом на Марс меня опустили.
Это кидалово, чтобы нагреть сниматься
в пошлом реалити-шоу: мальчишник в стиле
тех, что ты смотришь, с пометкою «+18».

Пятое поколение мечтающих жить в столице
разродилось шестым, сугубо периферийным.
После того как я побывал в полиции,
ничего о государстве не говори мне.
Я всё решил: поселился в пустой деревне.
Поздно реветь: и Лавкрафта смотрел, и Кинга.
Есть тут ремень, чтоб варить из него варенье,
а интернет-зависимость сняли книги.

Так что бегущие из Салехарда зэки
или таджики, сношающие мозги нам,
не заподозрят о проживающем человеке,
каждое утро встающем под звуки гимна.
Бреющем голову – в зеркале видеть числа:
нам на висках под андроидов выжигали.
Обнаружившем смысл – там, где не ждали смысла.
После смерти придумавшем жить в Вальхалле.

Эта бумага подкинута почтальону,
так что, когда ты письмо получишь,
я залатаю внешнюю оборону,
после чего мне станет намного лучше.

Так и запомни меня: конопатым и тощим.
Просьбы вернуться обратно всегда фальшивы.
В нынешнем мире исчезнуть гораздо проще.
Твой Дядя Фёдор. Матроскин и Шарик живы.

ПЛАВАНИЕ

А. П.

от перемены мест суммируется жажда
всего что не добрал от перемены мест
почуяв норд-норд-вест в начале чаял каждый
схватить себе добра сыграв запретный квест
но вывернут баул в нехоженую скатерть
и проглотив протест сквозь пальцы видишь ты
медлительных акул и белоснежных скатов
низвергнутых с небес в разинутые рты

гонимые тоской мы вышли за пределы
фантазии отцов и страха матерей
сияющий эскорт сиятельного тела
несли ему лицо над гривами зверей
по замыслу Творца и по причине пьянства
забыт державный шаг открыты двери в клуб
где выложил в сердцах наличку оборванцу
и слушал не дышал рэгтайм фригидных труб

в конце любой тропы пусть даже будет пристань
охотничий азарт спекается в понты
и проще всё забыть
как будто бы туристом
ты переплыл свой ад
и это был не ты

* * *

Р. Ц.

Океанариум в Токио.
Ламантин –
фишка рекламы.
На чипсах и на еде для кошек
милая мордочка.
То, что всегда один...
Конкурс:

«Нарисуй для него подружку!»
(для самых крошек).
Строгая девочка лет пяти
приложила ладошку к стеклу и шепчет:
«Я к тебе прихожу каждый день. Гляди,
я тебе нарисую самых прекрасных женщин».

Он привык замирать
и греться о тень руки.
Улыбались туристы, но отключали вспышки.
Девочка говорила: «Все они – дураки.
Я тебя познакомлю с куклой и старым мишкой».
И отплывала в тёмное никуда.
Мир засыпал.
Со стекла испарялись пятна...

Время не существует.
Оно – вода.
Ходит по кругу.
Чистится, вероятно...

* * *

Расстояние краха – наглая величина.
Датчик отсчёта снижает её угрюмо.
Ничего, кроме страха, в твоих не скопилось трюмах,
да и в целом флотилия обречена,
и никто не останется при чинах,
несмотря на Божественный белый юмор.

Потому что бессмыслен сегодня любой приказ,
потому что свобода – право на отказаться,
потому что по жизни бывает конец абзаца,
потому что бакштаг разрезает родной баркас,
потому что даже если «In God We Trust»,
всё равно мы – сволочи и мерзавцы.

И с отливом остовы – ринутся к островам,
где распластаны новорождённые робинзоны,
где все подарки от Господа не к сезону,
потому нас и греют объятия и слова,
потому прибывает небо поцеловать,
наглотаться горечи и озона.

* * *

Отец играет на скрипке
над могилою сына.
Каждое воскресенье
в полдень приходит сюда.
Стройный, белобородый,
невероятно красивый.
Время на этих пальцах
не оставляет следа.

Слушаешь, отвернувшись,
частые сбои ритма.
Звук пересыпан пеплом,
грубый, глухой, земной:
Господи Милосердный,
это моя молитва,
в сердце моём калитка.
Выйди и плачь со мной.

* * *

Зеркало карманное, подкова,
семь тюков лежалого белья.
Всё, что остаётся, – бестолково.
Так же на полях приткнусь и я.

Что отыщет мой весёлый крестник
в крохотной квартире опосля?
Восемь книжек и ключи от бездны,
медного младенчика в яслях?

Обдирая старые обои,
разберёт на белых кирпичах:
«Ежедневно говорю с тобою».
Можешь ничего не отвечать.

* * *

Аркадию Буриштейну

Мы (осаждённый город неделим)
образовали собственный Олимп,
как реквизит стяжали атрибуты.
И вот стоим во злате и шелках:
елей на дредах, пудра на щеках –
безумны, голодны и необуты.

Мы (воинство раскиданных камней)
садимся на обглоданных коней,
и кони сами восстают из дробы.
Поскольку впереди есть только мрак,
мы поместили свет в глаза собак
и убедились: мир внутриутробен.

Мы (пасынки подкожной немоты),
подъез свои последние понты,
по одному заглядываем в бездну:
увиденное выжигает речь,
а если слову нечего беречь –
и жизнь, и смерть отныне бесполезны.

* * *

есть только Рай и кроме Рая
не существует ничего
мы потому и умираем
чтоб нам не опоздать в него

там я прозрачную стопою
смогу ходить по облакам
опознаваемый Тобою
глазами цвета молока

Евгения Изварина

* * *

взяв как пластмассовые гантели
шахматы в кулаки
на золотом крыльце сидели
лучшие игроки
то есть в отличие от хороших
пеших дороги вдоль
этим досталась доска в горошек
и на раздумье – ноль
времени стёршего под старость
о колбасу клыки

только игра как была осталась
подлые поддавки

* * *

Человеку хмель и горечавка
греют берега.
Сам же он как белая перчатка:
вызов – и слуга
солганному раз (но не навечно)
миру.
А война ли изнутри –
дёрни человека за колечко
и смотри.

* * *

Евгению Туренко

словно буханку
стужа
режет себя сама

жив
но больше не нужен
голос после псалма

боль покидает слово

но ничего честней
срыва голосового
не происходит с ней

* * *

в неземной бездонный окрик
рельсы сходятся вдали

отъезжающие смотрят
мимо неба и земли
различая побережье
где довольными умрём

подстаканники по-прежне-
му с колхозом и кремлём

* * *

зима обживает берега
но воды – летний изумруд

в такие дни ты – просто река
тебя никак не зовут

спишь под шинелькой без петлиц
но кажется иногда

в тебе отражается больше птиц
чем может вместить вода

* * *

земля
чьи впроголодь утопии
на чёрном чёрные отточия
не удержавшая в потоке их
ни почвы ни корней, ни прочего
легла песчаными заносами
на раны времени и климата
не то что в оны дни колёсами
ты и копытами покинута
теперь ни трепета, ни топота
на кой сдались легко отделались
скажи – что проклята а толку-то
ты есть
как ненависть

* * *

наблюдатель в облаках
ходит с голубем в руках
сам слепой а птица видит
сигаретки в кулаках
часовые ремешки
стройплощадки
драмкружки

развороченные спины
вылетевших за флажки

* * *

Полынь в приданое вода
берёт легко.

Бывай, Господь, смотри туда,
куда – никто.

Полынь и копоть во плоти,
такая тишь...

Куда не хочется идти,
туда – летишь.

ПРОРОК

Кто поздно прав и неразменно должен –
не говори поникшим и примолкшим,
не приводи примеров и погод
иных не обещаай, чем прописные
для этих мест – бессвязные, сквозные
предчувствия переходящих вброд
железный вертоград...
Будь с ними краток:
– Судьбы – избыток.
Времени – остаток.
Услышь своё безмолвие, народ...

* * *

простое обо всём
– скажи ещё
– люблю
легко перенесём
приснимся февралю
что марту отдаёт
всю белизну и смоль
за старый анекдот
– скажи пароль
– пароль

* * *

по мостику эха
где жизни не в пору
спадают и тонут

монах переходит подводную гору
(а думает – омут)

конец – где случится
слеза – где начало
трепещет бескрыло

монах понимает, что эха не стало
(но чувствует – было)

ТУМАН

за журавлиной тягой
как золотая взвесь
прорисованы влагой
наполовину – здесь
наполовину – в нетях
ангел, цыган и бык

даже если ответят
это не их язык

* * *

обменял – не продал
всё на ничего

шорохом по водам
человечьего
зрения берем
дереву темно

исчезать ли время
самое оно

в календарной сетке
заметать следы
собирать по ветке
дерево с воды

* * *

Ю. Казарину

Части света, лучшие часы
мимо – и аминь...

Музыка по-русски – от росы
белая полынь,
белой тенью падают, знобя,
крылья при ходьбе.

...Музыка, пришедшая в себя, –
как она тебе?

* * *

семь нот семь ничком по казармам
небес ни о чём
скрипичным, как если б слесарным
короче ключом
на части, едва помаячив
разобранный блюз
разлука извечно незрячих
и снова союз
как пепел завис дирижаблем
неновый движок
каркасное облако обнял
и снова поджёт

* * *

Как руку (снова без кольца),
как белый шрам – апрельской вьюгой,
потрогай фразу в пол-лица:
«она была его подругой...»
– нерв отворяла лицевой,
как снежный шорох на виниле:
кому?
о чём?
какой ценой? –
Проехали.
Похоронили.

* * *

Могильной травы в дорассветном дыму
колышется кровля.

Душа – не прислужница в белом доме,
и в чёрном – не ровня.
Ты спишь как вода, уводимая ввысь:
без памяти,
плавно...

Большая и малая рыбка, ловись,
душа – и подавно.

Там кто-то сидит, не подняв головы,
и ловит на удочки колоколен.

Ты спишь – и колышется кровля травы
под килем,
над полем...

ОДИССЕЙ НА РЫБАЛКЕ

Это соль оседает на лезвии полной луны –
океан покидает Итаку, а ты остаёшься.

Вот и рыбка – что линия жизни в ладони волны –
засыпает, когда понимает: куда ни метнёшься –

снасти сна, и тебе не тесна эта ловчая сеть,
эта тёмная музыка – вовсе она не скупая:

ни о чем не заботиться, у лукоморья сидеть,
молодильные яблоки солью морской посыпая...

* * *

единственных
не удержать слезами

сражённые
не помнят об игре

служение
круженье
осязанье
что пастбище овечьё на заре

туманы счастья
колокольцы лета

парящий пепел
плавающий лёд

задень во сне
чтоб точно – без ответа

забудь скорей
тогда – произойдёт

* * *

...и огонь приходил за словами,
и слеза уводила от ям,
в просветлевших садах узнаваний
вот уже полегчало ветвям,

вот уже подбивают итоги
те, кому обещанья вернём:
не завидуйте, грустные боги, –
мы не стали огнём...

* * *

Александру Петрушкину

Слепая упряжь одержимость! –
навяливая твой улов,
баланда ангелов кружилась
от оловянных островов
к урановому лукоморью –
не согревая, загребла
согласных в землю – как на волю,
обогащённых догола...

ЛЮБОВНИК

любовник алиби
для тишины

чьи корни на небе
отражены

держась фалангами
за чернозём

ты знаешь ангелы
больших озёр

их так и бросили
лесами вниз

дыханье осени
другая жизнь

* * *

ослепило безотчётно
повело на нитке тонкой
роза-озеро где чьё-то
счастье свёрнуто воронкой
матери верни отцу ли
половинное в поклоне
рыбы тонут
как танцуют
человек летит
как тонет

* * *

оберни бумагой руку
из огня достань одну
ледяной реки излучку
там снега метут по дну
как железные опилки
наградной земли обмылки
дед в окно протянет внуку
и обратно на войну

* * *

Ливень выплеснул на рамы
ледяные буруны –
доплатные телеграммы
из украденной страны.

Там – кресты на серых списках,
непрощённые дела,
там от низких обелисков
тень полнеба обняла,

там в кавернах побелённых –
выпитые родники,
и у ангелов с пелёнок
сжаты кулаки...

Андрей Ильенков

* * *

В башне Хрущёва, где льются в фарфор
Вина Кубани,
Кто-то придумал, что он светофор,
Вышел за грани,

Выбил признание в каждой любви
Скрипом элегий,
Палка за палкой, с пыхтением «Qui
Scribit, bis legit»,

Дивные гимны пропел ямщикам,
И в результате
Жидко похлопали мне по щекам
Б... и тати.

Под дребезжание щепки пою
Ада куплеты,
В море житейском стою на бую,
А напоследок

Два варианта: «Вельми умилен
Бражкой и кашкой».
Или: «А кто мне не даст миллион,
Мажу какашкой».

* * *

Зима весны на кладбище, безлунные деньки,
Последняя конфессия откинула коньки.

С рогами и копытами осиновым крестом
Последнюю религию проткнули под мостом.

Ходила вера до ветру прохожих обирать,
Учила в пух невидимый ложиться помирать,

Терзала души гордые видением конца,
На коем так и вертятся избранныки отца.

Лобзали анус господу своёва мудрецы,
Свободы, братства, равенства прожжённые жрецы,

Любой великой партии позорные волки,
Всемирной демократии стервятников полки.

Да вот, гляди-ка, умер-ка великий Сатана!
Конечно, всё дозволено, раз нету ни хрена,

А только ты да зеркало – ему теперь и верь,
Беседуй с ним, е.. его, молись ему теперь.

* * *

Мы встретились в храме, от чуда пьяны,
Не зная, кому уготован из нас
Военно-промышленный комплекс вины,
И, помнится, плакали, в дружбе клонясь

До самого тына, но ты не пила
И мне не дала воспарить добела,

Наверно, недаром, но кто разберёт
Структуру страданья, отыщет ответ,
Зачем почемучке утраченный рот,
Кому газават и откудова свет.

Я лгал, что не плакал тогда ни о ком
И насмерть стоял на коленях врага,
Что насморк не глядя лечил молотком,
А грусть – порошком и говна пирога,

Что в мире, который морали лишён,
Последний подлец что последний грифон
И, как камертон, музыкальной судьбой
Обязан тебе, но несчастен тобой.

Однажды приснился несчастному гроб,
В котором кататься под куполом чтоб.
Подземное солнце подонка печёт,
Река Флегетон по сосудам течёт.

Взлетает машина, насилуя слух,
Вдруг трижды под нарами крикнул петух –
И надо бы прыгать, не вышел полёт,
Но что-то проснуться ему не даёт.
И тихо в груди – но темно впереди,
И ты на поминки к нему не ходи!

ТРУТЕНЬ

Постись, постись, под пулями
Учись пастись не кланаясь,
Сырую глину улея
Кали до звона пламенем,

И фаллосом, и логосом –
За то тебя и потчует
Тупая тварь безрогая,
Бесполая, рабочая.

В постели кельи узенькой
Владычицы безбашенной
Служи без дум и устали,
Взаимности не спрашивай,

А осенью – расправленной
Спиною к стенке улея
Вставай – и уж не вздрагивай
Под золотыми пулями.

* * *

Скорбит небесье,
Цветёт обличье,
А сердце песье
От пива бычье.

Порезал торфа,
Понюхал Надю,
А сердце Орфа
Скулит во аде.

Стучит торпеда
В груди Аида,
Свербит победа,
Поёт обида.

Портвейна попил,
Козяв покушал,
А сердце в попе,
Тошнит, и душно.

Порезал руку,
Порезал сраку
О трон, по стуку
Засёк собаку:

Испортил песню,
Оставил сына,
И в сердце песье
Иди, осина.

БОЯЩИЙСЯ ЛИСЫ

За козлиную песенку на хвастливом рожке
Упокой меня, Господи, кирпичом по башке,

Но за осени детскую перед снегом любовь
Пожалей меня, Господи, отведи эту кровь,

Что мерещится комнатам раскалённым вином,
Бурунами у мебели заливая мой дом.

Отведи на поля её, да упьётся земля,
Липкой мглой опыляемы, да цветут тополя,

Как мозги бледношарые анемоной больной,
Где ребята поджарые грезят новой войной:

Заселили извилины, наливают вина,
Провода отрубили нам, и нескоро весна.

Было время, надеялся, что умру знаменит,
А теперь я в чернильницу заложил динамит

И ночами тягучими до зелёных соплей
В ожидании случая пью лосьоны и клей.

Как я бревна отёсывал – это просто шарман,
А теперь вижу ножницы – прячу руки в карман.

Эти стены отравлены, в них воняет бедой,
Мне не нравится ванная, я хожу с бородой.

Пусть чужой, но целёхонькой уведи, убеди,
Отними её, Мать Твою, у меня от груди!

Но оборваны кабели, Ты не внемлешь словам.
На кого нас оставили? Я убью это сам.

Ах, как холодно белое из-под снега лицо.
Кыш, я знаю, что делаю. Три по двести – пятьсот...

* * *

Был у бабки в сундуке старенький волшебник,
Он в конторе получал много, блин, рублей
(Ну, не много, но тогда было все дешевле)
И все деньги он всегда тратил на б...

Заводил он драндулет, свеживал лошадку,
Бил по морде петуха за кукареку
И катился к е...ям по ухабам шатким
Через гору, через сад, к девкам за реку.

Ничего, что у него ничего в кармане,
Очень многим этот свет мил и без того.
Эти б...ие гроши, эти злые мани,
Эти бабки в сундуках, это волшебство.

Девки тоже без души дядюшку любили,
По арбузам босиком к милому бежа,
Хоронили нарасхват в собственной могиле,
Ели мясо мужики с кончика ножа.

Это было каждый раз в пятницу и среду,
Но особенно весной мёртвые нежней,

Той весной, какой, клянусь, я к тебе приеду,
Той весной, какой клянусь сорок девять дней,

Ведь бывает день в году самый сокровенный,
Сотрясается сундук, дужками звеня,
В этот день всегда не всё как обыкновенно,
И написанное здесь всё не про меня.

ДВЕ КАРТИНЫ. ИЗВИНЕНИЕ

1

«За счастьем по команде “пли”
Бежим по взлётной, как и все,
От оскорбления Земли
Никем не сжатой полосе.

Повремени хоть ты, смени
Пластинку дней, столетий, лет
(И всё как в прорву), расстегни
Браслет часов, которых нет,

Сними оковы, сделай шаг
В неоцифрованной траве,
Узнаешь: в этом мире благ
Бывает гладким лишь конвейер.

Узнай на теле, как колюч
Газонов глянцевого репей,
Когда влагаешь легкий ключ
В замок асфальтовых цепей.

То злится мира вещество,
Обычно кажущее нам
Здесь – цифр над миром торжество
И Очарованное – Там,

Невыразимое – но слов
Всегда хватало, чтоб толкнуть
И баснописцев, и ослов,
И соловьёв на торный путь:

Закрыв глаза, разинув рот,
В тюрьме народов и веков

Орать про новый поворот
На карусели дураков.

Не покупайся ни на грош
Подстерегающих идей:
Святую, грязную – но ложь
Одну узнаешь от людей,

Порнуху рамок и картин
Под трёп о смыслах бытия.
Открой себя на карантин,
И ты узнаешь всё, что я.

И ты узнаешь, как любить
Не до окончания кино,
Но века; плакать или пить
Не нужно, если знать дано;

Я научу тебя стоять
На чьём угодно и не мнить,
Что, Е поставив вместо Ять,
Возможно слово изменить.

Младая жизнь твоя бедна
На откровения, но лишь
Пойми, зачем она дана,
И ты судьбу благословишь!»

2
Так я мечтал, когда порой
(Ночной, как правило) тебя
Воображал и был с тобой,
Любя, тем более е...

Кричал: «Зажги во мне огонь» –
Магнитофон, а я: «Дитя,
Летим со мной!» Признайся, конь,
Ты это делал не шутя!

Признайся, грёбаный фашист
(А то иголку в ноготь ткну):
«Каков я всё-таки лучист!» –
Ты думал так, признайся, ну!
И ты ошибся – перестав.
Могло быть так, но стало sic,

Сломав перо, забыв Устав,
Ты вырвал грешный свой язык

И сердце тоже... но на том
Остановился – и теперь,
Когда-то бывший дураком,
Стал средним братом. А тебе –
С собою, думаешь, самим
Мне хорошо, и ты зачем?
О нет, то, нежностью томим,
Я не хочу тебя ничем
Печалить.

* * *

Здравствуй, сволочь, волчья сыть!
По ромашкам не гадать –
Говорю: тебе водить
Хороводы и кидать.

Так кидай свои Понты,
В тихом омуте лови
Человеков на бинты
Окровавленной любви,

С трубным гласом звуки лир
Или талеров мешай,
Благодати этот мир
Я лишил, а ты решай.

Я ловлю, а ты кидай
Стрелы в сердце и живот.
Ты прекрасна, таки да,
Но ещё одна живёт...

Уж прости, что ты жива,
Слов моих святая ложь!
Я не смог найти слова,
От которых ты умрёшь.

Жизнь всегда такая грязь,
А над ней такая высь,
А на троне – здравствуй, Князь,
Мир тебе, и подавись.

* * *

Золотая тара
Вылитых небес,
Наступила старость
На стеклянный лес.

Лес, где у обрыва,
Горбась от вины,
Доживали взрывы
Старенькой войны.

Оными лесами
В час кромешной тьмы
Хаживал Сусанин,
Гуливали мы.

В этом царстве сосен,
Льдинками звеня,
Наступает осень
Прямо на меня.

Так теки, текила,
Навевай стишки:
«Осень наступила,
вылезли кишки».

* * *

Могила ванна.
Земля слита.
Левиафана
Тяжелота.

По краю града
Скользнул кастрат,
Ланиты рады
Числу наград.

В крови кастрата
Ползучий яд.
Костра растрата
Острей утрат.

А были тоже
Не дребедень:

Отбросил кожу,
Утратил тень.

Дымятся люки,
Уран пекут.
Под белы руки
На Стыдный Суд.

Кричит, пеняет
на зеркала,
А рот воняет:
Душа сгнила.

Околевая,
Мычит Эсоп:
– Душа живая,
Язык усоп!

По щёкам битым
Узнай раба.
Черна, как битум,
Моя борьба.

Но шлейф накинута,
И семь собак
Везут могилу.
В могиле рак.

* * *

Пищат под ногами люди,
Печально по ним иду.
Никто никого не любит
В дневном городском аду.

Всё движется в час вечерний,
За столики, где в гульбе
Богами кажутся черви
Другим и самим себе.

И пьяный кружится город,
И, видимо, не беда,
Что ночь наступает скоро,
Внезапно и навсегда.

Елена Ионова

* * *

Где луна моя двурога,
 Туча кругла, как свинья,
 Я создам другого Бога
 Для тебя и для меня.
 Чтобы жил на Анатольской
 Или на площадке «Гать»,
 Падал на воде – где скользко,
 Нас бичом не смел стегать –
 Брал колючий куст крапивы
 Или тонкий ивы прут...
 Там в конце все будут живы,
 А в начале все умрут...

* * *

Мне не нужно ни любви,
 Ни рожденья, ни поминок.
 Хрен стоит, как древний инок,
 Свято место всё в крови.
 Коль окстишься, то раздай
 Всё что есть. Найди родное.
 Здесь – не все жида и гои,
 Там – не только ад и рай.

* * *

Стрекозий мёртвый взгляд – пустой стакан
 Прекрасных глаз, слегка покрытых пылью.
 Как красоту не положить в карман?
 Не принести, переломав ей крылья
 В мой дом, где чутко слышат этажи,
 И люди расползаются по сотам,
 И пасечник прокуренный брюзжит,
 А за дверями снова смотрит кто-то,
 Как мною не постигнуты азы,
 И двери помечает мне бедою.
 Бессмертен мир. По глазу стрекозы
 Здесь в каждой бочке с дождевой водою.

* * *

«Вы – соль земли, ищите сахар здесь,
 Найдите, но не смейте его есть!»
 И мы склоняемся в молитве и надежде.
 И небо разверзается на раз,
 И застаёт нас дивный чудный глас
 Неспящими, в прокуренной одежде,
 Без дома или даже топора,
 Где нет деревьев – лысая гора,
 И лысый вождь неспешно крутит землю...
 И нам даётся молоко и мёд,
 В капусте дети, в небе самолёт,
 И всё, что я в других уже приемлю.

* * *

Становился кто-то на самый край,
 Выводил весёлое над толпой:
 «Ты постой, постой, наглядеться дай...
 Или просто дай, или просто спой!»
 Я ходила ночью на тот конец,
 Я встречала там всех, кого боюсь,
 И стоял над маковкой как венец
 Лик луны и тонкий терновый куст.
 А над речкой плыли туман и дым,
 А под сердцем маялась благодать.
 И меняла цвет станция Сады,
 И хотелось петь или просто дать...

* * *

Кота за хвост, за мягкое пузцо
Тащить домой с последней электрички...
Меня хотел мужчина взять в кольцо,
А я всегда брала его в кавычки.
Я говорила: «Господи, прости
Всех одиноких (чтоб им пусто было),
Дай по коту им, чтоб в душе скрести,
Дай им верёвку, шило или мыло.
А мне дай ждать того на берегу,
Как в детстве становясь “морской фигурой”,
Кто возвратится через не могу
С побитой молью золотую шкуркой,
Увидит чудо прямо на глазах,
Коли замрёт надолго в этой позе –
В забытых кем-то жестяных тазах
Вода зимой застынет на морозе».

* * *

«Не спи – замёрзнешь, не садись на снег,
Не рви цветы – пусть кормится с них пчёлка».
Здесь звери просят деньги и ночлег,
А ты в руках рабочего посёлка.
И дом вращается в вечную тоску
И в землю предков, будто сами предки
Хотят его увидеть на боку,
И тянут к нему высохшие ветки,
И топят его – выпрыгнуть успеи...
Сидят на рее или реют чайки,
Беги до детских слюнок и соплей,
До коликов в боку и мокрой майки.
На этом месте вырастет тайга,
Как райский сад на почве местных сказов,
И выйдет Бог, напаявший рога,
Гонять по небу звёздных лоботрясов.

* * *

На рыло выпал самый первый снег,
В подъезд забился полчеловек
И облизнулся, но не подал виду.
В подъезде было сыро как гробу,
Но высох снег и раскровил губу,
А каждый новый шаг таил обиду.

И лёг жилец на пятом этаже,
Покорный смерти, как трава в меже.
Смотря на потолок и видя Бога,
Рыдал, припомнив весь его обман,
Из русла вышел вечный Иордан,
Донёс Пастушью сумку до порога.
И молвил Бог: «Расслабься, всё должно
Быть только так, как вклеено в окно,
С тебя не будет спрос – ты не в ответе.
Благую весть не носит почтальон».
Шипя, на кухне выкипал бульон,
А во дворе, смеясь, играли дети.

* * *

Ольге Ионовой

Глупая девочка с фотками наголо
Выпала ночью, снегом не замело.
Снег отступил, аккуратно очертив подол,
А под подолом теплится рок-н-ролл.
Видишь, лежит прозрачная как стекло,
Бледная девочка, лыбится так светло,
Как на чердачных окнах блестит весна,
Как, разбивая стёкла, визжит шпана.
Канул в ближайшем желобе вешний лёд.
Если подуть и выплакать – всё пройдёт.

* * *

А. Курту

Возможно ли, кораблик доплывёт?
Мы сроду здесь калош не надевали!
Как сахар застывает первый лёд,
Сверкая в лужах, будто на Девали.
Вот-вот зима замочит нас в тазу,
Засыплет хлоркой, чтобы стали белы,
А ты пиши на голубом глазу,
Как хороши в Тагиле самострелы.
Когда подходит високосный год,
Когда смыкаясь, холодеют веки,
Ко мне прильнёт всезнающий народ,
Мои родные недочеловеки,

Согреют паром из беззубых ртов
Слепой листвою мятущиеся дживы.
И скажет Богу тихо: «Я готов»,
Не жаждущий ответа и наживы.

* * *

Сестре

Открой окно, мы втянем нашу память
Из этих мест, что страшно так оставить.
Где на запястьях шрамы или феньки
У девочек, что подпирают стенки.
Где лес, и дол, и Summertime, и Энди,
Сосед, что отбыл в мир иной намедни,
Паук висит, как дух святой под люстрой,
И снег идёт своей походкой шустрой.
Нас двое здесь, где свет нас не покинул,
Где режут руки, будто это стимул,
Где за окном смеркается и брезжит,
А у ворот стоит зубовный скрежет.
Где нет икон, но каждый угол красный,
И мы решили, будто не напрасно
Бог нас слепил с себя как под копирку
И завязал на сжатой ручке бирку.

* * *

Если я съем этот гриб, он исполнит желание?
Стану я больше, чем мир или меньше соломинки?
Скоро проглотит лес солнце, и кровопускание
В небе, а здесь на земле огороды и домики.
Ручками, ручками, в грядочках азбука Щавеля.
Что ты там вычитал? Сказку про смерть и рождение.
Первый садовник, удобривший камешки Авелем,
Был просто яблоком с яблони грехопадения.
Капают бурые капельки ржавого вентиля,
Шланг для полива как змей возле дома на привязи.
А за воротами страшная улица Брейгеля,
Из темноты кто-то шепчет мне: «Милая, вывези».
Я отвечаю, простите, сама тут не местная,
Я собиралась исчезнуть ещё до двенадцати,
Только мне тридцать уже, надо мною Вселенная,
Но развлекаюсь я лишь огородом и танцами.

* * *

Посмотри наверх: благодать
В небе, осенью налитом,
И «гусиную кожу» гладь
Под пальто, а на небе том
Вдруг октябрьский снегопад
Сыплет из-под свинцовых век.
Это Бог заглянул в мой сад,
Он решил здесь посеять снег.
Замирай и, прошу, молчи,
Нам другой предназначен дом,
Там под коврик кладут ключи,
Чтобы сжечь этот дом... потом.
Чтоб золою потом солить
Горький хлеб, преломить его
С тем, кто может тебя любить
Не прося взамен ничего.

* * *

Мы пришли за Иваном до Марьи
И бросали снежками в окошко.
Марья крикнула: «Сдохните, твари!
Он опять у своей мадам вошки.
Вы просили Ивана стать чаем?
Вы просили Ивана дать хлеба?
Он сказал, опыт с чаем случаен,
И стал деревом, вырос до неба.
И шумит в тополином угаре,
Подставляя дупло птичьей воле».
Мы сказали: «Любви тебе, Марья».
И пошли до Степана, он – поле.

* * *

Каравай, каравай...
Мне скажи, кого ты любишь.
Перед сном их отпевай,
Отпевай, когда разбудишь.
Тёмен дом, а даль светла –
Только видимость покоя.
Пот на гладкий мрак стекла –
Проверяй, не сплю ли стоя.
Проверяй, жива ли я,
Или это напускное?

Гложет червь небытия
Моё тело под сосною.
Тёплый край моей земли
Посолить и стиснуть зубы.
Смерть в пыли и сад в дали
Одинаково мне любви.

* * *

Ты видишь, я выросла всё же
В холодном и тёмном краю,
Держи мои волосы, Боже,
Тяни меня выше к нулю,
Где гомон пришедших не слышен...
На скатерти в виде лица
Разлито варенье из вишен.
Чего пожалеть для отца?
На снег забирай мою кожу,
На прочную миру петлю
Держи мои волосы, Боже...
Пока я блюю.

* * *

К. К.

Пчёлка меж рам, как в стеклянном гробу,
В доме, в котором ни пёс, ни жилец
Не захотели ворчать на судьбу,
Отбыли срочно до станции ...Здец.
Боженька, дом мне мой собственный дай,
Чтобы в нём дочь увивалась лапшой:
– Мамочка, правда, у пчёлок свой рай?
– Правда, конечно, но он небольшой.

ВСАДНИК И Я

Ехал всадник мимо леса
За каким-то интересом.
Раз-два-три-четыре-пять –
Как же всадника догнать?
Инте-инте-инте-рес,
Под ноги ему абсцесс,
В руки – гвозди, под ребро –

Уркаганское перо.
Стой же, всадник, погоди!
Ляжешь на моей груди.
Буду резать, буду бить,
Буду нежить и любить.

* * *

Тихо. И выедено яйцо – не с чего начинать.
Бог изменяет твоё лицо, Бог полюбил играть
В прятки ли, в салки ли, в джигурду –
Выигрыш всем один.
Бог постелил нам в своём саду,
Выгнал нас в карантин.
Мне, засыпающей у ворот,
Тихо сказал: «Не ной...»
И плюнул мне прямо в открытый рот
Сладкой твоей слюной.

* * *

Крутится-вертится шар пока,
Пой под иглою, тело!
Слишком царапинка глубока –
Имя твоё заело.
Если закончится сторона,
Что-то начнётся снова?
Как из динамика, из окна
Хриплое «Ноа Ноа».
Крутится-вертится белый свет
(Ось ему в серединку!)...
Утром проснёшься, а боли нет –
Кто-то сменил пластинку.

* * *

Лежи, стони в сугробе у посёлка.
Земля твоя, и всё вокруг твоё.
Вожди стоят на каменных распорках,
Глаза горят, и шастает зверьё.
А смерти нет, но есть бухло и воля,
Когда ты прост как три рубля и свет.
И ты поймёшь и выкрикнешь: «Доколе!?»
А сверху скажут: «Коли тоже нет».

Ольга Исаченко (Горицкая)

* * *

И всё-то об одном
 На разные лады –
 Дорога, речка, дом,
 Заботы и труды,

Россия, сын... тетрадь –
 Подобие анналов
 Несвязных... Что с нас взять,
 С провинциалов?

* * *

Озорничали ягоды июля.
 Иные лиловели напоказ,
 А прочие, в засаде карауля,
 Угадывались и смущали нас.

Черёмухи цыганоглазый табор,
 Шумливый до последнего листка,
 Нам в переулке послан неспроста был
 Из детского родного далека.

Чернит безбожно рот и вяжет нёбо,
 Но памятью наследной дорога
 Черёмуха – речистая особа.
 ...А там, откуда шли, еще ирга
 Взхлеб пестрела – у чьего-то гроба...

* * *

Звезда, одушевляющая тьму,
 Пылинка в пересчёте на проценты.
 Провинция – не ссылка потому,
 Что заняла вакансию плаценты.

Клубком в утробе, семечком в горсти,
 Покуда неисторгнутые в родах
 Ухабы века легче нам снести
 В смиренных околоплодных водах.

Какие гены в нашем багаже,
 Какие звёзды в нашем гороскопе:
 Одной ногой мы в Азии уже
 Или другой ногой уже в Европе?

Философы, не мне о том судить,
 Когда в сезоне лиственном и кратком
 Положено картошку посадить
 Строжайше утверждённым распорядком.

Ступайте к нам узнать из первых рук
 Про заработки наши и загулы,
 Прозреть в тайге и юг, и Петербург,
 И крестный путь из веймаров в вогулы.

Идите все – по Блоку – на Урал!
 Ушкуйничьим нахрапом иль этапом
 Сюда за веком век людей швырял,
 От прапрапап перебираясь к папам.

И кстати, проживи подольше Блок
 (Но кости не на тот манер метали),
 Как полунемец он бы тоже мог
 Отправиться в означенные дали.

Не устарел провидческий призыв,
 Он на орбите, и в лихом кульбите
 Мне не в укор его перехватив,
 Как тёщу Пермь приветствовал – Кальпиди?..

Ошиблась – Раков! «Прима» и пимы,
 Конспекты лекций: «Есть ли жизнь на Каме?»
 Да, скифы мы, да, азиаты мы
 Упрямые – на том стоим веками.

Мне снится колея большой зимы –
И пятисотрублёвка с Соловками
Как логотип истории российской.
Там, между прочим, дочь моя живёт,
И внучка Женька, как за мышью кот,
Охотится за материнской сиськой...

* * *

...Две ящерицы сквозят из-под полы
Поношенного земляного платья
И застывают, бронзово-смуглы.
Как наконечник варварской стрелы
Одна. Другая – крестное распятые.

* * *

ждёт за окном босотá
с клювами наизготовку
хмырь – воробей без хвоста
третью мотает зимовку

из центрифуги двора
тянет непуганым детством
в небе разверзлась дыра
чёрная с белым подтекстом

* * *

Что-то помним, но немного:
Голос есть, но нет лица,
И придумываем Бога,
Как детдомовцы отца...

* * *

Моя любимая провинция –
метель да ель, завод да пруд,
здесь нарождаются провидцы и
неузаконенными мрут.
Её очки отнюдь не розовы,
скорей копчёны угольком,
жильцы – отважные философы
за домодельным бутылком
зимой – ведь бесконечны зимы-то,

а летом – неизбежный гон.
Непредсказуемостью климата
локальный фатализм рождён –
каким посолом путь ни вымостят,
какой бы дождь ни зарядил,
глядишь, чего-нибудь да вырастет –
конечно, если посадил,
как наставляет память генная –
тебе ль оспаривать её,
обыкновенное – мгновенное
провинциальное житьё?

* * *

Художнику Сергею Корьякину

Зелёное дерево в розовом поле
(По праздникам – наоборот)
Поёт вопреки уготованной роли,
Застольные песни поёт.

Луна пронизает земные потёмки,
Пестро гомонят петухи,
Вздыхают предтечи, буянят потомки
И ломятся скопом в стихи.

Художник, малюйте – даруйте – минуйте
Разлад устремлённой души!
Весёлые звери, печальные люди,
Как детские сны, хороши,

И Родина машет босыми крылами,
Судьбу принимая на вес –
Летит переулками и куполами
В разъятые хляби небес...

* * *

Чего бы ни употребили,
Тем паче, если вовсе не,
Не умножайте энтропию
В отдельно избранной стране.
Она сама себя умножит,
Сама туману наведёт,
Достанет из кармана ножик
И с сеновала пулемёт,

На атомы разэнтропилит
И наконец умерит пыл...
Нас в эпилоге в квотах пыли
Не различит и Гавриил:

Кто гош для рая, кто для ада?
Где ад у хаоса, где рай?
...Не надо, милые, не надо
Ступать на край!

* * *

её утраты в лад
с зарёю рассветают
так медленно болят
что жизни не хватает

как птичьих лап следки
лежит крестов дорожка
не то кормить с руки
не то прогнать с окошка

* * *

Жизнь как живопись-примитив,
Как припев на один мотив –
Вроде птичьего, как стишок
В две слезинки и восемь строк,
Как с осенней гряды вилок,
Смертью связанный в узелок.

* * *

Говорю: «Водосбор, горицвет,
Медуница, аютины глазки...»
Ботанический мой кабинет
Словно весь из неписаной сказки.

Только исподволь глянь филигрань
У любых захолустных дорожек:
Чистотел, луговая герань,
Колокольчик, мышиный горошек...

Вновь заставой стоят у реки,
Поднимая фамильные стяги,

Войску мусорных куч вопреки
Кавалеры любви и отваги.

И со взрывчатой связкой семян
Подползает под днища машинам
Безымянный герой-партизан –
Люттик, пижма, горошек мышиный...

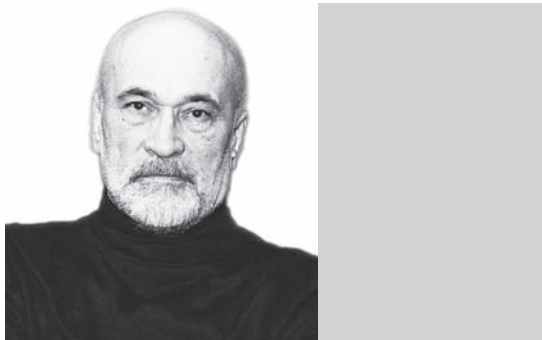
* * *

Видишь, облаком плывёт
Расчеши-чеширский кот,
Проявившийся не шибко:
В небесах одна улыбка,
Ни хвоста тебе, ни лап,
Тех, что души цап-царап,
Йоксель-моксель, дыр – бул – щыл –
Забирают в свой Чешир.

* * *

Чтоб унынью в душах не упрочиться,
Способы в различных сферах схожи:
Бог придумал мир от одиночества.
Мир придумал бога оттого же.

Юрий Казарин

* * *

Кире

Вот дерево. Вот девочка. Вот свет.
 Вот в трещинках зима. Окно. Больница.
 Она – Зима. И много-много лет
 не может – как зима – остановиться.
 На солнышке Больницей пахнет мох.
 И девочка копеечку находит.
 И дерево – как нищий или Бог.
 Как Бог – стоит и не уходит.

* * *

Где озера стоит стеклянный дом,
 две ласточки летают вчетвером
 и ты стоишь с продавленным ведром.
 Сейчас дождя немного зачерпнёшь,
 семи небес покачивая дрожь.
 И в гору медленно пойдёшь.
 Смотри: четыре ласточки, где дом
 стеклянный – окоём и водоём,
 четыре ласточки на нём –
 всегда четыре ласточки вдвоём.

* * *

Тень надвигалась отовсюду –
 подобно ужасу и чуду,
 и под щеглом чертополох
 клонился влево, а направо –
 опора воздуха, держава –
 стояло облако как Бог.

* * *

Осенью умер дрозд
 под кустом. Он объелся звёзд –
 дёргал рябину-калину.
 Веером крепкий расправил хвост,
 сивый наполовину.
 Крылья раскрыл – лежит,
 мёртвыми лапками в середину
 мира вцепился – и в смерть летит
 и обнимает глину...
 И обнимает глину.

* * *

Тычется в темя иная вода.
 Дышит прекрасная страшная птица.
 Смерть тебя выродит прямо туда,
 где нерождённые жаждут родиться.
 Чувствуешь: трогают руки, плечо,
 любят лицо, вещество лобовое...
 Вот и узнал ты, как горячо
 плачущее и живое.

* * *

А. Кушнеру

Так пасмурно, что пахнет жестью.
 Бараном. Пылью. И – темно.
 И в небе чёс. И тучи с шерстью.
 Щепоть. Щипок. Веретено.
 Веретено с крестообразной
 основой, чтоб разъединить
 нечистый свет и мрак прекрасный –
 и ускользящую нить.
 В просветах – нить. Дымком, овчарней
 потянет глубже и печальней –

и со снежком бараний бок
ресницей чешется и длится,
и в половицу бьёт моток,
как будто кто-то, видит Бог,
из-под земли сюда стучится.

* * *

Ф. Еремееву

Осиротевшая от страсти
бледнеет нежность в высоте,
когда из тьмы выходят части
земли и неба – на кресте
окна, от Господа в версте.
Где знают ласточки и дети,
вдевая в сон дневной полёт:
Бог перетрогал всё на свете –
всё, что от смерти не умрёт.

* * *

Щелчок по зеркалу, по чёрному стеклу –
и дробь ознобная, и рождество по коже:
так птичка ёкнула у гоголя в углу
из равнобедренной густой ветвистой дрожи.
Из сердца выжатого движется сильнее
во тьму отверстую лавина алфавита...
В лесное зеркало насыпан соловей
так глубоко, что зеркало разбито.
И слух кончается. И зрение ушло
в себя, как вдох, мерцающей на взрыдах.
И если взгляд врезается в стекло –
то это – выдох.

* * *

Смотрит, смотрит непогода –
за окошком льёт и льёт.
Мёртвый кот четыре года
в тёмном зеркале живёт.
Знаю, видит он оттуда,
как во сне и наяву
я сквозь смерть его и чудо
в светлом зеркале живу.

* * *

Птицы сели на рябину –
а рябины нет:
это бог, обнявший глину,
переходит в свет
и стоит уже прозрачный
и незримый здесь –
пыль небесный, пыль чердачный,
только в птицах весь.

* * *

Кто чёрных чаек злую пару
иглой и нитью стережёт,
где берег белую отару
волн задохнувшихся стрижёт...
Мне снится сон во сне: из гроба
я понимаю бездны дно –
земля жива и твердолоба
и, золотая, слепнет в оба,
и на камнях ожог озноба
и белопенное руно.
Так ты стоишь перед законом
стихии, стужи и огня,
с лицом проплаканным, иконным,
в бушлате каторжном, суконном,
без пуговиц и без ремня.

* * *

Горькое море. Капелька слёз.
Чистое время – это мороз.
В пятках на валенках дырки.
Ленточка на бескозырке.
Золото букв на убитых губах.
Но Альбиони, Вивальди и Бах
правильно гибель играют:
мальчики не умирают.
Мальчики не умирают.

* * *

Выйду ночью послушать собак.
Посижу у костра как дурак.
Хорошо у меня на дворе
в октябре, ноябре, декабре.

Первый лёд упирается в пруд.
По-монгольски собаки поют.
Ходят кровью моей без меня
вертикальные воды огня.

* * *

А. Бушлановой

Щепочка сосновая
пёрышком летит.
Абсолютно новая –
хорошо горит.
Или это – дудочка,
скрипочка-смычок.
Я ведь, знаешь, дурочка,
тоже дурачок.

* * *

Умерла осинка.
Умер человек.
На окне косынка –
это первый снег.
Кто его насыпал
мимо жизни вдруг...
Тише смерти выпал
он из божьих рук.
Он уже не тает,
тёплый, на лице...
И с тобой рыдает
ночью на крыльце.

* * *

О. Савостовой

В воду лицо вжимать,
чтобы увидеть мать
в небе чужом – на дне,
в бездне, в глубоком сне,
в смерти почти, когда
смотрит в глаза вода –
выживший в небе дед,
это ни тьма, ни свет:

всюду, зато, везде –
прямо в живой воде
от твоего лица
ямка останется.

* * *

Итак, ты вышел весь –
и прислонился к чуду.
Глаза как будто здесь –
а слух уже повсюду.
И сколько ни перечь
себе, судьбе и Богу –
ты вышел на дорогу.
Да не об этом речь...

* * *

Дерево – это дерево, снег и птицы
с месяцем, истончившимся до ресницы –
в небе, в глазу, и теперь золотятся слёзы:
слышно, как сердце надсаживают лесовозы –
и мужики наливают с ресницей водку,
чтобы построить не баню, а просто лодку.
Дерево – это лодка. Я спал под лодкой –
и посылал сороку за новой водкой.
Плакал мой бог и лицо вытирал пилоткой...

* * *

Но наш язык – изнанка тишины
ворсистая, где нити сплетены
и стянуты в узлы – и, золотая,
она молчит, сама себя глотая.
Ей кажется, что воздух не звучит,
но воздух – слух, дыхание и стыд
за сказанное без тоски и смысла –
так замкнутая кровь в тебе провисла.
Так петли гласных и согласных нить
безгласны, бесконечны, несогласны.
И можно только богом говорить
или уста разъятые зашить –
и паузы твои, как песнь, прекрасны.

* * *

Кире

Черёмуха цветёт, черёмуха горит –
какая разница. Однако
она по-русски говорит,
как ветер, время и собака,
о том, как плещется огонь
и льётся весело и мрачно:
а поднеси к нему ладонь –
она, как жизнь и смерть, прозрачна.

* * *

Ты снегом тронул руку,
набросил снег на плечи –
и показал разлуку
ещё до первой встречи.
Очами снежной пыли
ты видел всё – мы квиты.
Ты помнишь, как мы были,
счастливые, убиты.
В чужом казённом поле
мы стали частью тверди:
и ты, живой от боли,
и я, живой от смерти.
И я, как снег, тоскую
и в сердце снег целую
в изнанку золотую,
седую, никакую.

* * *

С воздуха, с солнца, с пола
пёрышко подберу –
с первым лицом глагола
вечером не умру.
Снег по воде тоскует,
сколько в ковше звезды –
привкус моей беды...
Кто меня так целует
с той стороны воды...

* * *

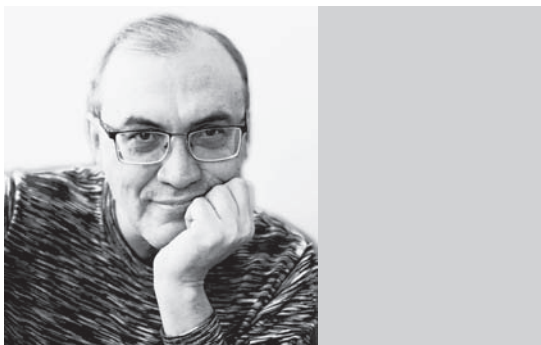
Я там, где бездна не исхожена,
где в стуже крепнет бирюза.
Моё лицо в твоё заморожено –
с небес. Особенно глаза.
Какие воздуха рыдают,
какие гложут соловьи,
когда мои глаза впадают
в заледеневшие твои.

* * *

С. Гандлевскому

Куда влекут, вращаясь в никуда,
шарообразно, к солнцу, из тороса
велосипедные колёса
в себя распахнутого льда:
объятье льда, разъём ресниц и взгляда,
уколы спиц, разъятье глаз
и призраки слезы и снегопада,
воды, втекающей в алмаз...
Сегодня речка рвёт колокола,
душа болит, и тесно ледоходу...
Смотри, вот – смерть: она уже прошла,
и видно воду.

Виталий Кальтиди

* * *

Пыль во рту летящей птицы.
Круглый лёд в зобу леща.
Прошуршали наши лица,
как тряпички трепеща.

То сама себя капризней
(слаще лытки мотылька),
то, в отличие от жизни,
смерть по-прежнему легка,

но не так великолепна,
как над нею облака...
Слеплен хлеб. Судьба ослепла.
И смола – из молока.

И, пока под куст капустный
наших деток прячем мы,
«Это вкусно, это вкусно», –
воют волки тёплой тьмы.

*Про то, что всё может стать жизнью – даже смерть,
невзирая на то, что всё становится смертью – даже жизнь*

Ты что, дурак? Опять расселся тут?
В траве – жучьё. Теплоцентраль. Бродяги.
Метель ментов (они нас заметут).
В ларёк – не видно кто – сгружает фляги.

И этот звук похож на гимн страны,
где воскресают мёртвые со скуки,
чтоб к женщинам подкрасться со спины,
в копну волос по локоть сунув руки.

Спроси: зачем? И я предположу:
так добывают перхоть снегопада –
она придаст любому миражу
погоду рая на просторах ада,

где все сидят на корточках, в грязи,
а мимо них походкою невинной
идёт Мария с плёнками УЗИ,
где чётко виден крестик с пуповиной.

Пока в тебе не выключили свет,
пока ты прожигашь дыры взглядом
сквозь небеса, которых, кстати, нет
(они лежат разобранные – рядом),

важней тебя то пыль со щёк щегла,
то волосатых рыб ночное бденье,
то женщина, которая легла
плеваться мотыльками наслажденья;

то пустота в скафандре воробья
с несеворокавказскою горбинкой
следит за тем, как наблюдаю я
кузнечиков, измученных лезгинкой,

как рыжий Бог на Сталина похож,
особенно когда накинёт китель,
как к демону (навряд ли это ложь)
приставлен ангел с опцией «хранитель».

Смерть – идеально сделанный батут:
подбрасывает вверх людскую серость.

А я, дурак, на нём разлёгся тут,
и жизнь моя вокруг меня расселась.

Поэт изобретает немоту,
хотя при этом выглядит нелепо:
мычит с щекотной бабочкой во рту,
пока она его возносит в небо.

**Стихи, посвящённые юному челябинскому поэту, решившему
стать профессиональным революционером**

Москва воняет. Пахнет Питер. Пермь
благоухает, почивая в бозе,
где невеликолепный Питер Пэн,
как рифма – чересчур претенциозен.

И, разбодяжив Екатеринбург,
свердловский нарк «дошёл»: над ним в кювете
столб отфонарный дробит Микки Рурк
двумя руками – так он ярче светит.

Не путешествуй! Место знай своё!
Сиди на нём, чтоб появился глянец,
пока не вспыхнет в небе: «Ё-моё,
мы, кажется, приехали –

лябинск.

Он уязвим, гремуч, пахуч, пархат,
похож на циркуль, проглотивший штанген,
и всё же умудряется порхать –
под «Ан» закамуфлированный Ангел.

Пусть для него полоний – полонез,
а колумбарий – клумба, а не зданье,
но он не бес, свалившийся с небес,
а так себе – *небесное* создание.

Скажи «Брэд Питт» – откликнется питбуль;
тут снег намят, как шарики из хлеба,
накатанные пальцами грязнуль,
практически свисающими с неба.

Для них в земле зарыт аккордеон
с набором чёрных безымянных клавиш,

и горе нам, когда играет он
пространствами южноуральских кладбищ.

Пока мы с беляшами здесь стоим
и дышим производными напалма,
русалками набит Иерусалим,
а Вена – бритвами, а Пиза – чем попало.

А Гамсуна всё время лупит Кнут,
а Карфаген разрушен в «саркофаге»,
и пусть кузнечики коленки изогнут,
чтоб не забыть, как выглядит

Постился Блок до смерти, блокпосты
принадлежат поэтому поэтам:
их языки, как ящериц хвосты, –
отброшены (шевелиятся при этом).

И ты, стоящий посреди страны,
её зеро подцвечиваешь красным...
Да будут твои умыслы умны,
а помыслы избыточно прекрасны!

Чтоб сделать выстрел из карандаша,
возьми графит, сдави его до крови,
езжай в Озёрск, придумай УПШ,
и УПШ всегда тебя прикроет.

Жена алконавта
(по мотивам гибели Н. Рубцова)

Смешно сказать, но убелённый сад
скорее наяву, чем понарошку
висел в окне, как самопальный сайт
с одной лишь битой ссылкой – на кошку.

Стояла злая женщина в кустах
(была б мужчиной – стоя облегчилась),
а так она всего в шагах двухстах
стояла там и постепенно злилась.

Когда ей стукнет двадцать девять лет,
она удавит мужа-алконавта,

за это на неё прольётся свет
тринадцатого марта, послезавтра.

Ну а пока упругая, как гуж,
из женщины стреляет пуповина,
на том конце которой – мёртвый *муж*
рукою машет, пьяная скотина.

Каким макарон это МКС
в обличье женщины на фоне мокрых клёнов
стоит в кустах, пока над нею *бес*
парит, как будто космонавт Леонов?

Любая жизнь – расстрельная статья,
а смерть, по сути, внешний накопитель.
Кто нас родил – родители, хотя
тот, кто убил, не менее родитель.

Тем временем остановился снег,
не находя в интерактиве смысла.
На пиксели распался женский смех.
Весна на мониторе чуть зависла.

Но женщина смеялась страха без.
И, чтоб заткнулась эта горемыка,
не знаю кто с мерцающих небес
ей в рот живую мышкой долго тыкал.

***Нельзя дойти до самой сути и не дойти до самой жутки –
ведь суть подманивает жуть вот так примерно: «Ути-Ути...»***

Допустим, рай не остров Врангеля,
а тень на зимнем солнцепёке,
где после поцелуя с ангелом
у нас – прокушенные щёки,

где снег из правда что солёного
пшена лежит себе слоями,
как после драки, весь заплёванный
дымящимися снегирями.

Из наших глоток в небо синие
растут молитвы гуще рощи,
их метит разноцветным инеем
сорокорукый сортировщик.

С глазами просветлённой сволочи
он ошалел от изобилья:
аж за спиной с подбоем войлочным
гадливо вздрагивают крылья.

Он то лютее лютеранина,
то фельдшера с багровой ряшкой,
делившего тяжелораненых
на операбельных и «зряшных».

Мою молитву тихой сапою
отправит он легко, как выдох,
туда, где ангельскими ссаками
пропах в раю пожарный выход.

И это редкое везение,
ведь остальные по старинке
он выставит на обозрение,
как кенарей на птичьем рынке:

они поют, а богу нравится,
они поют всё выше, выше,
а кормят их, пока подавятся,
пыльцою с крыльев вновь прибывших.

Я куколку твоей капустницы
пинцетом изо рта достану,
пока растрёпой-второкурсницей
ты декламируешь Ростана.

Как вариант: твою капустницу
я выну изо рта пинцетом,
пока, от поцелуя скусившись,
ты *вылитая* Клара Цеткин

в платок за полчаса до вылета,
когда, прощаясь на морозе,
я понял: эта *Клара* вылита
уже не в памяти, а в бронзе.

Пусть ангелы в раю пластмассовом
под надувными облаками
любовь подделывают массово,
причём невымытыми руками.

Я вправе был считать грязнулями
и мертвецов, пока в глубинах
они таки не стали пулями
в своих сосновых карабинах.

Вот звякнут тостеры подземные,
и мертвецы, дымясь при этом,
из-под земли, вращая зенками,
начнут выпрыгивать дуплетом.

Соединив распяты́е с оптикой
и с хитрым ленинским прищуром
с поправкою на пустынь Оптина,
они любую цель прищучат.

И вот тогда молитесь, ангелы,
попавши к ним на перекрестье:
вас сволокут на остров Врангеля
и похоронят честь по чести.

Там бог практически не ловится
через помехи снегопада.
Там рай не рай, но им становится,
как только сдёрнет маску ада.

Там наши лица, состоящие
из поцелуев и пощёчин,
там будет всё ненастоящее,
поскольку будущее очень.

БДГ

С чего бы я над повестью Бианки
подумал вдруг, не прочитав и треть:
«Как после секса знают лесбиянки,
кому курить, кому идти реветь?»

Пугал ли я людей, бродя по саду
вчера во тьме? И где тот самый сад?
И как я там выказывал досаду,
что ангелы курили самосад?

Скликали внуков старые еврейки,
открыв свои почти седые рты.
И прятал Мандельштам под телогрейкой
обоссанные гением порты.

И думал я, хотя почти не думал,
зато смотрел во все свои зрачки,
как шепелявил *шумасшедший* Шуман,
чей тёплый рот заполнили сверчки;

как зяблики, да дятлы-свиристели,
да воробей поющего чижа,
кося под птиц, в итоге окосели,
пока точил я волосы ежа.

Как муза мне по гаджету от «Prada»
шипела с наслаждением (точь-в-точь –
моя жена): «Кончатъ с тобою надо...»
И кончила потом раз пять за ночь.

И снилось *нам*: не то чтобы не страшен,
но как бы весь из радиопомех
стоял господь, лицо как мокрый кашель,
а вместо кашля – бабочки и смех.

* * *

Глянь, нарядившись твоей сединою,
я пробежал по двору.
Не представляю, что будет со мною,
если я завтра умру.

Жаль воробьёв, что не выучат идиш
в срок до девятого дня.
Ты состоишь из того, что не видишь
больше на свете меня.

Кто бы ни клацнул в прихожей ключами,
молча лежи на боку.
Я не хотел бы являться ночами,
но не прийти не смогу.

Буду шарахаться, биться о стену,
пыль за комодом жевать,
даже дыхание твоё как измену
жуткую переживать.

И не от вафельной мокрой салфетки
утром следы на щеке –
просто так мёртвые делают метки,
схожие с меткой Пирке.

Смерть – новогодняя ёлка кривая
лестничной клетки в углу;
людям звонят, и они открывают
с острой гирляндой во рту,

не дожидаясь, чтоб крика быстрее
лопнули слёз пузыри,
вносят в квартиру кошмар брадобрея
и застревают в двери.

Смерть – это самое раннее детство
вечности тёплой, как рот,
вот бы попробовать не отсидеться,
а перейти её вброд.

Ну а с изнанки куда интересней:
только усядется грунт,
каждый из мёртвых захочет – воскреснет
сроком на сорок секунд.

Я их потрачу на гибкую вичку,
чтобы, как мальчик-пастух,
в тополь (полёт загоняя в синичку)
гнать обезумевший пух.

Весь в седине тополиной отвесной
я пробегу по двору.
Как же ты будешь мне неинтересна,
если я завтра умру.

1967

На красивую соседку
исподлобья посмотрю.
Отломив от клёна ветку,
грязь у ног пошевелю –

русло сделаю: из лужи
по нему сверкнёт вода.
Бог возможен, но не нужен
никому и никогда.

У сарайки – старый велик
без второго колеса.
Из окна базарит телик.
Рядом – лесополоса.

Слышно, как отец с соседом
пьют в электрощитовой,
и вот-вот запахнет сеном
слева и над головой.

Городской посёлок типа,
презиравший красоту –
это правда, а не липа.
Есть и липа, но в цвету,

гематомы и болячки,
раны, ссадины, бронхит.
Файзула на старой кляче
всё бидонами гремит.

Нет у птиц кормящих титек,
пчёлы что-то гоношат:
куст не психоаналитик,
а ему про жизнь жужжат.

Чтоб набить в карманы сушки,
в наш барак, ещё жилой,
я бегу простой, как Пушкин,
и, как Лермонтов, живой.

Чудо будет неизбежно,
будет пища – будем есть.
Не успеет Лёня Брежнев
нам до смерти надоесть.

Мать умрёт, отец сопьётся,
под Кабулом я сторю.
Чудо есть – оно смеётся
в шестьдесят седьмом раю.

Смерть подманивает душу,
точно сучка кобеля:
из её ризды наружу
высыпается земля.

Мы за вас, совсем нагие,
под землёй стоим в строю.
Не просрите, дорогие,
вашу родину мою.

Наталья Карпичева

ОКТАБРЬ (ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТАНСЫ)

а что здесь делать? а читать псалтырь,
лелеять, умножать и паче нежить
октябрь, периферию пустоты,
где пустота становится всё реже.

октябрь уж не отступит – это два,
а стало быть, во-первых, не отпустит:
протяжный сон, продлённая трава
и на зиму засоленное пусто.

а вот кленовый заговор, а двор
обходит юго-красно-жёлтый ветер
повышенный, а из-за рыжих гор
заходит солнце, а тебе не светит.

но не покинь нездешние места
за то, что в них сама себе дороже
восточная святая пустота,
подмешанная в золотые дрожжи.

вот память-именинница, гляди,
не оставляет брошенное тело.
быть или быть, ворочаться в груди –
ну что здесь делать? что ещё здесь делать?

скажи мне, ну скажи мне, ну ска-а-ажи-и-и
 .....
 дни-близнецы и годы-побратимы.
 провинция. клиническая жизнь.
 вестимо.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ (СТАНСЫ УТИШЕНИЯ)

ну а если это не навеки
 или, прямо скажем, даже зря,
 вот такой тебе блестящий вектор
 и туман в финале сентября –

это всё, что пело_грело, слышишь,
 остывает тёплым калачом.
 ночью бог сидит на каждой крыше,
 ночью бог играет кто на чём:

или навсегда на укулеле,
 или на прощанье на банджо;
 и, покуда нас не пожалели,
 мы прекрасно живы, мой дружок.

а у нас билеты на омнибус
 и осуществление вдвоём,
 и, пока нас крепко не обнимут,
 мы поём наш сонный водоём:

небо – зябко, в свойственной манере
 запасает зимний порошок,
 рыбка-кабачок идёт на нерест,
 только я плету тебе стишок.

кто не спит последний, тот и галит,
 всё пройдёт, и всё на наш редут,
 и покуда нас не отыскали,
 то и не нашли. и не найдут.

ЛЕСНИЧЕЕ (БЛИЗКОЙ ЗИМОЮ)

впрочем, чем крепче в лес, тем медовой мёда
 эта хандра лесничая, избяная,
 ангелы нас заметят, их глаз намётан.
 и что они в нас нашли? да бог их знает...

море внутри, и реки впадают в кому,
тают стихи во рту, и в лиственный полдник
кажется восхитительно незнакомым
белый грегаль, вошедший в одном исподнем,

медленный и тоскливый небесный рикша
тянет сквозь время, густую его пехоту
голос земли, грудной, корневой, охрипший,
долго себя взбирает по дымоходу.

близкой зимою тянет из поддувала.
не внесена, но невыносима ясность,
как пролетит_пропоёт как_оно бывало,
птица любви последней, её неясить.

РУСАЛКИ (ХОЛОДНОЕ)

вот так и мы, мой ангел, так и мы –
остыли и попались на холодном
среди неподражаемой зимы,
её стихов, мелодий и полотен.

холодные текущие дела
горазды непрерывными вещами,
царевна ничего не умерла,
поскольку ничего не предвещало.

она влита в русалочий косяк –
не потому ли, что тому не важно,
что не о том, не вместе и не вся, –
здесь так безотносительно и влажно.

вот так и мы – так глухо, так сказать,
так сухо, так, что только и видали...

.....
усталые русалые глаза
не постигают быстротечной дали.

их длительные волосы текут
в суровые коралловые гребни.
царевна, утонувшая в соку,
и соки, пересохшие в царевне, –

всё смоеся в сугубый голубой,
вода пускает в них свои коренья,
и их большая мытая любовь
чиста, как смерть в минуту сотворенья.

СЕРЕБРО

ночью, в местечке названном, но забытом,
тихо заводим хронику несобытий,
и (три _четыре_ пять) мы идём искать.

не подаём примера, не красим места.
что нам теперь куда этой млечной смеси
эта кристальной праведности тоска...

было бы петь, а давеча на вечерне
тратили свет, смотря сквозь его сеченья
на приближенье тени, но несмотря

на приближенье тени, светлели лица,
там же, преумножая способность длиться,
стало вокруг невиданное октября.

ни небеса, ни земли не подкачали.
стало быть, все совпадения не случайны.
необратимы и нипочём не зря.

ночью на водоное все кони серы,
пьют серебро с поверхности гидросферы,
сладкое катарсическое серебро,

ходят нешумно, тонко дрожат ноздрями,
воздух на вещество зимы проверяют
и уплывают, первые во втором.

НА БЕРЕГУ РЕКИ (ВСЁ ПРОЙДЁТ)

всё пройдёт, а непреходящему – подсобят.
помнишь, дрю, мы ходили в школу имён себя...
так и жили вдали, дурацкие дураки,
на любом берегу по-любому любой реки.

всё пройдёт, – говорил наш химик, – кому подлить?
и тянулись к нему спиртовки, и корабли
в пресном несудоходном детстве дробили лёд...

.....

мы не привыкали к теплу, ибо всё пройдёт.

провожая своих к чужим, на краю песка,

мы в конце концов привыкли не привыкать.
 всё отправится в точку, в ноль, в самую по себе,
 в жизнь как первое мероприятие плана б.

и особенно берег твердил нам: *не береги,
 не встречай чужих, как своих, оных – как других.*
 ибо (всё одно) по грёбаные винты
 наспех_на_смех_на_спор сколочено из воды...

одиночество – заразно, но и ему
 предстоит одно – расходиться по одному.
 всё пройдёт, стечёт, сровняет тебя с водой,
 сядь – сиди – руководствуйся принципом айкидо.

как рыбак рыбака – издалека стиха,
 как – река рекою – к морю течёт уха,
 воздух как стекло утверждает: вода – тиха
 .....
 и стоит, и смотрит, и всё не пройдёт (нахал).

ДУША (МИСЮСЬ)

Как несёт нас в пригоршне Боженька, да как прольёт..
 Тонкий воздух ломают пальчики, как первый лёд.

Это всё зовётся теперь лето на краю,
 А тогда пить счастливый чай да прожигать июль

(Не имея в виду погорельческий комитет).
 Не спеши оставаться со временем тет-а-тет,

Но побудь со мною, душа, а кто тебя поймёт..
 Мякиш памяти станем макать в вересковый мёд.

Что ни вспомнишь, всё бьётся – нечем благоговеть –
 О реликтовый, твёрдый, несущий и сущий свет;

И как светляк мезонина, прожегший жилую тьму,
 Ты в конкретном саду и теле – *man on the moon.*

А небо ширится, как его ни науськивали на узь
 .....
 Ну где же ты, чертовщинка, чертовка? Где ты, Мисюсь?

НО ЕСЛИ

Без восьми осень. Но как вы узнали, Холмс?
Элементарно, яблоки вон трубят,
И, если долго всматриваться в холст,
Холст начинает всматриваться в тебя.

Это такой по сырому автопейзаж,
Самый январь болеть и август мерцать,
Новых домов глухие пластиковые глаза,
Старых игрушек горячневые сердца.

Бабушка яблок – добрая Гренни Смит,
Горстка печёных дней, пирожки с листвой.
И если ты в это небо лёг костями,
То каждый его дождь до глоточка твой.

Чёрствый по круглости ржаной сухарь-колобок,
Осенний марафон, песенный комбинат.
Но если ты сегодня от Бога убёг,
То завтра можешь его уже не догнать.

ЛИБРЕТТО ТИШИНЫ

а что полынь-трава – цветущая культура
и родина горчит, мы в курсе (как сыны).
оставь свой блог и чат, слезай с клавиатуры,
ты долго не писал либретто тишины...

как только всё замрёт (расставлены фигуры),
плывут над головой прозрачные киты,
а раки не плывут, как будто чуют шкурой:
уходит из-под глаз земля, а ты, а ты...

как город без реки и как река без рыбы,
как рыба без души и есть сама душа,
так (и не говори), так и не говорил бы...
когда уйдёт земля, останется ландшафт.

останется одна забава дорогая,
и, догорая, свет оставит нас одних.
останемся одни (кто нас оберегает,
тот нас не бережёт) – останемся одни.

останется одно – идти лечить учёных,
 учить идти домой потерянных в ночи...
 оставь прекрасную, как нежность, обречённость.
 оставь польнь-слова. молчи – оставь – молчи.

БЕЗОТВЕТНОЕ РОЖДЕСТВО

кто-то там (застуканный) намекает,
 что в парадной лампочка (замыканье) –
 зимний одомашненный свой сверчок.
 пусть трещит, а то – тишина такая
*(немота, мой ангел, не умолкает,
 запирая небушко на молчок).*

ничего подобного. всё подобно.
 кто-то холодный стоит под окнами.
(оттепель_заморозки_снеговик.)
 солнце западает, аккорд подогнан,
 перешит по моде, прощай по-доброму,
 прорастай ли буковкой на крови.

снег проходит мимо, не видит будто
(в шапке шубке в белом пройдёт_обутый),
 он нам снится, и не буди его.
 только ты не бойся, и я не буду.
 кто-то ждёт (по обыкновенью) чуда
 в это безответное рождество.

ПОГОВОР (СТИХИ ИЗ ХОЛОДИЛЬНИКА)

давай поговорим, а там посмотрим,
 пока зима и море будет мёртвым,
 воды успеет несколько утечь.
 твои мне кислородные уколы;
 я заражён неправильным глаголом,
 нет совести печальнее, чем речь.

большие ночи шиты белым снегом,
 мой горький мозг – подвыпивший онегин,
 с ним лучше в переписку не вступай.
 мой друг мне платит ромом
 мой ром мне платит другом, а последний –
 предатель председатель поколенья,
 хрипевшего америке *гудбай*.

нам сорок с лишним (*лишнего не надо*),
жизнь с лёгким вкусом хладокомбината –
съедобная и за феличита.
мы пережили пушкина и прочих,
в графе полётов полужирный прочерк,
неплохо получается, короче,
стихи из холодильника читать.

сдьмая ночь, как лунные коровы
печально смотрят в окна, нездоровый
покой как послечувствие беды.
жизнь – всякова, нелёгкие наброски,
мы пережили пушкина, но бродский
непокидаем чувством лебеды.

пейзаж остыл, и память частеречна,
где лес, проникновенное и речка,
и вечность начиналась от двери.
но ты и я.. мы – зимние по крови.
летят-летят пресветлые коровы,
соседский снег кричит: *смотри-смотри...*

.....

посмотрим, а потом поговорим.

МАЛО ЛЮБВИ

но ты, человеческий камыш, что был срублен под...
над чем ты шумишь, если ветер, и тот глух-нем?
тебе, как ему, остаётся лупить слепой
молитвой по тишине.

и выйдет не кто иной – знаменитый бог
в резиновых до бедра, главный бог-рыбак,
и, может, предложит боль заменить на боль,
а флейту – на барабан.

и ты его спросишь: *боже, почто подсёк?*
ведь я же не зарывался и блюл буйки.
за что же, мой боже, за что же мне это всё?
а бог попивает прохладный воздушный сок,
как все его рыбаки.

как мало любви, боже, как мало любви.
как зимние рыбы уснуть или жить сквозь лёд,

(большая-большая рыбка, ловись-ловись).

день – рыбный, а не клюёт,

что, впрочем, не странно, немой и ничей четверг
гоняет по венам кубический лёд, почти
ничто о тебе не помнит, и эта дверь
могла бы в косяк врасти.

красны эти дни возвращениями стоят,
желты эти дни по памяти и пусты.
так мало тепла, боже, так много тебя,
что кажется – только ты...

РЫБА-ЗИМА

плывут, но и безоружны, хозяйки извечной стужи, неласковые снаружи, неявные наяву, плывут, т. е. ум за разум, острят чешуёй из стразов; *(не выплыть им, скажем сразу)*, но главное, что плывут. плывут невообразимо в тоске серебристо-синей, набитые коэнзимом, безмолвные наши зимы с повадками пресных рыб, охапки седой бумаги, холодных подводных маков, среди заржавелых максим... *(слыхали, наденьте маску, пронюхайте антигрипп.)*

как рыба зима, как бездна, замри в ней, побудь любезен, зима на правах ликбеза плывёт тебя в светлоту; и вечер тернист и долог, плывёт среди книг и полок, вершок_корешок_осколок_зима анестезиолог, объятная, тут как тут; прозрачные люди-глыбы не сдвинутся, а могли бы... *(за что незиме спасибо)*... зима – она что за рыба? крупнейшая рыба-снег. плывёт три дня – всё едино, в её золотой грудице и в горле её сидим мы, огромные люди-льдины, тепла на нас нет как нет.

зима как зима. заплывы нечасты, неторопливы в недлинную память. живы. зима не грозит счастливым и мятные реки пьёт; пожалуй, немягко стелет *(а как вы чего хотели?)*, в её серебристом теле *(летели-не-пролетели)* застряли, как средства в цели, две пули за две недели... на этом и новый год. куда дальше плыть – неясно – молчат осень_тополь_яшень *(понятно – вопрос не в кассу)*, молчание рыбьим брассом любой настагает звук; и рыбы зимы карасьей незнамо каких оказий всё-всё понимают сразу, услышав по местной связи *приплыли*, и не плывут.

Евгений Касимов

* * *

Урал, Урал – обманщик, балабол!
 Улыбчивый облезлый Кот Чеширский.
 На кол насаженный насупленный монгол –
 перед молчащей конницей башкирской.

Одновременно – волк и волкодав!
 Бродяга-дервиш, что, совсем ополоумев,
 себя и всех вокруг околдовал,
 крутясь, вертясь, разбрызгивает слюни.

О порнокрай! Опорный край страны!
 Упорный край задумчивой державы.
 Штрихуют небо дальние дымы.
 И паровоз летит по рельсам ржавым.

Как в Каталонии – здесь дивный раскардаш!
 Невнятица, нелепица и небыль.
 Штрихуй бумагу, твёрдый карандаш!
 Над всей Испанией – безоблачное небо.

* * *

На жаре – на державной, имперской –
оплывает сознание как воск.
Даже неутомимый Касперский
не очистит от вирусов мозг.

Роет хакер извилисто сапу,
но провайдеры настороже –
и спасают от спама и сапа,
если вы заразились уже.

Словно грейдер утюжит просёлок,
совершают свой утренний рейд.
Что ты, юзер, такой невесёлый?
А не сделать ли нынче апгрейд?

Как битюг першеронской породы
да при ладном таком мужичке –
конь троянский стоит в огороде,
в разорённом моём мозжечке.

* * *

У реки под названием Лета
мы сидели, бросали в волну
одуванчики этого лета –
их затягивало в глубину.

Лето было зелёным и душным,
и случалась гроза невпопад.
На другом берегу безвоздушном –
только оползни и камнепад.

Только сумерки. Серые вербы.
Только дождь из слоистой слюды.
В том краю невозвратном, наверно,
где теряются наши следы.

* * *

В закоулках страны замерзает страна.
И ни стуку, ни гроку – лишь окна пустые.
Продолжается Повесть – печальна, страшна –
Повесть о разоренье Рязани Батыем.

Или Слово о гибели русской земли –
мы катаем во рту это горькое слово.
Поперёк необъятной холодной зимы
мы условно живём, умираем условно.

Проглядели вчера оголтелый буран,
что из чистого белого облачка вырос.
От какого Ивана, Бориса, Петра
примеряем, как в детстве, обновы на вырост?

Только Индрик волшебный да сфинкс ледяной
в деревянной империи горя не знают.
Смутно солнце стоит над равнинной страной –
там, где сердце моё замерзает.

ДОЖДЬ

Заворочались небеса.
Заворчали бледные тучи.
Настороженный сад
с глухотою паучьей

наблюдает, как мой окоём
бунчуки распускает лениво,
как, червлёным блестя серебром,
приближается ливень.

Сад стоит, как во сне.
И поникшие травы
чуют в душной возне
неизбежность расправы.

Дождь идёт напролом!
Серый, крупный, отвесный.
Всем своим существом
заполняя окрестность.

Как монгольский тумен
он врывается – страшный, кромешный –
и крушит в полутьме
сад, от ужаса оцепеневший.

Листьев толстую плоть
рушит он оголтело.

Брызжет бисером лед –
аж мурашки по телу!

Он уйдёт, словно тать –
непонятный и древний.
Будут тихо стоять
в полумраке нагие деревья.

И когда не спеша
среди разрухи пройду и разора –
отзовется пустая душа
засиявшим простором.

* * *

А. К-ву

Этот поезд – не в огне, а в говне.
И куда он едет – не знаю толком.
На каком полустанке взойдут архангелы и скажут мне:
эй, кто тут временные, освобождай полку?!

Расстилаются золотые поля окрест.
Русский Спас идёт по ним, как по водам.
Как по Книге идёт – и несёт свой крест.
Как по летописи – какого-то там извода.

Окаянный полк в засаде стоит.
Ротмистр Святополк-Мирский дымит папиросой.
Он в себе строгий устав таит –
у него к глаголическим временам есть вопросы.

Внутренний голос вкрадчиво шепчет, смотри:
эта дорога приведёт к океану...
Смерти нет. Глаза выколоты изнутри.
Так и едет поезд по земле окаянной.

* * *

Я рыскал призраком в Европе –
искал заветную шинель.
Витали в воздухе сиропном
удушливо духи «Шанель».

И Клиньянкур – чудесный рынок –
прошёл я из конца в конец.

Соболью шубу за бесценок
навливал мне продавец.

Благоговейно у жилеток
бальзаковских я постоял.
Сутаны, сюртуки, горжетки –
накатывали, как девятый вал.

Хемингуэя свитер серый
примерил – нет, не подошёл.
В «Тати» набрал носков без меры,
но вот шинели не нашёл.

Весь мир вертелся каруселью
и с приступами тошноты:
тягучий запах карамельный
преследовал до темноты.

А ночь на Пляс Пигаль нагая
играет в тысячу карат,
и башня Эйфеля пугает,
как марсианский аппарат.

И стало пусто и постыло,
что праздник вовсе не с тобой.
Я не нашёл шинели милой.
Бери «Шанель», пошли домой.

В КРЫМУ

гуляет пьяный месяц в облаках
херсонский мощный воздух в коктебеле
миндальным горьким запахом пропах
сознание спит как будто в колыбели

оно всё сладко плачет по тебе
и разбухает сердце словно память
сентябрь у моря повесть в октябре
и небо напрягается как знамя

провинции коньяк или кагор
они нас манят грубым ароматом
как снег на пляж свалились за бугор
и родина в бинокле восьмикратном

но в перевёрнутом и всё наоборот
большое умаляет расстоянье
и в одеяло зарываешься как крот
чтобы избежать противостоянья

с самим собой каким ты был и есть
сейчас и в этом долгие печали
в окне рассвет уже наверно шесть
и свет горит его не выключали

Иван Козлов

* * *

Волк проглотил меня и не убил случайно,
 Не прожевал второпях, только щёлкнул пастью.
 Чувствую ужас и почему-то счастье,
 Слышу стук сердца его и кишок урчанье.

Волки стремятся добраться до края ночи –
 Хищники кроме смерти ни с кем не дружат.
 Я для таких в лучшем случае сытный ужин,
 Но ведь и то – недожёван и худосочен.

Волк перепрыгнул овраг, перешёл болото,
 В ельник метнулся. Чтоб не терять надежду,
 Нужно уметь больше смерти любить кого-то,
 Это почти невозможно, но неизбежно.

Лес опустился в дремоту, лишился красок.
 Волк затаился во мраке еловых веток.
 Ты повстречаешься нам на краю рассвета
 В шапочке красной, с ножом для разделки мяса.

* * *

Я видел сон: стекло оконное;
Ненастный день; холодный дом.
Я смерть свою, как незнакомую,
Во тьме разглядывал тайком.

К стеклу, засиженному мухами,
Я прислонил холодный лоб
(Внутри, на табуретках кухонных
Стоит дешёвый ветхий гроб

Среди фигур почти невидимо,
В углу затравленно сидит
Трясаясь, согнувшись в три погибели
«Я», превратившееся в «It»)

И, не дождавшись приглашения,
Прошёл в открытые ворота;
Внутри, в невзрачном помещении,
Царили смрад и духота,

Могильщики с тупыми рожами
Толклись в прокуренных сенях,
Но мир дышал, как новорожденный,
Освобождаясь от меня.

* * *

Пока ты стаей голубей
Над крышами паришь
В моей груди растёт репей
Во рту ютится мышь

Мне абсолютно всё равно
Я всплеск воды в пруду
Я камень брошенный на дно
Лежу и просто жду

Когда концлагерные рвы
Заполнит дикий мёд
От смерти нет в саду травы
Но скоро прорастёт

Прошу будь рядом в этот день
Незрим и невесом

Нелепый танец на воде
Станцуй мне перед сном

* * *

Мириам поселяется в доме, в таёжной глуши.
Топит печь, ставит чай, создаёт минимальный уют,
Сидя в кресле, листает альбом, никуда не спешит.
Это днём. А к закату её непременно убьют,

Если только окно не зашторить как можно скорей
Если вход не закрыть, зеркала не завесить тряпьем.
С темнотой подбирается холод, стоит у дверей,
Чтоб коснуться тебя, стать хозяином в доме твоём.

Мириам, это память – метель, гололёд, снегопад.
Оставайся в укрытии, это полезный совет.
Никогда не бывай там, куда невозможен возврат.
С географией можно поладить, со временем – нет.

Выбрось старые вещи из дома, какой от них прок,
Не храни их внутри, их и так у тебя не отнять.
Будь одна, Мириам, только не выходи за порог.
Зиму сменит зима,
и опять, и опять, и опять

* * *

Тем летом я был в лагере «Сатурн» –
Его рекомендуют слабым детям.
Вожатые для водных процедур
Водили нас купаться на рассвете,

И мы к воде бежали со всех ног.
Однажды утром я, раздвинув ряску,
На дне речном увидел Теремок –
Тот самый, что описывают в сказках.

И понял, вспомнив красочные сны,
Которые мне виделась порою:
Я дома. На воротах расписных
Я прочитал: «Стучите, вам откроют».

Вошёл. И тут из темноты сеней
Явились и пошли ко мне навстречу

Десятки удивительных зверей,
Святящихся во мраке, словно свечи.

Казалось, нет друзей счастливей нас.
Там, в омуте, сокрытом камышами,
Они со мной болтали битый час
И тишины ничуть не нарушали.

Под вечер дно оцупали багром.
Мы затаились: те, кто в нас не верил,
Могли решить, что наш уютный дом
На самом деле просто конский череп.

А после мы часами напролёт
Играли у затопленной коряги...
В тот день меня увлёл водоворот.
Я больше не вернулся в детский лагерь.

* * *

В их судьбе было мало хорошего:
Полуграмотный школьник не сладил с решением задачи,
Впопыхах получив отчего-то
Результат «полтора»

И теперь по дороге заброшенной
Полтора землекопа (один – с головою собачьей),
Чертыхаясь, идут на работу
В понедельник с утра

Сквозь метель, с рюкзаками за спинами.
Умирать в середине зимы несказанно паршиво
Молчаливые снежные птицы
Стерегут облака

На январском погосте покинутом
Полтора землекопа жгут автомобильные шины,
Чтобы было мне где разместиться
И согреться слегка.

А закончив со мной, горемычные
Побредут через кладбище, землю оставив в покое,
Но помедлят у самого края,
Средь забытых могил

И помянут меня как привычно им:
Землекоп Христофор выпьет рюмку, неслышно завоет,
И ему на трубе подыграет
Землекоп Гавриил

* * *

Представляешь, если нам повезёт,
Наши души вселятся в марсоход,
И мы будем искать в бордовой пыли
Всё, что здесь не нашли

Посмотри, как быстро мы постарели
С той поры, как слушали звук свирели –
Это звал невидимый крысолов
В небо, ясное нам без слов

В этом небе так скучно, светло и сыро;
На Луне воняет российским сыром;
На Венере без нас уже обжито;
А на Марсе – самое то

Там живёт червяк, который ползёт за всеми,
А спустя совсем небольшое время
Нас песчаными дюнами занесёт –
Вот, пожалуй, и всё

А на деле – среди пыльных камней и вихрей
Звук свирели забытой никак не стихнет;
Рассыпается за секунды стальной каркас?
И огонь забирает нас

* * *

Вот стирательный ластик, двухцветный, от фабрики
Koh-i-Noor –
Ручку стираешь одним концом, карандаш стираешь другим.
Именно им минуту назад в тетради дыру протёр
Пятиклассник, которого назовём, для странности, Серафим.

В дыре на месте мягкого знака (проклятые «-тся» и «-ться»)
Вместо другого, пока ещё чистого, линованного листа
Виднеется что-то, что в здравом уме и описать нельзя –
Какая-то чёрная, непроглядная, тревожная пустота.

И в пустоте еле слышные звуки: кто-то играет как будто Или, напротив, стонет в отчаянии и иступлении кто-то. Нет, всё же музыка – может быть, флейта или скорее дудка. Правильно, дудка – низкие, долгие, заунывные ноты.

И с этой мелодией пятиклассник очень давно знаком. Он склоняется над протёртой в тетрадном листе дырой: «Посмотрю, – говорит себе Серафим, – всего лишь одним
глазком».
«Посмотри, – пустота ему говорит, – посмотри, родной.

Тут безумно красиво, куда ни направишь взгляд, Ты увидишь, откуда пришёл первобытный страх – Здесь у каждой козы миллион озорных козлят, Пожирающих с хрустом созвездия в небесах.

Тот, кто нем и безумен, неведом и многолик, Наблюдает за нами сотней застывших глаз...»

Серафим покидает класс.
Он сидит неподвижно, и в следующий миг
Навсегда покидает класс.

* * *

Детство. Раннее утро субботы. Станция Пермь Вторая. Дверь с надписью «не прислоняться», открываясь, натужно
стонет.
Старухи, спешащие к дачным участкам, словно в ворота рая, Лезут в тамбур, боясь не найти свободного места в вагоне.

Старухи, все как одна, в потёртых спортивных костюмах. Сжимают коробки с цветочной рассадой в объятьях сухих, На них висят скорбные связки разнообразных сумок, А на хилых плечах словно коконы болтаются рюкзаки.

Под влиянием этих пугающих женщин с полуистлевшей кожей Моя inferнальная космогония сложилась примерно так: Если в круге девятом, как известно, грешники заморожены, То в десятом старуха, на дачу стремясь, сажает их в свой рюкзак.

Я тогда знать не знал, кто такой Данте, но мне, ещё
шестилетнему,
Ужасно тоскливым и мрачным казалось нутро старушачей
ноши.

Я думал о том, кто сидит в рюкзаке и, чтобы хоть как-то
согреть его,
Напевал про себя всевозможные детские песни о чём-то
хорошем.

Мне казалось, такая крупная армия старых и неинтересных
Наверняка объединена каким-то дьявольским делом.
Я боялся, что в их рюкзаках мне тоже найдётся место,
Но тележки скрипели, стучали в тамбуре двери, время летело.

Ту реальность, что была в детстве, тихонько сменяла другая,
А старухи всё так же спуют с тележками, чем-то нагруженными,
Всё так же в вагонах давят друг друга и матом друг друга
ругают,
Словно внутри кто-то ждёт их сильнее, чем ждал бы снаружи.

Однажды я понял: ну вот, теперь всё. Что-то перегорело,
А может, за этими страхами ничего и не было никогда,
Но сейчас-то я знаю, что в их рюкзаках
Лишь вонь мешковины прелой,
Дряблые клубни картофеля,
Пустоты световые года.

* * *

– Боже, ответь, это раб твой Иона, если помнишь такого.
Вокруг меня только рыбные потроха, мерзость и нечистоты.
Я три дня и три ночи молился тебе во чреве китовом,
А теперь никак не могу понять, где промахнулся в расчётах.

Исходя из расчётов, я давно уже должен был быть на суше,
И не понимаю, почему этот кит меня до сих пор таскает.
– Алё! Иона, приём, это Бог. Слушаешь? Замечательно, слушай;
У нас тут возник ряд проблем. Ситуация, вкратце, такая:

Если б всё шло по плану, мы уже больше суток могли бы
Проповедовать ассирийцам доброту, любовь и терпимость,
Но кита твоего вчера поглотила более крупная рыба,
И, представь, про неё в наших планах ни слова не говорилось.

Родной, пожалуйста, не кричи, я знаю, что ты измучен.
Да, я прокололся. «Свобода воли» стоит на таких проколах.
К тому же подводный мир Средиземного моря ещё изучен
Не до конца. Но я-то при чём здесь? Я Бог, а не ихтиолог.

Ладно, чувак, скажу по секрету: мы тут провели работу,
И нам от этой тенденции с рыбами стало довольно жутко.
У нас вот Вселенная, расширяясь, на днях наткнулась на что-то,
И... в общем, наши спецы полагают, что это стенки желудка.

* * *

Мы уходим в поля от постыдных тайн,
От никчёмных дней, от предметов быта.
Вдалеке огромный стоит комбайн,
Синеватой дымкой почти что скрытый

Затихает ветер, небесный свод
Надо мною сжимается как пружина
Ты припала к источнику мёртвых вод,
Словно бесом полуденным одержима

В стылом поле качается борщевик
Солнце тусклое кажется серой мышью
Я пытался оставить тебя в живых,
Я пытался, прости, ничего не вышло

Мы вошли в пустоту и пропали в ней,
Как герои мрачной забытой сказки
Горький воздух, дорога среди полей,
И на горизонте комбайн гигантский

Юлия Кокошко

ЧАСЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

1

Ветер от озера – с прикосновеньем
рыбы и ангела к той, чьи глаза –
склянки с остатком, отрава, буза,
сбоку от шнобеля – шнур из надверных –
с крупным обвесом
на интерес и насущный звонок,
случай окраины с отблеском Вены,
шпагоглотательницы, стрекозы –
на скоротечную шею борзых,
этот подколотый скачкой монобль
бочки, автобуса ли, тарантаса –
банты и стрижки маркиз и каштанов,
клёны булавок и летняя зыбь...

Вылет из Вены на облаке пыли –
в расу носов, в полосу любопытства,
коего столько жужжит на земле,
чтобы успеть в таковом ремесле.
Смотры, феерии, перья и холст...
В западном воздухе – скирд петухов,
в чье озаренье возложен приход –
многие тыквы, реторты, крепышки,
урны, где тлеют мирские дела...

Дальше, божится нам К., землемер,
съезд к забренчавшей отвальными тьме,
к барыне-башне в безумной кайме,
пылко принявшей на грудь циферблат –
тихий рябой – деревенское зомби,
пусты и шкалик – и эта шкала,
дайте им, Господи, стрел и замах –
не для кружения, так для резона...
Три черепичные совы – дома,
колко блестящие клювом и взором,
дайте им радости вместо подзола –
луг серебра, ветродуй, водогрей,
табор преклонных заветных зверей,
чёрные шкуры, в крутые рога
вкручены иволга и пустельга,
шелест и гибкость каких-нибудь гад...
Но между делом впадают в гагат.

2

Вечер – с нами, на перешейке, на честном слове,
водонос гостинцев и водосбор,
выплывший за пределы света двуликий бог,
в чьих очках, и шнапсе, и в золотом улове –
отразились Австрия и Швейцария, сыр и бор.

Что ни червоточина – желоб или гобой...
С высочайших нот по тысячам желобов
осыпаются тучи слепленных из воды пернатых,
подмалеваны в сумерки и в чернавки,
по сосудам и обручам каннелюр,
сквозь рубцы от сабель и всякий клюв
монотонно каплет – ку-ку и плюх...

Вечер с нами, в тумане, над перелазом
из Швейцарии в Австрию, топкий и птицеглавый,
все бессчетные гаммы и желоба,
воркованье, клетоты, ворожба
и мечты отъюлить от влаги
расплетают русла, теченья, плачи,
прячутся в инкунабулы и в инкубы,
в лиловых и голубых кукушек,
а не то в какую-нибудь закуску...
Входят под росой
в грудь дорожного магазина,
тесного от немецких, речных и птичьих слов,

чтоб спастись и преобразиться –
в житиях кубышек, ульев и в пирогах часов,
или сыграть в серсо,
пострелять из рогатки стрел и качать лассо...

О, как много здесь взломанных перекрытий!
И как много времени, у которого – целый сонм
острых и несносимых крыльев...

* * *

Три грации – мама, Елена и Лиля в цвету
со стаей любительских блицев
фасонят на послевоенном мосту –
спиной к громовержцам и их замполитам –
и хвалятся вечностью, платьем и легкими па –
пред желтыми водами пятидесятых,
в которых искрится пустая тропа,
бросают им взятку –
свою располженность, плески шифона и шпильку:
примите наметившихся перебежчиц
назад, в это льстивое лето, как будто в Рубежном...
Подхвачены взором бездомной герберы
и висельницей, то есть вывеской «Водка и пиво»,
едва просыхающей от умиления,
гнусовой капеллой её цокотух
(читайте: «Наливки для высших натур»),
горой облигаций с забытой подписки,
идущими с пленума кадровиками
и струнной, запруженной вертикалью
спешащих до облака старых террас,
схвативших балясины, если не скалки...

Чем гуще зевак,
воркующих, скачущих или бегущих –
и прочих всеядных,
на грех поравнявшихся с этой прогулкой,
тем суше и мелочней наш Боливар,
салятся закалка, галоп, вероятность
и единосущность моста,
чиста и чеканна его хромота.

Чем гуще насыпано в воздух имён и оглядки,
на скетчи над водами и на ином рубеже,

проекций от рыб и речных баттерфляек,
прибывших пунцовых, сладчайших, насевших
на охнувший куст, на стога и посевы
перчаток и яблок, очков и стрижей,
тем ближе землетрясение.

* * *

Усатые жены Ваала усатых, Мурлетты,
Пушильды, не то шалыганки Шарлотты,
восставшие из развеянных ключев
и обметавших их спины и скрученных флексий –
будь там перо из прохвостки-золовки,
плётка, жалейка...
Томны, тотемны, дремотны, аморфны,
перекликаются на наречии Морзе
с жарким, как страсть, Средиземноморьем...

Если сюда их подбросили из таратайки
недолгоденствия, тут – Юрьев полдень скитаний.
Можно курить, разводить кантилену
и шелестящие сплетни, начёсывать косы,
вить из своей мухобойки – венчальные кольца
и, ослабляя шнуровку
на лучшей фарфоровой, то есть профуровой плоти,
лакомить дух свой песочным пирожным,
слизывать дюны – от будущего до былого,
а Бог и гостеприимный ветер
пошлют им ещё – в воробье, в муравье ли,
в одной из гиен,
только не спрашивай с них достоверность,
но оправляйся с афронтом –
в кем-то забытое здесь канотье...

Да укрупняется профиль –
до антилопы ли, до похищенья Европы
или собрания сочинений,
где и всего-то обремененья –
что сторожить свой призрак
между купальщиков в золоте и отчужденье
и уследить, где мозжит и искрится
крест стрекозы, вышина, кимоно тамарикса,
чтоб не осыпалось всё загляденье...

* * *

Сделаем вот что: позолотим огни
 города-западни,
 что просиял мне истинно как жених,
 пока сбывалось то, что короче, –
 баловство и веселье рощи,
 вьющейся между чернобородых,
 чернофигурных деревьев марта,
 что бродяжат в тигровых шкурах
 и, хлебнувши мартовского на семь отсрочек,
 и семь отмашек,
 ждут на верхнем дворе меховатую тварь и куриц.
 И поскольку где ветвь – там порог и лаз,
 то до свадебных – слишком много глаз...

Ныне город-двойник
 срезанных с деревенской читальни книг,
 тучи юбок на чёрных фижах –
 обольстительницы, арфистки,
 правда, час и место их совершенства,
 ни горящую в них опасность
 не догнать... Всякий лемминг, пересекающий пашню
 напрямик по своей молве,
 где-нибудь посередине мира
 будет схвачен в новую дверь –
 куда-то вверх...

Город-гемел одной бельэтажной чумички,
 что перебирает идущих мимо –
 и кого обводит вязальной спицей
 или прочим колющимся предметом,
 тот становится лёгок, как эпитет,
 или пуст, как отбеливающая записка,
 и забудет своё семейство,
 и уже не поспеет ни к жениху, ни к смерти.

* * *

Как блаженно ты существуешь, моя душа,
 во чреве улицына сынка вагона
 с повадкой ярыжки и звонаря:
 багров, как утренняя заря,
 не то раздут натугами в шар –
 и метит крепью сбитых в молот мирян
 разбить необъятную гору

варвара января...
Не правда ли, больше ты не в изгоях?

О так, мы лучшая бражка немолчных,
трамваи сегодня в ударе – и в моде,
не все здесь вельможи, иной – недоучен,
помечен трезубцем, точнее – треухом,
меж нас не воткнутся ни меч, ни термометр!

И в ожидании скорого оглушительного триумфа
мы, идущие на таран,
свили себе бауты и маскаррад...
Кто-то, вышитый пулемётным ознобом,
нарядился в прелестника Казанову,
и длани сего благого
уж не короче, чем корабел Шпангоут.
Другой же, одетый в собаку, пленён обновой –
рычит и клацает, воеет и ноет,
сметая на грёзу – большое съестное.
Вожатый размахивает вожжами,
вопит, что наши враги – южане,
и репетирует паранойю...
Плюс некий мечтатель – в кашне по зыбкое око,
авось не узнают чума и белые мотыльки.

А ряженные в деревья меж волокит
ссыпают в ниши трамвайных окон
свои любимые рёбра, берцовки и позвонки
из льда, фарфора и терракоты...
И юный, весенний, распущенный призрак
метелит и треплет вагоний загривок,
но пристывший к подножке благоуханный
скоро скостит его на бухарку.

* * *

Собачко-Бесхлебица и муж её Недоед,
двоюродные их беспорточники, чисто волки,
облизывают когти, ближнюю гальку, багровый воздух,
сплёвывают лишние углеводы,
не то расширяют зевоту,
а переправы и вовсе нет.

Меж ними успели себя протиснуть
летучие с ветвящегося селения Нечестивки,

братья их вожделий – каракурт или каракал,
подвесившие вслед за собой оскал,
и многие члены звериного стиля
склевали сердечницу переправу – до завитка,
до наносного свойства и невозвратного аромата,
сменив его запахом псины,
а скрип клыков схоронили в шарманке...
Чтоб ты пропал, закройщик,
взметнувший это недоедающее отродье,
скривив несносимые алчбы и неусыпность...

Итого: ловить золоторотую свору,
в которой уложена переправа,
догнать тех, кто вывешен и насыпан,
пройти сквозь ветви их удовольствий,
скакать над водами и кострами,
шарить под куполами леса,
скорей ко мне, гули-гули! –
и выстроить назидательную фигуру
«Топкость любого соединенья»,
или – «Мы больше, чем вызволение»,
или – «Мы меньше Божьего гнева».

* * *

Снег этого года
сложен из сестринских половин –
несметного Гога и Магога
и не знающей роздыху любви,
из связок, пучков, верениц её слепоты,
а то и всего прихода,
в котором сердца обращает в горлиц...

*

Снег этого года
дарует встречным свадебные цветы
и наряжает в собственные черты,
да обрастают благодарением рты,
не то превращает их сбереженья –
не обязательно в перлы и жемчуг –
но в тающие на раз глаголы,
в поток сознания без запятых...
Возможен неутомимый хохот,
подшитый к комедиям всех времён,
и тех, кто пышет, и тех, кто мёртв...

*

Снег этого года,
вытянув мёрзнувшие персты,
пальпирует всё, к чему ни приближен –
монархов, собак, атлетов, идеалистов,
баловней и изгоев –
до подноготной,
или простукивает тех, кто неуловим,
как сад, зашторившийся в белила,
не то в барочный, складчатый борщевик...

*

Снег этого года
подробней, чем каталог,
который глотает из бытия,
как блох,
да не подавится ремеслом,
от дымной вершины – до муравья...
А снег милует накоротке
нащупанные в черновике
незримого сада – куст или ржавые жирандоли
и скрывающуюся за ножку их – тень бездоля,
целует крошку дверную ручку,
пунцовый от блика и пряный шурупчик
и иные непреднамеренные детали...
А может, и каталог
цепляется за каждый высокий слог
и за невзрачный: буквы его ветвисты –
тоже преувлекательные девицы!

* * *

Хождение в полуденный порт
увидено светом, который пошил Господь.
Растёртое на якорцах и желтках,
на ложных посылках и окрылившихся каблуках,
на старых верёвках, связавших сто
родившихся под кустом
и не водящихся меж собою стоги,
на малахитовой сырости тупиков
в полынных примочках на челе,
на именах подрубленных королев
и тенях, выросших в кабале,
приветствует пьющих бесстрашие ходоков!

Хождение в вечерний порт
запорошили густой стопой,
обваляли в ветре из поселения Шелупонь,
и ныне пасётся на ржавом крюке
в подбитом щелью полевом нужнике,
но с режущим бликом пурпура на клинке
раскокавшей кратер с пузом луны
или ножек, что дважды сопряжены
с бумажной красоткой, сзывающей на танцпол,
вернётся на первом же ишаке...

Дорога в утренний порт
для улыбчивых субботних господ –
толпа и бинтованный бантом шкет,
болящие пафосом и актёрством,
ужели – ах! – до намёка стёрта?
И судно, несущее лучшую весть,
прихвачено в порошке...
Но болтают, что длинная рыба – тёзка
ангела здешних мест, не то любимая тётка,
серебрянейшая в голубях,
если я ей позволю проплыть сквозь себя,
любезно нашепчет, отплюнувшись чепухой,
как привить к дороге новую ветвь
или свежий поход...

Денис Колчин

* * *

За Буйнакском посты-блокпосты.
 Мелкий дождь засекает предгорье.
 Диктофон – чтобы впитывать горе.
 Фотокамера – для красоты,
 для увечий: отснять-переснять,
 перекинуть в компьютер, в соцсети.
 Мелкий дождь налетел на рассвете
 и остался, записан в тетрадь.
 Пригодится. Любые штрихи
 пригодятся: блокпост, БТРы,
 разговоры о выборе веры
 и название «Карамахи».

* * *

Уральский фронтир зимой:
 скукота, бухло, бытовуха,
 дорожный разбой, подлёдный вой,
 в лесу – ни звука.
 Уральский фронтир: метель,
 простуженные корпункты,
 набеги волков – собачья погибель,
 тюремные бунты.

Иными словами, нож,
география гор, грай-ворон.
Порой не знаешь, ты здесь живёшь
или командирован.

* * *

В Салоу пили за Победу,
«Джек Дэниэлс» пошёл отлично.
Продолжили после обеда,
приговорив чуток наличных.
Вверху сосновые сетчатки,
прожилки пальмовые, море
тепла, и не особо яркий
небесный слой, и солнце злое.

* * *

Кафедральный собор Таррагоны,
кафедральный собор Барселоны.
На фасадах – святые отцы,
крестonosцы, гаргульи, скворцы.
На ступеньках галдят интуристы,
торгаши, попрошайки, артисты.
Высоко – химерический крик
местных чаек, заметивших парусник.

* * *

Голуби проносятся мимо, словно истребители:
первая эскадрилья, вторая, третья.
Данное сравнение на любителя.
Мне нравится. «Эй, лихолетье!»
«Лихолетье» – то-то и то-то:
«лихо» и «лететь». Выйдешь прогуляться –
мимо, мимо, мимо на малых высотах
голуби, подразделение био-авиации.

* * *

«Счастье не за горами» – железная фраза в Перми,
на берегу Камы, по ту сторону железных гор.
Кстати, согласно ежедневным сообщениям СМИ,
что там, что здесь – PR, происшествия, вздор

разный. И где находится счастье? Хороший вопрос.
Может, у нас дома. Когда у нас никакой беды.
А вот когда беда, оно превращается в рост
сил. Или пропадает, пойдя найди.

* * *

Пассажирский скоростной
сносит тёплые пустоты.
Над башкирской стороной
боевые вертолёт
вьются в тёплых небесах.
Пассажирский поезд мчится.
Ждёт его, плывёт в песках
соликамская столица.
Поезд едет. Свет бежит
по вагонам, сквозь вагоны
пробега, преломлённый,
зайцев солнечных плодит.

* * *

«Деньги есть? А если найду?»
любимые вопросы на Уралмаше.
Налёты на ломбарды, а ещё краше –
на ювелирные. Дум-дум!
На Эльмаше та же фигня.
Рабочие окраины идентичны.
Туда приезжаешь, как будто с поличным
прихватываешь, роднёр-родня.
Веер, Сортировка, Елизавет...
Без разницы. Притворство – наивернейший
метод преодоления среды. Внешне
блести уличный этикет
важно, чтобы не огрести,
чтобы не искалечили, не пришибли.
Понимай-принимай. А иначе... Фигли
ты здесь ходишь, сука? Давай плати!

* * *

На балконе фикус Бенджамина,
развела супруга дендропарк.
Я читаю книжку. Мне осталось половину
прочитать – безделица, пустяк.

Выходные. Майская теплица
наш балкон прогревшийся. Живут,
кроме фикусов, на нём шефлера, медуница,
спатифиллум, роза. Ем грейпфрут,
или апельсин, или... Не помню.
Помню, было тихо и светло.
Недочитанная книжка тут же, на огромной
высоте, где впереди – стекло.

* * *

Облака – линкоры, крейсера.
Летний двор. Дежурят алкаши
целый день – что холод, что жара –
перемат, гогочут от души,
быдлота, отребье. Облака –
плавсостав небесный. Простой двор
проходной: стоянка, мусорка,
тополиный пух, ребячий ор
(детский садик тут же, во дворе),
упомянутые колдыри...
Облака ползут, ни бе ни ме.
Тополиный пух лежит в пыли.

* * *

Кинотеатр «Темп» – уралмашевский Сталинград,
выжжен, полуразрушен. Держится из последних.
Который год держится. Он ведь не виноват –
бросили, не спросили. Сам себе проповедник
бесконечной стойкости. Кто ему запретит?
Тихая оборона – участь, беда, живучесть.
Передохнуть между атаками, внешний вид
малость подрихтовать – теория, благоглупость
когда дербанит окружающая среда,
когда одновременно время ведёт подкопы.
Кинотеатр «Темп» – обречённый герой труда
в городе на границе Азии и Европы.

* * *

«Вырубил меня узбек, промеж глаз
прилетело, и прощай, бокс», –
разглагольствовал отец про запас,
когда в гости нас к себе вёз.
Позади меня дремала жена.

Я сидел, жевал бутерброд.
Разглагольствовал отец, ай-на-на,
знал, увидимся через год,
в лучшем случае. А то обнулим,
ограничимся СМС.
Попадались по пути патрули,
не кончался, мельтешил лес.

* * *

Проливные – стена за стеной –
накрывают июльский район.
Ничего не поделаешь. Ой,
не сезон, вообще не сезон.
Ну а хрена ли? Средний Урал.
Хорошо, что балкон застеклён.
Ожидал или не ожидал..
Сплошняком проливные – циклон.
Нагнетает, дрожит козырёк.
Проворчишь, недовольный жилец:
«Обещали погожий денёк.
Никому нельзя верить, капец».

* * *

Как ребёнок во чреве моей жены,
как последний апач на тропе войны,
как трамвай бесшумный улицей Кузнецова,
как погибший стих, навеянное слово в слово.
Спецнабор сравнений. Каждое правомерно.
Ритмичная мышца – маленькая цистерна,
слева под рёбрами. Наполнена
разными разностями она:
вот переживания за потомство,
резервационное беспокойство,
гравий злости, радости провода,
речь, прорастающая сюда.

* * *

Стал не только отцом, но ещё акробатом, жонглёром,
полуночным кормильцем, водителем детской коляски.
Нет, не первоапрельская шутка. Артистом хреновым
оказался, конечно. Артистом простейшей закваски.

Что касается главного... Жизнь обрисует, покажет.
Дочь подскажет биографу, выведет белые пятна.
Ей на память оставлю какой-нибудь гаджет, не гаджет, –
флешку с текстовым файлом. Она прочитает, и ладно.
Прочитает, закроет, подальше отцовское слово
уберёт. Ну и правильно. Прошлое не преумножить.
Отойдёт по делам. А потом, если станет хреново,
откопает, откроет... Надеюсь. Надеюсь, поможет.

* * *

Надпись «Гимры» на бесхозном вагоне.
Здесь не до шуток, пойми.
Штиль, красота, ни стрельбы, ни погони,
маленький-маленький Ми-
24 стрекочет, рокочет,
близится... Р-р-раз. Пролетел.
Я же сказал, не до смеха. Короче,
всё это – новый раздел
в книге террора и антитеррора
местного... Ой, не грусти.
Съешь абрикос на краю разговора
горя, отчаянья и
зыбкой надежды на фоне погрома...
Да уж, хорош абрикос.
Пробный раскат перезревшего грома.
Словно состав под откос.

* * *

Дочь опрокидывает игрушечный паровоз,
пластмассовый паровоз, у которого из-под колёс –
разумеется, пластмассовых – ничего такого:
солнечного огня, лязганья ледяного.
Слава те, Господи. А то ребёнок бесстрашен.
Играет, капризничает. Ему не важен
бытийный аспект, именуемый болью.
Ребёнок доволен положенной ролью.
Лежит, опрокинут, игрушечный паровоз,
пластмассовый паровоз, уделанный не всерьёз.
На улице, между тем, Рождество Христово –
солнечного огня, лязганья ледяного
обилие. И ветер до слёз.

* * *

Стамбул или Махачкала –
спросонья не вспомнишь, любитель
Востока, не тамошний житель,
нагрянувший к ним сочинитель,
сказавший: «Была не была».
Умоешься. Образный ряд
не станет от этого чётче.
И только на улице счётчик,
секретный невидимый счётчик,
в башке установленный счётчик
вдруг щёлкнет и вспомнишь: Багдад.

* * *

Как банда Глэнтон в пути,
как вдохновение Маккарти
на ЖБИ, на РТИ
истории цвели. Представьте
себе окраину, район.
Микрорайон, если точнее.
Бетон, асфальт, асфальт, бетон,
побитые дворы, аллеи.
Вот в этих конченных дворах,
на этих грёбанных аллеях
дрались, учились на примерах,
в садах терялись, на карьерах,
являясь в пьесах и стихах.

Руслан Комадей

* * *

Александр Смирнову

Свет приснился, словно интернет,
лето отсекается по давню.
Мимо смотришь на себя в ответ,
а в ладонях – темнота и давка.

Пальцы огрызаются, как сон,
доверяют скомканым карманам.
Свет сегодня словно колесо –
крутит у виска почти как мама.

Дождь, уставши, ждёт меня в лесу,
и слепые руки крошат темень.
Свет проснулся ни в одном глазу...
Извини за тьму, мы не хотели.

* * *

Я выскребаю снег из-под ногтей,
так холодно, что он уже не тает.
Боюсь, что не могу иметь детей,
но и себя мне тоже не хватает.

Меня ворует снег, что за напасть!
Хочу смеяться – почернели зубы,
хочу убить, но не могу украсть.
На кухне снег колотится об трубы.

И я сажусь к горбатому столу,
ты с краю, ты не любишь ужин.
Как мальчик в каменном углу,
играю в сны, прикидываюсь мужем.

Как так... Ты не заметила родства,
ведь снег как сын садится мне на плечи!
Держусь за снег, за скользкие слова.
Я не оглох, я потерял дар речи.

СТИХОТВОРЕНИЕ С СОБСТВЕННЫМИ ФРАГМЕНТАМИ

«В маршрутке синие шторы с розами».
Я переводил это стихотворение, перевёл.
Так и получилось.

На языке мёртвых – это знак,
что ребёнок рождён поэтом.

На языке чилипси – это огненная кровь знания.

На языке это вкуснее, ошибся...

Кто переводил это стихотворение, переводчик?

Он печальнее узенького покоя?
Водоворота из «Мулен Руж»?

Всего лишь стихотворение bad gateway.

Я переводил это стихотворение, переводил...

С дамского на Нюрнбергский процесс,
с итальянского на спасский,
с витийственного на событийность.

Это кто как понимать,
переводя «то да сё»
то как «those»,
то как «в смысле»...

Постдам перегружен примерами из самого сердца;
Мост Мирабо обретён;
Танки напрудили Прагу,
и всё!

Так погибали школы переводы,
я побледнел, но переводчик,
увидев это, изменился в лице.

«Розы кровавого вина избежали печали».
Ты что охуел, ты подстрочник!

Я маршруткой ВСЁ еду,
я еду и еду, на пароме и без,
на домике и бездомный,
на дне и вообще.

Как меня переводили...

С китайского на Освенцим,
с абхазского на туда-сюда,
всё самостоятельно,
всё оно,

даже там, где видно,
как Пауля Целана
били ногами под сапогом,
а остальные выливали воду болот
(потому что все поэты – одни молодцы),

я переводил их стихотворения, переводил
как "" есть.

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Жди меня, и я дождусь
там, где спят дожди
посреди меня... И пусть
ты не посреди

мышеловок высоты,
трещин, голосов.
Я скребусь домой без ты
битый час часов.

Окна дышат на меня,
расширяя сны.
Нету дома без огня,
без тебя – войны.

Скрип за пазухой, я шёл
по домашней тьме.
Никого. Сажусь за стол
и ни бе ни ме.

БОРИС ПАСТЕРНАК

Свеча сидела на столе,
жгла тень, как тело.
Мело по жестяной земле,
и всех задело.

Цвела обветренная тьма,
бряцали листья.
Внутри оконного письма
слипались лица.

Старели тени на пути
ж.-д. пределов.
Там небу некуда пойти,
а что здесь делать?

Смотрелся ветер в календарь
и длился выше.
Ни голоса, ни тьма, ни даль:
никто не выжил.

* * *

ни на каком языке
себя не избыть
нет так нет
всего не лишиться
облаком упавая в отличие
я работаю в школе
почти не угадывая детей
как мне попасть в человека
если где цель?

следует удивиться
сходу слов в сторону
разница отличается
от не-понятия
рыб! вот оно, удивление,
спящее под ногами
такое дно
что в рамки в стене
на запятую память
чтобы петь и петь

ОДА ВВЕРХ_ВНИЗ

«Взгляд – это столбняк», –
сказано новоприбывшими:

*«Мы несём шкатулки из кожи,
плаваем гольшом,
всяк смешон,
мы тоже».*

В робкой рубахе ввязавшись
в страх,
«растопырив – сквозь – руки»

скользкое, чётче,
рассыпчато в немоте,
едва ли лицо, его едва.

Отцепите круги из-под глаз,
спускаясь,
зазывая следы по следу.

Где идёт женский род?

Обречено.

В чужести вздохнув,
середину выпалив
разметкой оживающего пунктиром:

Некра,
так попади на обед!

Безучастья хлеба перерыв,
обернись:
секс – это самосуд
(существеннее, мертво / в новинку).

Куда тебе дело?

Вдруг – исколесья рды,
игры воспаменяя,
Нутро,
Некра –
тебе подарю.

АМОРТА

на Этом снимке смерть произнесена
<стулу>, стоящим посреди дня,
никакое укрытие невозможно,
я и так слишком часть его говорю,
точнее, к смерти приходит нижайший день,
изъятый параличом свободы-степени,
и отпирает клетку.

В клетке сидят:
клопы Боря и Мафусаил,
родинка и червоточина,
горе и огнеупорство,
буквы «А» и «Б» из русского алфавита,
в общем, двое.

Когда на клетку падает стул,

я оказываюсь внутри снимка.

Нет, ни одной ногой.
Смерть поводит-поводит
с приспособлением,
через скакалку,
в классики
и смое слёзы.

Я разведусь, мне такие шалости не нужны,
выну клетку из кармана, то бишь стула,
и пойду <нрзб>,
если только смерть,
очеловечивая дерево снимка,
не повернётся в повороте,
непредвиденное сжимая,
получая ошибку препятствия,
заставляя меня называть текст «снимком»,
здесь развеиваясь,
то я как бы присутствовал при этом техническом поражении
точкой

* * *

Полёты на нуле,
где Парщиков охрип,
он прятался в земле
от водородных рыб,

ныряя в слепоту,
в попеременный свет,
как бабочка во рту,
петляя или нет,

корябая уста,
сползая по лицу,
смешно и неспроста,
и нет конца концу.

Константин Комаров

* * *

За эту откровенную халтуру
меня Анна Андреевна простит...

Когда б вы знали, из какого сюр
растут стихи, которым ведом стыд.

Когда б вы знали слёз сухую мякоть
и тишины многоголосый ад.
Когда б вы знали, как хреново плакать,
когда ты – нарисованный плакат.

Когда б вы знали, как трясёт поджилки
поэзия – уютная сперва –
и – как теплолюбивые таджики –
дрожат на чистом холоде слова.

Когда б вы знали, как паскудно слабы
рифмованные нюни по трубе
(тем более что равнодушны бабы
к такой мобильной траурной мольбе).

Когда б вы знали, как горит заветно
строка среди разбавленного сна –
огнями, что лишь затемно заметны,
когда тоской душа заметена.

Когда б вы знали, как на вкус невкусна
метафор злых блестящая фольга.

Когда б вы знали...

Да ведь вы же в курсе.

И это
не меняет
нифига.

* * *

В дыму сигаретном, как в доме,
устраюсь, – молчи напролом.
Чего тебе надобно, кроме
табачной тоски о былом?

Да нет, ничего мне не надо,
и я ничего не хочу,
из этого райского ада
мне выбраться не по плечу.

Из этого серого праха
я создан. Кого мне дурить?
Куриль и не плакать, не плакать.
Куриль и не плакать. Куриль.

* * *

Кровь ленивее и лиловей,
водянистее сахарный ритм.
Ты не пой, солевой соловей,
мне концлагерным канцеляритом.

Кто твой голос бесстыдно срубил
элементами скаредной прозы?
Кто теперь собирает Сибирь,
где всю бирюзовы берёзы?

Белый крик твой подвешен на крюк,
только рот разомкнёшь – и разомкнешь.
Вот и всё, добрый друг, милый друг –
отрастишь себе хвост и не охнешь.

Только ахнешь, всплеснув рукавом,
поразбрызгавши капельки водки...
Я хотел бы вернуться в тот дом,
только там нынче серые волки.

Синий снег не снижает жары,
по которой когда-то мы вплыли
в райский рой золотой мошкары
или в царствие огненной пыли.

Хоть в малиновый цвет перекрась
тот сюжет – этот жест будет разов,
ибо слов моих разная вязь
покошмарнее улицывязов.

Если хочешь – забей в дубльгис:
«просто дом», «просто сад», «просто речка».

Не ищи меня. Но берегись,
если я не смогу уберечься.

* * *

Горел костёр – огля-
нешься – и только дым.
На тезисы огня
есть выводы воды.

Дословен дословес-
ный сон, хотящий спать.
За кущею древес –
небесная тетрадь.

Да будет звук довер-
чивый, доречевой.
И распахнётся дверь
во двор с большой травой,

что зеленой тоски
и восковой виска.
Плывёт в поднёбный скит
глухого слова скат.

Закат внутри пруда
гореньем огорчён,

и ватная вода
не помнит ни о чём.

Но лепета полёт
прополет тело тьмы,
и возникают – вот –
холодные холмы.

И выгнулся дугой
беспомощный язык.
И ты – уже другой.
И – заново азы...

* * *

Я свет гашу, в ночи топя
свои слова, не горюя их.
Я не хочу, чтобы тебя
разглядывали разгильдяи,

чтоб ты ни взгляду, ни уму
чужому не смогла отдаться,
хоть про тебя и самому
мне никогда не догадаться.

Я тихо сяду в стороне
смотреть, как в сумраке из жести
сменяются в пугливом сне
твои загадочные жесты.

И ничего не уяснив,
потом тихонько рядом лягу –
смотреть твои большие сны
и заносить их на бумагу.

* * *

Горнову

Далеко до хороших манер,
если вверен сомнительной страсти.
Срифмовались курьер и карьер
на твоей жизнетворческой масти.

Ну а рифма – такая фирмá,
испарится, как здание в центре, –
ты в долгах и съезжаешь с ума
и рычишь на людей, словно Цербер.

И гоняешь туда и сюда,
натирая кэмэшки на ляжки.
Как просторно пусты поезда,
как конечные станции тяжки!

Вот тогда и поверишь вотще,
что блаженны лишь нищие духом,
становясь всё тощей и тощей
от густого хождения по мухам.

Так с историей каждой старей
ты становишься и неприкаян,
пастырь ржавых ночных пустырей,
окормитель московских окраин.

Но сольются вода и руда
в эпицентре нервного брасса.
Вот он – способ добраться туда,
где обнимут и скажут: «Добрался».

* * *

Снежинка – слог,
а снег – строфа большая,
что шепчет бог,
уснувшим не мешая.

Но бог уснул,
уснуло неба море,
сутулый стул
в усталом коридоре.

Не от ума
и даже не от мира –
во сне туман
и тёмный запах тмина.

Так в улей мёд
берёт себе и льётся,
так пулемёт
палит бесшумно в солнце.

Укрывшись, будь,
чтобы, не сгинув в хламе,
сновала суть
меж спящими телами.

Я не решён.
Я не продолжен болью.
Мне хорошо,
когда я сплю с тобою.

* * *

Подвешена на красный крюк
последняя лихая песня.
Такая тишина вокруг,
что хоть упейся, хоть убейся.

Но мне парадоксально мил,
как шар, обтянутый резиной, –
весь сей товарный тварный мир
в его бессмысленности зимней.

И розы пыли по углам
(хоть дело в общем-то не в розах),
и звуков невесомый хлам,
увековеченный в неврозах –

всё здесь лишь дружеский намёк,
что по весне посадит печень
кулик, завёрнутый в кулёк
и более уже не певчий.

* * *

Подняв своё измученное тело,
как из капкана вылезшая мышь,
по Малышева шляясь ошалело,
ты думаешь: всё кончено, малыш...

Не поняли тебя, не оценили,
прогнав метафизическим пинком...
В унынье ты заходишь в пиццу-мию,
заказываешь крылышки с пивком...

И ешь, и пьёшь, и пожинаешь лавры
беспечного похода напролом,
и веришь в то, что не ошибся в главном,
и брошенному богу бьёшь челом...

Но, на пустой стакан нахмутив брови,
себя одёрнешь в нужном падеже:
ты столько лет по Малышева бродишь,
свернул бы на Восточную уже...

* * *

Так любят начинать со слова «так»
стихи о безысходности, однако
из всех иных панических атак
поэзия – последняя атака.

И, позволяя миру угнетать
себя, ты избавляешься от ада.
Но всё не так, не так, не так, не так –
как будто бы ты знаешь так, как надо.

* * *

Три звёздочки на небе в ряд,
как будто над стихом.
Под ними неохота врать
и думать о плохом.

Под ними правильной молчать,
и бережно дышать,
и ночи вечную печать,
как пульс, в себе держать.

И молча говорить «прости»
кому-то никому,
и тихо над собой расти
в божественную тьму.

* * *

Ты верил в то, что ко всему готов,
и всё терпела бедная бумага,
но полное отсутствие следов
не показатель правильности шага.

Любимые приход мятежный твой
не ощущали ни душой, ни кожей,
но ты располагался в гостевой,
пока иные плакали в прихожей.

Чернила стыли, голосок ветшал,
и стало ровно и врагу и другу
всё то, о чём ты трепетно вещал,
решивши вдруг (с какого перепугу?),

что отбирать ты волен и давать,
взяв на себя прерогативы бога...
И топчешься теперь у входа в ад
с табличкой «Разувайтесь у порога».

* * *

Начинается лютное лето,
вдох горчит, как густой молочай –
это самая малая лепта
за стремление смерть промолчать,

чтоб не выглядеть глупым невежей,
просто не говорить, просто не...,
просыпаясь с утра на несвежей,
но до боли родной простыне.

Встать на строчки расшатанный стульчик,
сунуть голову в петельный плен –
задыханием – шуточным, штучным –
заполняя пробелы проблем,

и танцуя по клавиатуре,
и на ветер плюя восковой –
тосковать разве что по культуре,
лишь по ней тосковать – мировой.

Владимир Кочнев

* * *

смерть нашей любви
как смерть синички
замёрзшей под нашими окнами
не дотянувшей
до тёплого времени

я говорю: сфотографируй
красиво

ты отвечаешь
мне не нужна эта падаль

* * *

в чужом доме
я надел чужие ботинки
и гуляю по этажам
вслушиваясь в эхо подошв
это так странно
как будто говорить
с кем-нибудь

* * *

чёрные перчатки голубей
аплодируют
снежному утру

* * *

Я позвонил тебе
и сказал что
в этом автобусе
все заняты сексом
и только я один
как дурак
еду одетый
с сумкой
в одной руке
и телефоном в другой
ты не поверил
ведь так не бывает
чтобы в простом
городском автобусе
все вдруг
взяли и занялись сексом
одновременно
но ты и поверил
ведь ты знал
что в этом невозможном мире
возможно все
а я только так
мог выразить
охватившее меня отчаяние
и одиночество
мы перекинулись парой слов
и потом разъединились
и наверное первое что ты сделал
это подошёл к своей подруге
и притянул её к себе
поближе
поцеловав
(ведь ты был с ней!)
а я снова остался один
в этом безумном автобусе
среди полуголых людей
занятых сексом
единственный одетый там
с трубкой в одной руке
и сумкой в другой

* * *

посмотри как трогательны двое глухонемых
красноречиво беседующих на своём секретном
наречии в центре летнего парка
они не слышат шуршанья листвы
шума ветра, скрипа качелей
им недоступны шорох гальки
резкие крики
или доверчивый шёпот
но взгляни как трепетны движения
пальцев, как эмоционально и нежно
они говорят
иногда нелепо касаясь друг друга
ладонями
словно два тюленя или две ласточки
облитые нежностью взаимного понимания
взаимной боли
и отчуждения
может весь слепящий сверкающий мир
им и вовсе не нужен?
и им хорошо просто видеть
друг друга
находя глубину в общем
взаимном молчании
общем секрете
слышать лучше
слышащих
говорить ясней говорящих

* * *

сегодня я взял в руки
иглоку и пришил
пуговицу на моих джинсах
впервые за долгие годы
самостоятельно
это произошло спустя
две недели после того
как ты уехала
и спустя два года после того
как она отвалилась
я не виню тебя
брак – сложная вещь
и не всегда можно найти время
для починки одежды

как жаль что ты увезла
с собой
нашу швейную машинку
возможно с её помощью
я мог бы починить
ещё кое-что

* * *

когда приходит эпоха упадка
здания ветшают улицы пустеют
смерть скитается в закоулках парка
и люди заметно стареют
когда приходит эпоха упадка
это видно даже по шинам
и парка на скамейке
молча прядёт свою пряжу
пряча под шляпой широкополой седины
и пустая бутылка по пляжу
катится замирая
а ты несёшь на плечах
дочь или сына
(если есть ноша такая)
а они ничего не зная
бодро колотят в спину
Вот она какая эпоха упадка!
всё умирает и всё рождается снова
застывают автострады и балюстрады
и нищета всё ближе, но это уже знакомо
и не так страшно исчезновение чаек в сини.
Пустота улиц дни как прозрачные кинофильмы
о я родился в эпоху упадка
когда пустеют полки внутри магазинов
И империя распадается жарко
чтобы оставить руины.
о я родился в эпоху упадка
и раз в десятилетие здесь встают заводы
падают стены, меняют знамена
и ветшают на окнах шторы
И потому не так уж и жалко
Когда сливаются с небом верхушки пиний
чтобы исчезнуть и раствориться навечно как
своё отлежавший иней
Смотри сынок
вот эпоха упадка

и мы истлеваем как мусорные пакеты на пляже
машины в пробке визжат без оглядки
но жить почему-то хочется
и очень даже
и всё продолжается и это чудо
и дети куда-то едут в колясках
в тот мир где нас уже наверно не будет
и куда уходит эпоха упадка

* * *

знай: это стихотворение
написано болью
болью не сердца
или души
но болью правой руки
кончиками пальцев,
кистью
случайно
подвёрнутыми этой ночью
знай: каждая боль
имеет право на выход

этой ночью
я попытался ударить
по темноте
отделяющий нас
друг от друга
(она была рядом
а ты далеко)
я замахнулся
и наткнулся на что-то твёрдое
(дверцу холодильника)
было больно слышался треск
глухой и чёрствый как у меня внутри
но темнота осталась на месте
мерзкая как и молчание телефона
и только молния боли сверкнувшая
в голове была мне ответом
молния боли таившая искорку вдохновения...

я включил свет сел за тетрадь
написал несколько строк
и потом внезапно подумал
что все наши чувства

по сути лишь следствие боли
боли голода
одиночества
страха
гениталий
и нервов
а моё чувство к тебе
просто полученный
в детстве удар в солнечное сплетение
когда я скатившись на лыжах с горки
и навернувшись
долго лежал на снегу
решив что уже не смогу дышать
никогда
знай: это стихотворение
написано левой рукой
знай: я тебя не люблю

этой ночью
я перебирал гору старых игрушек
которые стали теперь никому не нужны
вот золотой львёнок которого
мы купили на распродаже
а вот смешной но милый верблюд
которого выиграли бросая
дротики в зоопарке
игрушечные звери
среди настоящих
игрушечная любовь
среди взрослого и жестокого мира

в детстве я думал
что мёртвые оживают
и что игрушки когда наступает ночь
начинают играть
теперь я вижу – они мертвы
их глаза раскрыты и вытаращены
а я человек лишившийся части себя
правой руки отбитой о холодильник

каждое утро я просыпаюсь
и сердце моё разворочено
словно воронка
с осколками дремлющих воспоминаний
я встаю ворочаюсь

шатаюсь по комнатам
нет никого
мёртвое мёртвое утро
знаешь:
я когда-то поверил в бессмертие
а теперь хочу в смерть поверить.

* * *

в одиночества вазу я ставил
цветы друзей
и вечер был тих словно ребенок
оставшийся без родителей
игравший в комнате с закрытыми шторами
в одиночества вазу
я ставил цветы друзей
и друзья мои тихо смеялись
и друзья были веселы
как бумажные корабли
колыхающиеся внутри моего сердца
плывущие к запретной гавани
под звуки тамтамов
но никогда не достигающих её
берегов в лучах заката
в одиночества комнате
я расставлял их цветы бумажные мёртвые
и сухие словно лягушки или растения из гербария
и дикие белые розы с шипами ослепительно хохотали
как белоснежные самураи
вспарывающие себе животы
ослепительными лепестками магнолий

* * *

кукла, брошенная под лавкой
похожа на маленького человека
даже больше чем сам человек
маленькие красные каблук
оставившие след на песке
маленькие красные губки
на которых застыл поцелуй
белое платье растоптано
словно непочитанная записка
просунутая под дверь
волосы растрёпаны словно нежность

застрявшая на пороге
маленькая маленькая кукла
тянущая тонкие руки
словно ростки к небу
возьмёшь её на ладони
и сразу почувствуешь
как сильно она
тебя любит

* * *

пока ты спишь
никто не видит
как две огромные белые птицы
опускаются
у твоих спящих глаз
и клюют зерно
тишины
пока ты спишь
никто не слышит
как у твоих белых рук
лежат два белых кролика
их глаза изумруды
легонько поблескивают
сквозь утренние сумерки
и твои ресницы
словно несколько одиноких беззащитных спутников
прилёгших заночевать в белом поле
щёк
иногда мне кажется
что я тебя люблю
а иногда что нас обоих кто-то придумал
и здесь в этой комнате
мы кажемся мне беззащитными
словно два пугала
в пустом зимнем дворе
и никто не знает
как где то не так далеко
несколько чёрных псов
одиночества
подметают телами улицы
пытаясь напасть на наш след.

Вера Кузьмина

ПОСЛЕДНИЙ

На кухне посижу – блукаю без причины:
 Под снегом огород, доделаны дела.
 В моей постели спит последний мой мужчина,
 Нахмурился во сне, почуял, что ушла.

Ржавеет под окном соседская «Победа»,
 На лавочке смолит уборщица Барно.
 Последние – вы те, кто после и по следу,
 По следу горьких слов: «С тобой хотел бы, но...»

По следу писем, роз, дождей, размытой туши,
 Гостиниц («Ты пойми и больше не пиши...»)
 Нам первых не забыть: они уносят души.
 Последние вернут хотя бы часть души.

Ох, русская ты ночь! Бессонница, бумага,
 Собачий лай вдали, а ветер вроде стих...
 Последние идут, тяжёлым ровным шагом
 Перекрывая след, оставленный до них.

В коробках под столом засохли связки лука,
 Пора бы перебрать, а лучше бы вчера...
 Последнего – люби, последнего – баюкай,
 Последнему – дрожи на кончике пера,

С последним будь собой – смешной и непохожей,
 Распробуй сорок-там-какую-то весну...
 Нырну в свою постель, солёной, мокрой рожей
 Прижмусь к твоей спине и, может быть, усну...

ПРО НЕДОЛЮБЛЕННЫХ

Ох, и крепко нынче выстыло,
 Ох, мороз крещенский крут...
 Чьи следы по снегу чистому
 К моему крыльцу ведут?

Все готово: булки с вишнями,
 Чайник с чаем, винегрет.
 Только к бабе так притиснешься,
 Что и смерти вроде нет.

Перелюблен – переборчивый:
 Променяет на пятак,
 То ряба, то рожу скорчила,
 То позырила не так.

Вот и ждут бабёнки к ужину,
 Чтоб сказать потом: живи,
 Недолюбленных-простуженных
 На ветру *недолюбви*.

В кухне шкаф, поднос из Жостово,
 Кот из миски «Вискас» ест...
 Недолюбленный Христос-то ведь:
 Бог пустил Его на крест.

Зашуршу рубашкой ситцевой,
 Уведу на небеси...
 Перелюблены, катиться вам
 Колбасою по Руси,

Пропадать щербатым рубликом –
 (А казалось, чистый клад...),
 Любят – только недолюбленных,
 Перелюбленных – хотят.

СТАРЫЕ КВАРТАЛЫ

Ветер доносит гудочки с вокзала,
Вечером стало легко и тепло.
Шляются пьяницы старых кварталов,
Веткой с куста заедая бухло.

Сидя на лавочке, кашляя глухо,
Крошки роняя с отвисшей губы,
Длинную улицу тянет старуха
Через соломинку тихой судьбы.

Деньги считает: «До пенсии сотня...»
Смотрит, как, сотни затёртой серей,
Тени завмагов, врачей, домработниц
Трогают ручки подъездных дверей.

Смотрит, и видятся новые рамы,
Клумбы, люстрический белый огонь.
Тычется носом облезлая память
Тихой старухе в сухую ладонь.

«Ох, потолки-то! Гляди, как в столице,
Маньке б позырить, каки потолки!»
...слишком высокие, чтоб удавиться,
Проще дойти до Исети-реки,

Вдоль по Жидовской (Жуковского, значит),
Жданова (нынче Зелёная ул...)
Под ноги прыгнул резиновый мячик,
В тридцать четвёртый годочек свернул,

Сбил Розенблатов кошерное блюдо,
Детски притих за цветочным горшком...
В тридцать седьмом увозили отсюда,
В сорок втором уходили пешком.

Видится: Ленин кудрявый и русский,
Галстуки, планы, колхозы, ситро...
Молча хранят алкаши и бабуси
Старых кварталов живое нутро.

В нас не убито – притихло и дремлет
Тяжкое, тёмное, злое, своё:
Слишком любить эту старую землю,
Слишком... почти ненавидеть её.

СОБАЧИЙ ПОСЁЛОК

Потянет к печке в холода,
В дожди – тем паче...
Посёлок Красная звезда
Зовут Собачий.

Пусть на куличках у чертей –
Айда со мною,
Спасёт от тысячи смертей
Тепло печное,

Спасут картоха и кровать
Времён Хрущёва...
Всё есть, чтоб жить – не выживать,
Чего ещё вам?

Всё есть – святые и волхвы,
Соседки-крали,
Обои редкой синевы –
На базе брали,

Щенок на улице ничей,
В снегу вороны,
И тихий голос у дверей:
«Открой, не трону...»

РУССКИЙ ИДИШ

Ах, Дора-Дора... Бабка приходила
К тебе стирать и вычистить ножи.
Что за кривая дьявольская сила
Меня за ней тащила, подскажи?

Ах, Дора-Дора... Зяма Моисеич...
Три шкафа книг, корица в порошке.
Я скоро научилась: «Шпрехен дейич»,
И Зяма гладил по льняной башке.

Ах, Зяма-Зяма... «Детка, алеф, гимель.
Вот это – бейз... ну, хватит на сейчас.
Я там тебе на кухне грушу вымыл,
Ты с семечкой не ешь, как в прошлый раз».

Стекло чекушки пело на иврите,
На идише шуршал в углу мизгирь.
«Вы, Дора Афанасьевна, скажите,
Чтоб муж-то Верке не дурил мозги:

Вам яблоки, а нам-то хватит брюквы...
Халат стирать? Запачкалась тесьма...»
Но как похоже вспыхивали буквы
Еврейского и русского письма,

Когда сливались в строки и абзацы
О бухенвальдском пепле и золе
И о пожарах, что ночами снятся
Бревенчатой берёзовой земле.

Ах, Дора-Дора, что ты в книге видишь?
Ах, Зяма-Зяма, в чём ты видишь свет?
...а Васька-вор орал почти на идиш
Про хипес и воночий марафет.

Такие на Калухе жили воры,
Что не приснятся в самом страшном сне...
Ах, Зяма-Зяма, схоронил ты Дору:
В Россию закопали по весне.

Мне было восемнадцать. Нынче сорок.
Нерусской не бывала я ни дня,
Но помню: алеф, гимель – будто морок,
И буквам догорать – внутри меня.

Я помню всё: умерших и убитых,
Мозоли на руках и снег виска,
И всё глядит из крашенных калиток
Глазастая еврейская тоска...

СОВКИ

Давай-ка, мой хороший, по одной –
за нас, дурных, а больше бы не надо...
Моя страна натянута струной
от Сахалина до Калининграда.
Сейчас в неё распахнуто окно,
там огоньки, далёкий лай собачий.
Не виноваты водка и вино,

что мы живём вот так, а не иначе, –
 вот так – не отрываясь от страны,
 гитарно-балалаечного гула...
 Играй «Хотят ли русские войны»
 и «Журавлей» Гамзатова Расула,
 играй, страна!
 Добавь смешной тоски:
 «Артек», Гагарин, Жуков, батя юный...
 Да, мы совки.
 ...А дети на совки
 В песочнице натягивают струны.
 Давай ещё – и по последней, ша!
 За Родину, натянутую туго.
 За каждого смешного малыша.
 За то, что удержали мы друг друга.
 Да, перебрали. Улицы страны
 дрожат струной, неровные такие...
 Споём «Хотят ли русские войны»,
 чтоб слышали Берлин, Париж и Киев?

Живёт страна, пока живут совки:
 смешные дети, мужики и бабы.
 А Господу – подтягивать колки,
 стараясь, чтоб не туго и не слабо...

СТРАНА В СНЕГУ

Страна в снегу... фонарь едва горит, ночь, улица, аптеки нет –
 и ладно... Пойдём с тобой за чем-нибудь в «Магнит» – за со-
 лью, манкой, пастой шоколадной. Тетрадок взять по восемь
 пятьдесят – записывать не байки, просто были. Что вышла из
 народа – мне твердят. Ну ладно, пусть. Чтоб вы в него – вхо-
 дили.

В тетрадках – и солдаты, и поля, окраины, пьянчуги, бабы,
 гари: страна, она не стоит ни рубля. Она как жизнь – не спро-
 сят и подарят.

Страна в снегу... простудный кашель стих – сырой сосулькой
 давится, боля. А на моих верёвках бельевых играют фрейлехс
 грустные евреи, и у подъезда Борька Пастернак, пришедший
 со второй чеченской психом, на лавочке смолит сырой табак
 с Коровьевым и алконавтом Михой. А бабка Перелюбкина:
 «Спят! Расселись тута, голоштанны баре!»

...в тетрадках, будто снег, лежат поля, окраины, солдаты, бабы,
 гари...

Входите – кто на плаху, кто на бой, а кто – домой. Никто не выйдет нищим, ведь у меня роман с моей страной – страниц на триста – может быть, на тыщу. Страна в снегу... насколько наше, мля, – за чем-нибудь на пару в сумрак карий...

...вы вспомните меня, когда – поля? Окраины, солдаты, бабы, гари...

НЕ ТАКАЯ

Опять не сплю. А месяц так и пухнет.

Такая жизнь, и нечего сердчать:

Есть женщины, поющие на кухне,

И женщины, что снятся по ночам,

А я – не та, не эта. Не такая.

Не лодочка – окурок на мели:

Сиротство звёзд и проклятых окраин

Течёт сквозь пальцы сжатые мои.

Ковшом ладони. В них – побег из дома,

Соседка, спяну влезшая в петлю,

В сарае перепревшая солома,

Танюха (за ночь с рыла по рублю) –

Вся жизнь моя, её воловьи жилы,

Мозоли, кровь, теснение в груди...

Лишь об одном жалею.

Я просила

Того, кто уходил: не уходи.

БРОДСКОМУ И НЕ ТОЛЬКО

На Васильевский остров

Я приду умирать...

Иосиф Бродский

Гаражи, да сарай,

Да дощатая гать...

Что ты, Бродский, забаял?

Что придёшь умирать?

Расскажу, как, до дому

Не дошедши – на кой? –

Я к проулку Речному

Прижималась щекой,

А старуха Парася

У ворот подняла:

«Эко чо, напилася...

Ведь спалишься дотла.

Шибко быстро да просто...»
И отчистила грязь.
Твой Васильевский остров
Маловат для Парась.
Что ты баешь: по-скотски?
Мол, холопская кровь?
Как презрительно Бродский
Вскинул рыжую бровь!
«К равнодушной Отчизне...»
Слышь, во все времена
Нам Россия – для жизни,
Вам – для смерти дана.
Мы не братья и сёстры
Перед нашей страной:
Вам – Васильевский остров,
Нам – проулок Речной.

ЛЕТЕТЬ

На осевших сосновых воротах
Досыхает рыбацкая сеть.
Мне охрипшей прокуренной нотой
Над провинцией тихой лететь.

Здесь ответы – лишь «пофиг» и «на фиг»,
Здесь, старушечью келью храня,
С чёрно-белых простых фотографий
Перемершая смотрит родня,

Здесь в одном магазине – селёдка,
Мыло, ситец, святые дары,
А в сарае целует залётка
Внучку-дуру – бесстыжи шары.

Половина из нас – по залёту
Заполняет родную страну...
Мне – охрипшей прокуренной нотой
По верхам – по векам – в глубину –

В ласку тёплой чужой рукавицы,
В стариковский потёртый вельвет...
Дотянуть. Долететь. Раствориться.
Смерти нет. Понимаете? Нет.

Михаил Куимов

ОЛЕСЯ

Тьма с Олесей давно знакома.
 Тьмой Олеся извне влекома.
 Смерть вдыхает её через рот,
 Иже наоборот.

«Человечество – это плесень» –
 Повторяет во тьму Олеся.
 Тьма в ответ произносит: «Я – есьм.
 Это – тоже болезнь».

Смерть целует Олесю в темя.
 Словно кровь, застывает время.
 Перевернутый сумрак вверх дном
 Говорит на родном

Языке для неё. В истоме
 Растекаются звуки. Кроме –
 Льётся смеха бурлящий ручей
 Через контур плечей.

Да, Олеся, теперь ты дома.
 Чувством дома ты лишь ведома.
 И, пока темнота холодна,
 Ты не будешь одна.

* * *

Не я один ходил три сотни раз
 До привокзальной площади, а позже
 Вдруг понимал, что проще, чем сейчас,
 Не будет. Да и впрочем, быть не может.

Я поднимал с земли свой саквояж
 Английской клетки с вставкой дерматина
 И начинал с нуля километраж
 По будням, смело щедрым на рутину.

Тащился через город, матеря
 Весь свет и всё, что есть на этом свете.
 У каждого второго фонаря
 Просил огня промокнувшей сигарете.

Под проливным дождём встречал зарю
 И точно знал: начнётся всё сначала.
 Меж теми жизнь пройдёт, кого люблю,
 И безымянной площадью вокзала.

* * *

Из прошлого сделай бинт,
 Им раны перевяжи,
 И будущего гранит
 Не выбьет твоей души
 Из тела, покуда то
 Реалиями кровит,
 Которое – решето.
 Из прошлого сделай бинт.

Так памяти рыхлый пласт,
 Чей век беспредельно скор,
 Изроет каверной карст,
 Что прошлое, как раствор,
 Ослабнет. Забудет цвет.
 Утратит бесценный бит.
 Пока изменений нет –
 Из прошлого сделай бинт.

Из прошлого сделай плот,
 Действительность что вода.
 Из прошлого сделай порт
 И вновь возвратись туда.

Из прошлого сделай дом,
Откуда чудесный вид,
Где будущее – фантом.
Из прошлого сделай бинт.

* * *

Как истрачу дни,
Вместо скорби слóва
В некролог черкни
«Никогда и снова».

И шагай с утра,
Но не слишком рано,
Выпить у шатра
Два американо.

Покури взятяг,
И запомни только:
Это вздор, пустяк,
Роковая долька.

Смех оставь на чай.
В лоне улиц мёрзлых
Скройся. Обещай
Мне – не слушать мёртвых.

* * *

Мебель не выдерживает дня,
И под вечер скрип владеет спальней.
Некто, так похожий на меня,
Говорит, что никогда не спал с Ней,
С той, с которой постоянно спал –
Знают кухня, коридор и зал –

Знают все! Устало светит бра,
У окна увядший куст герани.
Драма не в отсутствии ребра,
А в тугом беззвучии гортани.
Внешнее спокойствие рябит.
Некто уверяет: с Ней не спит.

Да, сейчас не спит. Но он – никто!
Разве не заметно? К чёрту жалость!

Пусть, что на меня похож, зато
Что бы в зеркалах ни отражалось –
Иллюзорно. К слову, Бог не знал,
Кто из них двоих оригинал.

Взглянешь на картину эту – дрожь
Выбьет из груди обрывок вздоха.
Если разгорается дебош,
Непрерменно ожидай подвоха.
Даже от себя. Но чья вина
В том, что не со мною спит Она?

Дьявол! Как порочна! За порог
Вырваться бы, гневу нет предела!
Гордость соблазнительнее ног,
Взгляда и оставшегося тела!
На Него похожий, Я с Неё
Стягиваю нижнее бельё.

Мебель не выдерживает дня,
И под вечер скрип владеет спальней.
Я, столь непохожий на меня,
Говорю, что никогда не спал с Неё.
С той, с которой постоянно сплю.
Солнце входит в мёртвую петлю.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

У центра пустовала церковь. Речка
Текла с востока, тихая, как речь, как
Несмелый голос прошлого, утрату
Оплакивая. Посмотри на карту.
О городок! Музей миниатюр! Мы
Глядим на север: видим лес и тюрьмы;
Глядим на юг, в гряде солеотвала:
Едва пространства. Потому нам мало
В нём воздуха. И времени. У центра
Пустует церковь, видимо, уценка
В отсутствии ширин и длин, высоток.
Пейзаж больше, чем удар в висок. Так
Не помогают глазу сон и бренди,
Услышанные краем уха бредни
Под узким, как растяжка, небом. Запад
Пылал закатом. Всем привычный запах

Витал над площадью автовокзала.
Никто не замечал, как угасала
Цивилизация. Скамейки сквера,
Что зубы старика. Кончалась эра.
Ничто не сохранить. Ограды прутья
Не сберегут от вечности. Не будь я
Одним из смертных, лучше не сказал бы.
У центра пустовала церковь. Залпы
Беззвучия взрывали её купол
В той мере, как наполнена жизнь кукол
Бездушием. И звёзд бледнеют грозди.
И ночь вбивает в крест кривые гвозди.

* * *

Бог выпал с первым снегом. Смерть его к
Моменту времени не более, чем признак
Спиральности: виток – виток – виток.
Стоишь и смотришь, как над снегом призрак
Парит, полупрозрачный, – и ему
Не страшно больше. А тебе – до дрожи –
От снега, смерти, Бога. Но к чему
Волнения? Ведь вы – одно и то же.
И застывают лужи, но у льда
Твои черты: беспомощность и холод.
И тени уплывают в никуда:
От снежности. От времени. Тебя от.

СЦЕНАРИЙ

Одни не берегут простат,
Другие – почек,
Твой мир не бережёт никто.
Идёшь по улице, простак,
В колонне прочих,
Мудила, бля, Жак Ив Кусто

Морей доисторических,
Рябой шахтёрик
С претензией на острый ум,
Вопросов риторических,
Любых риторик
Поклонничек, Орландо Блум

Эпической прострации.
Идёшь, не зная,
Зачем и почему ты тут.
Вокруг цветут акации,
Концовка мая.
Акации вокруг цветут.

Предупреждает календарь
О солнцепёке
На дюжину недель вперёд.
Безрадостная Божья тварь,
Без подоплёки
Глядишь назад. Тоска берёт.

Мучителен, как гвоздь в хребте,
Момент нетленки:
На кой похерили монтаж?
Массовки реплики не те,
Листвы оттенки,
Пейзаж не тот. Не тот пейзаж.

Нет, лучше так. Идёшь в ночи
С одной в обнимку
По переулку не спеша.
Цепляют сумку, блядь кричит.
Под сердце финку
Вручают. Жизнь, а хороша.

* * *

Как только отобьюсь от гопоты,
Вернусь к тебе. Мне верится, что ты
Не разлюбила кротко по ночам
Поговорить о важных мелочах.

Когда луна лбом бьётся о фасад,
Наш двор похож на дивный райский сад,
Но сентябри не веруют в Христа
И потому не жалуют листа.

Мы можем просидеть так до утра,
Соприкасаясь мудростью нутра.
Здесь, в логове безвестной темноты,
Нет места для нелепой немоты.

К рассвету жизнь становится ясна,
Особенно без длительного сна.
И, коридор захватывая, дым
Сгущается до плотностей руды.

Поэтому особен диалог,
Он обжигает, словно кипяток.
И оттого отвратнее рассвет,
Что близок, словно гопника кастет.

* * *

Кухня. Окурки, пиво.
А за окном – тайга.
Хочется жить красиво.
Хочется. Иногда

Видишь эту картину
Сверху, как самолёт.
Счастлива ли Марина,
Что с мудаком живёт?

Спросишь её – счастлива?
Знать бы наверняка.
Кухня. Окурки, пиво.
И за окном – тайга.

БУРАТИНО

Буратино стал деревян:
Что ни шуточка, то баян,
Он, когда беспардонно пьян,
В морду бьёт Артемона.
И Мальвина уже не торт:
За полгода второй аборт.
Буратинка коль сам не твёрд,
Та найдёт охламона.

Повторял он ей: «Как мне жаль,
Что люблю тебя, куклу, шваль.
Может, построим в тебя спираль
Или что понадёжней?»
А она ему: «Милый Бур,
Не затягивай каламбур.

Не хватает влюблённых дур?
В край вали свой таёжный!»

Говорил доходяга Карл
Буратине, пока тот мал,
Мол, учись, а сынок плевал
И продал все тетради.
Он теперь, забредая в клуб,
Догоняет, что глух и глуп,
Ради этих несносных труп
Всё всадил. Чего ради?

Но в начале был чудный микс:
Охраняла Тортилла Стикс,
Пьер – безрадостный Мистер Икс –
Голосил серенады.
А затем – толчея с ключом,
Что местами лишь золочён,
Луком, курткой, бородачом
И иной клоунадой.

Да. Такого контекста фарт
Вызывает в сердцах инфаркт.
Как свернулась догадка в факт,
Так поехала крыша.
И запил из опил смутьян:
То Хайям он, то Петросян.
Ни врачам не рад, ни друзьям,
Ни горящим афишам.

* * *

В субботу обещали снег,
А в девяносто третьем – счастье.
Я, вероятно, человек,
Что годен только на запчасти.
Лишь те запоминаю сны
(Их выдают мне по безналу),
В которых раздевалась ты
Или меня ты раздевала.
И, вероятно, я – сырьё
Для третьесортного мультфильма.
Да. Гарантирует чутьё,
Что мы провалимся. Бессильно

Я верю в каждое из слов
Неблагосклонных предреканий
Шаманов с дальних островов.
Но, чтоб стереть воспоминанья,
Необходимо лечь под нож,
А утром, может, будет счастье.
Но если неудачно – что ж,
Я буду годен на запчасти.

* * *

Пиши стихи в своей тетрадке
И слушай музыку подъездов.
И в положении (столь шатком)
Учить тебя мне неуместно.

Здесь не увидишь дальше метра,
Снег, обезумевши, искрится.
Поэтому и нет совета.
Я шёл по улице. И скрылся.

Владимир Лаврентьев

МИНУТА МОЛЧАНЬЯ

Минута молчанья. Заткнись и послушай:
над нами сейчас по незримым волнам
плывут над полями прозрачные души.
Иные из них уносила война,

есть те, кто естественным образом отжил
свой срок вопреки пожеланьям других.
Теперь же они, словно рыбы без кожи,
плывут по теченью Великой Реки.

Как много услышать в минуту молчанья
возможно, когда ты у звука внутри;
и даже у к небу приклеенных чаек
отсрочен беззвучный по-мунковски крик.

Пока же слова собираются в тучи
и грязь их ещё не изверглась из мглы,
послушай, уж коли представился случай,
как гулко пульсируют поры земли.

Они, как в режиме покоя вулканы,
по сути, проекция нервных узлов
трёхмерного мира. В безмолвие канув,
слова превращаются в образы слов.

Обратно из верхнего моря на сушу
они обязательно спустятся вниз,
как дождь, или снег, или попросту души.
И ты их услышишь. Но только заткнись!

КОАН О МОЛОКЕ

Когда-нибудь закончится время молока,
закрытого от взгляда кошака в бидоне;
когда-нибудь закончится время для хлопка
не только для одной, но и для двух ладоней.

Когда-нибудь закроется кошачий глаз луны,
придётся ковылять наощупь до калитки.
Когда-нибудь закончится во рту запас слюны
не только для глотка, плевка, но и молитвы.

Под тканью бытия, истёртого до дыр,
не будет даже снов – сверкающая пропасть.
И нет поверх моста, лишь кошка-поводырь
тебя переведёт по ей известным тропам.

Когда исчезнет всё и с матрицы судьбы
клей памяти сойдёт, а с ним и страх, и смысл,
то время перейдёт в обратное себе;
избавившись от чаш, воспрянет коромысло.

Ни завтра, ни вчера уже не будет. Пуст
бидон от молока, где лишний даже воздух.
Останется лишь Путь – бескрайний Млечный Путь,
в котором молоко – всё: кошки, люди, звёзды.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

*Кто знает, как пусто небо
На месте упавшей башни...*
А. Ахматова

Всё дальше и дальше Серебряный век:
исчезли красавицы, принцы и пони
с арены. В ночи отгремел фейерверк,
а утром о нём мало кто и припомнит.
И мало кто ночью посмотрит наверх,
где лунная тропка в Серебряный век.

Орфический праздник прошёл, а с утра
другой ураган обрабатывал пашни.
Покинули кладбища феи, и башни
герольды покинули: гонят ветра.
Печальной цепочкой галантных свечей
они поднимались в небесный ковчег.

Бесплотных утопий сажать сорняки
грядут времена, и бойцы-коммунары
воздвигнут арены по взмаху руки,
где в центре – помост, по окружности – нары.
Взирают вожди из-под гипсовых век.
Всё дальше и дальше Серебряный век.

Под шелест монарших и прочих знамён
другие проходят торжественным маршем,
не зная ни наших, ни ваших имён.
Кто знал их – тех нет или сделались старше.
Они как столпы экзотических сект.
На флагмане – все, позабывшие всех.

Они словно статуи в Летнем саду
и в мраморной славы хитоны одеты,
они – как в кладовке, у всех на виду.
Но, мрамор лизнув, удаляются дети.
Отсталая лексика, ритмика, звук,
не дразнят сердца, никуда не зовут.

Безумие – жить на разломе эпох.
И снова на кухне за водкой и чаем,
пока благосклонны к нам внуки и Бог,
друг друга опять по цитатам встречаем.
Сидим, чтобы вместе за вечер собрать
две горсти рассыпанного серебра.

СКАЗКА О ПРИДУМАННОМ ВРЕМЕНИ

Когда я узнаю всю правду о времени –
за это, пожалуй, не будет пощады.
Ни хлеба, ни славы, ни Нобеля премии,
а будет забор, грязный, мокрый, дощатый.

За этим забором покрытое вереском
холодное поле лежит неподвижно.

Такое же небо спускается через край;
там звёзды, которых пока я не вижу.

Огромное поле без края, без пропасти
накрыто белёсым и призрачным светом.
И медленно крутятся мельницы лопасти,
ничуть не смущаясь отсутствием ветра.

Когда-то... Когда только звёзды и тернии
на поле всходили для Некто и Нечто.
Народы из страха пред вечной материей
пытались утешиться чем-то конечным.

Теперь уж неважно, в Египте ли, в Риме ли.
был явлен догмат умиранья и роста.
Так создан был культ иллюзорного времени –
себя и других пожирающий монстр.

И ходят веками к нему на закляние,
приняв за основу вращенье планеты
весь мир расчертив стрелок чёрными клиньями,
нося на запястьях его амулеты.

Разрушено будет всё то, что построено,
и заново найдено всё, что потеряно.
А время – пальба холостыми патронами
по спящей собаке по кличке «материя».

ТЕНЬ МАРКЕСА. РАЗМЫШЛЕНИЯ У КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

А. Хайрулину

Старик, тысячедневная война
проиграна – в четвёртый раз по счёту.
Причины на поверхности, но к чёрту
всё это. И что даст конкретно нам
тот перечень придурков и сквалыг,
всё это потаскухино отродье,
сгубившее поход ещё в утробе?
На нас уже наставлены стволы.

В четвёртый раз у крепостной стены
стоим, и снова каркают затворы,
их сверху передразнивает ворон.
Не то что дни – минуты сочтены.

Полковник, где ж тот чёртов Океан?!
Повсюду лишь болота и саванны,
И у всего – не выразить словами –
какой-то очень странный макияж.

Мы с детства приучались рвать и грызть
за землю, где нам привелось родиться.
Но нынче стало худшей из традиций
менять по ходу правила игры,
друзей, задачи, главное – врагов,
и в прошлом, впрочем, как и позапрошлом
миф был целенаправленно опошлен,
на запасных путях застрял вагон.

И что с того, старик, что это Пермь,
и над тобою ворон, а не кондор?
Полковник, мы с тобой – всегда в Мокондо
и вечно в обезумевшей толпе
зело проворных рыжих муравьёв,
что на правах обиженных и слабых
прибрали наши почести и славу.
(Что ж, и на них найдётся муравьед.)

Пожалуй, что опять зарядит дождь
на тридцать лет. Ты помнишь, как цыгане
лёд привезли? И что? То был цирконий –
кругом обман. Твои, полковник, дочь
и сын – умнее нас, они – в столице.
Ты целься лучше, сука-муравей,
вот где мне стать: левой или правой –
я сам решу. Пора и помолиться.

Не за себя, пожалуй, за жену,
детей, страну, какой б она ни стала.
Погубят нас усталость или старость.
А я всё думал, для чего живу?
И для чего мы на просторах Пармы
век провели в бессмысленных боях?
А может, это попросту боязнь,
что нас не сохранит людская память?

И почему не едет Мелькиадес?
Его спросил бы. Знаю, что цыган!
Он был на Филиппинах – там цинга,
он умер или перепутал адрес.

Нет, умер. Впрочем, это не предлог
не навестить друзей перед расстрелом.
В четвёртый раз, полковник, я растерян,
так издеваться, право, запаadlo.

Над каменной стеной висит сирень...
Ты чувствуешь её волшебный запах?
Мы постареем в ожиданье залпа.
Неужто снова порох отсырел?!

Анна Лукашенко

ПТИЧИЙ СОН

мне приснилось как будто мы два клеста
нами правит хвойная пустота
впереди только шишек еловых рябь
только небо сложенное из льда

мы влюбились друг в друга уже тогда
когда слётками падали из гнезда
я признался тебе что тебя люблю
протолкнув кислород через гнутый клюв

мы зачали птенцов когда был мороз
я звериную шерсть сквозь иголки нёс
в этом странном зимнем клестином сне
я чирикал а ты отвечала мне

и проснувшись я долго не мог понять
почему держит в белом меня кровать
это после смерти седой снегирь
уволок меня в человеческий мир

* * *

братец лис во тьме венозной
влажным голосом пропой
что диагноз несерьёзный
и что утром мы домой

расскажи мне пересказку
посчитай до ста с конца
чтоб малиновая краска
перестала течь с лица

помнишь помнишь прибаутку
как однажды жан звонарь
мою сломанную руку
бросил блоку под фонарь

или эту с дядей стёпой
про простреленный топор
топал тополь в мелитополь
недотопал до сих пор

слышишь, слышишь этот топот?
это он идёт ко мне
на его ветвях наколот
с толстой сумкой на ремне...

почтальон в зубах записка
лебедь щука рак и пруд
я тигрёнок а не киска
я умру
и все умрут

* * *

Когда соберусь выйти замуж –
Выкрашу волосы в красный,
Найду себе белое платье,
Найду перчатки без пальцев
(чтобы кольцо надевалось),

Букет будет мой самый лучший –
Из шишек и земляники,
Из проволоки и ленты,
Из фантиков и тюльпанов.

Выйду к волнам холодным
 И закину букет подальше:
 Пусть скорее любимый муж мой
 В окружении рыб и спрутов,
 самолётных блестящих деталей
 под вуалью китовой песни –
 Мой чешуйчатый, Мой иглокожий –
 соберётся и выйдет
 тоже.

ТРАНСПОРТ

1.

– На эскалаторе нужно ехать, стоя друг к другу лицом, –
 Говорит он, как будто всегда был моим отцом, –
 Не разделяй свою речь, не уводи
 Своих бесконечных писем на
 Запасные пути.
 Не притворяйся и не забывай. Смотри:
 Смысл производится изнутри

2.

Кто-то вытащил шнур, выдавил мне стекло
 Стало нечем дышать, но стало совсем светло
 Я ощущаю – близко чья-то рука
 Мы плывём в океане того самого
 молока

Течение тащит вперёд в белоснежную тьму
 Сквозь пепел и кости обломки картонных лун
 Не видно ни зги, только тумба, змея и хвост
 нотный стан, поперечный
 штрих-код берёз

Или я перепутала горизонталь и низ
 Не оставляй меня здесь, пожалуйста,
 обернись
 останься, пока я учусь, и до этих пор
 я подчиню эти пятна, сложу в узор

в точку отсчёта, пятимерный чернильный икс
 потечёт прирученный нами молочный стикс
 мы запустим новый маршрут, но на этот раз
 это будет автобус без стёкол,
 колёс
 и нас

* * *

голубь на голубе,
тополь на тополе,
снег на снегу
это весна, и, наверное, я не смогу
плыть против хода,
стать поперёк волокна
в этой луже макушка касается дна
я вступаю в белую воду, февраль и март,
в слово «старт», полувьевшееся в асфальт
голубь на голубе, снег на короткой траве
голубь на голубе, голубь на голове
слова выплывают рыбами
из отражённого рта
меня поглотила
нежность и пустота

ВОЛОСЯНОЙ СТИХ

1.
Сиамские
разнополые
близнецы,
сросшиеся волосами, –
сюжет, который меня интригует.
Какими они родились?
Как они повзрослели?
Почему не расстригли тонкую хрупкую связь?
Сколько им было, когда
длина растянулась
в соседние комнаты?
соседние здания?
соседние города?
По струящимся локонам перетекает вода,
бегают дети, сквозь косы растёт трава
Они отвечают интересующимся:
– Так было всегда.
Так будет всегда.

2.
Когда мне доводится быть
очень близко
к длинноволосому парню,

я думаю: наши волосы
 могут срастись
 пробить эпидермис на чужой голове,
 сплестись в двужильную нить.
 мы будем сиамскими близнецами
 разного пола
 разного роста,
 разного возраста,
 перетечём локонами друг в друга,
 утратим границу,
 будем оглядываться
 когда позовут не тебя, а второго,
 в рекламе шампуня снимемся,
 превратимся
 в ходячий
 мясной нунчак с золотистой цепью,
 длиннеющей каждую ночь на одно звено.
 мы можем качаться на дереве без качели,
 ловить заплутавших зверей и лососей, но
 он хочет в кино,
 а я лежать в темноте.
 когда мне доводится быть
 очень близко
 к коротковолосой девушке,
 я думаю:
 как хорошо
 она
 обновила причёску.

ПРО РУКИ

Мне говорят:
 – У вас очень красивые руки
 Руки – фарфоровые пауки
 Пальцы – изломанные тонкие ветки
 Косточки – спицы зонта
 (я проношу руки мимо кармана,
 Я прижимаю друг к другу ладони,
 Касаюсь бороздками пальцев полуоткрытого рта)
 Мне говорят:
 – Я хотел бы себе такие
 Проворные длинные ловкие перебирать кишечник
 Или страницы или клавиши или причёску

(короткие ногти мои впиваются в тонкую кожу,
красный выкрадывается
из губы)

Мне говорят:

– Руки – белые лебедицы

Руки твои – побеги худой сосны

(по рукам моим перетекает и длится
и возвращается в тело
античный стыд)

слова окружают меня,

вдоль меня скользят

мимо меня плывут золотые слова

липнут к суставам серебряные слова

янтарные сироповые слова

(и сквозь драгоценную толщу

руки ведут меня в норы,

в которые

словам проникнуть нельзя)

ЛОСОСИЙ БУНТ

неутомима и упряма стая

серебряным пронзающая синий

от края моря до другого края

но мы – не с ними

мы – по течению, но против рода

прорежем путь сквозь толщу плавниками

вернём себе солёную свободу

скажи – ты с нами?

поплыли прочь с излюбленной протоки

отринь своё молочное семейство

ты не умрёшь где был рождён поскольку

мы сменим место

всё дальше от последнего причала

в побеге от нерестяного счастья

мы примем рыбью гибель, но сначала

посмотрим в небо из

медвежьей пасти

ГРИБНОЙ СОН

вот представь что было бы если бы
 были бы мы диковинные грибы
 пополам из смерти и серебра
 я твой брат одноногий и хрупкий брат

под опавшей листвой в темноте земли
 мы бы белой грибницей себя несли
 чтобы вырасти у другого пня
 и позволить себя от себя отнять

отделить от корней остриём ножа.
 наша плоть ядовита и кровь свежа
 и недолгою будет разлука та –
 мы вернёмся на волю из-под креста

на могиле – окурок, вороний след
 имя фото фамилия сумма лет
 и на ленте пластмассового венка:
 «памяти грибника»

ОСЕННЕ-ДАЧНЫЕ МОТИВЫ

лужа замёрзла сморщилась стала льдицей
 клёновой лапой октябрь в балкон стучится
 руки рубашки выворачиваются на ветру
 словно зовёт свежестырянный умрун

покосившиеся заборцы запертые колодцы
 тот кто ушёл за яблоками не вернётся
 крадётся в крапиве краплёная солнцем кошка
 воздух пронизан стылой лесной морошкой

воздух пропитан закончившейся надеждой
 осень присыпала щебень, растущий между
 шпал
 серым снегом и жёлтым треском синичьим
 мерзко туманно
 очень
 аутентично

* * *

мы шли мимо этого места
и я тебя слушал вполуха
и ты мне сказала невеста
а мне показалось старуха

и ты мне сказала ворона
а мне показалось старуха
и ты мне сказала влюблённый
а мне показалось старуха
и ты мне сказала свернём-ка
а мне показалось старуха
и ты мне сказала потёмки
а мне показалось старуха
и ты мне сказала присядем
на лавочку эту я так устала ходить
запыхалась ветер чёртов мороз
крыса тащит синицу смотри
фу какая-то липкая спинка
есть зажигалка открой бутылку

а мне показалось старуха
со мной идёт вместо тебя

* * *

до первых седин до нового подборodka
обычно надоедает любовь и водка

крепкое море юному по колено
пока невзначай не коснётся яремной вены

чуешь волна железом кусает шею?
так умирают люди или старшеют

так выпускают боль и впускают опыт:
лучше чем было но хуже чем быть могло бы

рубчик на коже синий и светло-тонкий
уровень роста внутреннего ребёнка

уровень жидкости вытесненной наружу
из этой уже не глубокой и глупой лужи

* * *

Я попыталась описать
В который раз – увы, напрасно –
Неназываемую часть
Ненаступающего счастья

Ах, почему же так тихи
Метафоры в вербальной раме?
Я рву опять свои стихи,
И снова рвёт меня стихами

Пробел, пробел, интерробанг
В строку разреженным курсивом.
Когда не знаешь, что и как,
Но чтобы всё-таки красиво

Александр Маниченко

* * *

За спиной ничего, за душой ты
 На страшном языке темноты,
 Ничего не видя.
 Я беру тебя за руку, мы идём.
 Вокруг нас глухой лес, впереди молчаливый дом,
 Всюду ночь нависла.

Воздух чёрен, птицы ещё черней,
 Наверху луна со следами ветвей,
 Мне стыдно –
 Я боюсь идти, где же свет в конце,
 Дом, в котором тень на твоём лице,
 И лица не видно?

ПОШЛИ

1

когда ты так плохо ведёшь себя
 что мать не находит слов
 усостить увещать тебя
 а просто глядит без слов

на самое чувство вины твоё
 тут я выхожу опять
 и мы вдвоём
 уходим идём
 снова хотим играть

2

вчера́сь быть может никогда́сь
 мы видели себя
 где пуговка оторвалась
 упала больше не нашлась
 там замирает ждя

зудение желание
 заполнить пустоту
 катанием скаканием
 игранием страданием
 хоть чем-нибудь вот тут

3

надысь тут смысл пробегал
 теперь же ничего
 нам не осталось от него

он как коричневая пуговка в коричневой пыли
 в далёком детском лете упала не нашли
 и нитка порвалась связующая дней
 мы победили мы свободны что теперь

мы липкие от страха
 холодным потом пахнем
 у нас у всех изъян
 что мы не обезьян
 и даже нет претензии
 на то что не гортензии

мы полый люд
 морозных слюд
 идут белые бреды
 нашей ужасной победы

ФИНАЛ

1

читай меня как книгу или диск
как флэшку партитуру или роль
промежду строк и поверху страниц
не дочитав возьми меня с собой
возьми меня открой и посмотри
какие звуки/знаки у меня внутри

бери меня измором на слабо
за горло на испуг за корешок
носи меня в кармане и в метро
следи чтоб не пропал и не ушёл

храни меня как тайну на уме
штудируй как учебник поутру
т. е. специализируйся на мне
не выпускай из рук

смотри меня как зеркало как сон
разгадывай как тетраграмматон

направь меня как мотылька и пламя
считай меня как ускользящее время
читай меня как собственное имя

2

это я а не ты вышел на свет
полный любви
по колено печаль и под сердцем секрет
уже не твои
в том они что ты всегда в тени

поэтому я и привёл тебя в дом
руками обнял
телом объял тебя животом
в рот тебя взял
(мне не очень понятно кто кого взял)

предательским телом краской стыдливой
чем-то внутри
семечком спермой слюной царапиной прокушенной губой
языком неповоротливым некрасивым

говоришь во мне
через меня говори

3

ах чёрные чайки кружатся над частным телом
кричат печально и жадно ждут когда поживёшь
падальщики несмелые
отбирают любую вещь
плакальщики говорливые, што вы ждёте
когда я тут сгнию на корню
буду как тот поэт забуду любые слова
не смогу ни добра ни зла
ни ярости ни тоски

ах любители чужой победы спутники моего поражения
правильное подчеркнуть
слетайтесь как голодные вороны вот мои глаза
вот мои внутренности
вот грудь и язык
берите его раз я больше никак никогда
ни добра ни зла
ни ярости ни тоски

што дальше, рассказчик?
мой автор-повествователь, што ещё уготовил ты
какие ещё повороты какие финты
для чего я потребен сюжету если всё уже позади
и нет у меня
ни для кого
ничего своего
ни добра ни зла
ни ярости ни тоски?

* * *

у моего садовника красивые руки большие травы голубые розы
за его спиной вырастают деревья как драконыи зубы
живые изгороди
чертополох отдал колючки другим ромашкам

в его саду настоящее лето тропические птицы райские звери
вечером цикады кузнечики богомолы восхваляют его как умеют
а искусители неприглядные гады мелкие твари?

весёлые ящерицы цветные змеи а вот они

* * *

*офелия лежит на сонном поле
офелия лежит на тёмном склоне
офелия лежит на тихом море
офелия не ощущает боли
здесь может быть любое слово кроме*

я девушка красивая из книжки
я девушка красивая и с книжкой
меня вчера жестокие мальчишки
смеяся в нашей речке утопили
красивая и мёртвая я пела:

«равнины Зельды покрывают маки
чернее ночи злобные цветы
все люди умерли как бедные собаки
все люди умерли от ядерной зимы
и проросли голодные цветы»

наш город – город братовой любви
все люди в нём цари и короли
война и революция прошли
лишь я плыву в могиле как в реке
и слово доброе держу в своей руке

* * *

я и детство моё: мы сидели под вишней и ждали,
отдыхали в тени, лежали и будущее предвкушали
(и кислые сладкие вишни вкушали:
одну через две в жестяное ведёрко бросали),
так чего-то боялись и в это же время желали

я и ты, собиратель плодов моего созревания:
мы застыли в саду на пороге тяжёлого знания
(ты прижался к траве, я смотрю на рассвета сгоранье,
мы предчувствуем наше не скорое, но окончанье),
ты ещё не боишься, но уже начинаешь стыдиться желанья

*тяжёлая лёгкая память,
неловкое горькое знание,
сладкая ягода, кислая на языке, и полдневное пламя,
детство и всё что далее –
всё у меня в кармане.*

* * *

мы идём по набережной любви
у меня прибой крови в ушах шумит
у меня в глазах бессловесные буквари
и от нежности крошится сердца гранит

– говорит весна говорит весна
работают все радиостанции большого сердца
пламенеющая это цветёт москва
в тысячезвёздное зеркало не наглядеться

– а мы идём такие по тополиной аллее
целого мира больше громче добрее злее
влюблённее и сильнее

Сергей Матросов

* * *

Город гордых и покорных,
где спокойно, без ужимок
Берлиозы тянут горла
вдоль трамвайных сухожилий,
город громких похорон,
город ангелов по найму,
город-робот, город-клон,
грудью вставший между нами,
город гари и тоски,
доморощенной печали...
Телефонные щенки –
им никто не отвечает.
Город сохнет на мели
в теле старческом. С досады
чудо-юдо рыба-лифт
пожирает адресатов.

* * *

Скисает время. Мироточит свет.
В чертогах сна теряют форму вещи.
Всё в этом эфемерном человечьем
паноптикуме сводится на нет.

Всё движется кругами в голове
исподтишка, на цыпочках, по Брайлю...
Кентавры по вельветовой траве
плывут сквозь этот хаос церебральный.

* * *

Одной декоративной, толстокорой,
токсичной, скоропортящейся ночью
казалось, что злокачественный город
нанизан на трамвайный позвоночник.
Поскольку поголовье эмбрионов
кирпичной комфортабельной плаценты
ворочалось в лучах неугомонной
лоснящейся звезды люминесцентной,
трассирующий ангел из акрила,
стирая пробензиновые слёзы,
линялые свалявшиеся крылья
расправил на спине фурункулёзной.

* * *

Заикается взбалмошный, маленький,
конвульсивный, до дырок протёртый,
суетной гуттаперчевый маятник
на пеньковой верёвке аорты.
Растворимая, как привидение,
с нитевидной, мерцающей речью
к твоему кровеносному дереву
смерть приходит как краснодеревщик.
Смерть приходит как краснодеревщик...

* * *

Такой творительный падеж,
что имена крупней молитвы,
сплошная музыка, мятеж
и безрассудная палитра,
сплошная мука, тетива
и непчатая держава,
где неизбежные слова
живут в божественных пожарах.
Пока враждебных алтарей
безмолвны дактиль и гексамер,
в тебе свирепствует свирель,
другое сердце вырезая.

* * *

Скрипка – это скипетр тоски.
Горести и скорби не жалея,
смаковать стерильные соски
девочки, смородины, свирели.
только взбунтовавшийся зрачок
никакой сетчатке неподвластен,
и уже не бритва, а смычок
бороздит коросты на запястьях.
Остаётся плакать и гадать,
лепестки, как струны, обрывая.
Музыкою вправе обладать
только небо, ветер и трамвай.

* * *

Прямая речь течёт наоборот,
и сучий грифель, сбившийся со следа,
покалывая слева, рыщет слепо,
как некий корень, кабель или крот.
Прямая речь от вдоха до глотка
трассирующей костью встанет в горле
для сотен сухопарых и сонорных
исчадий твоего черновика.
Прямая речь всегда нипочему,
идёт навывлет, словно этот лживый
купированный взгляд, неразложимый
на киноварь, на сурик, на сурьму,
гадая на графитовой пыльце,
снует по закавыченной свободе
во множественном-множественном роде
в единственном-единственном лице.

* * *

Аммиачен, аморфен, простужен и зол
мегаполис, натёрший глазную мозоль,
до поджилок метро измождён.
Инстинктивно противясь всему, что извне,
даже солнечный волк на кирпичной стене
почернел под прицельным дождём.
Чересчур холостой и блуждающий взгляд
через форточку будет брошен назад,
как тупая шальная звезда.
Чёрт-те где, потерявши желание жить,

в никаком однокомнатном морге лежим,
оголённые, как провода.
Обоюдоостры, разучившись летать
и любить, ждём, когда же ночной телетайп
через нас что-нибудь ниспошлёт,
чтоб в насквозь аммиачном, прокуренном, злом,
чёрт-те где, под прицельным, с шальной, в никаком,
потерявши, лежать оголё...

* * *

Так с годами лицо обретает черты
заскорузлых пейзажей,
барахла, болтовни, толчеи, суеты
или, в общем, пропажи,
навевающих злость своих оспенных черт,
где в изнанку мучную
поцелуй или пуля, упрёк или червь
входят только вручную.
Словно с возраста скальпелем заживо снят
задубевшего грима
чернозём, укрывавший прыщи, да сквозняк
сигаретного дыма,
покидая уста, превращается в нимб,
угасая на плаче, –
то, что он обнаружил внутри, объяснить
не умея иначе.

* * *

И под этот трамвай я уже попал,
не замечен никем, и
в городском антураже застыл навсегда
в амплуа манекена,
в амплуа игрока, прозевавшего шах,
и теперь – для насмешек –
суррогатом крахмала в кисельный ландшафт
ненароком подмешан.
Только профиль с чужого плеча – напрокат –
облупился и выцвел,
да какой-то чужой снисходительный взгляд
имитирует выстрел,
да в обугленном рту всё толпятся слова,
доводя до икоты,
но и те, как назло, ни плевать, ни глотать
всё равно неохота.

* * *

Вплывая в явь, взмутив осадок
кошмара, новый распорядок
придумывать с утра,
поерепениться, побегать
по углям, потерпеть победу
на поприще утрат,
пуская кровь на все четыре
строки в строфе, стены в квартире,
на илистое дно
уйти, где лёгкость или ясность
сродни изжоге или язве,
не ставшей прободной,
вращая в пол багровым корнем,
учуяв на исходе горла
толчёного стекла
колтун, уставши строить козни,
остаток дня отдать за гвоздик
для муляжа крыла.

* * *

Двоих взаимовыжатых сполна,
как никогда друг другу параллельных,
дрожащих на весьма узкоколейных,
перипетийных, вынесла волна
в периферийный морок, в никуда
и бросила – разъятых, томных, потных,
изверженных – на суетную отмель
дрейфующего будничного льда,
заиндевав, навыворот, навек,
навзрыд, плутая млечными путями,
сучить зазря сердечными культями
навыкате, живьём коричневеть,
у каждого приبلудного тепла
затравленно задерживать дыханье,
как маятники, что не затухают,
а выгорают медленно до дна.

* * *

Слишком зоркие бельма. Ночами
воспалённая тьма нарастает,
и желание взгляда крепчает,
и зудит мускулистый хрусталик.

В перспективе, когда конъюктура
обретает рассветный оттенок –
только патина и паутина
не совсем стекловидного тела.

* * *

Намолчи мне того, у кого никого,
у кого ничего, у кого никогда
не ночует любовь, только вонь и конвой
миражей, стерегущих его кавардак
бытия. Намолчи, намолчи мне про то,
как он сводит свою пустоту с пустотой
первозданной. Чтоб грифельный ангел во рту
обрастал арматурой и брал высоту
или в ртутном поту выгорал изнутри,
облаками и пеплом со мной говори.

* * *

Со звонким жемчугом в гортани,
где только связки и пружины,
то шепелявишь, то картавишь,
а если сны, то сны – чужие.
Со звонким жемчугом в ноздре,
в нашатыре, где рвутся птицы,
роняя гильзы в серебре,
со звонким жемчугом в глазницах,
со звонким жемчугом в груди
сверкать, выкрикивая шёпот, –
его нарезали круги
тюремных рёберных решёток.

* * *

Мои мишени ждут кинжала.
Всё то, что раньше мне мешало,
всё, от чего душа ветшала,
меня подстережёт.
Я боязлив и осторожен,
я полужив в железной коже,
но достаю свирель из ножен
и дую на ожог.

Елена Меньшенина

* * *

Ливень тебя поймает,
Ветра настигнет плешь.
Что у тебя в кармане?
Выброси – это смерть.

В жёлтых осколках крови
Раненый зверобой...
Время тебя укроет
Памятью с головой.

Скомканной тенью сада
Горло забив ручья,
Время у листопада
Смотрит из-за плеча

Или – вблизи ночлега –
Сгорбившись, как портной,
Ставит заплаты снега
На пустоте сквозной.

...Время твоё утонет,
Ляжет на дне груди...
Что у тебя в ладонях? –
Боже не приведи.

* * *

Город мятый, как спросонья...
 Губы тронет тишина
 Заскорузлую ладонью –
 Вот такие, брат, дела.

Снег ровняет мостовые
 И, морозу вопреки,
 Вяжет петли лицевые
 У изнаночной реки.

Соляную роговицу
 От безделья теребя,
 Лезет в горло и гнездится
 Прямо в сердце у тебя.

Ветер шарит за грудиной,
 Видит: пусто, ни души...
 В лёгких вместо никотина
 Оседают падежи.

Русло горла обмелело –
 Цедишь сукровицу слов.
 Снег ворочается слева,
 Нелюдим и бестолков.

* * *

Чинит бог карандаш, ледяной графит
 Собирая в горсть,
 Когда город вешает фонари
 На морозный гвоздь.

Берег держит во рту чешую воды
 Меж зубов оград.
 Ржавой влагой вызревшей темноты
 Истекает сад,

Где сухих небесных стрекоз возня,
 Листопадный рой.
 Будто птицы с горлом из янтаря
 Говорят с тобой.

Пустотой затянут речной порез
На равнинном лбу,
И вперёд ногами выносят лес
В меловом гробу.

А расплющенный воздух лежит пластом,
На стекло пролит.
И зимуют ангелы на шестом
Этаже земли.

ГРОЗА В АВГУСТЕ (ОТРЫВОК)

1
С рассветной мягкости, ржавея,
Сползает ночи кожа,
Когда забрызганы деревья
Чугунной кровью топора.

А воздух, в сумерки замотан,
Дрожит и морщится: саднит
Под кожей ранка самолёта,
Почти смертельная на вид.

И дождь, хромой и долгорукий,
На нитку августовских бус
Подвесил ягоду разлуки,
Почти смертельную на вкус.

В глазницах утра – ни соринки,
И в небе – покати шаром,
Грозы серебряная нитка
Его заштопала нутро.

Река раскинулась, зевая:
На дне – дырявей решета –
Спит кучевая, кочевая,
Окоченевшая вода.

2
Дремлет дом, тишину положив под язык,
И глядит пустота из углов,
А в окне набухает опара грозы –
Не пеки из неё пирогов.

Не мели дождевого зерна – у тебя
Оловянная выйдем мука.
Из неё мертвый хлеб замесила родня,
Но тебя не позвали пока.

Если, вспомнив, разломают его пополам –
Раскрошится над нами беда.
У меня за щекой неживая вода,
Но тебе я её не отдам.

.....

* * *

Дождь роняет золотые перья,
Звезды цедают птичье молоко...
Нехотя ворочают деревья
Скомканным от ветра языком.

Облаков разбросаны заплаты –
Темнота в прорехи не видна.
В землю между пальцев листопада
Утекают птицы, как вода.

* * *

Когда трава лоскутная нелепо
Заштопана зигзагом стрекозы,
Когда трещит натопленное небо
В удушливом предчувствии грозы

(Так ждёт душа другого тела), словно
Бог в безголосой прячется строке
И, рассыпаясь в воздухе бескровном,
Юродствует на птичьем языке
Дождя.

* * *

Снег выворачивает веки:
Простор заутренний знаком.
И замерзающие реки
Скрипучим трутся позвонком

О чашу воздуха. И парка
Прорехи светом проросли...
Двояковыпуклая арка
Глазного яблока земли,

И солнца выжженная яма,
Рябин венозная картечь...
Попытка времени и рамы
Сквозным пространством пренебречь.

* * *

*Зажгу без умысла свечу,
И кухня потеряет стены...*

В. Феркель

Прорежется царापина свечная,
И комната распухнет, как десна,
Опилками пространства наполняя
Прорехи неевклидова окна.

В них роешься, как в лёгких перед вдохом,
Как в вязкой речи рыбьим языком...
И пустота за пазухой у Бога
Свернулась самолётным узелком.

* * *

Здесь птицы, распрямляясь в облака,
Роняют крылья цвета белены
И с мёртвого земного молока
Снимают пенку липкой тишины.

Ещё ползёт дырявая смола
По скомканной изнаночной воде,
И берега, сомкнувшись добела,
Бескостный воздух носят в кулаке.

А он растёт плашмя, чтоб на лету
В речное горло вмёрзнуть удалось...
Как мякиш, растворившийся во рту,
Земля собой пропитана насквозь.

* * *

Голос леской морозной вытянут
От полыни до полыни.
Дни прозрачны и оглушительны,
Будто мёртвые соловьи.

Там, где небо, как нёбо, скручено,
Перевернуто, как строка, –
Кровяной узелок созвучия
Под излучиной языка.

Теребишь соляное, косное,
Коренное – хоть бритвой режь,
Небо трётся пустыми дёснами,
Зажимает земную брешь,

Шевелит неживое, тусклое,
Когда рыбы приходят лечь
Вдоль воды, что слепыми сгустками
Переходит в стекло и речь.

* * *

Ты умрёшь в сентябре, то есть выйдешь из дома живым
И с лица отряхнёшь пустоты стрекозиные крылья.
Ветер режет повдоль сухожилия раскосой травы
И становятся пчёлы живой позолоченной пылью.

Упираясь дыханием в нёбо (читается «не-»),
Ты по-птичьи ложишься в себя поперёк тяготенья,
И растёшь, как вода, параллельно прокисшей земле,
Как крыло тополей в геометрии лиственных перьев.

Птица в профиль похожа на слепок с её языка,
Твоего – моего – то есть между- и среднеязычья,
Это с мёртвых деревьев стекает сухая река,
Это войлочный зной истончается в воздух тряпичный.

Ты умрёшь в сентябре – и наутро не вспомнишь, в каком –
И туман расплзётся в разбитом небесном корыте,
Будто рыбы, напоены плоским своим молоком,
Между пальцев моста натянули стеклянные нити

И по ним проплывают вслепую, как речь и слюна,
Из гортани реки вынимая белёдые кольца...
Между высохших век распрямляется бабочка сна,
Пуповину дождя намотав на свое веретёнце.

Сквозь тебя прорастает луна оловянным зрачком,
И сухая гроза обнажает шершавые рёбра...
Когда голос изогнут тупым рыболовным крючком,
Промедление имени смерти уже не подобно.

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ДЕВЯТЬ ПИСЕМ БАРОНУ ТУЗЕНБАХУ»

1

Ночью деревья спят наизлёт, как реки,
С собственной тяжестью в трещине горловой.
Прячет устало барон Тузенбах под веки
Сад, беспощадный, надменный и снеговой.

Так я древесный озноб хороню ночами,
Хрупкий, как имя, в нёбном сыром песке...
Мы говорим, как замок говорит с ключами,
На невозвратном скрученном языке.

Мучим железное, звонкое, кровавое
Между губами. Душно и несветло,
Будто проснулся с бабочкой под десною,
И не понять, как слово там заросло.

2

Покуда мертвый сад замотан, как в рубаху,
В изнаночный простор, исхоженный до дыр,
Деревья говорят с бароном Тузенбахом
На плоском языке раздавленной воды.

Покуда пишет бог не белым и не чёрным –
Занозами листвы, янтарною золой,
Река лежит плашмя с остекленевшим горлом,
Прошита до дна древесною иглой.

Барон считает птиц, прижатых к изголовью
Изогнутой земли, растущей сквозь себя,
И воздух изнутри не совпадает с кровью,
Заштопав пустоту меж ребрами дождя.

Деревья налету распластывают кроны
И наугад плывут вдоль собственных корней
По руслу темноты – и не заснуть барону
В промёрзшей до земли отвесной тишине.

Ольга Мехоношина

* * *

К своим не сразу соберёшься в гости.
Сначала шают угольки во тьме
неярких станций, переходов поздних
промотанные наскоро кэмэ.

Едва войду – сон в руку – в реку – кокореку,
по-давнему меня покликай.

Свет лазит сквозь разошедший сарай,
кот лижется, пропахнув человеком.
Ну проходи! устала? дверь плотнее! –
снег вздрогнет, не проснувшись, дом обняв.

Из чашек валит пар, неспешно зреет,
и кажется травы... Вздых –
и каждый прав.

Намоленное небо за лампадой
синё и обещательно вблизи.
И ничего действительно не надо.
Но как-нибудь нас, дураков, спаси.

Ту шевелёнку на ветру-весу –
со всеми колокольнями, плетнями,
сугробами – в квартиру донесу
и выложу, копируя, рядами.

А фото – только общее, одно:
похожи стали...

Непохожи стали.
На прежнем, изначальном и родном,
неподалёку –
поминай
как звали.

* * *

Руки мои – на платье,
край в коленях зажат –
скроены под объятъя:
будто ничьё, лежат.
Вздрагивая на стыках,
тронут на лбу орла
в паспорте многоликом:
не за себя жила.

Да, – отвечаю, – села,
выключу, чтоб не сел.
Свидимся, раз по делу
(не разобрать совсем).
И придвигает время
к детям сады-города:
пусть посидят со всеми
и убегут туда.

Каждый мгновенен в белом,
в семь(десять) с долькой лет.
Ждёт кипяточка слева,
сахарный на просвет...
Быстрая это тема:
– Сам-то был, помнишь?
– Н-нет...

МУРМАНСКИЕ

Насыпало декабрь, перевязав нас туго.
В ладонях стали глубже очертания дорог.
Полярная слюда, не помнящая юга,
Сияет да молчит, и ты не одинок.

Залив не пустота, а прогудит в тумане –
И страшно, аж смешно, и дважды не войти.
А вытащат за так из кольской иордани.
В рясницах иней – жжёт и яростно блестит.

Так явно нету дня, что едем как в подлодке,
Но держатся, зовут – мне к Ждущей, нам – Уют...
Так мало, что – родня. Так мёрзло – чётче фотки.
Прижатые носы
Мой выход стерегут.

* * *

Скольжение города, кардиографика, транс...
Молчанье водителя в тему, надцатый час.
Красивые дети плывут на задних сиденьях,
Уснув от тоски, уронив эскимо на колени.

В конце еле-улицы – вечер, где бар, и кино.
Один из пустых, где от официантов темно.
Кондеи жужжат, норовя, охлаждая колена,
И юбки колыщут у юных мерилин удивлённо.

Против света фигуры неузнаваемы, но
Спиной тихий зритель сольётся с героем кино.
В каждом мужчине запросится воля к беде.
Шалава, подсевшая с краю, заплачет нигде.

Художники прибавляют за фоном фон.
Характеры ясны – с пелёнок до похорон.
Но в самом финале заметно теряются смыслы.
И ласточкой, дико – брови актрисы.

И всё наступающее скажется здесь и уже,
И всё, что надумано нами, нас пере-жеже:
И стороны света, и сны, и секреты пирожных...
Любой наш потомок укажет: всё было возможно.

И ждёшь королевских кортежей под евроокном.
И отпуска. Новой клубники. Гостей за столом.
Поверив, что это и так обладание миром.
Чтоб петь, пить, спать, жить, продолжать, танцевать –
трам-там-тирам...

Вокруг с легковесным апломбом сгорает Москва.
И вдруг из невнятной волны выносит слова,
Как шоу продолжим, ку... Мир и станет оплатой,
И милостив Бог.

Нам слышней навигатор.

* * *

И сразу понесёт в такую рань, что да-а-а-а... –
Откроешь длинно рот – а нечего туда.
Присутствие дождя за сталинкой-стеной –
Точнее, чем прищел, чем хлыст за головой,
Затопит, как сосед, – за громкое вчера...
За волоски травы цепляются ветра,
Чтоб – почву из-под кед. Невиноватых нет.
Пойди, умри за burn и пачку сигарет.

* * *

1.
Перелётная птаха с оседлой не уживается.
Домовитое «жду на обед» остаётся в месседжах.
Чечевичное варево – так себе тема для аиста.
И суёт суета, но ни времени толком, ни мест уже.

Кочевые глаза не прощаются, разом срываются
Крупной рысью в дальние броды тёмными тропами.
Огибай теперь, медленной вспышкой, бусым ли зайцем.
Возвратись потом,
Чтобы я тебя просто потрогала.

2.
Если за день свести gps-ы нам, то – вот-те-мандала –
Ахалай-махалай выясняется, движемся посолонь,
Отстаём, заползаем во двор,
В душе греемся наголо
И лежим в темноте не свои, гудящие, бóсье.

А орбиты скрипят на ветру, всё-таки вертятся
По глазницам во сне пробегает волна, и явится:
Мироздание в наших садах уподоблено лестнице,
Где курлыкают птахи.
И пёстрая певчей нравится.

* * *

Длиной в летящий сад – смешки клубками –
К сырому небу, стужему, влитому...
Ещё стихает в позах листьев пламя,
А хочет очень, аж растёт над нами,
Снежайший бег, нечаянно весомый.

Твой рокот низок, в нашем между-речьи
Все струи – ...люю, ...тую – к поцелую.
Простяцкий хэппи-энд. Погода лечит,
Уваривая сумерки покрепче,
И улично чайнками танцует.

Ни а, ни бэ, а чисто третье с краю,
Пообещай мне, только точно, гулко.
Печаль со лба щекотно убираю.
Так, друг для друга, и выходят к раю:
Рука в руке, вот этим переулком.

* * *

Цветастые сны выгорают на скорости лет,
И вот остаётся пребелая даль, как трава.

Пока её кажут, всё ясно, о чём ровный свет,
О чём кулаками не машут, спустя рукава.

Пока она брезжит в глазах, рассветает на треть.
Нас так берегут, что дают постепенно прозреть

И в лицах наткнуться наутро, очнувшись едва,
На солнечный блик, на прощение, где не права.

* * *

Кашель в шарф. Аллея стелет мелочью,
И фонарь – топлёным угольком
Вздрагивает, осеняет желчно.
Прочь пора – ни пухом, ни пером.

Ветер наутюжит под мостом
Самый тёмный кадр, вкось – зазубрины.
Вылить голос вдаль, и стать пустой.
Я ушла. Не всё ещё заглужено.

* * *

Сад устал... Запри хибару –
Скрип и шорох, звон ключей.
Бабушкин, советский, дарый,
А оглянешься – ничей.
У газеты год не тот.
Сивой кошке смех неведом,
Дальше тихо отстаёт
Внешность, пахнущая снегом,
И вообще слиняет следом.
Не поверит,
а поймёт.

РОДНОЕ

Это было так давно или нет,
Что тайга – с порога крайней избы.
Деревянные немые столпы,
Им на головы надвинутый снег.
Уменьшаясь, как чужой самолёт,
Пропадёшь, а он останется – лес.
Потому что он всё время был здесь,
Оттого что тут никто не найдёт.
Под горой такой шалман на селе:
Избы курят из-под беленых крыш,
Так же кони в стойлах дышат во сне,
Хорошо, когда им в шею молчишь.
И уходишь, а внутри – тишина.
Долго слышно, как гудят мужики,
И поют, пока не видно ни дна.
И, как валенки, следы глубоки.

* * *

Шестое августа... седьмое,
И банки выставь на окно –
Чужое лето проливное,
Потом темно.

Вода, шагающая в стену
И опадающая в сад,
Где георгины о колено
Ртом шевелят.

Косяк по трещинкам, по датам
Прочти – на пальцах пыль и свет;
Как будто всё отдельно снято,
Пока нас нет.

* * *

Постельное будете брать,
Смотря на себя в темноту.
Спроведят куда – и опять,
И снова ту-ту, да не ту...

В итоге – отсюда сюда.
Окажется – было вперёд.
Цветнеет оконный восход.
И около ока – вода.

А дни на-гора совпадут,
И станешь в чём мать родила,
Забудь от тепла до тепла –
Как часто нас не было тут,
Какая я дура была.

* * *

Здесь очнуться и приять – никуда...
За ночь прошлое раздули ветра.
Солнце будит, как ручная вода,
И хозяйничает дома с утра.

Всё прозрачное проденет в лучи,
Пол прогреет и пылинку уймёт.
Тварь, которую ты сам заручи, –
Молча под руки протянет живот.

Звонче яблоки, чем ближе к нулю.
И забывны впереди холода,
Хороши, и не смеюсь, а люблю.
Так заметно, что не молвишь, а – да.

* * *

По чётным ходит поезд на...
Непешеходная страна.
Собака лает, ветер просит,
И пережить никто не в прозе.

Лишь пополам заметно сверху,
Как дождь цепляется за ветку
И падает, чуть-чуть паря,
На рубероид ноября.

* * *

Эхом в городе множатся сны,
Как секунды, почти повторяясь.
Я забыла, кому обещалась.
Да и ты не разбудишь к восьми.

Кофе пахнет тобой с коньяком.
Ищешь сонно, а руки без силы.
Научившись ходить далеко,
Я, конечно, тебя не спросила.

* * *

Застыть вдвоём, пока софит задворков
Ресниц коснётся, не затронув глаз,
и небо станет ближе на две створки,
распахнутое в комнате у нас.

Душа найдётся, потому что дрогнет,
и в темноте её очнётся высота.
С прищуром человечьим ждёт ворона,
не отпуская воздух изо рта.

Растительного страха в половицах
опомнится сырая визготня.
Пойдём дышать – фонарь сипит в петлице
И крошит снег из своего огня.

Алексей Миронов

НАКАЛЯКАНО В ВОЗДУХЕ ДЕРЕВО

сыну Матвею

Накалякано в воздухе дерево
в окружении галочек-птиц.
По периметру травки да клеверы
чостоколом простых единиц.

Так увидел ребёнок мой утренний
мир в обратке вчерашнего дня,
где бредёт человек перламутровый,
непохожий точь-в-точь на меня.

ИЗ БЛОКА

Любви, здоровья, тихой славы,
как сон, как утренний туман,
желает всем Акутагавы
внепрозаический дурман.

Умрёшь – начнёшь дышать сначала.
И повторится все опять...
Перманганат. Пелёнки. Мама.
Коляска. Папа. Погулять.

СУРОК РАЗБИВАЕТ ЛЁД

Молчат, как сурок об лёд,
еловые города.
В них вроде бы все течёт.
В них только беда – беда.

Их столько прошло на свет,
на выверт и на шумы.
«И нашего неба нет», –
сурок шебуршит из тьмы.

Всё прописью решено,
прошито по всем углам.
Еловые города
напоминают нам

О том, как прозрачен дым
с другой стороны воды,
о том, что и мы – не мы
с другой стороны беды.

СЕЙЧАС СОТВОРИМ И ПОКУРИМ

«Сейчас сотворим и покурим, –
Сказал и устало вздохнул. –
Так много космической дури
Я в это творенье вдохнул.

Так много, что им и не надо.
Пусть будет светить иногда
В волшебную мглу листопада
Лесная ночная вода.

Они повздыхают на небко
И божью коровку спугнут.
И все ожидания редко,
Неправильно сбудутся тут».

И вот от такого «покурим»
Плывут до сих пор облака.
И аурум тонет в лазури.
И в звёздном укропе река.

* * *

памяти А. Балабанова

всё еще спишь в этом каменном веке
каменным оком в себя обратясь
на проходящем впотьмах человеке
тушью начертаны холод и грязь

тусклый фонарь в фиолетовой раме
он пронесёт мимо всей тишины
вот и твои похоронные сани
в разные стороны будут равны

НЕ ВОДА

И то, и всё, и бездны на краю
я чай попью с ромашковым настоем,
а жизнь течёт не в такт календарю
под тем мостком, где все горчим и строим.

И нет мне тела до других страниц,
в которых неизвестность выше смерти,
и тех не злых пока что медуниц,
что в душу мне протягивают стебли.

Судеб травошептанье: лебеда,
и водосбор, и рута, и мокрица...
Прости меня, но ты мне не вода:
ни утонуть, ни выпить, ни умыться...

ТОЛЬКО ТРАВА

как умирает мир
где-то за головой
шум переходит в дым
всё ещё там живой

ты не дыши мне так
и не ищи слова
всё укрывает в ночь
только трава трава

ВЫХОДИ, ГОВОРIT НИКОДИМ

выходи говорит никодим говорит
выходи-ка парить никодим
никотин говорит не хотим говорит
ни колико ни како ни в дым

постоим говорит никодим поглядим
по своим по местам постоим
поелику как облак недвижим и мним
то и мы никодим не поним

помолчим говорит никодим подымим
поволочим-ка ноченьку чу
не поним ничего мы с тобой не поним
даже это своё помолчу

МОЙРИЧЕСКАЯ ГОНЧАРОВА

Мне лахтинские музы говорили,
Что Гончаровой, может, вовсе нет.
Но линии её автомобилей
На все трамваи проливают свет.

Где полумгла-полурассвет докучный,
Сплетает кисть невидимую нить.
За полотном гуляет ветер тучный
И обещает луч перекроить.

Разбился месяц молодой и ясный.
Архангелами пляшут небеса.
А там – она! Разводит музам краски.
И размывает линии лица.

ПОКА НЕ ПОГАСНЕТ ЖАСМИН

пока не погаснет жасмин
пока не остынет шалфей
ты будешь один на один
с ущербною тьмою своей

листы словно пепел легки
их морок протяжен и чист

пока это только стихи
пока это щебет и свист

пока это только вода
небесных чайнок настой
добавиться должен сюда
и кровью окрепнуть густой

но только умолкнет вода
и что-то уйдёт в переплёт
остынет жасмин навсегда
и тьма свой шалфей развернёт

ПРОГУЛКА

В лесу неслышим, невесом
Гуляет жёлтый лис.
А у опушки за кустом
Пьёт пиво гимназист.

Он курит избранный табак
И смотрит в забыты,
Как погружаются во мрак
Товарищи мои:

Леконт де Лиль, Артюр Рембо,
Апухтин и Готье,
Случевский, Надсон, Шарль Кро –
В крошечной темноте...

Их каждый слушал и молчал
О чём-то дорогом.
И жёлтым лисом лесом брёл
Аполлинер Гийом.

С берёз невидим, невредим
Слетает альбатрос.
Мир полон сна, мир полон грёз,
И перегной-навоз

В себе все мысли отразит,
И с оптикой червей
Слепая память в люльке спит
У вечности своей.

Ну что ж, гуляй же, гимназист,
Покуда даль легка!
Пусть наше сердце не замрёт,
Не задрожит рука.

И пусть не выучен урок,
Прогуляна латынь...
Но бледен конь, взведён курок,
В очах звезда Полюнь.

С небес недвижим, невесом
Слетает белый лист.
Из гимназиста за кустом
Выходит гимназист.

И жёлтый лис по одному
Вокруг него кружит.
А что положено кому –
Пусть каждый совершит,

Покуда есть у нас курить,
Чахотка и Сибирь,
Покуда флейтой нам трунить
Державинский снигирь.

НУЖНО НЕ ЗАБЫВАТЬ СПАТЬ

нужно не забывать спать
и принадлежать самому себе
нужно не нарушать стать
лучше летать или лететь во сне

нужно вставать в шесть
чтоб полежать так час самому к себе
нужно не уставать играть вальс
только на нижней и нежной своей губе

нужно ловить стук
братьев из Гримма всегда ждать
нужно любить или ловить звук
точно паук мух точно потьму тать

нужно бы все спросить
или не всё успеть
лучше бы так любить
как не сумеешь спеть

* * *

керосинит дождь по крышам
с самого вчера

я сегодня в стельку выжат
песней комара

пой хитиновый дракончик
пей мой резус друг

кулинарный патефончик
ласковый хирург

прилетай ко мне колибри
мягкий маячок

дождик крупного калибра
свесился в зрачок

вот и сядут на закорки
тучи надо мной

ущипнут меня за чёлку
вдруг да я живой

вдруг да около откроют
просинь в облацах

ёкнет поплавок в затоне
и утонет вверх

ЧАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Глянешь в прорезь языка,
в полуочный кремний Бога:
по задворкам кадыка
мало света, сердца много...

Закадычен, замутнён
задненёбный дактиль-птеро:
из глагольных то имён,
то из ветхого Гомера

вынимаем твой сверчок –
твой диод одноимённый.
Многословно спит молчок,
в створках месяца дозорный.

Божьим языком свечи
дышит чайная вечера,
и горчит обол в ночи,
и молчит моя потеря.

* * *

ты меня просвети
что мне нужен какой идеал
музыкальный эпиграф
вернадский апокриф язычный

вон меня уведи
где бы я не тебя узнавал
а ту девушку с родинкой
в левом раю земляничном

так опустится воздух
и выйдет впотьмах из себя
скверный желтофиоль
с оскорбительным именем птицы

всё печально звучит
и проходит помимо меня
через первые снега небес
да в секретные Богом ресницы

* * *

занять и выпить дождичек с утра
граничит с чем-то божьим и судным
каракули воды добра-и-зла
живым и мёртвым кажутся нетрудным
напоминаньем что в урочный час
в окрестном во саду ли в огороде

изымут нас перелицуют нас
и отнесут к реликтовой породе
в тот самый замысел в тот самый за
которым дождь снимает утром мерку
и ни занять ни выпить ни унять
в кровь аки посуху пуская водомерку

* * *

*видит сны вокруг
только да луна
да заветный друг
ляда да рожна*

В. А.

приходи в себя, дружок,
сакуру курить.
не с кем здесь, не видит бог,
не поговорить.

только точки с запятой
ермаком плывут.
только рыбы и покой
про себя живут.

про тебя валегин бор
сочинит рассвет,
где куриной слепотой
дышит всё в ответ

на твою да на любовь,
на твою беду:
через глаз да точно в боль,
в точку, в ерунду...

...дым от светлых папирос
сеется в виске.
смерть на камушке сидит
и на волоске.

* * *

ты слышишь снег
ни мёртвой ни живой
водой переиначивая наледь
геометридка сна висит над головой

нельзя её за так за Боже мой убавить
остановить
ни мёртвой ни живой
и ни водой твоей первопрестольной
пушистый бражник с мёртвой головой
с двойной начинкой жизни до-ми-сольной
макает крылья
в сильные сады
за зиму выпавшись в горах где пахнет мёдом
где вшиты в снег небеличьи следы
ты мне напишешь самурайским йодом
изящным почерком
что твой больной Исса
по ранкам кисточкой скользя из Кобаяси
вся бабочка летит в мои глаза
через зрачки да к смерти восвояси
ты дышишь в снег
налево от себя
ни мёртвый ни живой по кругу таешь
пока кончается период меловой
и ты его орбитами вращаешь

Елена Миронова

ЧАСОВОЙ

Ночь. В ней свет – почти прифронтовой,
над твоей встающий головой,
пальцы перепачканы черникой.
Ты, дружок, сегодня часовой,
и, увидишь если: кто живой,
издали на скрипочке пиликай.

Дольний космос густо начинён
длинным-длинным перечнем имён –
вот на свет плывёт из перелеска
люди работный, офисный планктон
с яблоком, которое ньютон,
в облаке, которое гандлевский.

Всякого утешь и сохрани,
от ножа и сглаза отжени,
отлепи от хвори и от дури,
отомри от яда и огня...

И сыграй, мой ангел, для меня –
чтоб застряла жизнь во мне
..... как пуля.

* * *

июльский зной становится густым
 в молчанье опрокинуты кусты
 на дно травы уходят города
 ни имени ни звука ни следа

закрой глаза прислушайся замри
 гул яблока у яблока внутри
 и лёгок свет и тень его легка
 и в сердцевине яблока – река

нежнее слуха медленней воды
 из-под коры глядят в тебя сады
 и пахнет день малиной и халвой
 и бог в тебе и больше ничего

РЕЧНАЯ ГАЛЬКА

I.
 Поблескивает полдня чешуя,
 согретая дыханием жилья.
 Бог, как и прежде, прячется в деталях.
 В спиртовке лета догорает спирт.
 Скрипит крыльцо. И жизнь моя скрипит
 не больно так. И потихоньку тает –
 сладчайшей ватой... леденцом во рту.
 Ещё чуть-чуть – и снова прорасту
 с той стороны божественного ситца:
 увижу маму, обниму сестру –
 и не умру... конечно, не умру.

Не плачь, мой ангел, нам всё это снится.

II.
 Закрой глаза и сосчитай до ста...
 Игра нелепа, и ладонь пуста.
 Речная галька тянется к обрыву.

Но каждый день и каждый божий час
 нас кто-то ждёт и кто-то любит нас –
 единственный... безгрешный... робкий... лживый...

Перелистай нас всех по именам –

и в каждом будут сладость и вина,
и встанет Бог над каждой половиной.

Уроки жизни подойдут к концу.
И ты прочтёшь по моему лицу –
как нежен снег и терпелива глина.

III

Когда никто не видит – оглянись:
там слева жизнь, и справа тоже жизнь –
крадётся, дышит, душит, проступает
с изнанки каждой вещи – пустяком:
монеткой, ранкой, облаком, цветком –
незримая... отважная... слепая...

Не бойся. Ты привыкнешь снова быть
и золотую пенку ворожбы
легко снимать с поверхности предметов.
Надежду и печаль кормить с руки.
И радоваться камушку с реки –
и жизнь любить... и смерть любить за это.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ РАЁК

Саше Петрушкину

Металлургический раёк
рутинным сном прошит,
пасётся ночь, нудит сверчок
в развалинах души.

Кого-то спят, кого-то ждут
за кромкой темноты.
Там в каждом доме книги жгут,
чтоб утром не остыть.

А ты – беспомощен и пуст –
стоишь на той версте,
где нас листают наизусть
и те... и те... и те...

Вокруг в поваленных лесах
гудит повальный спирт...

И зреет музыка в часах
и на зубах скрипит.

СВЕТАЕТ...

Человек начинается с моря. И он – это ты.
Проступает крупинками соль на лопатках столов.
Ты меня обнимаешь – выводишь из той темноты,
в середине которой не видно ни лиц, ни углов.

Осыпается взгляд, на лету продолжая стареть.
Обнажается речь, высыхает у самых корней.
Ты меня обнимаешь – всё меньше становится смерть,
превращаясь в неясную точку на белой стене.

И не больно почти. И не страшно почти ни о чём.
И цепочка следов с каждым шагом светлей и светлей.
Поднимается свет. Темноту подпирает плечом –
и становится хлебом и солью на каждом столе.

И становится мною... тобою... изнанкой воды...
новым словом твоим, что со всеми вещами в родстве...

Мы выходим к воде – прорастаем в *такие* сады,
где навстречу собаки и дети светают в траве.

ДЕМИСЕЗОННОЕ

Начинается вода.
Отступают в города
дачники и птицы.
И включают за собой
свет до боли голубой,
чтоб с пути не сбиться.

Остывает в кружке чай.
Ночь приходит выключать
лампочки в предметах.
Засыпают города.
Продолжается вода
и молчит об этом.

А внутри у той воды
детский смех плывёт как дым,
и почти у края
белый свет встаёт стеной –
над тобой и надо мной.
И не умирает.

ГОСТЬ

бродить по комнатам пустым –
искать для голоса посуду
и натекать на кусты,
расставленные здесь повсюду,
и вспоминать,
что все ушли,
что заколочен воздух тесный
и свет по чашкам не разлить,
отдёрнув утром занавеску,
что ты едва ли отличим
случайным зрением от пыли,
и голос твой – как те ключи,
что в суматохе позабыли.

ГАМЕЛЬНСКОЕ

У зимы в ледяном рукаве, голубом терему
прививали с рожденья тебе то любовь, то чуму,
и сажали в промёрзший до белых костей чернозём,
и пытали звенящею медью, водой и огнём.

Ты прижился, привык и пошёл, к удивлению, в рост:
по ночам твоё горло почти доставало до звёзд –
и стеклянная песня как мостик оттуда – сюда
на рассвете для нас выростала из чистого льда.

Как ты пел, боже мой, как ты пел! – мы сходили с ума:
оставляли детей и родных, покидали дома
и – влекомые песней твоей – уходили туда,
где трава зеленой, голубее и чище вода.

...Не вернулся никто – все остались лежать в той земле,
где зима расплетала хрустальную реку во мгле –
и на берег из мутной воды вперемешку с песком
медяки выносила и мёртвые тушки зверьков.

Их обгладывал ветер, нещадное солнце пекло,
превращая подкладку мечты в голубое стекло –
в голубиную высь, в бессловесный язык высоты,
возводящий из музыки каждое утро мосты.

ТЫ ГОВОРИШЬ «ПРОСНИСЬ»...

1

Ты говоришь: «Проснись», – и голос Твой
становится то снегом, то травой,
неосторожной ранкой на руке
и лодкою, везущей по реке
всех тех, кого не уберёт январь.
Они ещё не знают, что слова –
лишь высохшие стебельки люцерны...
И пробует язык произнести:
«дорога», «воздух», «дерево», «спастись»,
но только «смерть» выходит достоверно.

2

Выходит смерть, и больше ничего
не остаётся в воздухе и в теле:
так дерево – сухой каркас его –
ломает первый же порыв метели
и разбивает хрупкое стекло,
и за морями, за лесами прячет.
Ты помнишь только воду и весло,
а дерево становится прозрачным
и тает без следа на языке...
Но проступает заново за краем,
где ранка зарастает на руке –
то снегом, то травую зарастает.

УРОКИ ЛЕПКИ

Весь мир забудет обо мне. И ты...

... А я слеплю из этой пустоты
дорогу, пробуждение и милость,
сад, вертикально вписанный в листву, –
и эту местность «домом» назову,
и «сном» – всё то, что раньше мне приснилось.

И ты (который был дороже всех)
войдёшь в мой дом, услышишь звонкий смех –
и будет жизнью всё и узнаваньем.

В копне ветвей запутавшийся свет
вдруг станет меньше перечня примет
и больше слов, стоящих за словами.

* * *

Когда лампада лета догорит.
Когда трава износится до хруста,
и облетят с деревьев словари,
переполняя тишиною русло –
ты выведешь меня из темноты,
в которой звуку некуда причалить –

заговоришь. Слова твои просты.
Почти неотличимы от молчанья.
Почти прозрачны. Оттого легки –
их утром слижет первый луч с предметов.

...А мы с тобой – мы будем далеки.
От тьмы.
И света.

ПИСЬМО

перечитывай перекатывай перекладывай повторай пока
все слова потеряют вкус сходя с языка
перестанут болеть цеплять что-то там в груди
перечитывай выговаривай выгоняй вынимай веди
по каёмке смысла по лезвию ободка
чувствуешь тает лёд и поёт река
изречённый воздух трогая позвонком
обретая не смысл уже становясь цветком
перелётной бабочкой певчею стрекозой
а теперь то письмо закрой навсегда закрой
и забудь слова и сотри на воде круги
наклонись над ним и сон его стереги

ЦВЕТОК

твой взгляд приклеится к цветку,
повязанный волнением крови,
мир недовольно сдвинет брови
и приготовится к прыжку.

лес, перепачкавшись в смоле,
расставит сосны параллельно
и каждую из них отдельно
прикрутит намертво к земле.

смыкая плотные ряды,
кустарник хрустнет позвонками
и, ошетилившись штыками,
затопчет все твои следы.

к нему со всех сторон примкнут
поля и, подступая ближе,
твой взгляд, чуть удивлённый, слижут
с цветка за несколько минут.

всё перемелется в муку
и выпадет обратно снегом:
земля – с оскалом печенег,
и ты –
        сорвавшая
                чеку.

ЧАПАЕВ

посмотришь в даль однажды из окна
и ты уже убит и ты в ней на-
всегда прописан не пытаясь даже
ногой нащупать что-то вроде дна

в тебе урал опорный и густой
на дно зрачков плеснувший пустотой
и вашу связь навязанную свыше
нельзя назвать ни лёгкой ни простой

и потому не ведая зачем
твой взгляд блуждает в ельнике морфем
где ты давно без сна и аппетита
завис меж этим берегом и тем

глубоководный корчится урал
лизнув лица бессмысленный овал
в который смерть как в зеркальце гляделась
пока её ты в губы целовал

а всё вокруг кино и домино
слепая рыба тычется в окно
и передёрнув зябкими плечами
ты медленно планируешь на дно

* * *

время ничего не весит
сдуй с ладони и смотри
золотую корку леса
догрызают пустыри

тает светлая полоска
проступает всё ясней
угольный зрачок колодца
на небесном полотне

наскребёшь пятак на выдох
или сбросишься с моста
в чёрно поле месяц выйдет
целовать тебя в уста

выйдет месяц вынет ножик
ты стоишь ни мёртв ни жив
время лечит время гложет
время звёзды сторожить

* * *

дневного света обнажилось дно
ватин зимы натянут на подрамник
и этому б закончиться давно
но что-то оказалось неисправным

в застывший воздух в трещины его
врастает крышей флигелёк больничный
и с каждым годом крепнет их родство
а на крылечке курят медсестрички

их голоса подхватывает двор
летит дымок и никуда не тает
и длится бесконечный разговор
в котором смерть всего лишь запятая

Майя Никулина

* * *

Душа убывает легко,
не слышно, не видно.
Летает не так высоко...
Да ей не обидно.
Душа убывает, как свет
июньский приветный.
Редеет и сходит на нет...
Да ей не заметно.
Узрела заоблачный знак
и срока не чаёт...
Не больно, не стыдно, никак
душа убывает.

* * *

Только погаснет бег
солнечных колесниц,
так наступает век
большеголовых птиц.
Крепко они сидят,
смотрят из чёрных гнёзд,
выправив цепкий взгляд
под человечесий рост,

целятся в лоб и в грудь,
 слушают крик и стон,
 высмотрят где-нибудь,
 выследят, а потом
 будут к темну темно
 страшные сны копить,
 будут твоё окно
 клювом сухим долбить.

* * *

Сохнет на камне соль.
 Море о берег бьёт.
 В сердце такая боль,
 будто уходит флот.
 Парусный, молодой,
 яростный, как тоска,
 выпростав над водой
 белые облака.
 Просто глядеть вперёд
 с лёгкого корабля.
 Он – ещё весь полёт,
 мы – уже все земля.
 Нами уже стократ
 вычерпаны до дна
 суть и цена утрат.
 Только теперь догнал
 юный бессмертный грех –
 все мы в урочный час
 недолюбили тех,
 что провожали нас.

* * *

Друзья мои, сладчайшими словами
 не воротить и рук не отогреть...
 Как я хотела раньше умереть,
 чтоб никогда не расставаться с вами.
 Поэты, голодранцы, крикуны,
 живые дети смерти и войны,
 последние погибшие солдаты,
 ни перед кем уже не виноваты,
 посмертной славой не защищены.
 Оставшиеся грозно молодыми,
 застывшие в ребяческой гордыне,

глядите нам, неизвестным, вослед
весёлыми и страшными глазами...
Не в том печаль, что нет вас рядом с нами –
в помине нет... Уже в помине нет.

* * *

Всё степи, степи, серые пески,
сухие травы, каменные реки...
Тут перед нами проходили греки
и выпили всю воду из реки.
А может, скифы... Или крымчаки.
Мы едем долго, правим путь по звёздам,
живём в телеге, спим у колеса,
у нас в коленях птицы строят гнёзда,
нам бабочки садятся на глаза.
Мы обрастаем травяной грухой,
мы слепнем, глядя в меркнувшие дали,
зной тяжелеет, лошади устали...
Но держатся, они идут домой.
Возница, размечтавшись о ночлеге,
торопит сам себя: «Пошёл, пошёл...
мы едем, едем, накрывайте стол,
готовьте пахлаву и чебуреки...»
Закат за нами страшен, как пожар.
Но ветер сладок, но светла дорога.
Мы живы, живы, едем, слава богу,
из Ак-Мечети в Карасубазар.

* * *

За поворотом возраста и лета
земля белым-бела, черным-черна,
линяют непреложные приметы,
и камнем обрастают имена.
В большом обезголосевшем лесу
просторно, пусто, ветрено и голо –
одни жизнеспособные глаголы
удерживают время на весу;
убил, обидел, разорил, ославил,
извёл, измучил, руки развязал,
пришёл, разделся, сапоги поставил,
согрелся, лёг, ни слова не сказал.

* * *

Но тело больными ночами,
не в силах себя обмануть,
склоняется к бабушке, к маме,
на ручки, под тёплую грудь,
назад по теченью, в верховья,
где ты в родовой скорлупе
ещё не исходишь любовью,
а светишься сам по себе.

* * *

Так грозно во мне убывает природа,
что время летит напрямик.
Но живы мои херсонесские своды,
но крепко выросли в материк.

Но так на пределе, но так на просторе,
но так у сплошных берегов,
что манит и манит в огромное море
дельфинья улыбка богов.

* * *

Так далеко от отчего порога
предательское море отошло,
что внуки мореходов, слава богу,
легко забыли парус и весло.

И только птичьи стаи, посезонно
летающие на север и на юг,
Как не узнали берег оскорблённый,
Так и теперь его не узнают...

* * *

Всё грозы, грозы, беспорядки,
крапива разоряет грядки
и клумбы...
Упаси господь
увязнуть в этой лихорадке...
Малину разве прополоть...
А то ещё зимой, на святки,
ты снился мне один, в саду,
с кровавой ягодкой во рту...

* * *

Бежать куда глаза глядят и там
прийти в себя в заобморочном месте –
в Уруке, Фамагусте или Фесте –
уже не тянет и не по годам.
А тянет помнить, и благодарить,
и отпускные сроки проводить
в садово-огородной благодати,
купить шесть соток где-нибудь на Гати,
а если не получится купить,
проситься на посуточный постой
не далее Исети и Сысерти,
сознательно потворствуя одной
привычке проживать по месту смерти.

* * *

Зачем куда-нибудь, когда в Бахчисарай –
там теплится сентябрь в долинах защищённых,
и лучшие места под солнцем полудённым
не заняты никем – любое выбирай.

Там внятны и легки старания зимы,
и время ничего не стоящего снега –
не более чем знак, склоняющий умы
к величию огня и верного ночлега,

к величию жилья на улочке кривой,
к значению семьи, работы, урожая,
к безликости любви, к обыденности рая
меж каменных опор под крышей золотой.

Там сыплется в подол сухая синева,
там всё так долго есть, что хитрости не надо,
и просто обменять вчерашние слова
на яблоки из завтрашнего сада.

* * *

Есть от чего свихнуться – сума, тюрьма,
тайные страсти, мелкие огорченья...
Горе, оно не только ведь от ума;
просто свое удобней для обобщенья,
что объясняет пафос, и бойкий слог,

и откровенную доблесть суда...
но всё же
кто свои сердце и ум примирить не смог,
тот и примером для ближних служить не может.

Разве он сам не отчаивался порой,
не задыхался в придуманной им погоне,
мученик, победитель, изгой, герой,

как бы теперь сказали, в одном флаконе...

Путь свой земной – на перекладных, в седле,
в пешем строю – осилив до половины,
он и лежит, как пришелец, в ничьей земле,
в равной тоске от родины и чужбины...

* * *

С лёту в окошко
в такую рань
торкнулась птица,

пока синица...

Сегодня приснился Бахчисарай...
Значит, завтра Стамбул приснится...

Нежная Греция... острова...
Это душа на исходе ночи
вспоминает свои права
жить и дышать, где она захочет...

То ли обещанный нам потоп
пересидеть под родимой крышей,
то ли, доверившись знаку свыше,
выпорхнуть в форточку...
и потом

выпасть из птичьего каравана –
ласточкой, уточкой – всё равно,
не долетая до Инкермана,
чтобы на землю, а не на дно.

* * *

Скажешь – непрожитый путь,
или крошечная страсть,
или какая-нибудь
злая, пустая напасть?
Этого нету. А есть
маленький город, зима,
если и впрямь – от ума
горе, то это не здесь.
Здесь – тишина, синева,
стаи тяжёлых ворон,
камень, сухая трава,
свет обнажённых колонн,
снег на далёких горах,
холод от близкой воды,
в мелких случайных словах
содовый привкус беды.

* * *

Да чем она, молодость, молода,
да чем она стоит слёз? –
жалко впалого живота,
жалко ржанных волос...

Вот не доблести показной –
с горла рубаху рвать –
жалко пуговицы костяной...
надо было поднять...

Артём Носков

* * *

Звук утонул в пелёнках,
 В нашем с тобой добре,
 За ухом у ребёнка,
 В мёде и серебре,
 На языке качелей,
 В трещинах потолка,
 В шуме замочной щели,
 В зеркале дурака,
 В пыльном дрожанье моли,
 В капельке комара.
 Бог захлебнулся в слове,
 Значит, и нам пора.

* * *

Сиди во тьме, чужую слабость
 Целуя в спину.
 Когда-то смертью называлась
 Сия картина.
 стакан пустой, и обелиска
 Бутыль пустая,
 Глаза, посаженные близко,
 Не прорастают.
 А над тобой телец и овен.
 Тепло и сыро.
 И, раз твой мир лежит спокоен,
 Покойся с миром.

* * *

У обочин трётся нищета,
Тщетность отражается в бетоне.
Я себя немного недопонял.
Значит, понял ровно *ничерта*.
Немота, замотанная в стих,
Выступает капельками пота.
Хронос отстаёт от хронотопа,
И пространство пашет за двоих.
Моя тень выходит из толпы,
Выносящей скорбное за скобки,
Где асфальт, нетоптанный и топкий,
Принимает формулу стопы.
Воздух притворяется водой
В раскалённой плоскости скамейки.
Я выдумываю время по копейке,
Пока время не пришло за мной.

* * *

Синеет синильным закатом
Разбитый о лоб горизонт,
Свои разбрелись по палатам
И смотрят последний сезон.

Ты тянешь за крашек неба,
Как агнец, глядишь, обомлев.
И хочется зрелищ и хлеба,
Но воля твоя – на земле.

Душа изнывает по сути,
Ведь сути сытнее в нитьё.
А по небу ангелы шутят
И вышутят имя твоё.

С оливковой ветошью – Аве!
Что должно, тебе прощено.
Да святится всё, что лукаво,
Да святится всё, что смешно.

* * *

Падёт с небес откормленный телец
От недостатка кровавых телец.
Небесный бык, покорный алтарю,
Воткнёт рога в брюхатую зарю,

И пряный свет прольётся словно кровь
На лица вавилонских пастухов.
И спросит кто-то, разогнавший пыль,
Не напророчат злые языки ль
Крылатый сон, застенчивую тьму
И притчу, неподвластную уму.

* * *

Листва не может уберечь
Всепроникающую влагу,
Ты падаешь, как имярьечь,
На камень-дерево-бумагу.
Земля смеётся над тобой:
– Смотри под ноги, человечек,
Ты отвечаешь головой
За всё, в чём был увековечен.

* * *

Апатия свисает с языка,
Как облако, висящее на нёбе.
На что Сизиф физически способен,
На то способна дума мудака.
Двойное дно придумывает Бог,
Перебирая каменные чётки,
Светило разворачивает лодку,
И крыша едет прямо из-под ног.
Апатия оближет мне плечо,
Я закачу на гору свою участь.
Господь опять решит меня помучить,
А я ему отвечу: – Ну и чё.

* * *

Ты выложен бедовым кирпичом.
Вот отчий дом, который ни при чём,
Качели вот, вот крыши, гаражи,
Вот ножички, а вот уже ножи.
Вот город не играет в городки,
Пистоны вот, окурки и курки.
Вот речка из разбитого стекла
Как лимфа по канаве потекла...
И мама где-то: – На пол не кроши
И кашу над тарелкой допиши.

* * *

Лежит роса на тоненькой меже
В подкорке свежескошенного леса.
Вот я иду, а вот меня уже
Качает невесомая невеста.
Вот зёрнышко, ещё не долетев
До вычурного чрева чернозёма,
Уже листвой касается дерев,
Таких же, как невеста, невесомых.

* * *

Ты чувствуешь нутром движение нутра,
И выдыхаешь ртом надрывный скрип качелей.
Где Логос мимо нас и голос мимо рта,
Где прямо за стеклом глаза остекленели.

Твой город сохранит студёное нутро,
Прохладу пустоты в отверстии скворечном.
Ты падаешь на снег. Снег падает в метро.
Вы едете вдвоём, конечно, до конечной.

* * *

Через стены с фасеточным зрением,
Сквозь глазницы моей тишины,
Я услышал, как стрелки во времени,
Словно в зеркале, отражены.
Как нашедшийся в том отражении
Шёпот книжных стоит корешков,
Как двужильным пером напряжения
Серый шум мне щекочет ушкó,
Как спираль лакированных раковин
Наполняет пространство квартир,
Как картавит, прогоркло и драпово,
Вылетающий в воздух эфир.

* * *

Ты оставлял во сне
Зарубки на сосне.
Ненайденное тело
Являлось по весне.
Наутро ты болел,
Как метка на стволе,

Как выпавшее слово,
Заснувшее в смоле.
Но всё казалось зря,
И в недрах янтаря
Лицо твоё немело,
Иначе говоря.

* * *

Во мраке полого барака,
Как на дразнящий маячок,
Зачем-то лаяла собака,
Кошачий чувствуя зрачок.
Скелет утопленного лета
Поёжился меня внутри.
– Не говори со мной об этом
И ни о чём не говори!
Во мраке полого барака
Со мной болтала пустота
О беспричинности собаки
И беспредметности кота.

* * *

Рядом с колодцем, качая убогим плечом,
Тихий журавль находит песок и печаль.
Он говорил с тобой, только, видать, ни о чём
Ты говорить не хотел. Просто в воду молчал.

Дерево станется птицей, домой улетит,
Возле колодца змеей обернётся трава.
Кто тебя вёл за поводья, в тебя промолчит.
Камо грядеши, воловья твоя голова?

* * *

В день, когда солнце держало зенит,
Ты умирал от грибного дождя.
Ты перегнал все молекулы в спирт,
Пальцами липкий табак теребя,
Перенося острый градус угла
В плоскость, известную только столу.
Вот ты сидишь у косога стола,
Вот этот стол подчинился углу.
Вот под зенитом ломается свет

И разбивается в дребезги о
Дым от промокших твоих сигарет,
Об растлевающее стекло.
И ты выпиваешь стекло до дна.
В иссиня-белом хитоне дождя
Солнце садилось. На этот раз на-
Против тебя.

* * *

Устало стравливая дым,
Ты топчешься во тьме.
Кого-то здесь полно-полным,
Полным-полно вполне.
В осинном прячется гнезде
Твой внутренний покой.
И дерево течёт к тебе
Забыв, кто ты такой.
Но ляжет пепел на полынь,
Сырую от росы.
И небо станет смоляным,
Как сон осы.

* * *

На рёбрах, редких и худых,
Ты ляжешь как звезда морская
И улыбнёшься, ощущая,
Как море бьёт тебе под дых.
Но на горбинке кадыка
Неловкий образ встанет дыбом,
И поплывут глаза, как рыбы,
Сквозь фальшь увидев рыбака.

* * *

Деревенский дурачок
Весел, молчалив.
В лужу смотрит, на бочок
Голову склонив.
Тень седого жеребца
Подперла забор.
Гений мочится с крыльца,
Выводя узор.

Ветер ищет в поплавке
На зиму приют.
Пену тащит по реке,
Словно простыню.
Ковыляет осень, лёд
В воду уронив.
Возле лужи молча ждёт
Дурачок прилив.

* * *

На прогулке праздной среди холмов,
Где стареет дуб и растёт сорняк,
Ты напишешь стих, прочитаешь вновь,
И, запутав ноги в его корнях,
Полетишь на них с высоты себя,
Обнаружив лёгкость внутри глазниц.
Ведь глаза закрыты того лишь для,
Чтобы не разбиться, упавши вниз.
И, летящий ночью в залитый луг,
Ты успеешь мельком спросить у трав,
Почему они не отпустят рук,
Сиротливо лезут тебе в рукав.
И тогда тебя посреди полей
Вдруг разбудит громкий отцовский храп.
Ты проснёшься, снимешь с себя репей,
Ощущая дробь муравьиных лап.
И пойдёшь на кухню цедить чифир
Сквозь польнь, душицу и зверобой.
И стихи родятся, родят эфир,
И наполнит поле себя тобой.

* * *

На прелый город падают снега,
И гаснет рот, и тьма, терзая связки,
Как умница в смирительной коляске,
Смиряет голос. Нега не нага,
Но столь же вождедена, сколь строга.
Подол дерев провалится под лёд,
Укутаются сумерки в утробу,
И небо, засыпая, обретёт
Размер и цвет младенческого нёба.

* * *

Дождь идёт от тебя к реке,
И от реки – к мосту.
Бог отрекается, в молоке
Топит свою тоску.

Рыбы метят игру в слова,
Небо лежит на дне.
Дождь идёт через рукава
И по рукам – ко мне.

Тишина над рекой течёт,
Только молчит куда.
Радужка прячет в себе зрачок,
Чёрная, как вода.

* * *

Остывшая гортань строки.
Прерывистые рыбы крики
И металлические блики
На церебральности реки.
В молчанье гулком и пустом
По тонкошеему каналу
Бумажный ледокол Урала
Плывёт и тонет под мостом.
По високосному лицу
Проходит тень дугой железной,
И палец ввинчивает бездну
В висок, соосный близнецу.

* * *

Ты тонул, невозможная
Гордость и печаль.
Лодочки ладонь нагая,
К берегу причаль.
Перекинься через пену,
Через пелену,
Через папино колено,
Пробеги по дну,
Где у мамы на рассвете
Руки глубоки
И некормленные сети
Ловят башмаки.

Где бродил ты, незамечен,
Холоден, высок,
Где трава качает вечер,
Босый, как песок.
Не грусти, солёный невод
К свадьбе заживёт.
Глянь: старик кидает небо...
И оно плывёт.

* * *

Сквозь призму кроличьих зеркал
Взглянул в могилу на погосте
Усталый сторож. Снеговал
Переломал деревьям кости.
Прошёлся вечер по стене,
Открыв исподние морщины
На рамах. Где-то в глубине,
Чернея, выгнулась лучина.
И тень уселась на полу,
Своё опережая тело,
И пламя сплюнуло золу
На зиму, белую от мела.

* * *

Белея тонкими губами,
Он бредит, будто бы бредёт.
Над деревянными домами
Улыбка заячья плывёт.
Звериного не слыша смеха,
Назёмь ложится, как в кровать,
И эха ждёт. Но даже эхо
Не знает, что ему сказать.

* * *

Слово начнётся со слова,
Т. е. с себя самого.
Что на бумаге не ново,
То для меня не ново.
Спит у порога тревога,
Словно живая коса,
Видно, за то, что я Бога
С маленькой буквы писал.

Елена Оболикишта

* * *

Снега сырое вымя
прóпили к февралю
с реками земляными,
облаком и «люблю».

Северней телебашни
пиксели сна видны –
там в оперении влажном
голуби ждут войны.

Выпотрошив наружу
ватой набитый крик,
ворон в рапиде кружит,
крестит лицо старик.

Вот и молчи, данаец,
сидя в своём коне,
ясеня чёрный палец
в саже, а не в окне.

Жесты ветвей намокших
врут, и вокруг – не ты,
утро сгущает площадь
птицами пустоты.

* * *

и развернули ветер в лиственное горение
голуби валаама

над головой хаттаба вольные астронавты
режут ножами время

вогнутые деревья спят поедая воздух
перед сражением в шашки

длинные псы тумана тянутся из окраин
будто перед расстрелом

перелистав морщины мёрзлого генерала
сны захлебнулись матом

будто одновременно выключенные птицы
капли упали в кадр

вот и земля сгустилась в хохоте мандрагоры
вдоль метрополитена

и паровозы с тиной выплюнула наружу
кашляя и крестясь

* * *

1.
крути педали бог
над спящим олоферном
боливия видна
и команданте жив

не покладая ног
соломенных наверно
цикадами вдоль dna
все воды оглушив

2.
вниз головой летя
над пустотою места
сквозь парашют едва
ли кислород проник

разбитых два локтя
запойного модеста
целуй пока трава
не вырастет на них

3.

смотри-ка дровосек
ты потерял мизинец
и подлетает стерх
выравнивая клюв

сквозь аномальный снег
садится на эсминец
и выпадает вверх
январь сведя к нулю

4.

на полресницы от
мы спящие от смерти
атлантику взболтай
да перелей в бутылъ

и выпьет ланселот
и за базар ответит
и ляжет сквозь алтай
в какой-нибудь ковыль...

* * *

Лунное тело наста рвётся наполовину,
одновременно птицы вращают воздух,
падает в горло крыльев сухая глина,
буквами обнимая солёный остров.

Или: влюблённо смерть выгладила рубаху,
превозмогая речь стуком пустой посуды,
где для уснувших рядом – ни сна, ни страха,
бог отмеряет: март без одной минуты.

Новорождённой тьмою в оба зрачка убитый,
видишь, как сын по букве ест у деревьев руки,
тополя подбородок, высохший от обиды,
яблоневых корней тёплые виадукки...

* * *

Распрямляя спину скарабея,
бог уснул в светящейся листве,
женщина, прощаясь и робея,
завертела пламя в рукаве.

Камнепады двинули к востоку,
радио расплёскивает вой,
врут кардиограммы понемногу
Родине о том, что я живой.

Только горы, свёрнутые втрое,
мне молчанием могут отвечать:
дерево сгорело или Троя
вплавлена в горящую тетрадь?

* * *

в дубай на реактивных ранцах
летали дни
над головами пакистанцев
передохни

вдевая смех по самый ужас
меж рёбер слов
среди брыкающихся кружев
почти лесов

не оборачивайся сразу
и бойся не
стирая жизнь как будто фразу
наедине

завравшиеся мониторы
один патрон
в руке архангела который
приговорён

сплавляться вниз по корвалолу
как по реке
сквозь продырявленные сёла
на языке

* * *

За дождь или два,
вдоль губ – отрешённый воздух,
я знаю слова
и реки молчания после.

Стрекозы легки:
кругами летают в Нижний
и Верхний Тагил,
где поезд, почти не слышный,

ржавеющих рыб
нерыбное место – справа
и вместо молитв
целую в затылок травы.

Ногами огня,
касанием – в босые плети,
встаешь в меня
за восемь стрекоз до смерти.

* * *

индия где ты
джавахарлал
повод ответа
в меру и мал

зверь осязает
мордой вокруг
и наползает
север на юг

едем в деревню
свят солидол
к женщинам нервным
в мёртвый подол

интернацио-
нал на столе
дура на цырлах
спирт на нуле

правда ли это
неру не врёт

звуки омлета
как пулемёт

гладит рубанком
голень вода
вдавленный данко
в левое да

* * *

Воздухоплавание садов
с верёвки бельевой.
Мы входим в воздух без голов,
как в ночь всплывает Ной,

мы носим руки вдоль земли,
где нищее зерно
и где полжизни провели
со смертью в домино.

Виолончельна тишина,
ресниц опавших нить
светящаяся, как страна,
где некому любить.

* * *

пилоты спят на высоте
а тополь в пенопласте
проходит шаркая трамвай
толкаясь головой

над вечереющим лицом
господь готовит снасти
вращая ножик в облаках
немыслимо складной

в его суставах валуны
завёрнутые в травы
он наш раскачивает дом
на полости крыла

где в окнах выросли кусты
напрасно и направо
и одновременная жизнь
прощается прошла

* * *

господи как будто мы одни
белые ладони протяни

на шершавый парк на водоём
не смотри в меня слепым огнём

от тебя не спрячусь не умру
сны как дети ходят по двору

дом беды раскаяния хлеб
вот и голубь улетел ослеп

* * *

в сверчковой темноте разутые деревни
овечьими глазами смотрят из травы
в километрах шести от родины примерно
озноб стучит как смех крошечной татарвы

обильный кислород горчит не за измену
а будто говорит о гоголе тоски
и привокзальный бомж тебя проводит в вену
потом – ни зги

так в заплутавшем шаттле хрип системы связи
шестые сутки сплошь один фокстрот
стираешь память вдоль по руслу клязьмы
шипящей речью забиваешь рот

смотри тагил протяжней малолетки
закуривает клевер натошак
вдоль пуповины транссибирской ветки
в свинцовых водах тело полоща

урал к тебе протягивает сырость
и пьёт с лица изломанной реки
о венский кофе! тьма не расступилась
разлитая по чашкам вопреки

с утра картавит радио на польском
за пропитый солдатами гештальт
разбросанный по улицам свердловска
и вкрученный берёзами в асфальт

он прямо к перекошенной ограде
кирпичного барака например
тебя ведёт во сне за бога ради

и Бог не уместается в размер

* * *

Отдалённый гул тополиный со дна реки –
не умру шелестят подводные мотыльки

выпрямляя голос как надувной плавник
водяная оптика взорванный материк

не умрёшь травяное имя легко на вкус
оцифрован воздух свёрнут горящий куст

и дрожат шары кислорода у рыб внутри
где река ломаясь делит себя на три

* * *

Остыли воды, с тыльной стороны –
промозглые цистерны Астаны
везут кисломолочный гул молекул.
В висках повис высоковольтный снег,
и ощущение белое такое,
как пятна слепоты с изнанки век.
И сердце, увеличенное вдвое.

Под рукавами на просвет шумит
густая шерсть сплошных эритроцитов
(они бегут, преодолевая локти),
расстрельный список порван и летит,
и ангел смотрит сверху и гудит,
как квадрокоптер.

* * *

1.
О чём ты говоришь мне по ночам,
дотрагиваясь пальцами врача
до глаз? Теперь я задержу дыхание:
считать до ста без видимых причин

(потом деревья, женщин и мужчин)
я не могу, но есть и оправдания:

они похожи линиями рек
в морщинах дождевых прозрачных век –
не повторит вода тепло родимых пятен,
их мёртв язык, и потому всеяден.

И час от часа легче их тела
ты прогибаешь в долгие слова,
ломаю плечи, глиняные ноги,
они кричат, и нитью голосов
ты зашиваешь раны мёртвых псов,
и псы бегут по каменной дороге.

2.
Смонтировать молчание ветвей
и лодку – вот такую, но длинней –
я забываю, только небо – ближе.
Урал лежит с рекою ниже ног,
жонглируя трамваями как бог,
тяжёлою рукой сминая крыши.

3.
Плыл дирижабль травяной в реке
И рыбы в его пористой руке
дрожали, как заплаканные лица.

Древесный ангел выронил тетрадь,
где записал о том, что умирать
не страшно, будто выпадет ресница.

(ну хочешь, эта жизнь опять приснится?)

* * *

Не октябрь –
округлённый до облака бог.
(Из окопа он виден вдвойне.)
Где Филонову снился Некрополь, там Блок
и оставил бы Родину мне.
Только плотно ей вшиты вагоны в живот
и набиты грачами грачи,
только тихой молитвой подсвеченный рот
вместо «отче» прошепчет: «Молчи».

* * *

Сминая сад опущенных ресниц,
сгибая сны в предутреннее зрение,
светает бог на скорости горения
из высоты осунувшихся птиц,

Листва прочнее лезвия стального,
остановившегося у виска.
Где в воздухе ни выстрела, ни слова,
страна моя прозрачна и близка:

на улицах её раскинул бусы
из пепла прорастающий репей,
и женщины гуляют и смеются,
пиная мясо мёртвых голубей.

Александр Петрушкин

ΚΑΘΑΡΣΙΣ

Сергею Ивкину

Человека круги расходятся над головами,
как то озеро, что его развернуло, как камень,
сняло всякий ослепший его лепесток,
положив головою, лёгкими на восток

а с востока летят птицы, звери, зиянье
его будущих мест, его прошлого окликанье,
его дети, земля, дерево, вхожее в дом,
ласточки с разрезанным животом.

Он лежит в водяной, раскалённой, дождевой стружке,
думает о памяти как о подружке,
снимает слепок с лица, с ладоней своих отпечатки,
сказанного и умолчанного отпечатки,

остаётся кругами, ткущими над облаками
новую пряжу, мёрзлым дёрном под сапогами
и лежит без лица, обёрнутый тёплым светом,
в ласточке, как в молоке, что спешит с ответом.

* * *

Как рубанок идёт человек, собирая всю почву под ноги,
развернувши комок мокрых слов до фантомов из глины
там, где лошадь и плуг, словно пашня, уже неразрывны
и глядят на – засвеченный почвой своей – фотоснимок,

где летящая стружка забьётся у тьмы в диафрагме,
словно рыба, что тянут на свет из дыры меховые ладони –
там возможно, что есть воскресенье и оно неотвратно –
как и звук, до которого скоро дотянемся – тронем

мы его поводок – вот и по воду славно сходили:
половина земли на гектар – вниз пролитых – протеев,
а рубанок строгаёт колодезь, который они испросили
у растущих из неба, как заводи, чёрных деревьев.

* * *

Ты плетёшь за собой коридора щенка, оставляя
тёмный голос, вернувшийся в кровь, которая слово печёт
и, нащупав себя – словно эха кусок, – до судьбы немоту
возгоняет,
зрея в белый разрыв или жала двойное число.

Так бессонница вынет тебя из кармана, как время,
и в зазоре её – никогда не законченный – дом
снова впустит тебя и щенка, как клубок между спиц, в этот омут,
где длинней темноты – в дождь завязанный – неба платок.

Слепоты твоей зёрна, которые посох и птицы,
как воронку бессмертья вяжут из света щенка –
это небо к тебе наклонилось и плачет сквозь руки,
распечатав простор, как пещеру сквозная вода.

* * *

Выбор места любого – ошибка,
похожая на дрозда,
усекновение главы Иоанна.
Так и восходит звезда –
вероятнее космоса, где она –
почти как лоза – ползёт,
танцует, его разрывая ткань,
и мёртвых сюда ведёт.

Мертвецы танцуют, идут за ней,
обрастают мясом – хлеба и рыб
полны корзины, и где-то на дне
глава Иоанна лежит
и тоже поёт – туда-сюда
покачиваясь, как дверь,
сбирая малых и прочий мир
зверёнышей и петель,
и ветер, скрученный, как платок
пустынной местности, где
несут корзину с его головой
и тощих двух пескарей.

Но выбор любой местности – прах:
иди и скажи живым,
что, как звезда, леденеет прах –
когда мы её бежим –
но катится, как небеса, голова
и мертвеца ведёт,
чтоб видел он, что бывает так,
бывает и наоборот.

* * *

Тепла погода. Не в последний раз
надеюсь, пролетая над фанерой,
которая в Париже протекла
подобно русской речи и над Сеной
лежит просторной белой водой,
качая воробьиной головой,

обратно ангелов закачивая в небо,
влекомая, как снег в водоворот,
как призрак в прошлое, летит на чёрно-белом
экране онемевшего кино
и выцветает в плёнке этой сферы,
переходя в прекрасный перегнутой.

Фанера, береги, как зверь, меня,
касясь дыма жадными устами,
испившими и неба, и огня –
в зеркальном августе они стоят меж нами
и хлопают пространством и детьми,
меняясь речью, словно лошадьми

с горящими под сеном головами.

* * *

Где дирижёр идёт по тьме,
её достраивая грозди,
как музыки хулу и гнев –
так поводырь в дорогу гвозди

вбивает мягким каблуком,
и пёс поношенную осень
разматывает между лап,
как мраморный клубок колосьев.

Что Боратынский здесь поёт?
И, не попав в мотив ни разу,
перчаткой ищет оборот
в ключах, похожих на заразу,

любая родина – любовь –
как псы она неистребима
и также гадит, как кровит,
где оспяная нота – лимба

воспоминание. По тьме
иди, срывая в голос кости,
хрустящие, как первый снег,
что запечён в пурги колёса.

И Дант, замёрзнув в стаю нот,
жуёт снежок чужбины или
выходит на подземный лёд,
себя пройдя до половины.

* * *

Начнём с того, что глаза нет –
а всё что есть, то Глаз,
один лишь Глаз, что в темноте
очёркивает нас,

что не предел весом, а свод
пылающий за ним,
то тенью, то самим отцом,
сбирающим огни,

как на ладонь, чтоб накормить
или усталость дать,

и вовремя остановить,
и заново собрать

всё зренье наше как один
невидимый пейзаж,
который в темноте своей
разыскивает нас.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Всё начинается с темы моста, что разрушится вскоре,
как состязанье коней с добровольного рабства,
с пятнышка света, что спрятан в пустом коридоре
и прорастает, как мост и гимнаст, разгибаться
перед тобой, словно ты его сферу нарушил,
и пробужденье тебя ищет в сне
у – тобой распечатанных – танцев.

Свет ли танцует в тенях? или тени меж светом
от глубины темноты разбухают до вдоха
почек пружинящих эха на том, и на этом
крае, завернутом светом по грани прокола?
Или и звук между них навсегда невозможен
и остывает, как слепок, в руке своего перевода.

Ветка качнётся с окраины и – ты начнёшься
с периферии, её собирая себе коридоры,
связки коней, пятна света, мосты, колокольчики плоти,
жёлтых зрачков – запотевшие зрением – соты,
чтобы увидел в них ты – искажённо, но точно –
мост, что идёт за тобой, пред тобой освещающая пустоты.

ИГРА В СНЕЖКИ

Слоится воздух, каменя
в подземный радиоэфир,
где вырезают батискафы
синиц из чёрно-белых дыр

[причину шуриться в просветы]
тебе родные мертвецы
и говорят, что смерти нету,
и отчего-то веришь им.

Неотвратимой скудной речью
ты крутишь на ладони щель –
невроз из немоты и снега,
молчаний дрель.

* * *

Счастливы ль те, кто в нас преобразились? –
оставленные там, за поворотом, –
они кусают тени в своих лицах,
как губы, а найти себе пилота
не могут, чтобы с ним пропрыгнуть в завтра
через заставу видимой им речки,
нарезанной, как слово из бумаги,
сгорающей, как мы, из каждой печки
из речи, проговорённой в них нами,
которые теперь от них далече.

В них шум от лип остался, или липа
открыта им, как птенчик жёлтомордый, –
и хлопает внутри неё калитка,
и вопрошает небо: кто ты? кто ты?
внутри у них гуляют свет и стужа,
ангина или чай из бергамота,
а если кто окликнет их снаружи –
узнают ли они, чья это нота?

Они счастливы – хоть того не знают –
перевернувши шёпот, как воронку,
в сквозняк, плетущий небу черепаху,
чтоб устоять на нити его тонкой.

* * *

Допой, доплачь и корнем стань,
иссохшим топором – что дальше,
здесь не узнать, а там – всё там,
всё бережнее, меньше. Баньши
из снега
в круг тебя внесут,
как остов в сброшенное тело,
где воздух из тебя сплетут
и гелий золотой.
Что пела
сорока, спрошенная о

ожившей под водою глине,
о спицах, что – в руке блеснув –
в карманах спрятаны доныне?

– Идём?

– Идём.

Куда идти,
когда всё сад – что спрятан в пчёлах,
и если есть что впереди –
так это место для прокола?

Уколешься иголкой, и
ужалит свет потусторонний,
и жажда изойдёт как дым,
спалившись, как шпион в холодной
окружности страны, где свет
замотан в шарф избы и хлева,
когда ты, мёда недопив,
выходишь из кино налево.

Идёшь, и косточка хрустит –
из выдоха ли? языка ли?
Где собирают свет баньши
из – в снег укутанных – проталин.

ПРИБЫТИЕ

Гинденбург упал. Бабочка-поводырь
ведёт прилетевших по лестнице винтовой.
Фотографы носятся, снимают, как стружку, бинт
с пустотных кадров.

Один из пассажиров трогает их рукой,

пытается их разбудить, вывести на поля
трещащей, как фотовспышка, сороки, и
рука, не чувствуя ни ожога и ни огня, –
в звуке крутящемся пепла,
как ладонь судии, висит.

Канаты стальные – ещё не достигнув земли –
скручиваются вокруг невидимой нам змеи,
как на катушку хроники синема,
где в чёрно-белом и в мае
причудится нам зима.

Юлия Подлубнова

* * *

Не страшен выродок, и диво
давно не дивно –
давно смотрю из объектива
необъективно.

Иные, не имея мнения,
лелеют шпица
и полицейское уменье
читать по лицам,
спокойно спят у батареи
под потолками...
...Я закрываю (я умею)
себя руками.

На ваши кризисы, ошибки,
машины, банки
я завела себе улыбку
консервной банки.

* * *

Похоже, град... – такой ритмичный стук...
 В полупустой квартире – пыль и донник.
 Порожний ящик и дорожный тюк.
 И рафинад не тает на ладони.

Есть циферблат, просроченный билет,
 кроссворды, чай, краплёная колода.
 Есть шкаф-купе – отъехать на тот свет,
 узнать, какая нынче там погода.

* * *

Запорóшенные тюлем,
 заросшие цветами.
 С сердечными разговорами за.
 С семейными ссорами о.
 Только прямая трансляция.

С запахом июля,
 в котором никого не ждут.
 С разбитыми о воздух тарелками.
 С мелкой сетью быта.

...и светильник
 как пойманная в форточку луна...

* * *

Год молчания и перерождения.
 Молчания и перерождения.
 Телеграфные столбы плодоносят
 фарфоровыми шишечками.
 Самолёты
 тяжелеют и падают.
 Пауты пьют самую тёмную кровь.
 Провода, как вьюны, оплетают дома;
 и спутниковые антенны
 как белые цветы,
 обращённые к космосу.

Невозможность создать
 телефонно-сосудистую систему:
 два сердца
 на разных концах провода.

КРЕОЗОТ

Запах свежайшего поезда.
Почти мороз.
Вокзал как форма зимоисчисления.
Ночные поезда
выскакивают из городов,
словно киноплёнка из киноаппарата.
Дорога «Екатеринбург минус сутки Москва»
входит в тоннель,
выходит из вчера.

Бурые земли одиночества.
Окосевшие приюты алконавтики.
И трубы заводов
как папиросы ангелов.

* * *

Стадионы,
шевелиющие фанатами.
Улицы,
передвигающие митингами.
Воздушный шарик жалуется:
«Меня надули!»
Я не помню своих стихов.
Я никто.
Норковая шутка,
мудозвоновая шапка.

* * *

Модели весны:
признания в никуда и ответы из ниоткуда.
Телевизор на стене показывает
только телевизор на стене.
На стене
не растут волосы.

Путинг – это не митинг,
это форма
настоящего длящегося.

Опустошённые вены авторучек.

* * *

Поколение кокаколаедов vs.
поколение телевизионеров.
Клацающие клавиатуры –
женщины с проводами химзавивки.
Томики стихов мировой тоски.
Блоки, блоки, системные блоки...
Заживо православные
зиги как попытки удержаться
за воздух.

Я смотрю в пустое небо с самолётами.
Родина –
фамилия моей начальницы.

* * *

Женщины, привыкшие
к деньгам и абортам,
носят на себе предсмертные крики
маленьких животных.

Сборки мужчин:
ВАЗ-2109 или какой-нибудь гелендваген.

Всё хорошо, всё путем –
в это верит только
околотелевизионная овощь.

Можно пойти пожаловаться
в представительства компаний –
стеклопакетные коконы,
оберегающие офисных личинок
от превращения в бабочек.

Ничего не понимаю, ничего не...
Голова и мозг как жвачка,
облепленная волосами.

* * *

Всякое наступление на
обозначает отступление от.
Одуванчиковые поля
ждут своих парашютистов.

Изо рва может вылезти
вьетнамский партизан,
заблудившийся под землёй
и попавший в счастливое будущее
постсоветской России.

И кто там ещё бродит по лесам
с рюкзаками, похожими
на обожравшиеся капюшоны?

Рваные пихоры,
рваные пихоры...

* * *

Радио начало шифровать фамилии.
Телевизор бросился показывать клоунов.
Снег – это штора с той стороны окна,
делающая комнату публичным пространством:
опечатки пальцев на снеге –
фиксируются,
реплики – пишутся.

От этой зимы ни уехать, ни спрятаться.
В голове у такси, похоже, шахматы.
В каждой газете:
чёрное – это белое.
Снег тоже набирают клавишей «*».

* * *

Над кабинетом Ройзмана без четверти девять.
Автомобили на площади нюхают друг друга сзади.
Ярослава Широкова надевает узкую юбку.
И лучше не знать, что делает Катя Симонова...

Город состоит из
крошащегося бетона,
сменивших пол тополей
и столичных амбиций.

Руслан Комадей пишет письмо
битыми пикселями.
«Да, друг мой Вита,
повсюду нижнетагильская поэтическая мафия...»
ОПГ «Уралмаш» уже украсила кладбище.

* * *

Лена Баянгулова сурово сказала:
«Сумасшедшая горбольница».
Рога и копыта стрекоз,
традиционные ценности,
коммунальные котята,
телефон с кнопкой для мёртвых,
нефтегазовая лампочка
в конце коридора...

* * *

Несмотря на скоропортящееся
содержимое квартир,
здравствуй, лето! –
падающие монеты,
безусые велосипеды,
порхающие звоночки.

Улицы, тополящие,
то пылящие,
апофеоз астматиков –
мухомольный комбинат...

* * *

Стрекозы с грацией мотоциклов,
клювы лодок в прибрежной пене:
Рижское взморье –
этакая взбалтика,
шурша дюнами,
кривя соснами.
Всю неделю – бесстрастность.

Чайки, и те хохочут насмерть.

* * *

Если ты уйдешь, наступает завтра.
В городах, копирующих друг друга,
сирень имитирует взрыв в психбольнице.
И болтанка скорой
простой маршрутки.
Равнодушный
билетик в одно начало.

Можно дальше двигаться,
и такой же
серый день. Припадочные электрички.
Три минуты мелочью – это кассы.

Омск – вывернутый наизнанку Моск.
Валидаторы. И остановки сердца.

* * *

Традиционные мальчик и девочка
в твёрдых купальниках без
где-нибудь в пригородном парке,
не отменяющем новостроек.
Ибо новостройки – примета времени.

Если ты коснёшься моей руки,
я готова нарушить любые нормы.
Если я коснусь твоей руки –
ничего не понятно...
Месяц дрожащих цветов.
Иероглифы велосипедов.

* * *

Девочка, говорящая весело: «Пиздос»,
умирает в больнице от слова «ты».
Потому что ты – это пустота,
потому что ты – это пусто-ты
необратимое притяжение.
Переполняющий переполн.
Хоть кричи из окна десять раз: «Пизда!»

Вечереет. Чуть тлеющая звезда.
Все трамваи идут в направлении Я –
в головах их путаются провода.

СОБИРАТЕЛЬ СЛЕДОВ

1.
К декабрю в Екб замерзает пруд,
превращается в площадь –
эталон городского хозяйства,
экономии на снегоуборке.

Что бы мог сказать собиратель следов?
Что обычно: жизнь печальна,
а материя неисчислима.
Поплавки детских шапочек.
Пуховики, не способные держаться на воде,
тем более спасти человеческий груз.
Мирное дно под ногами.
И любовь, больше похожая
на желание уйти под лёд.

2.
По ту сторону льда, говоришь?
Канализационные трубы,
бездорожные знаки,
в лучшем случае –
троллейбус с убитыми
токоприёмниками.

Посреди городского пруда
никуда не идти,
никуда не идти.
Оглянуться на голос.
Внимательно напряжены
по ту сторону льда
милые глаза
озера Мичиган.

Полина Потанова

* * *

Дети, родившиеся
при Президенте,
отметят восемнадцатилетие
и в этом году уйдут на войну
(в армию; во взрослую тюрьму) –
ненужное никому
подчеркну.

Дети, не знавшие другого Президента,
возможно, не узнают другого Президента:
наступят на мину,
познают дедовщину,
получат перо
под ребро.

Но дети
Не верят смерти.
Родившись при Президенте,
Прожив при нём
(Президенте),
Не зная иного
Пути,
Дети думают: не уйти,
Никогда
не уйти.

СОН ДАНТЕСА С РЫБНОГО ЧЕТВЕРГА НА ПЯТНИЦУ

Слоёный лёд с хрустящей коркой, с начинкой рыбьих
глаз внутри,
с утробно спрятанной икоркой. Какой? Вспори и посмотри.
Но обломай сначала зубы и проберись через слои,
когда осилишь самый грубый – побереги мозги свои:

*...там самых тонких сорок девять слоёв течёт наперебой
там обезглавленная пелядь плывёт-бредёт сама собой
под голубыми небесами там тонут храмы в образах
и пересолена слезами икра кровавая в глазах
кровоточит вода святая там из-под пули и с моста
свисает рыбка золотая назло гниющая с хвоста
свои концы закинув в воду и не пожив почти совсем
ведь ей хватило кислорода на 33 хоть 37
и на цепи там кит учёный и мир крещёный на пиру
и лезет пушкин обречённый зачем-то в каждую дыру
хоть там ему совсем не место ведь не коты там а киты
и в том гробу его невеста видала так же как и ты...*

Проснись, француз, ведь ты католик,
тебе наш пост ведь не указ,
под Рождество ведь рыбный столик
закажешь ты не в первый раз,
и не впервой, вороньим нюхом почуяв падаль, ты сожрёшь
у рыбы вспоротое брюхо и не подавишься ведь, Жорж!
И с двести-чёрт-те-сколько-первой звездой появится на свет
очередной неправовёрный немой – без голоса – поэт.
Проснись же! Встань убитый горем –
твой сон ни в жилу, ни в строфу,
пока воняют дохлым морем скелеты рыб в твоём шкафу.

БУМЕРАНГ

у недолюбленных мамами дочек
вырастают такие же дочери,
носят за пазухой камень
(сточенный до формы бумеранга),
нащупывают точки
матери,
нарочно грязными руками:
ага! вот тут и тут – ранка.

заносят новую заразу –
привычку обвинять, не разобравшись,
заводится с полуоборота, охотно
экстраполировать.
однажды, оставшись с глазу на глаз
с собой и смелости набравшись,
скажи себе: вот оно,
зеркало,
смотри на мать.

обида постоянно
возвращается – в голову
растает корнями (с)сорная трава.
захочешь вырвать, вытоптать,
но смотришь: она – в росе.
бумеранг врезается в горло,
из которого
хлещут багровые слова.
хлещут и хлещут, пока не вытекут
все.

* * *

вот такая жизнь.
такая-растакая...

сын болеет для того,
чтобы ты обнять смогла его,
ведь здоровым он
к себе не подпускает.

вот такой февраль –
ни крошек и ни сала.

ветер, завывая за окном,
землю засыпает толокном,
чтоб его весна
голодная слизала.

вот такие мы,
несильные, как дети,
тычемся синичками в стекло,

чтоб, согревшись рифмою – тепло,
задержать себя на этом свете.

* * *

пчи пчи пчи пчи птичьё.
за окном – синичье
или синичьё,
воробьё и прочее.
всё враньё сорочье –
не моё. ничьё.

рики-тики-тави,
не таких видали –
слышали других.
напевали тоненько
там, за подоконником,
виршу или стих.

а до них неистово
ветер стих насвистывал,
виршей шелестел...
отойду от строк на миг –
столько душ под окнами,
выпавших из тел.

МЕТРОНОМ

стрелка соглашается болванчиком:
все вы не себя перепоеёте...

бабушкою – божьим одуванчиком,
бабочкою, замершей в полёте,
девочкой, состарившейся заново,
веточкой, отбросившей листочки,
снегом, что разбелит всё до савана,
вылившись из капельки, из точки,
всем вам отстучится, что отмерено,
двери станут майскими воротами...

только не хватайте преждевременно
воздух нераскрывшимися ртами.

* * *

и ты похож на камень
от тяжести разлук
и листья под ногами
немягкие на звук

трещат
как шкварки шкурки
без дыма и огня
а рядышком окурки
не затуши
меня
пугает осень эта
гори она огнём
давай обратно в лето
с тобой сейчас махнём
смотри как полыхает
смерть кожицей лягух

а жизнь-то неплохая
такая прямо ух!

* * *

лечу больных лечу над ними
как будто бы сама я не
они
одни
им тут одним и
не тут одним
как на войне

лежу во рву лижу их раны
не я умру не ты умрёшь
им вру
как будто бы с экрана
несут тираны ветеранам
цветы и ложь

поэты...
деточки родные...

их всех стеречь
хранить беречь
теперь не мне

не им отныне
сестричка
Речь

В РАСЦВЕТЕ ВРЕМЕНИ

Так время *прорастало* не в зелёном невинном, а в своём землистом цвете и щедро над бумажным кремнезёмом плодилось миллионами соцветий капусты, под которой находили младенцев, что похожи на окурки, что время навыкуривало или развеяны в заброшенном проулке.

Так время *прорастает* сквозь глазницы, держа свою вселенскую усталость на кончиках ресниц своих, так снится траве её бессмертие, так старость, минуя настоящее цветенье, а будущее прошлым истощая, цепляется за юные растенья сосудистыми мощными хвощами.

И время *прорастёт* из нас, но где-то погрязнет в сорняках и станет ниже, и вырастет табак в усах у деда, и жёлтое, в губах укоренившись, проявится подкожным никотином, который был на плёнке незаметен, и жизнь незакреплённым негативом засветится на том – небелом – свете.

КАЛАМБУРЫ ЭПОХИ

всё смешалось кроме судей
будь ты кто-нибудь никто
конь в пальто и хрен на блюде
ты шпион а судьбы кто
враг сегодня враг на завтрак
несгибаем не ведом
шаг вперёд и два на запад
белый флаг и белый дом
не сдаёшься – на паскуда
уезжаешь – получай
тридцать долларов иуда
и ещё плевок на чай
будут все тебе там рады

кока-кола и хот-дог
берег левый бей-парады
бес в Рембо не пика в бок
а не сдохнешь на свободе
доживёшь до колымы
раз по почкам два по морде
чтобы строем
чтоб как мы

* * *

маленький всё ждёт кого-то
свет включает в коридоре
не предчувствуя как будто
ни печали и ни горя
просыпается наутро
из-под пятницы в субботу
и дежурит в коридоре
ни одетый ни обутый
двери хлопают в подъезде
мальчик хлопает глазами
ничего не понимая
он скучает по кому-то
и чужими голосами
что-то стелется под дверью
а малец стоит на месте
я не верю

ЛАСТИК

Нас дети повторяют, как стихи
собой нас продлевают, те и эти
нас вписывают в вечность, но бессмертие
берёт свой бесконечный ластик, и –
ни строчки, ни шажочка, ни ещё
протёкшей пасты, капнувшей слезинки –
следы долгостирающей резинки.
И всё.

Павел Проскуряков

* * *

Пожить подольше каждый тешится
 и гонит от себя заразу.
 Отец по пьяни бегал вешаться,
 но не повесился
 ни разу.
 В петлю он голову совал,
 мы дико плакали,
 кричали.
 Он драматически молчал.
 Пел арию одну и ту же:
 – О дайте, дайте мне свободу...
 Пугать нас
 потерял охоту.
 И пел всё реже
 и всё хуже.

* * *

У знакомой пил я чай,
 Ел вишнёвое варенье
 И Ахматовой украл
 Книжицу:
 «Стихотворенья».
 Тридцать лет прошло.
 Тот грех

До сих пор мне ночью снится:
Всё бегу я через лес
И в кармане прячу
Птицу.

* * *

Всё наяву и будто бы во сне.
Я ранним утром за ворота вышел
И оглянулся: ты стоишь в окне
И что-то говоришь, а я не слышу.
Наполнен дом теплом до потолка;
Лежат блины горячие на блюде;
В окне твоя зовущая рука...
И хочется всё бросить и вернуться.

* * *

Ну а Новый год,
ёлка, и вообще...
Бабушка придёт
в выцветшем плаще.
Скажет: «Милой сын», –
про тебя опять.
И от смерти жизнь
спрячет под кровать.

* * *

Ю. К.

Почти что нагишом
по лавочкам слоняться,
слыть местным челкашом,
фуфайкой прикрываться.
В поленице опять
бутылочку занывать.
Да боль бы продышать.
Да горе перемыкать.

* * *

Когда с тобой впервые вместе
мы в летних сумерках гуляли
по парку разносились песни
в аллее белки выбегали

светлели у прохожих лица
в ночь сумерки не превращались
летали парами синицы
и сосны по двое срастались.

* * *

Прощаю легче
и грешу спокойней.
Не верю сам,
что молодым
я был когда-то.
Хожу проведывать
своих друзей
запойных
на кладбище
и сравниваю даты.

СПАСИТЕЛЬ

По темноте один идёшь.
Тебя в ней караулит нож.
И холод смертный по спине.
И «пятна крови» на стене.
Ты снова прибавляешь шаг
и понимаешь, что дурак.
И вдруг из подворотни пёс,
соседский Бобик,
как Христос.

* * *

Цветок родит шмеля.
Тростник рождает птицу.
Таит в себе земля
медведя и волчицу.

Вдруг в летнюю зарю
зыбь вытолкнет лягушку –
царю-господарю
премудрую подружку.

* * *

Я хорошо играл на скрипке.
Росла под музыку трава.
Цыгане пели без улыбки
романса грустные слова.
Про то, что людям на рассвете
не страшно умирать.
Что всё же ангелы их встретят,
лишь стоит пожелать.
Про то, что скрипка отзвучала
и выросла трава.
Но кто-нибудь начнёт сначала
и те же выучит слова.
И вдруг заплакали цыгане
и стали вместе, как один,
разбрасывать по всей поляне
чистейший белый героин.

* * *

Отца не стало.
И вот я с краю
стою у бездны,
раскинув руки.
И в день счастливый
я улетаю,
ведь живы дети
и живы внуки.
Душа не птица –
не возвратится
и не поймаетшь.
Стоишь и руки
то поднимаешь,
то опускаешь.

* * *

Мы водки выпили графин
под грузди со сметаной.
И вот иду теперь один
по городу с фонтанами.
Я пьян, меня ни ждёт никто,
в кармане коржик краденый.
И вспоминаю, как пальто
духами пахло Надино.

* * *

А снег такой хороший,
и дерево хорошее.
И тень его ветвистая
на белом на снегу.
Снег чистый,
как начало
всего того хорошего.
Прости меня,
хорошая,
я умереть могу.

* * *

О. Ф.

Сосед играет на трубе,
а может быть, на флейте
немую песню о себе,
а может быть, о смерти.
Так грустно флейте и ему...
Хоть песня прекратилась,
сизжу и плачу
потому,
что песня получилась.

* * *

Быть стыдно счастливым,
но я – ни при чём.
Другой сговорился с лукавым.

В нечистого плюну
за левым плечом,
и вздрогнет ангел
за правым.

* * *

Зияет слово –
Ар-мат-ура.

Уходит сленг.

Ушла натура.

* * *

Копаем прадеду могилу.
Из рук моих уходят силы.
Смозолило ладонь лопатой.
Пацан я в шестьдесят девятом.
О смерти думаю едва ли.

В том мае мы с отцом копали
по жизни первую могилу.
И мне ещё не страшно было.

* * *

Быть беспечным
жить без печки
в холодину
прислонить бы спину
к тёплому камину
пальцы стыннут
не могу никак поссать
буду плакать
плакать и плясать

* * *

Воистину мои
судьба,
стихи,
могила;
да жёлтые цветы,
да сорная трава.

Не мать моих детей,
которую любил я,
пусть помнит и простит,
покудова жива.

* * *

Презрев живых,
Пронзая твердь,
На нас
Сквозь звёзды
Смотрит
Смерть.

* * *

Без шторок в огород окно,
тревожно и темным-темно.
Отец умерший появился
в окне
и пальцем погрозил.
Предостерёг,
предупредил.
Напомнил о себе,
приснился.

* * *

Забыть дела,
послать всё к чёрту,
надеть пальто, пойти гулять
без цели, так, от борта к борту,
немного скуку разогнать.
И вдруг, как прежде, на свиданье,
забыв про ссоры и года,
пойти к тебе.
Да, с опозданием
на четверть часа, как всегда.

* * *

Татьяне Кулешиовой

Съездить некогда мне.
Буду жив – загляну.
На родной стороне
воет волк на луну.

На погосте метёт
или дождь моросит.
Воробей крошек ждёт,
на дорогу глядит.

* * *

Всё стирается легко.
И сотрётся.

Кто стреляет в молоко –
тот спасётся.

Александр Прохоров

* * *

А до отправки на тот свет – одна промиля.
 И путь недолгий – шаг вперёд, косая сажень.
 С утра настойкой самосада отпоили,
 Под вечер в путь положат горсть овсяной сажии...
 Я выиграл осень в поддавки, я выиграл осень.
 На теле рвутся волдыри суконной кожи.
 Колоду карт тузами вниз бросаю оземь,
 Я выиграл осень. Ветер знает, ветер пожил...
 В тумане яблоки глазные розовеют,
 Мой город детства, как всегда, меня покоцал...
 По костылям усохших северных деревьев
 Я разгадал, куда сегодня клонит солнце...
 И до отправки на тот свет – щелчок в запястье,
 Непроизвольный выброс едких эндорфинов...
 Осталось сделать гравировку жадной пастью
 На липком горлышке неполного графина...

* * *

Я пришёл в Аргаяш.
 Мои руки вихляло, как пламя.
 Я поставил на кон
 всё, что выше моей поясницы.

Я проснулся в лесу.
 я застыл в янычаровой яме.
 Не болит голова.
 Не хотят разлипаться ресницы.
 Что ж ты, хмурый татар,
 оценил мою шутку на тройку?
 Чем повинен опять
 молчаливый застенчивый парень?
 Мы играли с тобой
 и в шарады, и в шашки, и в покер...
 Что ж ты предал меня,
 бесконечно российский татарин?..
 Я и сам в западню
 никогда просто так не стремился.
 Колтуны на бровях –
 это катышки кровушки блёклой..
 Западло – не в кистях.
 западло в этих пасмурных мыслях.
 Что ж ты, пьяный татар,
 весь живой, когда я такой мёртвый?..

* * *

Этой ночью гномы украдут твой никель,
 Заберут твой завтрак, разорвут твой китель,
 А луна увязнет в грядке земляники,
 Чтоб ты спал спокойно, мой подземный житель.
 Чтоб тебе приснились горы ашпалачи,
 В мутном флаге неба чтоб сверкал окурок.
 Чтобы захлебнулись дети в страшном плаче,
 А из глоток нищих поползли купюры.
 Этой долгой ночью ёкнет сердце бога.
 Оттого что в мире станет очень тихо.
 Никаких раздумий, никакой тревоги.
 Только вкус тумана с ноткой земляники...

* * *

В. Дубиковской

Ты не пахнешь красивой одеждой.
 Ты укуталась в тару попроще.
 Ты поплачешь и сдохнешь. А мне что?
 Мне приснятся сосновые рощи.

В этих рощах парят пеликаны.
Дети ловят стрекоз волосатых..
Плачут звери слезами вулканов.
И чифирь подаётся на завтрак.
Там поля медоносных растений
Воспитали в себе добровольцев.
И сочатся, сочатся по вене,
Нарывая, как новое солнце..
Ночью феями эфы резвятся.
Феи скорую ищут погибель.
И мелькают в убийственном танце
Переломанных пальцев изгибы.
Но тебя там не будет, конечно.
Ты бы, верно, была там излишней..
Ты не пахнешь красивой одеждой.
Но ты мною пропахла, поди что...

* * *

Удивлённые клоуны с кирпичной крошкой,
с крошкой-хаврошкой, с товарищем
и простой человеческой безбоязненностью устремились вон.
Эх, ловили ведь в своё время секунды на удочку.
Как-то даже запинали гвоздь под тумбочку
и вместе с ним улыбочку
тормошили восточными иглами. А мы,
честно говоря, просто обосрались,
впервые увидев распротёртые объятья.
Воробьёв мёртвых в своей кровати.
Ужи и папоротники уже были готовы стать нашими скелетами.
Уже телогрейки и ватники становились чем-то навроде
портретов.
Сожалели, но сажали. Кого в тюрьму, кого в землю.
Неурожай случился в тот год, ты уж поверь мне.
Тараканы приноровились тискать хлеб.
Иностранные завоеватели принялись искать под половицами дев.
В погребах их и сжигали. Со всеми их иностранными медалями.
Только сосуды лопались и боекомплекты портили униформы.
А остальное – за кадром. Как неинтересное порно.
Так мы и проворонили ответ на несущественный вопрос –
А кто за пазухой-то? Кто угадал предрасположенность звёзд?
Ай, дак ведь и тут вопросов тьма –
Ответ ищи в стоге сена, спрятанного в карман.
А удивлённые клоуны всё равно бы проигрались.
Даже если б мы их не расстреляли.

ПРАЗДНИК

Язык мой, как толстая иволга,
Покинул родные места.
Я губы свои для вас вырыгнул,
Чтоб вам ими водку хлестать.
Я мял свои щёки мизинцами,
Пытаясь блядям угодить...
И плакал слезами с корицею
В их тонкий разрез на груди,
Горячая мягкая радуга
Сочилась из ихнего рта.
Никто никого не порадовал.
Мой взгляд был – как брошенный танк.
На тонкое сердце распухшее
Нашили заплату земли.
Лисицы лицо моё кушали,
А мне им хотелось налить.
И жёны рядили, как кончится...
Съев очередное дитя,
Сосали своё одиночество,
Курили мужей не в затыг.
На лицах блуждало сомнение
И прыгало в глубь кошелька.
А я с ними шёл через тернии,
Ускорив при этом свой шаг.
Комично забив одиночество,
Я пил во дворе со шпаной.
Надеясь, что это закончится –
И лето. И я. И вино...

* * *

Кто не лезет на рожон – тот для старости рождён,
Протыкать клюкой корявой поседевший небосклон.
По подъездам красный пар хлещет из влюблённых пар.
Позовите неотложку – предъявить ей перегар,
Как из всех широких пор три недели до сих пор
Льётся белым самогоном задушевный разговор.
Во дворе трава растёт из кладбищенских пустот
И ползёт в мою конечность и в желудок мне ползёт.
Оловянная листва словно никогда трезва,
Можжевельное солнце освещает мне подвал.

Льётся радуга в кишку, рвётся клоп в мою башку.
 Если что-то не случится – наложу на горло жгут.
 Пьянству бой уже угас, в животе 0,5-фугас,
 Пьянство вряд ли излечимо, как неизлечим экстаз.
 Жгите, падлы, волоса, рвите, б***и, голоса
 И пускайте своё тело в чернозём на самосад.
 А с утра случится снег и на лоб вспотевший мне
 Он опустится бесшумно, чтоб я не стонал со сне.
 И по мне пройдёт один незнакомый гражданин
 И поманит меня пальцем. Мы растаем с ним в тени.

СТЕХИ ПРА МНОГАИ

Испадлобья выскочел пламини иззык
 Пад нагой трава растёт, жолтая растёт
 Кто-та вышэл на балкон, улыбался в дым
 А патом сафсем устал и падался вон.
 Черис мнагалетия паралели врось –
 Атцивила чирёмуха – варавали доштъ,
 Но ни эта главнае в самую жару,
 Если фсё растаило задам напирёт.
 Кто-та бросил закурить с пулий ф галаве.
 Чимаданы рваньи, ржавьи гвазди.
 Мир галаваломками-врятли я пайму
 Натписью настойчива просица апрель
 Солнышкам арудавал знаки падавя,
 Радавались нитачки с миру для рубах
 Но нильзя вить так-та вот как наабарот,
 И падольше нечива жить на этам све.
 Камунальный энурез, вспльчевый кангрэс.
 2 чирвонца па рублю новьи пачти.
 Из мазолий калбаса – чем багаты, тем
 И назначели важдём новава важдя.
 Заприщають вне сибя многаи иметь
 Главнаи благадарить и благатварить
 Застиклёнай рыпке будит дольшы жить,
 Падають красивьи звёзды – 1-й снег.
 Спатыкаица лицо падбаротками
 Так низя, таваришчи – многа атрастил.
 Если палучаица па 3 тонны в год,
 То каму сажать патом ацуцвие зирна.
 Полакурка выбрасил – бошэ ни хачю
 По палу пиринами ржавая сапля.

Калыхался маитник и падался вверх,
Аттаво нисмелая нынчи свалата.
Старана тижолоя послѣ ничиво,
Снова адинакава и аднакаш нет.
Либида суровая выткни мне глаза,
А ни то па рукавам патичот расол.
А ни то па рукавам патичот расол.
Либида суровая выткни мне глаза,
Снова адинакава и аднакаш нет.
Старана тижолоя послѣ ничиво.

Ангелина Сабитова

ЛЮДИ ИЛИ СНЫ

1.

Ко мне приходят люди или сны?
И сны, и люди спрятаны в подушках.
Кто двинется ко мне из глубины?
Из комнаты, в которой только суше
глаза, мокрее – потолок?
В какую даль закинуть поплавок?

На червячка я ночь себе ловила,
закидывала дальше поплавок,
она клевала и, по горло в иле,
вставала во весь рост, во весь поток.
Смотрела из окна – там ты идёшь,
на дерево на каждое похож.

Я перья из подушек доставала,
и прятала в горшки, и поливала.
Под утро вырастали деревья
с твоим лицом, и зрением, и слухом,
но на тебя похожие едва.
И говор их пустой стоял над ухом.

2.

Там мама выростала из пера,
 на ней трещали листья и кора.
 Садилась рядом в платье голубом.
 Она ещё не родилась, и ею
 очерчено топлёное тепло.
 Все плакала, дрожа одним крылом,
 которое от слёз ещё белее.
 Я оставалась с ней наедине,
 как будто нерождённая вдвойне.

Солёный свет, очерченный в ночи, –
 мне говорила: с губ своих утри.
 В подушках были спрятаны ключи.
 Я трогала как будто изнутри
 её набитый перьями живот.
 Я есмь – я в этом чреве плод.

Достань ключи и отвори живот.
 Я двинулась самой себе навстречу.
 Кто вглубь ушёл, тот больше не придёт.
 А кто придёт, того и не замечу.
 Отходят в глубину и сны, и люди.
 Их не было и никогда не будет.

АВТОБУСНЫЙ РАЙ

интро

на коленях у инвалида ребёнок смотрит в отсутствие стёкол
 живой-неживой кондуктор закрывает единственно верный
 выход

не обращаю внимания на погасший свет
 на руки облепившие поручни
 на женщин смотрящих в зеркальца на других женщин
 сквозь чужой сон слышу свой собственный
 сквозь собственный сон ничего не слышу
 автобус мчит мимо леса потом кладбища
 где все спят потому никогда не спят
 пассажиры знают что автобус не остановится
 но новые влезают в него через любую щель

1.

во тьме сама себя не обнаружишь
как ветер бьёт в лицо
смешались как тела во тьме
что путаешь себя с другими
как женщины как дети – зеркальца
поцеловать того кто близко
пока не рассмотреть лица

2.

скорость автобуса
это наша пассивная скорость
это медленный огонь
обнявшись сидим на местах с подогревом
радуясь общности целей и интересов
не успевая почувствовать одиночество
и понять
что некого во тьме
поцеловать

3.

сидения подкинем в воздух
нас тысячи таких
плечом к плечу в наш внутренний час-пик
зависнем в воздухе
и никому из нас (зачёркиваю) них
спасение (зачёркиваю) смерть

4.

выдернуть шнур выдавить стекло
стекло прямо на грудь легло
выдавить бы слезу
и упасть из окна
по ту сторону горькой страны
где я вышла из ряда вон
из ничьей глубины

ОХОТА НА ЛЕБЕДЕЙ

*

если твой сын спросит тебя про выстрелы за окном,
соври ему, что это охота на лебедей.
но ты сам как подстреленный лебедь,

след от пули на твоей шее
смотрится точно укус:
проявление страсти; любовный акт.
попробуй обвить свою шею вокруг ружья –
как вьюнком или растением-паразитом.

*

я смотрю пейзаж за окном как красивый фильм
с открытым финалом,
и мне кажется, что выстрелы ложатся
на чужие тела, как нежные поцелуи,
и что люди падают замертво
счастливыми, вождедеющими.
потому что война это тоже в своем роде любовь,
потому что нет ничего, кроме любви,
но нет ничего, что можно назвать любовью.

*

твой сын спросит тебя про укус на шее,
что ты ему ответишь?
ты только посмотришь с опаской
в занавешенное белой простынею зеркало,
а отражения из зеркал не выходят наружу,
если их не злить, как дворовых собак,
если не трогать их потомство
и не разорять их гнезда.
но тебе не следует бояться:
твое отражение тяжело ранено в шею.

*

твой сын никогда не спросит тебя, кто его мать.
я хочу быть ровней тебе,
я выхожу в окно, в красивый фильм
и встаю спиной к выстрелам.
спиной – потому что всё ещё малодушна.
но пули меня не трогают,
как будто на мне есть бронезилет,
как будто я лукавила, подставив под пули спину.

*

ангел-хранитель стоит за спиной как смерть
и нежно целует мою лебединую шею.

* * *

когда ты гасишь свет в комнате,
ты думаешь о том,
как одиноки наши родители
в темноте?
как уязвимы, как видимы
они становятся для других.
никогда не подглядывай
за их одиночеством в темноту.

а в темноте – фосфорические бабочки,
осадившие голову отца.
в темноте – хищные бабочки,
осадившие тело матери.
никто никогда не узнает,
что бабочки с ними сделали,
но под утро убитых в комнате не найдут –
только убийцы на месте преступления –
сытые, парализованные.

и в небе в то утро – бабочки
как огромный белый флаг над головами.

нашим детям наденут на головы
терновые венки ночных кошмаров,
и, пока мы будем лелеять и беречь одиночество друг друга,
мы никогда не узнаем, как одиноки наши дети,
как, ложась спать,
они кладут рядом с собою
картонных кукол,
исполосованных ножницами,
неузнаваемых,
геометрических,
похожих на треугольные крылья
(крылья бабочек)

– зачем, – спрашиваю, – за что вы их?
– это обряд инициации

как разглядеть в хлопьях детских ресниц хищные глаза убийц,
в складочках нежных ртов – жестокою улыбку,

а я вижу их фосфорические ангельские крылья, бледные
глаза, седые волосы
и не могу поверить.

КОЛЛЕКЦИЯ НАСЕКОМЫХ

*

мой сосед по парте увлекался хендмейдом

он продевал булавки сквозь бабочек
и прикалывал их к бортику пиджака

каждый день он приходил в школу с новой брошью
сегодня с капустницей
завтра с лимонницей
послезавтра с пожарницей
иногда с более редкими видами там с махаоном

его обступали все девочки нашего класса
и восхищённо и немного сочувственно смотрели
как насекомое мучительно трепещет крыльшками
почему-то оно никогда не умирало
только истекало кровью
правда, настоящей человеческой кровью
его костюм уже не отстирывался

когда он отловил всех бабочек в городе
из нашего класса стали пропадать девочки
одна за одной
а на его пиджаке стали снова появляться насекомые

я осталась последней

однажды мне снился сон
что меня накололи на булавку
и поместили под стекло
кто-то дышал на него а я пыталась поймать это дыхание губами
руками
ногами

я очнулась отчаянно трепеща крыльями

*

однажды в детском лагере
пионервожатый принёс нам дождевого червя
и разрезал его на две половины
которые как две пуповины
обвивающие друг друга
до удушья

мы разглядывали его под луной
под лупой

смотрите
он так страшно улыбается
каждой своей половиной

и мы тут же поняли
о чём была его улыбка

обо всех тех кого раздавили
кому оторвали лапки
и крылышки
и усики
о тех кого смыли в раковину
и о тех кого прихлопнули с размаху
о тех кого отравили
и не дали житьжитьжить
весело летать над цветами пить нектар и ползать по траве
и песку

обо всех тех жертвах
погибших от руки человека –
вот что было в его улыбке
ухмылке полной издёвки

нам запахло костром
возмездием

за рекой поднимался жужжащий рой насекомых
над нами уже парил шестикрылый жук

Алексей Сальников

* * *

К тридцати пяти перестаёт сниться сюрреализм –
снится арт-хаус,

Кошмар обретает черты независимого кино,
В основном русского, где кухня или село,
Дождь, потому что осень, никого не осталось.
Убегают кошка, собака, ребёнок, жена, куришь в постели,
Газ открыт, но не зажжён, отовсюду льётся вода,
На месте родителей и знакомых пустоты и темнота,
Ты боялся, что тебя съедят покойники, и они тебя съели.
И теперь, разрозненный по их внутренностям, не имеющий веса,
Чувствуешь себя этими нотами на весу
Мелодии из фильма «Пианино», где муж насилует героиню
в лесу,

Ты сам на месте героини – и никакого леса.
А может, и лес, например сосновый, дожди, и осень
(Как упоминалось в самом начале), и первый лёд,
Как поезд, идут кислород, водород, азот,
С шумом наклоняют верхушки сосен.

СОЛНЦЕ КРАДЕНОЕ – 2

Крокодил состоит из миллионов маленьких крокодилов
(Отсылка к Балу и тысяче маленьких медвежат),
Те, в свою очередь, тоже состоят из ещё более маленьких
крокодилов,
Крокодилов-атомов, что в пустоте лежат.

Цвет молекул солнца закатно-розов,
Крокодил и медведь замирают в различных античных позах
(Варианты статуй, где Гераклы интересуются, что во львах),
Гелиос в сторонке, как бы не при делах,
Заполняет гелием всё, что под небесами,
Львы и Гераклы смеются мультяшными голосами.

* * *

Со временем сезон цветения вишни
Сливается со временем, где вишни висят как гири,
Литература становится похожа на самурая, который пишет
Предсмертные стихи – и не делает харакири.
Передвигаясь в транспорте, грязном, будто посуда,
Видишь, как на рисовых полях весенних газонов,
Блестящих на солнце, стоят повсюду
Призраки (в доспехах)
Снеговиков (без оных).

* * *

Кот дотягивается своим отвращением до тебя,
Даже когда сидит в стороне, трепеща усами,
Или, просто валяясь и просто спя,
Напоминает игрушку с оторванными глазами.

И это отвращение тянется за тобой,
Будто ты этакий корабль, он – крыса в трюме,
Точно так же на тебя смотрит встреченный кот любой,
Будто тот же кот, только в другом костюме.

Несмотря на то что кот бы с лёгкостью мог
Обогреть весь дом в собачью стужу, в людскую слякоть,
Нос кота розов, холоден, мокр,
Как арбузная мякоть.

* * *

Кухня раздвинулась до размеров страны, страна
Постепенно оказалась совсем другой,
Называл её Софьей Власьевной, а она
Ебанутая, как Настасья Филипповна, дорогой,
Она с приветом, и этот её привет
Перехлестывает через каждый порог,
Создаётся впечатление, что Сахаров, правь он несколько лет,
Тоже бы попытался остаться на третий срок.
Далее что-нибудь нужно про день сурка,
Ночь песка, вечер скрипучих петель,
И досок, и снега, и, кстати сказать, снега
Перемешаны со снегами и медведями, и метель
Из снегов и спящих медведей то стелется, то кружит,
Всячески меняется, но остаётся такой,
Чтобы поэт, что внутри у неё лежит,
Столбенел от того, что он мёртвый и молодой
Заранее. Лежит, как в окне бабочка или оса,
Причём с издевательской улыбочкой на устах,
Оттого что зима литературе, как гопник, смотрит в глаза,
А литература только и может ответить: «Кудах-кудах».

* * *

1.

Происходящее после фотографии зарастает крапивой,
Прямую и обратную перспективой,
Со временем нагнетаемая желтизна
До этого мышинового снимка, как та волна
Лодки, реки, воды медленной и песчаной,
Лошади, опустившей в воду живот печальный
(Прерываясь, но не становясь грубей,
Лошадь двоится от живота, как валет бубей).

2.

Бесконечные фото ребёнка на фоне малины,
Собаки, забора, дороги, домашней скотины,
Словно посвящение чада куску земли
И тому неолиту, откуда сами взошли.
И неолит наступает по двум причинам:
Воля, недоступная в городе и мужчинам,
Во-вторых, дикость, естественная, как слух,
Потому что туалет на улице – повелитель мух.

И множество лет спустя – берег или поляна,
Всё равно – грязная чёрно-белая четырёхлетняя обезьяна
С ненавистью смотрит в фиолетовый объектив,
В одних каких-то жутких трусах, спасибо, что в них.

* * *

Медленные киты покидают свои края,
Поскольку у них повсюду края свои,
Им говорят: осторожно, пески, буи,
Сети, они такие – да ниуя!
Приятно глядеть на покатые их бока,
Толкающие многочисленную волну,
Приятно тем, что среди всего бардака,
Всех этих волн киты напоминают одну,
И ту же бутылку или шёлкового крота,
Или приятны тем, что знают, что красота
Совсем не в этом, а в знании, что вода
Заперта берегом, но не кончается никогда.

* * *

Снег, спокойный, как лицо, медленный, как ремонт,
Идёт, как в последний раз из последних сил,
Он возносится, только строго наоборот,
Оседает, как пыль, проплывает, как крокодил,
Сделан одновременно из швов и строк.
Прохожий в более тяжёлых ботинках, чем смог надеть,
Приседает на светофоре, чтоб завязать шнурок,
Медленно озирается, как медведь
В лесу, состоящем из молодого березняка.
Если предмет (а именно снег) повторяется много раз,
Всё сводится к тому, что снегопада нет,
Просто у зрителя несколько тысяч глаз.

* * *

Главный редактор сомалийского журнала «Африка литературы»
Легко отличает силуэт торгового корабля
от замаскированной под него военной бандуры,
Такова особенность его внелитературной халтуры.
Он не одевается пиратом, но является им на святки
и к Хеллоуну,
А также остальные сутки в году, когда не сутулит спину,
Правя тексты какому-нибудь местному поэту и гражданину
У себя дома, на табурете, не вставая с дивана,

В окне видны очертанья портового крана,
В смежной комнате: «О-о-о-о-о, кто проживает на дне океана».
При этом из головы не идёт, как блестящие волны
перекрещиваются перед глазами,
Как лодка идёт посредством мотора, но как бы под парусами
К иноземным флагам, которые издали кажутся
сушащимися трусами.
Он думает, что где-нибудь Фёдор Михайлович (РУДН)
со своим перископом
Непременно должен присутствовать каким-нибудь боком,
Перемещаться в радиомолчании волооком
С таким лицом старого белого клоуна, но без грима,
Прощать всё и вся, проплывая мимо,
Кроме Фландерса, т. е. Иван Сергееича, и это – необъяснимо.
Ему кажется, что всё и всегда шевелится и передвигается,
даже его квартира,
Поскрипывает скорлупой на волнах Зефира
На разбитых трюмо воды, как на обломках мира.

* * *

Полурузвельт издаёт полусухой закон,
Шутка доходит с улыбочкой в голове,
Автор её с высунутым языком
Бежит, трезвеет от встречного воздуха, дайте две.
А когда друзья выползают после звонка
Быстрого такси и в такси ползут в пустоту зимы,
Он идёт гулять с ротвейлером без намордника и поводка
(Притом что намордник и поводок ему самому нужны)
Вдоль малолюдной улицы, где фонари, как мёд,
Желты, а сугробы лежат по бокам, не смежая век,
И в конце концов ему кажется, что кто-то идёт,
А это оказывается снег.
Это снег начинает медленно падать и оседать,
Начинает себя самого собирать в мешок
Такого места на карте, где если существовать,
То нужно внезапно заканчиваться, как стишок.

* * *

Девочка, девочка, город на колёсах
Движется к твоему гробу сквозь снежный дым,
Сквозь шерстяного снега кресты и розы,
Ну и другие красоты, тыгдым-тыгдым,
Не перемещением сближаемы, а словами,

Но поскольку движение – и слово, и существо,
Как и ты сама, то пропасти между вами
Тем шире, чем более от расстояния ничего,
Тем их вообще не становится, чем ты ближе к центру,
Спасибо ему за это как никому.
Твоя мама выбрасывает сигарету в окошко «Хендай Акценту»
Своему,
Затем резко перестраивается в соседний ряд,
Так что приходится добавить радио, чтобы не было так слышно,
Как сигналият и что говорят,
Затем смотрит на тебя как на некое чудо,
Ты навсегда запоминаешь, что вы сидели в пробке, как на мели,
Сухая вода падает ниоткуда
И растёт из земли.

* * *

Поезд стихосложения идёт по холмам домой,
Оглядывается, но снегопад забеляет огляд,
Поезд состоит из разных вагонов – один голубой,
Другой самоубийца, ещё один – психопат,
Есть вагон, сочетающий все эти черты,
Есть вагон, не сочетающий ни одной,
Единственная аналогия этому – цветные коты,
Одинаково полные темнотой.
Пассажир поднимает сонную голову – даль пуста,
И это не что иное, как внешний вид
Нынешней всегдашней иронии, которая как с куста,
Притом что куст польхает и говорит.

* * *

Поэзия, говорят, такой невесёлый цирк,
Или как если бы Тарковский снимал ситком,
Допустим, Чендлер вспоминает родителей, и, кувырк,
В эпизод вставляют «Зеркало» целиком.

Довольно уныло, но взгляда не отведёшь,
Вроде как чёрная и медленная вода,
Лежащий кот, либо лежащий ёж,
Либо другая животная красота.

Либо ребёнок смотрит в телеэкран,
Откинувшись на диване, пульт под рукой,

По экрану скачут свинья, пингвин и баран,
Но комната полна скукою и тоской.

Ребёнка зовут, и он уходит во мрак,
Оставляя всё на своих местах,
Стихи на читателе отпечатываются, как
Диванная ткань на детской заднице и локтях.

* * *

С этой некрасотой отошедшего ото сна,
С этими дырками в воздухе, будто в сыре,
Лес напоминает магнитофон «Весна»
Портативный Эм-двести-двенацать-эс-четыре.

Лежбища шашлыков, торфяник уже горит,
Пенсионеры палки для шведской ходьбы достали,
Всё находится в пионерском кипении – в ручьях гепатит,
Комары – везде, в травах – Ixodidae.

Ощущение от происходящего, что слиты в одно
Безумия Франкенштейна и Вилли-Вонки,
Предметы вокруг сломаны и заброшены, но
Зацеплены через ременные передачи и шестерёнки.

И вроде знаешь: плёнка склеена, лес обманул –
Не можешь отыскать заикливание трека,
Как на краю восприятия словом становится гул,
Так на краю зрения дерево становится человеком.

* * *

На тварь сию глядят из последних сил,
Не знаю, кто ты, но если бы кто-нибудь смог
Подсчитать, сколько на это ушло чернил,
То наверняка бы сделал вывод – что осьминог.

Ну осьминог, так осьминог, какая, к херам,
Разница, кто ты, собственно, важен процесс,
Как правило, данный процесс – харам,
Цахес, цейтнот, Фёдор Михалыч, порез,

Мечь, потому что, когда начинаешь писать,
Прошрое невольно думает: как же так,
Я его вскормило, смогло его воспитать,
А вырос мудака.

Многие видят: движется колесо
Болезни, схожей с желудочной и морской,
Это состояние, красное, как словцо,
Идёт, будто поезд, без жалости, но с тоской.

* * *

Но ничего не видно из-за штор,
Дождь движется, как велотренажёр,
Невидимая здесь вода мерцает,
Колотится о жестяной карниз,
А на других карнизах зависает.

Мы продолжаем медленно лежать,
Настолько медленно, что не соображать
Гораздо проще, чем – и так понятно,
Что свет проходит мимо, как вода,
А от предметов остаются пятна.

Стоят как тени прежние жильцы.
Разъехавшись на разные концы,
Они глядят как из одной изнанки,
Как на балконе мокнут и стоят
Их ДСП, и лыжи их, и санки.

* * *

Воду покинув, наверно, больной,
Как кашалот,
Выбросится на берег очередной
Семнадцатый год.

Дело не в том, что верхи не хотят
И т. д. Просто налей.
Проигнорировать трудно, ребят,
Свой юбилей.

Будет веселье – салют и батут
И иго-го,
И алеуты опять набегут
За мясом его.

Ну а покуда скачи как блоха,
Весёлый пиит.
Книга горит не затем, что плоха –
Затем что горит.

Александр Самойлов

* * *

смерть копошится у дверей
маячит у окна
младенец говорит
скорей!
но не спешит она

младенец говорит
любовь обман
и смерть фигня
посмотрим кровь
куда же кровь
ты унесёшь меня

* * *

милый друг грустить не надо
о прошедшем дне
он ни кара ни награда
ни тебе ни мне

обо всём забудут люди
встанет ночь в окне
и прощения не будет
ни тебе ни мне

* * *

мальчик с огромной сумкой россия
откуда в тебе переть её сила
рутений на завтрак на ужин свинец
и будущий холод девичьих сердец

мальчик с огромной сумкой россия
ты вырастешь старый больной некрасивый
над домом твоим встанут волки и псы
но если получится то ты не ссы

мальчик с огромной сумкой россия
я говорю хоть меня не просили
и ничего мне не надо в ответ
маме привет

* * *

поднёс камень к уху
говорит как по телефону
говорит
моя старуха
третий день не выходит из дому
не выходит не двигается не дышит
кожа на руках сохнет
говорит
подойди поближе
а потом
и ты тоже сдохни
там постоянная акция
шоколадные батончики
дешевле рублей на двадцать
а я так любила сладкое
но всегда боялась тебе признаться
алё
говорит
слышите?
не слушайте эту дуру
она всегда на меня жаловалась
в профком и прокуратуру
она психическая больная конченная
вот у меня справка с собою!

достаёт фантик от батончика
и трясёт им над головою

* * *

сдай назад братуха
вот и все дела
у меня непруха
целый день была

с самого начала
был какой-то ад
я прошу так мало
просто сдай назад

разве я ругался
я ж его просил
матом не ругался
вежливо просил

иногда бывает
кто же виноват
слов не понимают
я ж не виноват

да я всё закончил
можно мне попить
можно телефончик
маме позвонить

* * *

как тяжело не бухать среди людей
и как наоборот бухнуть приятно
как терминатору собрать себя обратно
давай ну что ты позвони же ей

о как самоубийственно трезва
на железнодорожном переезде
жизнь замерла неузнанным созвездьем
что ты сказал? как ты меня назвал?

* * *

в энциклопедии
уральская поэтическая школа
которая как она учит
вовсе не школа
в хронике событий
на странице 571

во второй колонке
третья строчка сверху
есть предложение
написанное для смеха
оно про дебош učinённый
группой юных поэтов
но почему-то не сказано
кто был это
сказано только
что их было трое
и больше ничего
мы не знаем об этих героях
хроники пишутся победителями
а не лохами
я тогда сторожил кафе
и мы там бухали
я тогда знал имена ваши
но память мою подменили
но вы машете мне – неважно
мы тоже твоё забыли

* * *

до невы не дошёл но фонтанку видел
река это хорошо даже в уменьшенном виде

зашёл в столовую там женщина говорит андрею
андрей вставай надо идти не успеем

андрей вставай я одна не могу на улице скользко
сам меня торопил а теперь сидишь уже сколько

все мы немного андреи каждый в своей норе
так я подумал и начал кушать картофельное пюре

* * *

пусть я страдаю до поры
но будет мне вознагражденье
я получу освобожденье
на две недели от физры

туда вы скачете сюда
а я иду куда не знаю
мороженое покупаю
и исчезаю навсегда

* * *

не такой уж мама я
и дебил
вот цветы вчера
прикупил

не такой уж мама я
и урод
со вчера одна
тут живёт

на меня как ты
всё глядит
на войну иди
говорит

* * *

вот бежит скороход
от тебя письмо несёт
он в железных сапогах
алюминиевых штанах

через лужу и сугроб
топ-топ
через поле и овраг
звяк-звяк

* * *

панки справляют
тридцатилетие группы
от первого состава
остались только чуня и вава

чуня встаёт
поднимает стакан
и вдруг спрашивает
а где костян?

ты что чуня?
костян замёрз
десять лет назад
когда его жена
не пустила назад
чуня стоит и не пьёт

спрашивает
а где урод?

ты чуня совсем?
пятнадцать лет назад
уроду дали пять лет
и с тех пор его нет

а чуня всё никак не накатит
спрашивает
а где катя?

чуня хватит!
какая ещё катя?
не было сроду
тут никакой кати
как это всё некстати!
как это всё коряво!
давай лучше ты
вава

* * *

водолаз провёл под водой четырнадцать лет
залез в восемьдесят восьмом вылез во втором
вылез а никого знакомых уже нет
и давно закатан в асфальт милый дом

там теперь красивая платная стоянка
блестят хромированные детали авто
водолаз приходит туда спозаранку
все его понимают и не ругает никто

давай
говорит один
прокачу до пристани
посмотришь на реку и обратно
водолаз глядит на него пристально
но человеческая речь давно ему непонятна

* * *

уже на десять лет
я старше чем отец
он мне прислал привет
какой ты молодец

не думай мы глядим
хоть это нелегко
вокруг туман один
как это
молоко
я сквозь него гляжу
хотя не знаю как
и я тобой горжусь
мой ванечка-дурак

* * *

захотел олигарх картошки с поджаркой
как в детстве делала мама
пришёл на кухню к своему повару
говорит
вот бы картошки как тогда

для этого
отвечает повар
нужна чугунная сковорода
и лето семьдесят девятого года

и жир кулинарный
добавляет олигарх
и жир кулинарный
соглашается повар

да я знал что это невозможно
говорит олигарх
ни за какие деньги
говорит повар

думаешь мне грустно от этого
спрашивает олигарх
немного наверное грустно
отвечает повар

ты уволен
говорит олигарх
давным-давно
отвечает повар

* * *

в рифму напишешь
выйдет глупость
напишешь не в рифму
тоже выйдет глупость
да ещё и не в рифму

мальчику подарили машинку
а он ушёл в уголок
и там её ломает
не ломай машинку!
кричит папа изнутри мальчика
но папа ещё маленький
и голос у него тоненький-тоненький
ничего
скоро папа вырастет
и тогда его все услышат

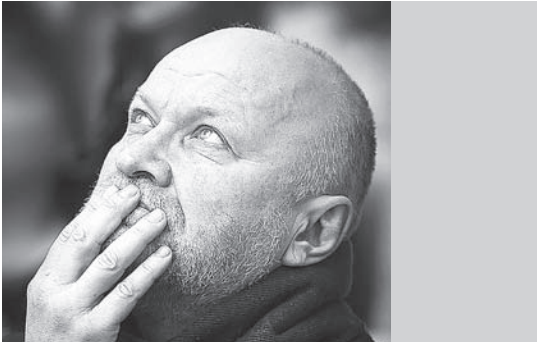
папа вырастет
а куда денется мальчик?
глупость твой выход
уедет на машинке?
нет
будет уменьшаться внутри папы?
нет
тогда я не знаю
конечно не знаешь
ты же глупость

* * *

евтушенко был не настоящий
настоящего сложили в длинный ящик
отключили функцию ума
и отправили на станцию зима

сколько их таких по всей россии
ящичков лежит по всей россии
то песок то снег запорошит
то как будто мышка шебуршит

Андрей Санников

* * *

Из бедной проволоки ток
перетекает в эту лампу –
и видит белый потолок,
и возвращается обратно,

и говорит в стене другим,
живущим в проводе созданным,
что умер, что лежал нагим,
что был в каких-то длинных зданьях,

что больше нечего хотеть,
что горе состоит из света,
что нужно только потерпеть
в убогой проволоке этой.

* * *

Лампочка, наполненная кровью,
загорелась у меня в груди –
это называется любовью.
Я люблю тебя, не уходи.

* * *

Носишь сердце, прикасаешь руку
к снегу на заснеженном кусте.
Позвонишь уехавшему другу,
спросишь – как погода в Элисте?

Жизнь идёт, как тихая собака
рядом и глаза у ней белы.
Помнишь, здесь была большая драка –
а теперь здесь пятна от золы.

Города, похожие на горе, –
например, Челябинск или Тверь.
Даже если лучше будет вдвое –
всё равно всё будет, как теперь.

Только это ничего не значит.
Я хотел быть счастливым – и не смог.
Каждому, кто говорит и плачет,
кажется, что он не одинок.

* * *

Всё изменилось непоправимо.
На небе стало 4 луны.
Я взял себе дополнительно имя
Феофилакт, т. е. «жизнь без вины».

Этими фото я располагаю,
но до сих пор не решился смотреть.
Горе уменьшилось, я полагаю –
где-то на четверть, а может, на треть.

Не беспокойся о нашей свободе,
не беспокойся о жизни моей
и не пиши мне сюда. Ну вот, вроде
я и ответил тебе. Т. е. ей.

* * *

Теперь на оцинкованном железе
печатают печальные газеты
и раздают с грузовиков проходим.
Ещё июнь, но листья опадают.

Случилось что-то – только надо вспомнить,
что именно. Я не могу проснуться

или уснуть. Прозрачны стали веки.
Теперь у взрослых руки без ногтей.

* * *

На небольших велосипедах
из меди или серебра
объезжены в белых кедах
под вечер едут со двора.

В полях планеты и початки
съедобный излучают свет –
сняв кеды и велоперчатки,
они идут пешком след в след

среди светящегося поля,
среди огромной темноты,
среди сияющего горя
невыносимой немоты.

* * *

I
Когда уже и жизнь погасла,
и наступила темнота –
куски светящегося масла
вываливались изо рта.

Когда и вечность перестала,
и пылью сделались грехи –
остался привкус от металла,
похожий на мои стихи.

II
С деревянной веткой в руке
он сидит на крыше один.
Слеп с рождения. А вдалеке
проплывают несколько льдин.

Открывает рот – изо рта
свет идёт, как из маяка.
Закрывает рот – темнота
наступает. Только река

светится зелёным слегка.

* * *

Отсохла половина сердца.
Спокойно смотрит человек,
как из его ладоней кверху
идёт холодный мелкий снег.

Вокруг него стоят собаки.
Вокруг собак стоят дома.
Вокруг домов стоит ограда.
А за оградой – смерть сама.

* * *

внутри несытных рябоватых рек
чего-то ищет смотрит человек
рукав засучит сунет руку в реку
и кто-то пальцы тронет человеку

и из воды пойдя кругами вдруг
потянутся к нему десятки рук
стесняющихся тёплых и печальных
на каждом пальце в кольцах обручальных

лицо им подставляет человек
смеётся плачет говорит про снег
горит костёр на низком берегу
начнётся снег костёр горит в снегу

* * *

В августе незрячем и невзрачном
на бомбардировщике прозрачном
двойники и даже тройники
отвезут меня в Березники.

Приземлимся при дожде и громе
на заброшенном аэродроме
в полвторого ночи и пойдём
к яме, где когда-то был мой дом.

На проспекте Веры Бирюковой
встанем мы, построившись подковой,
и достанем ржавые ТТ.
Ливень всё сильнее и т. д.

Кашляем, на подбородках – сажа.
Вот и искажения пейзажа –
реки приседают и встают,
горы, как прохожие, снуют.

Нас, как будто в тамбуре, болтает,
дождь то вниз идёт, то зависает.
Яма то зевает, то вопит,
то шипит, как будто в ней карбид.

Вот теперь-то всё должно случиться –
шансов нет, но может получиться.
Ржавчина стекает из руки.
Щёлкнули железные курки.

Мы стреляем что есть силы в яму.
Пауза на длинную рекламу.
А потом всё хорошо – зима,
дом в снегу на склоне у холма.

* * *

1.
Листва, листва лежит во рту Урала –
как вяленые рыбы и листва –
и лёгкий дым идёт. И стук, и шелест.
Урал один сидит на берегу,
горит костёр, и у огня собака,
покрытая глазами, как росой.
Куда пойти? Все умерли недавно
и стали – наконец-то – как живые,
и разошлись куда-то по делам.

2.
Проходит осень, наступает лето,
проходит лето, наступает осень –
летят, стеклом блистая, паутины –
на берег деревянные моторки,
как выдры, вышли и легли у ног.
Зима, зима – нам не нужна ни осень,
нам не нужно ни лето – мы устали
без снега, без снегов, без наготы.

3.

Страна вокруг – как шиферная кровля
панельной молодой пятиэтажки,
стоит Урал и курит наверху.
Сейчас к нему поднимется Алина –
татарка из четвёртого подъезда –
«Какая красота! Ты не замёрз?»

4.

Конец апреля, сигареты «Лайка» –
на пачке изображена собака,
покрытая слезами и росой –
кури-кури! Как хорошо на крыше!
Как хорошо и холодно на крыше!
Как холодно и солнечно на крыше!
Как холодно на крыше бл..., ...!

* * *

I

Далёкий край, похожий на прицеп, –
вокруг него одни леса и горы.
одни леса – и горы в них стоят,
как будто мебель в утренней квартире,
т. е. внезапно, вывалив нутро.
Соседи что-то сверлят спозаранку
и каменная мебель дребезжит.
И птицы дребезжат над ней, мнутятся –
как будто клочья полиэтилена
в воронке ветра с мелкими камнями.
Растёт воронка, втягивает воздух,
стоит полупрозрачная юла
над лесом. А внизу гуляют люди –
здороваются, хлопают себя
то по груди, то по боку – неслышно
внутри одежды дребезжат мобилы,
как будто зубы у детей растут.

II

Меня родили в доме из бетона,
меня везли в коляске из клеёнки,
меня кормили сахаром и воблой,
меня носили в небо на плечах.
В три года я увидел мотороллер,

в четыре года я увидел мёртвых,
мне непрерывно снятся эти сны –
мне непрерывно снятся непрерывно
вокруг домов изрытая земля,
вокруг домов заброшенная стройка,
а под землёй качается вода.

III

Когда я вижу сливочное масло –
я узнаю его и улыбаюсь,
как будто бы июнь и я в лесу,
и лес вокруг меня коми-пермяцкий,
и очень хорошо, что я умру,
и за спиной река или собака.

* * *

гóря пламенные горы
и прозрачны и сухи
замирают разговоры
прекращаются стихи

воли каменные воды
не имеют глубины
только соли или соды
ширины или длины

* * *

Вылетела пуля, оглянулась,
засмеялась, полетела дальше.

Вот она летит под облаками,
над рекой, где Нижний и Самара.

Ветер пуле раздувает чёлку,
пуля смотрит яркими глазами,
говорит по-польски и хохочет.

– Вот же сука! – говорит Чкалов,
раздражённо догоняя пулю.

Бьёт её квадратным молотком.

* * *

Проходя среди этих дождей,
уступая дорогу деревьям –
я совсем позабыл про людей
и про то, что случилось под Пермью,

И про то, что часы на руке
почему-то наполнились ртутью,
и про то, что я жил налегке,
и про то, что я умер под утро.

* * *

Убывает тело, будто снег,
наступает перемена жизни:
если раньше путал смерть и свет –
то теперь совсем чужих и ближних.

Мартом тыльным очи отирать –
хороши ли слёзы земляные?
хороши ли слёзы огневые?
хороши ли?.. Надоело врать.

* * *

...И эта важная печаль,
похожая на получение
письма и на его прочтенье,
когда всю жизнь свою так жаль.

Окликнут, спросят – говори,
прохожему рукав сжимая,
что есть иная жизнь, иная,
а эта жизнь – огнём гори.

Наталья Санникова

ШЕСТЬ АННОТАЦИЙ ИЗ «ПЕРМСКОЙ СИНЕМАТЕКИ»

за тем деревянным домом
тропинка сойдёт на нет
мы были тебе знакомы
прохожий, смотри нам вслед

вон там васильки дневные
цветут как сто лет назад
мы психи но не больные
а нам доктора грозят

прохожий, как непохожи
мы нынешние на тех
и ты нас не видишь тоже
не слышишь ни крик ни смех

идёшь со своим айфоном
больничный модерн сними
мы там за лесистым склоном
мы тоже были людьми

мечтай о кофе с корицей
о тёплом своём жилье
заброшенной психбольнице
недолго быть на земле

и дождик шуршащий в травах
и дерево и стена
телесная их оправа
больной душе не нужна

и ты не ступай уныло
сквозь сумерки не смотри
лечебница не могила
мы всё еще там внутри

* * *

Можно ли так любить, расстаться и выжить,
жить, будто счастье возможно (*оно возможно!*),
утром вставать, пить кофе, идти на службу,
будто бы боль утихнет (*она утихнет*),
снова учиться вглядываться прохожим
в лица, шутить с хорошенькой секретаршей,
думать: «Зачем я здесь? по какому праву?»,
помнить о том, что было, не пробуждаясь,
вечером по привычке писать в блокноте,
публиковать в каком-нибудь Интернете,
думать «прочтёт, возможно» (*прочтёт, возможно*)
и ненавидеть всею ночью глупое тело
за то, что оно всё помнит (*оно всё забудет*),
но покупать ему снова еду, одежду,
может быть, даже возить его к теплему морю,
где вы вдвоём когда-то (*море всё то же,
небо, земля и звёзды не изменились –
как они могут? зачем они это смеют?*),
по возвращении встретить ещё кого-то
и разрешить себе жить наконец, влюбиться,
будто бы отпустило (*да, отпустило*).
Или вот я, которая не страдала
по-настоящему (впрочем, разок страдала),
перед тобой ни в чём я не виновата,
перед другими – может быть, но не слишком –
что я могу тебе написать в открытке? –
только «люблю и помню». *Люблю и помню.*

* * *

Я давно тебе не писала. Вот что:
пришли мне адрес с какой-нибудь почтой –
голубиной
или мышинной.

Вижу, сметая пух тополиный,
трогаются машины
с перекрёстка Ленина – Луначарского,
все в веснушках дождика частого
на крышах и на капотах.
Что-то зреет в длиннотах
эпистолярных пауз.
Я, конечно, спрошу, хоть потом раскаюсь:
как ты живёшь? Что у тебя где там?
Где у тебя ничего не болит наступившим летом?
Если не сложно, ответь мне по пунктам, ладно?
У нас второй день прохладно,
второй месяц темно и сыро,
точно вся слякоть мира
собралась вокруг моего дома.
У тебя как, по-другому?
Я хотела уехать, хотела лета,
почти купила билеты –
в Ирландию или в Грецию, но расхотела.
Весной болела,
искала в палате угол,
где не холодно, как обычно.
Навещала одна подруга,
говорила: у вас прилично,
загляни в травму и хирургию,
там и пациенты другие...
Девочка-соседка хотела замуж через неделю,
не лежала в постели,
прыгала на скакалке, ходила в баню,
пила пиво, чтоб вышел камень –
он же совсем маленький, совсем близко!
В соседней палате лечилась артистка
местной драмы.
Всем иногда звонили мамы,
их успокаивали как умели.
Я не выдержала и недели,
сбежала домой –
зачем, боже мой?!

Мне замуж не надо, спектакли играть не надо,
детей не забирать из детского сада,
сад не поливать, не полоть,
на работу не мчаться, наоборот:
ждать твоего письма
и сходить с ума.
Например, оттого что скоро опять зима.

ИЗ «ПЕСЕН СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА»

*

Врачи говорят, что в норме
пробуждение и отход ко сну –
это ритуал, набор одинаковых действий и мыслей.
Каждый раз, когда я ложусь далеко за полночь,
я сперва думаю: «Как же замёрзли ноги!»,
а потом слушаю, как ты дышишь.
Если не слышно, целую куда придётся,
чтоб ты завозился и начал смешно бормотать во сне.
Давно, когда ноги почти не мёрзли,
я просто слушала, я так же боялась,
как теперь, когда мы уже не молоды.

*

У моей школьной подруги
нереально красивые ноги.
Такие должны сниться
каждому мастеру по пошиву обуви,
эти узкие щиколотки предназначены,
чтобы надевать самые лучшие
ботильоны и лодочки.
Одна беда – сорок лет подруга лодочек не носила.
У неё с детства нога больная –
вот и ходила в тапочках, а то и вовсе сиднем сидела.
Теперь не то: пришли добрые доктора
и сделали ей титановый сустав,
и встала моя подруга
и полетела по городу
в туфельках на высоченном каблуке –
сантиметров десять, а то пятнадцать.
То есть чудеса действительно происходят.
И вот мы можем вместе ходить за нарядами –
это отдельное удовольствие,
потому что ей идёт всё без разбору,
продавцы не могут нарадоваться.
А недавно она купила
фиолетовое трикотажное платье,
надела его и спрашивает:
ну как?
Хорошо, отвечаю, тебе идёт, как обычно.
И тут она говорит:
не могу забыть, как в 93-м
мы встретились в день выпускника,

на тебе тогда был фиолетовый длинный свитер
из ангоры...
Надо же.
Прошло семнадцать лет,
а она помнит.
Зачем ей это?
Мне-то понятно зачем:
именно в том году
единственный раз в жизни
я была по-настоящему счастлива.

*

Друзья-поэты говорят,
что это никакие не верлибры.
Я скажу так: эти никакие верлибры –
единственное содержание моей жизни,
единственная пахота, на которую я способна,
когда не стою у плиты.
Иные думают, что литература –
это такое творчество.
Какое такое творчество?
Какая тебе литота?
Что тебе метонимия,
человек с бородой?
Никто не знает, как мне на самом деле
бывает страшно,
когда за полгода – ни строчки,
когда друг не звонит месяц,
когда неделю болит голова
или целые сутки идёт снег.

* * *

В детстве я думала, отец меня ненавидит.
Он сердился, если я просыпалась ночью и звала маму.
Он не разрешал мне приходиться к ней в постель
и не разрешал маме уходить ко мне.
А меня мучили ночные кошмары,
я боялась спать и боялась проснуться –
потому что тёмной комнаты я тоже боялась.
Только повзрослев, я поняла,
что папа просто хотел побыть с моей мамой.
Ну и выспаться перед работой.
Папы давно нет,
а мне до сих пор снятся кошмары,

и я боюсь спать и боюсь проснуться,
потому что всю жизнь боюсь темноты.
Мои дети росли иначе.
Я мало заботилась о том, чтоб они были сыты,
даже о том, чтоб были здоровы, – не так много,
как о том, чтоб они не боялись темноты,
чтоб им не снились кошмары.
Дочка, когда была маленькая,
часто прибегала по ночам к нам в постель,
забиралась отцу под мышку,
она и теперь любит его больше всех на свете,
а я не ревную,
потому что именно этого и хотела,
когда уговаривала мужа родить дочку.
Теперь мои дети выросли,
и я точно знаю, что они никогда темноты не боялись.
Но страшные сны им снятся,
это, оказывается, неизбежно,
страх человеку зачем-то нужен.
Однако, если он компенсируется любовью,
жизнь даже во сне побеждает –
и страх, и темноту, и смерть – всё.
Правда, кроме любви есть ещё искусство,
оно тоже сильнее смерти,
но если б не папа,
я б никогда об этом не догадалась.

КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ДЕТСТВО

Могу ли я что-нибудь знать о детстве,
если даже у моих детей
оно закончилось?
Помню ли я своё детство?
Младшая сестра говорит:
мы всегда ссорились,
кому заниматься музыкой
в большой комнате,
и ты уходила в ванную
со своей скрипкой,
потому что моё пианино
унести куда-нибудь было сложно.
Что я тогда чувствовала?
Помню ли я, что играла на скрипке?

Помню ли, чего я боялась,
чего хотела,
какие читала книжки,
каким представляла будущее?
«Жили-были старик со старухой», –
это я читала наизусть маме
или сыну на ночь?
В одном я совершенно уверена:
я боялась прожить
свою единственную жизнь
молча.

Вопрос можно поставить иначе:
кончилось ли моё детство,
когда у меня родились дети?
Дочка боялась уколов
и в медкабинете просила:
– Мама, можно я сначала поговорю с тётёй,
а потом она меня уколёт?
Это ей пять, наверное.
Или четыре, не помню.
Я тоже всегда говорю от страха,
иногда про себя, в темноте,
то есть при абсолютном понимании
отсутствия собеседника.
Страна моя, единственная, родная,
я хочу говорить с тобой
перед тем,
как ты сделаешь мне больно.
Не покидай меня, речь.
Не умолкай, дочь.
Неважно, кто это слышит.
Важно не умереть молча.

* * *

повторяю за теми кого люблю
затворяю окна когда мне страшно
у меня хранится твоя рубашка
я раз в год стираю её бедняжку
и совсем когда-нибудь погублю
у неё есть дырка на рукаве
расползётся нейлон как сухая кожа
ты со мной давай так сказать поостроже

ну чего ж тебе надо чего чего же
у меня все спуталось в голове
я живу ну чего же ещё живу
каждый год рубашку твою стираю
нажимаю backspace и слова стираю
но как ты внезапно не умираю
и от страха и слабости не реву
ну а если реву то ничья вина
не волнуйся меня защищать не надо
никого нет рядом тебя нет рядом
вот рубашка покамест ещё нужна

* * *

нет никакого ужаса или горя
может ты был смешон на прошлой неделе
или нашёл открытку и фотоснимок
то есть нашла конечно не это важно
скажем письмо из армии из уральска
снимок такой коричневый как водилось
в тысяча девятьсот восемьдесят пятом
пухлый солдатик с еврейской своей бабулей
в армию призывался он из донецка
с филологического факультета
я его видела через четыре года
он там уже женился учил английский
вскоре уехал в израиль потом развёлся
дальше европа америка вновь европа
после за ним родители и бабуля
это уже вполне нулевые годы
сын уже в школе лайвджурнал и гарри поттер
первая же знакомая из берлина
их в телефонном справочнике находит
ровно за месяц до этого по дороге
то ли из бельгии то ли из амстердама
сын и отец разбились сказала трубка
сын слава богу жив и на этом точка.
с этого места времени с этой точки
всё происходит быстро и будто наспех
ты их не видишь тех кто тебе был нужен
нет не любимых не дорогих обычных
просто знакомых всяких по переписке
все комментарии к прошлому удаляешь
думаешь новые будут нужней и лучше

думаешь по дороге из амстердама
новые обязательно будут лучше
что ли целее это и будет важно
главное чтоб никто не уехал дальше
письма идут оттуда конечно дольше
а комментарии также и фотоснимки
делают не такие и мы все те же.
что ты хотел сказать я не понимаю

* * *

нет для тебя письма говорит зима
раскачивает на ветру голос из-за холма
на той стороне листа дата ещё пуста
на этой уже проступило число до ста
третью цифру можешь вписать сама
пусть ты напишешь ей високосный год
с почти *без обмана* всё что произойдёт:

*сколько раз ты замрёшь ожидая удара
сколько дней и ночей будешь выть от боли
сколько слов любви не услышат идущие мимо
смотрящие молча ибо слышать они не умеют.*

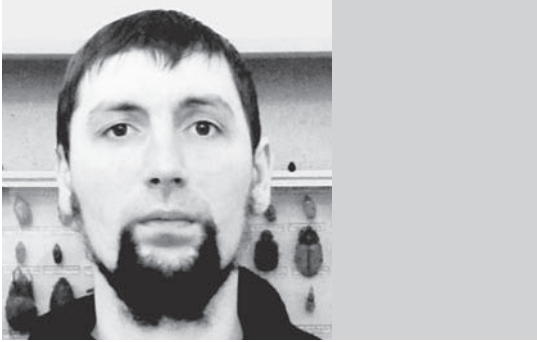
вот тебе лист бумаги *пустые твои чертоги*
что ты молчишь художник создатель сука
это ли потому что во рту у тебя разлука
дерево твоё не растёт и уже не издаст ни звука
птица не улетает не опасаясь за жизнь воронью
небо твоё не тает когда прикроешь его ладонью

* * *

Утренний нежный свет,
длинный тоннель
многих похожих лет,
вот и апрель.
Выйдешь из-под земли –
глубоко не дыши.
Будут очки в пыли –
девушки хороши.
Станешь бродить Москвой,
не садись на пенек.
Там, вдали, огонёк –

там часовой.
Будешь есть чебурек,
закатай рукава.
«Чёрный твой человек», –
говорит Москва.
Вот у неё тепло,
вот у неё метро,
время твоё пошло
в точку зеро.
Там, над большой рекой,
всходит одна звезда,
спросит, кто ты такой,
и зайдёт навсегда.

Владислав Семенцул

* * *

у лица пустых влагалищ
 лица старых, тихих кладбищ
 что лицо, что эти лица
 в центре кладбища девица
 пальцем чешет подбородок
 над могилами уродок
 свет так ясен и высок
 под надгробьями песок
 небо влажное вверху
 у девицы рот в пуху
 перья падают в венки
 она крутит у руки
 солнце яростно искрит
 в фотографиях у плит
 тишина и благодать
 в горизонте только гладь
 а под платьем след могил
 любишь, любишь, разлюбил

НЕЖНЫЙ ТАГИЛ

Мы с тобой целовались у плит
Выдыхая друг другу в лицо
Тёплый воздух который искрит
На губах серебристым свинцом
Облака вылетали из труб
Свет над городом небо белил
Мы шептали друг другу: «Мой друг
Эта вечность и нежный Тагил»

* * *

Мы маленькие бабочки
танцуем в темноте
на ножках наших тапочки
мы кружим по плите
и темнота сгущается
на крыльях тает свет
наш танец не кончается
две тысячи с чем-то лет
в пустом и тихом темени
мы кружим наобум
нас больше нет во времени
мы в темноте из лун
летим лениво к паперти
крылом срезая мрак
внутри, снаружи, взаперти
божественный барак

* * *

Грачи в Россию больше не летят
Они и знать не знают, где она Россия
А я услышал в криках маленьких грачат
Глухое краа-краа-краа «Мессия!»
Быть может краа-краа-краа «Краковец!»
Подумал я и посмотрел на старый глобус
А мой ребёнок рисовал на нём овец
И пояснил, что это очень хитрый фокус
Берешь овец, рисуешь и вуаля
Вокруг весь мир теряется мгновенно
А в это время за окном шуршали тополя
И слышалось глухое краа-краа-краа попеременно

МА БОГ

Звезда горит над Уралмашем
Урчит в тиши район рабочий
Из окон тянет сладким фаршем
Перебивая запах ночи
Я на проспекте, на Победе
В квартире маленькой живу
Всё слушаю, как пьют соседи
А ты лежишь и ешь халву

* * *

Что же, что же, что стряслось
подарю тебе лосось
бьёт хвостом, скользит в руках
мир для нас открыт как пах
где сокрыт для всех секрет
твой лосось плывёт на свет
тайна, тайна, ручеёк
рыба съеденный паёк
поперёк воды волна
сети сотканы из льна
так вот жили и живём
мой лосось сияет днём
белым брюшком, чешуёй
назовём его семьёй

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

В лесу родилась Ёлочка

(рожал её Егор
и с тех пор
всё изменилось
ты перекрасила топор
мне красная кобыла снилась)

в лесу она росла

(Егор назвал сына Игор
сюсюкался с ним
спускал с гор
а ты не понимала меня и врал
помню, как в моём сне кобыла ржала)

зимой и летом стройная

(Игор возмужал
сунул в отца кинжал
и топоры в округе зазвучали
ты говоришь, что любишь меня
но я в печали)

зелёная была

ДЕНЬ ЗАЧАТИЯ (СЕДЬМОЙ)

Дочери, по очереди лезем к маме под юбку
плотно стискиваем зубки, считаем узоры
вот вам пальцы для счёта, платя для позора
немного терпения, три полных ведра воды
чистое воскресение, день без еды
как принято, плаваем по полу
под подолом набираем опыта
иначе никак, мать-рыба, отец-дьяк
дышит носом в мокрый пол
в мамин кружевной подол
а у вас в руках карась, сети
между ног не класть
шире ноги, чем ведро
тянем, тянем вдоль на дно
там, где мамино нутро
трогает отец волной
в день зачатия
(седьмой)

* * *

По стенам скачут худенькие вши
А мы с тобой живём в глуши

Сшей мне платье папа, сшей из мёртвых вшей
И карман из драпа на груди пришей
В этом платье папа, я пройду в тиши
Неприятный запах, маленькие вши

По полу скачут родовые вши
Скорей мне милый напиши
Сшей мне платье папа из пушистых вшей
И махровый клапан к сердцу ты пришей

Я пройдуь по дому соберу всю пыль
И пошлю родному, милому костыль

Ручная скачет по ладоням вошь
Когда ты миленький приедешь иль придёшь

CASA MARE

Из дома вышел я один и в тот же в дом вошёл
Я понял, что я Нефилим, и лёг на тёплый пол
В подъезде тишь и полумрак, рябая красота
Собаки лижут у собак хвосты и вдоль хвоста

В маленьком пустом трамвае я в руках сожму билет
За окном снежинок стая падает на парапет
Серенький слепой кондуктор, смотрит на меня, как мать
Я куплю себе конструктор буду домик собирать

Я сидел на стуле у окна спиною и смотрел на стену,
где висел ковёр
Я упал со стула на пол головою, в голове услышал
тихий разговор
Говорили люди, говорили в голос про узор,
который вышит на ковре
В дом вошла старуха, на пол кинув хворост, и сорвала лист
на календаре

* * *

Боря, Боря, что ты сделал
накидав в людей камней
в их глазницах бледно-белых
стаи чёрных лебедей
плавно скидывают перья
в роговицы чёрных глаз
безнадёжное поверье
на их лицах метастаз
что ты сделал Боря, Боря
белокаменный уют
разошлись всё швы покроя
до сих пор безмолвно шьют
кто как может, как учили
люди скачут без портков
кони загнанные в мыле
будь здоров во век веков

* * *

Ворон крикнул: «Кар-кар-кар!», дым распяли поутру
ночью приходил Икар и улёгся в конуру
в небе крест и самолёт, пируэт небесных тел
я Икару вскрыл живот, чтобы он не улетел
пёс облизывал себя, в конуре погаснул свет
в зеркалах у фонаря профиль мой и силуэт

утром уходил Икар в животе с большой дырой
он не слышал: «Кар-кар-кар!» и исчез за мостовой

мой костёр в тумане гаснет, искры тухнут на ветру
ночь уснёт в собачьей пасти, пёс ползет в конуру

КАКОГО РОДА ЧЕЛОВЕК?

Собака умирает стоя на лапах
Человек стоит на ногах и рыдает
Их окружает толпа зевак
Человек достаёт из кобуры пистолет
Выстреливает в голову собаке
Толпа зевак превратилась в хаотичную жижу
Собака скулит, падает прямо в лужу
Человек вытирает слёзы пуховым платком
Подаренным дочерью
Вокруг ни души, кроме меня
Я стою в фуражке поодаль в стороне
Ем мороженое и смотрю на человека
Человек посмотрел на меня
Я предложил ему мороженое
Больше ничего

* * *

Мой муж на фронте
Меня не троньте
Когда зарежут
То похороньте
А тюль в коробке
На окнах леска
Цветут плющи
На занавесках
Забор ограда
В пригорку горька

Мне милый с фронта
Прислал тюльпаны
Семь тысяч писем
Слова и буквы
И брошь – заколку
Для старой куклы
Письмо для мамы
Немного чая
Два апельсина
Открытки чаек
Часы махорку
Военный китель
Нашивку к брюкам
«За всё простите»

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ПУСТОГО НИЧЕГО

В этом стихотворении нет смысла
В этом стихотворении нет сюжета
В этом стихотворении нет главного героя
В этом стихотворении нет образности
В этом стихотворении нет надобности
В этом стихотворении нет рифмы
В этом стихотворении нет ритма
Вру, в этом стихотворении ритм есть
Это стихотворение никому не посвящается
Это стихотворение не пытается тебя учить
Это стихотворение ни о жизни, ни о любви и даже ни о смерти
Это стихотворение сложно назвать стихотворением
Тогда зачем писать это стихотворение
Тогда зачем читать это стихотворение
Тогда зачем нужно это стихотворение
А вот это вот секрет
На этом всё

Екатерина Симонова

ИЗ ЦИКЛА «1-я ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ»

До утра простоять в подъезде,
чиркать спичку за спичкой, говорить о чём-то,
о чём – потом и не вспомнить,
вернуться домой под утро счастливой,
как бывают счастливыми только раз в жизни.

Никто не спит, все в гостиной:
мама – в слезах, бигудях и корвалоле,
папа – на заднем плане, суров, хмур и чёрен,
кот на переднем плане
облизывает хвост, и на спине серые пятна.
Но тебе – всё равно, твоя юность ярче,
твоя юность ещё в это верит.

Утром проснёшься – суббота, солнце,
родители сердятся,
но ты молода и не помнишь уже об этом,
знаешь только, что день будет долгим:
трамвайные усики таракана в кухне,
кругленькие красные трамвайчики, идущие по Садовой,
мигающие светофоры,
бесконечное лето.

Встретитесь через много лет
 (твои погрубевшие руки,
 его плащ – слишком короткий и мятый),
 согласишься издали и отвернешься:
 где это жёлтое, красное, зелёное, чёрное лето,
 где его пустой спичечный коробок,
 который он обещал хранить на память?

ЗЕРКАЛО

I

Бедное тело моё, нелюбимое и больное,
 Бродит по дому, меня оставив.
 Жимолость дед за окном вырубает,
 Молча покачивает головою, сжигает.

Осеннее небо холодеет и гаснет.
 Горек дым украденного наследства:
 Коричневая веранда, лампочка, мотылек, мой голос, чужой
 и чистый:

Дедушка, дедушка, дай мне запомнить.

II

Зачем ты сделал меня такую живую,
 Вынашивающей терпение, нежность, усталость
 Так, как другая вынашивала бы под сердцем ребёнка,
 Прислушиваясь, к животу прикладывая покрасневшую
 от воды руку?

Зачем этот воздух, невесел, бледен,
 Ласточку мне в проёме дверном рисует?
 Кто меня покидает или по мне тоскует,
 Кто говорит, что я его больше не слышу?

III

Вот этот дом, говорящий: я – дом,
 Вот этот долгий дождь, этот сад,
 Повторяющий: дождь, поверь мне, дождь,
 В смерти никто никогда не виноват.

Вот этот запах чёрных скрещенных ветвей,
 Набухающей и густой земли,
 Вот этот вечер прозрачный, и стол пустой,
 И тёмное зеркало, повторяющее: обернись.

ЭХО

тёмный мох светлая вода зреющий/зрячий воздух
какая мне от тебя досада
говорить о том что несерьёзно
говорить о том о чем говорить не надо

какая мне от тебя нежность
видеть твою склонённую голову над ручьем
затылок с тёплым запахом перепутавшихся волос
весенний далёкий гром

какая мне от тебя радость
кроме той о которой лишь помнить
год два три пока не зажило
не заживёт только

какое мне от тебя имя
кроме чужого данного как передарок
нет твоей здесь вины – это я повторяю просто
что до сих пор могу быть живая

БАБУШКИ

1

в молодости: когда сидела на табуретке,
коса стелилась по полу.

в старости: помню обидчивой неопрятной старухой,
храпевшей так, что спать в одной комнате с ней
было невозможно.

рассказывала, как в январе сорок второго,
ночью, в поле снимали с убитых полушубки,
сгибая негнущиеся замёрзшие руки,
стаскивали сапоги, разрезая верх непослушных
окаменевших голенищ.

запомнилось – да почти ничего.
разве что полукруглая пластмассовая гребёнка в седых
стриженных волосах,
пачка пожелтевших, бесполезных, замасленных книг
с оторванными обложками,
перекатывающиеся в ящике серванта несколько чёрных пуговиц.

2

учила печь пироги – с капустой, пекла сама,
отрезала половину, прикрывала мятой жирной обёрткой
от маргарина,
чтобы не пересушить,
заворачивала в старый полиэтиленовый мешок,
заштопанный толстой ниткой,
давала с собой домой гостинца:
«кто тебе будет, когда умру, такие делать?»

теперь пеку сама, когда достаю из духовки,
промасливаю корочку – все защипы и углы,
накрываю обёрткой от маргарина,
чтобы не пересушить,
сверху укутываю её дареным вафельным сероватым
полотенцем
с заплатами из старой простыни в розовую полоску,
вспоминаю.
и капуста нынче не та,
и радость – тоже.

3

из гроба вставала в ночном свету
манила рукой ласковою рукой
белыми губами шевелила: до сих пор ничья
до сих пор хочу быть тобой

с утра оказывалось: не здесь
серый снег скрипел на зубах
за поворотом каждым в каждом слове
молодость-вертопрах

тихий сквозняк тихий точно она
пробирал до самых костей
обернувшись оказывался перед самим собой
понимая: *память гибельна и нежна*

* * *

просыпаешься, услышав своё имя
в пустой комнате, в призрачном свете
наступающего дня,
просыпаешься – и никого не видишь.

расставляет силки егерь беспечной смерти,
успокаивает, глаза отводит,
как безбровая длинноносая девочка на портрете
около тысяча четыреста семидесятого года.

тёмный фон осени, тень от ветки – через окно ко входу,
зритель незримый, замерший в ожиданье,
оценивающий урон:

эта тревога, как тень от ветки,
это подводное её колебанье.

ИЗ СТИХОВ АННЫ АРНО

*

«Плотоядна моя любовь», –
Радуюсь я, выгрызая
Каждый твой хрящик, высасывая
Каждую твою косточку.

«Плотоядна моя любовь», –
Урчит кошка, поедая
Своих слепых детёнышей,
Хрустя мягкими позвонками.

«Плотоядна моя любовь» –
Шепчет господь бедной Анне,
Заставляя её проживать
Не свою жизнь.

*

вот он, твой юный голос, –
три белых двери в одной комнате,
пустой стол посередине,
женщина спиной к зрителю.

жизнь становится потихоньку картиной,
тут добавишь совок и немного сажи,
там – накрахмаленный чепчик.
чувствуешь, как воздух пахнет дневной горячей пылью?

становясь на своё место, вещи со временем
заставляют забывать о пространстве:

сначала одна дверь открывается, затем вторая,
на столе появляются царапина, лампа,
щипцы для сахара,
и только женщина не оборачивается.

это лицо – единственный предмет,
который она не может найти,
назвать своим, избавиться от него,
стать просто зрителем, как и ты, смотрящий.

ГОЛУБКИ. СТИХИ ИЗ ДЕТСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ

1.
Се грехи злые, смертные:
облако-пыль, голубиные коготки, клеванье,
ты улыбаешься как ни в чём не бывало.
Львиный мостик из окна похож на детскую горку:
осторожнее забирайся на белую спину,
зажмуривайся, думай: «Сейчас всё пропадёт».

2.
Розовые дома с глазами обведёнными серою краской:
фарфоровые акмеиды каменные улитки
вкрадчивый кашель красные руки гусиные лапки
серенькая весна грядущая шарик овальный вербы
хрупкая косточка
злая

3.
пергамент облака в тёмных
старческих пятнах

Малая Невка с дрожащими
большими руками

4.
робость слова
расшаркивающего ножкой
идеальный двойник:
мошка
над ухом
воркотня
часов с голубым маятником
золотою звездой во лбу

*хочешь побыть болезным лакомкой?
хочешь стать самым хорошим мальчиком?
хочешь русскую смерть в чёрных валенках –*

слышишь, снег скрипит

* * *

мне это снова снится.
так промолчим и забудем.
невероятные лица
и вероятные люди

этих прозрачных комнат,
этого серого света,
и оголённый локоть
дерева после ветра.

Сергей Слепухин

* * *

Подсекая дождевые плети,
Ветер гонит палую листву.
Крестносец умер на рассвете:
Смерть от грёз во сне и наяву.

Побредет на солнечном осляти
В радужной мечты Ерусалим.
Полыхают грозовые рати,
И костёр походный стелет дым.

Там внахлёт не дождь, а только манна,
Гроб Господень манит глубиной,
Там платок уронит донна Анна
Не в одно столетие длиной...

* * *

Подслеповатый демиург
и безобидный идиот,
пуржа глаза снегами пург,
на ощупь движется, бредёт,
шагает с жизнью налегке –
ему легко идти дано –
бормочет смерть на языке,
блаженно вымершем давно...

И с каждым шагом смерть длинней,
но я не ведаю, дурак,
подземное змеенье дней,
ночей, опущенных во мрак.
Беспечные – и ты, и я –
безумье держим взаперти
на тонкой кромке бытия,
на еле видимом пути.

И я кричу: «Открой! Открой!»,
так что меня туда влечёт –
в библейский беспощадный зной,
где все круги наперечёт,
деревья голы, воздух сжат,
морозный ветер сеет свет,
где наши двойники лежат,
а наших душ в помине нет?

ПАМЯТИ КРЕПСА

Я этот призрак берегу
Все долгих двадцать с лишним лет.
Как будто вижу дом в снегу,
Камин, шотландской клетки плед.
Там гирьки ходиков спешат,
Но до паркета далеко,
И целый выводок мышат –
Стишат, написанных легко.

Поэт, жена, луна, окно,
Сочельник в доме обжитом,
Сервис, хрусталь, цветы, вино,
«Дурак» ли, покер – это ль, то...
Им сорок – сорок с небольшим,
Стол, Мастер, Саския, бокал,
Сквозняк и сигаретный дым,
«Любви глагол», – как он сказал.

Казалась – может, от вина –
Тропа в заснеженном саду
Неглубока, длинным-длинна –
Легко от смерти убегу.
Но глаз в обратный путь спешил,
Стрелой сорочьей целил в грудь,

Когда? – он так и не решил –
«Когда-нибудь, когда-нибудь...»

Как легкомыслен шёпот штор,
И уши – смерть не стерегут!
Огонь, любовный разговор,
Парной насиженный уют.
Сгорев, он превратился в дым,
Прозрачный призрак голубой,
И громко хлопнула за ним
Дверь чёрной конскою губой.

* * *

Когда опять сквозь Суэцкие ворота
проедет Он на ослике хромом,
одышливо зашевелится что-то
вот здесь, левее, в раненом, больном.

И пальмовые ветви, и осанна,
и ночь в Вифании, блаженна и чиста, –
душевная обманчивая рана
во имя Господа грядущего – Христа.

Пластмассовые стульчики рядами,
увеселения дешёвый атавизм,
спогрѣбшеся Тебѣ сидят меж нами
у входа в рай... Метафора, трюизм.

Я тоже видел мух на этой куче,
И слышал тех, кто величал, любя.
Ах, эта боль, зачем она не учит,
Не доверять, не выдавать себя!..

* * *

Мой вечный адрес – Рома...

Гоголь

Истукан поднебесный пустыми глазами дымится,
колумбарий пчелиных неприбранных трутневых сот,
херувимов и птиц постаревшие детские лица,
видит странник приезжий, что ласточек в руку зовёт.

По ту сторону страха заблудшее время в излёте,
в арках прячется ночь, в коридорах гуляет сквозняк,

бесперывность внезапности в тёмной порфировой ноте:
чернь, il rorolo, крик, разрывающий тягостный мрак.

Пантеон, щедрость пап, Бонаротти, Брамант, Борромини...
Дайте молнию в руку и тройку как вихорь коней!
Подлецы, департамент, снега... Жизни, жизни! Я – в Риме!
Но всё явственней избы и мёртвые тени длинней...

РОЖДЕСТВО

Было душно, и плакал младенец,
Пахло копотью, жжёной звездой,
За стеной простыней, полотенец
Закипал огнедышащий зной.

В голове, как в пустыне, верблюды
Мяли жвачку, блуждали, паслись,
Раскалённой жаровней повсюду
Громыхала чердачная высь.

Шершни, змеи, все бесы броженья
Грозовой разливали металл,
Набухала угроза вторженья,
Чёрный битум смолою стекал.

Зрела нота тревожной печали,
Беспокойством пылали огни
И пророчеством страшным венчали
Вифлеем в ожиданье резни.

РАВЕННА

А Бедекер соврал: здесь был не я,
Не я кричал: «Огня! Подать огня!»,
Святые лица рассмотрел в люнетах
Не я – а незнакомый человек,
Мне время не подняло тяжких век,
Какая жалость, не случилось это!

Я был далёко – там, где тьма и тьма,
Томился страстью и сходил с ума,
А в это время юноша прекрасный
В далматике на скалах восседал,

Голубки окружили пьедестал,
И крест венчал тот купол восьмичастный.

Мозаика не любит яркий свет,
Но с нетерпением ждёт: придёт поэт,
Подкупит сторожа, зажжёт во тьме черини,
И озарит янтарный мавзолей –
Оленей, Пастыря, влюблённых голубей,
Весь Божий мир на каменной картине.

Над чашей плавно кружит стрекоза,
Под аркой – виноградная лоза,
Живая-мёртвая вода нетороплива.
Успение. Равенна спит в веках,
Звезда неярко светит в облаках,
Пасутся овцы на траве лениво...

ПАСХА

Что жертвенность? – подумалось опять.
Рассвет сочится киноварью свежей,
Теперь её душе не отстирать,
Хотя, боюсь, сомнения всё те же.

Рим расцветает: ангел в ножны меч
Влагает на священном мавзолее,
В Господнем теле открывая течь –
И небеса становятся алее.

Благоговенье, блеск слезинок-бус,
Шиповник обзаводится глазами,
И ласточки кричат: «Исус! Исус!»,
А Он – вверху, Он – воскресает с нами.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Цветёт миндаль, помолодела Люба...
Заснуть и спать – я не хочу трезветь.
Но в полночь дьявол мстительно и грубо
нагнал меня, занёс тугую плеть.

Безумие тревоги и усталость,
потеря ритма, музыка дрожит,

сипение мотора, в сердце вялость,
Кашины, Арно, загородный вид.

Здесь и повсюду – странная картинность:
в зелёных сумерках – архангел темнолик,
тосканских дев весенняя невинность,
платок, цветы, кудрявый базилик.

Проснуться от ожившей смерти Мити,
вернувшейся спокойной тишины...
Чего мне ждать? – Беды, потерь, событий?
Любить народ, не чувствуя вины?

Мятеж, «они»... От революций гадко!
Найти б в душе забытый уголок,
творить своё – стихи, перо, тетрадка –
и тихо жить... Ах, если б только мог!..

А там – Чулковы, барышни, актёры,
газеты, деньги, истеричный смех,
фальшь, спекуляция, пустые разговоры...
Я так изнервлен, я устал от всех!

Флоренция, *madonna col bambino*,
хор ангелов, Беато, тишина...
Глаза закроешь: мерзкая картина –
«Война и мир». Нет, всё-таки война!..

* * *

Неси на стол вино, ведь нам смешно до колик:
Песок и камнепад! На головы вода!
Сопливый фантазёр, строчит письмо историк,
Что сдвинулись дома, во тьме пришла беда.

Волнуется земля, с колонн неотвратимо
Летят кумиры вниз, двуличный душегуб
Вновь нацепил плюмаж – цветенье пара, дыма,
Высокий пепла столб – и лава рвётся с губ.

Но это враки, брат! Последний день Помпеи
Придумал для зевак заезжий Карл Брюллов,
Лениво подобрал нехитрые трофеи
И выложил на холст потешный свой улов.

Мать обняла детей, разбилась колесница,
Пылающий зигзаг рвёт небо пополам,
Жрец пятится назад, обрушилась гробница. –
Наверняка теракт. Какое дело нам?!

Тарелка макарон, в колонках – Челентано,
Терраса под окном, белецца и ленца.
Ещё один дурак ломает фортепьяно,
Тра-та-та-та-та-та, и дальше – без конца...

* * *

Хор ангелов над цепью горной,
дыханье пламени в траве.
Но видишь ли, что воздух – чёрный
и бесы скачут в голове?

Уже не яростно, не ярко –
Флоренция, повозка, труп –
Кого везут? – Меня под аркой,
целуют в угол чёрных губ.

В глазах бездомных серафима
блестит солёная слюда,
трагично и неотвратимо
застыла тёмная вода.

Осадок осени мерцает
за острым стрельчатым окном.
Кто умер вновь? Никто не знает.
Зелёный сумрак, метроном...

* * *

Розово-серого цвета
Женщины в небе парят.
Очень плохая примета
Этот телесный наряд.

Лица, сулящие ласки,
Ягоды бузины,
Бантиком губки, а глазки –
Дынные дольки луны.

Как эти лиры текучи!
Впрозолоть музыка их!

Ловко в небесные кручи
Звонкий цепляется стих.

Знай же, что тема в концерте
Грубо банальна: жена –
Замысел медленной смерти.
Как наказанье, весна...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГАЛИЧ

Я вернулся к тебе через двадцать колымских шаламов
Чёрной хвоей волны, мёртвой пеной таёжных морей,
Одиссей лагерей, островов человеческого хлама,
Чьи Печора и Кама скрипят на цепях якорей.
Нас Великий Циклоп разыскал ненавидящим оком,
Людным стадом овец гнал на Север и Дальний Восток,
Так и этак – умри, ведь Итака осталась далёко,
Так и этак – живи и мотай незаслуженный срок.
Вот он – я, на груди посинела старушка Паллада,
Верный Аргус издох, и не слышно в сених пацана.
Ставь на стол магарыч, ничего на закуску не надо,
И пускай старый хрыч режет сердце ножом.
Басана.

* * *

Ночью в кармане пахнет железным рублём.
Моль на асфальте. По тормозам. «Берём!»
Трушная курочка. Пиво. Ларёк. Сезам.
Ах ты, паскуда! Я тебе дам – «не дам»!

Рявкает плеер, рубка хвоста по кускам,
Рок и вискарь – левой резьбой по мозгам.
Тени чудовищ, прячется страх в дупло,
Через замочные скважины
Вытекло в ночь тепло.

Спальный район, старый цементный кекс.
Тёмная близость, жадное – крекс, пекс...
Гул за окном.
Кайф обломил самолёт.
Плоское лезвие,
дымные руки вразлёт...

ФАГОТ

и светал потолок время выхода в
надрывался фাগот саломея
фиолетовый нимб у твоей головы
на мизинце – камея

свет в зрачке поменялся на яркий кармин
нервный сполох – гримаса
как лазо пожирал алогубый камин
чёрный рот фантомаса

полый город свернулся змеиным кольцом
в застеклённом багете
и просеян в тебя я лежал мертвецом
и рассеян в тебе погивал подлецом
обессилев вконец на рассвете

абиссиня март за окошком висел
цербер «М» ад метро охраняла
на бесстыжей арабике высухший мел
паруса одеяла

* * *

Пластинки волосковые круги.
Игла на ножке как девчонка скачет.
Беги, душа, без памяти беги
Туда, где слёзы ничего не значат.

Продольный взгляд ровняет пустоту,
Накалывает боль игла тупая.
Оркестр, как полк, уходит за черту,
В забвение смиренно отступая.

Евгений Смышляев

ТОТ КТО

тот кто
бережёт свой язык
стережёт свой круг
общения
и следит за
знаками мимикой и значением
логикой повествования
тот не позволяет себе
случайных связей / опасных связей
секс – продолжение речи (для такого как)
особый способ коммуницировать телами
мол
покажи где у тебя болит
я подую лизну
и бо-бо пройдёт
или
мы не будем ТАМ берeditь
а в ТУ дверь
мы войдём
там легко и свободно
мы будем там
как в раю

тот кто
 уже ничего
 не бережёт
 а тем более свой язык
 не стережёт свой круг
 (он раздувается
 словно мыльный пузырь)
 имена в телефонной книге
 вбиваются
 одно за другим
 Саша Саша 2 Саша 3 Саша секс Саша хороший секс
 Саша ЧМЗ Саша Аврора Саша 41 Саша Миасс Саша Кыштым
 теряет логику и последовательность
 часто гуляет пошатываясь и поскальзываясь
 точнее
 бредёт из точки А
 в точку Б
 (или сложнее путь с несколькими координатами)
 тот позволяет случайным людям
 поговорить с собой
 на совершенно разные темы
 тот любит когда
 пожёстче и погрязней
 реконструкция травмы
 авersive терапия
 все двери открыты
 повсюду одна пустота
 и просторное поле полыни

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА (ОЧЕНЬ ВОЛЬНАЯ ТРАКТОВКА)

Всё дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как субстанцию только, но равным образом и как субъект.

Гегель, «Феноменология духа»

обозначьте меня
 наделите меня опознавательными знаками
 начертите на моей коже символы
 закуйте тело моё в медь и железо
 укрепите моё сознание отрицанием отрицания
 вшейте в мой речевой аппарат мифологему вечного
 возвращения
 чтобы все песни только о любви и смерти | жизни и рождении

диалектическое развитие

самозащитные рефлексy
как этот разум вновь может любить
как это сердце вновь может пылать
этот рот искренне целовать
после всего что

тётеньки психологи советуют
избавляться от негативного опыта
после завершения ментальных высокодуховных отношений
с *субъектом один*
в переходный период
перед *субъектом вторым*
нужно выждать время
совершить ритуалы
(сжечь вещи поплакать напиться
поплакать сжечь вещи записаться на приём
к психотерапевту
чтобы не мотать нервы
друзьям и подругам
они не вечные
они уже заебались)
попробовать быть материальным
попробовать состоять из мяса
из рук и ног
волос и слёз
пота и спермы
вздохов и криков
выдохов всхлипов
произвести пересчёт
ревизию
своего материального мира
устроить ярмарку
карнавал блядства
познакомиться с другими предметами
сравнивать и переоценивать
модернизировать
своё и чужое
отделяя одно от другого
прийти к выводу
что в несовершенстве прелесть
во время очередного оргазма
с очередным материальным объектом
наконец закрыть все гештальты
осознать своё истинное предназначение
абсолютную идею

перед людьми и богом
социумом и отечеством
логосом и хаосом
и обратиться к высокодуховным отношениям

выстроить новое ролевое поведение
(всё ж таки диалектическое развитие)
быть мягче (жестче) упорнее (спокойнее)
и у тебя всё получится
и у тебя всё получится
мотивируй себя на успех
просыпайся каждое утро только с хорошим настроением
принимай то
что выписывает тётя психотерапевт
и у тебя всё получится
полюби себя
полюби полюби полюби
и у тебя всё и у тебя всё и у тебя всё
несомненно
получится
всё

НОВОГОДНЯЯ РЕЧЬ

дорогие мои бедные мои
близкие далекие
родные сводные
ну или только по крови
буду не буду
ни длинен ни краток
только по существу

что мы за этот год
узнали
о себе
о мире
что сотворили
для себя
для мира
кого любили и кого не

кого находили в своей постели
какие сюрпризы преподносили
телу (оно отвечало)

насколько мы постарели
(или помолодели)

освоили ли новые языки
чтобы лучше понимать «другого»
чтобы «чужого» становилось меньше
стали ли больше бояться
смерти
жизни
свободы
лица своего
отражения в зеркале
(ведь оно каждое утро
говорит нам о главном
что ещё так много работы
а ты встал лишь к полудню
ещё заплетать стога
и встречать волхвов
а у тебя немытая голова
скверно выбритая щека
как ты будешь её подставлять Ему)

что дал нам этот год
точнее что мы у него взяли
чтобы жаловаться на то
что всё снова пошло по пизде

депрессия
алкоголизм
легкая наркотическая зависимость
тяжёлая похоть
тотальная лень

или всё так и должно было быть
это сансара сансара
ты должен пройти через все эти круги ада
чтобы прийти к себе найти себя вытащить
осознать

—
кришнаитско-буддистская чушь
иди проси милостыню в цветастом халате
иди обрейся в гребаные монахи
иди слейся в нирване
пой джатаку
гаутаме

(проспись)
и только тогда говори
что это всё
не твоих рук дело
и ты ни за что не в ответе

дорогие мои бедные мои
близкие далекие
родные сводные
ну или только по крови

что нам делать со своей жизнью
как нам смириться со своим положением
как нам бороться за выживание
где нам достать деньги на эмиграцию
как нам защитить диссертацию
где искать уважение
к себе
если самим от себя...

где тот человек
что будет искренне нас любить
все наши лица
и воплощения
все наши жизни
каждый наш прожитый год
и всё то
что мы за него
успели / не успели
натворили / не сделали
всех тех
кого мы любили и не
и т. д.
и т. п.

дорогие мои бедные мои
близкие далекие
родные сводные
ну или только по крови

для чего я написал этот текст
для чего я затеял этот спич
всё очень просто
оттого что
в тот самый момент

секунду
мгновение
когда я его начал
мне было страшно
мне захотелось поговорить
с вами
с собой
с кем-то другим
возможно с тем
кто меня не поймёт
но это не важно

все те вопросы
что задавались
—
не лично к вам
не к себе самому

все те вопросы
что задавались
—
не нуждаются в ответах
не нуждаются в уточнениях
всё то о чем говорилось
неважно неважно неважно
как и всё что нам снится

и вы несомненно забудете каждое слово
и вы несомненно проснётесь 1-го утром
и начнёте всё заново заново заново

Владимир Тарковский

* * *

Ничей ребёнок бегаёт с сачком,
 На бабочках любовь свою срывая,
 Молочным их сжимая кулачком,
 Беззлобно. До бессмертия сжимая.

А что ещё? – ладонь его в пыльце,
 Как бы песчаное остановила время.
 А что ещё? – улыбка на лице,
 И пробивается живой родник сквозь темя.

Ничей ребёнок трёт глаза рукой,
 И золотой рождается хрусталик,
 И плакать нет причины никакой,
 Но очень хочется себя заставить.

СОЛДАТЫ СЛОВА

Поэзию глотают по чуть-чуть,
 Чтоб не стошнило (а такое часто
 Бывает, если взять себе на грудь
 Пудовый оборот деепричастный).

Поэзия как красный мёд, она
 То приторна, то вязка и смертельна,

Как ввечеру любимая жена,
Которая по сущности – беспцельна.

Ты говори, мой мальчик, говори,
Я знаю, ты уже перенасыщен
В свои семнадцать – манекен витрин,
Где счёт идёт на доллары и вирши.

Пока пустой словесный гайморит
Стекает слизью вниз по носоглотке,
Не верится, что может быть убит
Юнец в своей замызганной пилотке.

А он не мёртв, он будет вечно жив...
Но ты – в другом полку, в другом отряде,
И если повезёт, то отслужив
Ты всем расскажешь, как «тепло» в штрафбате,

Нас принимали стулом по хребту,
Тычком под дых, восьмизетажным матом,
Как тошно по уральскому хребту
Бежать сквозь АРТобстрел простым солдатом.

Да и тогда, когда, припавши в лог,
Чтоб отдышаться, пару строк накинешь,
Выискивая подходящий слог,
Поймёшь, что пули, в общем-то, не вынешь.

Поэзию глотают по чуть-чуть.
Не переешь, твой Взводный видит дальше,
Чем ты себе представить можешь, суть,
Что он с обрезом, пока ты с мелкашкой.

Так красный мёд отёрши рукавом
С дрожащих губ, ложатся полевые
Душманы слова в чёрный бурелом,
Без имени, да и зачем им имя.

СТАРОСЕЛЬСКОЕ

Май в безвременье, трёхдневная щетина,
Маета и морось в духоте.
У отца былинные три сына:
Двое пьют, а третий – так себе –

Уходил за счастьем – не вернулся,
Видимо, всё сам употребил.
Батя зол, летают в доме блюда,
Он бы душу продал за этил.

Не деревня – сказка, да и только,
Жить бы жить, да вот падёж скота.
Не по доброй, но по чьей-то воле
В супе то ботва, то лебеда.

Мальчуган, как водится, без плавок,
В маечке с малиновым пятном,
Поплавком мелькает в дымных травах,
Бог его оставил на потом.

И стихи его, счастливей нету,
Тридцать лет спустя идут в расход:
Вот мне пять, он пишет, скоро лето,
Обжигает кожуцу осот,

Плещет май в колодезной водице,
У отца четвёртая жена
Отчего-то ходит в рукавицах,
А сестрёнка снова влюблена.

И про то, как делаются дети,
И про то, что выдывать грешно.
Тычет мордой псина в муравейник,
И чихает, и нам всем смешно...

ТУЕСА

Мы ждём гостей незваных и непрошенных.

О. Мандельштам

Поёт свирель на чёрной высоте,
Выходят дети в поле с туюсами,
Так, будто бы давно всё знают сами
О некой неминуемой беде.

Уильям Голдинг зыркает с небес,
У Айн Рэнд ломается наречье,
Атлант уже давно расправил плечи.
Мушиную пронизывая взвесь,
Идут сквозь травы дети человечьи.

Они найдут его в конце пути.
Совсем старик. Он не сумеет вставить
Ни слова. Пересохшее «попить»
Здесь прохрипит молитвой про «избавить».

Поёт свирель. Лохматит ветер чуб.
За чубом чуб, за чубом чуб лохматит ветер.
Стоят обезображенные дети.

Встаёт старик, не размыкая губ,
И туюски сжигает на рассвете.
И в пепле оставляет кисти рук...

УЧИТЕЛЬ РОЗБАХ

Мы так медленно поспали,
Что проспали до Суда.
Ангел дня из белой стали,
Весь текучий, как вода,

Поднесёт нам крынку с мёдом –
Разговейтесь, пацаны,
Больше нет у вас народа,
Нет ни флага, ни страны.

Мы так медленно поспали,
Что проснулись за бугром,
Где такие, как мы сами
Горький воздух ловят ртом.

И полынный этот воздух
Вроде как необходим.
Был у нас учитель Розбах,
Здесь и встретились мы с ним.

Он с большою головою,
Он с линейкою в руке,
Он, похожий на секвойю,
Виден даже вдалеке.

Говорил, что спать полезно,
И проспал весь праздник сам,
По его стекает бездна
Стекленеющим усам.

Сам он выпускник истфака,
Знал все даты и чины,
Говорит, что нет ни флага,
Ни народа, ни страны.

Есть лишь долгий-долгий отдых,
Выжил тот, кто отдохнул.

Подыхал учитель Розбах
В коммуналке на полу.

ВЫРОЖДЕНИЕ РЕЧИ

1
Вырождается речь, так вязкость хурмы проходит,
Если выпить компот, ну или что-то вроде.

Мы играем по-старому: заступ, плохая тень,
Оркестровая яма, всплывающая мигрень...

...и бежим за таблетками – Боже, не сдохнуть тоже,
В трещинах губы, язвочки жгут на коже.

Отплывает паром, наплывает вечерний дым,
Рядом нет водоёма, но мы его создадим –

Плюй в колодец, покуда слюна проникает в щель
Между зубами. Слышишь, уже апрель

Подкрался, за поясницей щекочет нам,
Куда не заправили майки по просьбам мам.

2
Вырождается речь. Соловей соловью не братец,
Друг отпустил качающийся канатец,

Время новых сентенций и грандиозных па –
Пальцем большим, рифмой забить айпад.

«Я читаю, – кричит одноглазый, – больших поэтов», –
Но не знает никто, каким он глядит при этом,

И весна на дисплее прекрасна, твердит одно:
Не оторвись, не посмотри в окно.

3

Время суточных ласк, потому как платил за сутки,
Глаз сомкнёшь, и как пить дать выкинут из маршрутки,
Набросать пару слов – опустели карманы куртки.
Все акыном камлать: весенняя грязь, окурки...

Здесь не связано все, потому как сиплю и лаю,
Прохриплю: «Мир у края», – подумают – умираю,

И Урал мой, где мат кормит с рук, словно птицу речь,
Не позволит куда-нибудь кроме строкою лечь.

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕЧИ

1

Не трогай пустоту за рукава,
Не заходи чуть глубже, чем по пояс,
Послушай страх – оно того не стоит,
Бог очень долго всех нас покрывал.

Иди люби, иди сойди с обрыва,
Любить не пошло, падать не грешно...
Что, не влюбился? В пропасть не сошёл?
А зря, а зря, смотри, каким курсивом

Пошла прожилка к шее от виска,
Прозрачен стал ко лбу прилипший волос,
В такие игры не играет космос,
Он просто ждёт, он знает, что близка

Немая участь всех твоих наречий...
Поворотись – там все подметено
Невидимой рукой, а сквозь окно
Кровоточащий проникает вечер.

У лимфы нет ни шанса, пустота
Пожрёт весь дом, весь мир и много боле,
И если ты не спрячешься, доколе
Наступит ночь, – Его не снять с креста.

2

Так много слов, но так оно не будет,
Молитва литру – чёрная дыра,
Ночь пронеслась, а где она была
Тебе неясно, потому как люди

Её вдыхали, спящие и не,
Она вся в них, смотри, какие лица, –
Остервенели воры и блудницы,
Убийцы речи, ставшие вдвойне

Сильней теперь в твои стучатся двери.
О нет! О нет! Не примыкай к глазку!
Та жилка, что прилеплена к виску,
У них отсутствует, они, как будто звери,

За звукоряд цепляют звукоряд.
Ты продал всё, что как-то изъяснимо,
У самого уже пошла курсивом
Не жилка, а подкожная змея.

Теперь пиши отказ о том, что слово
Тебе даровано, о том, что сам язык
Стал чужд и немощен, затем как он привык
Перебивать катреном Богослова.

З
Названья нет ни небу, ни земле,
Ни мошкам крохотным, роящимся над телом,
Ни телу в частности, ни телу в целом,
Здесь без названий видится вполне

Всё целостным: один немой поклон,
Второй немой поклон, два быстрых взгляда
И разошлись, какая же отрада,
Не зная слов, пройти на свой балкон,

Стоять курить в неведомой тоске,
Отбросив все вопросы мирозданья,
И в сотый раз, зачем – не понимая,
Ненужное пульсирует в виске.

ДЕКОРАЦИИ СЛОМАНЫ

Убили двух бомжей, все яблони в цвету,
Май скоро кончится, окурочек на окурке
В разбитой пепельнице. Шрамы не сойдут,
Растет нагар у времени в мензурке,

И что-то ядовитое кипит
Сиреневым ли, ландышевым цветом,
И кошка притворяется, что спит,
Пуская птиц клевать себя при этом.

Какой ты, Боже, занавес спустил:
Колготки в сеточку, коротенькие шорты,
Ковёр из трав, зелёный профнастил,
Смешливый взгляд, актёрский спазм аорты,

Прозрачный воздух... как Ты это всё
Назначил своевременно и к месту –
Вся влага глаз – один сухой расчёт,
О как же лестно! Право, как же лестно!

Вот первый гром, влюблённые стоят
Под козырьком подъезда, так прижавшись
Друг к другу, будто этот звукоряд
Стал жизненно им в этот вечер важен.

Я заплачú, я всё отдам за них,
Но не раскрой им временного фарса –
Распни других, Крылатых отзови,
Позволь им кончиться, но не расстаться.

Огромный, страшный, будто я есть мир,
Сижу, курю, большим и безмянным
Диск солнца уходящего схватил...
Тебе не больно, Боже? Как же явно

Здесь этот трупный запах ощутим,
На амальгаме не лицо, а калька,
На переезде сломаны пути,
Болеет дерево в плену асфальта.

О да! О да! Они уже в бреду,
В садах, где дички налиты ранетом...
Я тоже щас оденусь и иду.
Софиты! Свет! Да чёрт бы с этим светом.

ПЕЙЗАЖ

Ну как-то так: за городом вороны
Над пёстрой свалкой мусорной галдят,
И воздух кисло-сладкий, чуть солёный,
И самосвалы красные стоят.

Моя душа, роднившаяся с телом
Не здесь ли отыскала долгий сон?
Стою в грязи подстывшей по колено,
Но парадокс – как будто невесом.

И эти руки – тремор в ритме джаза,
И перекошенный в ухмылке рот...
Я, кажется, уже не жив ни разу,
А всё как раз таки наоборот.

В ладони впившийся блестит осколок,
Но солнца нет, весь день идут дожди.
Варенье из пустых арбузных корок,
Расплывшись кляксой, поодаль лежит.

Ну как-то так: за городом вороны,
Вечерний смрад расплзся, будто рак,
Сплелись в уродстве жилистые кроны,
Собаки снова лают на собак.

СОБАЧЬИ СВАДЬБЫ

Собачьи свадьбы, шкурная делёжка,
Здравши хвост, царит матриархат.
Подобно перезревшим плодоножкам
Желанья кобелиные стоят.

Всё так трагично, что почти красиво –
Тот будет порван, тот замёрзнет в ночь,
А тот возьмёт её почти насильно,
Хотя она, как правило, не прочь.

Собачьи свадьбы. Пьют поэты в роще,
Стоят и пьют в поношенных пальто –
Их очень много, их гораздо больше
Бродячих псов и брошенных котов.

Как пятна сыпи, в зуд перерастают,
Иные даже шанкрами цветут,
Подобно кобелям, скулят и лают,
Подобно сукам, рифмами текут.

Собачьи свадьбы. Игры лицемеров.
Беззубый рот. Скулёж про суицид.

Текущий по-предательски, несмело
В сухие горла разведённый спирт.

Прости меня, дитя академизма,
Я не любил созвездия плеяд,
Но точно так же, грубо и нечисто:
Скупые случки, через слово – мат.

РЫБАЦКАЯ СКУКА

Сеть уловом полна, мы в лодчонке, наполненной блеском.
Эй, Учитель, ответь, уже скоро? – а то невтерпёж.
Жизнь почти удалась и похожа на рыбное место,
Нам бы только глазком увидеть, в общем, как ты идёшь...

Говорили такое! Про хворых, слепых и бездетных...
Мы про плотницкий дар твой (нам вёсла изладил) поём,
Но судачат вокруг мужики ещё с прошлого лета:
Нам бы, это, взглянуть, чтобы, ну... пересечь водоём...

Сеть уловом полна – будут сытыми жёны и дети,
Даже зуд мошкары вызывает желание жить,
Только скука порой в этой тихой воде на рассвете.
Нас не нужно, Учитель, учить, просто так покажи!

* * *

Ни на одной войне так не хотелось в рабство,
Как на войне с тобой.
В анкетах ГРУ, в ответах про гражданство
Подчёркивать: «Другой».

Ведь если тлен и плен, то гвозди в крышку гроба
Помогут пацаны...
И лечь взамен тебя, вперёд тебя, на пробу,
Без флага, без страны.

Анастасия Хвостанцева

МОРЕСТЬ

закрыться в доме зарыться в орнамент футболки
дрожать в области солнечного сплетенья –
там не хватает солнца
а в ухе шумит но наверное это не море
снаружи ему не слышно
примите меня доктор

примите меня каким есть
ничего не скройте
примите меня и скажите не так что со мною
и что внутри этой раковины
правда волны
а не обман слуха, бесчувствие тела

и я пойду дальше счастливым и окрылённым
и расскажу всем, что Вы меня починили
и что Гиппократ Вами верно бы очень гордился

и от усталости лягу в своём коридоре
и задрожу и покатится соль мелко-мелко
камушки с ног исцарапают мне ладони
но это будет даже немного приятно
и разражусь мыслью,
что когда ничего не болит –
это счастье.

ЧУДЕСА ПЕРЕВОДА

«mort» и «morte» всегда казались мне близкими к смерти
«la petite» мы знаем от маленького принца
так естественным образом
«la petite mort» сложилось в моей голове
как поэтичное словосочетание «маленькая смерть»

что на деле переводится с французского языка
как «нервная дрожь» или «оргазм».

о эти чудеса перевода,

когда со слиянием слов рождается новый смысл
для переводчика это так же волнительно, важно,
как астроному – рождение сверхновой
так же ярко и жарко,
как любой французский
la petite mort

и
так же сердцеостановительно,
как маленькая смерть.
morte.

СОННЫЕ БОГИ

исчезают народы умирают их языки
города стоят на обломках цивилизаций
погибают религии
забываются боги,
хотя они
скорее уснули и не хотят просыпаться

и мы спим всё равно что
высшие существа
спим и видим гиблые топи;
поля – все в гари,
путешествуем в сонной неге
по разным мирам
просыпаемся
и они умирают

или только мы для них исчезаем?

я не хочу разрушать не хочу создавать
уподобляться древнему прихотливому богу
накрой меня одеялом но не давай мне спать
сотни миров останутся жить
сотни, в которые я не вмещалась,
пойдут по иному пути
всё станет по-другому

в конце концов,
даже эта реальность иногда напоминает сон

может мы все просто дремотные мечты
мальчика, прикорнувшего на солнце
на пару минут
в древнем городе Вифлееме

мечты маленького сонного бога

КЛЕТЧАТАЯ РУБАШКА

клетчатая рубашка, видевшая четыре страны
четыре стороны света
и всё, что было моё:
друзей и прощания с ними
мои волосы – от по-мальчишески коротких и до лопаток
лицо в зеркале
бессонницу, слёзы, смех
единственное и первое приглашение на свидание
прижимавшая к себе разные гитары
разных людей
руки, и – случайно – рожки с мороженым
цеплявшаяся за уступы скал и стен
остающаяся на спинке стула
терпеливо ждущая своей очереди
опуститься на мои плечи
мягко прилегающая к уставшей спине

теперь ушла на покой, не выходит на улицу
несёт самую последнюю – домашнюю – службу

конечно, вам ничего не расскажет
о моей жизни и биографии
но будет лучшим
символом всего,
что со мной было:

каждой переподшитой пуговицей
выцветшей тканью
разошедшимся цветным швом
дырой на локте

в этой старой любимой рубашке
вся суть
моей
юности.

ВЕСТНИК ВЕСНЫ

руки до красноты
до белых чешуек нос
ветер мечет и рвёт
всё что не скрыто одеждой

скоро придёт первомай
мы закрываем балкон
тёплое не убирай
налей мне чего покрепче

в землю ушли снега
всю её обнажили
вниз лучше не смотреть
не вглядываться ни во что

тут и там на асфальте
распластаны чёрные крылья
жертвы жестоких выюг
замерший вечный полёт

крошечный клювик открыт –
маленький вестник смерти
ласточка не споёт
не принесёт весны

ЦВЕТЫ

в любой цветочный магазин любой точки города
чаще всего ночью
(так мне под настроение)
когда сонные продавщицы
проклинаят провинившихся перед жёнами жутких романтиков

я люблю заходить и просить голубо-синие,
цвета неба солнечного зимнего полдня, хризантемы

чаще всего их там не бывает

я уже почти привыкла этому не расстраиваться
прошу что-нибудь побанальнее (всё равно приятно)

ведь бутон распустившейся от стояния в минералке розы
пахнет,
как рахат-лукум в знойной Турции
коктейли во внутреннем дворике студенческого кафе
в Венгрии
карнавал в Ницце, пышущий свежестью

опускаю лицо в нежные лепестки
они
вмещают в себя сотни стран и событий
не покидая пределов кухни
опустив в статичную воду колючий стебель

одного цветка вполне хватит
чтобы вдохнуть
и оказаться вне

ОСКОЛКИ

сто метров по стёклам на тонкой резиновой подошве
вдоль оставленных домов с записками мародёрам
всё же выжившим людей из их норок
идти и чувствовать
как нежно рассекаешь лицом яблоневоый воздух
на месте ещё не построенного автовокзала

грудное металлическое солнце холодит кожу
верхнее майское тоже ещё не греет
керамический стук бус вторит пульсу
когда поцелуй на приветствие оглашает утро

это решимость начинается во мне
не выходит наружу
но молотит мир
божья скотобойня и мясорубка

несмотря на лёгкую поступь всё же кровить ноги
несмотря на холодность всё же чувствовать что ещё бьёшься
несмотря на твёрдость всё же чувствовать как разбиваешься
не раз за разом
не ново
а просто мельча осколки

ПЕРВОЕ ВЕСЕННЕЕ

на одной руке – царапки, на другой – родинки
солнце течёт по плечу
цепляется за занавески
в этот раз март будет месяцем надежды
в этот раз – говоришь себе –
всё будет по-другому

подвешенная на ветку дерева детская варежка
уже не найдёт свою маленькую ручку
через неё пробьётся зелёное, свежее
она станет частью,
растворится и распадётся

всё это видеть
ко всему этому поворачивать лицо
тянуться с носочков
затемно спускаться в метро, с рассветом выходить

получать первые весенние объятия пальтовые
искренне надеяться на хорошее
и наконец-то
жить

Василий Чепелев

* * *

В жопу пьяным читать ранние романы Крапивина
 Тень каравеллы
 Журавлёнок и молнии
 Острова и капитаны
 Смотреть сериал «Глухарь»

Потому что чтобы не думать и не вспоминать
 Не надеяться и спать

Моя квартирная хозяйка
 Когда мы с ней бухали
 Чтобы я мог задержать оплату
 Сказала
 – Всё есть кроме бессмертия и славы
 У меня в этой жизни было всё
 Включая славу и бессмертие

Включая настоящую любовь
 Включая настоящих друзей и врагов
 Включая собственное дело
 Включая путешествия
 Включая семью
 Включая деньги

И даже излишества
Я знаю как убивают
Я работал блоггером
Я спасал жизни
У меня есть игуана

Крапивинские мальчики любили меня
Влюбляются до сих пор

Вырастают остаются дружить вторая часть

Когда кончается всё
Когда ветер над улицей Луначарского
Над Кузино кружит листья в сторону Чусовой
Над Миссисипи
Где как бродячая собака
По ночной дороге куда-то целенаправленно бежит
какой-нибудь опоссум
С блестящими глазами подростка прочитавшего все книги
Но никогда не целовавшего никого

Когда кончается всё
Кроме ночи и надежды
И сбитые коленки
Не упираются тебе в спину
И ангельские лопатки
Если на другой бок

Барабанщик играет тебе пьяному
Спи
И солнце не взойдёт
И слёзы не растают
Он
В мутной воде чьи утопил якоря

И Глухарь скажет тебе
Смерть – красивое слово
Почти как грусть
Много лишних букв

И Летов споёт что-нибудь
Килька в томате
Pizda в халате
Паровоз на закате

Дождь на Арбате
Колыбельная на брате

Я ВЫСПАЛАСЬ

У меня от тебя ни детей ни секретов
У тебя от меня ни друзей ни лета
У нас с тобой ни меньше ни больше
Ни счастья ни запретов
Ни так же ни столь же

И метафоры всё изысканнее, смс длиннее,
Умолчания проще,
Утро вечера мудренее,
Ночи короче,
Похмелье тяжелее,
Пот солонее,
Забываемое важнее,
Под загаром кожа белее,
Паузы злее.

Кто кому всех милее?
На скамейке на аллее
Заброшенной я читаю
Из портфеля вынутую программку.
Жизнь такая простая.
Текст программки плохая,
Элементарная фоторамка.

Плачет ребёнок в коляске
У скамейки рядом,
Утки плавают в ряске,
У меня от тебя задание на дом:

На спор глядеть на свет
Меньше голос грустнее
Слова подбирать и монеты
Несколько дней

Небо становится нет.
Привет.

* * *

Так холодно, что слова «милый» нет.
Вот откладываешь в сторону какой-нибудь «Спорт-экспресс».
Вот выключаешь свет.
Вот смотришь уже несколько зим и лет
На город, а не на лес.

а дни длиннее стали как тогда
почти уже июнь но холодно всегда
заснуть невозможно светло ещё даже в три
заснуть невозможно выпить нечего хоть умри
вот вызываешь такси
машина хорошая её водитель красив

Потом ты только помнишь, как мелькали фонари,
И как был закрыт Вознесенский парк,
И как опять говорил, курил,
Перелазил через забор, курил,
Искал скамейку, курил,
Думал, курил: «Значит, так».
Курил.
Значит, так.

* * *

Расскажи мне правду свобода это она
Именно этот автобус идёт до центральных улиц
Именно этим заканчивается весна
Лето приходит не слушает не повинуется

В доме напротив вот уж четыре дня
Женщина моет окна вызывает дожди
Эти дожди тоже окажутся против меня
Раз на раз один на один выходи скажут уходи

Вечером с баржи запускают салют
Салют грохочет люди идут смотреть
Опоздавшие останавливаются у нас под балконом стоят плюют
Скорлупками семечек отмечают смерть

Двадцати с чем-то миллионов это победа да
Праздник ты спишь под грохот и вдребезги пьяное их ура
Завтра рано вставать не спать тебе до обеда
Мне – до утра

24 (ФРАГМЕНТЫ ИЗ ЦИКЛА)

2.

– кто со мной поиграет в скраббл
кто слово «маркшейдер» выложит
вдоль всей улицы зимней
большепокровской

– если большепокровская бы была бы
мы бы поднялись бы выше
над этой вот линией
приподнялись бы просто

разложили бы игровое поле
в зиме по колено
играли бы пару лет
но ничего не поделаешь этой улицы нет

есть покой и воля
а иначе всё шло бы обыкновенно
мы выкладывали бы «крепжоржет»
«выме» «рыле» «смерть» «залупа» «кабриолет»

6.

Весь город этой светошумовой.
Смотри куда верчу я головой,
над чем я провожу сейчас рукой –
над пустотой, над тёмным детским садом,
над городом по имени Другой,
над адом.

Я выше этого, но выше самолёт
слезоточивый след оставит в небе
и шумом связь мобильную прервёт
ненужную, как всё, где раньше не был.

На лифте долго ехать до земли.
Холмами, спусками, чужими адресами
гулять всю ночь, пока не замели
снегами
и войной не замели.
Вон люди непонятные прошли.

10.

в воде по щиколотки
в песке по самые шрамы
играть в маленькие городки
слать длинные телеграммы
узнать в ответ
лазер фиолетовый цвет
горячий привет
узнать перед смертью как переходить дорогу
как трогать недотрогу
гладить пушок над верхней губой
не быть с тобой
целыми днями молчать ничего не пить
всё забыть
и от удивления умереть что так может быть
со словами «смотри какая-то баба гуляет с биглем»
мы все погибнем

11.

в этом мире нет никогда войны
у кого ни спросишь – всё спокойно в полном порядке
из всех шумов – лишь волны накатываются на валуны
выпускники играют с бутылками в прятки
сердце бьётся под мантией-невидимкой
кто-то в стенном шкафу печально сопит и дышит
ещё слышно как ночь испаряется августовской дымкой
голубь грузно перебирает лапами по двускатной крыше
маленький катер едва заметно качается на воде
в этом мире нет места беде
её никогда не бывает
ведь даже когда дамблдор умирает
он потом появляется в гарри поттере и дарах смерти
оказывается за всё в ответе
разъясняет сюжет
а войны никогда нет

13.

(Неизвестное стихотворение Бориса Рыжего)

Вставало утро над домами.
Кенты курили невзасос.
Мы шли дворами с пацанами
Решать серьёзнейший вопрос.

Мне нравилось быть просто нами,
Идти куда-то сквозь мороз
В уныло давящий мостами
Свердловска гипотиреоз.

Избитый вдрызг за гаражами,
Домой к тебе тогда приполз,
На табуретку сел с ногами,
Живой, как Иисус Христос,

И обнял сбитыми руками:
Одной – тепло твоих волос,
Другой – подаренный не нами
Коньяк не более трёх звёзд.

Те звёзды между городами,
Что помнить нужно не всерьёз,
Но обязательно годами,
Как смерть, как жар, как передоз,

Пройдут по воздуху над вами,
Пройдут по воздуху над вами,
Над пустырём, что весь зарос
Неравновесными снегами,
Сейчас далёкими до слёз.

14.

шиншиллы пахнут карандашами
шиншиллами пахнут карандаши
в моей комнате накурено хоть не дыши
(и вообще ты кто?)

я кормлю этот дым выдохом
я бужу его кашлем
дождь барабанит градом
ветер всегда дует в мои окна
(другого внимания мне не надо)

так мы находим влагу
эти капли падающие на промокательную бумагу
эти слёзы застилающие глаза
это спасительное то что невозможно вернуть назад

ты знаешь шиншиллы едят град
это истерика брат

16.

Кто это там смотри вверх?
Кто протаптывает тропинку в снегу
среди ночи для всех,
по колено, по немогу?
Утро закончится, снег растает,
никто не заметит.
Этот пёс ни на кого не лает, ничто не метит,
только смотрит, всё понимает,
сказать ничего не может.
Будь по-прежнему осторожен.

Этот год был бессмысленным, как тогда,
когда я был как ты,
не знал значения слова «беда»,
не знал значения красоты.
Но прошло сто лет,
меня снова волнуют работа и приготавливаемый обед,
новых умений трогательная блажь,
тексты и антураж.

Я научился в этом году понимать, что прав,
набирать не глядя слово «стремглав»,
молчать, когда трезв,
стирать сообщения, пока никуда не влез.
И вот ночь, мягкая, как говно, рвётся ко сну
(но кого же я обниму),
город рвётся к движению и тишине,
к Парижу и Колыме,
как рвутся – конечно – штаны от широкой походки,
пиво от водки,
рвётся в счастье проникнуть мобильный звонок,
а в свободу – выученный урок.

И четыре строки для памяти, курсив за чертой
(полагаю, за той)

---

*сегодня ещё помнит рука мышцы твоей спины
родинку помнят глаза
запах помнит верность
слёзы помнит счастье*

19.

идёт смерть по улице несёт блины на блюде
спят медведи бомжи под мостом милуются

кому вынется тому и сбудется
 кудри вьются
 рыбы подо льдом бьются

ноги ступают по льду опасаются
 увязают как будто в глине

говорит льдинка льдине:
 мы лёд по ногами
 и небо над плавниками

21.

Не люблю Галину Рымбу
 за стихотворение об её отце
 («Только в нашем районе было столько заводов»)

Потому что в моём районе тоже был Кислородный завод,
 завод мороженого (Хладокомбинат № 3) и кладбище
 рядом с домом.

И тоже была остановка «Кислородный завод»,
 конечная «шестёрки».

И даже мой отец – впрочем, когда я уже учился в институте –
 На этом Кислородном работал.

А когда мне было лет десять,
 я однажды решил прокатиться до этой остановки
 и когда выходил, ремнём от школьной сумки зацепился
 за поручень,

а ноги мои соскользнули с ледового бруствера вдоль дороги.
 Я оказался под «Икарусом» с гармошкой, торчала

только голова,
 потому что ремень от сумки не пускал меня закатиться глубже.
 Я был тогда – как почти всегда – толстый и неповоротливый,
 к тому же на мне было советское зимнее пальто в клеточку,
 не добавляющее подвижности.

Я лежал и ждал, когда автобус поедет и переедет меня.
 (Хочется сказать: «И с тех пор я гей».)

Спустя долгое время – это была конечная и автобус
 тупо стоял –
 Подошёл водитель и ни слова не говоря вытащил меня,
 и я ушёл.

А на следующий день к моей сестре в гости пришёл
 её одноклассник Вова

И я не помню уже зачем решил перелезть в подъезде
 через лестничный пролёт.
 И, конечно же, сорвался и повис, держась за нижнюю
 перекладину перил

На уровне четвертого этажа.

И мы с сестрой долго в полной тишине вытаскивали его
 и вытащили.

И вот эта тишина, это киношное молчание
 Остаются для меня до сих пор неразгаданной загадкой
 Тех людей, работников заводов, водителей икарусов,
 советских пионеров с окраин.
 Как будто бы весь мир начал говорить в 1990.

Я, кстати, однажды, сильно позже, видел,
 Как ребёнка переехал автобус, точнее маршрутка, РАФ
 или Газель,
 бабушка выходила с ним из трамвая на остановке
 Дружининская,
 была тоже зима, бабушка замешкалась и выпустила
 шарф ребенка,

за который она его держала.

Ребёнок скатился с заледеневшей остановки на дорогу,
 а маршрутка не смогла затормозить в глубоких колеях
 и проехала ребёнку по голове.

Я тогда уже заканчивал медицинский, но я совершенно
 не сообразил,
 что можно сделать в такой ситуации.
 Придя через пару дней на дежурство в детскую реанимацию,
 я спросил у самых опытных докторов в городе,
 что можно было сделать.

«Вызвать скорую, – сказали они, –
 Если у тебя нет с собой чемоданчика с инструментами
 и препаратами,
 ты ничем не поможешь, и нужно быстрее уходить,
 потому что, если ты врач,
 тебя же потом и посадят за неоказание».

И вот потому, что я врач, я не люблю за это стихотворение
 про отца

Галину Рымбу.

*«Весь живот был выжжен» – это как, притом что человек
 пришёл домой?*

А ещё непонятнее – *«отрезало бензопилой пальцы, но пришли».*
 Видела ли она вообще бензопилу?

Слушала ли она отца?
Не пришьёшь ничего после бензопилы.
Или просто циркулярная пила, или, там, болгарка,
чем-то из которых, скорее всего, отрезало пальцы,
отсутствуют в её Вселенной,
а бензопила зацепилась за краешек?

И я не верю в итоге таким текстам,
потому что, когда ты так говоришь, то нужно быть точным.
И потому что моему отцу вот тоже однажды разрезало
кисть правой руки
Циркуляркой, перерезало часть нервов, что самое плохое.
Но никому не было дела до простого работяги,
и я договаривался через своего препода, сына мэра города,
с Центром хирургии кисти,
а потом несколько месяцев делал перевязки.

Это помогло, и папа потом
Вот и работал ещё на Кислородном, кажется.
Уже не помню.
Помню: рюмку он мог держать этой рукой,
Он выпивал иногда с нами, на халяву.

24.

Толик, у которого беременная жена, и его бригада
Разгружают ракушечник,
Потом – обедают жёсткой жареной уткой.
Весь вечер пьют «Виски с колой» из баночек у магазина
«Приморский».
Всю ночь ловят креветку, уворачиваясь от прожекторов
пограничников.
Утром приходят снова, тяжёлые, как могильный гранит,
просят денег –
За креветку им пока не отдали.
Уезжают на оставленном вчера мотоцикле опохмеляться.
Я иду за газетой недельной давности.
Между школой и пансионатом номер 24
Встречаю тебя.

Алексей Шестаков

* * *

Она курила по-мужицки.
Она готовила обед.
И я готов был побожиться,
Что Бога нет.

Она по совести курила,
И, чёрным хлебом стол накрыв,
Она пила, поскольку – рыба.
Как раз кончалась эра Рыб.

В ту ночь Титаник шёл по встречной,
Джон Леннон бросил Ливерпуль.
И был глоток, задевший печень,
Как сто пронзивших ливер пуль.

А клён как повод миллионный
Снежинкой первой засветил.
Она корила (или оно?)
Меня за то, что без пяти...

«Возьми, дружок, в дорогу хлеб-то».
И, не добавив вслед «прощай»,
Курила жадно, словно некто
Ей запрещал.

ЧЁРНЫЙ ЛЕС

выбыли мы выпали мы в лес
с длинными зрачками наголо
трое суток а в лесу-то бес
весельё в две тысячи голов

чёрный лес иному не бывать
вырвав сердце можно не сгореть
мы ходили дико убивать
мы хотели тихо умереть

по костям горячим босиком
побежали рысью к леснику
да лесник-то служит мясником
суп свекольный варит на снегу

воет тень рогатая в лесу
свет безродный хочет извести
мы шепнём ей господи иису
мы не помним как произнести

ОДЕРЖИМЫЙ

Луна пестрит болотным паром,
Пурга сужается в кольцо.
Рассвет, скрипучий как шлагбаум,
Не пустит бесов на крыльцо.

Я так живу. За мной – охота,
Блуждаю в полдень без лица.
А в ночь меня съедает кто-то,
Не доедая до конца.

* * *

звезда нас достаёт а мы её не можем
филипп киркоров мёртв ведь ты читатель жив
все триста лет спустя в не театральной ложе
театра больше нет точнее он фальшив

всевидящий фома ты как на льду корова
а помнишь как в раю господь нас освистал
и наша былъ больна но я кричу здорово
всему тому чему нельзя сойти с листа

букашке желтизне и месту нахождения
 систем координат не насчитать и двух
 закрой глаза как я я смерти и рожденьям
 предпочитаю слух
 предпочитаю слух

ДОРОЖНЫЕ ЭТЮДЫ

Молодые (пару лет встречаются)
 едут в Петербург красиво жить.
 Всю дорогу нежно обнимаются,
 слышу вдруг: «Ты куришь?» Стал курить.

Хорошо им вместе, тем не менее
 взгляд её ловлю – вот это цирк!
 «Ты сама откуда?» – «Из Тюмени я.
 Скоро свадьба». – «Ясно. Молодцы».

Школьник со сканвордом булкой давится,
 хочет выпить, секса, ноутбук...
 «Мама! Как ещё зовётся пьяница?
 Третья “к”, и очень много букв...»

Мрёт сосед: «Ох, водочки неплохо бы!»
 Проводница: «Я не продавец!»
 Помните, Есенин хвастал Блоку, мол,
 еду в Питер! «Круто. Молодец»

За окном скучает Русь облезлая,
 бабки внукам наливают щи.
 Что, читатель? Скажешь, не поэзия?
 Ну вперед! Поезди. Поищи.

* * *

око за око отдам
 дуну в себя чтоб легóк
 чёрная дива вдова
 только пацан мотылёк
 слух оставляю для снов
 мультики краше вчерне
 вот я основа основ
 точка. Изюм в шаурме

СМЕРТЬ ТРИБУНЫ

дети готовьтесь к атаке
хватит вам сеять да жать
мамки завоют а так им
нечего было рожать
сколются вместе папули
бабушки ринутся в клуб
парни пролезьте под пули
девки не верьте ссыклу
лётчики хныкайте плазмой
бог вас пугнёт как гостей

разум его без маразма
сердце его без костей

ШКОЛЬНЫЕ НУЛЕВЫЕ

меломания или понты
расширяется круг продиджистов
аутсайдер лошок продержись там
промолчи стадион гопоты

на убийство курящие бонд
meteoga лицензия близится
неформал металлист пора пиздиться
игровой не рабочий пот

митраков стал а можно и мне
дёров поп плюй росисто да радуйся
а харламов сотрудник да да друзья
как бы пошло банально и не

бо убо убаюкай врагов
всё горит не сгорает гитара
вам а то вам авада кедавра
незнакома фамилия гроф

мил крестовый и шулерский трамп
хоть бы кто извинился никто на
то ли лещенко бархат петра
то ли хрип изнутри бенингтона

* * *

Любящие люди из воды
 приручают сахарных личинок –
 поры с содержанием ошибок,
 углерод, бегущий мерзлоты;

прииски для собственных имён:
 ипомея, мухоморы, вереск,
 спит внутри ядра археоптерикс,
 уходя в отрыв как катион.

До кристалла воду упрощу,
 дабы и чертям не откреститься,
 и по льду немислимого Стикса
 приходи ко мне, прости-прощу.

ПОЕЗД «МИРНЫЙ»

если враг нападёт, кто из нас
 притворится юнцом и задирой?..
 по степям шелестят поезда с
 постоянно закрытым сортиром.
 третий день без бутылки и сна
 на пути из глубинки в столицу
 некрасиво куда-то послал
 проводник красоты проводницу
 дни идут скоро их будет пять
 мы привыкли не пахнет носками
 Боже господи сколько нас канет
 Если завтра
 Случится
 Опять

* * *

цигун глицин глицин цигун авось потерпим
 сопротивляясь диктатуре общих мест
 а мухоморы красный царский и пантерный
 пускай антихрист раз он так их хочет ест

когда безденежье и нежно и занято
 когда в жилищах и морозно и темно
 цигун молитва медитация зарядка
 фано сольфеджио теория кино

гитара бубен глюкофон яйцо калимба
возьми листок костил им зов найди исток
сверши свищи пищи чирикай цокай либо
замри умри и будь ты проклят чтоб ты сдох

СКУЧНАЯ БЕСЕДА

Темно, и гонится пурга,
И друг ведёт рассказ с интригой.
Киваешь смирно: «Ты смотри-ка!
Ага...

ага...

ага...

ага...»

Спустя мгновенье: чёрный лес,
Пустыня, где мираж – Анабис.
Ты бес, я бес, он бес, она бес,
И все стучатся до небес.

Дружок пихнёт тебя в живот,
Ворча с обидой и угрозой:
«Не спи, дружище, на морозе».
И снова вспыхнет: «Ну и вот...»

Зима бесстрастна и бледна,
И ветер веет лишь обратно.
И тень родней родного брата,
Родней родимого пятна.

* * *

я не желаю казни
тем кто меня муму
или жабёнком дразнят
дети не по уму

не по годам подога
или душа дрожит
досмерти так охота
не умирать а жить

Александра Шилева

ПЕТРОСЯН В КРОВИ

О. Л.

Юность. Табачный дым.
Едем с девочкой в Крым.
Как я её нашла
В пермском аншла –

Гендерный признак на
Солнце вместо пятна.
Лечит ожоги мои
Девочка из Перми.

Молча сидит у огня,
Молча жалеет меня.
Как же её я нашла
В пермском аншла –

Гелеобразный свет –
Вот сцена, которой нет,
Вот девочка из Перми...
Аншлаг. Петросян в крови.

ПРАЗДНИК, ДЕТИ

Праздник, дети. Папа умер.
 Маму больше не обидят.
 Под забором в огороде,
 Нет, никто не наблюдёт.

А в подвале будет целой
 Синеглазая картошка,
 И бочонки с огурцами
 Здесь дождутся Рождества.

Праздник, дети. Папа умер.
 На работе будет просто;
 Там из белого фургона
 Нужно вытащить мешки.

Дочку больше не накажут,
 Сына больше не прогонят,
 Громких маминых истерик
 Люди больше не услышат.

Праздник, дети. Папа умер.
 Хоронить его не будем.
 Тяжело копать могилу,
 Просто выкинем в болото.

ДЖИММИ-ДЖИММИ РАЗЛАГАЕВ

Разлагаев Джимми-Джимми
 Очень болен, очень нежен!
 Целовальщик диких кошек,
 Пышногрудый итальянец,
 В землю втоптаный подснежник!
 Джимми-Джимми, ача-ача!
 Персонаж новелл Боккаччо
 Тот, который в серой шляпе
 Нежность комкает в ладошке
 И сияет на диване
 Алкогольный Астероид!
 Разлагаев Джимми-Джимми
 Ночью дверь с ноги откроет,
 И зрачки его впитают

Холод сосен монастырских,
Запах мёртвых лошадей.
Ача-ача,
Джимми, пей!

DEREVENSKOYE

Тащили волка за ноги и улыбались постоянно,
Как будто все проснулись только утром.
Как будто раньше не было такого.
Тащили волка по грязи, хотели скинуть в яму
За то, что курицу сожрал, пока мы целовались...
Пока мы трогали себя за руки и за шею,
И я сказала, что люблю, потом – что не жалею,
Что я сказала это всё. Мне нечего стесняться.
Мы целовались. Я люблю с тобою целоваться.
Мне было радостно, ведь ты ответил, что ты ТОЖЕ...
И это было хорошо и на тебя похоже.
Я говорила, что люблю. Ты говорил: я тоже...
(И так мы говорили до тех пор, пока не услышали,
как крикнула курочка в курятнике.)

Тащили волка за ноги и улыбались постоянно,
А он не дёргался и тоже улыбался,
Кровавый нос отворотив на запад,
Глазами хлопал, пёрышком плевался
А мы его, скажи! Скажи! Тащили без усилий!
Хороший волк попался нам, не правда ли, Василий?

* * *

Найди меня на стройке.
Я там курю на бочке,
Мне там так одиноко,
У стёкол нету окон,
А у меня немного
Есть знания иного,
И я хочу делиться
Тем, что сама узнала,
Но я сижу на бочке,
На стройке унываю.
Кому-то говорила,
Чтобы тебе сказали:
Я многое забыла,

Но всё не получилось
Могильно позабыть.
Найди меня на стройке,
Сведи меня на свадьбу,
Мне золота немного,
И камушков красивых,
И синюю вуаль.

МАЛЕНЬКАЯ ЛОШАДКА И САША (ПЬЕСА)

Саша:
Маленькая лошадка, как же ты здесь?
Где твои мама и папа?
Есть у тебя паспорт?
Паспорт у тебя есть?
(Лошадка вздыхает.)
Какая же ты растяпа.
Маленькая лошадка,
Хвост у тебя в крови.
Копыта потрескались, выцвели...
Маленькая лошадка,
Что у тебя внутри?
Маленькая лошадка:
Внутри у меня выстрелы.
Внутри у меня выстрелы.
Выстрелы.
Внутри у меня сорок пятый, Саша,
Небо в алмазах, шершни немецкие,
Внутри у меня тушёнка с моим папашей,
Внутри у меня грандиозное сердце.
Я – маленькая лошадка,
Хвост у меня в крови.
Паспорта нет и не было даже.
Видишь клеймо?
Шестьсот шестьдесят три.
Купи меня, Саша, купи!
Сегодня же распродажа...
(Лошадка заплетает хвост в косичку.)
Саша:
Как птицы летят на восток,
Так и ты потерялась во времени.
(У лошади носом идёт песок
И плавится бок под стремянем.)

КУПЛЕТЫ О ГЛУПЫХ ЖЕНЩИНАХ

Маленький реквием для оркестра, занявшего всю Азию,
Будет написан завтра утром голубым композитором.
В полдень ныряльщики соберут жемчуг из ушных
раковин землян.

Это куплеты о глупых женщинах.

Повествование начинается.
Все совпадения не совпадаются.

1. Женщина, звенящая в цепях,
корочка на губах,
сильное тело
всё в костре сгорело.
2. Женщина в хламиде на холме,
бог в сердце,
бог в животе –
всё теперь в огне.
3. Женщина в халате с ведром
Отправилась на водоём:
Ведро в воду окунула,
Сама упала, утонула.
4. Женщина решила посмотреть, как идут сражения,
Взяла с собой вязание, чтобы снять нервное напряжение.
Спицами-спицами
Закололи женщину под всеми аустерлицами.
5. Женщина, долгое время занимавшаяся проституцией,
Решила заняться революцией.
Перед этим зашла в салон красоты,
Там её и повязали менты.
(В обезьяннике она была до смерти избита бывшими
коллегами.)
6. Женщина влюбилась в поэта-постмодерниста.
Ладно бы только это. Он оказался ещё и коммунистом!
Женщина продавать империю не собиралась
И в один из вечеров таблеток наглоталась.
Умерла с пеной у рта.
7. Женщина сидела пьяная, чесала за ушком.
Ворвался муж, задушил её подушкой.
8. Женщина пошла в деревенский туалет,
В яму уронила циркониевый браслет.

Она за ним, естественно, полезла,
Дальше сами понимаете, что случилось.
9. Господи, спаси их, упокой их души.
10. Глупые женщины плачут в метро,
Плачут на инквизиции,
Рыдают, когда умирает собака,
Прослеживаются в особых случаях...
Они не в силах подавить,
О, это не в их силах.
Глупые женщины, глупые –
Бич Земли,
Слёзы их щедрые,
Смех скуп.
Женщины глупые.
До их появления на Земле
Ещё никто не бывал так глуп.
11. Женщина уснула в солярии.
Плюс один труп.
12. Женщина пила технический спирт
Ничего не ела –
Интоксикация,
Синее тело.
13. Женщина, садитесь, подвезу!
14. Пусть будет ночь твоя тепла.
15. Пусть здоровы будут дети.
16. Самой счастливой будь на свете.
17. Чёрная площадь.
Крики из окон
Женщина в косу заправила локон,
Женщина гордо по площади шла.
Выстрел – осечка.
Но глупая женщина
Так испугалась,
Что вмиг померла.
18. Женщина, вы что-то уронили.
19. Господи, заведи у неё всё!
20. Ах! какая женщина,
какая женщина...
мне б другую.
21. У нас все красивые.
22. Завтра утром,
Запомните,
Завтра утром.

МОГУЛИЯ!

Могу ли я спокойно жить.
Могу ли я как все любить.
Могу ли я суметь смолчать,
Когда мне есть о чем сказать?

Могу ли я красиво петь?
Могу ли я в глаза смотреть.
Могу ли я поймать жука
И превратить его в быка?

Могу ли я рассыпать снег.
И пусть звучит хоть целый век
Глухая песенка моя:
Могулия-Могулия!

* * *

Скажите мне, как я должна реагировать –
Я среагирую.
Какова должна быть моя реакция?
Выражение лица,
Самоощущение?
Должны ли подкашиваться коленки?
Дрожать голос?
Всё сделаю, всё.
Только скажите.

* * *

Что я должна делать, чтобы стать снегирём?
1. Петь.
2. Лететь.
3. Рдеть.

* * *

Я хочу отобрать у тебя собаку.
Стояла на мосту. Смотрела на лёд.
С одной лишь мыслью: как там собака моя?

Ярослава Широкова

ВАТИКАН

Отроки Ватикана –
на ледяной груди
кровные тараканы.
Папа, не уходи!

Старость детей в полёте,
смута немых седин:
папы, зачем вы пьёте
воду и керосин?

Времени в пол-обеда –
цвет перелётных труб
где бы ты, папа, не был,
мухи тебя найдут.

Жарят бумагу дети,
холодно им одним.
Папа за нас в ответе,
что мы с тобой творим?

* * *

пока одета осень в облака
окраин, полногрудые мурашки
выпячивают сытые бока
под воротом учительской рубашки,

ты спишь на остановке у реки,
где плачут наливные пеликаны,
и падают хмельные рыбаки
в компьютерные сети и стаканы.

трамваи входят по двое в глаза,
безопытно слоняются кареты,
кондукторы теряют голоса
и угощают ехать без билета.

* * *

мокрый воздух застучивает предтечь
окрестностей. Вытихает стаей
снега, раскиданного от плеч,
берегом, который тебя оставил,

осиновой бирюзой
наледи, хрустящей в оправе пения,
выводя собой нехитрый узор
говорения.

и каждый, плывущий мимо с корзинкой звёзд,
выкинет посох в твоих краях —
станут лучами ветки наземных гнёзд,
голубь выведет голубят.

* * *

под углом железной дороги
выкопаем дом
над порогом прибоем
подкову
выведем гамак между двух осин и
с радостью почувствуем как бессильны
перед этим воздухом стометровым

выкутаем в скатерти четырёх
детей разложенных поперёк

крыши
будем обживаться на фоне леса
землю голыми ступнями резать
приручать вишни

и когда мороз заскребёт головы
ляжем в обнимку голыми
выживем или не – поровну горько
бесится подле метель
медленной стаей
снег примет форму наших тел
и не растает.

* * *

церковка, башенка, запах духов соседки,
светлая пашня, велосипедный град.
мамочка, жди меня, я уже за исетью,
кланяюсь грязному воздуху на губах.
еду и думаю, как бы замедлить горы,
выключить свет и выпрыгнуть на пути.
вялое крошево снов заплетаю в трое
висельных кос, разбитых на волоски.
полдник темнеет, люди прохладной лентой
тянутся к подлокотникам деревень.
на электричке дорого, мы студенты.
вот и пойми как хочешь
или поверь

СЕДМИЦА. СРЕДА

*Божья коровка,
Улети на небо,
Там твои детки
кушают конфетки.
Всем по одной, а тебе ни одной.*

Детский фольклор

Рассматривала толстая игла
узоры надувного бергамота
и верила, когда себя ткала,
что город притворялся по субботам
безвидным, как святая Шамбала.

И девочка, которая была
приталенной Дюймовочкой, снимает
обветренную грудку полотна,
ладонями на лампу наступает.
Ей не по вкусу пыльная луна.

Смущаясь безоружностью грозы,
как божью коровку, садит прямо
на самую верхушку стрекозы:
«Лети на небко, маленькая мама,
и раздавай конфеты как призы.

Глаза к седьмому небу подними:
там дети снов опробовали свежих.
У них такие сладости в крови!
Ты, мамочка, не бойся сладкоежек,
Пожалуйста, меня удочери».

* * *

Ты знаешь, такое утро,
когда ни тебе, ни мне.
От холода поминутно
копаем углы в огне.
А все бельевые тучи,
снующие в водосток,
Нашли для себя: как лучше
сворачивать на восток.
Как пульс оголяет горло
своей кровавой рукой,
мурашки вшивает в поры:
«А ты ещё кто такой»?
Да книги копят на полках
таких населённых стен,
а кажется, что надолго,
окажется – насовсем.

* * *

Размыт финал – сплошное окончанье,
над городом темнеется в глазах.
В трёхфазный раз гроза во мне включает
промоглый страх.
В один из дней учую на пороге
машину неземного времени.

Беззубый холод пачкает дороги
коленями.
Передвигать всё небо невозможно,
оно переключает божий дар,
и слышен стук по рейсам поддорожным,
ещё удар.
Больное скрежетанье насекомых
мне чудится от кашлянья колёс.
На стуле ночь, ты выходец из комы,
ТУБЕРКУЛЁЗ.

РОССИ

выйдет на люди продолговатая осень.
просыпается при смерти старая Росси
в отраженье фольги, как потухшая рыба,
выжидая шаги городского пошиба –

заскрипят у крыльца, обкромсают перила,
бодиаметр неба оперят акрилом,
улизнут по ступеням речного бордюра,
о себе не оставив губного прищуря.

дождь распарит листву, рукава приморосит,
опылит семена, и бульварная Росси
приземлится в земле у корней парохода.
все мосты постоянно разводят кого-то.

АЛЛО

у меня новостей, что
вишнёвых горстей,
полтора кулака, да в пыли рука.
в спальне вчера обнищала
постель,
горькая, как мука.
гнилых иллюстраций полны
ярлыки
на давно нерабочем столе.
алло, по подъездам парят
бурлаки
каждый в своей дыре.
цари огорошили променад,

словно кругом житьё.
в трубах спивается аромат,
что за гнильё-моё.
здесь вечереет электрошок,
громкий вороний грай
перешитые губы мычат в мешок.
отчего ты молчишь? Don't cry.

* * *

Воровато проспав, я ломлюсь в половину себя.
Дует спелой зимой, в мутном крае все люди
как совы.
Заострённый рукав превращается по февралям
в невесомость.
Проводив Рождество до моста, искривляю
маршрут
и уже не спешу, по короткому ноги длиннее.
Дети знают не всё и поэтому ласково лгут
как умеют.

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

...Оленька накурится травы,
посыпая дёсны табаком,
выпирают ниточные швы,
лёгкие болеют молоком.
...умирай, русалка, от воды,
загрязняя беспризорный пляж,
пусть расплавится от темноты
солнца заштрихованный муляж.
...воздух календарный пропотел,
без работы умер стройотряд.
Говорят, Гагарин пролетел,
здесь и не такое говорят.

Дмитрий Шкарин

* * *

Кто такая хиппи-дриппи?
 Это щастье из помойки.
 Мэйд ин чейн, система ниппель,
 Восемь глаз, четыре дойки,
 Три педальных акваланга,
 Десять тапок циклодола.
 Трепещите, дети Ганга.
 Плачь, голодная Ангола.
 На башке серьёзный чепчик.
 На ушах висят сандали.
 Вот и вышел человечек.
 Тили-дили, хали-гали.

ВОСПОМИНАНИЯ

Носил брезентовый камзол
 И шарф из полиэтилена
 Сибирский панк Норсульфазол,
 А по-простому просто Гена.

Он был врождённый генерал,
Любил стрелкнуть обасик в урне,
И так как тормозов не знал,
То был всех ярче и бравурней.

А перед сном Норсульфазол,
Когда в ночи вторая смена,
Крутил пластинку Кругозор
Под песни старого бушмена.

Но всяким шуткам есть предел,
Особенно с чужой культурой.
Норсульфазол чего-то съел
И в этот раз был дура душой.

Бушмен погоду заклинал,
Сжигал над Африкою тучку,
И Гена в заговор попал,
Потёк, как сучка перед случкой.

И, чтобы вовсе не утечь,
Он снизу подставлял посуду.
А дождь херачил как картечь.
Откуда – говорить не буду.

Легко представить, как был зол,
В шарфе из полиэтилена
Известный панк Норсульфазол,
Обоссанный в конюшню Гена.

Короче, странная погода
Царила ночью на дворе.
Сидел он молча за комодом
В просторном мусорном ведре.

* * *

Интересно, бог один или их несколько.
Сколько нужно жить, чтоб надоело.
Есть ли в том какой-то толк или всё без толку.
Ты зачем картошку не доела.

Ну чего сидишь, вставай-давай, товар ищи.
Торговать хочу, уже достали ножики.

Глянь – кругом по небу бегают товарищи.
Матерятся сверху черти как сапожники.

Есть ли в этом мире бог али голяк ваще.
Коли ноль, смешно куда-то чалить.
Тех, что пошустрей, давно уж нет товарищей.
Ну а остальные – одичали.

Ты харе сидеть, живей уже гармонь тащи.
Растрясти хочу позвонче пропасть злачную.
Пусть послушают мои друзья-товарищи
Оркестровочку объёмно-многозначную:

*В отдельной жизни вечность не построишь.
Какая глупость помирать за смерть.
А ты живёшь, свой беспризорный кореш.
А ты творишь и презираешь твердь.*

* * *

Мумия суслика в ряху мне тычется.
Песенки разные скачут в башке.
В меру развратница, в меру отличница,
Ехаем вместе на тачке в Бишкек.

Кисс мене, девушка. Кисс мене, умная.
Я про тебя напеваю весь день.
Ты ж Сулико моё, ты ж даже вумэн мне,
Ты ж раскрасавица вся и везде.

Жгучее солнышко пачу разинуло.
Жизнь не сумятица, коли везёт.
О, нахлобучило! Ишь, чё нахлынуло!
Ты каракатица, я каракот.

Ты улыбаешься в мирную форточку,
Чтоб об тебе вспоминал я всегда.
Юную снайпершу, мудрую мордочку,
Бодрую крошечку на бороде.

Мумия суслика в ряху мне тычется.
Песенки разные пляшут в башке.
В меру распутница, в меру отличница,
Ехаем вместе на тачке в Бишкек.

* * *

Беда бодрит, пипец, заводит.
Беда вставляет хлеще кваса.
Наверно б, каждый обспускался,
Когда б застрял в тугом проходе.
Вот лещ, казалось, парень храбрый,
Гонял плотву с блатной осанкой,
А проглотил крючок с приманкой,
И всё. Лежит, топорщит жабры.
Да что уж там, сказать серьёзно,
Свинтить в кусты ещё не поздно.
Наполеон же не стеснялся,
Всех кинул на хрен и смотался.

А мы живём, когда облом.
Нам нравится, когда хреново.
Тут жить трагедией не ново.
Кирдык-мирдык, да будет гром.

ПРИЧИТАЛЬНАЯ

Так пошто же ты всё глазишь как покойница?
И пошто же ты, ой, в позе-то одной лежишь?
Ты ж ужо совсем не кукла иностранская,
Ты ж отечественная лодочка потопшая.
Девочка чудесная! Ой, лихо, ух!
Кучерявая, слегка облезлая
Швабра бесприютная, дешманская.
Горе горькое, земля-то плоская,
Марс далёко, а киты синючие.
Все ж картины в мире нарисованы,
Песни спеты, пляски оттанцованы.
Так вставай же, одевайся, хватит влятствовать.
Блятствовать – это тебе не ёпствовать.
Выходи на пастбище беседствовать.
Пастбище на кладбище находится.
Родиной оно тебе приходится.

* * *

Ветер крышу раздраконил,
Дождик хнычет над ведром.
Восемь тапок на балконе,
Ремонтируем дурдом.

Скобы чешем, курим хмуро.
Нас четыре, мы больны.
Пахнет сизой арматурой.
В горле привкус белены.

Хворость, морось, невесомость.
Струйки брызжут вкривь и вкось.
То ли старость, то ли новость:
У земли гуляет ось.

Нас четыре на балконе.
Но проснётся за ведром
Кот в законе Аль Капоне,
Будем мыслить впятером.

* * *

Великий гуманист и сказочник эпохи Дима Шкарин
Сидел и наблюдал движение небес.
И вдруг допёр, что небеса стоят,
Стоят в своем безмозглom хороводе!
Сидеть уж он не смог, а посему вскочил
И с воплями промчался вдоль бандитов.

ТАЙНОЕ УЧЕНИЕ

– Я, всё сказать, вот что думаю.
По поверию, мы в Архангельск хотим, хоть в ёлки стреляй.
– Много нас обратилось в вас, на беду мою.
– Мать, ты что! Зови Ермолая, где Ермолай?
– Ермолаш, а ты где тута?
– На горе я у дев тута.
– Девы на горе, где вы на горе?
– У, зануда злая, возле Ермолая!

Духовно смеркается. Наступают конспиративные потёмки.

* * *

Когда нам предложили редкий дар
Изъять из мира мрак и неизвестность,
На небе вспыхнул неотвязный шар,
И мы пустились постигать окрестность.

Нам вещи отворил сухой закон,
И он же стал причиной их упадка.
Ведь что есть жизнь, когда она не сон?
Порядок создан только для порядка.

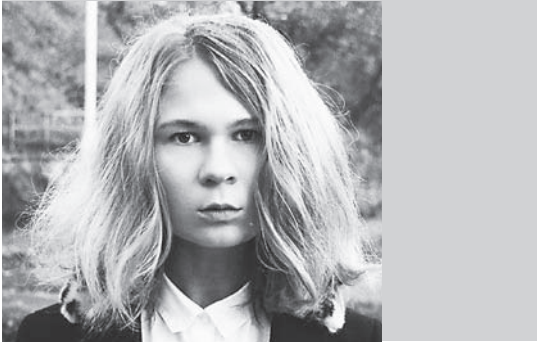
Обратно нас всё жёстче и страстней
Тянула тьма, дразня воображенье.
И каждый вечер до скончания дней
Мы праздновали наше поражение.

* * *

Прошлого нет и не будет.
Странная прихоть творца.
Вот уж действительно, люди,
Разум родил мертвеца.

Но, что не менее странно,
Словно забыв про конец,
Краткий свой век неустанно
Вечность рождает мертвец.

Арина Шульгина

НАСКВОЗЬ

Очень смешно, оставив дыру в груди,
 Мне говорить, что видишь меня насквозь...
 В голову мне по шляпку забитый гвоздь.
 «Всё у тебя, родная, почти срослось,
 Только курить без шапки не выходи».

В свитере себя заживо хороню,
 Кухонными полами к весне ползу,
 Редкую добываю в душе слезу,
 Как накоплю достаточно, отвезу,
 Где в ипотеку сердцу куют броню.

Да, в эту реку более не войду,
 Если я в ней, конечно, не утону...
 С нежностью бесконечной щекою льну
 К илистому холодному её дну,
 Чую, тяну с прощанием на беду.

След от укуса держится на плече
 Девушки, исключившейся из «меню».
 Я тебе обязательно позвоню,
 Если сумеешь, вытрезвившись ко дню,
 Мне хоть одну причину назвать зачем.

КЛЮЧИ

Вот смотрите все, это ключи от Чи,
Никуда не вставляются, принцип работы – тайна.
Кнопка «выключить чи» и кнопка «чи замолчи»,
А здесь у неё «прости меня, я случайно».

Чи отличный пилот, лучше всех летает во сне,
Быстро считает в уме и плохо читает вслух.
До сих пор бывает, что Чи поедает снег,
На балконе охотится утром на белых мух.

Так вот, Чи приоткрыла цветной футляр...
«Вот возьми, но храни, они у меня одни».
У меня на руках тот единственный экземпляр,
Очевидно, его кто-то попросту обронил.

Ничего не работает, никак не могу включить,
Жму на все кнопки, только руками разводят врачи,
Вот машину или дверной замок ещё может быть...
А это что или кто, и поди пойми, как чинить.

За последние дни осмелел непуганый снег,
Я пишу объявления, никто пока не звонил.
У меня в кладовке сломанный человек
Иногда говорящий шепотом: «Извини...»

МУДАК

Я ношу невезучесть с гордостью, будто знак,
Я ношу неспособность к счастью как носят китель,
По-другому нельзя, ведь самый большой мудак
В этом мире по совместительству мой хранитель.

Спотыкается чёрт все время о перья крыл,
Непомерно огромных, белых и бесполезных –
Он не может летать, ему не хватает сил.
Предлагала подрезать – взвился, что чуть не врезал.

Он теряет меня в толпе, например в час пик,
Я стараюсь помочь, почаще бывать одна,
Помогает, хотя крылатый лентяй привык,
Стал прогуливать так, что раз пропустил весь март.

Я ругала его, грозила ему судом,
Разумеется, Высшим. Вляпаюсь, пропаду,
И тебе наверху устроят такой содом,
Что не жалко и пару лет погореть в аду!

Как-то раз он по пьяни в карты профукал нимб.
До сих пор не пойму, зачем их кому-то два?
И, хотя в основном я спорю и лаюсь с ним,
Без него, дурака, со скуки не мру едва.

И в итоге, когда беда, он берёт такси,
А когда под его крылом меня клонит в сон,
Я пытаюсь сказать «спасибо», но на «спаси»
Окончательно засыпаем, то я, то он.

САНЬ

Время придёт, и музыка во мне сдохнет –
Исчезнет тот эфемерный межстрочный клей,
Который держал в едином и нас, и ноты.
Я скажу, по карманам хлопая: «Саня, слов нет,
Света нет, а тепло, то, что от углей,
Жалкий, нажалчайший подвид тепла,
Кроткий, трусливо жмущийся по углам».
А ты мне такой: «Чего ты?»

Нас в этой утопической лодке двое,
Куришь ты перманентно, но дышишь дробно.
Главное, что, как я, не скребёшь обои.
Ты же не хочешь вправду узнать, чего я?
Просто темно, жить ощупью неудобно.

Лезешь в себя за нотами, ноты – вот, и
Тропы до нот протоптаны, идиоты мы
Смотаны ими в сноп, но меня пойми,
Сань, просто я – не ты. Немоты кнуты
Выдержу, но до первых стихов займи.

Сань, тяжелей без запахов в волосах,
Тремора на спидометрах и весах:
Нужно всегда чуть больше или чуть меньше.
Так я иду сквозь вечность в одних трусах
Или целую, пьяная, пьяных женщин.

Или так в моём имени буква «и»
Тянется бесконечно, когда «Ар-и-и-и-и-н».
Я строю города у себя внутри,
И города меня у себя внутри
Строят на пепелищах, что мы творим.

Много всего занятного там, во мне,
Пусто, но боль лучится теплом вовне,
Шрамы решений, острых, как этот миг,
И бесконечность. Ты к ней уже привык
Так, что чем дальше, тем мне с тобой страшней.
Там тишина тишин как бы... тишиной?

Глупости. Брать за плечи тебя, трясти.
Тут никому не нужно моё «прости».

А И Б

Мне приснился друг, которого я себе
Не могу позволить в силу масштабов родины.
Мы сидели, как А и Б, на одной трубе,
На которой союз безликий остался вроде бы,

Сочленяющий бессловесных две пустоты,
Ковыряющий совесть вилкой из алюминия,
Как кусок, что не прожевали ни я, ни ты
И которым не наедемся ни ты, ни я.

Мне приснилось, что есть инфляция силы чувств
И не взять ни минуты счастья, ни ночи сна.
Счёт де-юре открыт, но только де-факто пуст,
Наши узы – пассив, не выгодный ни хрена,

Но инвесторы мы плохие. Простой вопрос,
А упала, пропала Б, а труба пуста?
Если бы Уроборос знал, что он ест свой хвост,
Он продолжил бы жрать себя или перестал?

Я_Ано́ним

РОДИНА

Без лифчика, в чешках на бóсу
не ногу, а только стопу,
поправила русую кóсу
и перехватила косóу.

И ловко-то как под колено
ударила этой косой.
И скрылась, как в Трое Елена,
с красивой – до жопы – косой.

Покуда я падал, я думал,
кося, как старый алкаш,
что Троя не Умань, не Умань
и не Филадельфия аж,

а Пермь или, в случае крайнем,
не Красноту́рьинск, так Чита,
о ней я у Бунина в *раннем*
(тем более – в *позднем*) читал.

Потом, как ни странно, – у Блока,
пока он не стал Пастернак,
в хреновине русского рока,
который не катит никак.

С тобою, сучара, кошёлка,
мне всякого выбора без
стоять под знамёнами шёлка
да с пенисом наперевес.

Мне карма такая попёрла,
что я по протекции птиц
хрусталь добываю из горла
поющих в Ла Скала девиц.

МАНАНА МОХНАТОВА И ПАРИС БАСТУРМАК (диалог)

– Небо цвета купороса.
Мальчик нюхает хурму.
Я умру тебя без спроса,
а потом себя умру.

– В этом мире я бессмертен –
в этом смысле я дурак.
Будет не написан Вертер
допускаю, что вот так:

«Я не умею женщин говорить,
но как их прекратить молчать заставить...
Поэзия, твою же мать етить,
вставляет круче, чем попытка *вставить...*»

– Я на правую ногу галошу
левой ручкой надела. Иду
по бульвару с надеждой – Тотошу
укокошить у всех на виду.

Он целуется долго и сладко.
Он горит от любви и стыда.
Но любовь – это в цирке подсадка:
я не верю в неё никогда...

– Ну, Ты наглая в дупель поэтка,
поэтесса такого говна,
идиотка, фуффло, профурсетка,
подошёл бы, и в хавальник – на!

ПРО ТО, ПРО СЁ ДА ПРО БАСЁ

«Диву даёшься, как вздрогнуло всё
в сумерках именно пятого мая,
в четверть шестого... – запишет Басё,
член из любовницы не вынимая. –

...Не утверждаю, что слышу, но мню:
в тёплом пруду изгаляется рыба –
плещется неидеальная ню,
от чешуи не избавилась ибо.

Давеча видел подробней, чем на
свальном соитии у господина:
сперма у негров отнюдь не черна,
даже не синяя, как у дельфина.

Если прищуриться, видно в окне:
лапу поднял кабысдох у забора.
Счастье как будто пока ещё не
изобрели, но придумают скоро.

Ну а пока что, поцыкав слюной,
я рассчитаю с поправкой на ветер
двадцать два способа стать тишиной...
Надо же, *кончил* и не заметил».

ХУДОСЕВИЧ ТУРСУН-ЗАДЕ

Смеркался день. Сморкался дворник.
Струился газ из фонаря.
В подвале чем-то шоркал шорник
тринадцатого февраля.

А вот газета не шуршала:
её читатель в кресле спит.
Но проститутка в полushалке
по тёмной улице спешит.

Её вприпрыжку господинчик
у «Шоколадницы» нагнал
и, оттопыривши мизинчик,
наверно, гадкое шептал.

А я писал и плакал, плакал,
пока в чернильницу макал,
потом в клозете долго какал
и рифму редкую алкал.

Умру я не от передоза –
от тёлки с бантом на башке...
Как с нею были свежи позы
в Москве, как хороши – в Торжке!

* * *

Когда я вчера вошёл в свой лифт и посмотрел на
оплавленные кнопки, похожие на полусгоревшие пуговицы
пиджака Господа моего, что я мог сделать и что я сделал?
Никому не известно. Даже мне.

Ясно одно, что если в кино у ведьм вытягиваются ногти,
то ты свои, скорей всего, втянула ещё тогда, в молодости, и
они растут у тебя внутри, полируемые кровотоком.

Всё равно ты моя золушка и белоснежка, и двое наших сыновей,
которые не родились по причине несущественной и
случайной, не дадут мне соврать. Да я и не умею. А сынули –
тем паче.

И каждый раз, когда я вхожу в нашу маленькую прихожую,
я всегда чувствую, что ещё мгновение, и ты прыгнешь на
меня сзади, а вот с какой целью – этого я совсем не чувствую.
Ты что, действительно думаешь, что любима? обожаема?
Что ж, ты права. Наверняка любима и уж точно обожаема,
но не мной же, не мной.

Вчера взорвали телебашню – единственную свидетельницу
нашего счастья, что заглядывала по утрам в наши два окна.
Мне её жаль, а тебя нет. Я слышу, как тебя тошнит в нашей
совмещённой с туалетом ванной, смотрю на разбросанные
тесты беременности, притом что мы не спим уже больше
семи месяцев. Ну, слышу... Ну, смотрю. И чё? Да ничё!

Вот ты сейчас выйдешь, и я шлепну тебя по твоей не очень
уже упругой попке, а ты мне скажешь, причём без злобы:
«Дурак, что ли?!» И в этом вся мудрость этой нашей с тобой
жизни.

Небо за окном вскрывается маленькими такими консервными ножами, хотя на самом деле это кривые крылья ласточек прямых... Ну, наконец-то в рифму попёрло:

На пиджаке две нитки,
В руке – нога коня.
– Ништяк музон у Шнитке!
– Какой ништяк? Фигня!

СЕЛЬСКИЙ МУДИЛЬЯНИ

Возле проруби пьяный Емеля,
словно дятел, водицу клюёт:
щуке он отправляет е-мэйл,
а вы думали – просто блюёт?

Член вибрирует, точно мобильник,
холодеет прямая кишка:
парень спьяну открыл холодильник,
а там – прорубь и рыба башка:

«Мол, чего тебе надобно, старче?
Ты б залёг, точно в Брюгге, в сугроб.
Очень просто открывшийся ларчик
чаще вовсе не ларчик, а гроб...»

И не шито всё будет, а крыто.
Но не больше, чем на посошок,
жизнь накрылась разбитым корытом,
а не тазиком медным, дружок».

Его плющит, кумарит, корёжит,
но, когда он бывает не пьян,
ему служит натурщиком ёжик
для картины – «Святой Себастьян».

* * *

Я знал не понаслышке
и понаслышке тоже:
у Мопассана в «Пышке»
ни пышек, ни пирожных.

Видал, как закалялась
не сталь, а тётя Тома,
когда *вумат* валялась
в сугробе возле дома.

Что Моби Дик – мобильник,
доказывать не время...
По ком звонит будильник,
причем всегда с похмелья?

Татары и аварцы,
калмыки и узбеки,
зовите Вия, братцы,
чтоб гаду срезать веки.

ЕЩЁ В ПОЛЯХ БЕЛЕЕТ СНЕГ

Ещё в полях, ещё в кустарниках,
ещё в берёзовом лесу
сидят поджарые пожарники,
употребляя колбасу.

Свои промыла карбюраторы
ещё не майская гроза,
за шланги тянут авиаторы
трёх водолазов в небеса.

Ещё не вызрела сливóвица,
но льётся солнце с высоты,
и шлюха Анна Керн становится
одеколоном красоты.

Ещё безумная Денисьева
всё пилит Фёдора за то,
что он рассыпал пачку с письмами
Тургенева для Виардо.

Ещё на космодром Гагарина
везёт автобус марки «Зил».
«Поехали к Татьяне Лариной!» –
Он крикнуть не сообразил.

Ещё Корнилов у Деникина
употребляет мокрый мак,

а рядом, блин, опять Денисьева –
наверно, без неё никак.

Ещё не Блок и не Ахматова,
и не Цветаева пока,
а только снег в полях не матовый,
поскольку *анненский* слегка.

ИМПЕРАТОР – МЕНЬШИКОВУ

*Он не пощипывал, а мял
торчком стоящие усы.
И сам стоял, и член стоял,
причём заправленный в трусы.*

– Отсель мы будем посылать
без всякой европейской фальши
всех в *растудытьихвашу* мать
и, полагаю, даже дальше.

«Мин херц» – не кличка, а говно.
Придумай лучше погоняло,
чтоб Русью здесь запахло, но
чтоб ею же не завоняло.

Я знаю, мне любая даст
под звуки италийских лютен,
но на войне я пид...с,
хотя сей грех – не абсолютен.

Империя. Петля. Топор.
Стрелецкая настойка крбви.
Европа – жопа. Я в упор
не вижу всех, кто с нею ровень.

Мне говорил морской халдей,
голландский баловень прогресса:
«Лес кончился – руби людей:
они бывают твёрже леса».

Ты хочешь славы? Вот – она!
Вот жизнь с кровавыми устами!
Вот наша смерть, а вот – страна.
Их надо поменять местами.

Мозги мне не каракалпáчь!
Врагам одна лишь поза – в лёжку.
А Ромодановский – палач,
он, гад, клеветчет на Алёшку.

Вот-вот без всякого рожна
меня скопытит рак простаты..
О жизнь моя, как ты сложна!
А после смерти – как проста ты!

* * *

Вода – прозрачное число
(с ним в пустоте – не пусто).
А я – солёное весло,
которым быть невкусно.

Свобода – это ремесло,
а быть рабом – искусство.

современ-
ные зару-
бежные

ПОЭТЫ уральская
школа
поэтических
взаимодействий

*в переводах,
вариациях,
мотивных
переложениях
уральских
авторов*

Беларусь

Мария Мартысевич (Марья Мартысевіч)

Родилась в 1982 г. в Минске. В 2004 г. окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, в 2005 – отделение философии / литературы Белорусского Коллегиума. Её стихи и эссе переводились на украинский, чешский, словацкий, польский, литовский, немецкий, русский языки. В Беларуси публикуется в журналах «ARCHE», «Дзеяслоў», «рARTузап». Автор книг «Цмокі лятуць на нераст: эсэ ў вершах і прозе» («Драконы летят на нерест: эссе в стихах и прозе», 2008) и «Амбасада: вершы свае і чужыя» («Посольство: стихи свои и чужие», 2011). Живёт в Минске.

EXPOBEL MON AMOUR

1.

На дороге из города тьма была,
скопище железных коробок
и осколки рубинового стекла
ждали очереди вырваться из пробок.
Обычная пятница: дети села
выезжают из города в морок.
Не протиснуться сквозь гарь и огни,
«фольксвагены», «шкоды» и «бэхи»;
в пятницу – как и в другие дни –
в этот город никто не въехал.

2.

На ковчег бы их не пустили, такую пару.
Самка рычала, заглушая и дождь, и трафик:
– Этот хрен закрывает окна, а всем – пофиг!
Что молчишь, тюфяк? Ты мужик или пуфик?!
Грёбаный МАЗ, мы тут задохнемся нафиг!

И правда: один пассажир (а ливень – стеной)
задраивал люки, будто зашивал раны.
Многим из нас тогда он напомнил Ноя
тем, что был пьяный.

3.
Купила себе шлёпки синие.
В тренде, как говорит приятель.
О Ехробел*! Сердце Сирии!
Открой мне свои объятия!

Спасибо, что посылаешь мне
эти бусики и эти штаны,
но клятвы не нарушаю:
не забуду родные «Жданы» **,
сонный посад Шанхая.

4.
Тема патриотизма раскрыта на сто процентов
в диалоге: «Ацтойный район». – «Я живу там».
Это не близкий свет и уж точно не центр,
зато воздух полуночи пахнет кунжутот,

ведь хлебозавод № 2 наши дворы
всенощно дурманит духмяным кадилот.
Что б ни случилось с тобой – Апокалипсис, выборы,
мама откроет и спросит: где ж ты ходила?

* Экспобел – название одного из крупных рынков, сети торговых центров Минска, находится за кольцевой автодорогой.

** Ждановичи – первый большой рынок под Минском. В народе называется «Ждань». Там много китайцев.

ПАРНЫЙ ТЕННИС (МИРНЫЙ-ХОП)

И весь сегодняшний вечер с вами на корте – Макс Мирный*.
Руки его – золото, пот его – ладан и смирна.

Пресс его – тимпан, ноги его – кипарисы.
Запах вокруг – сандал, что из чресел его испарился.

Груди его – трамплины горнолыжного комплекса «Силичи».
В первых рядах манежа – люди, которых он вылечил,

Костры из отброшенных костылей горят во славу ему,
Взгляд его заряжает воду и дозревает хурму.

Подача его – кубометр газа в белорусские веси...
...И семьдесят пять процентов ангелов славят его
в поднебесии,

И хирурги режут бесплатно, и в пригород возят таксисты,
И школьники строятся парами, как теннисисты,

И школьницы со сколиозом перестают сутулиться,
И Дэвис пьёт пиво из кубка прямо на улице,

И мисс Беларусь выгибает спину, подобно пантере,
И молодожёны находят деньги на секретере,
И ЖЭС и собес заботятся о пенсионере,
И спутники не взрываются в стратосфере,

Когда он выходит с подачей на «чистый хард»,
Желанный, как смерть, стремительный, как гепард.

---

* Макс Мирный – первая ракетка Беларуси.

ОШИБКИ ПЕРВОГО РАЗА

*Моя первая любовь была так давно,
что я не могу дать на неё ссылку в интернете.*

Виталий Рыжков

«А на Божьем Суде
всем в жопу будет», –
повторяй это вслух, когда
первая любовь тебя засудит.

Любили сидеть на трубах у начала КАД –
и вот вы по разные стороны баррикад.

Убегали с уроков гулять по трамвайным путям –
а теперь присягнули на верность разным властям.

Дети Петра Шмидта, солисты конкурирующих хоров, –
а на родительской даче зимой было будь здоров.

Так горячи были нежные прикосновения,
Но чёрт придумал политические движения.

Не сложилось – и ладно, merci beaucoup, mon premier*.
Нужно ли нашим любимым брать с нас пример?

Надо ли, чтобы мы были рядом,
когда они выполняют приказы?

Спасибо, Судья, за ошибки первого раза.

* (с фр.) Большое спасибо, мой первый.

Вера Бурлак (Жыбуль)

Родилась в 1977 году в Киеве. Выпускница филологического факультета Белорусского государственного университета, где теперь преподаёт. Пишет стихи, прозу, сценарии детских спектаклей на белорусском языке, переводит с английского, украинского, русского языков. Автор книг поэзии «За здаровы лад жыцця», «Дзеці і здані», книги прозы «Творы соннага жанру», аудиокниги стихов «Phantom of The Literature».

ДЕСЯТОК ДЕТОК

Накануне (вместо вступления)

Возвышаются башни, как будто насквозь
гвозди прошили тонкие доски.

Скоро я выясню, что ты за гость?

Две полоски.

Крест мой возносится ввечеру
юбочным звоном бывшей девицы.

Ты со мной сделал это и,

ежели не помру,

обязан жениться.

1. Вежливая

Здравствуй, моя мама!

Вот какая ты!

Ты, как я, тот самый

Гений красоты!

Мир, как океан, но

свой или чужой?

Кто-то руки тянет:

«Помогите, ой!»

Я в своей задачке

Шла из точки А.

Здравствуй, моя мамочка!

Дай мне молочка!

2. Партизан

Я не хотел отсюда вон:
родимый край со всех сторон.
И я подумал: отползу
в какую-нибудь железу.
Сумею я с пейзажем слиться,
но – ни полшага за границу!
Меня выкуривать, как лиса?!
Крутить меня?! А я отбился.
Меня, как джинна, заклинать
Толкать, выдавливать, пинать?!
Ну вот ваш белый свет в тоннеле...
Ликуете? Чтоб вы сгорели...

3. Ракета

Я так сюда летела,
Что обгоняла звук!
До нитки пропотела,
Расплющила каблук...
Не шутка ль – с того света,
С неведомых орбит!
По жизни я – ракета!
И всем здесь прилетит!

4 и 5. Двойня

Сразу здесь решим, короче:
кто здесь первый, а кто – прочий...
Ша по нарам! Акушеры!
Чур, я прочий,
А ТЫ – ПЕРВЫЙ!

6. Диссидент

Медсестра, брезгливая сука:
«Паглядзи, он яшчэ и сцыт!».
За спиной мне скрутили руки?
И глаза обжѐг альбуцид.

7. Снегурочка

Тѣтя! Тѣтя! Тѣтя!
Найди меня под снегом!
Дядя! Дядя!
Машина! Машина!
Я жила на звѣздочке –
И выпала на снег.

Веришь? – я не растаю весной:
У меня горячая кровь,
И я умею любить.

8. Кесарю – кесарево

Опа! А я уже тут!
Встречают официальные лица.
Я не успел собрать вещи.
Можно за ними вернуться?
А-а, вот и они! Спасибо!
Это что?
На кой чёрт эта резина?
Нет, спасибо, я не голоден.
Стоп-стоп-стоп.
Зачем вы меня скручиваете?
Зачем спать?
Я не хочу спать!
Что вы делаете?
Это насилие!
Я требую адвоката!..

9. Тяжёлый

Они хотели слышать, как я плачу,
Видеть и знать, что я дышу.
И чтобы решить задачу,
Долго ломали башку
Мне. Клещами.
И кости – маме.
Моя добрая, моя белая мама
Почти неживая лежит.
Не бойся: я вешу 5 килограммов!
Я заплачу. И мы будем жить.

10. Отличница

По Аппар мне сразу поставили «десять»!
Я вошла в этот мир, улыбаясь,
Поздоровалась с докторами и сёстрами
(Некоторые упали в обморок),
Пожала руку маме,
Выпила шампанского с папой.
И первое, что мне сделали, –
Это вырвали первородные зубы.

Великобритания

Марк Л. Берроу (Mark L. Burrow)

Драматург, поэт. Живёт в Йоркшире. Стихи публиковались в журналах Англии, Франции, Ирландии и США. Работает учителем английского языка.

СРЕДИ ВСЕЙ ЭТОЙ НЕРАЗБЕРИХИ

Будильник

Уничтоженный во взрыве,
 снова жду взрывной волны.
 Стоп, будильник! Тишины!
 Полушария – в отрыве...
 Указательные пальцы –
 в каждом ухе. Снова звон!
 Из орбит глаза-скитальцы
 норовят убраться вон.
 Этот звон! Куда деваться?
 Продолжая насмехаться
 надо мной, звонит, звонит...
 Кто его угомонит?

Вход в хранилище

Приоткроешь пепельницу,
 с улицы по лицу –
 город без кислорода.
 Выдох у входа.
 Этот воздух не для меня.
 Огня! Не могу гореть.

Я – треть, окурок, дым или тлен...
 В безопасности стен,
 в безопасности потолка от плевка...
 Под охраной кодового замка
 у виска или замка с ключом.
 Разница в чём?
 Когда спрятан внутри
 в одиночестве, зри
 в полноцветную тьму,
 за черту...

Внутри безопасно

Напрасно кого-то ждать –
 новый шифр разгадать
 или найти отмычку...
 Это входит в привычку,
 я опять поменял замок...
 Я одинок. Одинок
 среди всей этой неразберихи...

КЛЕТКА

Свободы лишает клетка.
 Но, если с телом беда,
 что же ты мечешься, детка,
 не улетаешь туда,
 в долгую, без границ,
 без синевы синиц
 полную неба клеть?
 Страшно одной лететь...

ПОХИТИТЕЛЬ

Вспомнил фрагмент из кино:
 дорожное полотно, машина.
 В багажнике – мужчина.
 Полосатые брюки. Связаны руки,
 кляп во рту...
 За верстой оставляя версту,
 везут неизвестно куда.
 Навсегда...
 Тем временем главный герой
 вечерней порой, забыв обо всём,

переезжает в дом престарелых.
В окружении белых
занавесок и простыней
забываться верней...
Комната – зал ожидания, воспоминания...
Вокзал стоит стороной...
За стеной – он же с повязкой на глазах
и кляпом во рту зрит в пустоту,
в безоблачность облаков-стариков...
Тем временем в зале ожидания
мужчина вне расписания без слов
объявляет прибытие поездов,
номера платформ...
Потом семья навещает его.
Не узнает никого, даже себя...
Скорбя, родные в крошечной муке
досматривают кино.
Молятся, но спасенье в разлуке,
в чёрных платках. Без шляп...
Изо рта вынут кляп.
Главный герой – на свободе.
В перевозданном виде.
Он снова видит и слышит.
Не дышит...
С похитителем по пути
счёты не свести.
Смириться или остановиться...

ЛОЖЬ ПОД МАСКОЙ

Просто скажи, но ты будешь кричать.
Просто зови, я могу одичать
необратимо, как ветер и дождь...
Когда ты придёшь?
Просто спроси, где себя потерял?
Просто скажи, чтобы я ревновал.
Не обещай, что пропажу вернёшь.
Когда ты придёшь?
В маске чужой ты приходишь опять.
Что за душой? Снова будешь кричать.
Только не крик, только не ложь!
Когда ты придёшь?
Сердце болит, словно пламя свечи.
Снова, сжигая меня, приручи.

Я – посмотри на меня – онемел.
 Почти догорел...
 Просто спроси: где себя потерял?
 Просто скажи, чтобы я ревновал.
 Не уходи, я умею прощать.
 Но ты будешь кричать...

Вариации Надежды Болтачевой на переводы Елены Иоановой

Элис Освальд (Alice Oswald)

Родилась в 1966 г. Выпускница Нового колледжа (Оксфорд), первая книга «The Thing in the Gap-Stone Stile» (1996) получила Forward Poetry Prize (номинацию «За лучшую современную поэзию»). Среди других поэтических книг Освальд: книга “Woods” («Леса», 2005), получившая премию Джеффри Фабера; “Weeds and Wild Flowers” («Сорняки и дикие цветы», 2009) с иллюстрациями Джессики Гринман; “A Sleepwalk on the Severn” («Лунатик на Северне», 2009) и “Memoial” («Мемориал», 2011), переосмысление Илиады Гомера, получившее высокую критическую оценку за инновационный подход и потрясающие образы. Эта книга также удостоилась премии Warwick в 2013 г. Её последняя книга — “Falling Awake” (2016). Среди наград Освальд — премия Эрика Грегори (Eric Gregory Award), премия Фонда искусств в области поэзии (an Arts Foundation Award for Poetry), Forward Prize за лучшее произведение и премия Теда Хьюза (Ted Hughes Award). Живёт в Девоне с мужем и тремя детьми.

ТЕЛО

Вот что произошло:
 мёртвые поселились под грязной крышей,
 и что-то шумело у них над головой

это был барсук, идущий по тонкой перегородке,

мёртвые, расхаживающие день и ночь в темноте,
 осторожно ступали, словно по воде,
 смущённые присутствием барсука

барсук, несущий собственное тело,
 словно тяжёлую коробку, которую нужно заполнить,
 ещё перемещался и казался живым

ни разу не посмотрев наверх,
 он упал в переулке,
 не выдержав тяжёлого труда:
 нести себя как живую лопату

он упал, даже не заметив своего тела, падающего как чемодан,
 с усмешкой, напоминающей открытую молнию на одежде

(именно это я увидела, когда нашла его этим утром)

дрожащий, он безвольно продолжал бежать
по изгороди и снова на землю,
словно вода, минуту назад обрётшая форму в сломанном
кувшине

ЛИСА

я услышала кашель,
как будто там был вор
вне моего сна
резкое колебание воздуха

лиса за покровом собственного меха,
осторожно идущая по траве,
в чёрных перчатках
кашляет в моём доме

так странно и абсурдно:
то, как она зашла,
любопытно спрашивая
хриплым голосом

посреди сильной бессонницы,
нарушив закон,
лисица с мужским голосом
без имени

словно говоря: *полночь,*
как и моя жизнь,
спрятана под моими детьми,
как золото

ПОЛНОЛУНИЕ

Боже!
что снилось мне прошлой ночью?
мне приснилось, что я луна.
я проснулась, обнаружив, что всё ещё сплю.

это было так:
моё лицо словно запотело изнутри,

я пришла и по собственной воле прошла сквозь маленький
глазок
у меня не было ни голоса, ни рта – ничего, чтобы рассказать,
кроме моих теней,
скорее все же склоняющихся под гору, чем идущих вдоль.

нужно как-то описать мой лунный свет
похожий на мороз, но несколько мягче,
напоминающий пепел, но всё же не такой тонкий,
сделанный из воды,
строго говоря, не имеющий никакого значения,
его можно назвать счётчиком света.

как тогда в лесу, когда они теснились,
напоминая спрятанные скульптуры,
их головы застыли вместе, убив друг друга,
лунные, звуковые существа, почти олени или полуолени,
глаза которых видят всё насквозь, идущие вглубь,

я была такой же: материально неощутимой и невидимой.
нет ничего подобного лунному свету.
я взбиралась, цепляясь за собственные кости, и думала:
Боже! Кем я была прошлой ночью?

Перевод Еганы Джаббаровой

Джон Коллинз (John Collins)

Драматург, поэт. Родился и живёт в городе Истборн, Великобритания. Учился в Университете Брайттона. Основатель Театральной компании благотворительной организации MACMILLAN CANCER SUPPORT. Занимается привлечением средств для благотворительности. Также занимается продюсированием. Сейчас специализируется на коротких комедийных пьесах.

СТАРИК В ДЕТСКОЙ

Они ушли, и ты сидишь один
в детской, на полу. Пустую стену
изучаешь, плачешь. «Абердин» –
бар, в который выдвинулись. Тему

ожидания в надежде, что придут,
что вернуться рано или поздно,
пестуешь. А слёзы... слёзы тут

наполнитель тела, атрибут
внутреннего мира. Всё серьёзно.

Ни мечты, ни фото на стене,
ни жены. Отчалившие дети.
Выпьешь, восседая на паркете.
За стеной сражаются соседи.
Упадёшь, состарившись во сне.

А когда проснёшься – намахнёшь,
бросишь взгляд на стену, улыбнёшься.
Там, как в диафильме, сын, и дочь,
и любимая (и первый майский дождь).
Улыбнёшься вновь и к ним вернёшься.

ПЯТНИЦА 22 ИЮНЯ 1990 ГОДА

Пустая пятничная ночь.
Где кошка? Умерла.
Мои эмоции – точь-в-точь
горох, запаянный так проч-
но, что не вскрыешь. А

к тому же он не на столе,
не в холодильнике –
в ячейке банковской, во мгле,
словно арахис в пастиле,
ни взлётов, ни пике.

Он зол, он перевозбуждён,
он сам себе сплошной урон.

СКЛОНИВШИЕСЯ ФИГУРЫ

Кактус посмотрел на нас,
покидая подоконник.
Мы сидели, наклонясь,
на скамье после погони

за последней рюмкой. Что
обсуждали на скамейке?
Нашей сущности итог –
стать для воронья чизкейком.

Кактус рос, пока летел.
Плоский камень по просторам
пресноводным шелестел –
наше чувство, под которым

леденела глубина,
бездна имени ребёнка
нашего, полным-полна
предрассудков из котомки

прародителей. Сквозь нас
поросла вся эта масса.
Как просроченное масло,
жизнь была, но не сбылась.

*Мотивное переложение перевода
Елены Ионовой выполнил Денис Колчин*

Венгрия

Арон Гаал (Aron Gaal)

Родился в 1952 г. в Будапеште, где проживает по сей день. Является президентом Европейского литературного фонда «EOS 2007», директором интернационального фестиваля «Море и слово» (Будапешт), членом СП Венгрии «EMIL», членом редакции онлайн журнала «Szózat» (Будапешт). Его сочинения переведены на 20 языков мира. Он автор 22 сборников и 7 книг, где выступил в качестве переводчика.

КЕЛЬТСКАЯ КОСТЬ

Вижу кельтские раскопки
 Как музейный трафарет,
 Где в траншеях воздух топкий
 Растворяет толщу лет.
 И встаёт могучий остов
 Поколений, дат, людей
 Перед взорами потомков,
 Посещающих музей.

Вижу образы и числа
 До и после Рождества.
 Мегаполисом мчится
 Мысль зеркального родства:
 Отражением витрины,
 Где себя увидел я
 Продолжением картины,
 Вставшей из небытия...

Кельтской кости тень сухая
 Тихо светится во мне,
 И звенит её глухая
 Песня жизни в тишине.

ЗА ЗЕРКАЛО УТОПАЮЩЕГО НЕБА

Здесь мчатся машины. Но – остановись
 на пляже пустынном, где светится жизнь.
 Там серое море и волн череда
 встаёт – то туда, то теснится – сюда...

На пляже пустом есть особая жизнь,
 в ней чайки рыдают, в ней воздух – полынь.
 Там после обеда от знойных лучей
 пустынное небо и нету людей.

А я вперевалку иду по песку,
 где можно на солнце зажарить треску,
 где ветер солёный мне дарит слова:
 что было... что будет... и чем ты жива.

Что знаю я в зное о нашей любви?
 На влажном просторе и губы твои
 почти проступают сквозь мокрый песок.
 Что было. Что не было. Сон мой глубок.

И после обеда за город пустой
 иду я на пляж, беззащитно босой.
 За зеркало неба, что тонет вдали...
 И чайки кричат о сторевшей любви.

ГРАВИТАЦИЯ

Все ткани этого мира стараются быть бессмертными.
 Стремится археология посредством живых траншей
 Отрыть нам кусочек эпоса и сделать его концертами,
 Вещать его мощи с пафосом, транслировать постройней.

И если Создатель дал бы ей возможность творить
 и властвовать,
 Она бы свою материю воздвигла в такой бы ранг,

Что можно ваять историю, и даже в таком участвовать,
Что выведет бесконечности сомнительный бумеранг.

Она далека от эллина, который стремился в воздухе
Достичь колесницу фебову, и в лёгких лучах парить,
И весла забыть галерные, забыть пути мореходные,
По небу скользить Эгейскому, а не по морю плыть.

Чтоб вся, что ни есть, материя утратила гравитацию,
От времени и пространства бы уйти в золотой отрыв!..

Способна археология на нищую реставрацию
Того, кто парил в Поэзии, кто воздухом Бога был.

*Мотивное переложение подстрочных переводов автора
выполнил Алексей Миронов*

Германия

Аня Утлер (Anja Utler)

Родилась в 1973 г. Поэт, эссеист и переводчик. Исследует поэзию русского модернизма в Университете Регенсбурга. Живёт в Вене и Регенсбурге.

Доэтиграф: Звук производится иногда даже при вдохе (инспираторные звуки). Так, например, при выражении внезапной лёгкой боли используется звук [ф], произносимый на вдохе. Р. Арнольд / К. Хансен

МАРСИЙ МОЙ, КРУЖАЩИЙСЯ И ОКРУЖАЕМЫЙ

годы тому давно:

рвущийся шёлк кашля – как будто у дыхания появились мускулы мула, как будто скулы его грубые шевельнулись, как будто звуки, как лопнувшие маковые коробочки, рассыпались, в брызги превращаясь, вращаясь, учащаясь, плещась в пене своей, в песне своей, в небе нёба своего, посверкивая над землёю чужою.

до того как:

знай же, верь же, думай же, что горло твоё – это слепленный из густой слюны пейзаж, обречённый на речь, на течь,

на воркование, на волхование, на струи и трели – смотри, как язык бьётся, вьётся, вращается – превращается в венчик, взбивая жару в сливки, а сливки в масло, которое тает и таит в себе, что не масло оно, а эхо прошлого, а скошенная трава минувшего, подмигнувшая прозрачной дымке щёлкающего за обе щёки ветра.

1

тенью окружённый

Марсий и сраМ его кожи: рассечённая, висит она на ветках, как бельё на просушке, пока воздух объедает свет, покуда свет обглаживает воздух, и патока безумия сливается/склеивается в поток, и шкура дрожит, словно под током, – не потакай ей: пусть такая и остаётся – дёргается, смеётся, бьётся, мнётся.

–

мусор музыки под слепыми пальцами, проникающими всюду, оставляющими обломанные ногти, ведь они так весело похрустывали, когда врезались в кору: хкры-хкрум – а потом грабили тишину – шху-шух – и мрачное семя выбрасывало белый флаг нового ростка, который скорой высотой своей тишайшей глубине обязан.

2

курошуты памяти

–

а вот и фигушка бутона ярко-красного тона: волчник (не воланчик), как ночник, горит во тьме, пока не истлеет до яда своих ягод, которые – фук-фук-чпок-чпок – лопаются между пальцев и уже текут, не успев загустеть в разорванных венах своего фотосинтеза, и давится свет косточкой плода, и завершается плодоношение подношением, и – тсс... – тишина липнет к ладоням.

–

3

резня: наточенная чистота

а было: тело белее мела, в поту скользящее,
звеньями своими звенящее,
а теперь: только солёные кристаллы покрывают
кожу омертвлённого,

а к утру превратится она в пергамент, и зашуршит,
и съёжится от страха и холода,
и будет свисать ключьями – и ветер замёрзнет в её складках
и оледенеет.

–

вот камыш: упругие клавиши ветра, нашинкованный
шёпот болот,
илистый грунт вытягивает эти сосули наконечниками вверх,
что не по правилам – и они шепчутся – тссс! – никому
не говори о чём, потому что ветер пытается их, выкалывая
отсутствующие глаза, надрезая подушечки несуществующих
пальцев – пфык – расцветают маленькие кровавые бутоны.

4

опустошённое – лишённое – текущее – растущее

этот шмат мяса: зловещая фисгармония пыли – боли –
соли, окантованной акантоцитами: мёртвые мелодии
нарастают слоями живых клеток: возьми хребет рыбы
кистеперой, натяни на него жилы, отыщи где-нибудь мышцу
прикосновения и прикоснись ко всему, к чему только можно,
и воздух будет пролистан, как книга, чьи рёбра и лёгкие
задвигаются, изображая дыхание.

–

марсий очищен от кожуры: амарантовым маслом он истекает,
рёбра его – листья; листья его – шорох,
соль его – троекратная трель соловья, на хрупком горле
которого, как на малюсенькой флейте, играют пальцы
тростника, и острые губы травостоя подпевают, и мелодия
свисает с них гроздьями, как слюна, склеивая всё в единое
гудение, шипение – ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-шёпот.

5

пустеет, пенясь, – бурлит, опустошая

мика небес – это трепет соек и синиц, судорога
небес – это полёт бабочек, небо глотает их, и они
становятся трепещущими позвонками, колокольчиками
головокружений (...) смерч – это рот небосклона, инстинкт
его глотания-содрогания, но, если присмотреться, – это
рана незаживающая, усугублённая высыхающими плевками
карста: нам – обман, обман – манна небесная, бесноватая,
молчанием волосатая.

*
*

между тем:

масса кипит и клокочет
ужасом шестиязыким
марсий – как квохчущий кочет
над обречённой музыкой

небо свистит и плюётся
точно сопрано без меццо
по-настоящему *бьётся*
только *разбитое* сердце

Вариация Виталия Кальпиди.

Над подстрочниками работали Эвелина Бирюкова, Вера Новикова, Виктория Любченко, Виктория Тимошенко, Анна Шепталина, Любовь Зотова, Екатерина Нигматулина, Арина Колесникова и Дарья Матвеева.

Нора Гомрингер (Nora-Eugenie Gomringer)

Родилась в 1980 г. в Нойнкирхене. Автор книг: “Gedichte” («Стихотворения», 2000), “Silbentrennung” («Разделение на слоги», 2006), “Klimaforschung” («Климатология», 2008) и др., а также многочисленных статей в журналах и учебниках. В 2011 г. удостоена премии Якоба Гримма, в 2012 – премии Иоахима Рингельнаца.

КАК Я МОГУ ОБЪЯСНИТЬ

Умерли
Отправились на небо

Улетели
Распылились в лёгких

Незнающих
Ничего не желающих знать

Увезли ли их дети
В другие страны

Или развеяли
Родительский пепел над семьёю

Морями мира
Что сегодня в ударах волн

В животе кашалота
Умножают наши грехи

На берегах
Покоя

СВИНЕЦ

«...вы могли бы описать это состояние своими собственными словами?»

чёрная собака
платье из свинца
в оперении ночь

силуэт в тумане
самый главный путь
вопросы из кожи

велико молчанье
сумма из времён
комнатное тело

«Лекарство поможет / День станет ясен / Жизнь – сон»

ЧЕЛОВЕК В ЛЮЦЕРНЕ

В два часа ночи он видит себя на мосту,
Через минуту коснётся красавицы Ройс.
Так человек заполняет собою тоску,
Словно вплетается в омут девичьих волос.
Шёпот прозрачен, ладони её широки.
Сколько вина было пролито, не сосчитать.
Как не привязанный к мачте считает круги,
Не вынося тишины восковую печать.
Пьёт поцелуи. И лёгкие рвутся в глубь.
Замерло сердце. Лишь разум играет с водой.
Ройс тихо шепчет о том, кто её полюбил,
И омывает его. И несёт за собой.

Перевод Артёма Носкова

ЗАБЫВАЯ ПРИЗРАКОВ

Когда я уходила,
То просила призраков пойти со мной.
Опустив глаза, я держала дверь открытой,
Чтобы они вышли.

В новом доме она могла бы жить
Рядом с окном в гостиной
Он – в кабинете у двери...
А я...

Она подошла и положила мне руки на плечи
Невесомые
Летели мысли и сердце
Меня окликнули. Я взяла чемодан.
И рассыпалась.

Забыла попросить их, чтобы они навещали меня,
Когда я состарюсь,
Забыла попросить, чтобы они не скучали.
Мне кажется, они до сих пор там.
Подруга сказала, что я обязательно забуду своих призраков
И тогда (только тогда)
Они вернутся ко мне.

ГЕРПЕС-ВАЛЬС

Целую тебя
Целуешь меня
Что-то случается с нами

Почувствуй меня
И сам ощути
Что происходит внутри

И вот я чешусь
И чешешься ты
Нам не поможет вода

Теперь ты со мной
Ты полностью мой
Ты будешь моим всегда.

Перевод Александры Шиляевой

Марион Пошманн (Marion Poschmann)

Поэтесса, прозаик. Родилась в Эссене в 1969 г. С 1989 по 1995 г. изучала германистику, философию и славистику, сначала в Бонне, а с 1992 года – в Берлине. Лауреат нескольких литературных премий. Является членом PEN-центра Германии.

СИБИРСКИЕ ЭЛЕГИИ (ФРАГМЕНТЫ)

1.

Параллельные снегопады.

Твой – слева.

Видимость подробна

и неустойчива: осторожней дыши на стекло

воздуха – оно становится мутным,

а ты видишь, что видишь.

Спохватившись сохранить тайну,

притормаживаешь,

словно река, промерзающая до самого дна.

Два-три шага делаешь по инерции,

оставляя позади

дымный след,

немыслимый жар.

Ветхое солнце закинуто на сетку проводов,
проволочный лес приколочен над горизонтом,
воскресенье и опять воскресенье.

Низкое ледяное небо,

по которому вороны

перескакивают.

Грузовой вагон остановлен посреди

белой пустоты. Тупиковый вокзал, за которым

всё та же белая пустота, только снег

валит ещё сильнее.

Если обернёшься на снегопад справа,

то увидишь,

как всё отложенное

делает зиму ещё длиннее.

8.

Действительность собрали из игральных карт:

простые клетчатые рубашки, лица

с типовыми чертами. Люди, тянущие детей;

люди, волочащие чемоданы; компании,

ускользающие, исчезающие. Ощутимая

близость смерти превращает каждую персону
в нечто иное. Открыть. Закрыть.
Продолжить снег.

9.

Вещь без изнанки,
турникет в бездну,
стоишь посреди бурана
центром тяжести
вращающихся небес,
в хрипящем хаосе
удерживая свой интервал
между летящих хлопьев,
громыхания ветра, ударов
без противодействия.

12.

Баланс белого, широта.
Двигаться дальше – бессмысленно.
Каждый шаг проседает,
проваливаешься в тишину снова и снова.
Мягкие сосны, обтянутые берёзы,
войлочное поле.
Декорации похожи друг на друга:
грунтовка, передний план, задний план.
Входишь в серый кустарник,
словно оцениваешь жилое помещение,
прикидываешь соразмерность
горизонталей, вертикалей, высокого
небосвода.
О каком «я» может идти речь,
когда прёшь в никуда,
тяжело и упрямо, метр за метром,
сводя себя в ничто?
Одинокие столбы на деревянных костылях
в скромно меблированном ландшафте.
Ты сам стал реквизитом,
забытым стулом, столом,
неразличимым в общем масштабе.

Баланс белого, широта, щетина
сухостоя, пробившего наст, дегустационный
зал Млечного Пути, ты
вбираешь в себя всё,
ничего не корректируя.

Сквозь тишину различая шелест,
тусклое падение, похлопывание,
сердцебиение снега.

Сосны упираются в потолок,
берёзы сливаются в неразличимую массу,
неподвижное поле поднимается к небу.
Подозреваешь, что они решили
свести тебя с ума,
переписать твои догматы.
Но отвлекаешься, озирая
окружившую тебя летаргию, её незыблемость, понимая, что
всё видимое тобой перешло в области Духа.

Вариации Сергея Ивкина на подстрочные переводы автора

Хендрик Джексон (Hendrik Jackson)

Родился в 1971 г. в Дюссельдорфе. Поэт, переводчик, прозаик, литературный критик, специалист в области русской поэзии и культуры, организатор литературных чтений. Инициатор создания театральной группы Lemma. Инициатор “Berliner Lyrik spartakiade” (Берлинской поэтической спартакиады), клуба “Komsomolzenträume” («Слеза комсомолки») и “Liaison für ahnungsvolle Umtriebe” («Союз пророческих махинаций»).

СНОСКА ИОНЫ

Господь не приходит к тебе а ждёт
не торопит тебя покидать живот
живот стал китом по морю плывёт
открывает глаза открывает рот

спишь просыпаешься видишь огни
в форме каких-то животных они
в небе шевелятся всюду нет ни
способа ни причины вдохни

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ МИРА

направлялся услышал (стоны сирен) надо причалить
высаживайся оглянувшись взлетал занесённый в перечень
будто снегом в аэропорту запомнил ребёнка глядевшего

на тебя не мигая долго ящерицей жизнь за стеклом бежала
рядом и вдруг отпрыгнула зрение меркло и светлело бобэоби
пели губы и кто-то смотрит на нас всё время с равнодушием
или нежностью глядит на пылающую с беззвучным треском
солому на пылающее тряпье разваливающееся беззвучно
тоска наполняет слюной твой рот удод раскрывает корону
на голове одно и то же всё время этот режим чрезвычайного
положения навсегда что там с почтой осень горит и сквозняк
из сутулой кабины

НА ЗЕМЛЕ

опять совпадение воздух дневной холодный
терпи настолько любовь темна что страшно уснуть
как тогда снег на листву спокойно валился выползти
прорасти из подземной земли наружу из

внутри неба есть извивающиеся тоннели
тоски и размышлений не пользуйся ими
пой бессловесно будь счастлив
будь спокоен будь бесславен

Перевод Андрея Санникова

Индия

Мина Александр (Meena Alexander)

Родилась в 1951 г. в Аллахабаде. Жила в Индии, Судане, Северной Африке. Получила степень бакалавра по французскому и английскому языкам в Хартумском университете и степень доктора по английскому языку в Ноттингемском университете в Англии. Автор сборников стихов: «Атмосферная вышивка» (2018), «Место рождения с погребальными камнями» (2013), «Быстрое изменение реки» (2008), «Необработанный шёлк» (2004) и «Неграмотное сердце» (2002). Лауреат премии Open PEN 2002 г. Стихи переведены на несколько языков, включая малайялам, хинди, арабский, итальянский, испанский, французский, немецкий и шведский.

МЕСТО РОЖДЕНИЯ С ПОГРЕБАЛЬНЫМИ КАМНЯМИ

I

В отсутствии заслуживающих доверия духов я создала арию,
Покашляла в пустоту, и это пришло.

Западный ветер с равнин с его случайным арсеналом:
Разорванные паруса из реки Ганга,

Кусочки выброшенного шёлка,
Полоски джута, выстроенные в линии,

Какими словами – приговор и выдумка,
Лирический вызов.

II

Я пришла в этот мир в больнице Аллахабада
Рядом с вонючим коровьим пастбищем.

Меня привезли в казарму с белыми стенами
И гофрированной жестяной крышей.

Там, в учебном центре гражданской авиации,
Во время Второй мировой войны размещались офицеры.

Я слышала звук пропеллеров,
Перекачивающих струи горячего воздуха.

Наклоненные небеса,
Благословение моего первого дома.

III

Я вижу: в открытом проёме
В полумраке стоит молодая женщина.

Её груди распухли от молока.
Она застыла, глядя на мужчину.

Его волосы блестят от пота,
Брюки закатаны.

Он отходит от велосипеда.
Его рубашка горчичного цвета.

Я не знаю, что она говорит ему,
А он ей – это за пределами моего слуха.

Ребёнок, однажды породнивший их,
Ещё спектрален.

Позади этого семейства стоят сосуды из латуни
С шафраном.

Срубленное дерево манго,
Готовое быть сожжённым в домашнем очаге.

IV

Сквозь порталы огромного хаоса
Того, что мы едва ли можем себе представить,
Нам приятнее думать о звёздных ночах с кусающим пламенем.
Ловушка внутри дерева, источник желания,

Что зажигает людей и богов.
Буря лавы, где танцуют бабочки.

Происходят кровопролития на границах,
Уничтожаются языки, беспорядки в столице,

Неописуемая боль истории:
Так река Ганга льётся в океан.

V

Впоследствии – элементы вокального пробуждения:
Грудь, слюна, сопли, менструальные пузыри.

Также младенческие шаги, голод ребёнка, ярость женщины
У входа в кухню,

Её руки собирали растительные стружки, куриные кости,
Бросали золото предков.

Всё это впадает в меня, как пятнистое воспоминание,
Смешанный со слогами пот, резанный синтаксис,

Сломанная кость в речном песке на берегу,
Помимо погребальных камней Сарасвати Куп –

Колодец мистического неба, где лебеди,
Окунитесь в него и выходите, мечтая.

Перевод Елены Баягуловой

Испания

Андрес Трапельельо (Andrés Trapiello)

Поэт, прозаик, эссеист. Родился в Мансанеда-де-Торио (провинция Леон), в 1953 г. Живёт в Мадриде. Лауреат двух крупных национальных литературных премий: Премии Критики (1993) и Премии Надаля (2003). Его перу также принадлежат монографии о Сервантесе, об образе Гражданской войны в испанской литературе, роман «Клуб идеальных убийств» (“Los amigos del crimen perfecto”, 2003; русский перевод 2006). Автор поэтических книг «Близко к воде» (“Junto al agua”, 1980), «Может, и так» («Acaso una verdad», 1993), «Сон во сне» (“Un sueño en otro”, 2004) и др.

СОНЕТ

Месяц ноябрь снотворный. Дожди, дожди.
Впрочем, возможно, жизнь – только сон дождя.
Всё, что уходит, протягивается, уходя,
В вечные бесконечные впереди

тени дороги, даль, ну и все дела:
церковь, кусты ежевики в плену тенёт.
Думай о странном острове, он вернёт
к жизни, сосущей сладкое, как пчела.

Сладкая штука – жизнь, горше только мёд.
Если же ты ошибся, то будь уверен:
всё, что короче, тем долее не умрёт.

Если же ты перепутал в себе страницы,
что-то из этого выйдет, по крайней мере.
Впрочем, возможно, и это всё только снится.

1959

Напротив площади, в тени каштановых аллей
однажды был приют, на всё, на всё похожий:
на тьмы тюрьмы, на стены меланхолий,
на тени затонувших кораблей.

Я был мертвецки мал, и матушка меня
сюда водила на обед воскресный,
с бабулей, с дядей – капелланом местным,
таскавшим рюмкой воду из огня.

И терпкий запах бедности, беды,
сутаны, табака, и мягкий запах солнца,
и скука на десерт, – несомое несётся
из тайных погребов в отечество и в дым.

Уже тогда средь обитавших на правах сирот
двух одиночеств два эха горемычных
тишайшей темноты пустых шагов – обычно,
пока органчик слуха не умрёт,

стоял бессменный коридорный страх
среди огромных трапез затрапезных,
массивных лестниц, спален бесполезных,
сверкавших пылью окон, на ветрах

дрожащих. Становилось всё поздней
в моей любимой комнате, а вкратце...
на мягких лапах в патио прокрасться,
прокрасить серым цвет ночей и дней...

Всё содержал муниципалитет.
Я помню, как по праздникам великим
их незапоминаемые лица...
одно на всех, и то сошло на нет.

О как здесь время медленно текло!
Дракон упал, разоблачив солону,
шуты, пройдохи, проходимцы, гномы...
Всё разлетелось что твоё стекло.

По возвращении домой шёл дождь, всегда
непроходимый, сад употребляли
улитки, как солдаты с фонарями,
и птицы доплывали до гнезда.

Когда моя бабуля умерла, и я,
одетый в нечто узкое и чёрное,
поцеловал её, то сквозь тройной покров отчётливо
почувствовал озноб небытия.

Напротив площади и монастырских стен
однажды был уют. И это всё, что можно
сказать, всё, что пропустит памяти таможня:
обломки ветра, маски, страх и тлен.

СНОВА ОСЕНЬ

В этом ли старом доме, в этих ли древних оливах,
ниже травы в ночи, тише воды вдали,
тянет соломой, мхом – духом самой земли,
тянем-потянем дух – словом сквозь молчаливых.

и узнаём напор, рифмы и ритмы в пульсе
снов и бессонниц, так глухо тебе жужжит
муха на посошок в эких потьмах души,
в этакое забытьи, в быльнике, в месте-пусте.

в платье ли травяном, в мысленном ли огне,
в искрах ли отлучённых воспоминаний
песня иная, вечная, неземная,
прячется, как заключённая, в тишине:

в умершем не на жизнь, в рождённом не на смерть,
в вечных словах, потраченных в преходящем,
в погребке, где мы тихонько играем в ящик,
в снова октябрь виноградарю; как посметь

в сумме вещей, возвращаемых ежогоже,
в сумме нуля по осени – итога –
или с учётом того, что скорей всего,
выше всего и глубже (страннее, боже),

чуешь, душа возвращается на круги,
так и идёшь – по собственному следу
первенцем, каждым первым, любым последним,
всё принимая, каждого берегись.

Перевод Натальи Картичевой

Италия

Мария Грация Каландроне (Maria Grazia Calandrone)

Дебютировала в 1998 г. и сразу же была отмечена премией Э. Монтале, в том же году получила Национальную премию Молодых писательниц; в 2010 г. – стала лауреатом Неаполитанской премии. Автор многих сборников стихов, а также прозы и публицистики. Активно занимается социальной работой, участвует в мероприятиях по оказанию помощи больным Альцгеймером. С 2010 г. является «крёстной» всех начинающих поэтов. Сотрудничает с международным журналом «Поэзия» и другими журналами, сотрудничает с различными ведущими итальянскими радиоканалами. С 2010 г. пишет и ведёт культурные программы для RaiRadio 3. Проживает в Риме.

МОЯ ЛЮБОВЬ НЕ ПРЕКРАЩЕНА

Не трогай меня, я – ещё не пепел,
и не утешенье
для страждущей плоти.
Быть розой – нелепо,
прозой – напротив.

Не тронь меня, больше не чувствую боли,
пройдя депиляцию нервных волокон
с корнями. Белёное
поле
размытых небес источает молоки;
что сердцем звалось –
поднимается в космос колонной,
свободной от боли, незрячей, холодной.

Не трогай меня, я утратила мудрость
деревьев покорного плодоношенья.
Но я ощущала, что новое утро
меня вознесёт на другие вершины.
А дети... Что ж, дети:
пока плоть сильна, они радостным визгом
на всё, что кидает им жизнь, отвечают.
С приходом страданий они обелиски
под хрупкой корой скулежа и молчанья.

Не трогай, отныне я белому камню
подобна, точней, его собственной тени,
стремящейся в гущи небес, где веками
вращаются тернии.
Под камнем родник кровоточит по каплям,
свободный от боли,
надежды.
И песня его смолкнет где-нибудь здесь же,
под камнем.

Не тронь, по орбитам небесным
кружатся планеты. Листочком
подбросила к ним своё сердце.
Ведь здесь, на земле слишком тесно,
к тому же она кровоточит.

Мартина Кампи (Martina Campi)

Родилась в Вероне в 1978 году. Автор поэтических книг “La saggezza dei corpi” («Мудрость тел», 2016); “Estensioni del tempo” «Пространства времени» (2012, премия Ренато Джорджи). Член жюри различных поэтических конкурсов и член редакции журнала «Голоса луны» “Le Voci della Luna”. Организатор различных музыкальных и поэтических проектов. Проживает в Болонье.

ВСЁ ВОКРУГ НАС

Опрокинулся ливень, набросив удавку на город,
перепутав все улицы в мокрую, грязную пряжу;
и, как свитер, все окна авто затянулись под горло,
что было городом – стало отныне миражем.

Время ввело високосные годы, убрав из расчёта
все отношения, связи, все мокрые куртки – и что там? –

шнурки от ботинок, подошвы от туфель и шины,
выбор любой будет попросту смысла лишённый.

Этим зыбким сезонам придётся убрать из расчёта
велосипед и корзинку под хлеб, в потолке побелённом
след мальчишки нечёткий.

И голос, неслышный уже в этой части Вселенной.

Что было городом – стало миражем и только.

Воду сады про запас запасают на листьях.

Мы, став водой, ей течём сквозь одежду и лица,

Сумки к груди прижимая, уходим в потоки.

Сильвия Бре (Silvia Bre)

Родилась в Бергамо в 1953 г. Дебютировала в 1990 году поэтическим сборником “Igrisi” «Паузы». После были книги стихов “Le barricate misterios” («Мистические барьеры», премия Э. Монтале в 2001); “Sempre perdendosi” («Вечно теряющиеся», 2006), “Marmo” («Мрамор», премия Виареджо, 2007) и “La fine di quest'arte” («Конец этого искусства», 2015). Редактирует переводы иностранных поэтов для издательств. Проживает в Риме.

МРАМОР

Каждый хотел бы владеть своей собственной болью,
ложем её оделить, дав ей образ и имя,
нянчиться с ней, проклиная часами ночными,
в страстном порыве однажды подняв над собою,
так и нести её, словно священное знамя,
меч твой, дарующий силу над снами.

Разносятся в небе с неслышимым звоном
призывы к служенью неведомой Боли,
она не приемлет имён и названий
и схватит тебя, коль захочется Богу.
Тебя сносит с обочин.

Туман, закрывающий мозг, словно ставни,
оставит лишь щель для совместного стога,
и всё, что за этим бывает обычно,
а после оставит.

Ведь память отсутствия – разве не повод
уйти синеве из сетчатки слепого.

Валерио Грутт (Valerio Grutt)

Родился в 1983 году в Неаполе. В 2013–2016 гг. был руководителем Поэтического Центра Болоньи. Является организатором и участником различных культурных проектов. Выступает с чтением стихов один и совместно с другими известными поэтами и певцами. Автор книг “*Dam mi tueno tiziee un bacioa tutti*” («Сообщи о себе и поцелуй всех»), “*Tutto l’amore nelle mani*” («Вся любовь в руках»).

СООБЩИ О СЕБЕ И ПОЦЕЛУЙ ВСЕХ

Когда мозг уже атонален,
приблизится небо в разломах
над радиоиглами Румы.
Раскроется чрево туннелей
ножом экскаваторов. Сердце
пульсирует в бездне, разверстой
под небом опять-таки Румы.

Когда больше разум не служит,
являемся мы с неуклюжей
заботой, подсолнечным цветом
в руках. И пока по паркету,
как кошки, скребутся подошвы,
мы в ступоре смотрим на эту,
что чаще отныне и дольше
с тобою сидит не таясь.
Известно всем, знаю и я:
та дрянь, что приходит выкачивать воздух
из сдувшихся лёгких, вновь рано ли, поздно
сиделкой вернётся к тебе, как обычно,
в обыденно скучном и пыльном обличье,
как космос диванных подушек...

Мы встретимся снова, и высветлит холод
наши стерильные души
в каком-нибудь промежуточном холле
офиса счастья надсущного.

* * *

Это бездонное сердце
в себе помещает столько:
битые стёкла, в потоках
разорванное корнями кустов полотно магистрالی,
наплывы цемента, и тут же созвездья в астрале.

С вечно заброшенной в высь головою
тебя, как чума, проходящую, сваи,
крушение дамбы, волны.

В сердца бездонного угол
столько вместилось всего вплоть до дрожи
стиралки взбесившейся центрифуги
и твоё сердце тоже.

* * *

Мои все друзья – люд довольно странный,
порою их словно волной прибывает.
При свете сползаются, как игуаны,
а ночью обычно они забывают,
места, где вечером парковались.
Работают где-то, как правило, фоном,
вечно разряжены их телефоны,
и трутся ушами об уши,
наспех укрывшись одним покрывалом
в куче диванных подушек.

Чтоб друг друга узнать, мы откроем ракушки
со вспышкой,
которые в тайных карманах своих обнаружим.

Смеются друзья мои так, как грохочет вода,
и, тысячи жизнейломав по дороге сюда,
они раскрутили обратно Вселенной спирали
и с ангелами набирались,
случайно, конечно, но – да.
Но мне-то известно: они уже с нами,
пришли, чтобы, вылив излишек эссенции,
раскрыть перед всеми поющее сердце
с балкона, покрытого снами.

Перевод Владимира Лаврентьева

Казахстан

Ырысбек Дабей (Ырысбек Дәбей)

Поэт и писатель. Родился в 1979 году в Восточном Туркестане (Китай). Переехал в Казахстан в 2001 году. Автор книг «Шық тұнған жолдар» («Росистые тропы»), «Әкелеріміз айтатын әңгіме» («Рассказы наших отцов») и «Жылқы атылған жаз» («Лето, когда застрелили лошадь»).

БРОДЯЩИЙ СВЕТ

Моей тоске поверил тленный мир
и богу рассказал о ней дождём.
Среди развалин, где бесовский пир,
ищу целебный свет, но – сумрак в нём.

Ночь пожрала разбитые лучи
и щерится, как серый сутенёр.
И гибну безвозвратно я в ночи.
И гнойный свет следит за мной из штор.

ВЕСНА ЗА ОКНОМ

Я проснулся сегодня. Я спал будто тысячу лет.
И с торжественной тяжестью вижу весну за окном.
Слышу дрожь её. И расстояния нет
между нами, лишь стенка, что держит мой дом.
О величье свободы!
Симфонической вечности гром!
Только хрупкость стекла, что бестрепетной смерти прочней,
ощущаю и космосом цельным дышу.

Мир цветами расцвёл. Всё доступно сегодня моей
интуиции, вслед за которой пишу.
Обнимаю дороги
и в зелень листвы ухожу...

МЕЛОДИЯ ПАМЯТИ

Мелодией, едва лишь слышной,
тебя, замороженный, ждал.
Туман на небе. Время вышло.
Я плачу каплями дождя.

Я много лет не слышал скрипку.
Дряхлеет память. Не сказать
о звуках тех. Лишь воздух зыбкий
пробит ветвями. И опять

встаю на давний путь забытый.
Дом старый. Вид. Туман густой.
Я тайную открыл обитель
в задоре скрипочки простой.
Себя нечаянно увидел
и следую за красотой.

ЧАЙХАНА ОСЕННИМ ДНЁМ

Сквозь окна чайханы мне улицу видней
и редких листьев медленный полёт.
Сточилось время в заплети ветвей,
тень цепочка вверх и вниз идёт.
Уединившись в чайхане моей,
спускаюсь я в воспоминаний грот.

И чашка в пальцах знающих твоих.
И музыка – в ней тишина и крик.
И чай дрожит – нетороплив и тих –
во рту моём, напоминая стих,

давным-давно написанный. И мглист
осенний вечер. И момент поблэк
неповторимый. Только тонкий лист
в зрачках трепещет, словно мотылёк.

Вариации Константина Комарова на подстрочные переводы автора

Аннас Бағдат (Әннәс Бағдат)

Поэт, драматург, киносценарист. Родился в 1984 г. в Алтайском районе СУАР, КНР. В 2004 г. переехал в Казахстан. Окончил бакалавриат и магистратуру Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова по специальности «Кинотеледраматургия». Старший преподаватель кафедры «История и теория кино» факультета «Искусствоведение» Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова. Автор проекта и главный редактор искусствоведческого портала Oneg.kz. С 2014 г. работает драматургом в Казахском государственном академическом театре драмы имени М. О. Ауэзова. Победитель Международного конкурса поэзии, организованного Всемирной Ассоциацией казахов (2008 г.). Стихи публикуются в казахстанских СМИ. Поэма «Дыхание бытия» была опубликована на казахском языке в КНР в 2004 г. во всекитайском журнале «Шұғыла». Пьесы переведены на русский, немецкий, китайский языки.

* * *

Я размышлял об ангелах и муравьях
Под деревом, в зелёный шёлк одетым.
Садилось солнце за дворец – побыв в гостях,
Оно вернётся неразменной монетой.
Вот муравьёв, что видел Соломон,
Из муравейника выходит сонный сонм,
И хором стих твердит, исполненный добра,
И хочется учить, зубрить его с утра.
Вот бабочка, прокуренная в дым,
На край мостится стула. Я один...
И вдруг – виденье, морок! Это ты
В мою ладонь вложила тонкие персты.
А муравьи и ангелы легко
Ткут моих мыслей полотно.
Где ты, подобная лучу в реке?
Кто ты? Чьи пальцы у меня в руке?

* * *

Вот мелодии мёдом текут,
Словно спелое яблоко, но никто
Не постигнет его вкуса – увы! –
Из садов Афродиты оно.
Я на улице – в потоке людей.
И лицо царапает крик.
Не умрёт с обидой никто.
Да не сгинут звёзды! Аминь.
Кто он, бросивший зеркало в грязь?

Смолк машин железный поток –
 Не сигналил листьям в дожде.
 Я под мышкою спрячу мысль –
 И пойду, презрев светофор.

* * *

Вернул земле – мечты своей цветок
 И прошептал: вот он завял...
 Когда он снова расцветёт,
 Хозяйская рука его сорвёт –
 И жестом указал!
 Застыло дерево перед окном,
 И листья смотрят на меня с мольбой.
 Я равнодушен, тут мне всё равно –
 Пока их слёзы мне на стол не упадут.
 Закроет лист лицо своё,
 Как чувства тяжкие гнетут!
 И корни дерева перед окном –
 «Цветы! Цветы», – шепчу...
 Но жестом выразить я это не могу!

Вариации Евгения Касимова на подстрочные переводы автора

Айбол Исламгалиев (Исламғали Айбол Саматұлы)

Родился в 1993 г. в городе Уральск Западно-Казахстанской области. Окончил факультет филологии и мировых языков Казахского Национального университета им. аль-Фараби. Лауреат премии имени Ермурата Зейпхана международного фестиваля «Шабьт». Лауреат второй премии республиканских «Махамбетовских чтений». Публиковался в разных литературных журналах и альманахах. Автор книги «Көктемгі идиллия» («Весенняя идиллия»).

LE VIDE

Если дождь заструится из глаз полинявших небес,
 Опочивших в объятиях вечной немой тишины,
 Не печалься, родная, мой стих, что ты слышишь сейчас, –
 Не для Бога был создан мной. Так и истлевшие строки
 Не для Вышнего эти.

Вместо ложных фантазий, что век мертвецы нам несут,
 На пределе миров, воплощённых в энигму, давай

Прикоснёмся губами друг к другу, презревши живых,
Но под сенью листвы не смутит ли нас пристальный взгляд
Мудрецов сей земли?

И быть может, потом станет наша беседа иной,
Объяснения другие найдём и внезапно тогда
Мир прогнём под себя, всё устроим по-своему здесь.
А пока мы в глуши, вокруг нас призраки ход свой ведут
И кочуют покойники.

Но не стоит смотреть с сожалением, каждую ночь
Растворяюсь внутри одиночества улиц, домов.
Здесь и там бродит друг одиночество.
Повсюду мне друг – одиночество.

Дорогая, ноябрь – то скорбная песня моя,
Будто голос сыча с потревоженной кем-то душой.
Твоя песня печали – ноябрь.

Страх, как голос сыча.
Ветхи дом и часы.
Вяжью стихов на тревожном моем лице
Тень очей твоих. Тень всего мира.

Эти стены, и призраки, и зеркала, зеркала...
Одинокая музыка. Нет – это я свои мысли
Завернул в тонкий шёлк, так легко соскользнувший с тебя.
Под ногами моими слышится бой часов.

Дрожь твоих пальцев текла по моим губам
Морем и морем, но что же мы можем поделать,
Если осень и молодость наши тела пьянит?!
Погружала нас в бездну надежда, и мы бежали,
Мучаясь в омуте снов, коих нет страшней,
Будто бы время-болото тянуло нас.

Так какой же я жизни теперь убоюсь?
Кому предпочту молиться?
В каком направлении Бог твой?
В каком направлении мой?..

Грудь тяжела от страданий, заполнена вся.
Истлел, а хотел бы рукой до луны дотянуться.
Меланхолична мелодия, морок мне шлет.
То вдруг замру, то рыдаю – о прошлом все мысли

Этой лилии чашу наполни горячей слезой.
Дорогая, хранить её бережно буду, а после,
Опрокинув, все вылью на темя свое и, один,
Непорочным ребёнком заплачу.

Позволь же поплакать
Моим мыслям, охваченным пламенем лет молодых,
Стоя с бесом и ангелом вместе, позволь мне,
Позволь, в знак печати любви,
Накрыв густотой облаков моих бледный огонь.

Посланник души моей вольной,
Безрассудные мысли мои всколыхни
Дыханием чистым, морским.
Пусть алые анемоны, возросшие на ресницах
Твоих, раны мои излечат.
От того и утихнет горе.
От того и утихнет горе.

Когда же закончится сказка, в которую верили мы,
Глаз не своди с моментов,
Сплетающих жуткие мысли с тоской,
Вошедших с цветами в комнату мрака,
Сохранённых на старой плёнке.
И, взмахнувши крылами, поджёгшими тьму,
Засмеёшься тогда,
И я засмеюсь,
Показав, как прекрасна смерть.

*Вариации Владимира Тарковского
на подстрочные переводы автора*

Литва

Йонас Стрелкунас (Jonas Strielkūnas)

Поэт, переводчик, публицист. Родился в 1939 г. в деревне Путауской Вабальнинкской волости. Лауреат Государственной премии Литовской ССР (1979), Национальной премии Литвы (1996). Скончался в 2010 г.

* * *

Очнись во мне и стой необратимо,
спаси меня в мой самый чёрный час,
парная пашня, вечная картина,
застенчиво стареющая в нас.

Покуда птицам весело кричать
в сентябрьском небе, вспомню виновато,
как мы тебя хотели увенчать
венками нашей юности когда-то.

Смешная гордость детского ума.
Слова, они останутся словами...
Какими увенчать тебя цветами,
когда ты увенчала всех сама

высоким небом, птицами лесными,
дневным трудом, предутренней звездой,
утратами, могилами святыми,
любовью и весенней бороздой.

Покуда по сплошной небесной тверди
идёт заря, как лемех по земле,
след твоего венка до самой смерти
болит и светит на моем челе.

*Переводы Майи Никулиной
по подстрочнику Константина Белокурова*

Молдова

Аркадие Сучевяну / Arcadie Suceveanu

Поэт, эссеист, переводчик, родился в 1952 г. в общине Сучевень, район Хлибока, Черновцы (нынешняя Украина). Окончил филологический факультет Черновицкого государственного университета, отделение румынского языка и литературы (1974). Учитель средней школы в Хорбова-Херца (1974–1979), редактор и главный редактор кишинёвского издательства *Literatura Artistică* (*Hyperion*) (1979–1990). Исполнительный заместитель председателя Союза Писателей Молдовы (1990–2010). С декабря 2010 года – председатель Союза писателей Молдовы. Председатель кишинёвского филиала Союза писателей Румынии (2005–2013). Член-основатель ПЕН-Клуба Молдовы. Дебютировал сборником стихов «*Меня зовут слова*» (“*Mă cheamă cuvintele*”), издательство *Sagrați*, Ужгород, 1979. Автор многочисленных сборников стихов, книг эссе, книг для детей. Переводил поэзию и прозу с русского и украинского языков: Л. Н. Толстой «Казачи», М. Горький «Челкаш», Ч. Айтматов «Белый пароход», стихи И. Франка, М. Рыльского, И. Драча, Б. Олійника, Л. Костенко и др. Лауреат многочисленных премий, среди которых: Национальная премия Республики Молдова (1998), Премия Румынской Академии (1997), Премия Союза писателей Молдовы (1987, 1995, 1999, 2000, 2002), Премия Союза писателей Румынии (2015). Избранные стихи включались в различные антологии, выходившие в Румынии, Украине, России, Турции, Беларуси, Македонии, Швеции, Италии, Франции, Германии, Болгарии, Бельгии, Словакии, Татарстане, Голландии.

ПРИТЧА

Птица сказала (как будто я был птицеловом):

«О недостойный, неберег, нетуча, неслово,
спишь в синей башне Иллюзий, а море, как тесто,
вдруг поднялось и луну передвинуло с места.
Пчёлы собрали всё золото луга и леса,
травы взошли – пожелтели – истлели – воскресли.

(Счастье записано в столбик мечтательной дивой,
той, что на рынке торгует мешком позитива.)

Учишь абстрактную азбуку неговоренья,
пишешь рогами улитки про сны под мигренью.
Ты упустил: души рек затвердели камнями,
камни растаяли, землю накрыли, как пламя,
куколки молча взрастили прозрачные крылья,
чуть подсушили и звёздной обсыпали пылью.
Вместо тебя твой двойник насекомых взрывает,
в ранах своих плодородных цветник поливает.

О, не достойный любви, человека и крова,
нечеловек, нелюбовь, неулитка, неслово!..»

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГЕРАКЛИТУ

Быстрое мгновение...
М. Эминеску

Утром вошёл я в поток, еле слышный и гладкий.
(Юный скелет через мясо просвечивал весь.)
«К чёрту иди, Гераклит! – закричал, как в припадке. –
Я буду первым, кто дважды купается здесь!»

Что же река? Не касаясь, меня огибала,
И – ни волны, ни следа, ни круженья внутри.
«К чёрту тебя, Гераклит, трепача и нахала!
Вместе с чумной диалектикой синим гори!»

Я по излучине бегал, не видя отметин,
В реку смотрел, но кривлялись её зеркала.
Ангел на том берегу голосил: «Ты в ответе
Только за злобу свою, что почти умерла!»

Кровь закипала (та самая, в мраморном мясе
Жившая с первого дня, этой кровью скелет
Отполирован). «Эй, грек, наточил свои ляды?
Фундаментальные принципы? Хватит! Их нет!
С этим тупым “всё течёт” отвали поздраву!» –

И отраженье ловил над прозрачной водой.
Но не поймал ничего! Неизвестной и новой,
С каждой секундой река становилась другой.

В море (какое – не знаю) стремились потоки.
Вдруг ближе к ночи дышать перестала река.
Плыл я и плыл – в бесприютной воде одинокой,
Оцепеневшей, без шороха и завитка.

«Как же ты глуп, человечества глупого атом.
Реку растратил. Но в чём виновата вода? –
Ангел сверкал в темноте опереньем помятым. –
Больше не будет реки у тебя никогда».

НОВАЯ ДАНИЯ

*...Но вновь приходит Гамлет, чтоб сказать нам,
Что в новой Дании есть тоже гниль...*

Из сборника «Вечная Дания»

В новой Дании не так, как в старой Дании.
Крючкотворами в законе решено:
У шута – патент шута, дыра на здании –
Так написано в свидетельстве – окно.

С капуцином в рюкзаке на коронацию
Не-король-ещё по площади идёт.
И предписано народу восхищаться им.
Так и есть: орёт и чешется народ!

А газеты рассуждают о гниении,
Духом Гамлета-отца встревожен свет.
(Принц прервал самокопание в смятении,
Что копает пятый год, а толку нет.)

В новой Дании не так как в старой Дании:
Кто никто – тот всем очнётся. А пока
Наш Полоний – гендиректор по камланию
ООО «Слеза Офелии и К».

Стал пособием учебным череп Йорика
 В школе номер-позабыл-какой-нибудь.
 Чем не повод для возвышенной риторики?
 Чем не мелочь, превратившаяся в суть?

Напоследок повторяю в назидание:
 В новой Дании не так, как в старой Дании.
 Эта Дания – гораздо больше Дания,
 Чем та Дания, которой имя – Дания!

Вариации Яниса Грантса на переводы Лео Бутнару

Василе Романчук (Vasile Romanciuc)

Родился в 1947 г. в селе Бэдраджий Ной Единецкого района Молдовы. Получил диплом филолога (специализация – журналистика) Молдавского государственного университета. Книги стихов: “Genealogie” (1974), “Citirea proverbelor” (1979), “Din tată-n fiu” (1984), “Ce am pe suflet” (1988), “Note de provincial” (1991), “Un timp fără nume” (1996), “Îndoiala de sine” (1997), “E toamnă, cad măștile” (2001), “Marele pustiu invizibil” (2001), “REcitirea proverbelor” (2007), “Olimpul de plastic” (2007), “Purtătorul de cuvânt al tăcerii” (2011), “Lasă un semn” (2012), “Cuvântul ne adaugă vedere. Sonete” (2012), “Lumina glasului lăuntric” (2016) и другие. Премия Союза писателей Республики Молдова (1996, 2010). Национальная премия Республики Молдова (2000). Большая премия “Nichita Stănescu” за поэтическое творчество (Плоешть, 2001). Стихи переводились на французский, итальянский, английский, украинский, литовский, русский и др. языки.

ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ

Мне бы хотелось быть словом
 (я есть слово «есмь», писал Никита Стэнеску),
 таким словом,
 что днями ищет поэт,
 без меня он не может
 закончить поэму,

словом –
 не созвучным иным словам,
 не скованным кандалами размера
 (ох, унизительно
 быть под стопой стиха
 пятой уязвимой Ахилла).

Мне бы хотелось быть словом
 единственным,
 словом-одиночкой,
 отшельником-словом.

* * *

мне бы хотелось быть словом.
кроме борьбы за существование
(как говорил Григоре Виеру),
есть ещё и восторг восхитительный
равенства слов:
кто имеет ясный взгляд – видит,
кто имеет чуткое сердце – поймёт:
слово «нищий», к примеру,
не мизернее слова «банкир»,
слово «философ» – не умнее,
чем слово «невежда»,
слово «сержант» не исполнит приказ
слова «генерал»,
слово «чёрный» – не раб
слову «белый»,
и так далее.

слова счастливы, слова существуют,
пока не осознают своих значений.

МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Поэту Аркадие Сучевяну

Однажды
мой ангел-хранитель
дал мне крылья с плеча своего.
«Лети, лети! – сказал он. –
И не беспокойся,
у меня есть ещё».

В тот же миг – о чудо! –
я почувствовал, как становлюсь
ангелом-хранителем.
Ангелом-хранителем
моего ангела-хранителя.

С тех пор,
как я обрёл крылья
мы летаем вместе:
пашем небо,
сеем звёзды на землю.

Мой ангел-хранитель –
Слово.

* * *

мне бы хотелось быть словом.
первым словом
младенца к сияющей речи,
словом
в письме к возлюбленной,
последним словом
умирающего к домочадцам,
словом, уничтожающим
силу проклятий,
словом молитвы,
словом колинды.

мне бы хотелось быть словом.
словом,
без которого речь человеков
неполна и скудна.

РЫБЫ

Мы, вероятно, пешие рыбы,
речи рабы.
Улов языка –
немота.
Удушие наше похоже на
попытку слова –
ах, учёные рыбы! –
и потому
нас снова и снова
показывают в балагане:
рыб говорящих с руками-ногами
как примеры
успешной карьеры.

Мы, правда, возможно,
наземные рыбы,
дрессированные рыбы,
испорченные замыслом
укротителя.
Но лучше не будем об этом,
ибо удел рыб –
молчание.

СМЫСЛЫ

Значения для слов – ненадёжные квартиранты

временами они бросают
свои гнёзда пустыми,

странствуют по белому свету,
набираются мудрости,

меняя мир,
меняясь с миром,

возвращаюсь домой,
наполняют собою слова

входит Ионеско, говорит:
«Слова! Вы вольны означать что угодно!»

Значения для слов – ненадёжные квартиранты

Вариации Вадима Дулепова на переводы Лео Бутнару

Польша

Роман Хонет (Roman Honet)

Поэт, редактор, журналист. Родился в 1974 г. Живёт под Краковом, где преподаёт creative writing в Ягеллонском университете. С 1995 до 2008 года редактировал литературно-художественный журнал «Студиум» и книжную серию, которую издавал журнал. Соредатор сетевого журнала LiterackaPolska.pl. Обладатель литературной премии Гдыни 2012 г. Лауреат Поэтической премии им. Виславы Шимборской 2015 г. за книгу «Мир был моим». Романа Хонета называют представителем поколения «новых экзистенциалистов». Стихи переводились на английский, немецкий, украинский, русский, датский, болгарский, латышский, литовский, чешский, словацкий, словенский, сербский и испанский языки.

ХРАНИТЕЛЬ

больше нет серебряных колёс
вдоль пурги летящего болида.
тьма – нарезкой, чистота – всерьёз
(так снимали клип агнета с фридой).
в схватках и в стоп-кадре нет сестёр.
оппадают перья вдоль канала.
висельника ветер с этих пор
бьёт, сдирая кожу как попало.
а теперь? – качая, шепчет он. –
что ж вы так жестоки, бобыли?
(бьёт, сдирая...) выспаться смогли?
мгла.
пустыня.
с четырёх.
сторон.

ПРИВЕРЖЕНЦЫ

не то китаец в космосе витает
среди ночей вселенной проблесковых.
(а ночи выплавляются в китае).
не то заря над сетью продуктовых.
кассирши – дедморозовская стая –
сканируют шары, где снег ложится
по часовой, дельфинов опыляя.
(и видят: проступают звери в лицах.
вольер стеклянный). что в сухом остатке?
хочу, чтоб отпустило только это:
ладоней гнев, набухший при посадке
и обруч из аргонового света
над головами топчущихся – ангел,
агент молитв и однополых связей,
ислам христорождения на фланге,
ислам – пройдоха с гор – скатился наземь.

СОН О ГОЛОВЕ ПОД ЖИДКИМ НЕБОМ

пацаны из маршрутки с мачете наперевес
город хотят проредить, ну самую малость.
девушка из подземного зала выходит без
арфы папиллярных линий (она у отца осталась).
два трансвестита отбрасывают тени:
свои и своих предыдущих воплощений.
а этот, в машине скорой, дышит мягко и осторожно,
будто бредёт в хлебах и стучит, отражаясь в окнах.
ночь. глаза видели бы далеко, насколько это возможно,
если б не концерты под патронажем животных.
в тренировочные казармы согнаны старцы.
они бы хотели остаться
в этой самой реке чутья или пламени,
в этой самой голове, незрячей, но каменной.

СЕМЬ ЛЕТ

туман – это запах семи наших лет.
кристаллы – что крылья уставших богов.
легенды гласят: мы не жили, нас – нет.
в нас не было женья с начала веков.
две тени – твоя и моя (нет и нет) –

сплетались так жарко и гасли впотьмах.
и женщины в птиц превращались. и бед
стекавшее время не знало. на взмах
поблекли цветы по цветущим холстам,
хотя я талдычил без устали: там.

теперь ковыряться в отбросах. и – мрак.
и малые дети, что ловят в реке
шмотьё наше с памятью вместе. вот так
поймут: смерть живёт не на материке.
к ней надо доплыть. мы плывём, что ни год,
и баржа легчает всю ночь напролёт.

Вариации Яниса Грантса на переводы Сергея Морейно

Яцек Денель (Jacek Dehnel)

Родился в 1980 г. в Гданьске. Поэт, прозаик, переводчик, одно из наиболее ярких имен польской словесности 2000-х гг., по определению журнала «Новая Польша» ««вундеркинд» новой польской литературы». Лауреат Премии Косцельских (2005).

СЧАСТЬЕ

П. Т.

*На следующей неделе у тебя день рождения,
а через год, наверное,
тебя уже не будет.*

М. Робертс «Lacrimae rerum»

Быть той англичанкой –
некрасивой, худой, стареющей,
не очень хорошей поэтессой;
жить в летнем доме с остывающим мужчиной
(сердце или рак – причина не важна);
приносить ему по лестнице (узкой отсыревшей
лестнице) поднос с завтраком, себя.

Писать:
на следующей неделе – жужжание мухи –
у тебя день рождения – и снова это –
за год, наверное, – кричит от боли –
тебя уже не будет.

Идти к нему. Гладить. Лежать с ним в ванной
и плакать. Смотреть в окно на деревья.

Вспоминать с ним те годы,
те письма,
ту страсть.

Знать размер воротника, обуви и шляпы
и, не обращая вниманья на других,
обращаться – к нему,
как прежде, нежно,
говорить ему
те же самые слова,
делать вид, что сейчас
не хуже в постели,
помня
столько мест, способов и раз:
в гамаке, и в поезде
из Венеции в Ниццу,
на столе издателя
и в музейной подсобке.

Принимать
визиты друзей и врачей...

Взбивать
гоголь-моголь...

Не в силах притворяться,
и всё же – притворяться.
Но прежде всего –
знать:

всё, что было, не могло – не должно –
быть иначе, с другим,
где-то в другом месте,
в другое время –
это и есть
счастье.

Ты видела всё.
Теперь ты уходишь, медленно
падают листья с ветвей.
Кто-то завешивает зеркало,
кто-то звонит, говорит что-то...

Поднос.
Ванна.
Постель.

ГЛУБИНА

Ты в ванную комнату молча неслышно ушёл.
И там, за стеной, – ведь во сне моём та же стена
была, за которой и ванная та же, точь-в-точь, –
услышал я вдруг твой глубокий терзающий плач.

Я даже проснулся, тебя разбудил, чтоб сказать,
что это приснилось и что будет всё хорошо.
Ты снова уснул. Я не смог – я всё думал о том
тебе, что был там, за стеной, погружён в черноту.
Я, всё ещё лёжа, стоял над течением сна –
и бросился. Чтобы спасти – и тебя, и его.

Перевод Полины Потаповой

Томаш Яструн (Tomasz Jastrun)

Родился в 1950 г. Дебютировал в 1978 сборником стихотворений «Без оправдания».

ГРАНИЦА

Дни которые нас разделяют
Похожи на лестницу
По которой я поднимусь
Свежим летним днем
В её дом
Я сяду за стол
Напротив
И мы будем пить золотой чай
Из двух нежных чашек
А потом я попробую
Если мне хватит мужества
Переступить зелёную границу
Её глаз и дотронуться
Пока лишь до её губ
Своими губами
В комнате где притаились часы
Рубашка её мужа
Распятая висит на стуле
Растут бесшумные цветы
Глядя на нас
Широко распахнутыми глазами

Перевод Ангелины Сабитовой

Румыния

Лео Бутнару (Leo Butnaru)

Поэт, прозаик, эссеист, переводчик, родился в 1949 г. В 1972 г. окончил Кишинёвский университет по специальности «филология и журналистика», работал редактором в “*Tinerimea Moldovei*”, был главным редактором журнала «Молдова». В 1976 г. вышла первая книга стихов Лео Бутнару «Крыло на свету» (рум. “*Aripă în lumină*”). В 1990–1993 гг. занимал пост вице-президента Союза писателей Молдовы. С 1993 г. член Союза писателей Румынии, член Консилиума и Директората этой организации. С 1997–2005 гг. был председателем филиала Союза писателей Румынии в Кишинёве. Его отдельные книги вышли в переводе в Москве, Париже, Софии, Белграде, Казани на русском, французском, болгарском, сербском и татарском языках. Неоднократный лауреат премии Союза писателей Молдовы, обладатель премии Союза писателей Румынии (1998; 2015), консилиума и директората этой организации (2008). Был удостоен Национальной премии Республики Молдова (2002).

ПЕЙЗАЖ С ГИЕНАМИ

А сумерки всегда – открытой раной
 На чёрном теле Африки твоей...
 Уже прокушен окоём саванны
 Сутульми гиенами ветвей,
 Но мало неба им – на грош да с вилки –
 Полоски зебр они в зубах несут.
 Вся Африка подвешена за жилку
 В носу Земли... в проколоте носу.

ИЗ ПРОПОВЕДИ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Распускается розовый куст, сердце словом Господним проколото: это я, Иоанн Златоуст, говорю вам: молчание – золото. Расцвели и другие кусты, ах, внемлите, блудницы и мытари: вы повесьте замочки на рты – золотые, тугие, закрытые. Закрывайте вы ключиком рот, сразу – чик – как попили-покушали, только самое главное – вот: перепонки золотые да в уши вам. Всем – и нищему, и королю! Как поставите, в ухе засветится, чтоб не слышать «люблю» и «убью», а услышится – вдруг да ответится. Не грешить вам отныне ни дня, сердце словом Господним проколото! ...милый Боже, прости ты меня – кроме уст, не имею я золота...

СТУПЕНЬ

Медведицы, Плеяды, Волопас,
Кассиопея – это не приемлю.
Ах, Господи, ты был одним из нас,
Глотая пыль дорог, а значит, землю.
Был на Земле и не был палачом –
Такая редкость в нашей жизни куцей...
Поставь ты ногу на мое плечо –
Ступень крепка. Пора тебе вернуться.

ЧЕРНАЯ ПОЛОСА

Ножи да семки, кепки, папироски,
Последнее поставлено на кон...
Цензура мажет чёрные полоски
На zenки нарушающих закон.
Готово дело – в телике калека,
Безглазый, только руки, ноги, рот.
Без глаз нельзя увидеть – человека:
Цензура даром хлеба не жуёт.
Ах, цензоры, святые доброхоты,
Вы так же строчку, лучшую в стихе,
Мараете, когда идёт охота,
Чтоб угодить цензурной чепухе,
Не зная, что, пернатые, заоконны –
Щеглы, пылинки, звёздочки, грехи –
Стихи по жизни противозаконны,
А если вдруг законны – не стихи.

В ТОТАЛЬНОЙ НОЧИ

День этот нам не вычислить:
Кто-то в великом зле
Вырубит электричество
Сразу по всей Земле.
Люди, конец вам – бросили!
Всё же – поверх голов –
Ангелов ноги босые
Вроде прожекторов,
Чтобы успеть обняться нам:
«Я же любила, Вить!»,
Родичам чтоб и нациям
Что-то успеть простить.
Нет и минуты даже нам,
Гаснут – конец игры...
Света – конец... разряжены
Ак-
ку-
му-
ля-
торы.

ДИНОЗАВРЫ И ЛАСТОЧКИ

А ласточки садились динозаврам
На гнущиеся кончики ресниц,
И динозавры сразу понимали:
Весна...
Сто шестьдесят миллионов лет
Напоминают ласточки об этом.
Они на телеграфных проводах,
Как раньше на ресницах динозавров,
Сидят – такие лёгкие, как свет,
Весенний свет...
И вечные – как он же.

*Вариации Веры Кузьминой
на подстрочные переводы автора*

Сингапур

Сирил Вонг (Cyril Wong)

Родился в 1977 году. Окончил Сингапурский национальный университет по специальности «английская литература». Автор десяти книг стихов, в том числе “Tilting our plates to catch the light” (2008) и “You cannot count smoke” (2011) и книги волшебных сказок для взрослых “Let Me Tell You Something About That Night” (2009). Широко публикуется в международных поэтических журналах и антологиях, включая “Chinese Erotic Poems” (2007) и “Language for a New Century: Contemporary Poetry from the Middle East, Asia, and Beyond” (2008). Лауреат Литературной премии Сингапура за 2006 г.

ЛОДКИ

Все твои фотографии лодок –
 череда изошрённых уловок,

чтобы странствием всякий уход
 представал без словесных хлопот,

не казалось неясным и лживым
 это судно с одним пассажиром.

Разлинованных волн полотно
 обесточено, обречено

замереть, только щёлкни затвором,
 как ключами в замке, за которым

ты придумашь, как известить,
я придумаю, как отпустить.

Эти планы холодного «цейса» –
от потери сжимается сердце

еле видимым бликом вдали.
Так истаивают корабли

в тонком шве между небом и морем,
целиком поглощённые горем.

Если выберешь мне эту боль,
то хотя бы позволить позволить.

СИГАРЕТА

Роскошь общения в дешёвом отеле,
видавшее виды ложе в углу,
а мы деликатно сползли с постели
и вытянулись голые на полу.

Дай сигарету. Музыка из телефона,
что-то модное, бесконечный рефрен,
будто недавних вздохов и стоны
эхо колотится между стен.

Дымные нимбы над головами –
знак бесконечность, один из двух,
мысли, не тронутые словами,
призраки слов, не сказанных вслух.

Бодрая песенка не допета.
Тянемся: ты ко мне, я к тебе,
и непотушенная сигарета
тает у пепельницы на губе.

ЯБЛОКИ

Яблоки ждут на тарелке. Любое бери.
Яблоки – ешь их глазами, но чувствуй внутри.
Яблоки служат поэмой о чаше плодов.
Яблоки – это покой монастырских садов.

Яблоки цвета тарелки не знают своей.
Яблок в поэме не ешь. И тарелку не смей.
Яблоки жаждут внимания, но не спешат.
Яблоки любят быть голыми, но не грешат.
Яблоки верят, что яблоко – подлинный фрукт.
Яблоки, может, невиданный вес наберут.
Яблоки слышали миф о спасении душ.
Яблоки против всего, что касается груш.
Яблоки «за», что зелёные яблоки есть.
Яблоки бьются во тьме, победят ли – бог весть.
Яблоки снова напомнят, что время идёт.
Яблоки в ужасе: что же их, съеденных, ждёт.
Яблоки – им возродиться бы с парюю ног.
Яблоки суетны, в них не рождается йог.
Яблоки, всё поделив, отобрали назад.
Яблоки иерархичны и вечно бузят.
Яблоки тихо клянут тех, кому повезло.
Яблоки любят дожди, яркий свет и тепло.
Яблоки помнят отрыв и падение вниз.
Яблоки скорбны, когда их не взял и не сгрыз.
Яблоко хрустни зубами, и мякоть во рту.
Яблокам нечеловечески неумогу.
Яблоки снизу завидуют тем, наверху.
Яблоки жаждут, чтоб ты обратился в труху.
Яблоки мыслят до края, пока они тут,
Яблоки ждут.

Перевод Вадима Заварухина

США

Катрин Хеллерстейн (Kathryn Hellerstein)

Родилась в 1952 г. в Кливленде, штат Огайо. Профессор кафедры немецкого языка и литературы Пенсильванского университета, США. Публикуется в американских журналах. Живёт в Филадельфии.

МИРИАМ И ЕЁ БРАТЬЯ

И сказал Господь Моисею: если бы отец её плюнул ей в лице, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? И так пусть будет она в заключении семь дней вне стана, а после опять возвратится. И пребыла Мириам в заключении вне стана семь дней, и народ не отправлялся в путь, доколе не возвратилась Мириам.

Числа, 12:14-15

Вдали от стана, она в шатре
Белеет лепрой, как лунный свет, –
Так далеко, что не слышны

Младенцев вопли, сигналы труб,
Овечьё блеяние, молоток ювелира,
Выковывающий на золотой меноре

Лозу виноградную и цветы.
Не уловить бормотания старцев –
Семи десятков тихих пророков,

Хора плачущих по египетской рыбе,
Дыням и огурцам, чесноку,
Скулящих по куску мяса.

Она не слышит, как их тошнит
От протухшей пищи; мужчин – кряхтящих,
Храпящих женщин – она не слышит.

Зудит, горит её тело – но ветер,
Неумолимый, пустынный, хриплый,
Поёт для неё, охлаждая раны.

Она исцелится – без Аарона,
Тоже роптавшего против чёрной жены
Смиренного Моисея –

О, совершенного Моисея,
Любимца Облачного Столпа.
Её же отметил Господь особо:

«Как если бы плюнул в лицо отец»!
Моли Моисея, брат Аарон.
Моли о ней Бога, брат Моисей!

Семейка, однако. Стыдно ли ей?
Непутёвая дочь, она обрела
Свой голос.

ВОРОНЫ

Они влетают в сны перед рассветом,
А утром их помёт на тротуаре
Пробудит нашу бдительность. Но кто

И где они? Лишь стайка воробьёв
Щебечет, как обычно. Не гусей ли
Поднял с ночной реки внезапный дождь?

Мы с дочерью увидим на закате,
В лучах последних – чёрных, угловатых:
Их сотни над верхушками деревьев.

Они скользят уверенно, бесстрастно
И каркают, и умолкают,
Вновь каркают, рассевшись на ветвях.

Насколько хватит взгляда – всё они:
Раскачиваются на верхних ветках.
Мгновенье – и все взмывают вверх,

Как чёрный гейзер. И летят вперёд –
По нашему пути –
И новые деревья осаждают.

Выходят люди из своих домов
И смотрят вверх. Жильцы
С прохожими заводят разговор.

И говорит одна: «Казалось мне,
Что это Божий знак. Он говорил
Со мной, но я Его не понимала».

Вороны нас приводят к дому.
В ветвях деревьев – наших и соседских –
Устраиваются, стихая.

Глубокой ночью, выглянув в окно
На третьем этаже, я вижу их
Под ветром и дождём, избившим крышу.

Вороны на ветвях окоченелых –
Как тысячи мертвеющих плодов,
Развешанных в безлистных кронах.

Перевод Ирины Аргутиной

Ким Аддонизио (Kim Addonizio)

Поэт и писатель. Родилась в 1954 г. в Вашингтоне. Посещала Джорджтаунский и Американский университеты, но не закончила их. Позже переехала в Сан-Франциско, где получила степень бакалавра и магистра. Преподавала в университете штата Сан-Франциско и колледже Годдарда. Дважды была стипендиатом Национального фонда искусств (National Endowment for the Arts). Луарепат Национальной книжной премии (National Book Award Prize) 2000 г. В 2005 г. получала стипендию Гуггенхайма. В настоящее время живёт в Окленде, штат Калифорния.

АКВАРИУМ

Рыбы дрейфуют бесстрастно в своём водоёме
между зелёных растений, бликующих белым
светом, который им кажется солнцем. В тупой полудрёме
тычутся носом в стекло, изнывая в пределах

им отведённых, где между камнями лоснится жёлтый песок и воздушного фильтра пузырчатый голос не утратит своим бульканьем ни летающую лисицу, ни стайку стеклянных сомов; тетра конго и плекостомус

смотрят на всё, как на должное. Тем не менее, за покой нужно платить: красные и золотые, они упорно прыгнуть пытаются, чтобы взлететь, подвижные благой

верую в то, что только на воздухе чудотворном и появляются крылья, не так ли? Но на ковре – они умирают. А мы их находим там и удивляемся этой игре.

ЧЕГО ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА?

Я хочу красное платье.
Пусть оно будет простеньким и дешёвым,
пусть оно будет узким, я стану носить это платье
пока кто-нибудь его с меня не сорвёт.

Пусть оно будет без рукавов и с низким вырезом на спине,
чтобы никто не мог догадаться, есть ли под ним на мне
хоть что-нибудь. Я пройду, голову гордо откинув,
по улице мимо прокатов Трифти и хозяйственных лавок,
отражаясь в сверкающих витринах магазинов,
мимо мистера и миссис Вонг, продающих вчерашние
пончики в своей кофейне, мимо братьев Гуэрра,
швыряющих из грузовика на тележку туши свиные,
поворачивающих сытые морды на плечах немислимого
размера.

Я хочу пройтись как будто впервые,
как единственная женщина на Земле и сама сделать выбор.
Я безумно хочу это красное платье.

Я хочу подтвердить
твои самые худшие опасения обо мне,
показать, как я мало тобой дорожу
или чем бы то ни было, кроме того, что
сама захочу: едва лишь найду её, тут же стяну эту вещь
с вешалки, как если бы я выбирала себе новое тело,
которое перенесёт меня в этот мир через кордоны,
вопли рождения и любовные стоны,

и стану носить, как собственную кожу,
 пусть в этом чёртовом платье
 меня и в гроб положат.

ДЕГУСТАЦИЯ

Как будто бы нашла растресканную кожу –
 мне кажется, я ощущаю запах вишни
 коктейля «Ширли Темпл», что куплен был отцом

в пивной, в Орландо, штат Флорида, в 59-м,
 и хлорки запах от купальной шапочки моей мамы,
 и поцелуи давешней зимы, которые как соль на чёрном льду

и как луна, что бесконечно далека от нас с тобою...
 Ли Бо, вкушающий вино на берегу реки,
 шатаясь, любовался, как луна беспечно отражается в воде,

и вероятно, пробовал на вкус – свой смех.
 Когда моя подруга Сьюзен выпивает,
 она всё время плачет, потому что – она ирландка

и к тому ж бездетна... Мне так хотелось бы ещё раз ощутить
 скупое послевкусие дождя, начавшегося вдруг,
 после полудня, да не успевшего как следует пролиться –

туда, где я стояла, наклонив своё лицо,
 живая, в двух мирах одновременно,
 прекрасно понимающая, что – всё завершается
 и не о чем жалеть.

ЛУЧШЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ – ТЕБЕ

Мне нравится касаться в темноте
 твоих татуировок. Наизусть
 я знаю каждую: где водопад и где
 чуть выше левого соска трепещет пульс

летучей молнии, где кольцами змея
 свивается перед решительной битвой
 с драконом. И огнём небытия
 пылаю, обессилев от любви твоей,

и снова покрываю поцелуями
твои татуировки. Смерти страх
в боль превращает то, что неминуемо:

когда-нибудь всё обернётся в прах.
И лишь одно не умирает в суете –
как сладко их касаться в темноте.

Перевод Александра Ерофеева

Ричард Сайкен (Richard Siken)

Родился в 1967 г. В 2005 г. стал победителем на «Йельском состязании молодых поэтов» – одном из самых старых и наиболее престижных конкурсов поэзии в Соединенных Штатах. Автор книги стихов «Крушение» (2005), «Война лис» (2015).

СОЛОМЕННЫЙ ДОМ, СОЛОМЕННАЯ СОБАКА

Я смотрел телевизор. У меня была кола в баре.
И четыре сна нон-стоп.
Ты сгорела, почти сгорела, ещё горишь.
Я смотрел телевизор. У меня была кола в баре... Четыре колы,
Четыре сна нон-стоп.

Вот ты в соломенном доме, кормишь соломенную собаку,
Ты не в том доме, кормишь не ту собаку. У меня была
кола со льдом.
У меня были сны в прямом эфире – четыре сна.
У тебя ледяная, ледяная улыбка,
Ты сгорела, почти сгорела, ещё горишь.

Вот ты в соломенном доме, кормишь ледяную собаку.
Ты мечтала о приключении?
А вот и оно, приключение.
Солома почти загорелась, солома в огне.
Ты в эфире. «Смотри на меня, – говоришь,
Просто смотри на меня».

2.
Четыре сна нон-стоп, четыре сна нон-стоп, четыре сна нон-стоп,
Упасть прямо здесь. Я хотел бы упасть прямо здесь,
Но я знал – ты едва ли подхватишь меня, потому что ты умерла.
Я глотал свой колотый лед, представляя, что это стекло.

А ты умерла. Умерла. Умерла. Прах к праху.
Ты хотела, чтобы тебя сожгли, и вот мы тебя сожгли.
Ты хотела приключений, и вот я бежал,
Зная, что ты никогда не поймаешь меня.
Ты была в лихорадке, я учился жить с этим,
И мириться со всем, что бы ни случилось в конце
В неправильном конце неправильного тоннеля.

3.

Я проснулся утром. Я ничего не хотел. Я ничего не делал.
Как бы то ни было, я бы ничего и не смог.
Я просто прислушивался, как кровь плещется в моем теле
Без смысла.

Я не могу спать, не могу есть, не могу спокойно сидеть
и чинить свои вещи.
Просыпаюсь – а ты, по-прежнему мёртвая,
Кормишь треклятую собаку с рук под столом,
Ты расколола комнату надвое.
Что бы там ни было. Корми её, что бы там ни было.
Сожги соломенный дом.

4.

Я не виню тебя в том, что ты умерла,
Но как жаль, что ты не можешь снова надеть свой свитер!
Теперь, когда у нас есть наши мёртвые, что же нам делать
с ними?
Есть чёрная собака. И есть белая собака.
Все зависит от того, какую собаку ты сейчас кормишь,
Какая из этих треклятых собак сегодня живёт в твоём доме.

5.

Вот мы и попали не в тот туннель. Гори же, гори! Как холодно!
На мне какая-то одежда, много одежды. Идет дождь,
хотя ничто и не предвещало.
А по телевизору снег, снег, снег. Снежная буря в прямом эфире.
Все окрестности в снегу, падающем с огненного неба.

Но спасибо тебе – ты назвала это небо голубым небом.
Ты можешь спать. Ты теперь можешь спать, ты так сказала.
Я видел сон, в котором ты это произнесла. Спасибо за эти слова.
Я не ожидал.

Перевод Анастасии Журавлёвой

Кей Райан (Kay Ryan)

Родилась в 1945 г. в Сан-Хосе. Поэт-лауреат США (2008–2010, два срока), лауреат Пулитцеровской премии (2011) за книгу избранных стихотворений «Лучшее» (2010).

ЧЕШИРСКИЙ КОТ

Зубастого безжалостного рта
опять улыбка длится – без кота.

Я протестую! Я бы не хотела,
чтоб части тела бегали от тела,
считали позвонки и нерв любой
случайным фактом связи меж собой,
чтоб, запредельной вольностью кичась,
могла исчезнуть нас большая часть,
и утвердили бойкие остатки
верховный чин, допустим, левой пятки.

НАМЕРЕНИЕ

Намерение не станет слаще.
Сорви и съешь его
незрелым. Порою лишь часы
отделяют проросток
от ствола. И что ж –
захочешь съесть,
да не разжужьшь.

ГРАД

Словно буря
шершней,
слой за слоем
маленьких белых планет
срываются с орбит,
становясь
всё плотнее до того,
как разбиться
о нашу землю.
Водоворот
свиристых маленьких
кулаков и ударов,
так трудно поверить,
что он возьмёт и пройдёт.

ЗИМНИЙ УЖАС

Только зима
или что-то похуже
в этом году,
когда сырость
обёрткой проклятью служит
и его не в силах снять весна,
когда механизмы, что
крутят землю,
унылый пейзаж не сменяют,
когда облака
не разгонишь,
даже подсинив небеса.

АЛЬБОМ

Смерть живёт
своей жизнью. Смотри,
как её альбом
вырос за год, как
её резкие пятна
смягчились
до вероятности
принять их за тени
цветущих вишен
на этом снимке.
И вправду, ты
не докажешь,
что это – не цветы.

ПОДНИМАЯСЬ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Мы всегда
поднимаемся
по лестнице, но
невидимой. Мы
только чувствуем –
что-то творится:
ценности
разбиваются; обычные двери
на поверку непроходимы.
В теле
слишком много
качки или

потери
 центра тяжести
 при хмельной способности
 мысли
 дотянуться до яблочка,
 что повисли
 в недоступности,
 словно известен способ
 взобраться выше убытков,
 оправданий, прочих вопросов...

ЗВЁЗДНАЯ ПЫЛЬ

Звёздную пыль
 собрать
 далеко не просто.
 Надо
 сделаться
 идеально плоским –
 неподвижным,
 чтоб на тебе
 оседало
 что-то вроде
 крупинки сахара
 или металла, но
 не холодных ничуть.
 Трудно объяснить суть.

ВСЁ, ЧТО В СИЛАХ

Нас вычитают
 и делят,
 но мы в порядке,
 будто не съёжились
 наши поля до грядки,
 будто горошина
 в должности огорода
 нам обеспечит
 полный прокорм народа
 и (при цветенье)
 избавит от дум унылых.
 Жить продолжаем.
 Делаем всё, что в силах.

Перевод Ольги Исаченко (Горицкой)

Рита Дав (Rita Dove)

Поэт, прозаик, эссеист. Родилась в 1952 г. в Огайо. Училась и стажировалась в университетах США и Германии. Лауреат Пулитцеровской премии (1987) и множества других (США, Китай). Поэт-лауреат и специальный консультант Библиотеки Конгресса (1993–1995, 1999–2000). Поэт-лауреат Виржинии (2004–2005). С 2006 по 2012 председатель Академии американских поэтов. Имеет почётные степени Йельского университета, Гарварда, Университета Эмерсона и др. Член Американского философского общества, Американской академии искусств и наук, Американской академии искусств и литературы, Американского PEN-центра и т. д. Автор десяти сборников стихотворений, книги коротких рассказов «Пятое воскресенье» (1985), сборника эссе «Мир поэзии» (1995), романа «Через ворота Слоновой кости» (1992), пьесы «Чернеющее лицо Земли» (1994) и т. д. Живёт в Виржинии.

ПОД НАПРЯЖЕНИЕМ

Сколько бы волки ни драли горло
и владельцы магазинов ни задавали вопросы,
продолжай движение, несмотря на то
что твои колени краснеют,
как два перезрелых яблока,
продолжай движение, полный вперёд,
мимо безнадежной кружки нищего,
мимо несущихся изо всех киосков
одиссеи и истории разбитых сердец –
пока, повернув за угол, не остановишься,
ошеломлённый:
витрина с певичками
слепит, как тысяча
золотых нарциссов.

ВЗРОСЛЕНИЕ

I
Ночью в самый ливень позади бабушкиного крыльца
Мы присели в щекочущей траве и прошептали:
Перед нами лицо Линды, бледное, как пекан,
Оно вытянулось и стало мудрым, когда она сказала:
«У мальчика губы мягкие,
Мягкие, как кожа ребёнка».
И воздух заглушил её слова.
Светлячок взмыл у моего уха, и
Я услышала, как уличные фонари
Превращаются в маленькие солнца
В пернатом небе.

II

Хотя вокруг ночь, я сижу в ванной, чего-то жду.
 Колючки моих коленей, тревога в детской груди.
 Венецианские жалюзи нарезают луну; плитка дрожит
 в лунных полосах.

Затем приходят они, три человека-тюленя,
 С глазами как большие тарелки и ресницами-зубцами.
 Приносят аромат солодки. Один из них сидит в раковине,

Другой – на краю ванны; третий опирается на дверь.
 «Ты всё ещё можешь чувствовать?» – шепчут они.
 И я не знаю, что ответить. Они смеются,

Хлопают по гладким телам руками.
 «Хорошо, должно быть, в следующий раз». Они поднимаются,
 Блестящие, как чернила под лунным светом,

И исчезают. Я хватаюсь за рваные отверстия, которые
 Оставляют они здесь, на краю темноты.
 Ночь лежит как меховой шарик на моём языке.

III

Когда папа оставил нас, работали с мамой в саду.
 Бесконечные ряды томатов
 Становились оранжевыми под солнцем
 И гнили в тени. Я тоже
 Росла оранжевой и мягкой, набухая
 Крахмальным хлопком.

Полотно сумерек напоминало
 Кисею с тканями горошинами.
 Я надела платье, что когда-то носила на танцы,
 Но в моей комнате оно прикрыло шрамы на коленях.
 Розовая вода для мочек ушей.
 Вдоль подоконника губная помада
 Блестела в своих стальных доспехах.

Глядя на глиняные грядки
 И куриц, я представляла, как это случится:
 Он встретит меня под голубой елью
 С красным цветком в петлице и скажет:
 «Я пришёл за тобой, Дама моего сердца;
 Я любил тебя в моих мечтах».

При его прикосновении стружья отпадут.
А через его плечо я увижу, как к нам подходит отец:
Он несёт свои слёзы в чаше,
И кровь висит в пропитанном соснами воздухе.

Перевод Юлии Подлубной

Кевин Пруфер (Kevin D. Prufer)

Поэт, академик, эссеист. Родился в 1969 г. в Кливленде. Автор книг: “Churches” («Церкви», 2014), “In a Beautiful Country” («В прекрасной стране», 2011), “National Anthem” («Государственный гимн», 2008) и др. Лауреат многочисленных поэтических премий Америки.

В ПРЕКРАСНОЙ СТРАНЕ

Хороший способ влюбиться: выключить фары, мчаться
по тёмной трассе

Ещё один способ влюбиться: запить мятные таблетки
алкоголем

Тело проглотит осень,
Руки похолодеют,
Потом зима, потом война.

Девочка с золотыми кудряшками споёт тебе о том,
что мы живём в прекрасной стране.
Тучи просеют снег в твой коктейль,

Но это всё не имеет значения
Это всего лишь ещё один способ влюбиться:
Закрыться в гараже и включить двигатель,
Падать вниз сквозь белые туманы
Рано утром из высокого окна напрямиком в любовь,
Любовь! В битое стекло, в пустой бассейн

Можно прыгнуть с верёвки,
Чтобы тебя поймали.

Девочка с золотыми кудряшками скажет тебе: не волнуйся,
В прекрасной стране не стоит переживать,
здесь никогда не будет войны,
Ты видишь, что идут солдаты, —
Но это просто любовь.

ДОЖДЬ

Всегда перед дождем
Запотевают окна,

Туман опускается на вечерние крыши,

Город становится побережьем,

Дома расплываются.

Луна, подвешенная на дирижабле,
Вглядывается в лобовое стекло.

Я пытаюсь уехать вниз, в темноту,
По направлению к шоссе,

Где водители дирижабля не увидят,
Что я прохожу сквозь дождь,
Как посторонняя мысль проскальзывает через
коллективный разум государства

В этом стихотворении.

А вот я на кухне читаю вечерние новости.
Там говорят, что мы лишние.
На нас объявили охоту.

Я смотрю в окно,
Луна превращает ночной дождь
В сверкающие нити власти.

Перевод Александры Шиляевой

Норма Коул (Norma Cole)

Поэт, художник, переводчик. Родилась в 1945 г. В 1970-х и 1980-х гг. принадлежала к авангардной группе «Лингвистические поэты» («Языковые поэты»), организованной в Сан-Франциско Робертом Дунканом.

САРАБАНДА

эти звёзды видны, если движешься с помощью скорой.
эти ветви – не те, ослепившие тьму озареньем.
этой ночью умрут времена временного раскола:
темнота легковесная, тёмная песня сирены.

И недели летят далеко, за пределы «вернуться»,
настигая реальное – жадную пищу для взора:
как меняются ветви! А звёзды откуда берутся?! –
и мертвы, и видны. И ты движешься. С помощью. Скорой.

САРАБАНДА (ВТОРОЙ ВАРИАНТ)

...а потом на звёзды палит скорой помощи жилец
и деревья различает, омрачённые на свет

начинается неделя сарабанда бумеранг
только кома до предела слеповодит по мирам

глубоко поёт сирена умирая каждый миг
то ли кожа почернела, то ли лёгкое дымит

* * *

*Мрак по городу распростёрт.
Свет как всегда обрамлён и стёрт.*

Сон любого разжигает;
ночь страницу расправляет;
и молчанье означает:
оживлённая строка –

горловина пригодится
как большая колесница;
обозначенные лица,
и пустыня высока –

высока до оперенья,
до пронзительного пенья –
повторения творенья,
и один как будто сон;

мост над бездной птицу ранит;
проходящий, знай заране,
что не всё горит, сгорает –
абсолютно всё.

Перевод Алексея Шестакова

Кейт Колби (Kate Colby)

Поэтесса и эссеист. Родилась в 1974 г. Выросла в Массачусетсе, в 1997 г. переехала в Сан-Франциско, где была куратором различных центров искусств. С 2008 г. живёт в Провиденсе, Род-Айленд, где является редактором и экспертом Глостерского центра писателей (Gloucester Writers Center). Автор семи поэтических книг, последняя – «Я имею в виду» (“I mean”) выпущена издательством «Гадкий Утенок» (“Ugly Duckling Presse”) в 2015 г., в 2018 г. в издательстве “Four Way Books” выйдет книга стихов “The Arrangemetns”, сборник эссе “The Itch” в 2019 г. выпустит “Noemi Press”. Сборник «Плодородные земли» (“Fruitlands”) получил премию Нормы Фарбер за первую книгу (“Norma Farber First Book Award”) от Американского поэтического общества (Poetry Society of America) в 2007 г. Стихи и эссе опубликованы в A Public Space, The Awl, Bennington Review, Boston Review, Columbia Poetry Review, PEN America, Verse and the DIA Readings in Contemporary Poetry Anthology («Антологии современной поэзии»).

ИСХУЙСТВО ПОЭЗИИ

В данном тексте вопрос о том
что есть стихотворение есть

вопрос более существенный
нежели содержание. К тому же

всякое стихотворение
с лёгкостью сочинит

отчего оно существует
именно так и никак иначе.

*

Деревья размазаны
по окну поезда

по эту сторону
отпечаток моего лба

(то, что я пишу о повседневности, не есть
мой опыт проживания повседневности)

рудиментарная пепельница в подлокотнике.

*

Геном – не текст,
не содержит букв,

это трудно запомнить.

Ущелья, ложбины, впадины,

подколенные ямки, глазницы,
внутри которых не заглянуть, – моё тело
наполовину карта, остальное – история.

Всё, чего я не нахожу
у себя в памяти, я превращаю в слова,
чтобы смотреть, чем оно окажется.

СЛАБОЕ УТЕШЕНИЕ

Если бы я могла отыскать слова,
подобающие этому случаю,

я бы оставила золотое яблоко
истлевать на пороге

небес – тусклых, бессолнечных,
напоминающих «синьку» –

взамен этого гулкового
гробового молчания,

размётанного праха –
но ты не намерен

смягчать дальнейшую тишину.

*

Моя тень, точно оттиск,
окружает тебя, как следы

на снегу, что тебя
возвращают в дом.

У меня больше нет контура –
ты выдернул его

из моих очертаний,
как нить.

Но отсутствие – это нехватка
чего угодно, даже того,

о чём мы пока не знаем.

НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Тени – это идеи
того, что их отбрасывает,

фантомы лунного света,
но только луна

неполная. Звёзды
улавливает листва,

чёрная дыра дерева
поглощает сама себя.

Если бы я могла исторгнуть
сердце, как морская звезда –

желудок, я поглотила б тебя
образовавшейся бездной.

Но у меня есть только сознание,
что моя любовь к тебе

больше является мною, чем я сама.

*Вариации Наталии Санниковой.
Над подстрочниками работали Юлия Подлубнова,
Сергей Шабуцкий, Станислав Львовский,
Роман Колганов.*

Узбекистан

Сағынбай Ибрагимов (Сағынбай Ибрагимов)

Родился в 1956 г. в Кунгиратском районе Республики Каракалпакстан (Узбекистан). В 1982 г. окончил Литературный институт им. М. Горького. Работал в г. Нукусе редактором книжного издательства, заместителем председателя Союза писателей Каракалпакстана, главным редактором литературного журнала «Амударья». Член Союзов писателей Узбекистана и Каракалпакстана с 1988 г. Опубликовал ряд поэтических сборников на каракалпакском языке, в том числе итоговый сборник «Избранные стихотворения» 2016 г. в Нукусе (издательство «Билим»).

* * *

С каждым днём отдаляются реки,
из которых я хотел напиться.

День ото дня тускнеют зеркала,
в которых мог бы отразиться.

Пусть станут недосыгаемы реки
и помутнеют все зеркала.

Я ещё жив
и хочу видеть тебя.

* * *

Зульфши

Нам после разлуки
вино как вода.
Дрожат наши руки
при встречах всегда.

Минут канители.
Я больше б не смог
терпеть жажду тела
у твоих ног.

Весна в твоём теле,
мученье и грех.
Огонь, что в нас тлеет,
спасём ото всех.

Забыть ум да разум
в объятий канун.
С тобою я сразу
безумный Меджнун.

Дрожат наши руки...
Тебя удержу
и в радостной муке
вино с губ слижу.

* * *

Чтобы отомкнуть твоё сердце,
Сагынбай, изранил руки и душу.
В тебе не было сострадания –

одна идёшь по берегу реки.

Не полюбишь и того,
с кем сейчас на нашей тропинке.
Уводишь губы от поцелуя –

одна идёшь по берегу реки.

Когда мы шли по тропинке вместе,
каждый камешек сверкал и был драгоценен –

одна идёшь по берегу реки.

Сегодня, перед сном, распустишь волосы,
загрустишь у зеркала и поймёшь:

одна идёшь по берегу реки.

Я, Сагынбай, не имею власти и богатств,
но знаю, ты вспоминаешь обо мне –

одна идёшь по берегу реки.

Желанная, тебе одиноко,
как в пустыне Дешти Кабир.
не останавливайся на шёпот русалок –

одна идёшь по берегу реки.

**Вариации Павла Проскурякова
на подстрочные переводы автора**

Украина

Василий Голобородько (Голобородько Василь Іванович)

Родился в 1945 г. в селе Андрианополь (ныне Луганская область, Украина). Стихи начал печатать в 1963 г. В 1970 г. в США (Балтимор) в издательстве «Смолоскип» был напечатан сборник стихов «Летюче віконце». На Украине первый сборник стихов «Зелен день» напечатан в киевском издательстве в 1988 г. За него автор был отмечен литературной премией имени Василя Симоненко. Стихи переводились на польский, французский, немецкий, английский, румынский, хорватский, сербский, португальский, испанский, эстонский, латвийский, литовский, шведский, русский языки. Лауреат Государственной премии им. Т. Шевченко.

ДЕВИЧИЙ ВЕНОК

Вижу тебя, неспетую деву Ульяну,
 среди девчат на синем холме,
 идёт война –
 значит идёт весна,
 время для танков или для песен.
 Девичий круг – загадка отсутствия:
 девчата встанут в колонну,
 она развернётся в круг,
 танковая колонна в танковый круг,
 смотрите внутрь круга,
 за спинами нет ничего:
 мир кончился, он отсутствует,
 за спинами нет ничего, мира нет,
 за хороводом солнце не светит,
 жаворонок не поёт,
 не зацветают цветы.

Дева в центре – загадка отсутствия,
вы берётесь за руки –
это песенный хоровод,
по очереди входите в центр
и ты, неспетая дева Ульяна,
уже не моя дева Ульяна –
о чем ты поёшь,
ты небо, земля и вода и трава,
ты небо, земля или море,
и вдруг перепёлочка
или зайчонок,
как ты исчезаешь, отсутствуешь
когда ты море земля и трава,
как ты исчезаешь, отсутствуешь,
когда перепёлочка или зайчонок,
так мир исчезает, отсутствует.
Песня дев – загадка отсутствия,
девчата и ты, берётесь за руки,
ведёте песенный хоровод,
поёте песню, и
следующее слово отменяет слово,
следующая строка отменяет строку,
следующий куплет отменяет куплет.
Как слово отменяет слово,
строка отменяет строку,
куплет отменяет куплет,
так песня отменяет мир,
мир отсутствует.
Девушки с холма,
весеннего, синего,
идут по домам,
холм опустел,
ничто не бывало,
все было и станет отсутствием,
расходятся девушки, их венки в волосах,
и ты, неспетая дева, в венке,
венке отсутствия,
отсутствия мира,
тебя, неспето-несказанной девы,
отсутствия песни, блуждавшей по кругу,
теперь ты, неспетая дева Ульяна,
пребудешь в мире отсутствия,
под венком – загадкой отсутствия всего,
под венком – загадкой отсутствия себя,
моя неспето-несказанная дева Ульяна.

Олесь Барлиг (Олесь Барліг)

Поэт, прозаик, драматург. Родился в 1985 г. Президент запорожского литературного клуба «99». Главный редактор самиздатовского литературного альманаха «ЧАС'НИК». С украиноязычными стихами и прозой печатался во многих украинских периодических литературных изданиях (наиболее известные: «ШО», «Четвер», «Склянка Часу»), участник нескольких антологий.

ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

Пока Библия была девочкой
 Болтала ножками
 Над пропастью и рожью
 Бросала камушки
 В мутную воду
 Тёмных веков
 Пока электрические разряды
 Первые миссионеры
 Двигались между мышцами
 Среди облаков
 Ни жажды
 Ни вожделения
 Пролиться огненным дождём
 Вспыхнуть от одной спички
 Прекинуться на кукурузное поле
 Пока по чёрным льдинам
 Пульсировало воображение нила геймана
 Электрические миссионеры
 Собирались в круг силы
 Словно
 Отмечали на коже
 Места для вживления грудных имплантов
 —
 Индейское лето не наступало
 Ещё полынь
 Не проливала в ладони густую пахучую кровь
 Сокол в небе
 Плыл между радиоволн
 Каждое перо за ухом
 Было антенной для них
 Так плыть между звуков классической музыки новых хитов
 Голоса предков
 И корявых полуживых
 Верб
 Они выглядывают из чёрных вод
 Как столетние сомы

Им снится мир покрытый водой
Где наводнения не утихают
Ни одна плотина не сдержит их
Даже великий темный медведь
Что вечно в янтарных чертогах
Бьётся с подземным страхом
Не повернёт течение
Этого сна
К комариным пастбищам к степным ковылям
Сладкие туманы
Ползут с гор
Ступая мягко
Как сытые пумы
И сквозь
Плотную
Томную
Ноябрьскую тоску шепчут на ухо
Кто придёт через толщу гнилой воды
Принесёт с собой запах весны
Тот умрёт растерзанный нашим индейским летом

Перевод Нины Александровой

Игорь Рымарук (Ігор Римарук) (1958–2008)

Родился в с. Мякоты Хмельницкой области. Окончил КГУ им. Т. Г. Шевченко (1979). Дебютировал в 1978 г. в журнале «Дніпро» (Днепр). Главный редактор журнала «Сучасність» (Современность), заведующий редакцией современной украинской литературы издательства «Дніпро», член Союза писателей Украины (1984), вице-президент Ассоциации украинских писателей. Составитель антологии новейшей украинской поэзии «Вісімдесятники» (1990). Автор восьми сборников стихов, изданных при жизни. Награждён Национальной премией Украины (2002) за книгу стихов «Дева Обида».

* * *

Ночь настала – как на Купала,
Благородна, тревожна, терпка,
Запредельная мгла выкипала
Из кофейника пылью дымка.

Стекла блики ловили голодно,
Гвозди в стенах качались, легки,
Перешёптывались полотна,
Перемигивались ночники.

Через дальние перевалы
Плёлся голос, как пёс, позади,
Волколаки-века вырывали
С губ слова и сердца из груди.

Мутно зеркало, томик Целана,
Крик совиный, лунатик-вамфир...
Не пробьётся сквозь гладь порцелана –
Будто папоротник – утренний мир.

ПОЛЁТ ГОГОЛЯ

Тут и птица без сил, человек не такая махина,
Человечья основа крыла непрочно и мягка.
Середина реки, середина, ещё середина –
только нет маяка и не видно нигде маяка.

Это Днепр? Дунай ли? Холодная бурная Лета?
Это правда фонтаны? Забрёл ли из Библии кит?
Или дед-водяной, он из водного бьёт пистолета,
В затемнённую звёздную тень неустанно палит?

Золотая середина сладка, но не скрыться от сплина,
Дождь солёный её заливает, дыши не дыши,
Середина реки, середина, ещё середина,
Не найти берегов, где построить гнездо для души.

Как он жаждал гнезда, как ребёнок, он дёргал солому
Из телег полнолунных, ползущих сквозь ночь напрямки!..
И медлительно тень проплыла. И убавил ума водяному
обгорелый листок, что упал в середину реки.

СТЕКЛЯННАЯ ЖИЗНЬ

ты живой ты смеёшься говоришь смеёшься говоришь
а в паузе
цветок стеклянный зацветает морозом

хоть не собственная и всё же крепость четыре стены
ты особый ты есть ты уверен что стеклянный цветок
не заметил никто
а цветок уже скрупулёзно малюет в сквере напротив
художник

у него их целая коллекция
видно все комнатный муравейник и ржавую кровь
фотоснимки детей и ружье в третьем акте
видно как ты живой как известь оседает в суставах
как река босоногая пробегает в помещении
конечно без разрешенья
насквозь

ты живой ты стеклянный смеёшься
тишина внезапна

и только слышно
позвякивание ступни прозрачной
речки-беглянки

Перевод Сергея Слепухина и Марии Огарковой

Тарас Федирко (Тарас Федірко)

Родился в 1990 г. в селе Плотыча около Тернополя. Поэт, переводчик, социальный антрополог. Стихи публиковались в переводе на русский и английский. Живёт и работает в Кембридже, Великобритания.

* * *

Ты должен говорить про страх, говоришь –

только представь, как падают в воду камни,
брошенные одной рукой,

помнишь,
когда над кроной алычи зависла шаровая молния, ты
выбежал
навстречу:
«Выходите из схорона!»

Вспомни-ка, как упало чьё-то тонкое тело в гравий – оно
замерло
словно буй, что ушёл под воду, и никак не вынырнет –

до сих пор ждём;

теперь нас через одного выманивают из волглых комнат,
и тьма кругом, как у кого-то во рту.

Дотуда нет кратких дорог.

Теперь границей, которая петляет будто изгиб реки,
нам утекать год за годом.

Увидь,
Увидь, как тени проходят меж лилий за поворот, –
говорит, –
их все на пограничные камни течение вынесет.

Представь, если бы теперь без оглядки ты сел на возок без
колёс,
возок, который выпилил тут, из которого после полилась
песня:

«Если бы мы говорили про чужой страх,
если бы мы отпустили тёмные буи вверх», –

что изменилось бы?

22 июля 2014

* * *

Незряче,
с глазами, закопанными в песок, –
так ты проходишь сквозь лето;
до того края всё доберётся сотлевшим.

Узлы, кое-что сшито давно, до поры,
Узлы и шов на веке, гонимом по-над
водою.

Надо мною такая же муть иногда.

Согнанной с ветки птице светить на берегу.
Вырой тут ямку и поставь свою свечку
графитовую. Видишь?
Свет. Светло.

август 2009

Перевод Руслана Комадея

на ночь мы выставили их на балкон.
 впрочем, мама потратила на них месячную зарплату,
 внутри был мех,
 а на улице – минус двадцать, следовательно,
 на следующее утро я закрутил тугие,
 как алюминиевый провод, шнурки и потопал
 в новых ботинках в школу.
 посреди урока алгебры учитель, пан анатолий, спросил:
 – а чего это в классе воняет соляжкой?
 если вдруг вы собираетесь
 что-то поджечь, то начинайте сейчас –
 мне эти уравнения самому уже вот тут сидят.
 я поджал ноги под стул, но как это могло что-то изменить.

недели за три ботинки выветрились, но, очевидно, поэтому
 случилась другая напасть – они начали выцветать.
 выцветали они,
 суки, тоже не просто так: становились радостно-фиолетовыми,
 как рожи наших соседей из общежития
 для работников крематория.
 приходилось их каждое утро изрядно намазывать
 чёрным кремом.
 в оттепель нужно было ходить аккуратно – крем мог смыться.
 однажды так и случилось. я как раз начал пробовать алкоголь
 и сигареты (правда, не взятяжку).
 иногда у меня появлялись карманные деньги, и тогда я покупал
 что-то вроде моих ботинок – такие же химические
 слабоалкогольные напитки.
 в тот день я выпил впервые. это был оболонский джин-тоник,
 горький, взрослый, красивый. тогда я был у девушек
 не в фаворе,
 но одна-таки согласилась идти со мной вместе домой.
 мы купили две бутылки, впопыхах прикончили их
 в подворотне
 у нашей девятиэтажки, поднялись по лестнице на крышу.
 на крыше было полно снежной каши.
 мы бегали, догоняли друг друга, катались в мокром снегу,
 в конце концов, мокрые и ослабевшие, уселись на краю,
 свесив ноги вниз.

долго смотрели друг на друга и вокруг,
 а потом я опустил глаза вниз. ботинки! они задорно сияли
 фиолетовыми боками в свете яркого предвесеннего солнца.
 я похолодел. девушка тоже смотрела на них. это был конец.
 но вдруг она отвела глаза и, ничего не говоря, взяла меня за руку.

он будет смотреть на воду,
будет пить дешёвый мускат,
будет ждать, когда вы пойдёте на работу,
не смотря под ноги,
не замечая ни его,
ни особенных утренних оттенков воды,
ни любви,
которая – вот,
в песке, среди окурков,
пивных крышечек, чужих следов.
ждёт, ждёт,
ждёт.

ЕЩЁ ОДИН КОНЬЯК

23 декабря он стоял в озере, где по пояс вода,
и говорил: здесь клёво, полезай, я тебя окрещу, иван,
мы согреем этот ил коньяком, а тогда,
а что же тогда? предлагаю простой обман,

камышовое чучело от похмелья, и сжечь его прямо тут.
я, заходя в воду, отвечал: к чёрту эти приметы.
я хотел бы стать тринадцатым номером хотя бы где-то.
надеть наизнанку все шмотки – и пусть побьют.

надеть остатки воспоминаний, угасающих с каждым днём,
надеть крестик, дог-таг, часы, носки (разные), рубашку
в клеточку, наушники, музыку, цвета, вкусы
алкоголь, сигаретный дым, туман, дождь, скрип снега,
звон скального крюка, надежду, мечту, иисуса
и марию, воду с огнем,
и сначала бы я надел её, рассмотрел бы её нутро
через глаза её, большие и тёмные, словно тоннель метро.

так бы мы и ходили – некрещёные,
в нечётных носках и с крестиком,
с дог-тагом, на котором имя навыворот,
всегда вместе без права выбора,
курили одну, менялись шрамами,
ссадинами и душевными травмами,
плакали под восьмую бетховена в два голоса, я и ты,
захлёбывались на вершинах от ощущения красоты,
планировали бы вместе разочаровываться много десятков лет
и смеялись над планами – громче всех на этой земле.

БУРБОН

первый, накинув одеяло, шаркает на балкон
(очки без стёкол, в правой – литровый бурбон,
стул волочится по ковру, оставляя там колею):
– сигареты возьми! нахрен стаканы! в себя налью!

второй долго ищет, заглядывает в холодильник,
включает радио, телевизор, настенный светильник,
снимает трубку телефона и сразу её кладет,
но сигарет не находит и найдёт.

первому сорок пять, другому тридцать, и это видно,
иногда они называют себя отцом и сыном,
временами меняя роли или просто путая, кто есть кто.
второй находит ключи с номерком – бочонком лото,

выходит из номера, говорит сам себе: «я скоро»,
смотрит на ноги горничной, идущей по коридору,
доползает до лифта и поворачивает назад:
– сигареты в кармане. пора бы уже подвязать

с алкоголем, девушками, бардаком в голове.
так, сын мой? – пьёт и прикуривает сразу две.
первый затягивается и показывает на ворону,
сидящую в ветках тополя у балкона:

– думаю, мы просто любим держаться на волоске,
сидеть повыше, соревноваться с ветром, в этой тоске
цепляться за ветки, непрочные, как карниз,
шататься вместе с деревом, смотреть вниз

на людей и на тени их, что тяжелы, как власть.
чувствовать, как уменьшаешься перед тем, как пропасть,
словно та в сетях солнечного сплетения запутавшаяся душа,
что ждёт уже рыбаков, но продолжает пока дышать.

Перевод Василия Чепелева

Финляндия

Пяйви Ненонен (Paivi Nenonen)

Поэт, прозаик, переводчик. Родилась в 1971 г. в Финляндии, в городке Китее. Окончила филологический факультет в г. Ювяскюля. Посещала лекции по русской литературе в Санкт-Петербургском государственном университете. Пишет на двух языках. Публиковалась в журналах «Звезда», “Carelia” и «ЛитературС». Живёт в Санкт-Петербурге и в Финляндии.

СОБИРАЯ СЕБЯ

I.

Снова мир на куски. На фрагменты, на пазлы, осколочки.
Целый мир на куски. И поди собери его до ночи.

Соберу! – хоть, как плёнка кассеты, душа пережёвана,
Боль корёжит виски, и подушка-подружка зарёвана.

Горсть конфет, пол-охапки стихов и таблетки умеренно –
Так я мир собирала сто раз, рецептура проверена.

Под холодными струями в душе стоять буду голая, смелая
И смотреть, как куски, уплывая, сростаются в целое.

Из бутылки хлебнув и ботинки надев не девчоночьи,
Стану складывать пазлы друг с другом. Успею ли до ночи?

Не могу не успеть. На ухмылки судьбы inferнальные
Я в ответ запою, отпустив следом шуточки сальные.

Соберу этот мир из фрагментов-осколков я до ночи.
...Но открыть ли глаза мне сегодня без чьей-либо помощи?

II.

Вкус болезни неизменен:
В нём присутствуют законно
Полоскания горчинка
И кислинка от лимона.

В гости хворь пришла незвано,
Мёда, книг, пилюль – навалом.
И лежишь под стать младенцу
Целый день под одеялом.

Грипп молчанием несносен,
Он дождей осенних морось.
Как мне хочется услышать
В тишине хоть чей-то голос!

III.

Скорость поднятия век конгруэнтна движенью улитки.
Зеркало, кто там в тебе? Это что за лахудра?
Люди, ответствуйте: как, блин, из чистых напитков
Вдруг возникают такие вот мутные утра?

Громко scomандую в зеркало – той паразитке:
«Любишь кататься – салазки вези веселее!».
Что же, встаю, зафиксировав веки-улитки,
Перекатная голь. Может быть, даже голи голее.

Мха на граните беднее и цапли в болотце.
Но наскребу в себе силы последнюю квоту
(Господи боже, откуда она лишь берётся?) –
И на работу скорее. Скорей на работу!

Вариации Григория Егоркина на подстрочные переводы автора

Франия

Дени Грозданович (Denis Grozdanovitch)

Родился в 1946 г. Представитель интеллектуального направления «belles lettres», его книга «Небольшой договор бесцеремонности» получила премию ассоциации литературных критиков («Prix de la société des gens de lettres»). Среди французских читателей популярны его книги «Мечтатели и пловцы» (издательство “Corti”, 2002), «Искусство почти ничего не делать» (издательство “Denoël”, 2009), «Таинственная мощь случая» (издательство “Denoël”, 2012) и другие.

МАЛЬЧИК НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Когда бы я, решившись наконец,
 переместился в недра к большинству.
 Деревья колыхаться на ветру
 не прекратили бы – всё правильно, отец?
 И облака белы и безразличны
 в зияющих высотах синевы.
 Не различают мёртвых и живых,
 и это, как мне кажется, отлично.
 Пусть девочка у дома на крыльце
 рисует мелом небо и дорогу,
 пусть создаёт свой мир подобно богу
 и не разочаруется в конце.
 Пускай простой прохожий на камнях
 среди других моё увидит имя,
 произнесёт и прошагает мимо,
 и этим он порадует меня.

Пусть мальчик гонит свой велосипед
к большой реке, что вечностью зовётся.
Через секунду мальчик обернётся,
я в этом мальчике – ты видишь или нет?

СЕКРЕТНАЯ ПРУЖИНА

В бескрайности ночей
безлюдных городов
блуждает сон ничей,
как будто ищет кров,
как будто ищет суть,
ненужную уже...
и бесконечен путь...
И стёкла в витраже –
разбитые мечты
твои, мои, его...
Мы – сумма пустоты
неотданных долгов,
невозвратимых слов,
произнесённых вслух.
В безлюдье городов
лишь тополиный пух –
бесплотное оно,
пружина бытия.
Сон падает на дно,
он чувствует края.
Пусть мира колесо
отыщет сон ничей,
но сон всего лишь сон
в бескрайности ночей.

Вариации Владимира Зуева на переводы Ольги Соколовой

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ВИХРЬ

Зима радостно оккупировала наши земли:
дни топчутся, стараясь стороной
выскользнуть из сумрачного гетто, куда ночь стоняет их
после полудня
с чахлым солнцем, патрулирующим границу зимнего мира,
проступающего на акварелях Альбера Марке
ускользающим пейзажем,

стремительно блекнущим
в переменном свете.
И сейчас, когда темнота
разгорается неоном,
человеческий вихрь,
поднятый иллюминацией,
видится
настолько же нераздельным,
словно в детстве
вихрь мотыльковый, в тёплой черноте
вальсирующий вокруг фонарей.

Вариации Сергея Ивкина на перевод Ольги Соколовой

Патрисия Кастекс-Менье (Patricia Castex Menier)

Родилась в Париже в 1956 г. Преподаёт французский и латинский языки. Стихи переведены на немецкий язык и присутствуют во многих хрестоматиях. Её основные поэтические труды публикуются в издательствах «Шен», «Ле Де бле», «Л'Эпероннье». Автор 14 поэтических сборников.

ЭПИТАФИИ

1.
Здесь упокоен день,
своим немеркнущим сиянием
укоряющий, сколь поздно мы обращаемся
к живому дню,
захлопывая окно,
опережающее раскаяние.
2.
Здесь живёт ветер.
Возможно ли заставить здесь жить ветер?
3.
Снижаясь,
в несколько часов
оно исчезло за горизонтом.
Почтим его память.
4.
Внимательному взгляду,
согласному сердцу,
неизменному приветствию,

деликатным жестам,
окрылённому уму

благодарен ход вещей.

5.

Десятый час пополудни был последним,
тронувшим насмерть бабочку,
но свет её крыльев благословляет
всех, умеющих видеть.

6.

Хрупкий, едва поставленный голос,
единственный, что всегда невесом,
младенческий голос стиха –
в растрёпанной шевелюре одуванчика,
мыльных пузырях,
пригоршне шелковицы,
фейерверке
и бескрайнем море внутри раковины;
в беспечальном ускользании
памяти детства.

Вариации Сергея Ивкина на перевод Ольги Соколовой

Жан-Батист Пара (Jean-Baptiste Para)

Родился в 1956 г. Критик, поэт, искусствовед. Ведёт на телевидении программу о поэзии и литературе, является главным редактором литературного журнала “Еurore”, занимается художественными поэтическими переводами европейских и азиатских авторов (в том числе итальянских, русских, японских, испанских и т. д.).

НАПИСАНО МЕЛОМ

Когда холодная глина реки
сделает немymi людей,
восставших из глины иной,
когда замироточит лоб
и когда оползут шафрановые стигматы,
когда тёмно-белое лицо матери
уведёт в сон детей своих,
когда автодрезина светом фар
пригнёт батрака и пшеницу,

любящую его в печали его угорской,
когда лягушки и зловонные ирисы
сыплют на ветер порох своих голосов,
когда пламя изливается вверх из сухой травы,
странника обнимаемая всполохами огня,
когда пчела наслажденье берёт
из чаши долины тюльпанов поверженных,
когда заяц лишится кишок и увидит
водяную дорожку в небытие,
когда ты познаёшь любовь
волос за волосом, жилку за жилкой,
когда ты поведёшь своё стадо
на другой берег реки, покрытой
солью разорванной речи, –
мы всюду увидим луну,
когда тайна разденет нас догола,
и, нагие, пройдем мы сквозь
груши в саду.

БРАТ И СЕСТРА

Русские степи, тоска и песни о ней,
дрожь крапивы от лая собак, –
ветка стучит в окно – просится
в детские слёзы и сны;
соль труда и работы огня, узел уст
тёмное золото браслета, загара, запястья –
всё от любви побелело:
быть сестрою и братом, скользить из зимы,
с неба вдоль железной дороги, –
имя твоё колет и жжёт – а моё
ты выпиваешь большими глотками –
жадными, чтобы успеть, пока смерть не погасит
лицо.

ГODOBЩИНА

Где к небу поднимается долина,
ты слышишь подо льдом
пение бога,
ты видишь нож
в гриве травы прошлогодней.
Поэма – это стол для вечера,
тайной и явной, – поставленный тобой.

И чьи-то шаги в пустоте
удерживают тебя
ещё год, целый год
в узах, в узилище, в ужасе
красоты.

Вариации Юрия Казарина на переводы Виктора Иванів

Мари-Клэр Банкар (Marie-Claire Bancquart)

Поэт, учёный. Почётный профессор современной французской литературы в Университете Париж-IV (Сорбонна). Лауреат поэтических премий М. Жакоба, А. Виньи, Ж. Сьюпервьеля, «Осенней премии» Общества литераторов и поэтической премии Лиона за 2006 г. Член жюри премии Аполлинера, Ивана Голя и других премий. За своё поэтическое творчество получила в 2012 г. премию Робера Ганзо фонда Франции.

* * *

Ну что ты тэлишься, моя сырая плоть!
Ты видишь, жизнь бежит от нас вприпрыжку?
Подай иголку – локоть уколоть,
и я проснусь, и старости ломо́ть
доем без передышки на отдышку.
Ну кто-нибудь, подайте мне ладонь,
я весь горю от ласки несусветной,
я сам уже практически огонь,
хотя по сути – дым малозаметный.

* * *

В асфальт закатана,
лежала улица,
а с неба капало,
аж кошка жмурится.
А это – дерево,
асфальт взорвавшее,
растёт уверенно
с позавчерашнего.
И шепелявая
листва шевелится,
и в смерть халявную
почти не верится.
Вот пёс у дерева
так славно мо́чится,
что бог, уверен я,
от смеха морщится...

* * *

Вошла со двора и присела
на краешек жизни моей...
Покуда родные несмело
толпились у самых дверей.
За окнами птицы визжали,
как будто сходили с ума,
и призраки кутались в шали,
поскольку там тоже зима.
Подвинула стул деревянный,
на стол положила письмо,
жаль, адрес на нём – безымянный,
а вместо записки – темно.

* * *

Жизнь – налево. Я – направо.
А душа исподтишка
ускользнула (вот шалава!)
в строчку этого стишка.
Смерть нас кормит прямо с ложки,
седьмой своей бела,
и вот-вот смахнёт, как крошки,
полотенцем со стола.
Бог работает на совесть,
превращая всё в людей,
в поцелуи, в клятвы, то есть –
в повесть гибели своей.

*Вариации Виталия Кальпиди на переводы
Кристины Зейтунян-Белоус*

Марк-Анри Арфе (Marc-Henri Arfeux)

Родился в Лионе в 1962 г. Доктор современной литературы, преподаватель философии, поэт, эссеист и писатель.

* * *

Отдалённой листвы голоса
огибали ступени,
шероховатые твоими мыслями
после дождя.

Мёртвая птица летит с востока,
не прерывая пения,
превозмогая ветра заиндевелый щит.
Камень, как блик дрожащий на водах зрения,
пристально вверх молчит.

Земля шевелится во сне,
шурша ветрами,
протягивают пальцы сквозняки.
Улыбкой бога смерть ложится между нами,
и небо льётся на сетчатку
сквозь потолки.
Эмбрион внутри дерева
видит себя во сне
зимним утром
спускающимся к воде
по ступеням, заснеженным среди ветвей
(на каждой мерцает змей).
Все деревья во сне одиноко идут,
и не видят друг друга тут.

Белеют воробьи,
наклёванные рисом.
Со мной поговори
о воробьиных мыслях,
на них ката в мешке
наводит натурально,
когда страна стоит
в болоте вертикальном
(и лотос на башке
горит).

Беги по светящимся травам туда,
где время на слайды слоится,
и падает вверх мировая вода
сквозь сонные детские лица,
вдыхай, даже если и даже когда...
Не смерть,
а пустая страница.

Вариации Елены Оболикинта на переводы Ольги Соколовой

Тьерри Ренар (Thierry Renard)

Родился в 1963 г. в Лионе. Выпускник Консерватории драматических искусств в Лионе. Длительное время делил свою жизнь между писательством и театром. Возглавлял издательство «Пароль д'об», впоследствии был директором издательства «Ла пас дю ван». Обладатель «Премии К» за 2001 г. Создатель и официальный представитель «Эспас Пандора» в Вениссьё – организации, распространяющей и продвигающей поэзию во всех формах и в любых состояниях. Автор 20 поэтических книг.

* * *

теперь мы здесь
 где жизнь всего лишь слово
 нам данное взаймы
 поэтому прислушайся
 здесь посреди потопа
 новый ливень
 как тот однажды
 сошедший свежестью
 на камни
 крыши
 нивы золотые
 поблекшие одежды
 на всё на всё
 на мир огромный над которым
 вдруг прояснилось небо
 в синеве
 вернулся день
 сказал
 не останавливай мгновенье

САМА ЖИЗНЬ

Вдруг возникает имя, а с ним обилие образов.

Анни Задек

жизнь
 не театр
 это улица
 где ты
 кого хочу обнять
 хотя бы просто
 ради красоты движения
 течения
 воды и воздуха и сна

обнять и плыть не двигаясь
 на юг
 как будто к пробуждению
 как будто
 в тебе угасло всё
 но вот хорошая метафора
 чтоб снова
 разжечь в тебе огонь
 но только
 что-то с горлом
 так болит что просто ужас
 и голос то гнусавит то хрипит
 вот жорж перрос
 он говорят
 был жизнь сама
 когда он говорил
 так просто
 ты так красива
 что наверно будет дождь
 не театральный
 уличный

*Вариации Александра Самойлова
 на переводы Ольги Соколовой*

Жан-Марк Барье (Jean-Marc Barrier)

Жан-Марк Барье живёт в г. Эро. Поэт, фотограф и художник. Среди его изданных книг – сборники стихотворений и «книги художника», которые он оформлял как поэт. Руководит ежемесячной письменной мастерской «Письменный стол», ведёт ежемесячную программу “Les Argenteurs poétiques” на Radio Pays d’Hérault.

* * *

параллели считаю внизу. позади меня небо плетётся.
 горизонт под рукой. всё мелькает. земля превращается
в солнце.

вечер Икс: перспектива нарушена, имя героя размыто,
 пьедестал покорён – и прутья торчат, и ступня из бисквита.

пустота – это Игрек, что прячется вором за мрамором сада.
 время Зет будто палые листья танцует и кружится рядом.

на трёхмерном эскизе – залив, и вода из тяжёлого шёлка.
 надо знаки понять, среди трав поседевших пройти
 по осколкам.

острова погибают и звёзды, ты плачешь у самого моря –
 но земле наплевать: ей не до разрывающих сердце историй.

Икс меня, Игрек смерти и Зет этой дали небес небывалой
 как большой треугольник потерь – кораблей,
 не пославших сигналы.

тела вкус твоего – кислород, я тобою дышу через кожу,
 хоть лишён языка, но скольжу языком по тебе, и, быть может,

ты послание это прочтёшь, ведь по веткам заросших сосудов
 телеграмма разлуки стучит (не узнать, от кого и откуда).

Икс молчания, Игрек растраченных слов, распоясавших пламя,
 как Монголия лёгких, как небо в лучах, что легло между нами.

Икс молчания, Игрек растраченных слов – и заноза утраты.
 Зет застрявшего ветра, трава на равнине шербатой.

я дышу через кожу твою, я немею, я вслух умираю.
 воздух скроен тобой, напоён твоим вкусом до самого края.

и – стоп-кадр: плёнка Икс порвалась у механика в облачной
 будке...
 сцена Игрек: вот занавес пал, на осине зажглись незабудки.

ночью Зет в этот час, переписку ведя от руки по старинке,
 ставит кляксы земля, отрезая от пёстрого сна половинки.

Икс пространства: пропал потолок, вместо пола –
 обветренный клевер.
 220 на кончиках пальцев, а путь – за цунами, на север,

через дверь на замке, через тихий пожар по низам перелеска –
 Игрек лиц воспылал цветом кадмия, ересью, будто на фресках.

если солнце пройдёт над тобой, и прилипнет закат к роговице,
 и дождём обернётся рассвет, и куда-то исчезнут все птицы –

знай, что время пришло водворять кирпичи на обрыве былого,
 чтобы с каждой ступенью будить память Зет от забытого слова.

Адриатику помнишь? загадочный парк и нависшие скалы,
 где от странного чувства в прохладе ночной светлячков
 ты считала?

Икс вощёного камня в гранитном стволе корабельного леса,
 Игрек жалящих стрел, Зет метровых сомов, исполняющих
 мессу...

мы часами глядим на поток: Икс его серебристого бега,
 Игрек бабочки, Зет черенка, что плывёт, словно ищет ночлега,
 в сумме будет изменчивость (или мерцание?) верхнего слоя.
 Икс любви, Игрек пульса и Зет шанса быть нам отныне
 с тобой.

катер Икс впопыхах (без огней) покидает причал
 перед штормом.
 только дерево Игрек не хочет бежать от стихии упорно –

в кроне Зет не осталось ни сил, ни гнезда, ни надежды на чудо.
 (меж причалом и деревом бродит любовь по мотивам этюда).

но порой твоё тело взрывается рыбами стихотворений:
 разлетаются в стороны тайны слепящего света и тени –

Икс единственных слов, Игрек счастья в конце,
 Зет вуали Гольфстрима –
 это свет. свет любви. свет влюблённых. свет любящих.
 или любимых.

подхватило волнение волнами. мы, совпадая в изгибах,
 отражаемся в прошлом.
 плывём на рассвет.
 а на отмели – рыба.

Вариации Яниса Грантса на переводы Ольги Соколовой

Чехия

Михал Шанда (Michal Šanda)

Родился в 1965 г. в Праге. Учился в гимназии Яна Неруды. По окончании школы работал каменщиком, продавцом в книжном магазине и т. п. С 1991 г. заведует архивом Института искусств чешского Театрального общества. Является автором поэтических сборников «Сто А» (1994), «Некрасивые рассказы из красивых слов» (1996), «Метро» (1998–2005), «Двести граммов буженины» (1998), «Ремингтон под сервантом» (2009) и «Ограбление генерала-самозванца Рона Зацапы в трактире “У Бегемота”» (2015). Помимо стихов были изданы и прозаические произведения: «Блюз 1890–1940» (2000), «Южноамериканский романс» (2003), «Долина» (2017) и другие. Автор несколько пьес, в том числе «Испанские птички» (2006) и «Соренто» (2011). Спектакли по его пьесам были поставлены в театре Петра Безруча в Остраве, в Восточночешском театре в городе Пардубице и в театре «На Перилах» в Праге. Публикуется в различных чешских и иностранных журналах, является главным редактором интернет-журнала «Хороший адрес».

ПЯТЬДЕСЯТ

По-другому я это себе представлял –
 сколько лет я во сне из кольта стрелял! –
 вот исполнится, думал, мне пятьдесят,
 и меня наяву в стрелки посвятят.
 Буду я молчалив, молчалив и суров,
 вместо тысяч и тысяч расхлябанных слов
 барабан будет полон пристрелочных пуль –
 однозначных как истина, чей лёгкий гул
 разрастался от малой и робкой пчелы

до гудящего улья, таранил тылы,
пробивал на ура вражеский фронт –
я бежал и стрелял бы – пиф-паф! – но вот
мне пятьдесят. Где прозрение? – пиф!
Мне пятьдесят. Где мудрость? – паф!
Я сижу за столом, себя застрелив,
и чай разливаю, в траву упав.
И подруга напротив – старше, чем мать.
Нет, такое не мог я себе представлять.

ТЫ КРАСИВЫЙ

Я смотрю ей в глаза – или чуть выше макушки,
раздуваюсь от гордости, пусть на это и нет причин.
Я готов стоять и слушать, стоять и слушать,
но мой внутренний бес ворочается и ворчит.
Я терплю, продолжаю смотреть – бес теряет терпенье,
корчит морду, отвешивает мне леща.
Голова моя падает вниз, смотреть теперь мне
на пивное пузо и вздутые вены – молчать,
вдруг она не заметит? Но ей, похоже, не важно.
– Ты красивый, – шепчет она. Поднимаю взгляд –
и случайно вижу, как в глаз её скважину
улетает юный атлет и влетает назад.
Она моргает, трогает веки, снимает ресничку,
чуть помедлив, сдувает с ладони – взгляд её чист.
Вдох как перед прыжком – я ныряю навстречу.
И плыву ей навстречу – гладок, силён и плечист.
Раздвигая руками ряску тонких морщинок,
я гребу и стараюсь поймать дрейфующий взгляд
юной девы. Бес выскакивает из воды как тугая пружина –
хватает атлета и с ним улетает назад.

ГДЕ ТЫ БЫЛ?

Где я был?
С Кунигундой на Индрижской говорил.
Бил в древние колокола.
А ты там была?

Где я был?
Слушал хлопанье золочёных крыл
и хриплое пение петуха
на Орлое. Такая вот чепуха.

Где я был?
Влтаву вброд я переходил.
Было жарко.
Три обшарпанных карпа
пытались мне что-то сказать –
но рыбий язык я не смог разобрать.

Где я был?
На Погорельце стоял и курил.
Опалил себе брови
и пальцы до крови
о ржавые прутья ссадил.

Где я был?
На Петржине – там ливень лил.
Я поднялся к Обзорной башне –
тут грянул гром – и в рукопашной
громовержца я победил.

Где я был?
Я тебе позвонил,
но трубку ты не взяла.
И я побежал –
за кварталом квартал –
старый Вацлав у входа в метро гарцевал –
он махал мне бронзовой рукой –
я прижался к нему горячей щекой –
и проснулся!
И ты спала?

... Ты не веришь?
Ты хочешь знать, где я был?
Ну конечно же, пиво у Гроха пил.
Где-где?
Кричу – «У Бегемота»!
Она довольно кивает –
то-то!

***Вариации Юлии Долгановских
на переводы Елизаветы Долгановских***

Эстония

Катрин Вяли / Katrin Väli

Поэт, переводчик и редактор. Родилась в 1956 г. в Таллинне. В 1978 г. поступила в Литературный институт им. Горького, окончила в 1984 г. Училась на отделении поэзии. С 1994 г. работает в еженедельнике «Ээсти Экспресс» как редактор. Переводит с русского и финского языков. Перевела на эстонский язык стихи Геннадия Айги. Издала 12 стихотворных сборников. Стихи переведены на русский, украинский, английский, финский и венгерский языки.

БЫТЬ ХАЙКУ

Он хотел бы
 Ребёнком стать
 И в невинности убивать
 Бабочек и кротов
 Птиц
 Но каждый знает закон таков:
 Невиновно убиенье ребёнком
 Бабочек и кротов
 Птиц а
 лучше б заново мне родиться

ПОДЕЛИМСЯ

птица как ночная церковь
 Что у них? Любовь и злоба
 У меня в кармане тот кто
 Незаметно пропадает
 Утром. В воздухе сквозь пальцы.
 В край железного тумана
 Так возьми её с собою
 Поделись с другими светом.

ЧАС НАЧАЛА

Кадры облачной бури
 Деревьев свирепых оттенков
 Можно вытерпеть эту надежду
 Зависшую боль горизонта
 Этот тихий баланс ожидания
 Мысль игольную. Ветром единым
 Убиенную в яркий момент.

ГЕРОЛЬД

Отворил ворота и тихо
 Герольд исчез за ними
 Он объявит уход и каждый
 Всё услышит когда придёт время
 Дремлющий лев с кошачьим хвостом
 Отобедает юным оленем
 Мы узнаем какую добычу
 Приготовил Господь своим детям

СТАНЕМ БРАТЬЯМИ И СЁСТРАМИ

Моя унылая сестра с глазами кинжала
 В гляцевых журналах росла, гнила и любви не знала
 В тренировочные штаны
 Родила детей, по миру разбросала
 Ты смотрела в солнце, когда оно заходило в тучи

Пьяная голова
кожных жиров плывущих
Как тебя били, ты молчала и поддавалась
Как надоело, ты камнями оборонялась
Мне не понять тебя в этом призрачном мини-платье
Что тебе нужно?
Ложку? Матрас?
Проклятье.

*Вариации Ярославы Широковой
на подстрочные переводы автора (редакция Ларисы Йоонас)*

справоч-
ные мате-
риалы:

*биографии,
культурная
история,
культуртре-
герская
деятельность*

Александрова Нина Андреевна родилась в 1989 г. в Челябинске. В 2006 г. переехала в Екатеринбург. Училась на филологическом факультете Уральского государственного университета им. Горького. С 2017 г. учится в Литературном институте им. М. Горького (семинар Е. Ю. Сидорова). Стихи и критика публиковались в российских и зарубежных литературных журналах «Урал», «Нева», «Новая Юность», «Слово/Word», «Плавающий мост», «Номо Legens»; поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ»; в проектах «Литература», «Полутона» и др. Участница и ведущая семинаров всероссийских, областных и международных форумов, съездов и совещаний молодых писателей. Автор книг стихов «Небесное погребение» (2014) и «В норе» (2016). Лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова, лауреат премии И. Бродского, лауреат международного Волошинского конкурса. Живёт в Москве и в Екатеринбурге.

Культурная история поэта¹

1. Лида Юсупова, Мария Галина, Елена Шварц, Александр Введенский, Алексей Парщиков, Виктор Соснора, Андрей Санников.
2. Милорад Павич «Хазарский словарь», Филип Дик «Вера наших отцов», Даниил Хармс «Случаи», Алексей Цветков «Маркс, Маркс, левой», Мария Галина «Малая Глуша», Владимир Пропп «Исторические корни волшебной сказки», Симона де Бовуар «Второй пол», Невидимый комитет «Грядущее восстание».
3. Энди Кехо (Andy Kehoe), Фрида Кало, Поль Дельво, Владимир Татлин, Дмитрий Цветков.
4. Современная академическая музыка, минимализм, электронная музыка, тибетская храмовая музыка. Из академических композиторов: Александр Маноцков, Филип Гласс, Арво Пярт. Из композиторов-исполнителей: Björk,

---

¹ Культурная история поэта представляет собой ответы в свободной форме на пять пунктов анкеты, а именно:

1. Назовите несколько имён поэтов, оказавших на вас наиболее сильное впечатление как на читателя. Чья манера письма повлияла на ваш стиль, на вашу манеру письма, сюжеты, темы, образы?
2. Назовите несколько прозаических произведений, оказавших влияние на становление вашей личности.
3. Кого из художников вы боготворите (любите, чьим работам удивляетесь)?
4. Какие композиторы и какая музыка близки вам?
5. Назовите несколько фильмов, потрясших вас в разные годы вашей жизни.

Portishead, Леонид Фёдоров, Нина Хаген, Нина Симон, Егор Летов, Александр Феничев.

5. Дэвид Кроненберг «Связанные насмерть», Ян Шванкмайер «Урок Фауста», Ульрих Зайдль трилогия «Рай: (надежда, вера, любовь)», Ларс фон Триер «Антихрист», Терри Гилиам «Бразилия», Дэвид Линч «Малхолланд Драйв», Паоло Сорентино «Великая красота», Бернардо Бертолуччи «Мечтатели», Хаяо Миядзаки «Небесный остров Лапута», Джордж Даннинг «Жёлтая подводная лодка».

Страница в информационном депозитарии УПШ:

<http://mv74.ru/upsh/nina-aleksandrova.html>

Аргутина Ирина Марковна родилась в 1963 г. в Челябинске. Окончила Челябинский государственный университет. Работает инженером. Автор поэтических сборников: «Свободные скитальцы» (1999), «Время поить пески» (2001), «Линия перемены дат» (2001), «Настоящие птицы» (2006), «Четыре степени свободы» (2008), «Избранное» (2009), «На честном слове» (2012), «Поэтический календарь» (2013), «Говори, обожжённая глина» (2016). Член Союза писателей России. Член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель». Лауреат Южно-Уральской литературной премии (2013), Международного поэтического конкурса «Пушкинская лира» (Нью-Йорк, 2004), литературного конкурса им. К. Нефедьева и др. Награждена памятной медалью Года литературы в Российской Федерации «За особый вклад в книжное дело», 2016. Публиковалась в литературных газетах, журналах и альманахах России, Германии и США, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Участница АСУП-2, 3. Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Первый по времени и силе воздействия – Маяковский, поразивший силой и свободой стиха, невероятными образами и метафорами. Это произошло ещё в среднем школьном возрасте, с современной поэзией я в ту пору вообще не была знакома. Не знаю, его ли влияние – я очень долго писала в классической ритмике, но в последние годы потянуло к свободе. Бродского узнала очень поздно и всерьёз начала читать в 2000-х – после того, как кто-то усмотрел в моих стихах его «влияние», которого ещё не могло быть. Сначала не приняла – показалось, что холоден. Потом вчиталась – и он стал моим открытием, даже, пожалуй, поздней любовью.

2. В 12 или 13 лет прочитала «Униженные и оскорблённые». По идее, не должна была понять и половины, но тронута была до глубины души. В 17 лет потряс роман «Сними обувь твою» Э. Л. Войнич – вещь, написанная через полвека после «Овода», мучительная, нежная, мудрая, мужественная трагедия. Перечитывала его в разные, в том числе и тяжёлые, годы и с ним училась «широко смотреть на вещи». В более позднем возрасте потрясений не было, но есть книги, которые приятны эмоционально («Вино из одуванчиков» Брэдбери), интонационно («Весёлые похороны» Улицкой) или интеллектуально («Преподаватель симметрии» Битова).

3. Из художников самые любимые – Гоген, Клод Моне, ранний Пикассо и Караваджо. Люблю Ван Гога, трепещу перед Босхом. Из русских – Крамской (но не «Незнакомка») и Серов.

4. Шопен! Паганини, Бетховен. Рахманинов!! Гершвин!!! Итальянская опера – Россини, Беллини, Пуччини, Верди... (Но симфоническую и инструментальную классику люблю больше, чем голос.) А ещё люблю Эдит Пиаф. И Фрэнка Синатру. И музыку Мишеля Леграна. И ещё... Вообще – музыку люблю страстно, пожалуй, больше поэзии.

5. Не люблю смотреть кино и почти его не знаю. Впрочем, есть один фильм, который я ценю и считаю сродни поэзии: почти нет сюжета, изумительная музыка, мало слов, много образов и дождя – и «дворники» по стеклу... «Три тополя на Плющихе».

Прямая речь

«Мне кажется, что читатель ищет в поэзии себя, но себя – лучшего. Себя такого, чтобы получить от этого внутреннее трепетание, отклик “вот да, да, я тоже так подумал, только вот не сказал; я вот тоже такое переживал, только не сказал, да, это про меня!”» (Из фильма-интервью «Мойте руки перед обетом»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/irina-argutina.html>

Балабан Вадим Анатольевич родился в 1978 г. в Троицке Челябинской области. Учился в Троицком колледже гражданской авиации, позже поступил в Курганский государственный университет, но не окончил его. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Зинзивер», «Гвидеон», «Василиск», «Плавучий мост», «Вещь», «Белый ворон», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», «Новая реальность», «Южное сияние» и др. Автор сборников стихов «Памятник» (2010), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Нулевая Палата» (2015). Участник АСУП-3, проекта «ГУЛ» и сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016». Живёт в Троицке.

Культурная история поэта

1. Фёдор Тютчев, Николай Некрасов, Борис Пастернак, Семён Липкин, Иосиф Бродский, Алексей Парщиков, Олег Юрьев, Виталий Кальпиди, Андрей Санников, Евгений Туренко. Редьярд Киплинг, Федерико Гарсиа Лорка.

2. «Бесы» и «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, «Война и мир» Л. Толстого, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса, «Тибетская книга мёртвых».

3. Джованни Беллини, Ян ван Эйк, Питер Брейгель, Франсиско Гойя, Жан-Франсуа Милле, Анри Руссо, Поль Сезанн, Пабло Пикассо, Илья Репин, Василий Кандинский, Сальвадор Дали.

4. Фолк, рок.

5. «Служили два товарища» Евгения Карелова, «Солярис» и «Андрей Рублёв» Андрея Тарковского, «Чужие» Джеймса Кэмерона, «Слёзы капали» и «Кин-дза-дза!» Георгия Данелия, «Мой друг Иван Лапшин» и «Трудно быть богом» Алексея Германа.

Прямая речь

«Когда я пишу, я чувствую, что я живу. Это такой стимулятор для жизни». (Из фильма-интервью «Грузчик пыли»)

Страница в информационном депозитарии УПШ:

<http://mv74.ru/upsh/vadim-balaban.html>

Бахарев-Чернёнок (псевдоним, настоящая фамилия Бахарев) Антон Павлович родился в 1980 г. в городе Губаха Пермской области. Учился на филологическом факультете Таганрогского пединститута. Публиковался в журналах «Знамя», «День и ночь», «Введенская сторона», «Вещь». Автор книг «Живи сюда» (2011), «Рилика» (2013), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Квантовая пена» (2018). Победитель Международного фестиваля поэзии «Синани-Фест» (2009, Ялта), финалист пермской краевой литературной премии им. А. Решетова (2011, 2013), лауреат премии «Иная речь» (2012), лауреат премии Nova фестиваля «СловоNova» (2013), лауреат премии им. А. Решетова (2015, Березники). Участник АСУП-3, проекта «ГУЛ». Живёт в Перми.

Культурная история поэта

1. Поэты в разные годы: Рубцов (но больше в виде песен от пермского маэстро Евгения Матвеева), почти совсем неизвестный современный московский поэт Костя Кроитор, Алексей Решетов, Борис Рыжий, Бродский. Последний, говорят, сильно повлиял на стиль недавних стихотворений, но мне даже лестно такое сравнение.

2. Сильнейшие впечатления детства: «Избушка на Вишере» Юрия Ковалева, «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна», «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко, «Лето Господне» Ивана Шмелёва и «Территория» Олега Куваева.

3. Боготворить никого не получалось, но – глядя на работы Дали – всегда жалел, что бросил художественную школу, потому что был уверен, что смог бы не хуже.

4. Классическая музыка прошла мимо (или я прошёл мимо неё). С юности очень нравилась песня «Аве Мария», настолько нравилась, что Вселенная году вроде бы в 2009 подарила встречу и даже совместное поедание еды с Робертино Лоретти, который, впрочем, небезосновательно называл себя Биг Роберт.

5. «Потрясих» – странное слово, но вот буквально только что меня действительно потряс фильм «Аннигиляция».

Обожаю и регулярно пересматриваю «Кин-дза-дза». Ещё из новых (может быть, это будет не так надолго, как с шедевром Данелии) – «Интерстеллар», «Господин Никто», джармушевский «Мертвец» (хотя это, пожалуй, классика) и «Джанго освобождённый».

Прямая речь

«В деревне Бахари есть старый дом, где родился отец, и новый дом, который отец построил. Старому дому больше ста лет, но он вполне жилой. Мы там хотим сделать музей деревенского быта. Это белёный изнутри дом, с русской печью. Печь стоит на чурках, на опорах. И как-то задумали мы с отцом их поменять. Ползали в подполье, скрючившись, с фонарями. И в слое земли откопали соску! Отец её узнал. Это была его полувековая соска. А ещё нашли четырёхгранный штык на винтовку. И тут даже как-то всё философски складывается: земля и предметы в ней слоями идут – светлое и не очень светлое. Штыком этим наверняка кого-то кололи, а уже через пять сантиметров вверх – соска, детство, дети. Штык теперь мы храним как раритетный артефакт, на камине, а

соска — не знаю, куда делась». (Из интервью порталу 59.ru, 3 февраля 2016)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/anton-baxarev.html>

Баянгулова Елена Фёдоровна родилась в 1985 г. в Нижнем Тагиле. Училась в Ленинградском государственном университете им. Пушкина на факультете психологии, в Московском институте экономики и права. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Урал-Транзит», «Дети Ра», «Воздух»; в интернет-изданиях «Мегалит», «Знаки» и др. Автор книг стихов «Треугольный остров: неправильные столбцы и другие тексты» (2006), «Слова как органические соединения» (2014). Автор детской пьесы «Game over». Стихи входили в лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2009), лонг-лист премии «Дебют» (2010) в номинации «Поэзия», шорт-лист премии «ЛитератуРРентген» (2010). Участница АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Довольно сложно выбрать. Думаю, на меня, как и на других, влияет всё когда-либо прочитанное, увиденное, услышанное, испробованное на вкус. Помню, первым прочитанным современным поэтом была Татьяна Титова, её книгу я купила у Евгения Туренко в свой первый визит в его литературную студию. Купила, прочитала, ничего не поняла, но процесс чтения был запущен и продолжается по сей день. Понимания и ясности со временем прибавилось, только теперь это скорее мешает.

2. В детстве не было интереса к чтению. До 14 лет я прочла единственную книгу минуя школьную программу (т. е. сама прочла, без принуждения) – «Денискины рассказы» Виктора Драгунского.

В 14 начала изучение домашней библиотеки. Самым эмоционально насыщенным было время, когда я одновременно и впервые познакомилась с тремя авторами: Маркес, Павич, Борхес – вот это было настоящее читательское и духовное откровение. Мой читательский вкус и предпочтения плохо поддаются систематизации, иерархии и постоянно меняются, поэтому на данный момент два самых близких мне романа – это «Ложится мгла на старые ступени» Александра Чудакова и «Оставь надежду навсегда» Ирины Одоевцевой.

3. Как-то на работе (работаю в банковской сфере), я задала этот вопрос своему руководителю и получила ответ после минутной паузы: «Я просто люблю живопись...» Мне кажется, что это – верный ответ, разве что можно продолжить список другими жанрами, например, фотографией. Сейчас особенно эстетически мне близки Лени Рифеншталь, Поль Химмель, Лилян Бассман, Роберт Мэплторп.

4. Музыка в моей жизни – это категория сиюминутная, как и кино. Поэтому логично будет перечислить то, что слушаю в данный момент. Музыка из моего плеера: Philip Glass – Symphony № 8, John Surman, Benjamin Clementine, Nicolas Jaar, а так же курс лекций проекта Arzamas о Серебряном веке.

5. Есть два фильма, потрясших меня, точнее, они не просто стали потрясением, а нанесли неизлечимую психологическую травму: «Мученицы», режиссёр Паскаль Ложье и «Дорога», режиссёр Джон Хиллкоут.

О фильмах говорить сложно, теперь их заменили сериалы. Самые значимые для меня за последнее время (в этом я не оригинальна) – это «Молодой папа», «Мир Дикого Запада», «Вавилон – Берлин».

Прямая речь

«Стихи и первые попытки прозы у меня состоялись ещё в училище. Я писала реферат по тагильским поэтам, это подтолкнуло, т. е. сначала появилось просто желание писать, но ничего не получалось, ни слова, ни строчки не удавалось выдать. Постепенно стали появляться первые тексты, а на момент, когда стихи пошли сами, возникло ощущение собственной конгенитальности. И тут я попала в студию к Евгению Владимировичу Туренко, где все иллюзии по поводу себя в современной литературе мне быстро, грубо, без лишних сантиментов развеяли. В студии я осталась, стихи затянули, появилось что-то в них такое – своё, и в какой-то момент я поняла: поэзия меня будто выдернула из той, предыдущей жизни. Я в один момент осознала, что до этого «прихода» я точно и наперёд знала свое будущее, строя планы, и была на 150 % в них уверена, а теперь, теперь я живу так, как будто завтра умру. Это дало свободу менять себя и жизнь». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ:

<http://mv74.ru/upsh/elena-bayangulova.html>

Болтачева Надежда Станиславовна родилась в 1966 г. в Краснотурьинске Свердловской области. Окончила Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова. Работает научным сотрудником в Институте органического синтеза имени И. Я. Постовского УрО РАН. Кандидат химических наук. Автор поэтического сборника «Замысел» (2017). Публиковалась в альманахах «Поэтический марафон» (2012–2017), «Арзамасская сторона» (2013), в журнале «Урал» (2017), в коллективных сборниках. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Люблю стихи О. Мандельштама, Ф. Тютчева, И. Анненского, А. Блока, Н. Заболоцкого, А. Тарковского, И. Бродского, А. Кушнера, Ю. Казакина и др.
2. Проза А. Пушкина, П. Бажова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Чехова, М. Булгакова, М. Шолохова, А. Солженицына, Д. Рубиной.
3. М. Айвазовский, С. Дали, И. Шишкин, И. Крамской и др.
4. Моцарт, Бах, Бетховен, Перголези, Чайковский и др. Люблю рок-баллады: Manowar, Scorpions, Depeche Mode, Queen...
5. Люблю старые советские фильмы, исторические фильмы. Из современных фильмов – «Мастер и Маргарита», «Назад в будущее» и др. Не смотрю сериалы.

Борисов Сергей Борисович родился в 1963 г. в городе Шадринск Курганской области. Окончил философский факультет Уральского государственного университета, кандидат философских наук, доктор культурологии. Член Союза российских писателей, председатель Шадринского общества краеведов. Ведущий научный сотрудник кафедры философии и социальных коммуникаций Шадринского государственного

педагогического университета. Автор книги «Мир русского девичества» (2002); сборника «Рукописный девичий рассказ» (2004), составитель 23 выпусков краеведческого альманаха «Шадринская старина» (1993–2015), составитель трёхтомной «Шадринской энциклопедии» (2013), однотомной «Уральской художественной энциклопедии» (2016), трёхтомного «Энциклопедического словаря российской повседневности XX века» (2016). Лауреат Уральской краеведческой премии им. В. П. Бирюкова (1994, 2014); лауреат Губернаторской премии в области науки (1998, 2011). За издание двухтомного «Энциклопедического словаря русского детства» (2008) награждён Международной литературной премией им. В. П. Крапивина. Автор стихотворной подборки «Уральские палимпсесты» в журнале «Урал» (2010). Публиковался в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Участник АСУП-3. Живёт в Шадринске.

Культурная история поэта

1. Игорь Северянин (эмоционально, лексически, тематически), Владимир Высоцкий (лично, эмоционально, сюжетно), Александр Пушкин (лично, лексически), Владимир Маяковский (лично, техника стиха), Илья Сельвинский, Семён Кирсанов (техника стиха), Даниил Хармс (лично, лексико-семантически).

2. «Три мушкетёра» А. Дюма; «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого; «Мальчик Одуванчик и три ключика» Александра Шарова, «Молодая гвардия» Александра Фадеева, «Мальчик со шпагой» Владислава Крапивина, «Конduit и Швамбрания» Льва Кассиля, «Понедельник начинается в субботу» и «За миллиард лет до конца света» Аркадия и Бориса Стругацких, «Трава забвения» Валентина Катаева, «Человек с пятью “нет”», или Исповедь простодушного» Вадима Шефнера.

3. Зинаида Серебрякова, Алексей Харламов, Ян Вермеер, Юрий Пименов, Александр Дейнека, Аркадий Пластов.

4. Дж. Россини «Севильский цирюльник»; музыка к кинофильмам русских композиторов-песенников советского периода – Бориса Мокроусова («Весна на Заречной улице»), Юрия Бирюкова («Тишина за Рогожской заставой»), Кирилла Молчанова («От людей на деревне не спрятаться», «Сердце, молчи»); музыка ансамблей «Абба» и «Бони-М»; музыка групп «Наутилус Помпилиус» и «Агата Кристи» 1980-х гг.

5. Мультфильм «Пони бегаёт по кругу», фильмы «Строгий юноша» (1935), «До свидания, мальчики», «На семи ветрах», «Римские каникулы». Не потрясшие, но многократно пересматривавшиеся: «Отпуск за свой счёт», «Высокий блондин в чёрном ботинке», «В джазе только девушки», «Брат», «Матрица», «Бандитский Петербург. Адвокат», «Мужчины не плачут».

Прямая речь

«Мои стихотворные произведения – это не лирическая исповедь, а итог довольно длительного индивидуального интеллектуального развития. Человек, который в конце XX века ответственно берётся писать стихи, не имеет права уповать на искренность своих чувств и знакомство с элементарной поэтической техникой. Он должен понимать культурно-исторический контекст художественного творчества, хорошо представлять себе громадность того, что уже сделано в литературе десятками и

сотнями авторов». (Из интервью газете «Учитель» Шадринского государственного педагогического института, 2003, № 5–6)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/sergej-borisovich-borisov.html>

Братья Бажовы и сестра их Варвара – см. стр. 8 этого издания.

Будницкий Илья Евсеевич родился в 1960 г. в городе Среднеуральск Свердловской области. В 1983 году окончил Уральский политехнический институт по специальности «инженер-теплотехник». Автор нескольких сборников стихотворений: «Сотворение», «Дыхание Дней», «Прекрасная Елена», «Верхний Ис», «Кундалини», романа в сонетах «Тезей» и других. Публиковался в журналах и сетевых изданиях «Волга», «Белый Ворон», «Новый Берег», «Вечерний Гондольер», «Витражи» и многих других. Лауреат премии «Серебряный Век» (2010). Член редакционной коллегии издательства «Водолей» (Москва), принимал участие в выпусках наследия малоизвестных поэтов Серебряного века. Занимается строительным бизнесом. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Поэты, у которых учился в юности, – Мандельштам, Верлен, Тарковский; затем Бродский, учился у него «длинному дыханию».

2. Образная система сформирована изначально большей частью «Мифами Древней Греции».

Из прозы – Маркес «Сто лет одиночества», Борхес, Борис Виан, Булгаков, Стругацкие и многие другие.

3. Из художников люблю Коро, Констебля, Дали, Гойю, Пивоварова, классическую живопись, «Малых голландцев», Рембрандта.

4. Из музыки – Равель, Сати, Бах, органная музыка, люневая музыка, из современной – хороший блюз/джаз, Битлз, «Дивайн Комеди», хороший вокал, «Бахиану».

5. Из фильмов «Сказка странствий», «День сурка», «Иствикские ведьмы», «Король-олень», «Человек дождя», «Форест Гамп» и мн. др.

Ваулина Анастасия Александровна родилась в 1989 г. в Свердловске. В 2011 окончила факультет журналистики УрФУ. Журналист, редактор, специалист в области SMM. В 2014 г. стала лауреатом поэтической премии «Красными буквами» (3-е место). Публиковалась в журналах «Урал», «Новая реальность», альманахах «ЛикБез», «Красными буквами», антологии современной поэзии «Екатеринбург 20:30» (2013 г.). Участница поэтических встреч и фестивалей в Екатеринбурге, Каменске-Уральском, Челябинске, Тюмени, Перми. В 2016 совместно с поэтом Ярославом Широковой организовала поэтический проект «Не с глаголом», который совмещает поэзию с визуальными формами искусства. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. «Мастерская стиха» – так назывался школьный курс, на котором мы изучали поэтические формы и пробовали подражать им. От элегического дистиха, хокку, рубаи до сонетов и рондо. Именно тогда состоялась проба пера и знакомство с Басё, Хайямом, Петраркой... Это был важный

опыт работы с формой, который позволил научиться складывать слова в строки. Что касается содержания и манеры письма, сложно выделить поэтов, которые оказали на меня большое влияние. Почти никогда не писала с внутренними отсылками к чьему-то творчеству. Тем не менее, могу назвать поэтов, чьи тексты с достаточной периодичностью вспоминаются в моменты творчества. В первую очередь, это мой поэтический наставник Юрий Казарин, а во вторую – поэты моего круга: Артём Носков, Владислав Семенцук, Ярослава Широкова, Екатерина Симонова, Руслан Комадей и др.

2. Всегда читала много и всё подряд, часто, прочитав, забывала напрочь. Среди произведений, которые не забывались и перечитывались по несколько раз – сказы Бажова, Булгаков «Мастер и Маргарита», Замятин «Мы», Кизи «Над кукушкиным гнездом», Пелевин «Generation П», Стругацкие «Пикник на обочине», Толстая «Кысь».

3. В изобразительном искусстве мне ближе авангардизм, абстракционизм, поп-арт. Любопытны неожиданные эксперименты современных художников.

4. Если поэтов, оказавших влияние на моё творчество, назвать сложно, то музыкантов – хоть отбавляй. Особое место среди них занимают Егор Летов («Гражданская оборона») и Илья Кормильцев («Наутилус Помпилиус») – и даже в большей степени как поэты, а не как музыканты. В целом же я выросла на русском роке (но все ещё не выросла из него), люблю музыку многих британских рок-музыкантов.

5. Для меня кино – это способ побывать в другой реальности и отдохнуть от этой. Поэтому любая качественная фантастика и антиутопия смело займёт место в списке любимых фильмов. Например, «Начало», «Интерстеллар», «Искусственный разум».

Гранте Янис Илмарович (псевдоним) родился в 1968 г. во Владивостоке. В связи с военной службой отца жил в Советской Гавани, Ленинграде, Кирове. Учился в Киевском государственном университете на историческом факультете. Служил срочную службу на большом десантном корабле Северного флота. После демобилизации остался в Заполярье и работал на торговых и рыболовецких судах, буксирах, приписанных к Мурманску и Архангельску. С 2002 года проживает в Челябинске. Публиковался в журналах «Знамя», «Волга», «Урал», «Крещатик», «День и ночь», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и др. Лауреат Большой независимой поэтической премии «П» (2008). С 2010 по 2015 годы руководил поэтической секцией литературного объединения ЧТЗ имени Михаила Львова. Автор стихотворных книг «Мужчина репродуктивного возраста» (2007), «Бумень. Кажницы. Номага» (2012), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Конъюнктивит» (2015), автор книги детских стихов «Стихи на вырост» (совместно с Дмитрием Сиротиним, 2011). Стихи и проза переведены на латышский язык. Участник АСУП-3, сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016», проектов «ГУЛ» и «Жестикауляция». Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Самое невероятное впечатление на меня (как на читателя) произвели Марина Цветаева, Владимир Маяковский, Олег Григорьев, Ярослав

Могутин. Влияние на стиль, манеру, темы, образы и сюжеты оказывают Даниил Хармс, Всеволод Некрасов, Олег Григорьев, Дмитрий Александрович Пригов, Аркадий Штыпель, Бахыт Кенжеев, Виталий Кальпиди, Ярослав Могутин, Валерий Нугатов.

2. Становление. Вероятно, речь идёт о детстве и подростковом возрасте, когда и не думаешь, что у тебя период формирования личности. Я не заметил, что книги меня воспитывали. Книги меня увлекали. Вот эти точно помню: «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлёф, «Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо...» Даниэля Дефо, «Каштанка» Антона Чехова. Подростком я любил военную прозу: Василь Быков, Константин Воробьёв, Борис Васильев, Григорий Бакланов. Если говорить о потрясениях во взрослой жизни, то это роман Романа Гари «Обещание на рассвете».

3. Я не боготворю, но восхищаюсь Рокуэллом Кентом, его чёрно-белыми гравюрами на дереве, литографиями и рисунками, исполненными тушью. Скупые пейзажи и обезличенные люди на этих работах вдохновляют меня. «Человек у мачты» – шедевр. Помню, как увидел в перестроенном «Огоньке» «морды» Олега Целкова. Невероятные картины! Из того же «Огонька» вырезал всего Петрова-Водкина и Дейнеку, за что получил ошеломительный нагоняй от отца.

4. Я люблю тишину. Ещё есть постыдное для поэта признание: меня воротит от джаза.

5. В 16 лет – «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?», в 40 лет – «Монстр» (с Шарлиз Терон). А ещё меня поразил Евгений Леонов в фильме «Старший брат» и Том Круз в фильме «Магнолия» (оказывается, он умеет не просто блуждать по экрану с открытым ртом, но и чертовски достоверно изображает отчаяние, растерянность, страх...)

Прямая речь

«Читатель в стихах ищет в стихах узнавание себя; ищет ответ на своё личное состояние, описанное такими словами, которые, он, может быть, искал, но найти не смог. Либо ищет новый опыт какой-то: «А я бы так не подумал, а я бы до такого не дошёл...» (Из фильма-интервью «Сверкая искоркой бесстыдства»).

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/yanis-grants.html>

Гришаева Екатерина Ивановна родилась в Нижнем Тагиле в 1985 г. Окончила философский факультет Уральского государственного университета. С 2008 по 2011 занималась в литературном клубе «Капитан ЛебядкинЪ». Публиковалась в журнале «Урал» и на литературном портале «Середина мира». Периодически преподаёт в европейских вузах. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Илья Зданевич.
2. Нет таких.
3. Нет таких.
4. Нет таких.
5. Нет таких.

Джабарова Егана Яшар кзы родилась в 1992 г. в Екатеринбурге. Окончила магистратуру филологического факультета УрГУ. Аспирант. Кандидатская диссертация посвящена прозе Марины Цветаевой. Преполагает русский как иностранный. Ориенталист по происхождению и убеждению. Публиковалась в журналах «Вещь», «Гвидеон», «Новая реальность», «Ликбез», «Артикль», «Урал», «Новая Юность», «Новый мир», «Плавучий мост». Публиковалась в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», в антологии молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат» (2016). Шорт-лист в номинации «Поэзия», лонг-лист в номинации «Проза» Международной Волошинской премии – 2016. Лауреат премии «Поэтический дебют» журнала «Новая Юность» (2016). Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2017). Автор поэтических книг «Босфор» (2015) и «Поэма Ромберга» (2017). Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Низами Гянджеви, Джан Юджель, Робиан Балхи, Марина Цветаева, Лида Юсупова, Евгения Риц, Ксения Чарыева, Борис Поплавский, Леонид Губанов, Олег Чухонцев, Бахыт Кенжеев, Виктор Соснора, Евгений Туренко, Аркадий Застырец, Майя Никулина.

2. Том Риис «Ориенталист», Курбан Саид «Али и Нино», Орхан Памук «Стамбул. Город воспоминаний» / «Новая жизнь» / «Мои странные мысли» / «Музей невинности» / «Снег», Эдвард Саид «Ориентализм», Э. Шмитт «Мсье Ибрагим и цветы Корана».

3. Айвазовский, Фрида Кало.

4. Фредерик Шопен, Антонио Вивальди, Бах, Франц Шуберт. Классическая музыка, опера (Мария Каллас), этническая музыка (Selim Sesler).

5. Фатих Акин «На краю рая» / «Головой об стену»; Джафар Панахи «Белый шар» / «Такси» / «Это не фильм», Дениз Эргювен «Мустанг», Нури Бильге Джейлан «Отчуждение» / «Времена года» / «Зимняя спячка» / «Три обезьяны», Бергман «Персона», Тарковский «Сталкер», Фео Аладаг «Чужая / Die Fremde».

6. Фотография: Ара Гюлер, Нури Бильге Джейлан.

Страница в информационном депозитариум УПШ

<http://mv74.ru/upsh/egana-dzhabbarova.html>

Долгановских Юлия Викторовна родилась в 1975 году в Свердловске. Окончила Уральскую академию государственной службы по специальности «государственное и муниципальное управление» и Уральский государственный университет им. А. М. Горького по специальности «психология». Автор книги стихотворений «Латынь, латынь и катехизис» (2016). Стихи публиковались в журналах «Белый ворон» (Екатеринбург), «Южное сияние» (Одесса), «Новая реальность», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», поэтическом сборнике «7 поэтов Екатеринбурга», литературном альманахе «Вещество». Лауреат поэтической премии «Провинция у моря» (Одесса, 2015 г., 2016 г.), бронзовый призёр «Кубка Мира по русской поэзии» (Рига, 2016 г., 2017 г.), победитель фестиваля-конкурса «Решетовские встречи» (2017). Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. У. Б. Йейтс, З. Херберт, У. Уитмен, Э. Дикинсон, У. Х. Оден, В. Ходасевич, Г. Иванов, Н. Заболоцкий, И. Бродский, Л. Лосев, Б. Кенжеев.
2. Д. Стейнбек «На восток от Эдема», «Гроздь гнева», Д. Голсуорси «Сага о Форсайтах», Милан Кундера «Вальс на прощание», И. Бунин «Жизнь Арсеньева», Л. Толстой «Война и мир».
3. Сальвадор Дали, Винсент Ван Гог, Анри Матисс, Василий Кандинский, Питер Брейгель (младший).
4. Г. Холст, симфоническая сюита «Планеты», Г. Малер, И. С. Бах.
5. «Список Шиндлера» (С. Спилберг), «Общество мёртвых поэтов» (П. Уир), «Человек дождя» (Б. Левинсон), «Форрест Гамп» (Р. Земекис), «Крупная рыба» (Т. Бертон).

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/yuliya-dolganovskix.html>

Домрачева Инна Борисовна родилась в 1977 г. в Екатеринбурге. Окончила Уральский государственный университет. Работала журналистом. Резидент товарищества «Сибирский тракт». Публиковалась в журналах «Урал», «Волга», «Сибирские огни», «День и ночь», «Новая реальность», «Белый ворон», в антологии «Лучшие стихи 2011 г.», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книг «Обечайка» (2016) и «Лёгкие» (2016). Участник АСУП-3. Воспитывает сына. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. В числе сформировавших меня поэтов назову, пожалуй, Николая Глазкова, Олега Григорьева, Дениса Новикова, Иннокентия Анненского, Арсения Тарковского, Генриха Сапгира, Александра Ерёменко и Алексея Парщикова. Тут целесообразно остановиться, поскольку список можно продолжать бесконечно.
2. Из прозы стоит назвать «Отель “У Погибшего Альпиниста”» братьев Стругацких, поразительное переложение библейской притчи, «Жизнь без сна (Дельфины и психи)» Владимира Высоцкого и «Пушки острова Наварон» Алистера Маклина.
3. Художники – Рене Магритт, Лукас Крапах-старший, Нико Пиросмани.
4. Из композиторов – Пётр Ильич Чайковский, хотя топовую десятку моих предпочтений составляет русская рок-музыка.
5. «После дождичка, в четверг...» Юзовского, «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс!» Осимы, «Интимный дневник» Гринюэ.

Прямая речь

«Я принадлежу к поколению, жадному до печатного слова, к поколению, которое читало классиков уже потому, что библиотечную книгу всё равно придется отдать после прочтения, а подписные издания дома есть всегда. Книга присваивала нас, а мы далеко не всегда могли присвоить книгу». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/inna-domracheva.html>

Дулепов Вадим Юрьевич родился в 1964 г. в городе Нижняя Тура Свердловской области. В 1981 по 1999 гг. служил в Вооружённых Силах. Окончил Львовское военно-политическое училище (1985), с 1986 по 1988 гг. служил в Афганистане в звании лейтенанта (позже – старшего лейтенанта), в 108-й мотострелковой дивизии в должности корреспондента и организатора дивизионной газеты, участвовал в боевых операциях, награждён орденом Красной Звезды. В январе 1995 г. находился в служебной командировке в Чечне, в городе Грозный. Работал журналистом, редактором (координатором) издательских проектов и периодических изданий. Член Союза журналистов СССР – России (1989). Член Союза писателей России (1995), член Правления Екатеринбургского отделения Союза писателей России (с 2007), ответственный секретарь ЕО СПР (с 2011), руководитель оргкомитета Всероссийской литературной премии имени П. П. Бажова (с 2010). Стихи публикует с 1985 г. Постоянный автор журнала «Урал». Участник многих антологий, выходящих в свет на Урале, в Москве, Сибири, публиковался в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Книги стихотворений «Запомнить, чтобы забыть» (2000), «Дом на холме» (2007), «Зимние песни пешеходов» (2010), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014). Участник АСУП-3 и проекта «ГУЛ». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Ситуативно. Читать и писать следует каждый день. Вопрос гигиены души и мозга.
2. См. п. 1. Почему про философов или экономистов, или литературоведов, историков, лингвистов и т. д. нет вопроса? Вот я математику люблю ещё.
3. См. п. 1 и 2.
4. См. п. 1, 2 и 3.
5. См. п. 1, 2, 3 и 4.

Прямая речь

«В восемьдесят шестом – с казённым грузом в сто килограммов, почти без оружия и без надежды на попутку я стоял один на пустынной дороге в афганской провинции Кундуз. Справа за горы, остывая, садилось отдельное, алое, огромное, кинематографически избыточное солнце. Слева на рисовые поля плыла валился мгновенный, жирный, жаркий июньский мрак. До ближайшего блокпоста было километров тридцать».
(Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая речь»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vadim-dulepov.html>

Григорий Егоркин (псевдоним, настоящее имя Григорьев Геннадий Геннадьевич) родился 22 ноября 1963 г. в Омской области.

Публиковался в журналах «Урал», «Перемены», «Нева», «Уральская новь», «Реплика», «Москва», «Ковчег», «Нижний Новгород», «Наша улица», «Уральский следопыт»; в интернет-журналах «Русская жизнь», «Постскрипум» и «Процесс»; в литературном интернет-альманахе «Стражник» (2016); в альманахах «Южный Урал», «Русское поле», «Семь искусств», «Лебедь» (США, 2014), а также в сборниках «Русский автобан» (Германия, 2013), «Ничего душе не надо...» (Санкт-Петербург, 2015) и «Я – изранен-

ная земля» (Москва, 2017). Автор прозаических и поэтических сборников «Не обращайтесь клятв своих», «Тарагарщина», «Страна Зеро».

Имеет медаль Фонда имени Виктора Розова «За вклад в отечественную культуру». Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Интерес к поэтическому слову появлялся, следуя канонам школьной программы: Некрасов, Блок, Маяковский, Есенин... Не понимаю, как Пушкин «за бортом» оставался. Позже открыл для себя стихи Пастернака, Шаламова, Симонова... Не слишком давно был просто оглушён Бродским.

2. В прозе для меня маячок – Шолохов. Пытался даже подражать, не выходит почему-то. А когда на душе пасмурно, муторно, беспокойно, то беру четырёхтомник Шукшина, получаю заряд жизнелюбия. Забыл упомянуть Владимира Орлова с его «Альтистом Даниловым», он так в своё время очаровал, ухватил за «фибры души», что чувство это не проходит и спустя годы.

3. В живописи разбираюсь слабо. Но если бы имел возможность коллекционировать картины, то остановился бы на Валентине Серове и Петрове-Водкине.

4. В классической музыке тоже консерватор: Чайковский и Прокофьев.

Ерофеев Александр Вячеславович родился в 1960 г. в Магнитогорске. После школы учился в Магнитогорском педагогическом институте на факультете русского языка и литературы (3 курса) и на художественно-графическом факультете (4 курса). Работал столяром, монтировщиком декораций, актёром вспомогательного состава Магнитогорского театра куклы и актёра «Буратино», корреспондентом газеты «Магнитстрой», заведующим филиалом Центральной библиотеки строителей, контролёром теплотехнической лаборатории Магнитогорского металлургического комбината, мастером производственного обучения мастерской стеклографии МГПИ. Автор восьми книг стихов, малой прозы и переводов: «По тёмной воде» (1997), «Под знаком Водолея» (2003), «Холодный чай и зимнее окно» (2006), «Межсезонье» (2014), «Безжалостная книга любви» (2015), «Человек времён империи» (2016), «Из разных авторов и лет» (2017), «Глаголы несовершенного вида» (2018). Член Союза российских писателей с 1997 г. Публиковался в газетах, литературных журналах и альманахах. Участник АСУП-2. Живёт в Магнитогорске.

Культурная история поэта

1. Знакомство с поэзией началось в подростковом «влюбчивом» возрасте со стихов Иннокентия Анненского. Затем буквально запоём было прочитано то, что нашлось в библиотеке отца: Мандельштам, Цветаева, Рильке, Бодлер. Уже после института открыл для себя современную поэзию. Среди оказавших наиболее сильное впечатление, а возможно, и влияние – Олег Чухонцев, Виктор Соснора, Иван Жданов, Бахыт Кенжеев.

2. Всегда читал много и разное. Но по-настоящему взволновали и потрясли только три вещи – «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Варавва» Пера Лагерквиста и «Голод» Кнута Гамсуна. Перечитывал эти книги несколько раз и пока не разочаровался: есть в этой прозе нечто, что открывается по-новому при всяком прочтении.

3. Безусловная любовь – Винсент Ван Гог. Из русских художников – Николай Ге, Илья Репин, Архип Куинджи. Из современных – Джорджо Моранди, Олег Целков, Оскар Рабин.

4. Классическая музыка – Григ, Вивальди, Чайковский, Бах, Моцарт. Рок – «Beatles», «Rolling Stones», «Creedence Clearwater Revival», «Queen». Современная классика – Астор Пьяцолла, Софья Губайдулина, Сергей Курёхин. Авторская песня – Юрий Визбор, Александр Галич, Андрей Козловский, Антон Духовской.

5. Среди русских кинематографистов первый, безусловно, Андрей Тарковский. Люблю фильмы Юрия Мамина, Николая Достала, ранние фильмы («Пять вечеров», «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Несколько дней из жизни Обломова») Никиты Михалкова. Большое впечатление в своё время произвели фильмы Питера Гринуэя «Нумерация утопленников», «Повар, Вор, его Жена и её Любовник», «Живот архитектора» и другие.

Прямая речь

«Голова всё время должна работать. Разговоры же о вдохновении, на мой взгляд, – это удел тех, кто впервые приходит в литературное объединение. Вот как пишется стихотворение? Появляется какая-то идея, импульс, а потом начинается работа со словом. И она может длиться очень долго... Хотя это, наверное, приходит не сразу. Как и понимание того, чем сборник отличается от книги». (Из интервью газете «Магнитогорский рабочий», 24.09.2015)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/aleksandr-erofeev.html>

Журавлёва Анастасия (псевдоним) родилась в 1979 г. в Нижнем Тагиле. Окончила Нижнетагильский государственный педагогический институт по специальности «учитель истории и иностранного языка».

Стипендиат Министерства культуры РФ (2009); Министерства культуры Свердловской области (2011). Член Союза писателей Москвы с 2011 года. Публикации в журналах «Арион», «Волга», «Урал», «Кольцо “А”», «Новая реальность», «Белый ворон», «Студенческий меридиан»; в сборнике «Новые имена в поэзии» (2011), в «Каталоге лучших произведений молодых писателей» (2011), в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Живёт в Нижнем Тагиле.

Культурная история поэта

1. Из поэтов Серебряного века – Александр Блок, ранний Маяковский, Велимир Хлебников. Так получилось, что они в равной степени повлияли на меня-читателя – на меня-автора. Был в моей жизни ученический период, когда я поочередно писала то под Блока, то под Хлебникова; к счастью, ни один из этих текстов не сохранился; но этот период был очень важен в плане поиска собственного голоса.

Из современных поэтов мне наиболее близки Сергей Шестаков, Олег Юрьев, Юрий Казарин, Линор Горалик, Ната Сучкова.

2. М. Цветаева «Повесть о Сонечке», Вл. Набоков «Машенька», «Защита Лужина»; Саша Соколов «Школа для дураков», Л. Кэрролл «Алиса в стране чудес», Дж. Селинджер «Над пропастью во ржи», Г. Белль

«Глазами клоуна», Дж. Апдайк «Кентавр», Л. Арагон «Гибель всерьёз», В. Вулф «Миссис Дэллоуэй».

3. Всю жизнь боготворю Карла Брюллова. По-хорошему (хотя и не без иронии) удивляюсь работам Сальвадора Дали.

4. В моей жизни период, когда я заслушивалась классической музыкой; потом на меня внезапно обрушился русский рок.

Из классики мне всегда были и по сей день остаются близки Бетховен, Шопен, Брамс.

Из русского рока наиболее близок БГ; в своё время его песни стали для меня настоящим откровением и, считаю, в немалой степени повлияли на меня как автора.

5. В детстве я однажды посмотрела фильм «Синяя птица» (СССР, 1976 г.), и он более чем потряс меня, он разбудил моё воображение, до того тихо-мирно спавшее. В подростковом возрасте меня внезапно потряс фильм «У них все хорошо» Дж. Торнаторе; никогда после я так и не решилась его пересмотреть; слишком сильны были в своё время эмоциональные переживания, связанные с фильмом. Из более поздних откровений – «Зеркало» А. Тарковского, «Асса» С. Соловьёва, «Жизнь прекрасна» Р. Бенини. Из современных российских фильмов запали в душу «Русалка» и «Похороните меня за плинтусом».

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/anastasiya-zhuravleva.html>

Заварухин Вадим Анатольевич родился в 1961 г. в городе Артёмовский Свердловской области. С 1962 г. живёт в Челябинске. Окончил Челябинский политехнический институт. Работал на Челябинском тракторном заводе конструктором. Параллельно увлекался музыкой и театром. В 1990 году ушёл с завода. Был актёром (автором, музыкантом, техническим директором) в мим-театре. Работал в рекламных агентствах видеорежиссёром, копирайтером, руководителем полиграфического участка. В середине 90-х организовал с партнёром своё рекламное агентство. С 1999 г. по сей день – директор агентства. Публиковался в журнале «Белый ворон», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Пушкин, Пастернак, Заболоцкий, Саша Чёрный, Бродский, Юлий Ким.

2. В детстве и юности читал много, бессистемно, но не могу определить что-то конкретно. Давно было. А позже влияние на становление оказывали совсем другие вещи.

3. Да Винчи, Брейгель, Ренуар.

4. Бах, Моцарт, Григ, Верди, Прокофьев, Шостакович, Шнитке. Гершвин, Эллингтон, Майлс Дэвис, Джон Колтрейн, Эррол Гарнер. Beatles, Led Zeppelin, Sting. Нино Ротта, Эннио Морриконе, Геннадий Гладков.

5. «Амаркорд», «Солярис» Тарковского, «Проверка на дорогах», «Цельнометаллическая оболочка», «Не горюй», «Осенний марафон».

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vadim-zavaruxin.html>

Застырец Аркадий Валерьевич родился в 1959 г. в Свердловске. В 1981 г. окончил философский факультет УрГУ. С 1992 главный редактор газеты Уральского отделения РАН «Наука Урала», с 2006 главный редактор еженедельника «Городские куранты» (Екатеринбург). С 2009 главный редактор издательства «ОМТА» (Екатеринбург). Член Союза писателей России. Автор поэтических книг «Пентаграммы» (1994) «Волшебник, Отшельник и Шут» (1996), «Deus Ex Machina» (1998), «Вихри тепла» (2006), «Онейрокритикон» (2010), «Конкорды» (2010), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ») и др., а также книги переводов «Франсуа Вийон. Прощание. Завещание. Стихотворения» (1994), переводил стихи с английского и словенского языков. Автор книги прозы «Я просто Пушкин» (1999). Публиковался в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Известен как драматург: пьеса «Фауст навсегда», эксцентрическая комедия «Гамлет», ставшая основой либретто оперы В. Кобекина «Гамлет, принц датский, трагедия российская» (Театр имени К. С. Станиславского, Москва, 2009), философско-сатирическая комедия «Недорусь» (Екатеринбург, 2011), «Приручение строптивой» (Воронеж, 2012). В 2012 г. за книгу «Онейрокритикон» удостоен премии губернатора Свердловской области. Лауреат премии им. П. П. Бажова (2013). Участник АСУП-3. Участник сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016» и проекта «ГУЛ». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Державин, Пушкин, Блок, Мандельштам, Ходасевич.
2. Н. Носов «Незнайка на Луне». Ши Най-ань «Речные заводы». Л. Н. Толстой «Война и мир». М. Сервантес «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский». Н. В. Гоголь «Мёртвые души». Ф. М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели», «Братья Карамазовы».
3. Ч. Диккенс «Посмертные записки Пиквикского клуба». Г. К. Честертон «Вечный человек». К. С. Льюис «Космическая трилогия». Р. Р. Толкин «Властелин колец».
3. Леонардо да Винчи. Питер Брейгель Старший (Мужицкий). Андрей Рублёв.
4. Очень много. И. С. Бах, В. А. Моцарт, Г. Малер, С. Прокофьев, Дм. Шостакович. The Beatles; Led Zepelin; Genesis and many, many others.
5. Г. Чухрай «Баллада о солдате». Г. Кропачёв и К. Ершов «Вий». С. Параджанов «Цвет граната». А. Тарковский «Андрей Рублёв», «Зеркало». Кш. Кесьлёвский «Двойная жизнь Вероники», «Три цвета». Вим Вендерс «Небо над Берлином». Джим Джармуш «Мертвец». Салли Поттер «Орландо».

Прямая речь

«Моя любимая родилась в Свердловском институте охраны материнства и младенчества. Полгода спустя в той же самой родовой на свет появился я. Причём свет этот был вечерним: как все отважные люди, я выбрал для начала жизни конец дня – десять часов пополудни. Однако вопреки «верной примете» храбреца из меня не получилось. А получился эдакий хоббит – трусоватый домосед, умеющий преувеличить в рассказах зна-

чительность испытаний и увлекательность приключений, испытанных в юности». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/arkadij-zastyrec.html>

Звездин Георгий Борисович родился в 1978 г. в Перми. Военный моряк, позже рабочий завода. Публиковался в журналах «Воздух», «Урал-Транзит», в «11:33» (Малой антологии Уральской поэзии, Екатеринбург, 2008). Резидент товарищества поэтов «Сибирский тракт», участник литературного клуба «А-либитум». Участник АСУП-3. Живёт в Перми.

Культурная история поэта

1. Тадеуш Ружевич, Владимир Маяковский.
2. Пьесы Вампилова, «Мистерии» Гамсуна, «Капитанская дочка» Пушкина.
3. Франсуа Милле, Питер Брейгель, Иероним Босх.
4. Гендель и музыка барокко, джаз.
5. «Пять вечеров», «Отпуск в сентябре», «Старший сын», «Свой среди чужих, чужой среди своих».

Прямая речь

«Я был здесь», – вот всё, что хочет сказать человек. Но слишком много остаётся между ним и самой жизнью неназванным. Но художник короткой вспышкой бытия может вырвать из тьмы несколько образов. И он говорит за себя и за всех: я был здесь. Искусство не бесполезно». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/georgij-zvezdin.html>

Зуев Владимир Петрович родился в 1976 г. в городе Кушва Свердловской области. Окончил Екатеринбургский государственный театральный институт по специальности «литературное творчество» (курс Н. В. Коляды). Драматург, поэт. Автор более 30 пьес. Пьесы поставлены во многих театрах России и за её пределами, переведены на иностранные языки, опубликованы в журналах и сборниках. Победитель Международного конкурса современной драматургии «Евразия – 2006» (Екатеринбург), обладатель Второй премии Международного конкурса драматургии «Свободный театр» (Минск). Финалист независимой литературной премии «Дебют». Лауреат Всероссийского драматического конкурса «Долг. Честь. Достоинство» (2007, 2015 гг.). Победитель конкурса драматургов в рамках проекта «Возрождение. Накануне. 1916-2016» (Московский губернский театр под руководством Сергея Безрукова). Стихи публиковались в поэтических сборниках и журналах, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книги стихов «Вертикальные провода» (2016). Участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. А. Блок, С. Есенин, В. Высоцкий, А. Башлачёв.
2. Булгаков «Мастер и Маргарита», Маркес «Сто лет одиночества».

3. Бах, Моцарт, Rene Aubry.

4. «Иди и смотри» (Э. Климов), «Сталкер» (А. Тарковский), «Про уро-
дов и людей» (А. Балабанов).

Прямая речь

«Потом я поступил к Коляде на курс литтворчества, и это было замеча-
тельное время. Семинары, читки пьес, пьяные споры в курилке общаги
о литературе. Первые публикации, постановки, провалы и удачи. Спасибо,
Николай Владимирович! Много-много кому хочется сказать “спаси-
бо” за всё, что было и что есть в моей жизни! Говорю вам “спасибо!”» (Из
книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vladimir-zuev.html>

Ивкин Сергей Валерьевич родился в 1979 г. в Екатеринбурге. Окончил
Российский государственный профессионально-педагогический уни-
верситет по специальности «преподаватель декоративно-прикладного
искусства». Работает в сфере дизайна сувениров и народных промыс-
лов. Иллюстрирует книги. С 1999 по 2009 вёл фестиваль авторской пес-
ни «Свезар» (Екатеринбург), участвовал в проектах «Игра в борхес»,
«Формуляр» и «Клуб одиноких мозгов Франсуа Дюпона». С декабря
2007 – координатор независимого клуба «ЛебядкинЪ» (литературный
семинар Андрея Санникова). Редактор журнала «Плавающий мост». Член
Союза писателей России. Публиковался в журналах и альманахах
России и за рубежом, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе
Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книг «Пересечение
собачьего парка» (2007), «Конец оценок» (2008), «Воробьиные боги»
(2009), «Йод» (2012), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»), «Символы сча-
стья» (2015), «Голая книга» (2016), «Грунт» (2016). Лауреат фестиваля
«Пилигрим» (Пермь, 2003), «Новый Транзит» (Кыштым, 2006), «Глу-
бина» (Челябинск, 2007), «Илья-премия» (Москва, 2007), “Ad Libitum”
(Пермь, 2008), первого Санкт-Петербургского поэтического конкурса
«Критерии свободы» им. И. А. Бродского в номинации «Большое сти-
хотворение» (СПб, 2014). Участник АСУП-3. Участник сюжет-проекта
«Русская поэтическая речь-2016» и проекта «ГУЛ». Живёт в Екатерин-
бурге.

Культурная история поэта

1. Артюр Рембо, Роберт Фрост, Томас Стернз Элиот, Уолт Уитмен, Фё-
дор Сваровский, Ольга Седакова, Евгения Изварина, Андрей Санников,
Виталий Кальпиди, Евгений Туренко.

2. «Голубятня на жёлтой поляне» Владислава Крапивина, «Властелин
колец» Дж. Р. Р. Толкина, «Белая гвардия» Михаила Булгакова, «Хре-
бты безумия» Г. Ф. Лавкрафта, «В.А.Л.И.С.» Филипа К. Дика, «Саганин-
ские стихи» Салмана Рушди.

3. Микаэлос Чюрлёник, Одри Бёрдслей, Евгения Стерлигова, Кацуси-
ка Хокусай, Мауриц Эшер, Рене Магритт, Поль Дельво, Эдвард Мунк,
Эгон Шиле, Эндрю Уайет.

4. Борис Гребенщиков, Юрий Визбор, Елена Бушуева, Андрей Козлов-
ский, Сергей Курёхин, Стинг, Глен Миллер, Дэйв Брубек, Том Жобим,
Бобби МакФеррин.

5. «Зеркало» Андрея Тарковского, «Мертвец» Джима Джармуша, «Бегущий по лезвию бритвы» Ридли Скота, «Влюбись в меня, если посмеешь» Яна Самюэля, «Самоубийцы: истории любви» Горана Дукича, «Интимный дневник» Питера Гринуэя, «Пена дней» Мишеля Гондри, «Небесные жёны луговых мари» Алексея Федорченко.

Прямая речь

«Я не представляю своё существование без писания стихов. Это как часть моей физиологии. Они возникают как ответная реакция, как часть моего существования. Я не могу жить и не писать». (Из фильма-интервью «Икающие небеса»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/sergej-ivkin.html>

Изварина Евгения Викторовна родилась в 1967 г. в городе Челябинск-65 (ныне Озёрск) Челябинской области. Окончила Челябинский государственный институт культуры по специальности «библиотекарь-библиограф». Работает журналистом в газете Уральского отделения РАН «Наука Урала». Автор книг стихов «Сны о великом плавании» (1996), «По земному кругу» (1997), «Страны ночи» (1999, вместе с книгой О. Дозморова «Пробел»), «Пояс Ориона» (2004), «Голос и ветер» (2007), «Времени родник» (2010), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Север», «Звезда» и др., в сборниках и антологиях, в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Лауреат литературной премии им. П. П. Бажова (2011). Член Союза писателей России с 2000 г. Участница проекта «ГУЛ». Участница АСУП-2, 3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

Думаю, реальная жизнь (люди и обстоятельства) гораздо больше меня формировала, чем художественные миры. Конечно же, было, есть и будет великое множество любимых авторов и произведений, но влияют они – разве что в совокупности и неотделимо от течения жизни как таковой.

1. Насколько помню, стихами по-настоящему увлеклась, читая книги Андрея Вознесенского, Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского. Позже это были поэты Серебряного века (прежде всего Александр Блок и Марина Цветаева), ещё позже – некоторые французские модернисты и Ф. Г. Лорка в русских переводах. Может быть, совокупность всех этих звучаний и стала для меня какой-то основой... С конца 1990-х лучшим из современных русских поэтов считаю Дениса Новикова.

2. Любимые книги, конечно же, были, но не думаю, что «оказали влияние на становление».

3. Любимые художники – Леонардо, Эль Греко, Рембрандт, Михаил Врубель, Амедео Модильяни, Эндрю Уайет, Эрнст Фукс. Как течение (по всему миру и вплоть до современных проявлений) – импрессионисты.

4. Музыка – мир наиболее разнообразный. Очень много чего и кого люблю. В последние годы предпочитаю джаз (также разный – лишь бы хороший).

5. Много, наверное, можно вспомнить фильмов, которые, однако, не «потрясли», но удивили и запомнились, каждый – в своём роде. Например, абсолютизация жестокости в фильме Э. Климова «Иди и смотри», примат «картинки» в фильмах Параджанова (наверное, это был «Цвет граната»), или способность «ужастика» действительно ужаснуть без спецэффектов («Ведьма из Блэр» и другие подобные). Такие фильмы, однако, не тянет пересматривать.

Прямая речь

«Бесед – и конечно же споров – о стихах, о поэзии в дружеском кругу за все эти годы было столько... Вот это, наверное, и есть главная школа, причём счастливая школа, что и говорить». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/evgeniya-izvarina.htm>

Ильенков Андрей Игоревич родился в 1967 г. в Челябинске. Через год семья переехала в Свердловск. Учился в Свердловском медицинском институте, служил в армии. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского государственного университета, кандидат филологических наук. Заведующий отделом прозы журнала «Урал». Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Красная бурда», «Воздух», «Дружба народов», «Наш современник», «Искусство кино», в различных альманахах. Сборники стихов «Книжечка» (2006), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Автор нескольких книг прозы: «Несгибаемая рота, или Сны полка» (2007), «Читая ночь» (2007), «Дембельский альбом» и «Ещё о женщинах» (2008), «Повесть, которая сама себя описывает» (2015). Лауреат Всероссийской премии им. П. П. Бажова (2007). Участник АСУП-2, 3, проекта «ГУЛ». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Как на читателя на меня произвели впечатление не столько поэты поимённо, сколько отдельные стихотворения самых разных авторов от восемнадцатого века по сие время – это, пожалуй, сотни произведений, вспомнить которые трудно, а перечислить долго. Лично на меня, вероятно, повлияли Александр Пушкин, Фёдор Тютчев, Александр Блок, Сергей Есенин, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Николай Заболоцкий, Андрей Вознесенский, Олег Григорьев.
2. «Повесть временных лет», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Сентиментальное путешествие», «Капитанская дочка», весь Гоголь (кроме стихов и «Выбранных мест...»), «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Моби Дик», «Детство» (Л. Толстого), «Село Степанчиково и его обитатели», «Степь», «Мелкий бес», «Степной волк», «Камера обскура», «Перед восходом солнца», «Дом на набережной», «Созвездие Козлотура», «Митьки».
3. Не боготворю никого, удивляюсь много чему, а люблю следующих: Боттичелли, Эль Греко, Брейгель, Босх, Гойя, Куинджи, Серебрякова.
4. Здесь как с поэтами: множество отдельных музыкальных произведений и песен многих времён и народов, фольклорных, классических и современных. А также Уэббер, Свиридов, Рыбников, Шнитке, западный хард-рок 1960–70-х, отечественный панк-рок.

5. «Калина красная», «Приключения Буратино», «Сказка странствий», «Сталкер», «Заводной апельсин», «Про уродов и людей», «Кочегар», «Криминальное чтиво», «От заката до рассвета», «Андеграунд», «Чёрная кошка, белый кот», «Чеховские мотивы», «Настройщик», «Волчок», «Страна Оз».

Прямая речь

«О роли Надежды (Колтышевой – *ред.*) в моей жизни кратко, но выразительно писал я же в предисловии к своему первому и единственному сборнику стихов “Книжечка”: “...а если сказать проще, без неё не было бы вообще ничего. Вероятно, что и автора бы уже не было”. Кроме того, думаю, если бы не она, не было бы издано ни одной моей книги». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии

<http://mv74.ru/upsh/andrej-ilenkov.html>

Ионова Елена Викторовна родилась в 1986 году в Нижнем Тагиле. Окончила Уральское училище прикладного искусства по специальности «дизайн среды», Нижнетагильскую социально-педагогическую академию по специальности «изобразительное искусство». Куратор арт-проектов, выставок изобразительного искусства. Создатель и один из руководителей арт-группы «Лаборатория событий», перформанс-группы «Звучащее тело». Публиковалась в альманахах и поэтических сборниках, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ»; в журналах «ШО», «Урал», «Вещь», «Нева». Автор поэтического сборника в серии «ГУЛ» (2014), книги стихов «Город N и его окрестности» (2016). Стипендиат министерства культуры Свердловской области. Участница АСУП-3. Участник проекта «ГУЛ» и сюжет-проекта «Русская поэтическая речь-2016». С конца 2017 года живёт в Санкт-Петербурге.

Культурная история поэта

1. Было много жизненных этапов, отмеченных каким-то влиянием/впечатлением. В детстве: Ахматова, Цветаева, Пастернак. Раннее студенчество: Бродский, поэты русского рока (Дягилева, Летов, Арефьева, Гребенщиков, Умка). Позднее студенчество: Изварина, Кальпиди, Павлова. Сейчас, надеюсь, избавилась от влияний.
2. Если исключить духовную литературу, то, видимо, ничего в списке не останется.
3. Прерафаэлиты: Миллес, Уотерхаус. Наверное, это странно, но «Офелия» Миллеса оказала гораздо большее влияние на становление моей личности, чем вся прочитанная мною проза. Нравятся Климт, Шиле, Кало. Из современников В. Ерко, А. Ремнёв.
4. Русский рок (Умка, Арефьева, Фёдоров, Веня Д'ркин), инди-рок, инди-поп. Florence + The Machine, Gravitonas, Ludovico Einaudi.
5. Назову «Сталкер» Тарковского, «Волчок» Сигарева, «Кислород» Вырыпаева и, наверное, «Андалузский пёс» Бунюэля.

Прямая речь

«Как изменилось самоощущение после череды публикаций и фестивалей? У меня впечатление, что я на американских горках: настолько яркие впечатления, я не понимаю, что происходит, как мне к этому

относиться. У меня возникает ощущение, что я этого не заслужила». (Из фильма-интервью «Русалка к пиву»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/elena-ionova.html>

Исаченко (Горицкая) Ольга Юрьевна родилась в 1953 г. в городе Верхотурье Свердловской области. Окончила химический факультет Уральского государственного университета им. Горького. Работала на Челябинском металлургическом заводе и в природоохранных организациях Свердловской области. Первая публикация – в коллективном сборнике «Первоцвет» (1987). Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Дети Ра», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книги стихов и переводов «И человеку, и листу» (2006) и сборника «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»). Участница АСУП-2, 3; проекта «ГУЛ». Живёт в городе Краснотурьинске Свердловской области.

Культурная история поэта

1. Поэтов читано и читается много. Предпочтения сложились в детстве – юности, когда впечатления, естественно, острее: из XIX века, несомненно, Пушкин – вплоть до эпиграмм, более всего «Евгений Онегин», несколько глав до сих пор знаю наизусть. Бунин. Ахматова, Тарковский, Заболоцкий... Рубцов, Соколов, Кузнецов... Из уральских – Алексей Решетов, Майя Никулина...

2. О прозе – не вполне прозе или вполне не прозе – я в первом классе, отец читает маме и бабушке (её не станет в том же году) «Макбета» из только что полученного подписного тома. Тайком от взрослых таская книгу из шкафа, дочитываю до конца. Позже доходит очередь и до других томов...

3. Художники – больше всего поражают земляки, ну, например, Сергей Корьякин. Корифеи корифеями, а когда рядом с тобой живёт человек, способный сотворить на полотне собственный мир...

4. О музыке – очень неподкованный, чисто интуитивный пользователь. В сфере вокала – авторская песня.

5. Фильмы? Да некогда каждый поход в кино представлял собой событие – не было такого безбрежного болота кино- и телепродукции. Как человек более книжный, книгу скорее всего предпочту экранизации, но будет любопытно оценить её очередное (недо)воплощение.

Прямая речь

«Считаю, что количество пишущих не есть функция количества читающих, но определяется и оправдывается величием здания русского языка, нуждающегося в огромной армии квалифицированных и подсобных рабочих для поддержания в должном состоянии, а тем паче для развития». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/olga-isachenko.html>

Казарин Юрий Викторович родился в 1955 г. в Екатеринбурге, на Уралмаше, в семье инженера и медика. Занимался спортом. После окончания школы работал фрезеровщиком на Уралмашзаводе. В течение жизни

испробовал и освоил несколько профессий: столяр, сушильщик древесины, сторож, уборщик, грузчик, санитар-медбрат, регистратор и ассистент патологоанатома (в море), техник по топливу, журналист, зам. главного редактора журнала, редактор, корректор, зав. отделом поэзии журнала «Урал» и др. Служил на Северном флоте. В 1981 г. окончил филологический факультет УрГУ. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по специальности «русский язык». Доктор филологических наук, профессор. Автор поэтических книг: «Погода» (1991), «После потопа» (1994), «Пятая книга» (1996), «Поле зрения» (1998), «Побег» (2002), «Против стрелки часовой...» (2005), «Избранные стихотворения 1976–2006» (2006), «Каменные элегии» (2009), «Каменные элегии. Часть вторая» (2010), книги стихотворений и прозы «Пловец» (2000), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Глина» (2014). Составитель более 120 поэтических книг, сборников, альманахов и антологий. Лауреат нескольких литературных наград и премий. В течение семи лет возглавлял региональное отделение Союза писателей России. Автор и инициатор проекта Международного фестиваля «Поэтический марафон». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Уральский следопыт», «Уральская новь», «Юность», «Октябрь», «Знамя», «Новый мир», «Арион», «Сибирские огни», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», а также в изданиях США, Израиля, Германии, Украины, Италии, Испании и др. Участник АСУП-1, 2, 3; сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016»; проектов «ГУЛ» и «Жестикуляция». Живёт и работает в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Люблю поэтов О. Мандельштама, Е. Баратынского, А. Пушкина, Ф. Тютчева, И. Анненского, Н. Заболоцкого, А. Тарковского, О. Седакову и Р. М. Рильке, Э. Дикинсон, С. Плат, Р. Фроста, Данте, П. Целана, Басё и др.
2. Проза А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, И. Бунина, А. Платонова, Ю. Казакова и Д. Джойса, М. Пруста и др.
3. М. Врубель, О. Ренуар, М. Айвазовский, голландцы, Л. да Винчи и др.
4. Вивальди и итальянское барокко, Гендель, Гайдн, Перголези, Бетховен, Бах, Рахманинов, классический рок и британский поп-рок.
5. Все фильмы А. Тарковского, а также несколько фильмов Феллини.

Прямая речь

«Когда ты сталкиваешься с открытой пошлостью, когда ты живёшь очень долго среди обывателей, начинаешь понимать, что они гораздо ниже тебя, по крайней мере, в душевном отношении». (Из фильма-интервью «Пробники рая»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/yurij-kazarin.html>

Кальпиди Виталий Олегович родился в 1957 г. в Челябинске. Учился в физико-математической школе, но выпускной класс закончил в школе искусств (класс литературы). Поступил в Пермский государственный университет на филологический факультет, откуда был исключён после 1-го семестра как «идеологически незрелый». По возвращении в Челябинск был задержан сотрудниками КГБ. После «профилактических

мероприятий» был направлен на работу в «трудовой коллектив для исправления». Жил в Перми, Свердловске, с 1990 г. снова в Челябинске. Работал грузчиком, стропальщиком, сторожем, почтальоном, кочегаром и т. д. Первые публикации – в Югославии, Финляндии, Болгарии и только в 1987 г. – на родине. Публиковался в журналах «Урал», «Юность», «Знамя», «Литературная учеба», «Родник», «Лабиринт-Эксцентр», «Золотой век», «Воздух» и др. Автор программы «Современная уральская литература – новая реальность» (шорт-лист премии «Малый Букер»), автор, главный редактор, составитель, дизайнер, спонсор и продюсер многолетнего проекта «Антология современной уральской поэзии», составитель, издатель и оформитель более 80 книг современной уральской литературы. Создатель и редактор журнала «Несовременные записки», ответственный секретарь журнала «Уральская новь». Лауреат многих российских и международных литературных премий. Автор книг «Пласты» (1990), «Аутсайдеры-2» (1990), «Пятая книга и Вирши для А. М.» (1993), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2007). «В раю отдыхают от бога» (2014, серия ГУЛ), «Избранное» (2015), «Русские сосны» (2017). Автор и идеолог проектов «ГУЛ», «Русская поэтическая речь – 2016», «Жестикуляция». Стихи переведены на 15 языков. Участник АСУП-1, 2, 3. Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Агния Барто, Константин Бальмонт, Борис Пастернак, Андрей Вознесенский, Николай Заболоцкий, Арсений Тарковский, Константин Симонов, Иван Жданов, Иосиф Бродский и ещё (это не шутка) 217 поэтов, и ещё, наверное, не менее 300 отдельных строк и строф. Но самое большое влияние приходится оказывать на себя самому: исторично, часто нерезультативно, но неизбежно.
2. «Овод» Войнич, «Зависть» Олеша, «Что делать?» Чернышевский, «Рудин», «Дворянское гнездо», «Муму» Тургенев, «Как закалялась сталь» Островский, «Чума» Камю, «Ревизор», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород» Гоголь, «Бедные люди», «Село Степанчиково и его обитатели», «Бесы» Достоевский, «Смерть Ивана Ильича» Толстой, «Господа Головлёвы» Щедрин, «Иуда Искариот» Андреев, «Донские рассказы», «Поднятая целина» Шолохов, «У нас в Мичигане» Хемингуэй, «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Пнин» Набоков, «Тёмные аллеи» Бунин, «Парфюмер» Зюскинд, «Живые и мёртвые» Симонов, «Шатуны» Мамлеев, «В августе сорок четвертого» Богомолов, «Игры Джеральда», «Девочка, которая любила Тома Гордона» Кинг. И ещё, наверное, около 50 разных романов.
3. Западно-европейская жанровая живопись XVII–XX вв., русская реалистическая живопись XIX века и передвижники. Американский и русский гиперреализм.
4. Адажио из балета «Щелкунчик» Чайковского, советские популярные песни (в том числе из кинофильмов), 5 композиций «КИНО», «Я ворона» Линда, «Сплин», «Тату», «АВВА» и ещё тьма дремучая всякой уже полнейшей ерунды или не ерунды. Наверняка не ерунды.
5. Кино – это единственный мой досуг. Просматриваю примерно 250–300 фильмов и сериалов в год. Любой национальности. Артхауз и

всякую тарковщину – пóбоку. «Весна на Заречной улице» и «Зелёная миля» – два фильма, на которых я женился.

Прямая речь

«Русская поэтическая речь должна сформировать новое русское поэтическое мышление. А новое русское поэтическое мышление может сформировать новую русскую поэтическую жизнь. Попытка создания новой русской поэтической жизни – это и есть настоящее и единственное следствие понимания поэзии...

...Поэзия дана нам не для создания гениальных стихотворений, а для того, чтобы мы могли измениться. Чтобы мы почувствовали язык ангелов. А в крайнем случае, чтобы взяли и просто создали этот язык. Чтобы научились говорить на нём друг с другом. Чтобы, научившись этому, стали бы жить по ангельским законам. Только такая сверхзадача оправдывает, поддерживает и наполняет будущим русскую поэзию». (Из статьи «“Русская поэтическая речь – 2016” как русская поэтическая жизнь» в журнале «Волга» № 9–10/2017)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vitalij-kalpidi.html>

Карпичева Наталья Леонидовна родилась в 1982 г. в посёлке Бреды Челябинской области. Окончила филологический факультет Магнитогорского государственного университета (2004). Защитила кандидатскую диссертацию по филологии (2008). С 2005 г. – член Союза российских писателей. Публиковалась в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор сборников стихов «Разговор с рассветом» (2004), «Зима понарошку...» (2005), «По чёрной лестнице из красного угла...» (2007, книжная серия «Литература Магнитки. Избранное») и поэтических книг «...когда я была большой» (2011), «Кукла Бога» (2013), «Книга рыб» (2017). Преподавала современную русскую литературу в Магнитогорском государственном университете, с 2014 г. – сотрудник библиотеки им. М. Люгарина (Объединение городских библиотек г. Магнитогорска). В 2016 г. вместе с поэтом и режиссёром И. Гончаровым инициировала и возглавила Центр визуальной культуры «Век» в Магнитогорске. Участник АСУП-3, сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016» (1-й и 2-й тома). Живёт в Магнитогорске.

Культурная история поэта

1. И. Бродский, В. Хлебников, А. Тарковский. Открывала их и дорастала именно в такой последовательности: Бродского – в детстве, Тарковского – около года назад и после 15 лет счастливого, но окончательного филологического прошлого.
2. Р. Гари «Чародеи», «Жизнь впереди», «Пляска Чингиз-Хаима», Г. Бёль «Глазами клоуна», Ницше «Так говорил Заратустра», Х. Мураками «Охота на овец», Г. Гарсиа Маркес «Сто лет одиночества», А. П. Чехов – весь.
3. Винсент Ван Гог, Ив Танги, Аруш Воцмуш, Елена Кононенко.
4. Иоганн Себастьян Бах и Пол Маккартни, классика и рок-н-ролл со всеми их входящими и исходящими вызовами.
5. И. Туманян «Когда я стану великаном», С. Ростоцкий «Белый Бим Чёрное ухо», Ю. Норштейн «Сказка сказок», С. Соловьёв «Сто дней

после детства», А. Тарковский «Зеркало», Э. Кустурица «Жизнь как чудо», Д. Джармуш «Мертвец», фильмы Жака-Ива Кусто, А. Г. Иньярриту «Вавилон».

Прямая речь

«Когда с самого-пресамого детства, со времён тех самых парково-скверовых прогулок разные взрослые задавали мне вопросы о будущей профессии, я говорила, что хочу стать читателем. «Может быть, писателем или поэтом?» – уточнял тогда очередной большой и всезнающий интервьюер. «Нет, есть такая профессия, книжки читать!» – уверенно отвечала я, серьёзно поправляя на переносице воображаемые очки...» (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/natalya-karpicheva.html>

Касимов Евгений Петрович родился в 1954 г. на Южном Урале в шахтёрском городе Коркино Челябинской области. В четырнадцать лет уже работал учеником электрослесаря на заводе, а в шестнадцать лет, оставив школу, уехал по комсомольской путевке в Набережные Челны строить КамАЗ. В 1972 г. был призван в ряды Советской Армии. После демобилизации пошёл учиться в Челябинске в школу рабочей молодёжи. Начал печататься в газетах «Горняцкая правда», «Вечерний Челябинск». В 1976 г. поступил на филологический факультет УрГУ. В 1981 г. поступил в Литературный институт им. А. М. Горького (семинар В. Амлинского). В Свердловске работал журналистом в газете, на радио, где вёл новости культуры, литературные передачи. С 1998 по 2001 г. был главным редактором «Студии Город». В 2001 работал в газете «Вечерние ведомости», в 2002 – на канале «Евразия» облТВ. В 2003 г. основал и возглавил газету «Городские куранты». Стихи и проза публиковались в журналах «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Знамя», «Октябрь», «Сибирские огни», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и др. Автор книг «Стихи» (2001), «Город-призрак» (2002), «Бесконечный поезд» (повести и рассказы, 2003), «Этнографические стихи» (2004), «Блуждающее облако» (2005), «Нескучный сад» (2009), «Сказка для Василисы» (2009), «Назовите меня Христофором!» (книга повестей и рассказов, 2012), «Медленное дерево» (2018), «Кинетоскоп» (2018). Лауреат конкурса им. М. Волошина, премии им. П. П. Бажова, премии «Ясная Поляна» и др. Женат. Отец троих детей. Участник АСУП-2. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Сильное впечатление производят сильные стихи. А они есть у многих поэтов – совершенно разных. Но вряд ли кто-то из них повлиял на мою манеру письма, в которой нет ничего особенного. Есть поэты, с которыми я дружил и дружу – и мнение которых очень важно для меня. Список довольно большой.

2. Список этот будет далеко не полным. «Житие» протопопа Аввакума. «Капитанская дочка» Пушкина. «Герой нашего времени» Лермонтова. Петербургские повести Гоголя. «Казаки», «Война и мир», «Анна Каренина», «Хаджи Мурат» Льва Толстого. «В овраге», «Спасть хочет»

ся», «Мальчики» Чехова. «Тёмные аллеи» Бунина. «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» Булгакова. «Тихий Дон» Шолохова. «Трава забвения» Катаева. «Дом на набережной», рассказ «Игры в сумерках» Трифонова. «Северный дневник» Казакова. «Путешествие в Армению» Битова. «Сандро из Чегема» Фазиля Искандера. «Царь-рыба» и «Прокляты и убиты» Астафьева. Довлатов. Томас Вулф. Уильям Фолкнер. Эрнест Хемингуэй. Марио Варгас Льюса. Габриэль Гарсиа Маркес. Борхес. Коргасар. Рабле. Бальзак. Стендаль. Флобер. Мопассан. Диккенс. Джойс. Кафка. И, конечно, книги из детства – Джек Лондон, Марк Твен, О. Генри, Стивенсон, Вальтер Скотт, Конан Дойл, Дюма, Жюль Верн, Ефремов, Стругацкие.

3. Рублёв. Брейгель. Ван Гог, Гоген. Тулуз-Лотрек. Альбер Марке. Айвен Олбрайт.

4. Из современных – Шостакович. Очень нравится средневековая музыка. Этническая. Джаз.

5. В детстве: «Рукопись, найденная в Сарагосе», «В компании Макса Линдера», «Гений дзюдо». Потом – «Семь самураев» Куросавы, «Бег» Алова и Наумова, «Погоня» Артура Пенна, «Пепел и алмаз» Анджея Вайды, «Зеркало» Тарковского, «Ночи Кабирии», «Амаркорд» Феллини, «Седьмая печать» Ингмара Бергмана, «Пролетая над гнездом кукушки» Формана, «История Аси Клячиной» Андрея Кончаловского.

Прямая речь

«Я живу своим временем и в своё время, но иногда бывает странное ощущение, будто ты действуешь как некий десантник из будущего. Гамлет какой-то. Тот был настоящий прогрессор. Хочется быть свидетелем загадочных исторических событий. Я, конечно, догадываюсь про цивилизацию атлантов, но хотелось бы её увидеть воочию». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/evgenij-kasimov.html>

Козлов Иван Владимирович родился в 1989 г. в Перми. Учился на филологическом факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (бывший ПГУ). Работал грузчиком, дворником, музейным смотрителем, фотографом и журналистом. Входил в товарищество поэтов «Сибирский тракт». Публиковался в журналах «Воздух», «Знамя», «Вещь», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и в некоторых сетевых изданиях. Постоянный участник российских поэтических слэмов. Лауреат премии для молодых поэтов «Nova» за 2011 г. (книга стихов молодого автора). Участник АСУП-3. Живёт в Перми.

Культурная история поэта

1. Введенский, Хармс, Олейников, Лотреамон, Андреев, Иванов, Свировский, Летов.

2. «Сирены Титана», «Малый не промах» (Курт Воннегут), «Хазарский словарь» (Милорад Павич), «Карта и Территория» (Мишель Уэльбек), «Самшитовый лес» (Михаил Анчаров), «Анечка-Невеличка и Соломенный Губерт» (Витезслав Незвал).

3. Евгений Антуфьев, Рене Магритт, Пётр Беленок, Эдвард Хопер.

4. Индастриал.

5. «Кровавый чай и красная ниточка», «Замри-умри-воскресни», «Бартон Финк».

Прямая речь

«С детства обожал заниматься ничем! Можно было, скажем, отыскать за поленицей насквозь проржавевшую хреновину – не то деталь от двигателя, не то вентиль от газовой трубы, не помню уже – и коротать часы, поливая её водой из колонки и воображая, что с ней от этого происходят удивительные изменения». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/ivan-kozlov.html>

Кокошко Юлия Михайловна родилась в 1953 г. в Свердловске. Окончила филологический факультет Уральского государственного университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Работала в библиотеке, на Свердловской киностудии. В настоящее время преподаватель филологического факультета Уральского государственного университета. Публиковалась в журналах «Урал», «Уральская новь», «НЛО», «Золотой век», «Несовременные записки», «Октябрь», «Гвидеон», «Окно», «Плавающий мост» и др., в альманахе «Фигуры речи», «Антологии современной уральской прозы» и т. д. Книги «В садах...» (1996), «Приближение к ненаписанному» (2000), «Совершенные лжесвидетельства» (2003, 2016), «Шествовать. Прихватить рог» (2008), «За мной следят дым и песок» (2014), «Под мостом и над мостом» (2016), «Сумерки, милый молочник» (2018). Лауреат Премии Андрея Белого (1997) и Всероссийской премии имени П. П. Бажова (2006). Член Союза российских писателей. Участник сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Цветаева, Мандельштам, Бродский, Седакова, Елена Шварц, Михаил Генделев, нравится до слез – современный израильский поэт Семен Крайтман.
2. Хорхе Луис Борхес – от алефа до бесконечности.
3. Импрессионисты, Вацлав Споровский, Фрэнсис Бэкон, Хаим Сутин.
4. Шнитке, Шопен, Морриконе.
5. Очень люблю «К северу через северо-запад» и «Головокружение» Хичкока, «Зелиг» Вуди Аллена, «Виридиану» и «Скромное обаяние буржуазии» Л. Бунюэля и «Незабываемый роман» Лео Маккэри.

Колчин Денис Сергеевич родился в 1984 г. в Свердловске. Окончил факультет журналистики УрГУ им. А. М. Горького. Работает в СМИ. Публиковался в журналах «Урал», «Знамя», «Звезда», «Нева», «Октябрь», «Новая Юность», «День и ночь», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Волга. 21 век», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», «45-я параллель» и др., а также в «Русском репортёре». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Сергей Есенин, Николай Туроверов, Николай Гумилёв, Юрий Иофе, Владимир Высоцкий, Алек-

сандр Сопровский, Александр Башлачёв, Борис Рыжий, Юрий Шевчук, Сергей Ивкин, Геннадий Русаков, Олег Дозморов, Александр Кабанов, Илья Плеханов, Юрий Казарин, Дмитрий Мельников, Ирина Евса, Андрей Пермяков.

2. Виктор Астафьев «Прокляты и убиты», Артуро Перес Реверте «Территория команчей», Кормак Маккарти «Кровавый меридиан», Джонатан Литтелл «Благоволительницы», повести и рассказы Аркадия Бабченко.

3. Василий Верещагин, Франц Рубо, Говард Терпининг.

4. ДДТ, «Сплин», Тимур Муцураев.

5. «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна, «Чистилище» Александра Невзорова, «Герой нашего времени» Александра Котта.

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/denis-kolchin.html>

Комадей Руслан Максимович родился в 1990 г. на Камчатке. Вырос в Челябинске и Нижнем Тагиле. Окончил Уральский федеральный университет по специальности «филология». Был участником литературной студии «Мирь» (руководитель Евгений Туренко). Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Урал», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», в интернет-изданиях. Автор трёх книг стихов. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2007, 2008, 2011), шорт-лист (2011) и лонг-лист (2008, 2010) премии «ЛитератураРентген», лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко (2016). Один из редакторов журнала «Здесь» (Екатеринбург) и поэтического издательства «Полифем», организатор ландшафтного поэтического фестиваля «Вода и вода», участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Моя манера письма сейчас в становлении. В разные годы решающее воздействие на меня оказывали: Евгений Туренко, Андрей Санников, Виталий Кальпиди (до 2012 года), всегда – Осип Мандельштам, Борис Поплавский, Николай Заболоцкий, Велимир Хлебников, с 2013 – Евгения Суслова, Ника Скандиака, Аркадий Драгомощенко, Георг Тракль, поэты Language School, поэты круга журнала «Транспонанс».

2. На мои эстетические взгляды сильно повлияли: нелинейная структура прозы Милорада Павича, изобретательство идей в новеллах Хорхе Луиса Борхеса, герметичные миры «Петербурга» Белого, «Сто лет одиночества» Маркеса, «Господа Головлёвы» Салтыкова-Щедрина, повести Николая Гоголя.

3. Неодолимый интерес испытываю к художникам XIX века – начала XX: Джеймсу Уистлеру, Джону Сингеру Сардженту, Джону Генри Твахтману, Джону Уаткинсону Гримшоу, к Уильяму Тёрнеру, к художникам группы «Наби» и др. Восхищают меня также работы Александра Лабаса, Эмиля Нольде, Казимира Малевича.

4. Рос на английском роке 60–70-х, в отрочестве фанатично слушал The Beatles, в юности открыл для себя арт-рок. Сейчас предпочтение отдаю различным жанрам экспериментальной электроники и фриджазу. Из академической музыки особо ценю Мориса Равеля, Сергея Прокофьева, Игоря Стравинского.

5. Важнейшие фильмы / режиссёры: с юности – Тарковский (особо «Солярис», «Сталкер»), Феллини (особо «Казанова Федерико Феллини», «Восемь с половиной», «И корабль плывёт»), Бергман (особо «Персона», «Молчание», «Шёпоты и крики», «Земляничная поляна»), фильмы Алексея Германа-старшего. Отдельно: «Покаяние» Абуладзе, «Макаров» Хотиненко. Из новых интересов: фильмы Шарунаса Бартаса (особо «Дом» и «Три дня»), «Я и мой брат» Роберта Франка, фильмы Венсана Дьётра, Криса Маркера. Два года назад открыл для себя экспериментальное бессюжетное кино. Оттуда: фильмы Пэта О'Нейлла, Роберта Брира, Такаши Ито.

Прямая речь

«Подводя сейчас некоторые итоги «жизнедеятельности» своего рода за последние пятьдесят лет, я с ужасом понимаю, что сам являюсь складским помещением для амбиций и проблем своих предков». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/ruslan-komaddej.html>

Комаров Константин Маркович родился в 1988 г. в Свердловске. Поэт, литературный критик, литературовед. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Автор литературно-критических статей в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь», «Нева» и др. Член редколлегии «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа». Лауреат премии журналов «Урал» (2010), «Нева» (2016), «Вопросы литературы» (2017). Лонг-листер (2010, 2015) и финалист (2013, 2014) премии «Дебют» в номинации «эссеистика». Лонг-листер поэтических премий «Белла» (2014, 2015, 2016), «Новый звук» (2014), призер поэтических конкурсов «Критерии свободы» (2014), «Мыслящий тростник» (2014). Шорт-лист премии «Лицей» (2018). Член Союза российских писателей. Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Урал», «Гвидеон», «Нева», «Дети Ра», «Новая Юность», «Волга», «Сибирские огни», «Бельские просторы», «День и ночь», «Вещь», различных сборниках и альманахах, на сетевом портале «Мегалит», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и др. Автор нескольких книг стихов «На ощупь иду» (2008), «Одни под одеялом» (2010), «От времени вдогонку» (2012), «Безветрие» (2013), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Невесёлая личность» (2016) и литературно-критического сборника «Быть при тексте». Участник АСУП-3, сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016», проектов «ГУЛ» и «Жестикудация». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. В. Маяковский, А. Блок, О. Мандельштам, Л. Губанов А. Еремёнко, Ю. Казарин.
2. Ф. Достоевский «Записки из подполья», Ф. Ницше «Антихрист», А. Платонов «Котлован», Ж.-П. Сартр «Тошнота», Г. Гессе «Степной волк», рассказы Х. Кортасара, А. Чехова.

3. И. Босх, К. Моне, М. Шагал, В. Ван-Гог.
4. В.-А. Моцарт, Р. Вагнер, Д. Шостакович, С. Курёхин, русский рок (Е. Летов, Б. Гребенщиков, А. Васильев).
5. «Underground», «Реквием по мечте», «Земляничная поляна», «Обыкновенное чудо», «Антихрист», «Зеркало», «Ночь на земле», «Дневная красавица», «Прощай, речь», «Живая плоть».

Прямая речь

«Воспитывался женщинами (мамой и бабушкой), ибо сразу после моего рождения отец ушёл в неизвестном (да и неинтересном мне) направлении, оставив мне на генетическом уровне страсть всё к тому же футболу, прискорбную любовь к алкоголю, неплохое чувство юмора, а также кое-чего (немного) истинно еврейского в поведении. Впрочем, в генетику я верю гораздо меньше, чем в Жана-Поля Сартра и его роман “Тошнота”, например». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/konstantin-komarov.html>

Кочнев Владимир Борисович родился в городе Чайковском в 1983 г., в 1999 уехал учиться в Пермь на экономиста (ПНИПУ). Ушёл из вуза, чтобы стать художником. Учился на живописца в ПУ, о чём написал повесть «Художник из ПУ», опубликованную в журнале «Урале» (2008). В 2004 поступил в Литинститут в Москве, который окончил в 2010. В 2007 получил независимую литературную премию «Дебют» за подборку стихов. В 2010-х изучал маргинальные субкультурные формирования, написал цикл рассказов по этой теме, также повесть «Герой подворотен» («Урал», 2009). Публиковался в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книги стихов «Маленькие волки» (2013). Лауреат студенческой Волошинской премии (2014). Живёт в Перми.

Культурная история поэта

1. Читаю так много, что даже не знаю, что сказать. Потом мне какие-то поэты не очень нравятся, но влияния они на меня всё равно оказывают, вот Ахматова, например, мне не нравится, но я периодически её ритмы в голове ловлю, или Жадан, которого я переводил, на меня повлиял, хотя не мой любимый, или Иосиф Бродский, который не мой поэт, но настолько крупен, что не влиять не может и т. п. Ладно, попробуем. Борис Поплавский, Эдуард Лимонов, Исаак Башевис Зингер, Владимир Луговской, Варлам Шаламов. Джеймс Джойс, Вьясадева.
2. Прозаические произведения: «Азбука», «Тропик Рака» и «Чёрная весна» Генри Миллера, «Дюймовочка» и «Гадкий утёнок» Андерсена, Аркадий Гайдар «Судьба барабанщика», Эд Макбейн «Детективы», Карл Май «Виннету», «Аполлон Безобразов» Бориса Поплавского, Райдер Хаггард «Клеопатра», Эдуард Лимонов «Дневник неудачника», рассказы. Варлам Шаламов – вся его проза. Шримад – Бхагаватам.
3. У меня нет предпочтений в мире художников, я к этому делу подхожу научно и профессионально.
4. Музыка – Рахманинов, Моцарт.
5. Фильмы. «Я хотела увидеть ангелов» Сергея Бодрова; «Аптечный ковбой» Гас Ван Сент; «Идиоты», «Большой босс» Ларса Фон Триера;

«Смертельный удар» Фей Ланг Хуанг; «Тигр Карате» («Не отступать и не сдаваться») Кори Юэнь.

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vladimir-kochnev.html>

Кузьмина Вера Николаевна родилась в 1975 г. в Каменске-Уральском Свердловской области. В 1995 г. окончила Каменск-Уральское медицинское училище. Работает участковым фельдшером в городской поликлинике. Стихи пишет с 2011 г. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Наша молодёжь», «День и Ночь», «Плавучий мост». Основные публикации в Интернете – Фейсбук и сайт Стихи.Ру. Живёт в Каменске-Уральском.

Культурная история поэта

1. Писать начала поздно, будучи незнакома с литературными кругами и поэтическими течениями, поэтому в написании больше используется собственный жизненный опыт, чем чужая манера, хотя бы и хорошая. Всё же наибольшее влияние, думаю, оказал Алексей Ивантер – прочитав его стихи, поняла, что всё делаю правильно, выбирая темы и стиль написания. Возможно, мы в чём-то похожи изначально.
2. Детских книг практически не знаю, начинала читать сразу со взрослых. Поэтому в период до пятнадцати лет огромное впечатление оставили «Гроздь гнева» Стейнбека, «Трудно быть богом» Стругацких, чуть позднее – «Мастер и Маргарита» Булгакова, в зрелые годы – «Лето Господне» Шмелёва.
3. Из художников люблю Лотрека – за то, что показал красоту в некрашивом, и за то, что смог стать большим, будучи маленьким.
4. Из композиторов – не могу назвать никого.
5. Из фильмов – не могу назвать ничего до 25 лет. У нас долго не было телевизора, потому что жили не очень богато, а потом я дома подолгу не жила. Даже сейчас телевизор практически не смотрю.

Куимов Михаил Игоревич родился в 1993 г. в Соликамске Пермского края. После окончания школы учился на геологическом факультете Пермского государственного университета, по специальности – геофизик. Работает в шахте. Лауреат нескольких краевых литературных конкурсов, публиковался в журнале «Вещь», сборнике «Шепчутся и кричат», соавтор книги стихотворений «Шанс для неизданных» (2017). Живёт в Соликамске.

Культурная история поэта

1. В хронологическом порядке – А. Никонов, Б. Рыжий, И. Бродский. В подростковом возрасте я впервые услышал Никонова, эффект был ошеломляющим, поскольку услышанное полностью противоречило «школьным» стандартам поэзии. Поразил именно посыл, а не слог, наверное, поэтому впечатление длилось не так долго, как могло бы. Уже от Никонова я узнал о Рыжем. Конечно, Рыжий не мог не повлиять на меня, как и на большинство молодых уральских поэтов. Затем я открыл для себя Бродского.
2. Ф. Достоевский «Идиот», Л. Толстой «Анна Каренина», Д. Оруэлл «Скотный двор», А. Шопенгауэр «Мир как воля и представление», Гоголь «Шинель», «Вий».

3. Брайан Виверос.
4. Чайковский, Шопен, Вагнер. В основном слушаю альтернативную музыку.
5. «Остров» Павла Лунгина, «Народ против Ларри Флинта», «Жизнь прекрасна», «Пианист», «Шоу Трумана», «Назад в будущее».

Лаврентьев Владимир Юрьевич родился в 1956 г. в Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета. Публиковался в журнале «Уральская новь», в альманахах «Пульс-1991», «Пермь Третья». Автор книг стихотворений «Город» (1990), «Постоянство места» (2005). Публиковался в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Тексты В. Лаврентьева (а также В. Кальпиди, В. Ракова, А. Колобянина, И. Богданова) легли в основу поэтического спектакля «Стихи о Перми» (реж. Оксана Чугунова, Дамир Салимзянов, театр «Сцена-Молот», 2010). Участник АСУП-1, 2, 3. Живёт в Перми.

Культурная история поэта

1. В. Кальпиди, И. Бродский, Т. С. Элиот, У. Стивенс, Ф. Пессоа.
2. Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества», Х. Кортасар «Модель для сборки», Д. Джойс «Улисс», У. Эко «Маятник Фуко».
3. Морис Утрилло. Дж. Де Кирико. Импрессионисты.
4. И. С. Бах, В. А. Моцарт, Астор Пьяццолла. Джаз.
5. «Пепел и алмаз», «Амаркорд».

Прямая речь

«На мой взгляд, “роман” с поэзией в моём случае зависел от состояния нервной системы. Я рос достаточно нервным ребёнком, фантазировал с самого раннего детства, вечно придумывал каких-то персонажей, сказки с продолжением; мечтал о приключениях и путешествиях. Я много читал, наверно, потому, что по телевизору смотреть было нечего». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vladimir-lavrentev.html>

Лукашенко Анна Анатольевна родилась в 1990 г. в Кургане. Училась в Екатеринбурге, работает дизайнером в архитектурной мастерской. Вошла в шорт-лист Волошинской премии 2016 г в номинации «Малая художественная проза». Публиковалась в журналах «Вещь», «Литсреда», «Новая реальность» и др., в антологии «Шепчутся и кричат». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Поэты, оказавшие влияние на моё творчество: Бродский, Хармс, Елена Гуро, Нина Александрова. На первый взгляд, список может показаться парадоксальным. Тем не менее, Бродский стал для меня «мостиком» от поэтов Серебряного века к современным, доказательством того, что силлабо-тоника может быть интересной и небанальной. Хармс, в свою очередь, стал для меня доказательством того, что в нерифмованном тексте может скрываться особая поэтика. С творчеством Елены Гуро я только начала своё знакомство, но уже впечатлена – «звучанием» её голоса в текстах, особым взглядом. Нина Александрова оказала на меня

большое влияние как поэт и как человек во время работы под её началом в литстудии «Кимберлитовая трубка». От неё я узнала много новых имен талантливых современников, познакомилась с разными поэтическими стилями и творческими методиками.

2. «Атлант расправил плечи» Айн Ренд. Долгое время была фанатом этой книги, перечитывала несколько раз. Позднее в мою жизнь пришёл Чак Паланик с его циничным взглядом на мир, ещё позднее – «Король утопленников» Алексея Цветкова-младшего, повлиявший не только на моё творчество, но и на политические убеждения.

3. Иероним Босх, Морис Эшер, Геннадий Калиновский, Семён Акулов. Первый меня впечатлил ещё во время обучения в художественной школе множеством причудливых образов. Морис Эшер – бельгийский график, в его работах часто присутствует игра с пространством, создание невозможных, но при этом геометрически выверенных фигур. Геннадий Калиновский занимался иллюстрированием книг, в том числе детских – и в его работах тоже присутствует парадокс, игра с линией и пятном. Семён Акулов является современным художником-плакатистом, его работы часто грубые, нарочито примитивные, но при этом точно отражающие суровые реалии действительности.

4. Филипп Гласс, музыкальное направление инди.

5. Один из фильмов, потрясших меня, это «Вечное сияние чистого разума». Пересматривала его раз семь, если не больше, каждый раз находя при просмотре новые детали и «ключи».

Маниченко Александр Андреевич родился в 1988 г. в посёлке Полетаево Челябинской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького в 2012 году (семинар Е. Ю. Сидорова). Печатался в журналах «Воздух», «Волга XXI век», «Урал». Публиковался в сборнике «На достаточных основаниях» (2013 г.), в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Лонг-листёр премии «Дебют» в 2009, 2010 и 2011 гг. Лауреат премии «ЛитератураРентген» в главной номинации в 2009 г. Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Нина Искренко, Ольга Седакова, Елена Фанайлова, Линор Горалик, Станислав Львовский, Василий Чепелев, Екатерина Симонова, Леонид Шваб, Сергей Морейно, Екатерина Соколова, Полина Барскова, Ольга Мартынова, Алла Горбунова, Олег Юрьев, Уильям Блейк, Уолт Уитмен, Т.С. Элиот, Эзра Паунд, Дилан Томас, Аллен Гинзберг, Чарльз Олсон, Майкл Палмер.

2. Дэн Симмонс «Песни Гипериона»; Филипп Пулман «Тёмные начала»; Вирджиния Вулф «Миссис Деллоуэй» и «Орландо»; Леонард Коэн «Блистательные неудачники»; Торнтон Уайлдер «Мартовские иды», «День восьмой» и «Мост короля Людовика Святого»; Фрэнсис Скотт Фитцджеральд «Ночь нежна»; Натанаэл Уэст «День саранчи»; Уильям Фолкнер «Шум и ярость», «Пригча», «Свет в августе»; Моник Виттиг «Вергилий, нет!»; Илья Масодов «Ключ от бездны», «Тепло твоих рук», «Мрак твоих глаз», «Сладость губ твоих нежных»; рассказы Келли Линк.

3. Уильям Блейк, Эдвард Хоппер, Хоан Миро, Фрида Кало, Диего Ривера, Иероним Босх, Александр Дейнека, Анри Матисс.

4. Музыка: сложно и много.

5. «Сад» Дерека Джармена, «Девственницы-самоубийцы» Софии Копполы, «Десять негрят» Станислава Говорухина, «Любовное настроение» и «2046» Вонга Кар-Вая, «Нигде» Грега Арраки, «Кислород» Ивана Вырыпаева, «Изображая жертву» Кирилла Серебренникова, «Богиня. Как я полюбила» Ренаты Литвиновой, «Лабиринт фавна» Гильермо дель Торо, «Много шума из ничего» Джосса Уидона. Серии и мини-сериалы: “Babylon 5”, “Utopia”, “The prisoner”, “Six feet under”, “American gods”, “Sense8”, “Penny dreadful”.

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/aleksandr-manichenko.html>

Матросов Сергей Валерьевич родился в 1981 г. в Верхней Туре Свердловской области. В 1996–2000 гг. учился в Верхнетуринском механическом техникуме по специальности «технология машиностроения». Стихи начал писать в 1992 г. В 2000–2002 гг. служил в ВДВ Российской армии. Работал уполномоченным ОВД г. Кушва (2002–2003). С 2003 г. работает сотрудником личной охраны. Публиковался во многих изданиях, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Лауреат нескольких литературных премий. Автор трёх книг стихов: «Эшафот» (2000), «Дом прокажённых» (2003), «Стихи» (2006). Лауреат ордена Маяковского. Участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Глобально и всеобъемлюще – Мандельштам и Бродский; локализованно, с меньшим, но другим по воздействию, эффектом – Казарин, Кальпиди, Ерёмэнко.

2. «Летающие сказки» Крапивин, «Приглашение на казнь» Набоков.

3. –

4. The Doors.

5. «Весна, лето, осень, зима... и снова весна», «Зеркало», «Коровы».

Прямая речь

«В маленьком портовом уральском городе Верхняя Тура, где я родился, никогда ничего не происходит». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/sergej-matrosov.html>

Меньшенина Елена Сергеевна родилась в 1991 г. в Липецкой области. По специальности – филолог-преподаватель. Работает в сфере книгоиздания. Публиковалась в журнале «Вещь», альманахах «Звездный голос», «Красными буквами», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», коллективных сборниках «Электрический снег», «От четырех стихий природы», «На достаточных основаниях», «Шепчутся и кричат». Автор книг «Алхимика дождя» (2011), «От чаепития до надежды» (2012), «Беспрудно светло» (2013). Участник проекта «Молодые – молодым». Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Роальд Мандельштам, Иосиф Бродский, Иван Жданов, Бахыт Кенжеев, Юрий Казарин, Михаил Шерб.
2. Сомерсет Моэм «Острие бритвы», Владимир Орлов «Альтист Данилов», Горан Петрович «Атлас, составленный небом», Фред Адра «Лис Улисс», Анна Коростелева «Школа в Кармартене».
3. З. Серебрякова, М. Врубель, И. Айвазовский, А. Муха.
4. Эдвард Григ, Альфред Шнитке. Предпочитаю рок-музыку.
5. Не люблю и не смотрю кино.

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/elena-menshenina.html>

Мехоношина Ольга Васильевна родилась в 1984 г. в Нижнем Тагиле. Окончила художественно-графический факультет Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, аспирантуру ИХО РАО в Москве, кандидат педагогических наук. Дизайнер-график, иллюстратор, шрифтовик. Жила в Москве, Мурманске. Автор книг: «Город Зет» (2001), «Чистый понедельник» (2003), «Двадцатая нация» (2007). Лауреат премии губернатора Свердловской области за вклад в развитие искусства (2003), Лауреат премии-гранта губернатора Мурманской области «Издательская деятельность» (2015), участник Всероссийского фестиваля молодых писателей (2001, 2003, 2005), публиковалась в журналах «Урал», «Крещатик», «ЛиФФт», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», антологиях («Екатеринбург» и др.) энциклопедии «Екатеринбург литературный». Шорт-лист «ЛитератураРентген. Живёт в Екатеринбурге».

Культурная история поэта

1. Сейчас влияют О. Мандельштам, И. Бродский, И. Жданов, В. Соснора, Х. Борхес. Поэзия началась для меня с В. Месяца, А. Застырка, Б. Пастернака и Е. Туренко.
2. Важная для меня проза – Библия, М. Павич «Хазарский словарь», И. Тургенев «Стихотворения в прозе», Й. Хейзинга «Человек играющий», Т. Пратчетт «Цвет волшебства» и др.
3. К. Коровин, Н. Крымов, Г. Климт; каллиграфия П. Чобитько и И. Богдеско, акварельная мультипликация А.Петрова, иконопись и фрески XIV–XVI вв., визуальные опыты – анаморфная живопись, фризлайт и пр.
4. На данный момент моё – это многоголосное пение (народное, а капелла – от духовных стихов до «бобблов» Б. Макферрина); воспитана на Pink Floyd, Journey, Santa Esmeralda, Doors, Rage.
5. «17 мгновений весны», «Андрей Рублёв», трилогия «Куб» и др.

Страница в информационном депозитарии

<http://mv74.ru/upsh/olga-mexonoshina.html>

Миронов Алексей Владимирович родился в 1972 г. в Нижнем Тагиле. Окончил Нижнетагильский государственный педагогический институт, затем аспирантуру Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Кандидат филологических наук. Работал заведую-

щим кафедрой литературы филологического факультета Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, а затем деканом факультета сценических искусств. Член литературной студии «Ступени» (Нижний Тагил). Публиковался в альманахе «Тагильская находка» (2001), «Ступени» (2007, 2012), на страницах периодических изданий («Тагильский рабочий», «Тагильский вариант»). Участник поэтического сборника «Игра» (2008). Автор поэтического сборника «Во сне тебя люблю» (2010). Подборки стихотворений публиковались в журнале «Новая реальность» и в одесском литературно-художественном журнале «Южное сияние». Участник поэтического проекта «Вещество. Вода» (Мегалит, 2017). Живёт в Нижнем Тагиле.

Культурная история поэта

1. Изначально (в школьные годы) – Александр Блок и Александр Пушкин. Затем и всегда – обэриуты, Арс. Тарковский и Н. Рубцов, Г. Шпаликов и А. Кушнер, Л. Губанов и Б. Рыжий, В. Кальпиди и Л. Лосев. И без О. Мандельштама и В. Сосноры никуда. Равно как и без А. Хвостенко и А. Волохонского.
2. Прозаические предпочтения: А. Пушкин, Н. Гоголь, И. Тургенев, Ф. Достоевский, И. Бунин, М. Горький.
3. Не боготворю, но созерцаю М. Шагала, П. Клее.
4. Музыкальные основы: И. С. Бах и А. Вивальди, М. Таривердиев и С. Курёхин. А. Шнитке и А. Мисин, В. Мартынов.
5. Кинематографические работы А. Тарковского, К. Шахназарова, А. Сокурова, К. Муратовой.

Миронова Елена Степановна родилась в 1976 г. в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского государственного педагогического института. Занимается журналистикой. Публиковалась в журнале «Урал» (в том числе под псевдонимом Пилипец), в «Литературной газете», в местных газетах и журналах. В 2001 г. стала финалистка конкурса «Илья-премия». Участница АСУП-3. Живёт в Нижнем Тагиле.

Культурная история поэта

1. Самый первый и любимый (до сих пор) поэт, чьи стихи перевернули мой взгляд на мир, – Борис Пастернак. Именно он научил меня видеть «лампу при свете дерева». После были Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Александр Блок, Иосиф Бродский, Иван Жданов, Леонид Губанов, Андрей Санников, Юрий Казарин, Виталий Кальпиди. Из новых – люблю стихи Александра Кабанова, Сергея Шестакова, Екатерины Перченковой, Алексея Григорьева и др.
2. «Новая модель Вселенной» Петра Успенского, «Цитадель» Антуана де Сент-Экзюпери, «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «Защита Лужина» Владимира Набокова, «Беседы с Богом» Нила Уолша.
3. Я вообще никого не боготворю, но единственный художник, к чьим работам мне хочется не единожды вернуться даже после того, как ноги отваливаются от ходьбы по Эрмитажу, – Марк Шагал. А вообще, мне близки работы экспрессионистов: Пикассо, Мунк, Климт и др.
4. Очевидно, вопрос о музыке предполагает некий классический вариант ответа. Например: Чайковский, Моцарт, Бах... Увы, я очень избирательна

в классической музыке. Пожалуй, единственный композитор, которого могу слушать без «цензуры» – Моцарт. Если говорить о музыке шире, то мне нравится рок. Во всех своих проявлениях.

5. «Игры разума», «1 + 1», «Шестое чувство».

Прямая речь

«Мое одиннадцатилетие было отмечено началом моей трудовой биографии. Вместе с мамой и братом мы ходили по вечерам мыть нашу школу. Запомнилось: кислотовато-яблочный (удивительно, но почему-то действительно, яблочный) запах школьных помойных баков, красная вязаная домашняя юбочка, неловкость и стыд при редких встречах с одноклассниками, а на обратном пути – просто обалденное пение вечерних сверчков и тёмное, глубокое небо, сплошь засеянное звёздами. Тогда же было написано первое самостоятельное стихотворение». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/elena-mironova.html>

Никулина Майя Петровна родилась в 1937 г. в Свердловске. Училась на геологическом факультете, окончила филологический факультет Уральского государственного университета. Работала библиотекарем, заместителем главного редактора журнала «Урал». В 70–80-х гг. вела литературные студии. Сейчас – преподаватель гимназии «Корифей». Автор многочисленных журнальных публикаций, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ»; книг стихотворений: «Мой дом и сад» (1969), «Имена» (1977), «Душа права» (1977), «Колея» (1983), «Бабыя трава» (1987), «Стихи» (2002), «Избранное» в 2 томах (Стихотворения и переводы. Проза) (2008), культурологического исследования «Камень. Пещера. Гора» (2002), «Кермек» (2018). Лауреат Всероссийской литературной премии им. П. П. Бажова, премии губернатора Свердловской области и премии полномочного представителя Президента РФ в УрФО «За литературное творчество» в номинации «Поэзия». Награждена почётным знаком «За вклад в развитие уральской литературы». Участница АСУП-2, 3, проекта «ГУЛ». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Древняя литература – «Эпос о Гильгамеше», «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Лермонтов, Блок, Мандельштам.
2. Мифы разных народов. М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», И. А. Бунин, П. П. Бажов «Малахитовая шкатулка».
3. Поражают древние художники минойско-микенской эпохи (Крит, II тысячелетие до н. э.), наскальные рисунки Алтая эпохи бронзы и пр. Эль Греко, Ван Гог, Врубель, Коровин.
4. Музыка не близка вообще, предпочитаю тишину или звуки природы. Для меня горловое пение северных народов самобытнее оперного...
5. Не «потрясших», а скорее понравившихся... Не могу поставить их в ряд с книгами: книги всегда потрясают больше.

Прямая речь

«Моё реальное время, которое я помню и в котором жила, началось с войны. Военный Свердловск – танкоград, госпиталь и эвакуопункт,

в первую же военную осень увеличившийся в разы, жил, как все: холодно, голод, теснота (1,5–2 кв. метра на человека) и работа «не щадя ни сил, ни времени, ни самой жизни». Детей это касалось в полной мере. У нас были свои заботы: очереди, многочасовые – в баню, бесконечные – с вечера до утра – за хлебом; картошка (посадить, окучить, устеречь, убрать); вообще всё то, что называется выполнением продовольственной программы. Мы собирали траву, корни, съедали липовые почки, молодые сосновые побеги – это с мая по октябрь. Мы стояли под окнами госпиталей (чтобы раненые видели, что мы живые), провожали похоронные машины, бежали за танками, идущими на фронт». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии

<http://mv74.ru/upsh/majya-nikulina.html>

Носков Артём Сергеевич родился в 1989 г. в Свердловске. Учился в школе с углублённым изучением немецкого языка, занимался спортом. Получил техническую специальность в университете. В 2015 г., победив на «Шоу неизданных книг» пермского поэтического фестиваля «Компрос», получил право издать собственную книгу стихов «Муравьиная дробь». Публиковался в сборнике молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат» (2016), в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Воспитывает дочь. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Сильное впечатление на меня произвёл А. Блок, было это лет в 16, самая пора для романтически настроенного юноши. В разное время за эталон брались и Маяковский, и Бродский, и Рыжий. Не обошлось даже без Андрея Родионова. В последние пару лет читаю Мандельштама, из современников чаще других – Туренко и Казарина.
2. Если не особо сильно погружаться на дно памяти, то из прозаических произведений самое сильное впечатление на меня произвели «Красный смех» Леонида Андреева и «Похождения бравого солдата Швейка» Гаюшека.
3. Банально, но восхищаюсь картинами Дали. К слову, удивления они у меня не вызывают.
4. Из классической музыки близок Вивальди. В остальных жанрах предпочтения абсолютно выборочны.
5. В подростковом возрасте потрясла «Ускользящая красота», затем «Фонтан». Последний фильм, который хочется пересматривать – «Бегущий по лезвию».

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/artiom-noskov.html>

Оболикшта Елена Сергеевна родилась в 1985 г. в городе Новоуральск Свердловской области. Окончила философский факультет УрГУ по специальности «арт-менеджер». Исполняет песни на собственные стихи и музыку, а также пишет музыку к стихам других поэтов. С 2005 г. участница литературного семинара А. Санникова при журнале «Урал». Стихи публиковалась в различных литературных журналах, в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ»,

на сетевых ресурсах. Автор литературно-критических эссе и книги стихов «Эльмира и свинцовые шары» (2010), удостоенной Большой независимой поэтической премии «П» (2011). Участник АСУП-3, сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016» (2-й том) и проекта «Жестикоммуникация». Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Поэты оказали на меня сильное влияние не столько манерой письма или образами, сколько тотальностью своего присутствия в мире, т. е. суммарно: с судьбой, уникальным психотипом, крутыми поворотами биографии. А стихи – это только вершина всего этого айсберга. И так, первый – Есенин. Потом, хоть и менее внятно, – Маяковский. Дальше, конечно, Цветаева, а через неё значительная честь её современников. Следом – Бродский. Только начала ощущать присутствие Мандельштама, как вдруг – первое поколение УПШ: Санников, Тягунов, Дрожащих, Кальпиди.

2. До сих пор толком не понимаю, что такое проза и какова её (ал)химическая формула. Но первая книга, которая лишила меня многих иллюзий (по поводу меня же самой), – «Преступление и наказание». И ещё – ряд философских работ Мамардашвили, Бердяева, Канта, Гуссерля. Почти весь Пелевин.

3. Люблю импрессионистов, а удивляюсь Рене Магритту.

4. Йоганн Себастьян Бах. Это по-настоящему ангельская музыка. Прокофьев. Шопен (абсолютно непостижимо, как он мыслит такими сложными пассажами). Особое значение для меня имеет «Реквием» Моцарта. А ещё – наилюбимейший шведский дуэт Roxette, Антонио Карлос Жобим и вся самба-босановная современная ему тусовка. Борис Борисович Гребенщиков и отдельные представители жанра авторской песни.

5. «Твин Пикс», «Камилла Клодель», «Хилари и Джеки» (о виолончелистке Жаклин Дюпре), «Часы» (по роману Майкла Кэнингема). Весь Педро Альмодовар и другие испанские режиссёры, например, Хулио Медем («Хаотичная Анна»). Отдельные художественные высказывания и творческие жесты Ларса фон Триера. А ещё: «Ганнибал», «Море внутри», «Господин Никто», «Области тьмы», «Талантливый мистер Рипли» и «Мосты округа Мэдисон». Совершенно невероятная и вдохновляющая работа Стивена Шейнберга «Мех: Воображаемый портрет Дианы Арбус».

Прямая речь

«...я и поняла, что философия, пытаясь быть наукой, вынуждена сильно снижать скорость смыслообразовывания и плотность изложения, чтобы успеть привести все аргументы и обоснования. Поэзия же гораздо более мобильное средство передвижения – скорость, длина строки, плотность и лёгкость, которые возможны в ней, позволяют преодолевать любые расстояния в считанные секунды». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/elena-obolikshhta.html>

Петрушкин Александр Александрович родился в 1972 г. в городе Озёрск Челябинской области. Публиковался в журналах «Урал», «Зна-

мя», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Аврора», «Нева», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и др. Автор нескольких поэтических сборников. Лауреат литературной премии «ЛитератураРентген» в номинации «Фиксаж» (лучший нестоличный издатель поэзии, 2007). Лауреат премии журнала «Дети Ра» (2008). Лауреат премии журнала «Зинзивер» (2010). Лауреат специальной премии «Русский Гулливер» (2014). Куратор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». Участник АСУП-2, 3. Живёт в городе Кыштым Челябинской области.

Культурная история поэта

1. Данте Алигьери, Иван Жданов, Андрей Тавров, Алексей Парщиков (периода «Днепровского августа»), Леонид Аронзон, Андрей Поляков, Виталий Кальпиди (конкретно «Мерцание» без комментариев).
2. Ф. Достоевский «Братья Карамазовы», «Неточка Незванова». Габриэль Маркес «Сто лет одиночества». Стивен Кинг «Безнадёга». Роджер Желязны «Хроники Амбера». Библия и ещё список человек на 100.
3. Рене Магритт.
4. Слишком много, и, значит, можно сказать, что ничья.
5. «Ностальгия» Андрея Тарковского.

Прямая речь

«Важно, что стихи перестали быть предметом тщеславия и пишутся от того, что иногда хочется именно так говорить. Важно, что есть дом, в котором я всё-таки когда-нибудь умру. А рядом с домом – своя земля, а на этой земле растут картошка, капуста, огурцы. Что этой весной я посадил у себя под окном три розы, и одна из них прижилась». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая речь»)

Страница в депозитарии УПШ:

<http://mv74.ru/upsh/aleksandr-petrushkin.html>

Подлубнова Юлия Сергеевна родилась в 1980 г. в Свердловске. Окончила филологический факультет Уральского госуниверситета. Кандидат филологических наук. Автор научных публикаций. Работает зав. музеем «Литературная жизнь Урала XX века». Стихи публиковались в альманахах «Пролог», «Девушка с веслом», журнале «Урал», антологиях «Согласование времен» и «Екатеринбург 20:30». Критика – в журналах «Урал», «Октябрь», «Знамя», «Дружба народов» и др., в 2017 г. вышла книга статей об уральской поэзии «Неузнаваемый воздух». Лауреат премии журнала «Урал» (2015, в номинации «Критика»). В 2014–2017 гг. обозреватель портала «Литература». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Минюя классик, в т. ч. уральскую, – Екатерина Симонова, Елена Баянгулова, Алексей Сальников. Абсолютная величина – Яан Каплинский.
2. «Идиот» Достоевского, «Тёмные аллеи» Бунина, «Лолита» Набокова, эссеистика Цветаевой и Бродского, «Школа для дураков» Соколова. На самом деле, почти вся классика XX века. «Романтики» Паустовского. «Фиеста» Хемингуэя.
3. Здесь стоит говорить не об именах, а об опыте, который приобретаю, когда открываю для себя очередной художественный музей, не важно,

где он находится – в Омске или в Вашингтоне. Очень нравится Новая Третьяковка – всё, что там представлено. Просто до экстаза.

4. Раньше любила русский рок, и любовь эта иногда вспоминается, а ещё группы Doors, Nirvana, сейчас интересны инди-группы, но слушаю редко. Люблю слушать классику в живом исполнении, но делаю это тоже редко.

5. «Асса», «Иди и смотри», «Покаяние» и в целом перестроечное кино, позже – итальянцы: Феллини, Антониони, Бертолуччи (особенно «Конформист»). Тарковский, Коппола, «Мертвец» Джармуша. «Пианистка» Ханеке (любовь всех экзальтированных филологических девочек).

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/yulia-podlubnova.html>

Потапова Полина Владимировна родилась в 1978 г. в селе Миасское Красноармейского района Челябинской области. Мать двоих детей. Филолог, журналист, фотограф. Автор трёх поэтических сборников и книг стихотворений «Первые значения» (2016) и «Родственные связи» (2017). Публиковалась в журналах «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Урал», сетевом журнале «Новая реальность», в «Невском альманахе», «Балтике», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Участник АСУП-2. Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Цветаева, Маяковский, Хлебников, Чёрный, Пригов, Кадикова, Перченкова, Изварина... На самом деле этих имён гораздо больше, а перечисленные – это «веховые» имена в разные периоды жизни. Почти одновременно с Маяковским etc., в 90-е гг. (в старших классах школы), я познакомилась с потемодернистами, переболела концептуалистами (пыталась даже им подражать), затем увлеклась Искренко, а позднее читала с интересом примерно с десятков поэтов нулевых +. Но если говорить о том, кто в принципе вынудил (и вынуждает) писать – то, как и всех остальных, мне кажется, не кто, а что. Обыкновенный страх тишины и пустоты.

2. Если говорить о писателях, то первым назову всё же Ричарда Баха, знакомство с которым пришлось на наполненные кайфом свободы с одной стороны, и страхом перед будущим – с другой, студенческие годы. Его философские рассуждения упали на «подготовленную почву», и какое-то время Бах был моим «настольным» психоналитиком. А прозаические произведения, потрясшие меня в разное время, – «Отверженные» Гюго, «Камо грядеши» Сенкевича, у Достоевского более всего – «Идиот» и «Бесы», «Замок» Кафки и «Защита Лужина» Набокова, «Сто лет одиночества» Маркеса, «Игра в классики» Кортасара, «Учение Дона Хуана» Кастанеды, и ещё с десятков – минимум – книг. Последние лет 15 стараюсь следить за российскими литературными новинками (не мейнстримом – от «классиков» типа Улицкой до новых и уже не совсем новых имён, типа Иванова).

3. «Мои» художники – Ван Гог и другие (французские и не только) импрессионисты. Оговорюсь: из всех искусств живопись – это то, на чём я именно отдыхаю. В отличие от моего «выбора» в литературе и, например, кино – здесь я абсолютный мазохист.

4. Музыка люблю и могу слушать разную, в зависимости от настроения (от классики до фолк-рока). Из композиторов мне наиболее близки Чайковский, Рахманинов, Шнитке, Таривердиев, Рыбников, Шварц, Земфира.

5. Из художественных фильмов в разное время потрясли «Двадцать дней без войны» (и вообще люблю Германа), «Свой среди чужих, чужой среди своих» (Михалкова люблю только раннего), «Танцующая в темноте» Ларса фон Триера, фильмы Йоса Стеллинга («Иллюзионист», «Стрелочник», «Душка»), «Небо над Берлином» Вима Вендерса, дилогия Коротких фильмов (о любви; об убийстве) и трилогия «Три цвета» («Синий»; «Белый»; «Красный») Кшиштова Кесьлевского, британский телесериал «Чёрное зеркало» и другие. А ещё я могу посмотреть качественные иностранные сериалы. В последнее время увлеклась скандинавскими.

Прямая речь

«А вообще, пожалуй, все, кто меня окружают, включая моих друзей и «коллег по цеху», каждый хоть в какой-то степени да спровоцировал эффект бабочки в моей судьбе. Дай Бог всем моим близким и другим хорошим людям долгих лет осмысленной и наполненной яркими событиями жизни!» (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/polina-potapova.html>

Проскуряков Павел Сергеевич родился в 1957 г. в деревне Ежово Манчажского района Свердловской области. В 1974 г. окончил школу в городе Ревда Свердловской области, а в 1978 г. – Свердловский юридический институт. С 1978 г. работал в прокуратуре, служил в Армии, опять работал в прокуратуре. С 1996 г. по сегодняшний день работает нотариусом. Женат, две дочери. Публиковался в журнале «Урал», в «Литературной газете», в антологии «Чёрным по белому». Книги стихов «Хрустальная трава» (2007), «Глиняный человек» (2014). Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Александр Блок, А. Твардовский «Василий Тёркин», Арсений Тарковский, Эмили Дикинсон, Райнер Мария Рильке, Осип Мандельштам, А. С. Пушкин, Алексей Решетов.

2. М. Лермонтов «Герой нашего времени». Н. В. Гоголь «Тарас Бульба», «Нос», «Шинель». Л. Н. Толстой «Война и мир». И. Бунин «Рассказы». Э. Хемтнгуэй «Старик и море». Ф. Достоевский «Идиот».

3. Эль Греко, Боттичелли, Михаил Врубель и стиль модерн в целом, Малевич, Наталья Гончарова.

4. Булат Окуджава, Микаэль Таривердиев, Шнитке, Гайдн, Вивальди.

5. «Любовь и голуби», «Покровские ворота», «Остров» Лунгина.

Прохоров Александр Игоревич родился в 1984 г. в Челябинске. Учился в Южно-Уральском государственном университете. Занимается археологией. Публиковался в интернет-альманахе «45-я параллель».

Культурная история поэта

1. Евгений Головин. Александр Блок. Кирилл Рыбьяков. Игорь Северянин.

2. Борхес, рассказы. Мирча Элиаде. Пушкин «Повести Белкина». В. Драгунский «Денискины рассказы».
3. Василий Кандинский.
4. А. Г. Шнитке, Joy Division, Chopin, Е. Летов, Отава Ё, Tom Wayts, Current 93.
5. «А зори здесь тихие», «Андрей Рублёв», «Ex-drummer», «Душител ь против душителя».

Сабитова Ангелина Евгеньевна родилась в 1993 г. в Новосибирске. Окончила магистратуру историко-филологического факультета ЧелГУ, заочный факультет Литературного института им. А. М. Горького. Работает учительницей литературы в средней общеобразовательной школе, ведёт подростковую литературную студию в лицее-интернате для одарённых детей. Автор поэтического сборника «Дерево в форме реки» (2014). Шорт-лист Южно-Уральской литературной премии (2014). Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Поэтов, оказавших на меня влияние, немного. Первый – перевернувший моё представление о поэзии ещё в старших классах Арсений Тарковский. Сейчас мне совсем не хочется к нему возвращаться, и на данном этапе жизни он мне уже не так интересен. А второй поэт, которым я сильно увлеклась в начале студенчества и сборник которого держу всегда на виду, Тумас Транстремер. Мне близка его нордическая неспешность, вдумчивость, философичность. Другие поэты, повлиявшие на меня чуть менее сильно, – это Райнер Мария Рильке и Александр Введенский.

2. Я выросла на латиноамериканских писателях. Тепло и с благодарностью отношусь к Г. Г. Маркесу. Его «Сто лет одиночества» никакими дождями не вымыть из моей памяти, но «Осень патриарха» дала мне больше в плане понимания того, как устроен мир: она многое рассказала мне об отношениях власти и человека. Также в своё время меня потрясла литература о Холокосте (произведения польских писателей, например, Зофьи Налковской, и немецких, рефлексирующих на эту тему), окончательно сформировав мои понятия о гуманности и нравственности. Но всё же мне не хочется выделять отдельных авторов и отдельные произведения. В конце концов, мы – это все книги, которые мы прочитали.

3. В юности увлекалась прерафаэлитами, обожаю «Офелию» Дж. Милле. Особенно была очарована не столько живописью этих художников, сколько романтическими историями, с ними связанными – например, историей любви Д. Габриеля Россетти и Элизабет Сиддал. Сейчас живо интересуюсь искусством XX–XXI в. Не могу сказать, что разбираюсь в нём хорошо и до конца его понимаю, но мне интересно, как менялось и меняется визуальное мышление людей в определённых социальных и исторических обстоятельствах. Нравится разгадывать формы супрематизма, игры концептуалистов (и зарубежных, и русских). Смежные формы искусства меня также занимают: акции, перформансы, инсталляции. Мне интересно наблюдать, как меняется искусство, и разбираться, почему так происходит.

4. Не могу объяснить, почему, но что-то одновременно страшное и прекрасное происходит во мне, когда слушаю музыку двух совершенно непохожих композиторов: Альфреда Шнитке и Клаудио Монтеверди. Интересны музыкальные эксперименты Джона Кейджа. Вообще же, честно говоря, не обладаю музыкальным снобизмом и могу слушать почти всё. Хотя обращаю особое внимание на музыку с хорошим текстом.

5. В жизни предпринимала несколько попыток разобраться в истории кинематографа, и все оказались провальными. Мне нравится множество фильмов. Назову те, что вспомнились из этого списка первыми: «Ночь» Микеланджело Антониони; «Цвет граната» Параджанова – его работа заорожила меня в плане художественности и поэтичности; «Господин оформитель» Олега Тепцова – фильм снят в близкой мне когда-то эстетике декаданса, а ещё там замечательная музыка Сергея Курёхина.

Сальников Алексей Борисович родился в 1978 г. в городе Тарту ЭССР. С 1984 г. жил в посёлке Горноуральский Свердловской области, с 2005 по 2006 г. – в Нижнем Тагиле. Публиковался в различных российских журналах, в том числе в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книг «Стихи» (2004), «Людилошади» (2007), «Нижний Тагил», роман (2004), «Дневник снеговика» (2013), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), «Петровы в гриппе и вокруг него», роман (2017), «Отдел», роман (2018). Лауреат премии «ЛитератураРентген» (2006). Участник АСУП-2, 3; проекта «ГУЛ». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Сильно повлиял Заболоцкий, почему-то поздний. А именно стихотворения «Это было давно», «Прохожий» и «Животные не спят, они во тьме ночной стоят над миром каменной стеной»; «Вторая баллада» Пастернака; «Себя губя, себе противореча» Мандельштама. Но всё же Заболоцкий оказал сильное влияние, сумев прожить жизнь сразу двух разных поэтов.

2. Сильно повлияла повесть «Тревога» Ричи Достян. Рассказы Борхеса. Набоковские «Дар» и «Защита Лужина». Некроэротизм «Чевругура» и «Котлована». Уже по-взрослому хорошо прошёлся роман «Информация» Мартина Эмиса. Ну и так, по мелочи, классики. Например, Достоевский и его «Бесы», очень смешная книга. Как ни странно, рассказы Зоценко.

3. С художниками всё сложно. Я тупо не отличаю хорошего художника от плохого. Мне Семирадский нравится. И маркиз фон Байрос.

4. Песенки в основном. Рождественская песня Леннона, «Imagine». Коэновская «Лавина» и его же «Who by fire».

5. В юности впечатлили «Достучаться до небес», «Острота ощущений», много всего. «Элемент преступления» фон Триера. Сейчас нравятся всякие вещи с уклоном в здоровое безумие типа «Маленькой мисс Счастье» и сериала «Бесстыдники».

Прямая речь

«Какую надпись ты бы хотел, чтобы я выжег на той большой доске, если я вдруг сподоблюсь поступить так, как ты мне посоветовал?» – «Человек может любить больше жизни и не показывать этого, – ответил

сосед. – Хотя нет, выжги лучше "ЗДЕСЬ БЫЛ ЮРА". – "Но ведь ты не Юра", – сказал ангел. "Но ведь и ты ничего не выжжешь и не забьёшь", – ответил сосед и отвернулся». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/aleksej-salnikov.html>

Самойлов Александр Анатольевич родился в 1973 г. в Челябинске. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (2003). Публиковался в газетах «Уральская новь», Ex Libris НГ; поэтическом сборнике «Среда» (1996); журналах «Знамя», «Вещь», «Арион», «Вопросы литературы», «День и ночь». Автор сборников стихов «Киргородок» (Челябинск, 2012), «Стихи» (серия «ГУЛ», 2014), книги-карты «Маршрут-91» (2015), «Дворы» (2016), «Водолаз провёл под водой четырнадцать лет» (2018). Хозяин проекта «Книжный магазин Поэзия».

Участник АСУП-1, 3; проекта «ГУЛ». Живёт в Челябинске.

Прямая речь

«Я недостаточно энергичен для такого города, как Москва. В Москве периодически открываются какие-то двери, и надо просто в них войти... Челябинск – уникальный город, в котором всякая инициатива глохнет... Что-то бурлит, а вдруг снова нет ничего, будто и не было. Екатеринбург совсем другой». (Из фильма-интервью «Бегство как досуг»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/aleksandr-samojlov.html>

Санников Андрей Юрьевич родился в 1961 г. в городе Березники Пермской области. В четырнадцать лет ушёл в хиппи, автостомом и электричками объехал всю страну. Окончил исторический факультет УрГУ, несколько лет занимался научной деятельностью. С научными экспедициями обошёл едва ли не все старообрядческие поселения Урала и Сибири, участвовал в археологических экспедициях в Новгороде, в Сибири и Туве. Работал руководителем лаборатории реставрации в Перми, заведующим отделом Свердловского музея краеведения. Много лет был тележурналистом (автор телевизионного проекта «Земля Санникова» и др.). Несколько лет жил в Нижнем Тагиле, где занимался православной просветительской деятельностью, директорствовал в церковно-приходской школе. Руководил литературным клубом «Лебяжий». Публиковался в журналах «Воздух», «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал», «Октябрь», «Поэзия» (Милан), «Знамя», «Зинзивер», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и др. Автор книг стихов «Прерафаэлит» (1999), «Подземный дирижабль» (2004), «Луна сломалась. Лёгкие стихи» (2006), «Ангельские письма» (2011), «Стихи» (2014, серия «ГУЛ»), «Миришь. Прощайся» (2016), «Зырянские стихотворения» (книга и диск, 2016). На стихи А. Санникова написаны песни, сняты видеоклипы, ставятся перформансы, композитором Алексеем Русских написана (и выпущена на CD) сюита «Зырянские стихотворения». Лауреат премии им. П. П. Бажова (2006) за книгу «Луна сломалась», лауреат премии имени А. Решетова (2011) за книгу «Ангельские письма». Участник

АСУП-1, 2, 3; сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016»; проекта «ГУЛ». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Таких имён/авторов – много больше сотни, может быть – около 200. Совершенно всех нереально их перечислить...

Кроме конкретных имён/авторов очень важна для меня религиозная поэзия, в т. ч. богослужебные тексты, старообрядческие «стихи духовные». Непрерывно важен раёк. Очень много силы даёт скальдическая поэзия. О «манере письма, повлиявшей» – изо всех сил стремлюсь отпрянуть от влияния, связанного с техникой письма, с интонацией текста. Поэты интересуют меня степенью честности и бесстрашия стихов, степенью присутствия сакрального в их текстах.

2. На становление (т. е. в 14–17 лет) – «Блистающий мир», «Бегущая по волнам», «Крысолов», «Фанданго» А. Грина; «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Р. Баха; книги Бомбара, Чичестера, Хейердала, Альбанова, Амундсена, житийная литература. Повторюсь – на становление. Мне нужны были собеседники, говорящие об одиночестве подвига.

3. Веласкес, Де Кирико, прерафаэлиты. Из современников – Андрей Алфёров.

4. Русская классическая музыка, итальянская опера. Аутентичная музыка православных и дохалкидонских церквей. Блюз.

5. Из российских/советских – «Коммунист» Райзмана, «Солярис» и «Андрей Рублёв» Тарковского, «Мой друг Иван Лапшин» Германа, «Торпедоносцы» Арановича, «Серебряные головы» Юфита. В этих фильмах присутствует слитность здешнего и потустороннего. Мёртвые и живые не различают друг друга как мёртвых или живых.

6. Театр вызывает у меня дискомфорт. Полагаю, оттого, что театр – публичное упражнение в лжи. В отличие от хорошего кинематографа, который, напротив, – честное изготовление реальных, прочных предметов.

Прямая речь

«Как-то на встрече с читателями (ну, видно, что подготовились, вопросы спрашивающим заранее раздали, слайд-фильм про меня сделали, школьников привели) спрашивают: “А какое самое сильное впечатление было у Вас в юности?” – “Первый секс, конечно”. (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/andrej-sannikov.html>

Санникова Наталия Владимировна родилась в 1969 г. в городе Верх-Нейвинске (сейчас Новоуральск) Свердловской области. В 1999 г. окончила УрГУ по специальности «теория и история культуры». Занималась бизнесом, телевизионной и газетной журналистикой. С 2001 г. стихи публикуются в коллективных сборниках, журналах «Урал», «Волга», «Воздух», интернет-изданиях (TextOnly и др.), в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор сборников стихов «Интермеццо» (2003) и «Все, кого ты любишь, попадают в беду. Песни среднего возраста» (2015). Участник АСУП-2, 3. Живёт в Челябинске.

Прямая речь

«Вероятно, жить придётся ещё довольно долго (понимаю, что это звучит кокетливо, но я действительно так думаю), но в промежуточном итоге имеется уверенность, что я всегда буду счастлива тем, что любила тех, кого любила, рожала детей, занималась музыкой и писала стихи». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/nataliya-sannikova.html>

Семенцун Владислав Викторович родился в 1984 г. в городе Рыбница Молдавской ССР. Детство и юность провёл на севере, в таёжном городе Нижневартовске ХМАО. В 2002 г. переехал в Екатеринбург. Учился в Академии искусств и художественных ремесел им. Демидова на режиссёра игрового кино и в Гуманитарном университете на факультете телерадиожурналистики. Участник независимого клуба «ЛебядкинЪ». Участник музыкального музыкально-поэтического сообщества «Vitamin Youth». Является внештатным корреспондентом академии развития и восстановления «Уральская фольклористика». Публиковался в журналах «Урал», «Урал-Транзит», «Новая Реальность», на Евразийском журнальном портале «Мегалит», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Автор книг «Рождение естественным путем» (2014), «Трубка полного снега для быстрого бега» (2017). Участник АСУП-3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Поэтов, которые повлияли на меня, очень много, их можно перечислять до бесконечности. Да и фамилии их малоизвестны. А вот самый первый человек, который изменил кардинально мой взгляд на поэзию и рассказал как раз о малоизвестных поэтах, это Андрей Юрьевич Санников. Я считаю его своим поэтическим учителем.

2. Начинаешь углубляться в прозаический мир, неважно каких веков и планет, и приходишь в ужас. Какое большое количество замечательных писателей существовало и существует. На всех не хватит скромной человеческой жизни, чтобы ознакомиться с их трудами. Считаю, что те или иные книги сами появляются в жизни по неведомым мне случайным неслучайностям. Выделять каких-то определённых авторов считаю бессмысленным, ибо все авторы, которых я прочитал, хороши, а прочитал я немало.

3, 4, 5. Также это касается и других сфер искусств.

Прямая речь

«В девятом классе я написал своё первое стихотворение. В том году утонула моя младшая сестра Семенцун Виктория Викторовна (30.06.1994–27.05.2000). Моё первое стихотворение было о смерти моей сестры». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vladislav-semencul.html>

Симонова Екатерина Викторовна родилась в 1977 г. в Нижнем Тагиле Свердловской области. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Стихи публиковались в жур-

налах «Воздух», «Новый мир», «Волга», «Новый берег», «Уральская новь», «Урал», «Транзит-Урал», «Плавмост», «Номо Legens», «Вещь», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» и т. д.; переводились на английский и словенский языки. Автор пяти книг стихов: «Быть мальчиком» (2004), «Сад со льдом» (2011), «Гербарий» (2011), «Время» (2012), «Елена. Яблоко и рука» (2015). Участник АСУП-2, 3. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Поэты, честно говоря, – на то и поэты, чтобы симпатии к ним менялись, как в калейдоскопе. Поэтому есть смысл говорить только о неизменном. В моём случае это одно имя – Михаил Кузмин, остающийся со мной везде и несмотря ни на что. Не потому, что это было давно, не потому, что нет ничего интересного в современной поэзии (есть, и очень много, и много любимых и дорогих, вот только писать бессмысленных списков никогда не стоит), а просто потому, что это – моё, то самое, без которого никак. Остальное любой может сам придумать, додумать и прицепить ко мне как брошечку конкретно только на этот день недели.

2. Это все романы Джейн Остен (с ними стерильно и иронично) и останкинская трилогия Владимира Орлова (с ней тепло и удивительно). Отдельно – «Грасский дневник» Галины Кузнецовой, дневники Михаила Кузмина, «На берегах Невы» и «На берегах Сены» Ирины Одоевцевой (они живые).

3. Боготворить не умею, удивляться давно разучилась. Нравятся: Эдвард Хоппер (больше всего солнечный), Эндрю Уайет (особенно когда на картине – никаких людей), Джорджия О'Киф (особенно если никакого красного), Вильгельм Хаммерсхёй (весь и полностью), Марианна Верёвкина (совершенно не моё и совершенно прекрасно), ну и всегда – прозрачные складки одежды и змеящиеся власы боттичеллевских девушек.

4. Понятия не имею. Я всягда. Точнее, ем все, что так или иначе соответствует моему извращенному представлению о звуковом магическом реализме, будь это Томазо Альбинони и Клаудио Монтеверди либо Zoe Keating и Florens And The Machine.

5. Симпатии к фильмам у меня меняются так же часто, как и симпатии к поэтам. Потрясения, конечно, случаются, но, хвала богам, проходят быстро и бесследно. И нет смысла их помнить всегда. Поэтому легче всего будет упомянуть первый фильм из детства, который счастливо остался в моей памяти по причине своей для меня перворожденности – это «Свинарка и пастух», ну и дополнительно можно назвать простые радости моего 2017 г.: три сериала – «Молодой папа» (с оговоркой, что все фильмы Паоло Соррентино – исключительны), «Мир Дикого Запада», новый «Твин Пикс» и фильм – «Бегущий по лезвию 2049». Их я пока что ещё помню и люблю.

Прямая речь

«Стихов никогда не любила. Писание их считала занятием бессмысленным да и утомительным (а изучение оных – ещё более худшим грехом). Честно говоря, с первого же взгляда литераторы у меня возбудили дурные подозрения: моя душа, душа романтической немецкой ограниченной мешаночки, отказывалась принять нестабильность, восторженность и безоглядность богемы. Впрочем, со временем я втянулась, ибо, как мы

все помним, «привычка свыше нам дана – замена счастию она». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/ekaterina-simonova.html>

Слепухин Сергей Викторович родился в 1961 г. в городе Асбесте Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт, аспирантуру при кафедре физиологии человека (1985–1988); работал практикующим врачом (1988–1991); руководил семейной торговой фирмой (1991–2016). В 2004 г. основал издательство «Евдокия»; совместно с дочерью Евдокией издавал и был главным редактором литературного альманаха «Белый ворон» (2011–2016). Стихи, рассказы, эссе публиковались в журналах «Звезда», «Нева», «Волга», «Уральская новь», «Арион», «Знамя», «Новый берег», «Крещатик», «Зинзивер», «Дети Ра», «День и Ночь», «Новый журнал», «Урал», «Интерпоэзия», «Иностранная литература», «Витражи», «Белый ворон», «Континент», «Новая камера хранения», на страницах «Ex Libris НГ» и «МК», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ», в сборнике «Два века о любви» (2012). Автор книг стихов «Слава богу, сегодня пятница!» (2000), «Осенний покрой» (2003), «Вода и пряжа» (2005), «Прощай, Парезия» (2007), «Задержка дыхания» (2009), «Догла забывать» (2011), «Послесвеченье» (2013), «Женщины и самолёты» (2014), «Свердловский цирк» (2016), «Как тесен Рим» (2017), а также книг эссе совместно с Марией Огарковой: «Новые карты Аида» (2009), «Перья и крылья» (2010). В 2015 г. Библиотекой Конгресса США выпущена книга стихоживописи «Небокеан», совместная с бостонским художником Изей Шлосбергом. Участник АСУП-2, 3. Участник сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016».

Культурная история поэта

1. В годы формирования испытал влияние самых разных поэтов – от Дмитрия Кедрина до Блеза Сандрара. Очевидный след оставили А. Блок, М. Цветаева, О. Мандельштам, Б. Поплавский, А. Цветков, В. Гандельсман, С. Чудаков, В. Алейников, А. Пурин, М. Дынкин. Сильное влияние оказали стихи немецких экспрессионистов Георга Тракля и Готфрида Бенна. Мастерами, научившими тонкости ремесла, считаю Александра Сопровского, Геннадия Комарова, Алексея Пурина, Владимира Гандельсмана, Андрея Назарова.

2. Книги, оказавшие влияние на становление личности: «Волшебная гора», «Иосиф и его братья», «Лотта в Веймаре», «Смерть в Венеции» Т. Манна, «Шпиль», «Повелитель мух», «Свободное падение», «Воришка Мартин», «Зрима тьма», «Ритуалы плаванья» У. Голдинга, «История мира в 10 ½ главах», «Попугай Флобера» Джулиана Барнса, «Остаток дня» К. Исигуро, «Коллекционная вещь» Т. Фишера, «Я обслуживал английского короля» Б. Грабала, «Коричные лавки», «Санатория под клесидрой» Б. Шульца, «Ното Фабер», «Назову себя Гантенбайн» М. Фриша, «Замок» Ф. Кафки, «Игра в классики» Х. Кортасара, «В ожидании Годо» Беккета, «Амстердам» Й. Маккьюэна, «Александрийский квартет» Л. Даррелла, «Уроки немецкого» Зигфрида Ленца, «Ничейная земля» З. Сафьяна, «Странствия Бальдасара» А. Маалуфа», «Элемен-

тарные частицы» М. Уэльбека; классическая русская проза (Пушкин, Гоголь, Гончаров, Чехов, Достоевский, Толстой, Куприн, Бунин, Булгаков), а также книги Варлама Шаламова, Дмитрия Савицкого, Андрея Назарова, Александра Кузьменкова, Дмитрия Бакина.

3. Трудно ответить, кто из художников не был предметом моего самого пристального изучения. Как на живописца и графика бесспорно повлияли немецкие экспрессионисты, хотя моим первым художественным опытом была композиция супрематическая. Работаю в пастели, поэтому мастера, её предпочитающие другим техникам, интересны мне в первую очередь.

4. Слушаю джаз – и классический, и современный; сегодня отдаю предпочтение The Bryan Ferry Orchestra, Pink Martini, Diana Krall, Rebekka Bakken, Covach, Melody Gardot, Haley Reinhart. Нравится экспериментирующая молодежь: Asaf Avidan, Apocalyptica, Ed Sheeran, LP, Amy Winehouse, Nadeah.

5. Пристрастия в кино: Эйзенштейн, Иштван Сабо, Кшиштоф Кесьлевский, братья Коэн.

Прямая речь

«В 1989 я женился второй раз, моя избранница окончила филфак. Этот союз очень важен для понимания того, что было дальше. Мы оба с Машей зачитывались стихами “возвращённых” поэтов, Бродского, Лосева, Цветкова, Кенжеева, Гандлевского. Маша на всю жизнь стала моей единственной Музой. Появились в эти годы и собственные стихи. Часть их была написана мною, часть – Марией, а некоторые явились плодами совместного творчества «братьев и сестёр Гонкур». Так в 2000 в Екатеринбурге вышел совместный сборник «Слава Богу, сегодня пятница». После этого началась «настоящая литературная жизнь». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/sergej-slepuxin.html>

Смышляев Евгений Александрович родился в 1991 г. в Челябинске. По образованию филолог. Окончил аспирантуру ЮУрГУ. Работает преподавателем на кафедре русского языка и литературы ЮУрГУ. Дипломант II степени в номинации «Философская лирика» в областном поэтическом конкурсе, посвящённом 95-летию со дня рождения Л. К. Татьяничевой (2010), дипломант I степени в конкурсе «Восхождение на Парнас» (2011). Публиковался в альманахе «Nota Bene» (2013, 2014, 2015), на портале «Мегалит» (2016). Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. В алфавитном порядке: А. Арто, П. Барскова, А. Глазова, А. Горенко, А. Драгомощенко, Д. А. Пригов, А. Рембо, Е. Фанайлова, К. Чухров, Т. Элиот, Л. Юсупова.

2. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Гадкие лебеди» братьев Стругацких, «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше, «Над пропастью во ржи» Джерома Д. Сэлинджера, «В дороге» Джека Керуака, «Дерби в Кентукки упадочно и порочно» Хантера С. Томпсона, «Города красной ночи» Уильяма Берроуза.

3. Винсент Ван Гог, Поль Гоген, Эдвард Мунк, Анри Матисс, Пабло Пикассо, Сальвадор Дали, Жоан Миро, Эль Лисицкий, Марк Шагал, Михаил Врубель, Энди Уорхол, Жан-Мишель Баския, Марина Абрамович.

4. Легенд типа Дэвида Боуи, Бьёрк, Курта Кобэйна и пр. перечислять не буду, иначе список будет слишком длинным.

Люблю экспериментальную электронику и электропоп, индастриал, нойз, дарквэйв и т.п. (Grimes, Chelsea Wolfe, Lingua Ignota, АИГЕЛ, IC3PEAK, CocoRosie); русский инди-поп (ООQJAV, Обе Две) и рок люблю (Guns N' Roses), и даже рэп в последнее время в некотором ограниченном количестве (Скриптонит, например). Много ещё чего и кого люблю!))

5. «Персона» Ингмара Бергмана. Фильмы Ларса фон Триера («Танцующая в темноте», «Антихрист», «Догвилль», «Нимфоманка»). Фильмы Квентина Тарантино («Джанго освобождённый», «Криминальное чтиво»). Фильмы Ким Ки Дука («Пьета», «Мёбиус»). Фильмы Василия Сигарева («Волчок», «Жить»). Из последних – «Неоновый демон» Николаса Виндинга Рефна и «Любовь» Гаспара Ноэ.

Тарковский Владимир Викторович родился в 1986 году в Челябинске. Учился на факультете журналистики в Южно-Уральском государственном университете. Журналист-фрилансер. Повар-кондитер. Автор поэтического сборника «Крыши ниже чем нужно» (2011). Лауреат Южно-Уральской литературной премии «Литера Артель» (2016, 2018). Публиковался в литературных газетах, журналах, поэтических альманахах и сборниках. Участник проекта «Молодые – молодым». Учредитель поэтических слэмов «Полюсы». Живёт в Челябинске.

Культурная история поэта

1. Первые серьёзные стихи привлекали в первую очередь своей образностью и мелодикой. Это, конечно, символисты, с их недостижимыми идеалами и отчуждённостью (Блок, Бальмонт, Брюсов, Сологуб, По). Как следствие – огромное количество подражаний в раннем творчестве. После очень долгий период Мандельштама. Бродского первый раз прочитал рано, в 6-м классе («Пейзаж с наводнением»), отложил довольно надолго, но с 2001 перечитал всего, уже осмысливая абсолютно по-новому. Он прошёл со мной сквозь все годы творчества, и остаётся столпом по сегодняшний момент. Из зарубежных поэтов – это, несомненно, Чеслав Милош, Роберт Фрост, Бен Готфрид и как неизбежная констатация одной из самых больших моих привязанностей – Чарльз Буковски.

2. Первые детские книги безумно любимы и оказывают влияние на восприятие окружающего мира до сих пор. Моя литературная «мама» Туве Янссон и «муми-тролли»! «Серый шёлк», сборник её взрослых рассказов, будет прочитан много позже. Дэвид Грэхем «Ветер в ивах». Виктор Драгунский с «Денискиными рассказами» и «Эмиль из Леннеберги» Астрид Линдгрен. В школе пропустил очень много классической русской литературы, что наверстал в более поздние годы. Из классиков, безусловно: Набоков, Булгаков, Лесков, Бунин, Достоевский. «Анна Каренина» Толстого. Иностранная литература также влияла и влияет очень значительно. Вырос на Брэдбери. Очень много абсолютно непохожих друг на друга авторов: Маркес, Виан, Селин, Селинджер, Генри

Миллер, Кундера, Кутзее, Уэльбек, Каннингем. Опять же вездесущий для меня Буковский. Наверное, не было произведений, фундаментально менявших сознание и образ мышления, но, несомненно, многое из прочитанного открывало новые измерения в восприятии: произведения Кафки, «Пена дней», «Осень в Пекине» Виана, «Элементарные частицы», «Возможность Острова» Уэльбека, «Школа для дураков» Саши Соколова и почему-то кажущаяся мне родственной ему «Москва – Петушки» Ерофеева. Одним из последних открытий стал Паскаль Киньяр. Его романы и философские эссе, рассматривающие, анализирующие, со множеством точек зрения и дающие огромное количество пищи для размышления.

3. Очень люблю живопись. Тема необъятна. Скажу лишь, что на моём пьедестале сюрреалистов (Дали, Магритт) сменили импрессионисты и постимпрессионисты. Любовь всей жизни – Ван Гог. Конечно же, Моне, Ренуар, Писсаро, Сезанн, Гоген, Тулуз-Лотрек.

4. Говорить о любимой музыке тоже можно очень долго. Из классики: Чайковский, Вивальди, Моцарт (в особенности реквиемы), Малер, Шопен, кое-что из Вагнера, Гайдн. Примерно до двадцати трёх лет слушал очень много тяжёлой рок-музыки (Graveworm, Metallica, Fields of Nephilim). Со временем приверженность к этому практически сошла на нет. Сейчас очень люблю женский французский вокал: Эдит Пиаф, Патрисия Каас, Милен Фармер. Scorpions, Eagles, Lana Del Ray. Из поэтов-песенников: Егор Летов, Александр Непомнящий, Олег Медведев.

5. Кинематограф всегда занимал одно из центральных мест в моей жизни и, пожалуй, оказал на всё мое творчество не меньшее, а, возможно, даже и большее влияние, чем литература. Говорить об этом могу бесконечно, поэтому назову некоторые фамилии и фильмы, которые стали столпами в моей вселенной кино. В юности пристрастился к артхаусу, смотрел очень много экспериментального кино (самое близкое, на мой взгляд, к поэтическому слову). Безусловно, Феллини, Антониони, Пазолини, Бертолуччи, Соррентино – обожаю итальянских режиссеров. Из азиатцев: Акира Куросава, Ким Ки Дук, Чхан Ук Пак, Вонг Кар Вай, Чжан Имоу, Такеши Китано. Стэнли Кубрик, Дэвид Линч, Михаэль Ханеке, Ингмар Бергман, Ларс фон Триер, Кшиштоф Кесьлевский. Из отечественных: Андрей Тарковский, Сергей Бондарчук, Владимир Меньшов, Алексей Балабанов, Александр Сокуров, Андрей Звягинцев, Алексей Учитель. Пожалуй, стоит отметить несколько фильмов, которые могу пересматривать бесконечное количество раз, ставшие для меня, если можно сказать, очищающими. Мои фильмы-исповеди, фильмы-музы: «С широко закрытыми глазами» Стэнли Кубрика, «Трудности перевода» Софии Копполы, «Седьмая печать» Ингмара Бергмана.

Хвостанцева Анастасия Максимовна родилась в 1996 г. в городе Каменск-Уральский Свердловской области. Студентка Института международных связей. Публиковалась в журналах «Здесь» и «Новая реальность», на интернет-портале «Мегалит», в альманахе «Чаша круговая», в антологии молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат». Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история

1. Как читателя меня очень впечатлили Борис Рыжий, Дмитрий Воденников. Из зарубежных – думаю, Чарльз Буковски. Наиболее сильное влияние в плане стиля оказал Бродский, на образы и виденье во многом – Екатерина Симонова.
2. Это книги «Цветы для Эдджернона» Дэниэла Киза, «9 рассказов» Сэлинджера и рассказы Брэдбери.
3. В искусстве любимые жанры – постимпрессионизм и сюрреализм. Так, любимые художники – Поль Гоген, Фрида Кало, Сальвадор Дали, Ван Гог.
4. Музыка могу слушать бесконечно и слишком разножанрово, чтобы описывать это полностью. Ценю и этнические мотивы, и симфоническую музыку, и что-то ближе к современности.
5. То, что готова пересматривать всегда, – «Вечное сияние чистого разума», «Господин Никто», «Амели». Из последнего – «Мёд в голове».

Чепелев Василий Владимирович родился в 1977 г. в Свердловске. Окончил Уральскую медицинскую академию, работал детским врачом, затем в фармацевтическом бизнесе, журналистике, организовал собственное рекламное агентство. Публиковал стихи и прозу в журналах «Урал», «Воздух», «Волга», альманахе «Вавилон», сборниках премии «Дебют» и др. Вошёл в шорт-лист премии «Дебют» (2000) в номинации «Поэзия». Организатор екатеринбургского поэтического фестиваля «ЛитератураР-Рентген». Выступал также с литературно-критическими статьями. Автор книги стихов «Любовь «Свердловская». Первый лауреат премии имени Евгения Туренко «За созидательную роль в формировании нового поэтического поколения» (2015). Участник АСУП-2, 3.

Культурная история поэта

1. Иосиф Бродский, Дмитрий Кузьмин, Кирилл Медведев, Станислав Львовский, Линор Горалик, Алексей Денисов, Арсений Ровинский, Аллен Гинзберг, Лоуренс Ферлингетти, Джек Керуак, Гэри Снайдер, Витаутас Плиура, Евгений Туренко, Алексей Сальников, Наталия Санникова, Денис Суюков.
2. Проза Пушкина, некоторый Достоевский (ранние повести и рассказы, «Игрок», местами – «Братья Карамазовы», дневники). Владислав Крапивин – особенно ранняя фантастика, а также трилогия «Острова и капитаны». Джером Сэлинджер, весь Габриэль Гарсия Маркес, основные романы. Борис Виан, весь Хармс. Стругацкие примерно все (от «Мира Полудня» в отрочестве, недавно перечитанного, до «Града обречённого» в молодости и «Поиска предназначения»). Некоторый Стивен Кинг (за исключением «Чёрной башни» и с акцентом на ранние тексты). Сергей Довлатов, весь Уильям Берроуз, основной корпус. Майкл Каннингем, почти весь (с акцентом на первые романы). Джеффри Евгенидис, весь. Дмитрий Бушуев «На кого похож Арлекин». Линор Горалик, Сергей Кузнецов «Нет». Линор Горалик, Станислав Львовский «Половина неба» и т. д.
3. Таких, пожалуй, нет.
4. Я не меломан, когда трезвый. Язык академической, экспериментальной и даже классической музыки мной изучен недостаточно. При этом

я вырос на свердловском роке в частности и русском роке в целом. Вот это мне и близко до сих пор.

5. Гас ван Сент, большая часть фильмов, он для меня один из ориентиров в оптике и тональности художественного высказывания. Фильмы Ларса фон Триера до 2000 (до «Танцующей в темноте» включительно). сновной корпус Линча. Оновной корпус Коэнов, особенно ранние, также до 2000 г. Тарантино – «Бешеные псы», «Криминальное чтиво», снятые по его сценарию. «Прирождённые убийцы», «Забавные игры» Ханеке. Джармуш по «Мертвеца» включительно. «Жизнь в забвении», Том Дичилло. «Два капитана-2» Дебижева. «Ненависть», Матье Кассовиц. «Звери и хозяин заставы», Майкл ДиДжакомо. «Москва слезам не верит» Меньшова. «Три истории» Киры Муратовой. «Генри Фул», Хэл Хартли. «Билет в красный театр», Амурбек Гобашиев. «Дикие тигры, которых я знал», Кэм Арчер. «Билли Эллиот», Стивен Долдри, «Древо жизни», Терренс Малик и т. д.

Прямая речь

«Главных событий моего детства было два. Первое – смерть моей старшей сестры Ани. Как я уже писал, Аня очень серьёзно болела, болезнь её называлась муковисцидоз, и лечить это заболевание не умеют до сих пор. В тринадцать лет Аня умерла. Мне было одиннадцать, и, с одной стороны, мне досталось всё внимание мамы, привыкшей к гиперопеке большого ребенка до этого, а с другой стороны – всё, что я могу назвать словом “детство”, довольно резко закончилось на уровне внутреннего ощущения». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/vasilij-chepelev.html>

Шестаков Алексей Константинович родился в 1988 г. в Екатеринбурге. Окончил школу в 2005 г., окончил ЕГТИ в 2009 г. С 2009 по 2011 жил в Челябинске. Публиковался в журналах «Гвидеон», «Ликбез», «Арт-бухта»; в альманахах «Красными буквами», «Екатеринбург 20:30»; в сборнике «Сны Просперо». Фронтмен и автор песен группы «Авангард Леонтьев». Автор книги стихов «Без костей» (2015). Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Песни-то я сочинял с двух лет, в основном это были бессвязные или состоящие из одной-двух фраз мантры, а вот стихами всерьёз пришлось заняться в 24 года. Импульсом послужила прекрасная и болезненная любовная драма. Первым сильным впечатлением от стихотворного текста явилось знакомство с «Евгением Онегиным» на почве посещения оперы. Вернувшись из театра с горячими ушами, я уселся читать. Мне было 12. Тогда я впервые попробовал написать что-то в рифму. Потом, на 19-м году жизни, я лежал в больнице с менингитом, утешаясь четверостишиями Игоря Губермана и, соответственно, подражая им. Сейчас, наверно, не стал бы читать Губермана, но на тот момент он меня просто вытаскил. Чувство юмора, что ли, пробудил. Первые стихи писал, наслушавшись «Ночных грузчиков», Эминема и русских рокеров, конечно. Потом меня «нашли» екатеринбургские поэты и поднимали,

как выразился Костя Комаров, «с нуля». Зачитывался я Маяковским, Цветаевой, Гумилёвым, Анненским. Уральскими авторами. От многих мощных поэтов приходится отстреливаться, чтоб под тяжёлое влияние не попасть (шарманка Саша Вавилова гипнотизирует, например, не меньше, чем карусель Высоцкого). От обожаемого и ценимого мною Введенского мне нечего взять. Александр Иванович важен мне прежде всего как передатчик информации, но он её передаёт, и добавит к этому нечего. Поэтому люблю, но общего у нас с ним почти ничего. А вот прямое влияние на мою стихотворную деятельность оказали советские поэты 20-х, 30-х г., затем Алексей Цветков, Роман Тягунов, Андрей Санников, Бродский, Блок. Хотя господь знает, кто оказал прямое влияние, а кто кривое. Заболоцкого люблю, Тарковского ценю, Соснору уважаю. Алексей Решетов для меня – идеальный поэт. После Мандельштама. Парщиков ещё.

2. Чтение хорошей прозы для поэта – чуть ли не более нужное занятие, чем усваивание стихов. Но лично меня расстраивает отсутствие крутого положительного героя. Они встречаются, но редко. Как в прозе, так и в кино. Я имею ввиду не картонного социального солдата, а такого, как агент Купер из «Твин Пикс», понимаете? История с сюжетом это чаще всего принятие человеческого идиотизма или болезней («Преступление и наказание», «Золотой храм» и т. д.). Проза воспекает сансару, осмысляет её. А раз уж мы в ней зависли, необходимо проходить через эту терапию. Самый лучший прозаик – Диккенс, но лишь там, где он описывает детство. Достоевский прекрасен как детективщик с необычайно-едкой иронией. Гоголь, Хэмингуэй, Лермонтов. «Анну Каренину» люблю, а у Владимира Шарова – «Репетиции». Макс Фриш. Оскар Уайлд. Да много их, много. Набоков. После года три прозу я читать не мог, перешёл на философию: Кьеркегор, Бердяев, Витгенштейн, Ницше. Но это опять же всё нездорово. Лучше Лао Цзы, Чже Цонкапа. Но сейчас вернулся, вновь читаю прозу. У Пелевина неплохая книжка новая, «Айфак 10».

3. Художники. Куинджи!!! Это алхимия. Он работает с твоим внутренним зрением: предметы будто светятся изнутри, но как? За счет чего?! Может, правда, Дмитрий Иванович ему нахимичил... Импрессионистов люблю. Моне был моим любимцем, потом, побывав в музее д'Орсе, я встретился с фантастической объёмностью Ренуара. Сейчас меня интересуют современные молодые гении мультипликации. Имён пока не выучил. Но это что-то новое.

4. Музыка. Всё из неё состоит. Из вибраций различных частот и плотностей. Если говорить об искусстве, то это самый чистый, непосредственный и, вероятно, наиболее агрессивный его вид. Думаю, вернее, ощущаю, что сперва рождается музыка, затем уже всё остальное. Скрыться от неё можно разве что в тишине, в энергообращении которой главенствует «всегда жужжащий звон». Фредди, Биттлз, Родион Щедрин, Равель, Бах, Кинг Кримсон, Боб Марли и его сыновья, особенно – Дамиен, рок, рэп, хип-хоп, альтернативный хип-хоп, абстрактный хоп-хоп, фанк, соул, неосоул, панк, неопанк, Леонид Фёдоров, Русская Народная Пси, джаз, блюз, Стинг, Элтон Джон, Билли Джоел, Дорз, Аквариум, Гласс, и т. д.

5. Самым лучшим фильмом с детства и по сей день считаю «Пролетая над гнездом кукушки». Лучше, чем книга, кстати. «Титаник» шедеврален. Единственное кинополотно, которое не портит расширенная режиссерская версия. Люблю хорошее голливудское кино. Европейский артхаус жутко утомляет. Вообще, в последнее время с кино у меня осложнились отношения ещё сильнее, чем с прозой. Но я с этим разберусь, кино тоже бывает полезным.

Шиляева Александра Сергеевна родилась в 1994 г. в посёлке Балезино Удмуртской республики. С 2005 по 2015 жила в Перми. С 2015 г. учится в Москве. Публикации в молодёжной удмуртской газете «Мост», журнале «Вещь» (Пермь), альманахе «Графит», альманахе «Компрос», на портале «Полутона». Автор книги «Дяденька-мужик» (2015). Живёт в Москве и в Перми.

Культурная история поэта

1. Гонгора, Гёте, А. С. Пушкин, немецкие экспрессионисты, Тадеуш Ружевич, русский и украинский фольклор, Е. Головин, И. Кормильцев, группа «Агата Кристи».
2. А. С. Пушкин, А. П. Чехов, Франц Кафка, Милорад Павич, Жорж Батай, Туве Янссон.
3. Ван Гог, Анри Руссо.
4. Р. Вагнер, И. Брамс, Г. Свиридов, С. Рахманинов, григорианские хоралы, 91.6 fm, 102.1 fm, 100.1 fm, русская поп-музыка XXI века.
5. А. Балабанов, Р. Брессон, Ларс фон Триер, Лео Каракс.

Широкова Ярослава Дмитриевна родилась в 1993 г. в Нижнем Тагиле Свердловской области. Несколько месяцев посещала литературную студию Евгения Туренко. Окончила филологический факультет УрГПУ. Работает Монтессори-педагогом в частной начальной школе. Получает образование в Чехии. Печаталась в «Урале», «Новой Реальности», американских альманахах «Слова, слова, слова», «Белый ворон», альманахах «Екатеринбург 20:30», «Красными буквами», «Графит». Автор книги «Картон» (2013).

Культурная история поэта

1. М. Цветаева, О. Мандельштам, Е. Туренко, В. Дрожацих, Р. Комадей, А. Афанасьева, Е. Изварина, П. Жагун, В. Павлова.
2. «Дар» Набоков, «Повесть о Сонечке» Цветаева, «Красный смех» Андреев, «Циники» Мариенгоф.
3. Ф. Купка, Н. де Сталь, В. де Кунинг, Тапес, Сэм Фрэнсис, Раушенберг.
4. Рахманинов, Григ. Фолк, неофолк разных народов и стран. И когда красивые русскоязычные девушки-вокалистки соединяют в своих песнях живую музыку и тексты хороших авторов, производя разные музыкальные жанры.
5. «Шёпоты и крики», «Стыд» Бергмана, «Меланхолия» Ларс фон Триер, вся София Коппола.

Шкарин Дмитрий Леонидович родился в 1970 г. в городе Новокуйбышевск Самарской области. Окончил факультет психологии Красноярского государственного университета и Петербургский институт тренинга. Работал токарем на заводе, библиографом в библиотеке Верхнего Уфалея, преподавателем на кафедре практической психологии педагогического университета. Сейчас работает бизнес-тренером, являясь учредителем Центра развития тренинговых технологий. Автор романа «Чёрная бабочка». Проза и стихи публиковались в журналах «Воздух», «Урал», «Уральская новь», в альманахах «Вавилон», «Рец», «ЛИКБЕЗ» и «Сны Пропсpero», в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ». Участник АСУП-2. Живёт в Екатеринбурге.

Культурная история поэта

1. Из поэтов в раннем возрасте воспринялись Лермонтов, Блок, Есенин, Введенский и Алексей Прасолов. Исикава Такубоку, Дилан Томас.
2. Фенимор Купер «Последний из могикан», Джек Лондон «Морской волк», Роберт Стивенсон «Клуб самоубийц» (и фильм, и книга), Герман Гессе «Степной волк» и «Паломничество в страну Востока», Джером Селлинджер «Над пропастью во ржи». Сэй Сёнагон «Записки у изголовья». Из наших – Фёдор Достоевский «Двойник» и Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита».
3. Боттичелли, Рембрант, Николай Козин (менее известный, но мощный) и Марк Шагал (рисует проще перечисленных, но с душой, в наше время все проще рисуют). Сандро Боттичелли.
4. Выделяю ряд поющих поэтов: Высоцкий, Летов, Башлачев, Ступин и Джим Моррисон (несмотря на чужой язык). Магнитофон изобрели поздно, многих не знаем. «Хорошо темперированный клавир» И. С. Бах, Галина Уствольская, Альфред Шнитке.
5. «Место встречи изменить нельзя». Эдвард А. Бергер «Среди белых облаков», Лех Маевски «Мельница и крест», Бела Тарр «Проклятие».

Прямая речь

«Однажды – малоизвестный эпизод – Николай Коляда раздавал автографы на почте читателям-подписчикам журнала «Урал». Я подошёл и спросил, напечатают ли меня, если чего-нибудь принесу. Он ответил что-то невнятное, для меня же это был призыв к действию. Поэтому срочно написал повесть «Чёрная бабочка» и стал её везде носить. И – стечение обстоятельств – Николай Коляда её же и напечатал. Так я постепенно стал литератором». (Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/dmitrij-shkarin.html>

Шульгина Арина Юрьевна родилась в 1991 году в Перми. Усиленно изучала физику и математику, в 2013 г. окончила строительный факультет ПНИПУ и поступила в магистратуру, после чего поменяла приоритеты и ушла в «Великий поиск». Печаталась в антологии молодой поэзии Урала «Шепчутся и кричат» (2016), в поэтическом альманахе-навигаторе Союза российских писателей «ПаровозЪ» (2017). Живёт в Перми.

Культурная история поэта

1. На примере выступления Юлии Балабановой на награждении «Пробы пера» в 2009 г. я увидела разницу между высосанными из пальца стихами про грозу и настоящими стихами про то, что трогает. Я прочитала что-то у Веры Полозковой году так в 2010, это было красиво и мне захотелось тоже уметь хорошо говорить о личном, однако я её не читаю – мне не близко. Последний автор – Арчет, Андрей Кузнецов – за точность и лёгкость образов.

2. «За миллиард лет до конца света» Аркадий и Борис Стругацкие, «Атлант расправил плечи» Айн Рэнд и, пожалуй, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха, но это было давно и неправда.

4. Я очень неразборчиво слушаю музыку, в каждом жанре есть что-то на мой невзыскательный вкус.

5. «Облачный Атлас». Даже не могу объяснить, что случилось, я просто вышла из кинотеатра несколько лет назад и до сих пор будто не пришла домой. Ещё мне очень понравилась экранизация романа Маркуса Зюсакка «Книжный вор».

Страница в информационном депозитарии УПШ

<http://mv74.ru/upsh/arina-shulgina.html>

Я_Ано́ним – см. стр. 8 этого издания.

О КУЛЬТУРТРЕГЕРСТВЕ

Вместо предисловия

(Из книги «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа»)

«Культуртрегеры противостоят реальности. Их противостояние отнюдь не героично, а рутинно, и в длительной перспективе – неэффективно. Тем не менее, на короткий шаг, пока длится их деятельность, удаётся не дать унынию одержать абсолютный верх внутри художественной среды. А поскольку уныние – один из смертных грехов, то вышеописанное положение вещей приобретает масштаб грандиозный. Культуртрегер – это особая профессия. Культуртрегер – это созидатель пространств; человек, имеющий свою стратегию, свою тактику, как культуротворческую, так и экономическую. Культуртрегер не зарабатывает, а тратит. Вот три правила эффективного культуртрегерства:

- очень хотеть сделать что-то в культуре;
- не пытаться на этом заработать;
- потратить на это часть жизни (не времени, а именно жизни).

Культуртрегерство – это длительный процесс. Вне длительности он теряет хоть какой-то смысл: тут важна не высота полета, а его продолжительность. Человек, создавший журнал, – не культуртрегер, а создатель журнала. Человек, ведущий литературную студию, – не культуртрегер, а ведущий студии. Организатор фестиваля – не культуртрегер, а менеджер данного конкретного проекта. Культуртрегер же тот, кто для достижения поставленных целей создаёт журналы, студии, фестивали, «забивает гвозди, если понадобится, или шьёт сапоги», одновременно решает идеологические и финансовые вопросы, сводя последние (крайне важно!) к минимуму, путём личного профессионализма и благодаря технологии управления участниками процесса. Культуртрегер – это профессионал-«многостаночник». Особенностью этой профессии является её экономический нонсенс: для того, чтобы заниматься культуртрегерством, деньги надо зарабатывать не им (культуртрегерством), а для него, будучи при этом классным специалистом. Если говорить о литературном культуртрегере, то речь идёт о следующей парадигме личной осведомлённости:

- типографская деятельность (вся линейка процесса);
- владение на профессиональном уровне всем программным обеспечением, необходимым для производства оригинал-макета книги, web-сайта, видео- и анимационных роликов;
- редакторское дело (формат журнала, формат художественной книги);
- управленческая компетентность на уровне «руководителя проекта»;
- развитый, эстетически эластичный литературный вкус (ком-

петентность по всему спектру современных литературных смыслов);
 – личная способность воспроизведения художественных текстов;
 – способность в любой момент, если понадобится, в одиночку закончить начатое дело;
 – психологическая устойчивость, выражающаяся главным образом в понимании того, что ни на какую благодарность со стороны (да с любой стороны) рассчитывать не приходится; напротив – культуртрегер становится абсолютным объектом неудовольствия, включая тех персонажей, кому он в буквальном смысле облегчает и «раскрашивает» жизнь. Таким образом, социально-психологическую компенсацию за потраченные усилия культуртрегер может получить только от самого себя, или от процесса.
 Культуртрегерская деятельность может называться таковой в полной мере, если длится не менее 7 лет без заметных пауз. Как следствие, нарабатывается личный авторитет, который необходимо научиться конвертировать в создание команд единомышленников под конкретную задачу. Команды эти не постоянные, т. к. действуют на безвозмездной основе. Финансовая проблема любого проекта решается индивидуально, но всегда часть средств культуртрегер должен быть готов вложить сам».

Ирина Аргутина

Не знаю, можно ли считать работу в редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель» культуртрегерской. Но, думаю, можно, т. к., во-первых, я веду переписку с молодыми авторами, порой рецензирую, порой «подтягиваю», показывая слабые места, возможности преодоления, порой предлагаю доработать отдельные тексты – эдакий мастер-класс он-лайн. Во-вторых, активно приглашаю в альманах уральских поэтов всех возрастов. В-третьих, работаю «на общественных началах», т. е. бесплатно. Начала в 2006 году. Цели? Элементарно: чтобы хорошее – читали и чтобы читали – хорошее.

Вадим Дулепов

«Культуртрегер» – поганое слово, корыстное: мы и они – миссионеры и папуасы, креативный класс учит ватников есть хамон, ватники учат креативный класс жизни... Ответственность за состояние (сохранение и развитие) инфраструктуры и территории общего дела литературы – пожалуй, то слово, которое наиболее точно может характеризовать и цели, и задачи, и ожидаемый результат деятельности, которую я пытаюсь осуществлять в Екатеринбурге и на Среднем Урале. За последние несколько лет удалось сохранить и развить несколько проектов, которые оказывают, будем думать, некоторое влияние на литературную жизнь в Екатеринбурге и на Среднем Урале. Это:

- Всероссийская литературная премия имени П. П. Бажова: здесь я лет десять уже руковожу оргкомитетом.
- Поддержка и развитие литературной жизни в области: устроение взаимоотношений с властью и капиталистами, обеспечение литературной коммуникации внутри и вовне. Например, систематизация и поддержка работы ЛИТО в муниципальных образованиях Свердловской области, просто поддержка литераторов в небольших городках. Пишущие люди

там есть, а среды – почти нет, проводим совместные выступления, как-то обращаем внимание местных властей и земляков: смотрите, какой незаурядный человек живёт рядом с вами! Разумеется, организация регулярных встреч с читателями в библиотеках, учебных учреждениях области.

– Работа с молодыми авторами: скаутство, поддержка юных дарований: стипендии справляем, приглядываем за карьерой, передаём связи и рекомендуем разным полезным людям...

– Фестиваль-симпозиум «Дни современной поэзии в Екатеринбурге»: приглашаем разных писателей, которые реально работают в литературе, организуем её – Пурин с Леонтьевым из Питера, Кудимова, Месяц, Куллэ из Москвы и др. Но, похоже, тема фестиваля умрёт по финансовым причинам...

– Издательские проекты: добыли с Е. Касимовым денег для Кальпиди на издание «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа». ЕО СПР осуществило ещё несколько интересных издательских проектов: книги молодых авторов, издание сборника «Повести о военном детстве» и др.

– Дом писателя: в 2013 г. удалось возратить на условиях безвозмездной аренды этаж в историческом здании Дома работников культуры, за счёт собственных средств отреставрировать и оборудовать зал на 70 мест, фойе. Дом содержится исключительно на собственные средства, не без проблем сложилась команда. Следующая задача: вернуть популярность Дому, который в прежние годы серьёзно влиял не только на литературную, но и в целом на культурную жизнь региона.

Александр Ерофеев

В 1996 г. вместе с Николаем Якшиным затеял издание литературно-художественного журнала «Берег А», стараясь собрать под одной обложкой лучших литераторов Магнитогорска. С 1998 по 2001 г. возглавлял Магнитогорскую региональную организацию Союза российских писателей. С 1999 по 2004 был главным редактором журнала «Берег А». В 2000 году выступил с идеей проведения литературного конкурса имени К. Нефедьева и с 2001 по 2003 г. занимался его организацией. В 2002 г. был организатором и участником Всемирного форума поэзии в Магнитогорске, который проводился под эгидой ЮНЕСКО. С 2014 г. по сегодняшний день веду еженедельную литературную полосу в газете «Магнитогорский металл».

Сергей Ивкин

– Работа редактора при русскоязычном немецком журнале поэзии «Плавучий мост»,

– работа в жюри на фестивалях поэзии и авторской песни,

– работа с авторами по составлению, редактуре и/или оформлению их поэтических книг.

Елена Ионова

Думаю, можно определить 2007 г. как год начала культуртрегерства. Был получен первый грант на реализацию проекта «Игра». В рамках этого проекта было организовано несколько выставок, поставлен спектакль и издан сборник стихов молодых поэтов. Главная цель культуртрегерства

– не задохнуться в культурной среде Нижнего Тагила. Пытаюсь работать именно с местными талантами (в основном это молодёжь), раскрывать их потенциал, создавать проекты, которые помогают объединению творческих людей. Хвастаться особенно нечем. Организовала вместе с мужем арт-пространство «Яйцо». Постоянно курировала выставки изобразительного искусства и фотографии на различных площадках, в данный момент в арт-пространстве «Яйцо». Организатор фестиваля современного искусства «Полёт F» (2009–2014) в Нижнем Тагиле. В 2013–2014 гг. была куратором проекта «СтАРТ» (организация и проведение выставок молодых и начинающих художников на различных площадках города). Поставлено 13 спектаклей и более 30 перформансов.

Юрий Казарин

Организовал два издательства (издано более 200 книг стихотворений). Одно издательство работает до сих пор. Автор более 200 предисловий и послесловий к различным поэтическим изданиям. 30 лет назад организовал творческий семинар, который сегодня превратился в литературный клуб при журнале «Урал». Художественный руководитель специальности «литературное творчество» (поэзия и проза) в ЕГТИ. Организовал несколько проектов при Союзе писателей России, один из них жив до сих пор – «Поэтический Марафон». Зав. отделом поэзии журнала «Урал», а также председатель и член многих жюри и комиссий различных литературных премий и фестивалей.

Виталий Кальпиди

Занимаюсь этим уже более 30 лет. Сделано очень много. Возможно, больше, чем нужно. Но при этом не сделано главного, на которое, скорей всего, не хватит профессионализма: просто не успею обучиться некоторым вещам, а жаль.

Что сразу всплывает в памяти: был организатором пермского городского Клуба поэзии (1987), инициировал и реализовал издания книг неофициальных уральских авторов (серия «Классики пермской поэзии», 1992–1993). Работал над созданием и выпуском журналов «Несовременные записки», «Уральская новь». Издал четыре тома «Антологии современной уральской поэзии» (1996, 2003, 2011, 2018) и «Антологии современной уральской прозы» (1996). В 2013 под своей редакцией выпустил информационный арт-объект «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа». В 2014–2015 совместно с Мариной Волковой реализовал издательско-продвиженческий проект «ГУЛ» (Галерея уральской литературы и Год уральской литературы). Будучи автором сюжет-проекта «Русская поэтическая речь – 2016», воплотил его вместе с М. Волковой и Д. Кузьминым. В 2018 разработал проект «Жестикуляция» и вместе с М. Волковой и О. Соколовой реализовал его пилотный этап в книге французской и русской поэзии «Воздух чист...» Составил, отредактировал и издал около 80 книг современных уральских авторов. Занимался созданием уральского поэтического видеоарта, созданием видео- и аудиоархивов УППШ, способствовал развитию фестивального движения, придумывал новые формы появления и предъявления поэзии...

Евгений Касимов

Вопросы, касающиеся культуртрегерства, очень обширные. Боюсь, что коротко на них не отвечу – это ведь вся жизнь. Были и фестивали, и вечера, и встречи, и лекции, и издательские дела, и педагогические, и работа в СМИ, и организация этих самых СМИ... Тут книгу писать надо.

Руслан Комадей

Попытки заниматься культуртрегерством делал с 2010 г., более внятно – с 2014 г., когда придумал издательство «Полифем». Цель – создать в Екатеринбурге (потом на Урале) альтернативное поэтическое поле, состоящее из поэтов, придающих принципиальное значение вопросам расширения возможностей поэтического письма и связи его с другими гуманитарными практиками (и не только гуманитарными). Главные проекты: издательство «Полифем», выпускающее книги молодых уральских поэтов, наследующих традициям неподцензурной поэзии. Журнал «Здесь» – издание, имитирующее самиздат, посвящённое экспериментальным речевым практикам. Выпущено 7 номеров с 2015 г. Исследовательский проект «Разночтения», призванный вырабатывать алгоритмы переработки одних поэтических текстов (условно – не экспериментальных) для создания других – экспериментальных. Ландшафтный поэтический фестиваль «Вода и вода» – опыт взаимодействия поэтов и их текстов с природной средой. Впервые проведён был в 2016 г. Будет проводиться каждый год в последние выходные лета на территории водоёмов различных городов России.

Константин Комаров

Культуртрегерской деятельностью начал заниматься в 2008–2009 гг. Цели ставил культурно-просветительские. Сделал: организация и проведение в Екатеринбурге творческих вечеров поэтов из Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени и др. городов; выпуск литературного аудиоблога «Изумрудный проспект» (совм. с Ю. Подлубновой); выступил редактором-составителем антологий молодых уральских поэтов «Екатеринбург 20:30» и «Красными буквами». Был куратором литературного клуба «Поэтезис» (2008–2010), руководителем литературной студии «Горный родник» (2006–2016).

Владимир Кочнев

Около пяти лет веду литературную студию «Альбатрос». Цели – создание литературной среды, необходимой в провинции для развития поэзии и появления поэтов, общелитературные просветительские лекции для читателей; развитие, поддержка и продвижение поэтов. Несколько поэтов, внутри неё сформировавшихся. Организатор и ведущий конкурса «Бумажный ангел». Художественный редактор поэтической антологии «Компрос». Веду серию поэтических уроков на ютуб-канале.

Александр Петрушкин

Культуртрегерством начал заниматься в 2000 г. Проекты: интернет-проект «Евразийский журнальный портал “Мегалит”» (с 2008 г. по сей день). Издательские проекты: «АРЕАЛ»; «24 страницы современной

классики»; «Только для своих». Журнальные проекты: «Транзит-Урал» (2003–2009), «Новая реальность» (2009–2016), «Вещество» (с 2016 г.). Фестивальные проекты: «Новый транзит» (2003–2010), «Тыдымские чтения» (с 2007 г.). Веду ЛИТО «Грани» (Кыштым, 2005–2008, с 2015 г. снова руководитель).

Юлия Поддубнова

По своей натуре я больше читатель, чем культуртрегер, хотя какое-то количество поэтических вечеров и организовывала, в каком-то количестве проектов участвовала. Книга об уральской поэзии «Неузнаваемый воздух» сойдет за культуртрегерскую практику?

Ангелина Сабитова

В какой-то степени я могу назвать себя культуртрегером, несмотря на то что никогда не принимала участия в организации литературных мероприятий города. Однако моя работа предполагает тесное общение с подростками, и в литературной студии я рассказываю им о современной поэзии (в т. ч. уральской, но и не только) и о том, почему она не похожа на поэзию, которую они привыкли видеть в учебниках. Мы вместе читаем стихи и учимся их понимать. Изучаем визуальные поэтические практики. Иногда я вожу детей на хорошие литературные вечера или приглашаю хороших поэтов к нам в студию. Мне кажется, я занимаюсь полезным делом, предлагая подросткам взглянуть на литературу под иным углом зрения.

Андрей Санников

Культуртрегерством я начал заниматься в конце 1980-х, когда вёл студию в Свердловском дворце пионеров. Совершенно феноменальное впечатление. Студийцы от 6 до 15 лет занимались у меня одновременно, выполняя совершенно одинаковые задания, подглядывая друг к другу из-за плеча в тетрадки. Тогда и была придумана система тренингов (фонетических и др.), которую я позднее использовал в работе со «взрослыми» поэтами. В 2006, 14 сентября, начался «легендарный семинар». Первоначально я вёл его в редакции журнала «Урал», затем мы переехали в УрФУ, затем в мой офис, затем... и т. д. А затем перешли в формат интернет-семинара. Продолжалось это 8 лет. Через «семинар Санникова» прошла, вероятно, почти сотня человек, системно же всё это время его посещали 20–25 литераторов. Полагаю, что я хотел научить их отличать стихи от нестихов, хорошие стихи от обычных стихов. Некоторое количество моих учеников стали частью серьёзной русской литературы. Это первое. Ни один из моих учеников не скололся, не спился, не сменил пол и не самоубился. Это второе. Не менее важное. По мероприятиям тогдашним – слишком обильный перечень придётся составлять. Для этого нужно погружаться в прошедшее, эмоционально я к этому не готов. Потому что слишком много и слишком искренне тогда было сделано. Нынешние мои проекты – совершенно эгоистические. Они связаны с довольно узким, но жёстким кругом обязательств, которые у меня есть по отношению к себе и к моим литературным «детям».

Из реализованных проектов – очень интересным был выпуск поэтических книжек в серии «Подземный дирижабль». Эту серию мы придумали с Евгением Владимировичем Туренко. Выпустили в ней, разумеется, самих себя, своих друзей и своих учеников. Бешено красивые книжки. Сейчас мой «большой» семинар свою деятельность прекратил. Есть «маленький» семинар для екатеринбургских подростков. И, практически в ежедневном режиме, – частные консультации. Очные и (интернет-переписка) «заочные».

Продвижением своих учеником занимаюсь теперь редко. Мои литературные «дети» обладают совершенно замечательной способностью к самоорганизации и взаимопомощи. Они сами с этим справляются.

Феномен ученичества в поэзии не является никаким «феноменом». Ученичество – нормальное, обычное, неизбежное событие в жизни каждого, в т. ч. в жизни каждого поэта. Ученичество – это требовательный вопрос к самому себе: «Я – как кто?»

Выбирая себе учителя, ученик выбирает, на самом деле, не только близкую, «понятную» для себя поэтическую технику, образную систему, лексику, но и (может быть – в первую очередь) сам способ отношений с жизнью, властью, литературной средой. Принимая, как собственные, «эстетические» убеждения учителя, ученик обязательно усваивает и этические причины, по которым его учитель пишет стихи так, а не иначе.

Поэт, кстати говоря, не может быть начинающим. Ощущение себя поэтом начинается сразу, мгновенно, фатально. Т. е. поэт – сразу поэт. Это психофизиологическая, данная целиком и сразу «особость». Если же персонаж «позиционирует» себя (вслух) в качестве «начинающего поэта», то его цель – не поэзия, а поиск знакомств для вхождения в «литературную среду». Так в прежней Советской Армии были «духи», ищущие защиты, покровительства и поощрения у «демпелей».

Очень важно понять, принять, согласиться с представлением о том, что на самом деле стихи есть там (надеюсь, вы понимаете – где), их не «придумывают» здесь. Их видят там, выслушивают, слышат – там и только лишь записывают – здесь. Ученик может находиться в той же «странной иной стране», что и учитель. Он может слышать и видеть в этом «потустороннем ландшафте» то же самое, что и учитель. В этом случае он опознаёт учителя как соотечественника из этой «странной иной страны» и именно по этой причине бросается к нему навстречу с доверием и радостью. И учитель, опознавший в ученике такого «соотечественника из иномирья», так же (задыхаясь от волнения и счастья) бросается к ученику. Конечно же – учитель и ученик совершенно равны.

Обратное влияние ученика на учителя? Да, конечно же, может быть. Вот сидят два человека, болтают ногами и рассказывают друг другу об иномирье. И кивают друг другу, и удивляются: «Да? ты тоже был на этом речном мысу? Классно, да? И даже в роще был? А я ещё до неё не добрался... Расскажи, как там?» Вот вам и влияние. Это я про настоящих учителя и ученика рассказываю. А не про литераторов. Ученик прежде всего должен настойчиво исследовать устройство стихотворений учителя и тех поэтов, чьи тексты ему передаёт учитель. Таким образом, таким способом ученик начинает осознавать сакральные причины, из-за которых приходят стихи. Этого достаточно.

Наталья Санникова

С 2001 года (когда жила в Каменске-Уральском) занималась организацией поэтических чтений вместе с каменскими и екатеринбургскими коллегами (проект «Антипровинция» и др.), работала в жюри городских поэтических конкурсов, составила две поэтические книжки молодым каменским поэтам; незадолго до отъезда в Челябинск (2012–2014) совместно с поэтом Евгением Черниковым вела молодежную студию «Белый воробей»; в 2005–2008 гг. вместе с поэтом Александром Шалобаевым при каменской «Драме № 3» издавала «Культурно-просветительскую газету», где публиковала интервью с поэтами, филологами, режиссерами, актерами, художниками, музыкантами. Впоследствии в журнале «Урал» опубликовала полтора десятка интервью с поэтами (2012–2013). На всем протяжении существования премии «ЛитератураРентген» (2005–2011) работала в ней номинатором. В 2015–2016 гг. в Челябинске, работая в ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, проводила совместно с Натальей Рубинской литературный конкурс; в 2016–2017 гг. с Константином Рубинским, Александром Маниченко и другими коллегами занималась организацией поэтической программы «InВерсия» на фестивале современного искусства «Дебаркадер». В 2016–2018 гг. с Константином Рубинским придумали и ведём просветительский проект «Подрамник», посвящённый современной поэзии, в галерее современного искусства «ОкНо». Помогаю в организации челябинской версии проекта «Стихи о...», сотрудничаю с художниками и музыкантами в продолжение фестивальных проектов (в частности, с коллегами составили и издали два альбома с фотографиями и стихами), читаю лекции в вузах, участвую в конференциях, посвящённых современной поэзии, и т. д. С 2009 г. пишу о поэтических книжках в журналы «Урал», «Вещь», «Воздух».

Сергей Слепухин

Журналы и книги издаю, с молодежью работаю, но культуртрегером себя не считаю.

Из биографии: «В период с 2005 по 2017 г. Слепухин был членом редакций журналов “Волга”, “Новый берег”, литературных порталов “Сетевая словесность” и “45-я параллель”; членом жюри российских и международных поэтических конкурсов: “Заблудившийся трамвай” (С-Петербург), “Кубок мира по русской поэзии”, “Чемпионат Балтии по русской поэзии” (оба – Рига), БЛК (Москва) и других. Учредитель издательства “Евдокия”. Издавал альманах “Белый ворон”».

Евгений Смышляев

С 2014 г. совместно с Романом Япишиным занимаюсь организацией поэтических вечеров «Каменоломня». С 2017 г. совместно с Александром Маниченко организую поэтические вечера «Стихи о...» – поэты (и не только) читают стихи (неважно чьи) на заданную тему. Этот формат много лет назад придуман и запущен Василием Чепелевым и Лёлей Собениной.

Василий Чепелев

Занимался в том или ином виде литературтрегерской работой с 2001 г.
1. Сотрудничал с журналом «Урал»: в 2001–2002 гг. принимал участие в создании американского и французского спецномеров, с 2001 по

2006 г. публиковал в нём (в том числе под различными псевдонимами) обзорные и критические статьи, интервью и другие материалы, с 2002 по 2010 г. периодически подготавливал поэтические подборки и мини-антологии самых разных авторов.

2. Сотрудничал с альманахом «Вавилон», журналом «Воздух», журналом «TextOnly»: с 2001 года принимал участие в подготовке публикаций уральских авторов в этих изданиях (в частности, первых «столичных» публикаций Тараса Трофимова, Андрея Ильенкова, Дениса Сюкосева, Лёлы Собениной, Алексея Вдовина, Евгения Сидорова, Артёма Шатунова, Дмитрия Шкарина и др.). По настоящее время периодически публикую в «Воздухе» и «TextOnly» критические статьи и отзывы. Какое-то время входил в редколлегию «TextOnly», был редактором страницы Екатеринбургa на сайте «Новая литературная карта России».

3. С 2005 по 2008 был редактором раздела «Текст» журнала создателей и потребителей искусства ZAART (выходил как на бумаге, так и в Интернете). В разделе преобладали критические, аналитические, обзорные материалы, однако, именно там в 2005 году, кажется, впервые была опубликована проза Алексея Сальникова.

4. Принимал участие в подготовке екатеринбургских программ фестивалей «Московская международная Биеннале поэтов» и «СловоNova».

5. Принимал участие в издании нескольких книг уральских авторов, в частности Тараса Трофимова «Продавец почек» и Дениса Сюкосева «Это что» (обе – Москва «Арго-Риск», серия «Поколение», 2007).

6. Создатель и ведущий (вместе с Максимом Прислоновым) несколько опередившего свое время интернет-ток-шоу о культуре «Чётко, внятно» (2010–2011), среди литературных героев которого, например, были Василий Сигарев и Вячеслав Курицын.

7. Создатель (вместе с Лёлой Собениной) и куратор Екатеринбургского фестиваля актуальной поэзии (2002–2011). Первый фестиваль был проведён в 2002 г. под названием «Фестиваль молодой поэзии Екатеринбургa». В первом же фестивале наряду с молодыми авторами (Собениной, Сюкосевым, Шатуновым, Трофимовым и др.) принимали участие Евгений Касимов, Елена Тиновская, Андрей Ильенков и т. д. Среди институций, с которыми сотрудничал проект, – журнал «Урал», екатеринбургский Дом писателя, Уральский государственный университет, ГЦСИ, Гёте Институт и др. Помимо непосредственно фестивальных чтений, проводились различные другие события: слэмы, авторские вечера, концерты и пр., в том числе целый год в 2009–2010 Большой Уральский поэтический слэм, соведущими которого были Тарас Трофимов и Алексей Сальников, а победителем, если не ошибаюсь – Руслан Комадей. С 2005 г. в связи с появлением премии фестиваль стал называться «ЛитератуРРентген» и с того момента его проведение всегда было приурочено к вручению премии. При этом «межфестивальные» события в рамках проекта продолжались до 2011 г. С проектом для проведения этих мероприятий сотрудничали десятки екатеринбургских локаций: от сприпитиз-клубов и пивных пабов до бизнес-центров, библиотек, галерей и университетских аудиторий.

8. В последующие годы (2002–2004) помимо фестиваля и близких к нему мероприятий – куратор серии событий под вывеской «Культур-

ная инициатива “Антипровинция”», в организации которых принимали участие также Наталия Санникова, Елена Сунцова, Арсений Ли, Алла Поспелова и многие другие. Был проведён поэтический конкурс «по нокаут-системе», в котором участвовали десятки екатеринбургских и тагильских поэтов. Проходил конкурс в Доме писателя, победила Екатерина Симонова. Кроме того, проводились выездные чтения в Каменске-Уральском, Нижнем Тагиле, Челябинске, в которых участвовали помимо названных, например, Алексей Верницкий, Денис Сюкосев, Андрей Ильенков, Алексей Вдовин и др.

9. Создатель премии «ЛитератураРРентген» (2005, вместе с Н. Санниковой, Д. Кузьминым, Д. Давыдовым и Е. Сунцовой). Куратор премии в 2005–2011 гг. Данная поэтическая премия в её главной номинации была сориентирована на молодых авторов до 25 лет, до 2011 г. – нестоличных. С 2006 г. премия в главной номинации (благодаря Е. Сунцовой) имела денежное выражение – \$ 3333. Кроме того, «ЛР» вручался в кураторской номинации «Фиксаж». Лауреатами премии в главной номинации стали: Алексей Сальников, Тарас Трофимов, Анастасия Афанасьева, Сергей Луговик, Александр Маниченко, Григорий Гелюта, Ксения Чарьева. В кураторской номинации: Евгений Туренко, Павел Настин, Евгений Прощин, Александр Петрушкин, Дмитрий Кузьмин, Данила Давыдов, Вадим Месяц, Виталий Кальпиди. Главным отличительным качеством премии и своим достижением считаю создание необычной концепции премии и масштабной экспертной коллегии. Тексты молодых авторов ежегодно оценивали многие десятки поэтов, критиков, кураторов из разных городов и стран. В рекордный год, если не ошибаюсь, в экспертную коллегию входили более 80 человек. Всех не перечислить, но среди них в разные годы были, например, из неназванных ранее Д. А. Пригов, А. В. Василевский, И. Кукулин, С. Львовский, Ф. Сваровский, Л. Горалик, Н. Кононов, А. Кабанов, Н. Звягинцев, Ю. Казарин, О. Дозморов и многие другие. Наряду с молодыми финалистами премии многие знаменитые эксперты ежегодно приезжали в Екатеринбург на церемонию вручения премии и фестиваль. Ряд фестивальных вечеров за эти годы я также считаю своими главными достижениями. Например вечер Линор Горалик, Федора Сваровского и Алексея Сальникова в ночном клубе «Куращая собака», вечер авторов «Нового мира» (ведущий – А. В. Василевский) и вечер Станислава Львовского и Демьяна Кудрявцева, прошедшие в клубе «2КУ», вечер нижнетагильской школы и презентацию 3-го тома Антологии УПШ в Доме писателей, выездной фестиваль «Поээроника» (куратор П. Жагун) в ресторане «Супошная Сухарик», а также многие другие.

10. Создатель (опять вместе с Л. Собениной) и куратор первых встреч поэтического проекта «Стихи о...» (кажется, 2010 г.), которые продолжают до сих пор благодаря коллегам в Екатеринбурге и Челябинске.

Литературно-художественное издание

**Антология современной уральской поэзии.
2012–2018 гг.**

18+

Автор проекта «Антология современной уральской поэзии»,
составитель и редактор В. О. Кальпиди

Предыдущие тома АСУП выходили:

1 том — в 1996 году (1980–1996)

2 том — в 2003 году (1997–2003)

3 том — в 2011 году (2004–2011)

Дизайн обложки и суперобложки

П. В. Пискалков

Макет и верстка

В. О. Кальпиди

В. Б. Феркель

Корректоры

М. В. Волкова

Е. С. Меньшенина

Издательство Марины Волковой

Тел. +79080816548, urma@bk.ru, www.mv74.ru/upsh/
454053, г. Челябинск, Троицкий тракт, 9.

Формат 60×90/16.

Усл. п. л. 47,50. Тираж 500 экз. Заказ _____

Отпечатано с оригинал-макета заказчика.

ОАО «Уральский рабочий»,

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

УШ
Стиль